ЭКОНОМИКА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ОБЩИННАЯ МОДЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА

Русская цивилизация принадлежит к числу древнейших духовных цивилизаций мира. Ее базовые ценности сложились задолго до принятия христианства, в первом тысячелетии до нашей эры.

Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединившее в гармоничной связи многие другие народы, развить великую культуру, искусство, литературу, ставшие духовным богатством всего человечества. Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей, обеспечив успешное экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков.

Главными чертами русской цивилизации, отличающими ее прежде всего от западной цивилизации, являлись преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, культ добротолюбия и правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных форм трудового самоуправления, воплотившихся в *общине* и *артели*. К н. XX в. в России сложился уникальный экономический механизм, обес-

печивающий население страны всем необходимым и почти полностью независимый от других стран. Сформировалась система замкнутого самодовлеющего хозяйства, главными чертами которого были самодостаточность и самоудовлетворенность. Хозяйственная деятельность для русских людей была частью богатой духовной жизни.

Для понимания внутренней самодостаточности и уникальности русского хозяйственного механизма следует отказаться от западных стереотипов оценки экономических систем и признать, что наряду с западной моделью развития, ориентированной на учение *Талмуда*, существуют и другие системы экономики, функционирующие по своим внутренним, присущим только им законам. Исследования, проведенные в последние десятилетия в России и за рубежом[1], аргументированно доказывают, что экономический успех любой страны зависит от того, чтобы не было противоречия между национальными традициями страны и ее экономической практикой. Национальные традиции могут либо способствовать экономическому успеху нации, либо, если они не учитываются, вести ее к застою. В первом случае они выступают надежной опорой национальному правительству, предпринимателям и профсоюзам в их мировой конкурентной борьбе. Эффективность национальных традиций как мобилизующей общественной силы носит исторический характер и по-разному проявляется в разные эпохи.

В большинстве западноевропейских стран и в США хозяйственный механизм сформировался на основе экономического учения Талмуда, согласно которому «хорошо и богато» могут жить только «избранные». Главной целью жизни является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми средствами и прежде всего за счет

---

[1] См., напр., Д. ЛОДЖ, Э. ФОГЕЛЬ (ред.). Идеология и конкурентоспособность наций. Лондон, 1985; Макмиллан Ч. Японская промышленная система. М., 1988; ПЛАТОНОВ О. Экономика русской цивилизации. М., 1995.

обмана и эксплуатации всех «неизбранных». Талмудические принципы «избранных» — «бери от жизни все, не дай себе засохнуть», «все и сразу» формируют эгоистическую идеологию индивидуализма и предполагают «атомистическую концепцию общества», в котором конечным источником ценностей и их иерархии выступает некая избранная личность, а интересы любой конкретной общности определяются в эгоистической конкурентной борьбе множества собственников, в которых лидируют «избранные личности», финансисты-ростовщики.

Западную модель экономики можно условно назвать антихристианской индивидуалистической. Своим существованием она опровергала ценности Нового Завета и была основана на жесткой конкуренции, индивидуализме и эгоизме в проявлении жизненных интересов («каждый сам за себя»), отлаженной иерархо-бюрократической организации, необходимой в условиях острой конкурентной борьбы. Эффективный и качественный труд мотивировался в ней преимущественно материальными интересами. Возникла она под влиянием еврейских ростовщиков и предпринимателей в густонаселенных странах в условиях крайнего дефицита экономических ресурсов, но как самобытный тип определилась лишь с эпохи открытия Америки и колониальных захватов, во главе которых стояли преимущественно иудеи. Первоначальное экономическое накопление в рамках этой системы было осуществлено за счет колониального ограбления целых народов, безжалостной работорговли и бесплатного или почти бесплатного использования ресурсов захваченных территорий[1].

На иных началах строились хозяйственные механизмы таких стран, как Япония, Китай, Корея, Тайвань, сохранивших национальные традиции и обычаи многовековой общинной

[1] Подробнее об экономическом учении Талмуда и рожденной им западной модели хозяйствования см. раздел «Экономическое учение Талмуда и капитализм».

жизни и рассматривающие общество не как простую сумму отдельных людей, а как нечто большее, как целое, которое имеет особые потребности, выходящие за пределы экономических потребностей отдельных его членов. Согласно такой общинной (коммунитарной) модели экономики полная отдача трудового потенциала каждого отдельного человека зависит от его места в общности, от степени участия в социальном процессе. Если общность — заводская, территориальная или государственная — хорошо «устроена» и соответствует национальным традициям, ее члены будут обладать сильным чувством тождественности с ней и смогут полностью использовать свои человеческие возможности. Если общность «устроена» плохо, народ будет испытывать отчуждение, рухнут его надежды, а экономика окажется в кризисном состоянии. В отличие от экономики западных стран, где господствовал эгоистический индивидуализм, в общинной модели предпочтение отдавалось коллективизму, обеспечению органичной естественности связи и взаимозависимости между работниками, поддержанию духа общности и ответственности перед коллективом.

К общинному типу экономики принадлежала и Россия, имевшая огромное преимущество перед перечисленными выше азиатскими странами. В России община имела христианские основы, придававшие русскому хозяйству духовно-нравственный характер. Христианство уводило от алчности, стяжательства и эгоизма, порождало способность к самоограничению, направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение хозяйственной самодостаточности. Русский общинный тип экономики развивался на традиционных христианских ценностях сельской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней не только материальными, но и в значительной степени моральными стимулами.

Русская модель экономики существовала как определенный национальный стереотип хозяйственного поведения. Это не была жесткая доктрина, а постоянная развивающаяся устойчивая система представлений, опиравшихся на традиционные народные взгляды.

Изучение деятельности русской модели экономики, существовавшей как господствующий тип с X–XII вв. вплоть до н. XVIII в., а в усеченном виде даже до н. XX в., позволяет выявить основополагающие принципы ее функционирования:

1. Хозяйство как преимущественно духовно-нравственная категория. Ориентированность на определенный духовно-нравственный миропорядок.
2. Автаркия — ориентированность хозяйственных единиц и системы в целом на замкнутость, самодостаточность, самоудовлетворенность. Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не вовне, а внутрь хозяйственной системы.
3. Способность к самоограничению. Направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение самодостаточности.
4. Трудовой характер хозяйственной деятельности. Взгляд на труд как на добродетель. Экономический процесс направлен не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.
5. Собственность — функция *труда*, а не *капитала*. Капиталом является производительная часть собственности, направленная на производство; капитал, отдаваемый в рост, рассматривается как паразитический.
6. Самобытные особенности организации труда и производства — трудовая и производственная демократия.
7. Самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации — преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

Экономика «Домостроя»

До XVIII в. в России не существовало понятия «*экономика*». Самобытный хозяйственный строй, господствовавший на Руси, носил название «*домостроительство*». Домостроительство в понимании русского человека — наука вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Хозяйство в русской науке домостроительства — это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию. Многие основы этой науки выражены в замечательном памятнике экономической мысли и быта русского народа «Домострое».

Главная идея «Домостроя» (XVI в.) — замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (*нестяжательство*), живущее по православным нравственным нормам. Как справедливо отмечалось, духовное начало одухотворяет мир экономики. Экономика «оживает, когда все «благословенно», и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни».

Через всю книгу «Домострой» красной нитью проходит отношение русских людей к труду как добродетели, как к нравственному деянию. Создается настоящий идеал трудовой жизни русского человека — крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время классовое разделение осуществлялось не по признаку культуры, а больше по размеру имущества и числу слуг). Все в доме — и хозяева, и работники — должны трудиться, не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, «всегда бы над рукодельем сидела сама».

Хозяин должен всегда заниматься «праведным трудом» (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть «добрая, трудолюбивая, и молчаливая». Слуги — хорошие, чтобы «знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен». Родители обязаны учить труду своих детей, «рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей».

Книга проповедует трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Очень тактично регулируются трудовые отношения между хозяином и работником.

Труд как добродетель и нравственное деяние: всякое рукоделие или ремесло, по «Домострою», следует исполнять приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю — с тем и начать всякое дело.

В «Домострое» проводится идея практической духовности, неразрывной с экономической стороной жизни, в чем и состоит особенность развития духовности в Древней Руси. Духовность — не рассуждения о душе, а практические дела по претворению в жизнь идеала, имевшего духовно-нравственный характер, и прежде всего идеала праведного труда.

Стремление к автономности, независимости, даже замкнутости хозяйства от внешней среды, стремление обеспечить себя всем необходимым, чтобы не зависеть от других, было характерной чертой большей части хозяйственных единиц России. Именно оно служило импульсом автаркических тенденций русской экономики. Деревня, мир, артель, монастырь стремились все сделать своими руками, создать независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. В этой хозяйственной независимости русский человек чувствовал себя беззаботным, но это была беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки. В этом

смысле показательна заонежская сказка о беззаботном монастыре: «Как-то раз Петр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись: «Беззаботный монастырь». Его заинтересовало, что это такое — «Беззаботный монастырь»? Остановился, зашел, спрашивает игумена:

— Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш «Беззаботный монастырь»?

Игумен отвечает:

— А кто вы будете?

— Я буду император Петр I.

Но игумен и говорит:

— Я вам разъясню, что такое наш «Беззаботный монастырь». Вот пойдемте, я вам все докажу, из-за чего у нас зовется «Беззаботный монастырь».

В первую очередь провел по полям, по лугам, к скоту; что выращивают — показал — в саду, в огороде.

— Но теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда не обращаемся, ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом…»

Линия «Домостроя» и «Беззаботного монастыря» проходит через всю русскую экономическую мысль. В книге *А. Т. Болотова* «Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб и по ней и исполнять» (1798—99) говорится: «Смолоду приучай (детей) к трудам, чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежаки… Крестьянская жизнь потовая: труды-то нас и кормят!», «Трудись до поту — после слюбится», «Ленивый хотя желает, да не получит». Упорный труд по 12 — 14 часов в день. «Работник, — пишет Болотов, — должен летом вставать поутру в 4 часа и идти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов обедать, в пятом часу полдничать, а в

вечеру в 8 часов — ужинать. После можно еще что-нибудь поделать до 9 часов, а потом ложиться спать.

Таким образом можно зимой и летом поступать особливо, когда есть работа».

Строжайшая хозяйственная бережливость во всем: «Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут свыше приходов». Идеальный хозяин экономен во всем и копит деньги на черный день. «Домоводство без денег стоять не может, и для того надобно хозяину деньги в запас копить».

Самообеспечение и самоограничение — важнейший хозяйственный принцип. «Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Не купи чего хочется, покупай, без чего обойтись нельзя». Для Болотова образцом для подражания служит трудолюбивый человек, который «во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупного, сам с детьми не носил ни нитки, кроме напряденова и вытканова ево женою и дочерьми». Ничего покупного — девиз самообеспечивающего крестьянского хозяйства.

И совсем неважно, если для этого придется себя ограничить в потреблении, главное — хозяйственная независимость, «беззаботность». Ведь в самом деле «От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею», «Тонкое сукно не лучше греет сермяги», «Наработавшись, столько же сладко уснешь на соломе, как на перинах».

Кстати говоря, Болотов и сам так жил. Имея значительный достаток, не роскошествовал, а обеспечивал себе и семье только самое необходимое и разумное.

Весьма характерно, что русский человек не желал жертвовать необходимым, чтобы приобрести излишнее. Весьма характерна русская народная пословица «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи» или «Живота (богатства) не копи, а душу не мори».

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым. «Лишние деньги — лишние заботы», «Деньги — забота, мешок — тягота», «Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе, материальном интересе) жить», «Не о хлебе едином жив будешь», «Хлеб за живот — и без денег живет». Действительно, «зачем душу тужить, кому есть чем жить» (есть хлеб), «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою», «Напитай, Господи, малым кусом», — молит крестьянин, «Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век дополна».

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором и самому можно жить сносно, и помогать своим близким. «Тот и богат, кто нужды не знат», «Богаты не будем, а сыты будем».

С идеалом скромного достатка согласуется бережливость и запасливость. «Бережливость, — говорит русский человек — лучше богатства», «Запасливый лучше богатого», «Береж лучше прибытка», «Береж — половина спасения», «Запас мешка не дерет», «Запас беды не чинит».

«Маленькая добычка, да большой береж — век проживешь», «Копейка к копейке — проживет и семейка», «Домашняя копейка рубль бережет», «Лучше свое поберечь, чем чужое прожить», «Держи обиход по промыслу и добытку», «Не приходом люди богатеют, а расходом», «Кто мотает, в том пути не бывает».

«Не о том, кума, речь, а надо взять и беречь», — поучает рассудительный хозяин. «Собирай по ягодке — наберешь кузовок», «Пушинка к пушинке и выйдет перинка». В общем, «Запас мешку не порча», «Подальше положишь, поближе возьмешь».

Труд как добродетель

Вопреки сложившимся на Западе формально-догматическим трактовкам труда как проклятия Божьего отношение к труду в Древней Руси носило живой, самоутверждающий характер. Христианский индивидуализм с его установкой на личное спасение, широко господствующий в западноевропейских странах, на Руси распространения не получил, что было, по-видимому, связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд. С самого начала зарождения Православия труд рассматривается как нравственное деяние, как богоугодное дело, как добродетель, а отнюдь не как проклятие.

В целом, говоря о главном, что составляло сущность русского труда в эпоху его расцвета, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем, трудолюбие было характерным выражением духовности. Труд не противостоял другим элементам духовной культуры, а состоял вместе с ней в неразрывной целостности. Веками были выработаны незыблемый ритм и нормы труда — согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение начала и завершения работ. Отношение к труду, отношения в трудовых коллективах регулировались нередко на религиозном уровне. В этих условиях труд был настоящим творческим действом, подчиняющимся незыблемым правилам бытия. Причем человек в этом действе был не винтиком, а полноправным действующим лицом мироздания. Недаром весь трудовой ритм связывался с именами свя-

тых, религиозными праздниками, традициями и обычаями. Именно поэтому труд носил целостный, духовно-нравственный характер.

«Работай — сыт будешь»; «молись — спасешься; терпи — взмилуются». Русский человек знал твердо — источник благополучия и богатства — труд. «Труд — отец богатства, земля — его мать». Собственность для русского человека — это право труда, а не капитала.

Добросовестный труд — нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и трудовая система жизненных ценностей, система, в которой труд занимает первое место, а собственность находится на втором плане.

Народное сознание всегда считало, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в индивидуальной собственности, а только во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знало частной собственности на землю. Отсюда древний трудовой идеал крестьянства, враждебно относившегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских общинах распределяется по тем, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата замлей, лесами и другими природными ресурсами. Еще в XIV–XV вв. стояли огромные массивы незаселенных земель, не освоенных ресурсов. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля — Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Это основы трудового ми-

ровоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины *Ф. Щербина*, до к. XVI в. обычай свободной заимки земель был главным господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда на место заимки служила в большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей.

Еще в XIX в. русский ученый *А. Ефименко* отмечала, что в Западной Европе имущественные отношения строились на завоеваниях, насильственном захвате одной частью общества прав другой. В России же было иначе — для большей части общества имущественные отношения носили трудовой характер. «Земля не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на земельную собственность». Аналогичные мысли выказывал кн. *А. Васильчиков.* В России, считал он, «с древних времен очень твердо было понимание в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало: в летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречаются выражения, соответствующие этому слову». Сложившийся общинный принцип ставится в России выше принципа *частной собственности.*

Таким образом, в нашем крестьянстве сохранялась гораздо в большей степени, чем на Западе, непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда, сохранялись и юридические отношения особого трудового типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были резуль-

татом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где отдельные лица держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божьим, таким же даром, как вода и воздух.

Русская экономическая мысль рассматривает капитал как излишек сверх определенного уровня потребления человека или общества, включающий в себя стоимость неоплаченного труда др. людей. Он может быть достигнут частично в результате труда и бережливости, но все равно его основу составляет неоплаченный труд. Капитал может быть производительным, когда ориентируется на производство, или паразитическим, ростовщическим, когда ориентируется только на увеличение потребления его владельца сверх разумного достатка. Собирание капитала ради нового производства одобряется народной этикой и всячески порицается, когда это собирание осуществляется ради присвоения неоплаченного труда других людей.

Касаясь традиционных факторов производства — труда, земли и капитала, — важно отметить разность позиций русской и западной экономической мысли.

Коренной русский человек рассматривал стоимость того или иного продукта с трудовой точки зрения как количества труда, вложенного в его производство. Капитал допускался как дополнительный, не первостепенный фактор. Земля же для русского человека не была капиталом, а только средством приложения труда.

Традиционная западная экономическая мысль чаще всего смотрит на стоимость продукта через призму капитала и в земле тоже видит форму капитала. Труд же занимает отнюдь не приоритетное место. Преклонение перед капиталом

(стоимость, несущую в себе значительную часть неоплаченного труда) характерно именно для западной агрессивно-потребительской цивилизации.

Отношение к деньгам и богатству

В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах (в частности, известный афоризм Б. Франклина: «Деньги — чеканенная свобода»), для русского свобода — это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающую его душу и обедняющую жизнь.

«Беда деньгу родит» — настойчиво повторяет трудовой русский человек. «Деньги что каменья — тяжело на душу ложатся», «Деньги прах», «Деньгами души не выкупишь» или еще вариант этой пословицы — «Деньги прах, ну их в тартарарах». Отсюда понятно, что дало право *Ф. М. Достоевскому* писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Нет, деньги для трудового человека не являются фетишем: «Лучше дать нежели взять», «Дай Бог подать, не дай Бог просить».

Западная протестантская этика рассматривает *богатство*, каким бы путем оно ни получено, как благословение Бога, а богатых как божьих избранников. Соответственно бедные — это те, кого Бог не любит, не благословляет. Для русских все наоборот. К богатству и богачам, к накопительству русский человек относится недоброжелательно и с

большим подозрением. Трудовой человек понимал, что «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ свыше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. «Не хвались серебром, хвались добром».

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и, конечно, не без основания). «Богатство перед Богом — большой грех», «Богатому черти деньги куют», «Не отвернешь головы клячом (т. е. ограбишь ближнего), не будешь богачом», «Пусти душу в ад — будешь богат», «Грехов много, да и денег вволю», «В аду не быть — богатства не нажить», «Деньги копил, да нелегкого купил», «Копил, копил, да черта купил!».

Отсюда выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Неправедная нажива — огонь», «Неправедно нажитое боком выпрет, неправильное стяжание — прах», «Не от скудости скупость вышла, от богатства».

Итак, к богачам трудовой человек относится с большим недоверием. «Богатство спеси сродни» — говорит он. «Богатый никого не помнит, только себя помнит», «Мужик богатый гребет деньги лопатой», «У него денег — куры не клюют», «Рак клешнею, а богатый мошною», «Мужик богатый, что бык рогатый», «Богатый совести не купит, а свою погубляет».

Вместе с тем, крестьяне даже чем-то сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. «Богатый и не тужит, да скучает», «Богатому не спится, богатый вора боится». А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном сознании приносит прямой вред. «Богатство родителей — порча детям», «Отец богатый, да сын неудатый».

Порой неприязнь к богачам доходит и до проклятий: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатину проклинаем!» — гласит одна из народных пословиц.

Трудовая мотивация. Оплата труда

Трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. Согласно этому принципу качественный и эффективный труд стимулировался не столько материальным вознаграждением, сколько различными внутренними моральными мотивами, основывающимися на народном представлении о труде как о добродетели, выполнить который плохо или некачественно — грех, строго осуждаемый общественным мнением. В народном сознании выработалась идеология нестяжательства, презрение к погоне за наживой, богатством, что, конечно, не означало склонности российских тружеников работать бесплатно. За хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда. При этом считалось само собой разумеющимся, что работа должна быть выполнена хорошо, согласно традиционным нормам, обычаям и вековым привычкам крестьянина.

Надо хорошо работать и не думать о вознаграждении, оно само собой следует тебе за старательный труд. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого — попытка обмануть, надуть работника — осуждалось как нравственное преступление.

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя. Если крестьянин, ремесленник один или с артелью нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор,

чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо «договор дороже денег».

Договору-уговору или иначе ряде придавалось очень большое значение. «Уговор — родной брат всем делам», «Уговорец — кормилец. Ряда — не досада». «Ряда дело хорошее, а устойка (т. е. соблюдение его) того лучше», «Язык на сговоре (т. е. условия заключения)», «Рядись не торопись, — рассудительно говорит работник, — делай не сердись» или «Рядись не оглядись, верши не спеши, делай не греши».

О нечестном нанимателе говорят так: «Он на грош пятаков хочет. С алтыном под полтину подъезжает».

Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошибочка выйдет по твоей вине, отвечать будешь только сам. «Рядой не вырядишь, так из платы не вымозжишь». После уговора менять ничего нельзя. «Переговор не уговор. Недоряжено — недоплачено». В следующий раз умнее будешь.

«Что побьем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уведешь (увезешь с собой)».

И отсюда в конце договора обязательство — «Он в долгу не останется», т.е. заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Справедливое вознаграждение за труд — дело непременное. И вот тут главную роль играют для крестьянина деньги как мера труда. «Без счета и денег нет», «Деньги счет любят, а хлеб меру», «Деньги счетом крепки». Деньги для крестьянина не золотой телец — объект поклонения, а средство счета.

«Счет не обманет», «Счет всю правду скажет», «Доверять-то доверяй, но и проверяй», «Не все с верою — ино с мерою». Впрочем, «Кому как верят, так и мерят».

«Мера — всякому делу вера, счет да мера — безгрешная вера». В расчетах не должно быть исключений. «Счет друж-

бы не портит», «Дружба дружбой, а денежкам счет», «Чаще счет, крепче дружба».

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский трудовой человек говаривал: «Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)», «Трудовая денежка всегда крепка», «Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит».

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру и простому работнику. Качественный труд должен вознаграждаться значительно выше. «Работнику полтина, мастеру рубль».

Говоря о мотивации к труду, важно отметить довольно высокий уровень оплаты труда русских тружеников по сравнению с их товарищами в западноевропейских странах. Проведенные акад. *С. Струмилиным* исследования свидетельствуют, что традиционно высокий уровень оплаты труда сложился еще в XI–XII вв. И в мирное время вплоть до XIX в. на порядок (порой не в один раз) опережал уровень оплаты западноевропейских работников.

В сер. XIX в. немецкий ученый барон Гаксгаузен, посетивший большое количество предприятий и изучивший системы оплаты труда на них, сделал вывод, что «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, — писал он, — в общем выше, чем в Германии.

Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее». Перед Первой мировой войной уровень оплаты труда в промышленности России был выше уровня Англии, Германии и Франции, составляя примерно 85% уровня США.

Роль ярмарок

Роль западной биржи в русской экономике вплоть до Петра I играли ярмарки, которых в России к. XIX в. насчитывалось 18,5 тыс. в 7 тыс. населенных пунктах. Каждая ярмарка играла роль экономического регулятора и распределителя местного сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью — на Николу, на Спас, на Успение, на Покров, а также в больших селах при монастырях. Зимой — сибирская ярмарка в Ирбите, осенью — Крестовско-Ивановская в Пермской губ., весной — Алексеевская в Вятской, летом — Караванная в Казанской и много, много других.

Однако главной ярмаркой России, своего рода связующим центром русской экономики, являлась Нижегородская ярмарка. Она была основным регулятором экономической жизни, отражая общий тонус хозяйственного развития страны. Именно здесь в большей степени формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись направления развития по крайней мере на год вперед.

Современники подчеркивают совершенно исключительную роль этой ярмарки, которая по своему значению и размаху сравнивалась только со всемирными выставками, нередко опережая их по масштабу торговых оборотов «своим значением как в торговле, так и вообще в народном хозяйстве, — и не только в русском, но и всемирном хозяйстве. Нижегородская ярмарка, без сомнения, далеко превосходит все ныне существующие во всем свете подобные ярмарочные или вре-

менные торжища. Такова она и в качественном отношении, своей экономической силой в движении народного хозяйства (своим влиянием на развитие разных его отраслей и на все его обороты), а также в количественном отношении, — размерами своих торговых оборотов и ценностью всех здесь покупаемых и продаваемых, сюда привозимых и отсюда развозимых товаров, количеством своих посетителей, и, наконец, величиной своего географического района действия».

Община и артель

Саморазвитие и самоорганизация русской экономики на селе осуществлялись в рамках самоуправления общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина. Община была одновременно и органом сельского самоуправления, и общественной организацией, и объединением производственных единиц.

Хозяйственное самоуправление русских крестьян возникло в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегали пространства в 100 — 200 верст. Территория с центром в сравнительно большом населенном пункте называлась волостью, а население волости — миром. Волость на своих собраниях — сходах выбирала старост и некоторых др. руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель.

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян «по животам и промыслам», «по силе» каждого хозяйс-

тва, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, «хозяйственных жильцов-волощан за пустые заброшенные участки».

«Кто за сколько душ тянет, столько землицы берет», — говорили крестьяне. «По тяге и поле», «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться», «На мир баран прибыл (т. е. налог, тягота)», «Постылое тягло на мир полегло (при раскладке тягла, которое никто на себя не принимает)», «Вали на мир — мир все снесет».

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов, — земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей населения: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла их содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке «волостной политики».

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в н. XX в. можно было встретить социальные структуры, существовавшие 500 и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество со своим демократическим собранием — сходом — и своим выборным управлением — старостой, десятским, сотским.

«В деревне, — писал Н. П. Павлов-Сильванский в к. XIX в., — действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам…»

«Миром всякое дело решишь». На сходах обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, согласие на отлучку и удаление из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожаев.

На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельских работ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукцион); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

Неустойчивость и капризность погоды в условиях общины компенсировались разбивкой сельскохозяйственных земель в разных местах. Имея земельные участки то в низинах, то на взгорках, крестьянин обеспечивал себе средний устойчивый урожай, т.к. в засушливый год хороший урожай обеспечивался на низинах, а в дождливый — на обдуваемых взгорках. Община представляла также хорошую возможность для проведения масштабных агрономических мероприятий, которые были не под силу большинству индивидуальных хозяйств. С к. XIX в. община способствовала переходу крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной

системы к многопольным севооборотам, а также от вредной «узкополосицы» к «широкой полосе».

Экономический принцип общины, отмечал А. И. Герцен, — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины.

Община давала русскому человеку незыблемую гарантию владения землей. Причем, как справедливо отмечал кн. А. Васильчиков, русский мир имел в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли, тогда как обработка сообща и деление продуктов, хлеба или сена в натуре при уборке никогда не были в обычае русского крестьянина. Общественные земли, огульные работы, особенно когда они проводились по указанию помещиков или высшего начальства, вызывали у крестьян отвращение и исполнялись только по принуждению.

В отличие от экономистов-западников, видевших в общине выражение отсталости и регресса, коренная русская экономическая мысль рассматривала ее как главное условие существования русского хозяйства и гарант его процветания и стабильности в будущем. «Ближайшим русским идеалом, — писал *Д. И. Менделеев*, — отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа… должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общинном руднике».

Сами крестьяне крепко держались за общину и не стремились выйти из нее. Ведь еще по положению 1861 г. они имели право выйти из общины, если согласие давали две трети ее

членов. Вплоть до *Столыпинской реформы* эти случаи были единичны. Но и Столыпинская реформа, хотя и проводилась твердой государственной рукой, не удалась. В центральных русских губерниях вышедших из общины было только 2 — 4%, а в северных русских губерниях выходцев из общины почти не наблюдалось.

Исключительно русской формой хозяйственной самоорганизации и самоуправления была артель.

Русская артель представляла собой добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Подчеркивая самостоятельность и равноправие членов артели, старинная пословица гласила: «Артели думой не владати. Сто голов — сто умов».

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, т.к. каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, т.е.

каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели, как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони исключительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», т.е. на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, кровное родство с ней. Недаром Герцен считал артели передвижными общинами.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были часты случаи, когда целые деревни — общины образовали артель по обслуживанию почты и перевозов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артелью, писал историк Прыжов, называется братство, которое строилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель — своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие — главное в артели: «Артельная кашица гуще живет».

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности и не просто приложить труд. Демократический характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В кладочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные

дружины могли входить и «лучшие», и «молодшие» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

На Руси существовало большое количество различных форм объединений ремесленников, но все они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, напр., в Новгороде, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда.

Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые строили свои церкви и имели право суда.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждая черная сотня составляла объединения ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими.

Артельные формы организации труда пронизывают русскую промышленность до 2-й пол. XIX в.

Еще в к. XIX в. на многих российских заводах и фабриках были широко распространены артельные формы труда, когда артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед руководством только за количество и качество работы, а все вопросы по выполнению подряда и распределению заработка решали сами внутри артели. Были случаи, когда рабочие артельно брали в свои руки все предприятие.

В России впервые в мире зафиксированы факты рабочего самоуправления на предприятиях. Одно из известных, но не самых древних, свидетельств относится к 1803, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабри-

ка в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Для руководства работами они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка.

Русская артель давала образцы высокоэффективной работы. С 1838 по 1917 строительные артели без каких-либо механических средств проложили более 90 тыс. км железных дорог. 8 тыс. чел. построили *Великую Сибирскую магистраль* протяженностью 7, 5 тыс. км всего за 10 лет. В XVIII — н. XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что стимулировало бурное развитие русской железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию и удерживала первенство весь XVIII век.

Народный путь развития промышленности в трудах национально мыслящих русских экономистов — это путь артелей, где «рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства сделается не безграничное его расширение, а сокращение числа работающих». По мнению Д. И. Менделеева, побывавшего в к. XIX в. на уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

Идеология русского хозяйства

Русские мыслители от Феодосия Печерского до *славянофилов* видели в хозяйственной деятельности и труде одну из главных форм духовной жизни. Позитивистскому и рационалистскому представлению хозяйственной деятельности как суммы трудовых функций, выполняемых ради денег, русские мыслители противопоставляли идею преимущественно духовного характера труда, имеющего значение

универсальной всечеловеческой ценности, эффективность которого зависит от степени неразрывности веры и жизни, целостности соединения личности и окружающего его мира. Наиболее последовательными выразителями экономических идей русской цивилизации были славянофилы. Именно они указали на духовный характер русского хозяйства, показали его коренное отличие от западного. В мире идет борьба между началами трудовыми, производительными, воплощенными в России, и силами Запада, ориентированными на захват и паразитическое существование за счет ресурсов других народов. Славянофилы первые раскрыли механизм экономического ограбления России Западом. Они доказывали, что главные европейские страны заинтересованы в отсталости России, поставляющей им хлеб и сырье. Славянофилы выступали за развитие отечественных *промышленности* и *транспорта*. Настаивали на необходимости предоставить свободу частному капиталу и защитить русскую промышленность от иностранной конкуренции.

Выступая за технический прогресс в промышленности и на транспорте, славянофилы доказывали необходимость сохранения главных устоев русской экономики — общины и артели. Все славянофилы были решительными сторонниками отмены *крепостного права*. Самый известный славянофил *А. С. Хомяков* предлагал самый эффективный проект отмены крепостного права: государство должно выкупить всю землю у помещиков и раздать ее крестьянским общинам, а крестьяне в рассрочку вернут ее стоимость *казне*. Труд свободных крестьян сумеет эффективно реализовываться только на основе традиционных ценностей общины и артели, в условиях которых русские труженики жили с глубокой древности.

Славянофилы выступали против всех форм паразитизма в экономике и прежде всего «жидовства» и ростовщичества. Славянофилы в числе первых отметили эксплуататорский характер еврейских кагалов, посредством хазаки и ме-

ропии занимавшихся ограблением и экономическим обманом христиан.

«Неправое стяжание, — отмечал *И. С. Аксаков*, — вот что вызывает гнев русского народа на евреев, а не племенная и религиозная вражда»[1]. Русский крестьянин в западнорусских землях видит в еврее жестокого эксплуататора. «Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик — везде, всюду крестьянин встретит еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может сделать без посредства жидов, — жидов, знающих свою власть и силу, поддерживаемых кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине) и потому дерзких и нахальных»[2].

Наиболее полно и последовательно экономические взгляды славянофилов развиты в учении *С. Ф. Шарапова*, занимавшегося экономикой не только теоретически, но и как серьезный практический хозяин. В своем имении Сосновка (Смоленской губ.) он основал для облегчения труда крестьян мастерскую по изготовлению дешевых плугов. В 1895 с ним заключило соглашение Министерство земледелия: за небольшую субсидию от казны Шарапов взялся за распространение плуга среди крестьян и за организацию кустарного производства дешевых плугов в др. губерниях. С этой целью он совершал поездки по России, во время которых читал лекции и демонстрировал плуги, основал акционерное общество «Пахарь». Шарапов был одним из активных противников финансовой реформы Витте, доказывал неудачность конверсий, основанных на еврейских биржевых теориях.

Шарапов без преувеличения является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным. Он — автор монографии, в которой концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли. Хотя

---

[1] Аксаков И. А. Сочинения. М., 1886. Т. 3. с. 781.

[2] Там же. с. 738 — 739.

сам автор скромно назвал ее «Бумажный рубль (его теория и практика)», по существу, это обобщающий труд, который правильнее назвать «Экономика в русском самодержавном государстве».

Шарапов постоянно подчеркивает самобытность русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер. Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Отмечая нравственный характер русской общины, Шарапов связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе Православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарапова, должен стать церковный приход, который может быть не только вероисповедной, но и административной, судебной, полицейской, финансовой, учебной и почтовой единицей, обладающей общественным имуществом, своими учреждениями и предприятиями.

Идеалом Шарапова была независимая от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарапова, должна оставаться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением.

Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности хищной, спекулятивной наживы, создает условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не сможет существовать.

Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарапов предлагает введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Шарапов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Экономические взгляды славянофилов оплодотворили хозяйственные учения многих русских мыслителей. Именно со славянофилов хозяйство начинает исследоваться в христианских категориях как выражение духовной жизни человека и общества.

Рассмотрение хозяйства как христианского понятия, имеющего духовную основу, нашло свое отражение в работах таких русских мыслителей и экономистов, как *С. Булгаков*, Н. Бердяев, В. Соловьев, П. Флоренский, *Д. Менделеев.* В хозяйстве, вслед за славянофилами повторяли они, выражается целостность бытия человека. Человек — субъект бытия — соединяется с природой, объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности человека. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности. Русские мыслители отождествляют хозяйство с трудовой деятельностью. Понятие «капитал» как бы устраняется. В этом проявляется народная традиция рассмотрения хозяйства преимущественно с духовно-нравственных и трудовых позиций.

В. Соловьев определяет труд как взаимодействие людей в области материальной, которая, в согласии с нравственными требованиями, должна обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достаточному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должна преобразовать и одухотворить материальную природу. Т. е. труд понимается им не просто как процесс взаимодействия человека с природой, а как явление, обусловленное определенными нравственными требованиями. Подобный подход к пониманию труда характерен и для других, уже названных нами, ученых. Нравственный взгляд на труд предполагал и особое отношение к вопросам материального стимулирования. Здесь в работах русских ученых преобладало отрицание решающей роли материального стимулирования в побуждении к труду.

«Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение у труду, — писал В. Соловьев, — значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным. Если я тружусь только для благосостояния своего и своих, то раз имею возможность достигнуть этого благосостояния помимо труда, я тем самым теряю единственное (с этой точки зрения) побуждение к труду».

Вся культура человечества есть результат трудовой деятельности и наоборот, труд человека, даже самый честный, несет в себе результаты всей предыдущей деятельности человечества. В этом смысле он содержит в себе весь предыдущий опыт и выражает собой трудовой потенциал, накопленный многими поколениями людей. Накопленное наследие вбирает в себя только те элементы, которые способствовали развитию человека. Многовековой отбор характеристик отсеял все ненужное и лишнее, оставив только те, которые обеспечивали возможность развития. «Человек, как родовое существо, — отмечал С. Булгаков, — несет в себе богатое наследие хозяйственного труда предшествующего человечест-

ва и работает, ощущая на своем труде влияние современного человечества, и если трансцендентальный субъект хозяйства есть все совокупное человечество, то и эмпирический человек знает хозяйство только общественное, какие бы формы оно ни принимало».

Труд — сама жизнь — обязательное условие существования человека, само бытие человека, его реализация. «Труд — субъективно — объективный процесс… явление сознательное, осознанное и сознательно организованное. Неосознанного труда просто не может быть. Подсознание, конечно, участвует в труде, но лишь соседствуя с сознанием, с его помощью, а в чем-то и через него. Участие подсознания не отрицает, а предполагает, не снимает, а подтверждает ведущую роль сознания в человеческом труде. Труд — это сознание, а сознание — труд». А сознание — это сложная гамма мыслей, эмоций и переживаний — от чисто биологических до высших нюансов духовно-нравственных представлений. Чем выше развита личность, чем сложнее и многообразнее ее сознание, тем более значителен ее трудовой потенциал и возможность трудовой реализации. «Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо и поэтому в его жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным…» Эта неразрывная целостность материального и духовного предопределяет всю трудовую деятельность человека, превращая ее в творческий акт.

Трудовая деятельность постоянного моделирования или проектирования действительности, а вместе и объектирования своих идей есть реальный мост из человеческого «я» в «не-я» неодушевленного мира, из субъекта в объект, их живое и непосредственное единство. Отношения между «я» и «не-я» есть отношения двух миров или двух энергий, находящихся в постоянном взаимодействии. Трудовая деятельность является живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим «я» в мир реальности и нераз-

рывно соединяющим его с этим миром. Благодаря труду не может быть не только субъект, как это понимает субъективный идеализм, не только объект, как это понимает материализм, но есть их живое единство, субъект-объект. Эта полярность бытия, его раздвоение погашается только в Абсолютном — в Боге, которое есть одновременно и субъект, и объект для самого себя.

И в этом выводе мы подходим к самому главному, что определяет сущность труда и является основой понятия качества трудовой жизни. Оно состоит в том, что труд соединяет человека с окружающим миром, создает ему целостность бытия, от степени которой зависит как полноценность существования самого человека, так и возможность реализации его внутреннего — родового и индивидуального — потенциала. Человек — субъект бытия — соединяется с миром, природой — объектом бытия. Экономическая эффективность этого соединения тем выше, чем органичнее целостность процесса.

Традиция русской мысли, выраженная, в частности, в трудах С. Булгакова, рассматривает труд как борьбу человека за жизнь с силами природы в целях защиты и расширения жизни, очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. В труде выражается стремление человека превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целостностью и целесообразностью. Цель труда формируется русскими мыслителями как вселенский процесс превращения всего космического механизма в средство, доступное для возможностей человека, как преодоление необходимости свободой, механизма — организмом, причинности — целесообразностью как очеловечение природы. Жизнь человека — безостановочный хозяйственный процесс, протекающий в трудовой деятельности, эффективность которой зависит от органичной целостности бытия. Главный метафизический вывод этой мысли, что труд в своем прогрессе есть

победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти князя тьмы, победа Бога над сатаной.

Органичная целостность бытия понимается как гармоничное соответствие его составляющих, т.е. субъекта и объекта, человека и мира.

Цель трудовой деятельности — в восстановлении единства природы и человека. «Человек, будучи частью природы, до некоторой степени и продуктом, носит в сознании своем образ идеального всеединства, в нем потенциально заложено самосознание всей природы. В этом самосознании в нем непосредственно проявляется мировая душа, идеальный центр мира, и в этом смысле… природа человекообразна. Каждая человеческая личность потенциально носит в себе всю вселенную, будучи причастна natura naturans[1] творящей души природного мира, и natura naturata[2] теперешней природе. Этим принципиально и обосновывается хозяйство как единый процесс, в котором разрешается общая задача и творится общее дело всего человечества». Т. о., формулируется идея универсальности хозяйства и труда.

Русская экономическая мысль всегда отвергала идею примата экономических, материальных отношений над личностью человека. Особенно ярко эту идею выражает В. Соловьев. Формулируя два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными, русский мыслитель, по сути дела, формулирует главные принципы концепции качества трудовой жизни (появившейся через 70 лет после его смерти), делая это, пожалуй, только еще глубже. «Первое, общее условие, — пишет он, — состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себедовлеющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не за счет

---

[1] Природа творящая.

[2] Природа сотворенная.

человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить Маммона на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной; второе есть требование человеколюбия жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей.

К этим двум присоединяется необходимое третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанности человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: возделывать землю. Возделывать землю — не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит, улучшать ее, водить ее в большую силу и полноту бытия. Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь старательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая, цель нашей деятельности, но она входит как особый, самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправною: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствования ее самой — оживления в ней мертвого, одухотворения вещественного».

Проблема создания духа человечности, духа общности является не отвлеченной теоретической проблемой, а одной из исходных позиций создания высшей производительности труда, ибо последнее есть достижение высшей целостности субъекта и объекта. Дух целостности и человечности является неосязаемым капиталом социальной и экономической системы любого общества. В той непрекращающейся борьбе, которая идет в любой ячейке общества и в сознании каждого отдельного человека, между началам общности и человечности, с одной стороны, и началами разобщенности, конкуренции и индивидуализма с другой, преимущество отнюдь не на стороне последних. Суть в том, что любое живое сознательное существо в конечном счете имеет главный ресурс развития — человечность. Здесь уместно привести глубокую мысль С. Булгакова: «Человечность как потенциал, как глубина возможностей, интенсивная, а не экстенсивная, соединяет людей в неизмеримо большей степени, нежели их разделяет индивидуация. К этому единству или основе, представляющей некоторый универс, приобщается всякий человек, без различия, долго ли он живет, много ли или мало удается испытать ему в его эмпирической жизни, какой уголок мирового калейдоскопа ему приоткроется».

Преимущественное развитие начал человечности и общности вовсе не означает отрицание развития индивидуальности. По мнению уже упомянутого мной С. Булгакова, каждая индивидуальность с тем неповторимым своеобразным «я» или своей особой идеей по-своему преломляет и воспринимает тот же мир и ту же человеческую природу, как свою основу. Она не ограничивается, не восполняется другими индивидуальностями. «В гармонии индивидуальностей, в их свободной любви и деятельном единстве заключается особый источник блаженства для индивидуальности. Утопать в сверхиндивидуальном, находить себя в других индивидуальностях, любить и быть взаимно любимым, отражать себя друг

в друге, превратить индивидуальности в центры любви, а не обособления, видеть во всяком вновь рождающемся человеке возможность новой любви — это значит осуществлять идеал, который предвечно дан человечеству…»

Однако развитие индивидуальности имеет и свою отрицательную сторону в виде центробежных сил индивидуализма и эгоизма, препятствующих достижению целостности жизни и хозяйства, личности и производства. Индивидуализм и эгоизм «набрасывают свой тяжелый флер на всю жизнь, превращая ее в юдоль печали и воздыханий, налагая печать глубокой меланхолии, тоски, неудовлетворенных стремлений», вся совокупность которых создает отчуждение личности от духовной, экономической и социальной жизни, и таким образом происходит отчуждение от труда и хозяйства.

Русской хозяйственной идеологии противостояло экономическое учение Талмуда и рожденный им капитализм.

Экономическое учение Талмуда и капитализм

Капитализм возник как антихристианская идеология, основанная на экономическом учении Талмуда и ставшая, по определению философа А. Ф. Лосева, одной из сторон (наряду с социализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации. Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми возможными средствами, и прежде всего за счет обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества.

С самого начала возникновения капитализма в конце средних веков ядром и главными носителями его идеологии были иудеи-талмудисты, ориентировавшиеся на создание общества, в котором, по учению Талмуда, будет господство-

вать еврейский народ, а все остальные народы мира станут служить ему и положат к его ногам все богатства земли. Богатство — выражение избранничества. Богатый человек благословлен богом, а все, у кого нет денег, должны служить «избранникам».

Разложение западного христианства в конце средних веков стало исходной точкой создания капиталистической идеологии и экономических средств порабощения человечества.

Талмуд учит иудея считать имущество всех неевреев «гефкер», что означает свободную, никому не принадлежащую вещь. «Имущество всех неевреев имеет такое же значение, как если бы оно найдено было в пустыне: оно принадлежит первому, кто захватит его» (Бабабатра. л. 54, с. 2). В Талмуде есть постановление, по которому открытый грабеж и воровство запрещаются, но разрешается приобретать что угодно обманом или хитростью. Имущество неевреев все равно, что пустыня свободная (там же, с. 55). «Если еврей эксплуатирует нееврея, то в некоторых местах запрещается входить в сношения с этим лицом во избежание подрыва первому; но в других местах это запрещение не имеет силы: всякий еврей может давать ему деньги взаймы и обирать его, ибо имущество нееврея «гефкер» (свободное), и кто им раньше овладеет, тому оно и принадлежит (Хошен-га-Мишпат, 56; Бабабатра, гл. 8).

Отсюда следует, что все ресурсы и богатства неевреев должны принадлежать представителям «избранного народа». «По Талмуду, — писал русский историк С. С. Громека, — бог предал все народы в распоряжение иудеев» (Вава-Катта, 38); «весь Израиль — дети царей; оскорбляющие иудеи оскорбляют самого бога» (Сихаб, 67, 1) и «подлежат смертной казни, как за оскорбление величества» (Санхедрин, 58, 2); благочестивые люди других народов, удостоенные участия в царствовании мессии, займут роль рабов у евреев (Санхед-

рин, 91, 21, 1051). С этой точки зрения весьма последовательно и со зверской жестокостью, проведенной в Талмуде, вся собственность в мире принадлежит иудеям, и владеющие ею христиане являются только временными, «незаконными» владельцами, узурпаторами, у которых эта собственность будет конфискована иудеями рано или поздно. Когда иудеи возвысятся над всеми остальными народами, бог отдаст иудеям все народы на окончательное истребление».

Историк иудаизма И. Лютостанский приводит примеры из старинных изданий Талмуда, который учит иудеев, что присваивать имущество гоев угодно богу. В частности, он излагает учение Самуэля о том, что обмануть гоя не грех, и поэтому учитель сам рассказывает, как он однажды в куске железа, которое продавал гой, купил кусок золота и, условившись с гоем дать ему за это мнимое железо 4 зузи (около 60 коп.), дал ему всего 1 зузи; Самуэль признавал совершенно неуместным стесняться перед человеком, который не умеет сосчитать деньги и отличить золото от железа (Баба камма, л. 113, 2). Раввин Каган купил у одного гоя 120 бочек вина вместо 100; третий раввин продал гою пальмовое дерево и дал такое распоряжение своему слуге: «Иди и укради несколько полен, так как гой не знает в точности, сколько полен принадлежит ему» (там же, л. 113, 1).

Раввин Моисей сказал: «Если гой, производя счет, сделает ошибку, то еврей, приметив это, должен говорить, что он об этом ничего не знает». Раввин Бренц говорит: «Если евреи, набегавшись в течение недели в разные места обманывать христиан, то в шабас они вместе сходятся и, хвалясь друг перед другом своими обманами, говорят: «Нужно гоям вынимать сердца из грудей и убивать даже лучших между ними, — конечно, если это удастся достигнуть» (Санхедрин, л. 76, 2). Раввин Моисей учит: «Евреи грешат, когда возвращают потерянные вещи отступникам и язычникам, равно и всем, которые шабаса не почитают» (там же, л. 132, 8). Рав-

вин Раши говорит: «Кто гою возвращает потерянные вещи, тот гоя считает равным еврею» (Санхедрин, гл. 1). Маймонид учит: «Грешит тот, кто возвращает потерянные вещи нееврею, потому что в таком случае он увеличивает силу безбожных». Раввин Черухет прибавляет: «Если гой держит у себя залог еврея, — залог, за который еврей одолжит ему деньги, и гой потеряет этот залог, и еврей его найдет, то еврей не должен возвращать гою найденный залог, потому что обязанность возвратить потерянную вещь прекратилась с того момента, как еврей нашел этот залог. Если нашедший подумал, что надо найденную вещь возвратить гою для славы имени Божия, то ему нужно сказать: «Если хочешь прославлять имя Божие, имей дело с тем, что тебе принадлежит». Талмуд учит, что если евреи и Божественное величие — одно и то же, то само собой разумеется, что евреям принадлежит весь мир. На этом основании Талмуд ясно говорит: «Если вол, принадлежащий еврею, забодает вола, принадлежащего гою, то еврей освобождается от вины или вознаграждения за убыток», потому что Священное Писание говорит: «Явился Господь Бог, и измерил землю, и отдал гоев во власть израильтян. Так как дети Ноя не исполнили 7 заповедей, то Господь Бог отдал все их имущество израильтянам». Детьми Ноя, по учению Талмуда и раввинов, называются все народы мира в противоположность детям Авраама. Раввин Альбо учит совместно с другими раввинами, что Бог дал евреям власть над имуществом и кровью всех народов.

Совет раввинов на основе законов Талмуда дает (точнее, продает) иудеям право меропии и хазаки. Право это, известное по кагальным документам XVIII–XIX вв., вытекало из самых древних воззрений иудаизма, рассматривавшего всех нееврев в качестве объекта экономической эксплуатации евреями.

Меропия, или мааруфия, есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает личность

того нееврея, с которым он входит в сношения, сделки и т.п. Этим правом личность данного иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил меропию на него, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни ссужать этого христианина деньгами, ни исполнять его поручения, ни вообще входить с ним в какие-либо сношения.

Хазака есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает недвижимое имущество христианина. По этому праву имущество иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил на него хазаку, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни арендовать это имущество, ни давать ссуды под него, ни вообще входить с хозяином его в какие-либо сделки относительно этого имущества. Это право беспрерывного и исключительного воздействия на имущество иноверца кончается для данного еврея или отнятием его за проступки, или истечением срока хазаки. Смерть действительного хозяина имущества не прерывает хазаки.

В Талмуде существует открытое предубеждение к занятию земледелием. «Нет более плохого занятия, — говорится в этой иудейской книге, — как земледелие. Если кто имеет 100 сребреников в торговле, то он может ежедневно есть мясо и пить вино; если же кто употребляет 100 сребреников на земледелие, то он может есть лишь хлеб с солью». Предпочтительнее заниматься торговлей и ростовщичеством.

Чтобы достигнуть конечной цели, поставленной в Талмуде для иудеев, — стать хозяевами имущества гоев, — одним из лучших средств, по мнению раввинов, является ростовщичество. Согласно Талмуду, «Бог приказал давать деньги гоям взаймы, но давать их не иначе, как за проценты; следовательно, вместо оказания этим помощи, мы должны делать им вред, даже если они могут быть нам полезны». Трактат «Баба Меция» настаивает на необходимости давать деньги

в рост и советует иудеям приучать своих детей давать деньги взаймы на проценты, «чтобы они могли с детства вкусить сладость ростовщичества и заблаговременно приучались бы им пользоваться».

Известный еврейский экономист К. Маркс, вышедший из семьи раввинов, прекрасно понимавший религию иудеев, писал: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия, и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей». В еврейской религии содержится в абстрактном виде презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как самоцели — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи.

«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

«Какова мирская основа еврейства? — спрашивал Маркс. — Практическая потребность, своекорыстие.

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги». Суть иудаизма, по Марксу, проявляется в эгоизме еврея, т.е. в человеческой алчности. Противостоя христианству, еврей, естественно, относится к христианскому государству «как к чему-то чуждому, противопоставляя действительной национальности свою химерическую национальность, действительному закону свой иллюзорный закон, считая себя вправе обособляться от человечества, принци-

пиально не принимая никакого участия в историческом движении, уповая на будущее, не имеющее ничего общего с будущим всего человечества, считая себя членом еврейского народа, а еврейский народ — избранным народом». Этот народ смотрит на свою религию как на «хозяйственное дело», поскольку «хозяйственное дело» есть для него религия.

Не связанные моральными ограничениями, не стесняясь обманывать, обсчитывать, обвешивать, использовать самые нечестные приемы и безжалостно эксплуатировать др. людей, иудеи ставили себя в особое экономическое положение в отношении христиан. Для настоящего христианина погоня за наживой, накопительство, ростовщичество, мошенничество и различные виды экономических махинаций противоречили религии. Поэтому при прочих равных условиях христиане проигрывали иудеям в области экономики.

Поэтому уже в средние века евреи, используя предубеждение христиан к наживе, накопительству, ростовщичеству, захватили многие важнейшие позиции в торговле и промышленности Европы. Занимаясь торговлей, ростовщичеством и эксплуатируя простой народ, они накопили огромные богатства, что позволило им стать самым богатым слоем средневекового общества.

Главным предметом торговли еврейских купцов была работорговля. Рабы приобретались гл. обр. в славянских землях, откуда они вывозились в Испанию и страны Востока. На смежных границах германских и славянских земель, в Мейсене, Магдебурге, Праге были образованы еврейские поселения, постоянно занимавшиеся работорговлей. В Испании еврейские купцы организовывали охоту на андалузских девушек, продавая их в рабство в гаремы Востока. Невольничьи рынки в Крыму обслуживались, как правило, евреями. С открытием Америки и проникновением в глубь Африки именно евреи стали поставщиками черных рабов в Новый Свет.

От торговых операций евреи переходили к денежным, ссудо-залоговым и ростовщичеству, а часто совмещали все это. Уже с XV в. образуются крупнейшие еврейские состояния. Насколько велики были их средства, можно судить по тому, что в Испании еврейские купцы содержали почти целую армию наемников, охранявших их сомнительные операции, — 25 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев.

«Великое всемирное историческое событие, — писал еврейский историк В. Зомбарт, автор книги «Евреи и хозяйственная жизнь», — это изгнание евреев из Испании и Португалии (1492 и 1497). Не дóлжно забывать, что в тот самый день, когда Колумб отплыл из Палоса, чтобы открыть Америку (3 авг. 1492), из Испании выселилось 300 000 евреев в Наварру, Францию, Португалию и на Восток и что в те годы, когда Васко да Гама открывал морской путь в Ост-Индию, евреи были изгнаны также и из других частей Пиренейского полуострова». По подсчетам Зомбарта, уже в XV в. евреи составили 1/3 численности мировой буржуазии и капиталистов. Склонный к ложному пафосу и преувеличению, Зомбарт напыщенно заявлял: «Точно солнце шествует Израиль по Европе: куда он приходит, там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь; откуда он уходит, там увядает все, что до тех пор цвело».

В XVI–XVIII вв. центром еврейской экономики становится Амстердам, который евреи сами называли «новым, великим Иерусалимом».

В течение XVI, XVII и большей части XVIII столетия левантинская торговля и торговля с Испанией и Португалией составляли важнейшие отрасли мировой торговли. Евреи почти исключительно владели этими торговыми путями. «Еще во время своего пребывания в Испании они заполучили бóльшую часть левантинской торговли в свои руки; уже тогда они имели во всех левантинских приморских городах свои конторы. Левантинская торговля составляла важней-

шую отрасль французской торговли в XVIII в. Она вся была в руках евреев: покупатели, продавцы, маклеры, агенты, комиссионеры и т.д. — все это евреи».

Стремительными темпами увеличивалось число еврейских купцов и торговцев в главных городах Западной Европы. В Лейпциге, напр., на международных известных пасхальных и осенних ярмарках (в день святого Михаила) число евреев, по подсчетам того же В. Зомбарта, увеличилось с 416 в 1675—1680 до 6444 в 1830—1839.

Общий приговор современников по поводу «успехов» еврейских купцов и торговцев: «Они плуты и мошенники». Зомбарт писал, что «обращаясь снова к непосредственно заинтересованным современникам или людям, близко стоявшим к явлениям повседневной жизни, мы получаем прежде всего опять единодушный ответ: превосходство евреев вытекает из нечистого ведения дел». «Евреи и комиссары имеют один закон и одну вольность, называемые ложью и обманом, если только это им выгодно», — говорит Филандер фон Зиттевальд. Такой же общий и безусловный характер носит суждение, высказанное в забавном «Словаре обманов», составленном «тайным советником и начальником» Георгом П. Генном. Здесь под рубрикой «евреи» значится: «Евреи обманывают как вообще, так и в частности». Один современник рассказывает о евреях Берлина: «Они… живут грабежом и обманом, которые, по их понятиям, не являются преступлением». Цех купцов в Париже сравнивает евреев с осами, проникающими в пчельники лишь для того, чтобы убить пчел, вскрыть им тела и высосать собранный там мед. Французским подтверждением этому может служить суждение Савари: «Евреи пользуются репутацией очень ловких купцов; но их подозревают в том, что они прибегают к не совсем честным и правдивым приемам».

В странах Европы понятие «еврей» стало синонимом слова «мошенник», «ростовщик», «стяжатель», «лихоимец».

Накопленный торговый капитал богатые евреи преобразовывают в финансовый. Этот капитал получил название «паразитического», поскольку наживался не честным, а мошенническим путем. Он-то и стал главной движущей силой Французской революции, о чем поведал ее историк и очевидец английский философ Э. Барк. Отодвинув родовую знать на задворки реальной власти, на авансцену социально-экономической жизни вышли еврейские банкиры, предприниматели, торгаши. Многие из них составили «новую знать» с титулами баронов, графов, виконтов и т.п. С Францией разделили такую же «честь» Бельгия, Голландия, Австрия. В «еврейский клуб» вступила и владычица морей Великобритания.

Судьбу Европы с н. XIX в. стали определять «дома» еврейских ростовщиков, превратившихся в банкиров. Финансовую элиту Европы составили «дома» Ротшильдов. Основатель семейства Меир Ротшильд был придворным банкиром курфюрста Вильгельма I. Когда Вильгельм в 1806 бежал от французов, Ротшильд бросил накопленные курфюрстом денежные средства на расширение финансовых махинаций и спекуляций.

Вскоре Европа получила 5 некоронованных королей. Ими стали братья Ротшильды: Ансельм, Соломон, Натан-Меир, Карл и Джеймс. Ансельм повелевал из Франкфурта-на-Майне, Соломон — из Вены, Натан-Меир — из Лондона, Карл — из Неаполя, Джеймс — из Парижа. Без советов и рекомендаций этого семейства не предпринималась ни одна крупная государственная акция, не формировалось ни одно правительство.

Аккумулируя в своих «домах» огромный капитал, Ротшильды не только создали биржу, но и интернационализировали ее деятельность. Повязанные родовыми и денежными узами, финансовые «дома» подчинили своему контролю множество промышленных предприятий, страховых компаний, железных дорог.

Новым элементом, который внесли в хозяйственную жизнь евреи-талмудисты, было создание механизма контроля экономики со стороны банка, а затем биржи, находившихся в руках еврейских дельцов. Этот процесс В. Зомбарт назвал «обиржвлением» народного хозяйства. Спекулятивным инструментом биржи стали ценные бумаги — векселя, акции, банкноты, облигации, которые служили орудием немыслимых манипуляций со стороны еврейских финансовых спекулянтов. Стоимость реального продукта, созданного тружеником, деформируется и искажается так, чтобы с каждой единицы товара обеспечивалась прибыль банкиру или биржевику, не обязательно еврейскому, но действующему по правилам иудейских хозяйственных законов, сформулированных в Талмуде.

Контролируя потоки денежных средств с помощью банков и биржи, иудейские коммерсанты стали влиятельными посредниками международной торговли, в крупных размерах употребляя способ перевода денег посредством векселя.

«Начало современной биржевой спекуляции, — писал В. Зомбарт, — мы должны искать… в XVII в. в Амстердаме. Спекуляция акциями фондов выросла, как это можно с достаточной ясностью проследить на акциях Ост-Индийской компании… Спекуляция акциями так широко распространилась и так усердно практиковалась, что общественная власть почуяла в ней зло, которое необходимо было устранить законодательным путем… среди прочих участников спекуляции евреи сыграли выдающуюся роль».

Кроме Амстердама, крупнейшие еврейские финансовые спекулянты сосредоточились в Лондоне и во Франкфурте-на-Майне. В последнем, писал тот же Зомбарт, евреи к к. XVII в. захватили занятие маклерством, а затем завоевали профессиональную фондовую торговлю.

Самый известный финансовый аферист к. XVII — н. XVIII вв. был Джон Ло (Леви), сын золотых дел мастера и банкира. Этот финансовый аферист сумел убедить эконо-

мически невежественное правительство Франции начать выпуск необеспеченных бумажных денег. Одновременно Ло учредил огромную «Компанию Миссисипи», за которой были закреплены монопольные права на торговлю с Китаем, Индией, островами Южных морей, Канадой и всеми колониями Франции в Америке. Через европейскую колонию в Париже он обеспечил широкую рекламу. Аферист создал классическую «пирамиду» и «гарантировал» выплату дивидендов под свой проект в размере 120 процентов годовых.

Финансовые махинации Ло разорили миллионы французов, в течение ряда лет финансы страны были безнадежно расстроены. Вместе с тем на этих бедах сколотили огромные состояния многие представители иудейской общины Парижа.

Важным орудием иудейской экономики стали банкноты, выпускаемые еврейскими банками без соответствующего обеспечения золотом или государственными обязательствами. Начиная с XV в. еврейские банкиры сколотили целые состояния на торговле подобными банкнотами. Посредством операций с этими банкнотами разорялись представители дворянских фамилий и национальных элит Европы. В 1421 Сенат Венеции законодательно запретил торговлю подобными банковскими обязательствами. Однако запрет этот длился недолго. Еврейские богачи подкупили власти Венеции, и закон был отменен.

Обогащению еврейских банкиров способствовали спекуляции финансовыми обязательствами христианских государств. Европейские государи нередко обращались к еврейским дельцам за займами, которые возвращали с ростовщическими процентами. Постепенно еврейские банкиры прибирают к своим рукам государственные финансы многих европейских стран.

Евреи из откупщиков налогов, арендаторов предприятий и казенных имений превращаются в государственных банкиров и финансовых советников государств.

В Голландии евреи становятся ключевыми фигурами государственных финансов. Значение еврейского финансового мира в этой стране перешагнуло за ее пределы, т.к. она в течение XVII и XVIII вв. была главным резервуаром, из которого черпали все монархи, нуждавшиеся в деньгах. Как писал Зомбарт, таких людей, как Пинтос, Дельмонтес, Буэно де Месквита, Франсиз Мельсина, можно смело рассматривать как руководящих финансовых деятелей Северной Европы того времени.

В течение XVII и XVIII вв. и в области английских финансов заметно господствующее влияние евреев. В Англии денежные нужды «долгого парламента» послужили первым толчком к привлечению туда богатых евреев. Еще задолго до того, как Кромвель санкционировал их допущение, много богатых евреев переселяются в Англию, гл. обр. из Испании и Португалии через Амстердам; в 1643 их приток был особенно силен. Их средоточием явился дом португальского посланника в Лондоне Антонио де Суза, который также был мараном. Среди них особенно выделялся Антонию Фернандо Карваяль, равно известный как кредитор и как поставщик; он был, собственно, главным финансистом Британской империи. Контингент богатых английских евреев увеличивается при младших Стюартах, особенно при Карле II. Как известно, последний женился на Катерине Браганской, а в ее свите был целый ряд еврейских финансовых тузов, в т.ч. братья да Сильва, еврейско-португальские банкиры из Амстердама, которым было поручено заведование и присмотр за приданым Катерины. Из Испании и Португалии в это же время переселяются в Англию Мендесы и да Коста и соединяют свои торговые фирмы в одну общую под названием «Мендес — да Коста». Одновременно с этим началось переселение и немецких евреев, которые по богатству уступали южным, но насчитывали в своей среде и таких крупных капиталистов, как напр., Беньямин Леви.

Начиная с XVII в. банкирами венского Двора были только евреи. Такая же ситуация наблюдалась во многих немецких княжествах.

Во Франции при Людовиках XIV и XV ведущее положение в финансовом мире занимал еврейский банкир Самуил Бернар, о помощи которого Франции современники говорили, что «вся заслуга его состоит в том, что он поддерживает государство, как веревка держит повешенного». Это меткое замечание точно отражало положение дел с еврейской экономикой, которая, как удавка, опутала национальные хозяйства европейских государств, разоряя миллионы людей, плодя безнадежную нищету. Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, спрутом опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, еврейство не только присваивало денежную власть. Через еврейство деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух еврейской экономики, перешагнув границы еврейства,

стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

Сколотив свои капиталы преступным и неправедным, с точки зрения христианина, путем, еврейские финансисты становятся своего рода монополистами на владение деньгами, собирающими дань с тех, кто ими не владеет, а значит, и «королями биржи», первым из которых в XIX в. был Ротшильд. Как справедливо отмечал Зомбарт, «не только в количественном, но и в качественном отношении современная биржа есть ротшильдовская, т.е. еврейская».

Важно признание Зомбарта и др. еврейских экономистов, что биржа является детищем иудейской экономической мысли и практики не только по национальности ее «короля» в XIX в., а, главное, потому, что она создавалась «всей совокупностью еврейства».

«Расширение фондового рынка от 1800 до 1850-х годов, — писал Зомбарт, — означает распространение фирмы Ротшильда и всего того, что с ней связано. Ибо имя Ротшильда означает больше, чем одна фирма. Оно означает всю совокупность еврейства, поскольку оно влияло на биржи. Только с помощью еврейства Ротшильды могли завоевать себе то могущественное положение, то почти нераздельное господство на фондовой бирже, которым они пользовались в течение полувека.

Едва ли можно считать преувеличением, когда говорили, что министр финансов, почему-либо утративший благосклонное расположение этой мировой фирмы и не желающий входить с ней в соглашение, вынужден прямо закрыть свою канцелярию.

Подобную мысль подтверждает и другой еврейский деятель — А. Вайль: «Существует только одна великая держава в Европе — это Ротшильд; его телохранителями служат десятки других банкирских домов; его солдатами, его ору-

женосцами — все честные купцы и рабочие, а его мечом — спекуляция».

Во 2-й пол. XIX в. Ротшильды стали богатейшими людьми на Земле, личное состояние которых превышало государственный бюджет многих европейских стран.

В 80-х XIX в. Ротшильды захватили примерно половину нефтяной промышленности России. Операция эта была осуществлена следующим образом. В 1886 Альфонс Ротшильд купил за 60 тыс. руб. заложенные у него акции (стоимостью 4 млн. руб.) Каспийско-Черноморского общества, организованного для продажи русского керосина за границу, и предложил преимущественно мелким заводчикам продавать ему в Баку или в Батуме весь изготовляемый керосин с выдачей вперед части цены за него, но под условием долгосрочных контрактов. Многие мелкие заводчики приняли это предложение, соблазнившись получением вперед денег от Ротшильдов, и попали к нему в кабалу. За 10 месяцев 1888 эти заводчики получили от Ротшильда по 127 руб. за вагон керосина в Баку, др. заводчики, сбывавшие свой керосин также за границу, получили за то же время по 233 руб., или комиссионерство Ротшильда обходилось первым в 106 руб. за вагон. За 1889 законтрактированные Ротшильдом заводчики получили в среднем по 5 коп. за пуд меньше заводчиков, которые продавали керосин сами. Весь вывоз керосина на внутренние рынки и за границу в 1889 исчислялся 32 млн. пуд., из которых 17, 1 млн. пудов приходилось уже на долю Ротшильда, т.е. более половины всего изготовляемого керосина.

В 1891 А. Ротшильд участвовал также в попытке экономического давления на Россию путем заключения с русским правительством договора о выпуске трехпроцентного займа. Подписав этот договор, Ротшильд пытался заставить русского царя предоставить евреям в России особые льготы и привилегии. Получив отказ, он начал экономическую войну против России, организовав еврейских банкиров в преступный

синдикат по понижению российских ценных бумаг, вызвав серьезные трудности и разорение русских предпринимателей.

Впрочем, подобные операции экономической войны против России еврейские банкиры предпринимали и раньше. В 1877—1878 дома Ротшильдов по соглашению с Дизраэли сначала скупили, а потом выбросили на рынок в Берлине большое количество русских ценных бумаг, вызвав резкое падение их курса.

Биржевик-банкир был заинтересован в постоянном росте производства и более быстром обороте капитала. С каждой единицы товара он получал свою долю, а точнее, «дань». Банкира мало интересовало, что будет производиться — нужные людям вещи или излишние или даже вредные для них.

Став с помощью биржи королями всей экономики, еврейские финансисты уже во 2-й пол. XIX в. закладывают в экономику механизм расточительного потребительства, поощряя непрерывное обновление продукции, даже когда в этом нет никакого практического смысла. Потребителю, который сравнительно недавно приобрел определенный товар, внушается мысль, что его вещь уже устарела и ее необходимо заменить на новую. Вещь, еще физически пригодная к употреблению, выбрасывалась или отправлялась пылиться на чердак. Так закладывались основы гонки потребления, в которой заинтересован не потребитель, а биржевик-банкир, собирающий дань с единицы каждого товара.

Оплачивая создание нового предприятия или выпуск нового товара, еврейский финансист не интересовался, что это даст людям, какое влияние это окажет на природу и общество. Его волновала только прибыль. Эпоха создания новых предприятий была порождением еврейского капитала. Как признает Зомбарт, «со времен Ротшильдов учредительное дело в течение многих десятилетий оставалось специальностью еврейских дельцов… Достаточно взглянуть на эпо-

ху грюндерства 1871—1873 в Германии, чтобы убедиться, что во всех предприятиях участвовало поразительное число евреев». Огромные капиталы, накопленные евреями, жгли им руки и требовали приложения. Однако участвуя в финансировании вновь создаваемых предприятий, евреи не торопились перейти к производству — напротив, как и прежде, подавляющее число их продолжало заниматься посреднической торговлей, банковскими операциями и биржевыми спекуляциями.

Со 2-й пол. XIX в. Ротшильды в частном порядке начали контролировать цены на золото, а с 1919 придали этому контролю официальный статус. Вплоть до настоящего времени 2 раза в день представители пяти ведущих еврейских компаний по торговле драгоценным металлом собираются в помещении банка Ротшильда в Лондоне, чтобы установить цену на золото. Они рассаживаются по углам комнаты и под председательством представителя торгового дома Ротшильдов определяют среднюю цену между продажной и покупной — т.н. лондонский фикс. На каждом столе стоит миниатюрный британский флажок — «Юнион Джек», и окончательная цена на золото устанавливается только тогда, когда все 5 флажков принимают горизонтальное положение — так участники встречи традиционно выражают свое согласие. Крупнейшие мировые банки и золотодобывающие компании уже много лет используют лондонский фикс в качестве точки отсчета при определении их собственной цены на золото.

Контроль еврейского капитала над мировой финансовой системой, начавшийся с биржи Ротшильда, в н. XX в. был усилен созданием Федеральной резервной системы, позволившей иудейским банкирам наряду с аферами с золотом начать аферу с интернационализацией доллара и искусственным повышением его стоимости. Как известно, первая попытка еврейских банкиров закончилась страшным крахом — мировым Великим кризисом, разорившим миллионы людей и по-

губившим целые отрасли экономики. Промышленное производство в США и др. западных странах сократилось в 2 — 3 раза, обрекая на нищету и голод миллионы людей.

Однако никто из организаторов этой аферы не разорился. Ротшильды, Варбурги, Куны, Лоебы и др. еврейские банкиры только умножили свое состояние и за бесценок приобрели многие обанкротившиеся предприятия. Как признавался один из еврейских банкиров, разорение, горе, нищета — питательная среда для создания еврейских состояний: «Наш золотой телец питается не созданием богатств, даже не их пользованием, но прежде всего их мобилизацией, которая есть душа спекуляции. Чем больше переходят богатства из рук в руки, тем более от них остается у нас. Мы — маклеры, принимающие заказы на все меновые операции или, если хотите, мы — мытари, контролирующие все закоулки земного шара и взимающие пошлину со всякого перемещения анонимного и бродяжничающего капитала, будь то пересылка денег из одной страны в другую или колебание их курса. Спокойному, уныло однообразному напеву процветания мы предпочитаем страстно возбужденные голоса повышения и понижения курсов. Для пробуждения этих голосов ничто не может сравниться с революцией или войной, которая есть та же революция. Революция ослабляет народы и приводит их в состояние меньшей сопротивляемости чуждым им предприятиям».

Последним актом, окончательно закрепостившим международную финансовую систему в руках еврейских банкиров, стало создание ими Международного валютного фонда и Всемирного банка. Еврейские банкиры т.о. обеспечили себя преимуществами главных регуляторов мировых цен, а также стали самыми могущественными ростовщиками («продавцами денег») для целых государств.

Пользуясь этими преимуществами, США и др. западные страны создали специальный инструмент перераспределения

в свою пользу ресурсов др. государств, намеренно значительно занижая цены на сырье и топливо, поступающие из стран «третьего мира».

Под влиянием капиталистической экономики личное достоинство человека превратилось в меновую стоимость, товар. Вместо духовной свободы, дарованной людям Новым Заветом, капитализм нес «бессовестную свободу торговли». Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует своей неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, спрутом опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, капиталисты не только присваивали денежную власть. Через капитализм деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух капиталистической экономики, перешагнув границы еврейства, стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

В н. XX в. немецкий социолог Макс Вебер пытался объяснить природу капитализма из т.н. протестантской этики. Он утверждал, что капитализм мог возникнуть только на Западе вследствие распространения здесь протестантизма и особенно кальвинизма, «хозяйственная этика которого наиболее соответствует духу капитализма». Сделав такой вывод, Вебер не утруждал себя анализом природы самого протестантизма, который по своей сути является иудаизированной формой западного христианства. По протестантской этике, в полном соответствии с экономическим учением Талмуда богатство является выражением божьего благословения, а бедность — наказанием божьим. Богатство, каким бы путем оно ни было получено, свидетельствует о «божьем избранничестве», а бедняки должны служить «божьим избранникам».

В XIX–XX вв. капитализм стал господствующей идеологией западного мира, практически полностью вытеснив христианское мировоззрение. Погоня за материальным успехом и комфортом, стяжание денег и капитала стало главным жизненным приоритетом западного человека, превратившись в настоящую гонку потребления. Развитие капитализма в рамках западного мира во 2-й пол. XX в. переросло в т.н. глобализацию — установление господства капиталистических ценностей во всем мире.

Автаркия

Экономически Россия была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, т.е. имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей самостоятельно и полнокровно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. По отношению к внешнему миру Россия была автономна, обеспечивая себя всеми необходимыми товарами, и сама потребляла почти все, что производила. Высокие заградитель-

ные пошлины на многие товары стимулировали внутреннее хозяйство. Зарубежный импорт не играл для страны жизненного значения. Доля России в мировом импорте в н. XX в. составляла немногим более 3%, что для страны с населением, равным десятой части всего человечества, было ничтожной. Для сравнения отметим, что большинство западных стран, обладая незначительной численностью населения, имело долю в мировом импорте во много раз большую, т.е. экономически зависело от импорта.

Именно экономическая автаркия позволила большевикам выдержать блокаду, укрепиться у власти, а затем развернуть свой антирусский социальный эксперимент. Если Россия была экономически независима от всего остального мира, то мир, особенно западные страны, сильно зависели от ее ресурсов. Экономическая блокада России была прервана по инициативе западных стран, и они пошли на поклон к большевикам. Большевизм стал, по сути дела, изощренной формой эксплуатации ресурсов России. В ущерб России он использовал то, что русская хозяйственная система допускала в очень ограниченных масштабах — развитие огромного экспортного потенциала страны. Для большевиков он стал фактором их существования и паразитирования, тогда как традиционная русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. В целом историческая Россия вывозила за рубеж не более 6 — 8% производимых товаров. И даже этот незначительный вывоз вызывал беспокойство у русских экономистов. Конечно, протест русских экономистов вызывал не сам факт внешней торговли, а ее неравноправный характер, при котором экспортировали преимущественно сырье по заниженным ценам.

Неравноправный обмен продуктами труда между Россией и Западной Европой после славянофилов отмечали многие русские экономисты. В 1887 предприниматель и экономист *В.А. Кокорев* писал о перекачке ресурсов России на Запад. Созданная и поддерживаемая Западом система цен на сы-

рьевые и топливные ресурсы сильно занижала их реальную стоимость, т.к. не учитывала прибыли от производства конечного продукта. *М.О. Меньшиков* отмечал, что торговля с Европой выгодна для нее и разорительна для России. По его мнению: «Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная — вложенная в сырье — как пар из дырявого котла — теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает».

Западники утверждали, что экономические отношения с Европой являются главным источником русского богатства. Однако факты говорили совсем о другом. Выгода от этих отношений была в основном односторонней. За 1886 — 1913 гг. из России было вывезено по крайне низким ценам товаров, преимущественно сырья, на 25,3 млрд. рублей, а ввезено по очень высоким ценам товаров, многие из которых могли бы быть произведены в самой России, на 18,7 млрд. руб. В результате страна потеряла не менее 5 — 10 млрд. руб. народного труда. «Сближение с Европой, — несколько преувеличенно отмечал М.О. Меньшиков, — разорило Россию, разучило ее обеспечивать свои нужды, лишило экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть ли не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но странно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи — сделались народу едва доступными».

Русская экономическая мысль выдвигает идеи независимости России от превратностей игры западного спекулятивного капитала с его хищническими тенденциями на эксплуатацию других народов. Здесь возражения русских экономистов касались проблем кабальных займов, иностранного капитала и золотой валюты.

В 1887 — 1913 гг. иностранные капиталы в русской промышленности увеличились со 177 до 1960 млн. руб., т.е. более чем в 10 раз. Чистый доход на весь капитал, вложенный иностранцами в экономику России (составлявший 14 % всего промышленного капитала), за вычетом промыслового налога составлял в 1913 — 2326,1 млн. руб., превысив сумму прямых иностранных инвестиций за 27 лет на 543,1 млн. руб. Средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13 %, что было почти в 3 раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом.

Займы западных государств, конечно, помогали развивать отечественную промышленность, но вместе с тем служили средством ее экономического закабаления. За займы взимались большие проценты и, чтобы заплатить старые долги, приходилось снова влезать в долг. Начиная с 80-х прошлого века, платежи по старым государственным и гарантированным правительством займам стали превышать поступления по новым. По расчетам американского историка П. Грегори, с 1881 по 1913 сумма платежей по займам превысила 5 млрд. руб.

В к. XIX в. большой уступкой Западу было введение золотой валюты. Введена она была за счет карманов русских людей, т.к. на одну треть осуществилась девальвация рубля. Конечно, эта операция позволила уменьшить на треть внутренний государственный долг, но вместе с тем и потребовала новых иностранных займов золотом для поддержания курса рубля. Но главное состояло в другом. В результате введения золотого обращения русская экономика была тесно интегрирована в мировой экономический порядок, политику которого определяли западные страны. Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающим сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны — поставщики сырья были

обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введения золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу и прежде всего «бегство» самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже с многократной сторицей. «Россия, — справедливо писал *М.И. Туган-Барановский*, — поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года». Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении, а также в активах *Государственного банка* в России и за границей.

Одним из сторонников финансовой независимости России от стран Запада был славянофил *П. Оль.* Он справедливо отмечал, что финансово-экономическая структура связей между Россией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России. «Золотая валюта, — писал в 1899 П. Оль, — была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой».

Отрицание самобытных основ русской экономики

Первые случаи отрицания самобытных основ русской экономики относятся к XV–XVI вв. Эпизодически с XV–XVI вв., нарастая в XVII–XVIII вв. и приобретая угрожающий характер в XIX в., рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования

возникает идущее сверху движение за их отрицание. Сначала незначительная, а затем преобладающая часть высшего правящего слоя и дворянства России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления.

Серьезным ударом по русской модели экономики стало закрепление крепостного права. Этот процесс происходил в России сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющихся общины и артели. Закрепощение крестьян происходило по мере отказа правящего слоя от традиционных ценностей Древней Руси и принятия им в качестве образца социальных отношений, существовавших в западных государствах. Крепостное право, не свойственный для России институт, пришло к нам с Запада через Польшу, с которой близко соприкасалась правящая верхушка западнорусских земель. Именно по настоянию этого слоя феодалов в к. XVI в. отменяется Юрьев день, а во 2-й пол. XVII в. происходит закабаление около половины ранее свободных русских крестьян.

Правда, крепостное право в России носило относительно более мягкий характер, ибо даже для крепостных крестьян сохранялись общинные отношения. Закабалив крестьян, помещики не осмеливались посягать на общину, стараясь использовать ее как дополнительное средство управления крестьянами, позволяя им собираться на сходки и собирать своих старост.

Отрицание русских форм хозяйствования широко проявилось со 2-й пол. XVII в., но неверно и несправедливо связывается с именем Петра, ибо дело Петра носило народный характер. Однако деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все народные и антинародные процессы русского общества. Изучение пет-

ровских преобразований позволяет понять, что Петр не копировал вслепую зарубежный опыт, а использовал его применительно к российской действительности, опираясь на уже сложившиеся общественные институты, общинное самоуправление и *землепользование* (которые он начал очень умело использовать при сборе *подушной подати*), самоуправление купцов и ремесленников, артельный дух русских тружеников. Но главное, на что делал ставку Петр I, — на использование творческой инициативы и самостоятельности русского хозяина и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации его лучших качеств и на этой основе осуществил свою реформу.

Властители после него, может быть, кроме Елизаветы I и Екатерины II, не понимали необходимости развития народных форм хозяйствования. Общинные и артельные формы русского хозяйства, др. его основополагающие принципы в течение почти полутора веков оставались без творческого развития, вне внимания основной части русских ученых. А жизнь требовала приведения их к новым условиям и совершенствованию с учетом современных достижений науки. Забытые и интеллигенцией, и государством, народные формы труда и хозяйствования приобретали архаичный характер и постепенно деградировали, что воспринималось как признак их отмирания и приближения неизбежного конца. Однако требовалось другое — забота со стороны государства и адаптация народных форм труда и хозяйствования к новым условиям. Русская экономическая мысль об этом твердит постоянно. Однако ее голос заглушается сторонниками чужого пути, предлагающими реформы на западный манер.

Весь смысл реформ, проводимых в царствование Александра II, носил западнический характер. Но, конечно, самой большой ошибкой этого царствования был несправедливый порядок освобождения крестьян от крепостной зависимости, в результате которого крестьяне, освобождаясь с наделени-

ем их землею на началах общинного владения, по сути дела, оставались без внимания со стороны государства, попадали в зависимость от своих бывших владельцев.

Совершенно очевидно, что требовались широкая государственная программа помощи крестьянским хозяйствам, развитие и совершенствование национальных форм. Однако этого не делалось. Отсутствовала поддержка государства созданию на базе общины предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов и разных вспомогательных производств. Не было сделано ничего для повышения производительности труда в русле развития и совершенствования национальных форм труда.

Развитие промышленности в пореформенной России также осуществлялось в русле насаждения хозяйственных форм, существовавших на Западе. Русские формы хозяйствования и труда намеренно вытесняются, заменяясь чуждыми для России потогонными индивидуалистическими системами. Если в 1-й пол. XIX в. на средних и мелких предприятиях преобладали артельные формы организации труда, то к концу его удельный вес их значительно снизился.

Многие известные экономисты XIX в. просто игнорировали русскую экономическую мысль. Напр., министры финансов *Е. Ф. Канкрин* и *Н. Х. Бунге*, экономисты В. В. Берви (Флеровский), Н. И. Зибер и др. старательно и в практике, и в науке насаждали западноевропейские экономические представления, фактически не учитывая тысячелетний хозяйственный опыт великой страны, а если и учитывали, то рассматривали его как неотвратимое зло на пути к конечной цели вытеснения с самобытных российских начал хозяйствования, а сами эти начала как изживший себя исторический анахронизм.

В 60 — 80-х XIX в. в русской экономике идет острая борьба отечественных и западных начал хозяйствования. И нельзя сказать, что позиции отечественных начал были безнадежны. На каком-то этапе в 80-х гг. даже наметилась тен-

денция к преобладанию народных форм жизни. Именно это дало основание экономисту В. П. Воронцову сделать вывод об упадке капитализма в России. Данные его основывались на анализе статистики развития мелкой и средней преимущественно кустарной народной промышленности, работавшей на отечественных хозяйственных принципах, и крупной промышленности, развившейся по западноевропейскому образцу. По приводимым Воронцовым данным, мелкая и средняя промышленность развивалась быстрее, чем крупная. Однако уже лет через десять эта тенденция изменилась на противоположную. Преобладание западных экономических форм обеспечивалось политикой Александра II, создавшего предпосылки для дальнейшего прогрессирующего отторжения народных форм хозяйствования.

Одним из средств разрушения русской общины со стороны западнически настроенных правящих кругов была финансово-налоговая политика по отношению к крестьянству, когда оно было обложено большими налогами и разными поборами. Нередко для выплаты налогов община прибегала к займу под круговую поруку.

Однако порой складывалось так, что община уже не могла получить кредита для выплаты займа и вынуждена была продавать средства производства. Влезая в долги, теряя средства производства, крестьянский мир терял и свою независимость и способность сохранять свои национальные методы хозяйствования, что вело к упадку сельского хозяйства. Как справедливо отмечал *В. П. Воронцов*: «Не ограниченность знания, энергии, вообще способностей народа и не общинное землевладение причиною низкого состояния русского земледелия, а неустранимые силами общины общественные и финансовые условия, созданные культурными слоями.

Эти условия мешают народу даже применять на практике те правила обычной полевой системы, которые выработаны им долголетним опытом и наблюдением природы; поэтому-

то между его теорией земледелия и практикой существует значительное противоречие».

Главные итоги

Несмотря на то, что западнический строй мыслей многих представителей правящих кругов и интеллигенции обрекал русские формы хозяйствования и труда на деградацию и вырождение, все экономические успехи России в XIX — н. XX в. были связаны именно с ними. Вопреки настроению образованных слоев народные формы хозяйствования продолжали продуктивно существовать, особенно в сельском хозяйстве, средней и мелкой промышленности. Более того, именно в этот период произошел своеобразный синтез народных основ и передовой техники и технологии. Именно этот синтез стал основой своего рода русского экономического чуда к. XIX — н. XX в., которое сравнимо только с «японским экономическим чудом» после Второй мировой войны. И ничего удивительного в этом нет — как Россия, так и Япония обеспечили себе небывалый экономический успех соединением преимуществ традиционной национальной культуры хозяйствования и преимуществ, связанных с внедрением новейшей техники и технологии. По сравнению с дореформенным периодом промышленность России выросла в 13 раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире, а по отдельным отраслям просто гигантскими — производство стали возросло в 2234 раза, нефти — в 1469 раз, угля — в 694 раза, продукции машиностроения — в 44 раза, продукции химии — в 48 раз. В к. XIX — н. XX в. осуществлено коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления составляла 15 — 20% национального дохода, что было выше, чем в США. Только за 1885 — 1913 крупные акционерные предприятия увеличи-

ли свои фонды в 11,1 раза. Средний рост производственных фондов составлял за этот период 7, 2 % в год, т.е. опять выше, чем в США.

Символом экономического процветания России этого периода являлась Великая Сибирская железная дорога, воплотившая в себе все предыдущие хозяйственные достижения страны. В то время это был самый великий в мире экономический проект, воплощенный в жизнь. Металл, рельсы, вагоны, паровозы — все было произведено на русских заводах руками русских рабочих.

По производству главнейших сельскохозяйственных культур Россия заняла первое место, выращивая больше половины мирового производства ржи, больше четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия была главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции.

Опережая западные страны по темпам экономического роста, Россия вместе с тем по объему промышленного производства еще отставала от США, Великобритании, Германии и Франции, занимая пятое место в мире. Специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей и среднегодовых темпов роста продукции, предсказывали к 1930-м выход России на один из передовых рубежей мирового хозяйственного развития.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО, ИЛИ ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

РУССКАЯ ПРАВДА, XI–XII ВЕКА
(экономические статьи)

В России никогда не было рабства. Хозяйственные отношения в Древней Руси XI–XII веков строились на строго правовой основе, в рамках трудовой демократии сельских общин (вервей) и церковных приходов. Это, конечно, не означало, что не существовало определенного слоя несвободных людей — холопов. Однако слой этих людей был невелик и использовались они не столько в процессе производства, сколько в быту, в качестве домашних слуг (челяди, чади).

Община с началами взаимопомощи и саморегулирования создавала более высокий уровень развития средств производства по сравнению с теми странами, где она отсутствовала.

В городах существовали самоуправляемые коллективы ремесленников, купцов.

И сельские общины, и городские самоуправляемые единицы действовали на началах круговой поруки, объединявшие их в экономически зависимые друг от друга коллективы.

«Русская Правда», сложившаяся еще на основе законов, существовавших в X веке, включила в себя нормы правового регулирования, возникшие из обычного права, то есть народных традиций и обычаев.

Содержание «Русской Правды» свидетельствует о высоком уровне развития экономических отношений, богатых

хозяйственных связей, регулируемых законом. «Правда,— писал историк В. О. Ключевский,— строго отличает отдачу имущества на хранение — «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного, и, наконец, заем — от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. Правда дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит, хорошо известно Русской Правде. Гости, иногородние, или иноземные купцы «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны и гостьбу», для оборота из барыша».

Вместе с тем, как видно из прочтения экономических статей «Русской Правды», нажива, погоня за прибылью не являются целью древнерусского общества. Главная экономическая мысль «Русской Правды» — стремление к обеспечению справедливой компенсации, вознаграждения за нанесенный ущерб в условиях самоуправляемых коллективов. Сама правда понимается как справедливость, а ее осуществление гарантируется общиной и другими самоуправляемыми коллективами.

Главная функция «Русской Правды» — обеспечить справедливое, с точки зрения народной традиции, решение проблем, возникавших в жизни, обеспечить баланс между общинами и государством, осуществить регулирование организации и оплаты труда по выполнению общественных функций (сбор виры, строительство укреплений, дорог и мостов).

Привожу основные экономические статьи в кратком изложении:

Статья 4. Устанавливает порядок выплаты общиной (вервью) штрафа за преступление, совершенное на ее территории. Устанавливаются размеры штрафа. Общине предоставляется право распределения суммы штрафа между ее членами, что предполагает наличие развитого самоуправления.

Статья 9. Содержит указание на традиционные размеры натурального обеспечения общиной государственных чиновников, собиравших виры.

Статья 47. Спор по договору займа решается с помощью свидетелей заключения этого договора. Длительное невозвращение долга рассматривается как преступление.

Статьи 48. Купец пользуется особыми правами на получение и выдачу в долг денег на торговые операции: при отказе в их возврате представлять свидетелей займа ему не надо, но достаточно самому дать показание, подкрепленное клятвой.

Статья 49. По положению о договоре поклажи, хранения товара, в котором участвуют купцы, товар может быть оставлен на хранение и без свидетелей. При обвинении в утайке части оставленного товара хранителю для оправдания достаточно принести присягу, поскольку договор безвозмезден, рассматривается как благодеяние.

Статья 50. Регламентируется договор займа с процентами, размер которых не ограничивается. Предписывается заключение этого договора в присутствии свидетелей.

Статья 51. Величина процентов по займу находится в зависимости от срока договора: больший срок предполагал более высокую ставку процента.

Статья 52. В случае невозможности представить свидетелей займа при отказе ответчика от его уплаты заимодавец мог получить свои деньги только в пределах установленной законом суммы. Для этого он приносил присягу в том, что он эти деньги должнику дал. Если же заем был больше установленной суммы, кредитор терял право на иск.

Статья 53. Сформулированы ограничения размеров процентов, взимаемых по долгосрочным займам.

Статья 54. Банкротство, утрата купцом взятых в долг денег и товаров не влечет за собой уголовной ответственности. Ему дается возможность восполнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. Эта льгота не распространялась на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий.

Статья 96. Регулирует организацию и оплату труда на общественных работах по строительству деревянных городских укреплений и башен. Строительство это велось под управлением городника самими горожанами и окрестными жителями, которых выделяли общины. Общины оплачивали труд городника и его помощников в денежной и натуральных формах в начале и конце работы по сооружению каждой городни (секции укреплений) или башни.

Статья 97. Регулирует организацию и оплату труда на общественных работах по строительству мостов. Руководитель строительства — мостник вместе с отроком получал с общины, на территории которой строился или ремонтировался мост, денежную плату в зависимости от длины моста и количества опор — городней.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
(фрагменты)

В своем Поучении русский князь Владимир Мономах (1053 — 1125) отражает ту основу, на которой строилось хозяйство Древней Руси — трудолюбие как добродетель. Труд — высшее мерило богоугодности человека, любой труд для человека — радость.

… Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«…»

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков,

оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТЕХ, XIII ВЕК

Устав определяет принципы организации общественного хозяйства Новгорода Великого, исходя из народных экономических идеалов коллективного, общинного труда, распределения обязанностей и повинностей.

Регулируется порядок общественных работ по строительству и ремонту городских проездов и дорог, а также заготовке строительных материалов.

Работы распределяются и оплачиваются в определенном порядке всеми городскими и провинциальными сотнями (общинами).

Приводим статьи Устава в кратком изложении:

Статьи 1, 1а, 1б. Разверстывает мостовую повинность, касающуюся общественных центров города Новгорода: Детинца и главных подходов к нему, дорог, соединяющих Торг, иностранные фактории, пристани. Главная цель Устава — организовать те дороги, которые обслуживают Торг и основные экономические потребности города.

Статья 2. Организует заготовки строительных материалов среди провинциальных сотен новгородской земли.

Статья 3. Перечисляются городские, провинциальные и волостные сотни, на которые разверстываются «поплаты» за сооружение дорог и мостов.

РУКОПИСАНИЕ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА, XIII ВЕК

«Рукописание князя Всеволода» — уникальный памятник русской экономической мысли, содержащий в себе Устав купеческой корпорации в Новгороде Великом, сформировавшейся вокруг церкви Ивана на Петрятином дворе.

Имея преимущественно купеческий характер, корпорация вместе с тем выходила за чисто сословные купеческие рамки и представляла собой торгово-экономический центр, действовавший на правах самоуправления, и выполняла функции по регулированию коммерческой жизни города, а также торговый суд. Деятельностью этого торгово-экономического центра руководили два выборных старосты от купцов и один выборный от житьих и черных людей (статья 5). Чтобы стать членом купеческой корпорации, существовавшей возле церкви Ивана, необходимо было вложить в нее вкладом 50 гривен серебра (около 10 кг) и сделать подарок тысяцкому (статья 7). Купцы, совершившие этот вклад, получали наименование пошлых (исконных) с правом передачи членства по наследству.

Ни новгородские посадские, ни новгородские бояре не имели права вмешиваться в деятельность этого Центра (статья 6). Торгово-экономический центр имел исключительное право держать эталон весов для меры взвешивания при торговых операциях (статьи 8 и 9), также осуществлял в свой доход сбор вощаной пошлины от торговли воском (статья 10).

В случае старости и нетрудоспособности священники, дьяконы, дьяки и даже сторожа церкви великого Ивана брались на общественное обеспечение купеческих и других самоуправляемых городских объединений (статья 17). Таким образом, следует констатировать один из характерных

для Древней Руси фактов социального обеспечения, когда лица, находящиеся на общественной службе, брались на содержание тех или иных общин.

Ниже приводятся наиболее характерные статьи «Рукописания»:

5. И яз, князь великий Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты, от житьих людей и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякие дела иванская, и торговая, и гостинная, и торговой.

6. А Мирославу посаднику в то не вступатца и иным посадником в ываньское ни в что же, ни боярам новгорцкым.

7. А хто хочет в купечество вложится в ываньское, даст купьцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святыи Иван полътретьяцать гривен серебра. А не вложится хто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець. А пошлым купцем ити им отчиною и вкладом.

8. Авесити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дръжати.

9. Авесити старостам иваньским, двема купцем пошьлым добрым людем. А не пошлым купцем старошениа не дръжати, ни весу им не весити иваньского.

10. А у гостя им имати: у низовьскаго от дву берковска вощаных пол гривне серебра да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьского по две гривны кун от берковска вощаного, у новоторжанина полторы гривны от берковска вощаного, у новогородца шесть мор док от берковска вощаного.

11. А куны им класти святого великого Ивана в дом, что вывесят по правому слову.

17. А попов святого великого Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожов призирати старостам иваньским, и купцам, и старостам побереским, и побережаном».

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ
(фрагменты)

«Наставление отца к сыну» из сборника XV века «Пчела» говорит о распространенном в русском народе идеале трудолюбия и нестяжательства.

… Тот, кто о душе своей не заботится, а только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего.

Мудрый муж — мудрым и разумным друг, а друг убогим людям — Бог; муж мудрый, если и беден, то премудростью владеет вместо богатства; богатство праведников — мир Бога ко всем людям; великое богатство — хороший разум.

Мудрый муж, имеющий страх Божий, даже если он раб и нищий,— лучше царя. Тот же, у кого богатства много, но страха Божия нет — тот без ума; но если старается постичь закон Божий,— спасение получит; тот же, кто не имеет страха Божия,— спасения будет лишен.

Богатый муж, истине не наученный и не разумный, подобен ослу, взнузданному золотою уздою. Бедные и богобоязненные — лучше их.

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминальной трапезе: все вокруг плачут и нет веселящегося.

Грешник хуже горбатого: горбатый за собой носит уродство, а этот — в себе.

Ленивый хуже больного: больной хоть и лежит, да не ест, а ленивый — и лежит, и ест.

Скупого дом — как облачная ночь, закрывающая звезды и свет от очей многих.

«ДОМОСТРОЙ»

Как рукодельничать всякому человеку и любое дело делать, благословясь

В домашнем хозяйстве и всюду, всякому человеку, хозяину и хозяйке или сыну и дочери, или слугам, мужчинами женщинам, и всякому мастеровому человеку, старому и малому, и ученикам любое дело начать и рукодельничать: или еду и питье готовить, или печь что и разные припасы делать и всякое рукоделье и ремесло, и приготовясь, очистясь от всякой грязи и руки начисто вымыв, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю, а если болен — только до пояса: а кто может — «Достоинство есть» произнести, так, благословясь у старшего, и молитву Исусову проговорит, да перекрестись, и молвит: «Господи, благослови, Отче!» — с тем и начать всякое дело, тогда ему божья милость поспешествует, ангелы незримо помогают, а бесы исчезнут, и дело такое Богу в честь, а душе на пользу.

А есть и пить с благодарностью — будет сладко: что впрок сделано, то мило, делать же с молитвой и с доброй беседой или в молчании, а если во время дела какого раздастся слово праздное и непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством грязные и блудливые речи и песни бесовские да игры,— от такого дела и от такой беседы божья милость отступит, ангелы отойдут в скорби, и возрадуются бесы, видя, что волю их исполняют безумные христиане. И приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу, вражду и ненависть, и подвигнут мысли на блуд и на гнев и на всякое кощунство и сквернословие, и на всякое прочее зло,— и вот уже дело, еда и питье не спорятся, и каждое ремесло и всякое рукоделие не по-божьи свершается Богу во гнев, ибо не бла-

гословенное людям не нужно, не мило, да и не прочно оно, а еда и питье не вкусны и не сладки, только дьяволу да слугам его и угодно, и радостно.

А кто еду и питье и какое еще рукоделье не чисто исполнит, и в ремесле каком что украдет, подмешает, подменит или соврет и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет,— так те все дела не угодны Богу, и тогда запишут их бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда. И хозяина обманул, и людям навредил, да и впредь никто ему не поверит. А если что сотворил не по правде или приврал и выклянчил, или выторговал обманом,— не благословен подобный доход, не надежен, и милостыня с него неприятна Богу. От праведных же трудов и от честных доходов и себе надежно, и Богу достойно дать, и такая милостыня Богу приятна, а сам человек Богу угоден и людьми почтен, всякий ему во всем доверяет: и в этом мире добрыми делами Богу он угодит, и в будущей жизни во веки царствует.

Наказ мужу и жене, и детям, и слугам о том, как следует им жить

Следует тебе самому, господину, жену и детей, и домочадцев учить не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым. Всякое дело править без волокиты и особенно в оплате не обижать работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть Бога ради: и поношение, и укоризну.

Если поделом поносят и укоряют — соглашаться и новых безрассудств избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем

не повинен ты, уже за это от Бога получишь награду. А домочадцев своих учи страху божию и добродетели всякой, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и твоим нерадением сам или жена, наставленьем твоим обделенная, согрешит или зло сотворит перед Богом, или домочадцы твои, мужчины, женщины, дети твои грех какой совершат, хозяйского наставления не имея: ругань, воровство или блуд и всякое зло сотворят,— все вместе по делам своим примете: зло сотворившие — муку вечную, а хорошо поступишь и ты, и те, кто с тобою — вместе с ними заслужишь вечную жизнь: тебе даже больше награда, ибо не об одном себе старался ты перед Богом, но и всех, кто с тобою, ввел в вечную жизнь.

Каких слуг держать при себе и как о них заботиться, во всяком их учении и по божественным заповедям, и в домашней работе

А людей у себя держи дворовых хороших, чтобы знали ремесла, и кто такого достоин, такому ремеслу учи. И не был бы вор, ни бражник, ни игрок, ни грабитель, ни разбойник, ни блудник, никакому обману не потворщик. Всякий человек у хорошего хозяина, прежде всего, был бы научен страху божию, а также и всем добродетелям, вежеству, смирению, доброй заботе и домашней работе. Не крал бы, не лгал, ко всем добродетелям относился бы со смирением и в поучении господина своего, по заповеди апостола Павла, который писал к Тимофею: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божье и учение. Те же, которые имеют господами верующих, не должны обращаться с ними

небрежно, ибо братья они: и тем более должны служить им, что верные они и возлюбленные и благодетельствуют им». Этому, господине, и сам следуй, и от слуг своих требуй такими быть — и наказанием и страхом великим. И опять тот же апостол к Титу писал, что должны рабы «своим господам повиноваться, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего Бога…

О праведном житии

А если кто по-божески живет по заповедям господним, по отеческому преданию и по христианскому закону, то есть если владыка судит справедливо и нелицемерно и одинаково всех, богатого и бедного, ближнего и дальнего, известного и неизвестного.— такие, конечно, будут вознаграждены за свои справедливые решения. И слугам своим пусть велит поступать точно так же.

Если же в селах иль в городах кто хорош по-соседски, тот у христиан, у властей и в приказе, справедливых решений в нужное время добьется не силой, не грабежом, не пыткой. Если же не уродилось что и расплатиться нечем, так он не торопит. А не то так и у соседа или иного христианина не хватило зерна — на семена ли, на пищу, да лошади или коровы нет, или налога в казну уплатить нечем,— так нужно помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзанять, но другому по просьбе дать. И помогать им от всей души, от всяких обидчиков оберегая по правде их. Самому господину, и слугам его ни дома, ни на селе, ни на службе, ни в жалованье — ни в каких делах и отнюдь не обделять никого ни в чем: ни пашней, ни землей, ни домашним каким припасом, ни скотиной неправедного стяжания избегая.

Благословенным трудом и средствами праведными жить подобает всякому человеку. И видя добрые ваши дела и милосердие и любовь сердечную ко всем и таковую праведность, обратит на вас Бог свои милости и преумножит урожай плодам и всякое изобилие. Вот такая — от праведных трудов и благих плодов — милостыня приятна Богу, и молитву их Бог услышит, и грехи отпустит, и вечной жизнью наградит.

Люди торговые и мастеровые, и земледельцы тоже пусть праведным только и благословенным торгуют, и производят, и пашут — без покражи, разбоя и грабежа, без поклепов и лжи, клеветы и обманов; пусть торгуют и промышляют нажитым праведными грудами, не ростовщичеством, но благодаря приплоду, труду и всякому урожаю, исполняют дела свои добрые по христианскому закону и по заповедям господним: угодит в сем мире — вечную жизнь заслужит.

Как жить человеку по средствам своим

А в повседневном своем хозяйстве: и в лавке, и во всяком товаре, и в кладовой, и в комнатах, и во всяком дворовом припасе или деревенском, и в ремесле, и в приходе-расходе, в займах-долгах,— все заранее распределить, а потом уж и жить, хозяйство ведя согласно приходу и расходу.

Кто живет нерасчетливо

Всякому человеку, богатому и бедному, великому и малому, разобраться в своем хозяйстве, распределив по добытку и промыслу, и по своему достатку.

Служивому человеку жить, все разметив себе в соответствии с государевым жалованием, по доходу и по поместью

или по вотчине, и уж такой себе дом держать и все хозяйство с припасами. По тому же расчету — и слуг держать, и уклад, по промыслу и по доходу глядя, по нему и есть и пить и одеваться, и государю служить, и слуг содержать, и с добрыми людьми общаться.

Если же кто, не оценив себя и не рассчитав добра своего, ремесла и прибыли и государева жалованья и добытка законного начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая и беря незаконным путем, то честь его обернется великим бесчестьем со стыдом и позором, а в лихое время никто ему не поможет: от безрассудства своего пострадает, да и от Бога грех, а от людей насмешка. Надобно каждому человеку избегать тщеславия и гордыни и неправдою нажитого имущества, жить по силе своей и возможности и по расчету, и по средствам, добытым законным путем. Только такое житье и благоприятно, и Богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно.

Кто без присмотра содержит слуг

Если же держат людей у себя не по средствам, не по достатку, а потому и не могут удовлетворить их едой и питьем и одеждой, или таких, что ремесла не знают и пропитаться сами не могут, — придется слугам таким, мужику или женке, или девке поневоле, горюя, красть, и лгать, и блудить, а мужикам еще грабить и красть, и в корчме выпивать, и всякое зло чинить, — таким неразумным господину и госпоже от Бога грех, от людей насмешка и житье без соседей, от судей же пеня, разорение дому, да и сам обнищает за скудость ума. А все потому, что каждому человеку следует слуг держать по добытку-доходу, столько, сколько можно их прокормить и одеть и во всем остальном удовлетворить их, да в страхе Божьем и поучении добром их держать. И если таких людей

ты при себе имеешь, то и сам от Бога получишь благословение, и эти души спасешь.

А не по силам тебе людей содержать, не продавай их в рабство, но отпусти на волю и, насколько можно, надели их: от Бога награда, а душе польза.

Как сохранять порядок домашний и что делать, если придется у людей чего попросить или людям свое дать

Для любого рукоделья и у мужа, и у жены всякое бы орудие в порядке на подворье было: и плотнимое, и портновское, и кузнечное, и сапожное: и у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы прядок был свой, и хранилось бы все то бережно, где что нужно, ибо если придется что делать — никто ничего не слыхал: в чужой двор не идешь ни за чем, все свое — без лишнего слова.

Да поварские принадлежности, хлебопекарные и пивоваренные все бы были у себя сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное — какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: женскую одежду, бусы или мониста, или свое дать: одежду мужскую, сосуд медный, оловянный или деревянный, или какое платье, и какой-то запас — так все пересмотреть, и новое все и ветхое: где что измято или побито, или дыряво, а одежда измазана или продралась, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело — и все то сосчитать, и заметить, и записать и тому, кто берет, и тому, кто дает — обоим то было бы ведомо.

И что можно взвесить — то взвесить, и всякой ссуде определить бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет — и тому уплатить, у кого взято. А всякую ссуду и брать, и давать чест-

но, хранить крепче, чем свое и в срок возвратить, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и еще дадут, да и дружба навек.

А если чужого не беречь или в срок не вернуть, или отдать, испортив, в том обида навек и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.

ВЕК ПЕРЕМЕН

О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

ПОСОШКОВ Иван Тихонович
1652 — 1726

Посошков, вышедший из крестьян, занимавшихся ювелирным промыслом, с одной стороны является продолжателем хозяйственной традиции Древней Руси, выраженной в «Домострое» и практической жизни общин и артелей, а с другой несет уже сомнение в верности традиционных ценностей. Хотя в целом его симпатии на стороне национальных традиций хозяйственной жизни, которые он хочет обновить «сугубо умственным путем». Тем не менее пафос огульного и не всегда справедливого обличительства внутреннего порядка присутствует в его главном труде «Книге о скудости и богатстве».

Из основополагающих ценностей Древней Руси он принимает почти все. Прежде всего идею домостроительства (экономики, хозяйства), цель которого, по его мнению,— в достижении изобильного богатства, то есть определенного достатка человеческих вещественных и невещественных благ. Источником богатства является только труд, «безотносительно к его физическим и социальным особенностям».

Изобильное богатство понимается им не как средство к роскошной жизни, а как средство обеспечения некоторого достатка для прокормления своей семьи, церковного богослужения и выплаты царских налогов. Изобильное богатство может быть очень скромным и дело совсем не в вели-

чине его, а в том, что каждый человек должен обязательно трудиться, приносить «прибыток». Трудом создается «всенародное богатство», состоящее из «домовых внутренних богатств». Некоторые «избытки» во «внутреннем домовом хозяйстве» предполагают продажу их вне хозяйства.

Посошков стоял на позициях регулирования внешнеторговой деятельности в сторону таможенного ограничения вывоза за границу сырья. Он полагал, что продавать надо преимущественно готовые продукты. Ученый стоял за независимость русского хозяйства от иностранного рынка, предлагая использовать для этого таможенную политику, содействующую росту российской промышленности и созданию производств продукты которых тогда закупались за границей. За рубежом следует покупать только то, чего нельзя сделать в России.

Посошков неоднократно высказывает идеи экономической автаркии, независимости русского хозяйства от внешних рынков. Богатство народа состоит не в том, что он получает из-за границы, а в том, что он создает внутри своего хозяйства, обеспечивая себя всем необходимым.

Во времена Посошкова крестьяне составляли не менее 95 процентов всего населения страны. От их «изобильного богатства» зависело русское Царство. «Крестьянское богатство, — говорил Посошков — царственное, а нищета — крестьянское оскудение царственное». Крестьянский экономист считал крестьян такими же землевладельцами, как и помещиков. «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время». Земля, которую обрабатывают крестьяне, принадлежит им по обычному праву ее распределения и перераспределения, регулируется общиною. Для осуществления справедливого землевладения, по мнению Посошкова, нужно ввести всеобщий поземельный налог не только с крестьян, но и с других «чинов».

От чего приключается напрасная скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается

Аз, мизирный Его Императорского Величества рабичищ, мнение свое сицево предлагаю о собрании Царских сокровищ, сице, еже верным Его Величества рабом тако подобает пещися, ежебы елико о собрании казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собранного, но и несобранного прилежно смотреть, дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало.

Подобие и о всенародном обогащении подобает пещися без уятия усердия, дабы и они даром и напрасно ничего не тратили, но жили бы от пьянственного питья повоздержнее, а во одеждах не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы от излишняго украшения своего, наипаче же жен своих и детей своих, в скудость не приходили, но вси бы по мерности своей в приличном богатстве расширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много, ниже то царственное богатство, еже синклит Царского Величества в злато-тканных одеждах ходит; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внешними одеждами или позументным украшением: ибо украшением одежд не мы богатимся, но те государства богатятся, из коих те украшения привозят к нам, а нас во имении теми украшениями истончевают. Паче же вещественного богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть, о истинной правде; правде — отец Бог, и правда вельми богатство и славу умножает, и от смерти избавляет; а неправде отец диявол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отгончевает, и в нищету приводит, и смерть наводит.

Сам бо Господь Бог рек: *Ищите прежде царства Божия и правды Его;* и приреченте глаголя: *яко вся приложатся вам,* то есть, богатство и слава. (Матф. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобает нам паче всего пещися о снискании правды; а егда правда в нас утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Российскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть самое царства украшение и прославление и честное богатство, аще правда, яко в великих лицах, тако и в мизирных; она насадится и твердо вкоренится — и вси, яко богата, тако и убозии, между собою любовию имут жить, то всяких чинов люди по своему бытию в богатстве довольни будут.

О купечестве

И купечество в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое не только великое, но и малое царство стоять не может. Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет.

И того ради и о них попечение нескудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быть, так и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается. И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити, дабы не малые обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди — купечество ни во что ставят, и гнушаются ими, и обидят их напрасно. Нет на свете такого чина, коему бы купецкий человек не потребен был бы.

И так купечество годствует блюсти, чтобы не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели, и в купечество их иночинные люди отнюдь бы

не вступали, и помешательства ни малого им не чинили, но дать им торг свободный, дабы от торгов своих сами полнились, и Его Императорского Величества интерес умножали.

Егда ибо торг дан будет Русскому купечеству свободный, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу Русским людем помешательства нималого б не чинили, то и пошлинный сбор будет не в том сочислении. Я так мню, что при нынешнем сборе пошлины будут собираться вдвое или втрое; а ныне от разночинных промышленников пропадает ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще от синклита, или от офицеров, или от дворянства, или из приказных людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотят торговать, то надлежит им прежний свой чин отставить, и записаться в купечество, и промышлять уже прямым лицем, а не пролазом, и всякие торги вести купечески с платежом пошлин, и иных каких поборов с купечества, равно со всем главным купечеством, и без согласия купеческого командира утайкою, по-прежнему, воровски ничего не делать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы перед Богом не грешить и пред Царем в вине не быть; и как жить, так надлежит и слыть: аще воин, то воин и да будет, и аще инаго звания человек, то всяк бы свое звание и да хранил бы цело.

Сам Господь Бог рек, глаголя: (Матф. гл. 6, ст. 24): Един раб не может дву господинам служити. Тако и воину и инаго чина человеку всякому свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати: аще бо тому к купечеству прилипнутися, то в военном деле солгат будет. Сам же Спаситель наш рек, глаголя: яко идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. А Святый Павел Апостол глаголет: яко никто воин обязуйся куплями угоден будет воеводе. А по простонародному речению есть глагол приличен сему, еже глаголется: одно взять — либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечеством не подобает; но буде у кого желание к купечеству припадет, то уже в тот чин и вписатися надлежит.

И сего ради аще не учинить о сем предела, еже посторонних торговцев из господ и из прочих приказных и вотчиных людей и из крестьян не унять, то весьма обогагитись купечеству не возможно, и собранию пошлинной казны умножиться не от чего будет.

А аще Господь Бог у нас в Российском Царстве устроит сице: еже судьи и вси правители будут кийждо управлять свое дело с прилежанием, а в купечество не вступати, не токмо их от обидников защищать, также и военным людям, ни офицерам, ни солдатом, в купечество не вступати же, и ничем их не обижати, токмо пещися о своем деле военном, такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делех, а в купечество отнюдь бы не вступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукодельем, а в купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы.

А буде кой крестьянин может рублев на сто торговать, тот бы чей ни был крестьянин, Государев ли, или Царицын, или митрополий, или монастырский, или сенатский, или дворянский, или какого звания ни был, а торгу на сто рублев имеет, тобы записался в купечество. И аще и там поведено будет им жить на стороне, а уже пахоть ему не пахать и крестьянином не слыть, но слыть купеческим человеком, и надлежит уже быть под ведением магистратским, и с торгу своего пошлина платить, в мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколом, то так тому и платить неизменно.

А дворяне ради себя пасли бы своих крестьян неотложно, и прикащикам своим и старостам наказали б накрепко, чтоб крестьяне его ни мало к торгу не прикасались бы, и никогда бы даром ни летом, ни зимою не гуляли, но всегда б были

в работе, а к купечеству ни малым торгом отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши нанимал, да хлебом насевал, и тот излишний хлеб продавал бы, а сам у иных крестьян ни малого числа для прибыту своего не покупал бы; а буде купит хотя одну осьмину, а кто свой брат-крестьянин или и тот, кто продал, пришед в таможню, известить, то у того торгаша взято будет штрафу сто осьмин, а кто о том донесет, дать десять мин. А буде кто купит для продажи десять четвертей, то взято будет на нем штрафу тысяча четвертей, а кто доведет, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадет охота к купечеству чем бы он ни был, явился б в магистрате, и сказал, что могу я торговать на сто рублев или на двести или и вящше, то указом Его Императорского Величества взят будет в купечество.

Аще сие Бог устроит, еже всякого звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры, а купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству. А пошлины будут с них собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынешняго сбора и втрое больше будет или вящше.

Потому что ныне торгуют бояра, дворяне и люди их, и офицеры, и солдаты, и крестьяне, то все те торгуют беспошлинно, а и купецкие люди за их имены множество провозят беспошлинно же. И я не чаю, чтобы ныне и половина прямо пошлин собиралося, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всем торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о сем всесовершенно знаю, что в одном Новгородском уезде крестьян, кои торгуют, будет сто-другое, а пошлин ни по деньге не дают. И аще кой сборщик, увидя их похочет пошлину взять, то дворяне за них вступятся, и чуть живых оставят, и на то смотря, никакие целовальники и прикоснуться к ним не смеют. И есть такие богачи, что сот по пя-

тишти имеют у себя торгу, а Великому Государю не платят ни по деньге.

И если вся сия устроится, то яко от сна купечество возбудится.

А сей древний купецких людей обычай вельми есть неправ, еже и между собою друг другу неправду чинят, ибо друг друга обманывают.

Товары яко иноземцы, тако и Русские, на лице являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут неправедную, и неискусных людей тем обманом вельми изъявят, и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают, и тое неправду и в грех не поставляют, и от такого неправаго порядка незнающим людем великия пакости чинятся.

А кои обманывают, последи за неправду свою и сами все пропадают, и в убожество вящшее приходят; и тако вси отончевают.

А аще бы в купечестве самая христианская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие, и цену брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цена положена, а излишния бы цены ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивали б, и ни стара, ни мала, ни несмысляннаго не обманывали б, и во всем поступали б самою правдою, то благодать бы Божия возсияла на купечестве, и Божие благословение почило бы на них, и торг бы их святой был.

И ради неподвижныя в купечестве правды надлежит во всех рядах устроить сотских и пятидесятских и десятников, и в коей лавке сидит сотской, то над дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая белилами, дабы всем она знатна была, и на такой дщице написать сице: сотской; такожде над лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующие, куля какой товар, знали где тот товар показать, пря-

мо ль отвесил или обмерял, и товар доброй или плохой и настоящую ль цену взял.

А буде взял цену не противо настоящая цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу по гривне или по две, и высечь батоги или плетьми, чтоб вперед так не делал; а буде в другой раз так же учинит, то доправить штрафу сугубо, и наказание учинить сугубое ж.

А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет, или не такой товар даст, какого купец требовал, и вместо добраго худой продаст, то таковому жесточае чинять наказание, и штраф противо товарныя цены взять десятерично.

А буде в такой неправости помирволить продавцу сотской или пятидсятской или десятской, то взять штраф на десятском в десять мер, а на пятидесятском в 50 мер, а на сотском во 100 мер, и наказание чинить кнутом, по колику ударов уложено будет: и дать тем сотским и пятидесятникам инструкции с великим подкреплением, чтоб они за своими десятскими смотрели неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великих лиц, и чтобы десятские и по лавкам досматривали, чтобы никакова товару худаго добрым не закрашивали, но каков кой есть, таков бы продавали, добрый за добрый, средний за средний, а плохой бы за плохой, и весили бы и меряли самою правдою, а излишния цены ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоит, того бы и просили, а и заморские товары, сукна и камки и прочия парчи, меряли бы и продавали с перваго конца, а не с задняго. И какой купец не пришел, богат или убог, аще разумен или ничего не смышлящ, всем бы единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублев единыя копейки не имали и не припрашивали бы. (Спорить нельзя — одной цены уставить вес товару: имя одно, да доброта не одна; ину пору да и поплоше) и самыя ради беспорочныя правды не худо бы всяким товарам

весовым и локотным положить цена уставленная, чтоб она какова была в первой лавке, такова бы и в последней.

А что с кого надлежит за какую вину взять штрафу, и тот бы штраф собирали сотские не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и приняв штрафу, записывали б в закрепленную книгу, и помесячно относили бы их в контору надлежащую, а со иноземцы приезжими на ярмарках без воли главнаго купеческаго правления командира, ни великаго, ни малого торгу не чинили бы.

А буде кто хотя на один рубль дерзнет приезжим иноземцам продать какого-нибудь товару без воли вышняго своего командира, то взять с него штраф сторично; за всякой взятой рубль по сту рублев, и наказание учинить кнутом, колико уложено будет ударов дать, дабы помнил и впредь так не делал.

И с воли командира своего и по согласию купечества поставя цену товару своему, отпускали бы за моря и за прочие рубежи Русские товары, как богатые, так и убогие с воли командира своего по общему согласию компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземец сторгует какова товара Русскаго многое число или малое, то всем Русским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочет товару своего для малые продажи расчинать, и то как кто похочет, в том воля мочно дать.

И тако творя, между всеми купецкими людьми будет мирно и согласно, а цены никому уронить будет нельзя, и почему какому товару цену с общаго согласия наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возьмут.

А буде иноземцы похотя нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенной цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым за себя снять.

А буде купецкие люди за недостатком денежным не соймут, то выдать бы им деньги из ратуши и отпустить их восвояси, и впредь до указа таковых товаров не возили бы хотя годы два — три или больше, донележе со иноземцы торгу не будет, промышляли бы иным каковым промыслом. И пока иноземцы по наложенной цене товаров наших принимать не будет, до тех времени отнюдь нималаго числа таких товаров на иноземческие торги не возили бы.

И буде иноземцы восхотят наших купцов принудить к своему умыслу, ежебы наших Русских товаров ценой не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары с коими приехали повезли б все с собою назад; а в амбары с кораблей не сторговавшись отнюдь класть им не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станут, или где в доме похотят сложить, отнюдь того им не попускать; то когда наших товаров не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего: как привозили, так пусть и назад повезут.

А в другое лето буде приедут, то надлежит нам на свои Русские товары к уставленной прошлогодней цене положить на рубль по гривне или по четыре алтына, или как о том указ Великаго Государя состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы в том товаре даром не прогуляли.

А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на прежнюю цену наложить еще толико же, колико на первый год наложено. И так колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на каждой год по толико и те накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтоб в купечестве деньги в тех залежалых товарех не даром лежали, но проценты бы на всякой год умножалися.

И аще в тех процентах товарам нашим возвысится, что коему прежняя цена была рубль, а в упорстве иноземском возвысится в два рубли, то таковую цену уже впредь за упрямство их держать, не уступая ни малым чем.

И аще иноземцы упрямство свое и отложат, и станут товары свои возить к нам по-прежнему, и наших товаров к себе востребуют, а уже цены на Русские товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и в предбудущие годы по такой же наложенной цене продавать, почему в упорстве их иноземской наложилась.

И буде двойныя цены за наши товары не похотят нам дать, то и их товары перед ними: мы благословением Божиим можем без их товаров пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры в купечестве и в иных гражданских расправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустят до двойныя цены: будут торг иметь повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложат: нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовати пред нами, и во всем упадок пред нами держать, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим материяльным товарам цену уставляют низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойныя цены.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великого Государя ценят, до чего было им нималаго дела не надлежало: им надлежит деньги ценить своих государей, потому что они власть имут над своими владельцы. А наш Великий Император сам собою владеет, и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну имать, то так и может правитися. Мы в своем царстве с воли Монарха своего вольны на привезенные их товары цену налагать. А буде им нелюбо, то на ту цену не отдавай, волен он и отдать и не отдать; нам силой у него не отнять, а в том мы можем стоять, несторгованнаму

и негодному на сухом берегу места не дать; либо назад вези, либо в корабле держи.

Время было уже им прежняя своя гордость и отложить; плохо им было над нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи в купеческия дела не вступали, но управляли бояре. И приехав они иноземцы засунут сильным персонам подарок рублев во сто-другое, то за сто рублев сделают они иноземцы прибыли себе полмиллиону, потому что бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупку; бывало на грош все купечество променяют!

А ныне, слава Богу, Монарх наш вся сия разсмотрил; и подлезть им уже никак, еже бы им по прежнему своему хотению уставить и на своем поставить.

И если они иноземцы от упрямства своего года два — три и пять — шесть торговаться с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будет уже в покупке по полтине или и меньше, а иноземцам меньше уставленныя цены за иноземческое упрямство сбавить отнюдь неможно. Потому что такая цена уставилась за их непокорство; они на свои товары без причины наложили цену высокую и тем нас вельми изневожили, а им изневога не от нас, но от своего им упрямства. Они в причину поставили Русския наши деньги, до чего им ни малаго дела нет. Деньги наши когда в их землю придут, то хотя они нашу копейку и за деньгу не возьмут, то в том они вольны: их земля, их воля. А в нашей земле нет им ни малыя власти, но волен наш Монарх; а по его Монаршеской воле и мы имеем некую часть воли. А они, пришед в нашу землю, ценя наши деньги, да всяким своим товарам цену возвысили: червонные были без гривны по сроку алтын, а ныне по два рубля, ефимки были по осьмнадцати алтын, а ныне по осьми гривен; меди пуд был по три, а ныне — по семи и по восьми рублев, олово было не с большим по три рубля, а ныне выше шести руб-

лев; горючая сера была по полтине пуд, а ныне втрое выше продают. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривен, ту ныне продают по два рубля: оконечных стекол ящик покупали по три рубля, а ныне продают по десяти рублев. Колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да и тройную, и тем они хощут Российское Царство пригнать к оскудению, и издеваясь над нами, вместо матерьяльных товаров возят к нам разные питья, да похваляют их, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша их такую похвалу, больше у них покупали, и денег бы им больше давали, а нам бы то их питье выпить, да……. а иное и выблевать; да привозят к нам стеклянную посуду, чтоб нам купив, разбить, да бросить. И нам если заводов пять — шесть построить, то мы все их государства стеклянною посудою наполнить можем.

И того ради весьма надлежит нам себя осмотрить: их Немецких разсказов нам не переслушать; они какую безделицу не привезут, то надседаясь хвалят, чтобы мы больше у них купили, и уже чего не затеют: и пива наваря, да налив в бутылки привозят, да продают бутылку по десяти алтын: а нам мочно на ту бутылку наложить на алтын или на две копейки.

И аще нашим товарам высокая цена уставится или не уставится, то в воли Монарха нашего; как он поволит, так то и будет неизменно.

А их заморские товары весьма надлежит принимать купечеству нашему по разсмотрению, и по согласию общему, и с воли командира своего, а не по-прежнему, самовольно, и выбирали б, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохих отнюдь не принимали, и те принятые товары такожде делили между собой по количеству своих товаров с общаго совета, чтобы никому и малой обиды не было.

А буде же иноземцы на тот отборной товар еще сверх настоящия цены наложат цену излишнюю, то и того отборнаго товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них

ничего, но брать по настоящей цене, какова до того от отбирания установилась.

А буде заупрямятся, и давать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им: пусть весь свой товар повезут назад, а плохих и непотребных товаров и на полцены отнюдь бы не принимать ни малого числа для того, чтобы они дураками нас не называли, и в товарах наших над нами не издевались бы.

А наипаче таких товаров не принимать, которые куля выпить, да……. или приняв разбить и бросить. Стеклянную посуду мочно нам к ним возить, а не им к нам; и всякие товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя их иноземческия пуговицы принимать и на полцены не надобно; понеже пока человек кафтан носит, то обшивныя пуговицы двое или трое переменит. И того ради годствует принимать пуговицы медныя плотныя, кои паяны не оловом, или кои и без пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловянныя серебром посеребряны на жестяных чашках. Такожде кои вместо стальных привозят визмутовыя пуговицы, то и таких принимать не надобно ж для того, что они непрочны. А принимать самыя прочныя, с коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сделаны на железных самых плотных ушках, то таковые мочно брать; потому что оне весьма потребны, платья не дерут, а к носке прочны, цена им не высокая; буде станут ушки делать у них гораздо плотны, то они партищ пять-шесть переносят.

А и во всяких товарех смотрить того накрепко, чтобы был прочен, и парчи всякие, кои бывают к носке прочны, те и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цветны, таковых и на полцены принимать не надобно, и никому бы из таких парчей и платья делать надлежит призапретить; потому что в них деньгам перевод.

И не токмо шелковых, но и гарусных, кои неплотны и к носке непрочны, чулки и парчевые вещи, кои скоро про-

падают, таковых никогда ж принимать не надобно: такожде и линтов, кои весьма тонки и плохи, хотя самою малою ценою не доведется ж брать; но брать те линты, кои весьма плотны, хотя и ценою выше, только б к носке были прочны; и с мишурою битью никаких линтов не принимать; потому что в них никакого проку нет, токмо денежная напрасная трата.

Такожде и платков шелковых Немецких и Персидских не надлежит же покупать нам; потому что и в них токмо одна денежная трата, а самыя потребы ни полу нужныя нет: дать за него рубль или полтора рубля и годом платка два-три истеряет, и на другой год толико ж надобно, и лет в десяток иной щеголь платков с пятьдесят: и хотя по рублю положить платок, то пятьдесят рублев истратит, и на всякий год, и в той безделице из царства тысяч десятка по два-три пропадут, а на утирание носа и на утирание на лице пота гораздо потребнее платки льняные, нежели шелковые; и шелковые только одни хвасты, да иноземцам обогащение.

И если заказ о шелковых платках будет, то никто их не востребует, и будут по-прежнему полотняными платками утиратися.

Немцы никогда нас не поучат на то, чтобы мы бережно жили, и ничего б напрасно не теряли: только то выхваляют, от чего б пожиток какой им припал, а не нам. Они не токмо себя, но и прочих свою братию всякими вымыслами богатят, а нас больше в скудость пригоняют; и того ради надобно нам разумея разуметь о всяких их делах яко о купецких, тако и о военных и о художных делах: не тут то у них правда, что на словах ладогозят; надобно смотрить их на делах, а не на словах, и смотрить презрительным оком.

А кои у нас в России обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стеклянная посуда, зеркалы, очки, оконечныя стеклы, шляпы, скипидар, робячьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульмент, то всем тем надобно управляться

над своим, а у иноземцев отнюдь бы никаковых тех вещей ни на полцены не покупать.

А и сукон солдатских, мнится мне, у иноземцев покупать не надобно ж, потому что наши Русские сукна аще и дороже заморских станут, обаче тыи деньги из царства вон не выйдут.

Того ради и сукнами нам потребно прониматися своими же, чтобы те деньги у нас в России были.

И правителем не токмо одних купецких дел, но и градских, надлежит смотрить тою накрепко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего из-за моря и из-за рубежей в Русь не покупали, но покупали б такия вещи, кои прочны, и коих в России у нас не обретается, или без кои пробыть немочно.

Нам надобно не парчами себя украшать, но надлежит добрым нравом, и школьным учением, и христианской правдой, и между себя истинной любовию и непоколебимым постоянством, яко к благочестивой христианской вере, так во всех делах, и за таковое украшение не токмо на земли, но и на небеси будем славны.

А и сие в купецких людях деется весьма неправильно, еже аще который человек проча себе и детям своим построить палаты, и аще он построил их и одолжась, а соседы и клевреты его вси, вместо ежебы его за то паче перваго любити и благодарити, что сделал от бочнаго огня преграду и царственную учинил украсу, вознегодуют на него, и налягут на него тяжелыми податьми и службами, и то стало быть диявольская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что он строя палаты изубыточился, а они вместо льготы нападут на него с разорением.

А мнится: не худо бы и Царским указом сие подтвердити, чтобы лет на пять-шесть или и больше построившим палаты в Царских поборах давать льготы, и в те льготные годы службы никаковы не выбирать бы; дабы он поправился, и на то смотря, стали б иначе тщатися палаты строить.

Паки и сие мнится: не весьма право посадские люди многие украшают себя паче меры своей, а жен своих и детей и наипаче того со излишеством украшений, и в том украшении излишнем себя истощевают.

Паки мне мнится — не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое бы определение имел: посадские люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне ни коими делы по платью неможно познать, кто какого чина есть, посадский или приказный или дворянин или холоп чей; и не токмо с военными людьми, но и с царедворцами распознать неможно.

А мнится быть то самое прямое дело, чтобы не то что от царедворцев или от солдат, но и между собою надлежит им различие иметь.

Первая статья купецкаго чина, кии высше тысячи рублев, даже до десяти тысяч пожитки у себя имеют, тии бо носили на верхних кафтанах от сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублев, а камзолы луданые и стофные и прочие шелковые парчи, кои без золота, без атласа и без испещрения разных цветов, а разноцветных парчей купечество и на малых своих детей не надевали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченыя, а позументов бы и снуров золотых и серебряных, ни пуговиц обшивных, отнюдь бы не было и на малых их детях; а покроем надлежит, мнится, всему купечеству иметь: верхние кафтаны были б ниже подвязки, чтоб оно было служивого платья длиннее, а церковного чина покороче, а штаны бы имели суконныя и триповыя, а камчатых и парчовых отнюдь бы не было у них, а на ногах имели бы сапоги, а башмаков тот чин отнюдь не носили же бы, а на головах бы носили летом шляпы, и носили бы их аще и пуховыя, а пол по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки с околыши лисьми и рассомашными, а собольих бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинные сотни, кии выше десяти тысяч имут у се-

бя пожитку. А средния статьи, кии имут у себя пожитки ото ста рублев даже до тысячи, то тии бы носили сукна Английския, кии около рубля покупается аршин, а камзолы китайчатые и суконные носит, а пуговицы серебряныя белыя и медныя, паяныя медью и серебром посеребреныя; а на головах летом носили бы шляпы без заломов, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроем особым от первостатейного купечества, а на ногах — сапоги. А нижняя статья, кии от десяти рублев имеют пожитка только до ста рублев, тии бы носили сукна Русские крашеныя лазоревыя и иными цветами, хотя валеныя, хотя неваленыя, только бы были крашеныя, а некрашеныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежном расположении аще инем повидится дело невеликое, мне же мнится — велико оно: первее, что чин от чина явен будет, и всяк свою мерность будет знать; другое, что у всякого чина денежныя истраты излишния не будет; третьи, что царству наполнение будет немалое.

И платенное расположение, я чаю, что иноземцы вельми будут спорить того ради, что разходу парчам их будет гораздо меньше. И о всем, как воля Его Императорского Величества произыдет, тако и будет; и расположить бы все статьи особливостно, не токмо материяльными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрепко, чтобы впредь неподвижну быти. И того ради штрафом подтвердить и страх предложить, дабы никто не держал на изменение предела сего.

У кого пожитку на тысячу рублев есть, тот бы себя не ругал, но благодаря Бога, носил бы достойное платье по пристоинству своему.

А ныне много есть, что тысячи две — три имеют, а ходит в сером кафтане; а у инаго и ста рублев нет, а он носит платье против тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нет, тот бы не тщеславился, но всяк бы свою мерность знал.

И аще у кого пожитку выше тысячи рублев, и он платье по своему достоинству противу своего клевретства носить

не будет, и кто, ведая его пожиток, донесет о нем, то все его пожитки переписать, и аще явятся тысячи на две или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что он сам себе того возжелал, а излишнее все, аще и выше того будет, взять на Великого Государя, а доносителю из взятого пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смете явится ни с большим на тысячу рублев, тому в пеню не ставить: аще сто — другое или третие явится излишняя, и кто доносил, нет ему ничего. А буде сот пять излишняя будет, то излишняя пять сот или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублев или сот пять — шесть.

А кто выше своей меры платье себе сделает, и по доношению тое платье снять, и дать тому, кто на него о том непристойном платье обличит его, и учинить ему наказание, чтобы впредь так он и иные не делали, и себя бы не убытчили.

И аще сие дело не великое, а царственному обогащению будет великая помощь: никто излишняго тратить не будет.

И аще воля Великого нашего Монарха на сие дело произыдет, то надлежит закрепить штрафом великим и страхом немалым, дабы не токмо в городех, но и в путях ездили бы в определенном своем платье.

А буде кто оденется не своего чина одежою, то наказание чинить ему жестокое, а по людям смотря, надлежит и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хощет идти на легкую работу — на разбой.

В одеждах так бы хорошо устроить, что не то, чтоб по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкам все бы были знатны, кто какого звания есть.

И по такому расположению все чины будут явны, и никто волгатись во иной чин не может; а мне видится, от такого порядка и азарничества поубудет; ныне бо многие поубравшись по-солдатски, ходя по улицам, чинят, что хотят, а никто при-

стать к ним не смеет: мнят быть их прямых солдатов, наипаче кии убираются подобием Преображенских или Семеновских солдат, и тако творя, наносят слово на прямых солдат недоброе.

А если бы все чины были расположены, то аще бы кто и поазарничал, то положил бы порок на свой чин, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничает.

И не худо бы расположить какими знаками и полки все как солдатские, так и Драгунские, чтобы всякий солдат и драгун знатен был, коего он полку.

И аще все чины повадится расположить трудно, то хотя б то учинить, чтобы мочно было знать, кто идет или едет, господин ли или раб; обаче о всем сем како воля Божия и Его Императорскаго Величества произыдет, так и может быть.

И сие вельми потребно, еже бы то учинить, чтобы никто выше меры своея одежд и всяких украшений не строили.

А наипаче монахом шелковыя одежды носить неприлично; а сие весьма непристойно, еже носят они рясы луданыя, атласныя и штофныя; они бо уже мира сего отреклися, и яже суть в мире, и миру подобает от них отреченну быть: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а миру мертвы суть: и того ради ни малаго убрания не подобает им не токмо в одеждах иметь, но и во всяких вещех украшати себя светскими украшеньми не надлежит, но подобает им украшати себя святым житием и всякими добродетельми, паче же смирением и из монастыря неисхождением. Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние, от волны сотканное, а и покрой рясам их надлежит быть мешковатой, чтобы и в том украшения ни малого какого не было.

А исподы носили б самые смиренные овечьи, а собольих, и куньих, ни лисьих, ни бельих, отнюдь бы не носили; ибо на худой конец, что они по всей России на всякой год тысяч десятка по два — три в том украшении истратят, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшение, ни она миру

увеселение, то токмо тщеславие и к б.... цам присвоение, и иного ничего в том украшении несть, кроме греха.

И аз не вем, како у них на сие рассуждение будет, а мое мнение тако лежит, что отнюдь им не то что одежд, но и опушки шелковыя не подобает им иметь. Чернец — мертвец. И от пьянственнаго питья подобает им весьма удаляться, и между мирскими людьми не шататься, и в деревнях монастырских управителями не подобает им быть, но токмо знать им монастырь, да святую церковь, и келлий своих никаковым украшением не украшати, а не худо, чтоб и стен не тесати, и в келлиях своих не токмо хлопцев молодых при себе держати, но и родных своих детей отнюдь при себе не надлежит имети.

У инока инако всякому делу подобает быть: у инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме единого Бога. Им пища сладимая и приправная и маслом гораздо усмаженная не весьма подобает ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрешения маслица положить самую малую часть, дабы не весьма уж усладило; такожде и на питие разрешить от самые ж малые части, чтоб пиянства в себе не почуяти.

Чернецу непрестанно подобает быть в молитве, да в труде и в непрестанном богомыслии. Им так надобно жить, что он весь был в Бозе и Бог бы в нем неизходно, и не токмо ему сладостныя яствы ясти или по люторску мясу коснутися, но и рыбы, кроме разрешенных дней, не подобает вкушати. Вся бо та в мире суть, а не монастыре, и егда на рыбу разрешено, то и рыбу не весьма усмаживать маслом и иными приправами, но варить ее просто и, кроме соли никакой потравы в нее класть не весьма потребно; в монастыре токмо труд и алкание, а не роскошь какая. И того ради называется равноангельское житие их, потому что непрестанно в церковном пении и в келейном правиле и в постех и молитве пребывают и в богомыслии.

И в монастырех каков труд и воздержание всей братии, таков и архимандриту, и пища какова все соборным и работным инокам, такова и самому архимандриту. И в таком бытии самое будет братство, такожде и одежда у всех бы была безукрасная и ничем одежда от одежды не отмеченная; и тако бы они в монастыре трудились, чтоб никто посторонний человек познать не мог, кто какого чина есть.

Христос, дая нам образ, будут на земле, платья украшенного и изменного не имел, и яко Сам едину ризу имел, тако и прочим ученикам своим повелел единоризным быти.

А и пищу Христос требовал простую без приправ (Лук. гл. 1, зач. 54): егда бо пришед в весь посетит Лазаревых сестер, и Мария села при ногу Иисусову слышаше словес Его, нача про Христа припасать ядь со учреждением. Господь же похвалил Марию, коя о пище не пеклася, но седше, слушаше словес его Господних, а Марфе рек: Марфо, Марфо, печешися о мнозе, едино же есть на потребу. Яве есть, яко повелел ей припасти то, чем мочно человеку сыту быть. Тако и инокам токмо припасать, чем мочно человеку сыту быть, и есть надобно не чрез сытость, чтобы не отяготить себя, и имения иноку никакого не подобает имети.

И в таковом житии могут они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утехи себе, кроме Бота, не имеют; всегда пребывают в посте и в молитве, и мяса не вкушают, и никакими сладкостями не услаждают себя, и яко Христос жил, тако и они живут, и живут житие безженное, а мнози в них обретаются и девственники; итого ради весьма им надлежит слыть Евангеликами.

А люторы, я невем, с коего разума называются евангеликами: они живут… а не евангельски: мясо едят…

И ради всенародного охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от лишнего пиянства и от роскошного жития повоздержать; наипаче надлежит запретить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому бы

не носили: а чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочим всякого чина людям призакрепить, чтоб и они в заморских питьях не касались, и денег бы напрасно не теряли. Буде кто похочет прохладиться, то может и Русскими питьи забавиться, а не то что покупаючи пить, но и приноснаго никакого заморскаго питья не поваживались бы пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокие персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку, (а табак не худо бы в Руси ж завести сеяти и строить его по-заморски, как у них водится, чтобы и на табак деньги из Руси напрасно не тратились), но чем Бог нашу страну наполнил, тем надлежит и честноватись.

И иноземцам то прилично питье свое заморское во домех своих держать и кого не похотят поить им хотя Рейнским или алканом, но хотя Венгерским безденежно; а на деньги буде продаст много или мало, брать штраф сторичный — за копейку по рублю, а за рубль по сту рублев, а достальное питье, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцев позовет к себе в гости, то потчивали б своими питии, а на заморские питья отнюдь никакого числа денег не тратили бы, но токмо заморские питья покупали бы одни сенаторы, да из Царского Синклита, кои самые богатые люди, обаче с рассуждением же бы, чтобы деньгам не весьма истратно было.

Разве к кому случится пришествие Царскаго Величества, то уже тут нет предела — идеже Царское пришествие, тут и закон изменяется.

Нам от заморских питей кроме тщеты и богатству нашему Российскому препятия и здравию повреждения иного несть ничего, и дадим мы из Российского царства за него червонные, да ефимки и иные потребности, без коих им пробыть не можно, и от чего они богатство себе приобретают, а от них иноземцев примем мы то, что выпита да… и на землю

вылить, а иное выблевать, и здравие свое повредить, а и веку своему пресечение учинить.

А нас Россиян благословляя, благословил Бог хлебом и медом и всяких питей довольством: водок у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предорогие и меды у нас преславные вареные, самые чистые, что ничем не хуже Рейнского, а плохого Рейнского и гораздо лучше. Есть же у нас и красные питья, каразин и меды красные ж вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморские питья оставить, а повелеть строить меды разными виды, различными искусы, и продавать их из-австерии; то так их настроят, что больше заморских питей их будет.

А аще и табачные заводы завести в России, и ради доброго в нем управления, чтоб он был ничем не хуже заморского, добыта мастера доброго, чтобы научился строить по-заморски, то так нам мочно его напасти, что и кораблями за море мочно нам его отпускать, и если в Руси его строить, то выше копейки фунт его не станет, а заморского выше десяти алтын фунт покупают, а сеять его места у нас много. Нам так мочно его размножить, что миллионная от него прибыль будет; а на каких землях он родится, таких земель у нас премножество, мочно нам или его сеять во всех понизовых городах, а наипаче в Симбирску, на Самаре, на Пензе, на Инсаре, на Ломове, во Мченске, на Саратове, на Царицыне, и в Астрахане, и на Воронеже и во всей Киевской стране и в тех городах мочно его на каждый год по тысяче тысяч пуд наплодить его.

И аще он в Руси заведется и размножится, то те все деньги, кои за него за море идут, все останутся у нас в Руси. А если за море будут отпускать, то будут деньги и к нам от них возвращаться.

И аще и табак в Руси заведется, то кто сколько каких питей Русских и табаку ни выпьет, все те деньги из царства вон не выйдут, а заморские питья покупать ничем же лучше то, что деньги в воду метать.

Обаче, по моему мнению, лучше в воду деньги метать, нежели за море за питье их отдавать; из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря данные деньги за питье никогда к нам не возвратятся, но те деньги из царства уже погибли.

А самого ради лучшего царственного пополнения надлежит и прочие заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробыть не мочно, а иные их Немецкие затейки и прихоти их мочно и приостановить, дабы, напрасно из Руси богатства не тащили; на их мягкие лестные басни и на всякие их хвасти нам смотреть не для чего. Нам надлежит свой ум держать, и что нам к пополнению царственному потребно и прибыльно, то надлежит у них покупать, а кои вещи нам не к прибыли, или кои и непрочны, то тех отнюдь у них не покупали б.

И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Петербурге и в Риге и в Нарве и у Архангельского города, приезжие иноземцы товаров своих продавали с кораблей, аще большими статьями, аще, и малыми, обаче с кораблей бы продавали, а в амбары и на дворы не сторговав и пошлин не заплатя не выгружали бы, а кои товары их за непотребность или за высокость цены не проданы будут, то те товары, не вынимая из кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюдь не оставляли их.

И аще тако состоится, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том вельми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху в конец сломить, и привести бы их во смирение, и чтобы они за нами гонялись.

И аще в сем мы можем устояти еже бы товаров незапроданных в амбары наши им не складывать, то станут они гораздо охотнее те свои товары продавать, а пошлина уже будет со всего товара взята сполна, а на перевод по-прежнему уже переводить не станут.

И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы все друг другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могут его оправить, то из Царские бы сборные казны из ратуши давали им из процента на промысл, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человек во убожество великое от какого своего упадка не входил.

И аще в купечестве тако будет строиться, то никогда они не оскудеют, но год от года в промыслах своих будут расширяться, и Бог их за такое братолюбие, благословляя благословит, и во всем им подаст угобжение и душевное спасение.

О крестьянстве

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья насилия, и от небрежения их.

Аще бы Царского Величества поборы были расположены по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы собирали бы с них в удобное время, а помещики их излишнего ничего с них неимали, и работы бы излишние не накладывали, не токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их, и смотрели бы за крестьянами своими, чтоб они, кроме недельных и праздничных дней, не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет. А буде кой крестьянин станет лежобочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иные воровства.

Крестьянину надлежит летом землю управлять неоплошно, а зимою в лесу работати что надлежит про домашний обиход или на люди, от чего бы какой себе прибыток учинить.

А буде при дворе своем никакой работы пожиточной нет, то шел бы в такие места, где из найму люди работают, дабы

даром времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянин не оскудеет. «…»

А и сие не весьма право зрится, еже помещики на крестьян своих налагают бремена, неудобь носимые; ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у них; или что наложено на их крестьян оброку или столовых запасов, и то положенное забрав, и еще требуют с них излишнего побору, и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют; и который крестьянин станет мало мало посытее быть, то на него и подати прибавят. И за таким их порядком крестьянин никогда у такого помещика обогатитися не может, и многие дворяне говорят: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошат; понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют. От таковые нужды домы свои оставляют и бегут иные в Понизовые места, иные ж и во Украинные, а иные — ив зарубежные; тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют. А чтобы до того помещикам дела, что крестьяне богаты, лишь бы он пашни не запустил; хотя бы у него и не одна тысяча рублев была, только бы не воровал, и без явочно не торговал: что крестьяне богаты, то бы и честь помещику.

Крестьянам помещики невековые владельцы; того ради они не весьма их и берут, а прямый их Владетель Всероссийский Самодержец, а они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их Царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство Царственное.

И того ради мнится мне: лучше и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего иматъ, и по колику дней в неделю на помещика своего работать и иного какого сделья делать, чтобы им сносно было

Государеву подать и помещику заплатить, и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми надлежит смотреть, чтобы помещики на крестьян излишнего сверх указу ничего не накладывали, и в нищету бы их не приводили.

И о сем яко высоким господам, тако и мелким дворяном, надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о сделье, как бы их обложить с общего совета и с докладу Его Императорского Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно по чему с целого двора и по чему с полу-двора или с четверти или с осьмыя доли двора имать денег и столовых запасов, и поколику с целого и не с целого двора пашни на помещика своего вспахать и хлебом засеять и сжав обмолотить: такожде и подводы расположить по расположению дворовому, чтобы всем по владению земли было никому ни перед кем не обидно, и чтоб Государевы поборы сносно им было платить сполна без доимки. И како о сем с общего совета изложится и указом Его Императорского Величества утвердится, и тако аще нерушимо будет стоять, то крестьянство все будут сыти, а иные из них обогатятся.

Я, истинно, о сем много размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а им бы было нетягостно, и сего здравее не обретох: что прежде расположить крестьянские дворы по владению земли им данные, чем кой владеет, и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя.

Я невем, чего господа дворяне смотрят: крестьянами владеют, а что то именовать крестьянина не знают, и почему числит двор крестьянской ничего того не разумеют, но токмо ворота, да городьбу числят; а иные дым избной считают. И яко дым на воздух исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается. А и во счислении душевном нечаю ж я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая: надлежит ценить вещи

грунтованные. В душевном следовании труда много подъято, а казны, чаю, тысяч десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и груд весь ни во что; ибо побор сей несостоятелен, а в чесом надлежит прямо неподвижной прибыли искать…

А о крестьянех, мнится мне, лучше так учинить: егда кой крестьянин повыток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него, и ни чем бы таковых не теснил, токмо смотрит за ним, чтоб он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работы бы работал. И от такового порядка, кои разумные крестьяне, могут себе и хорошие пожитки нажить.

А буде кой крестьянин хлеба напахав, да станет гулять, и впредь ничего не станет запасать, и таковых, не токмо помещикам или прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотрить и жестоко наказывать, чтобы от лености своей в скудость не приходили, и в воровство бы, ни в пиянство не уклонялись.

Крестьянам и радетельным разорение чинится не малое и от того, что дворового расположения прямого у них нет: кои сильные помещики, те пишут дворов по пяти и по шти и по десяти в один двор, то тем легко и жить; а кои средние могуты, те дворы по два и по три вместе сваливают, а одними воротами ходят, а прочие ворота забором забирают, то и тем крестьяном не весьма тягостно; а кои бедные и беспомощные помещики, то у тех крестьян все дворы целыми дворами писаны. И от такового порядка тыи крестьяне от несносных поборов во Бесконечную нищету приходят; а богатые и сильные бояре своих токмо крестьян оберегают от поборов, а о прочих не пекутся.

И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то именовать двор и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что в Российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того не могут сделать, чтобы собравшись посоветовать и уложить, что тот крестьянской двор именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разуметь целой двор или без четверти или с четвертью двор?

В Москве в посадских слободах аще и мужики живут, обаче у них разумно учинено: кто на целом дворе живет, тот с целого двора и платит, а кто на полудворе или на четверти, то с того и тягло платит.

А у крестьян писцы и перепищики ворота числят двором, хотя одна изба на дворе, хотя и с пять-шесть или и с десять, а пишут двором же. И то стало бы не разум, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогим и маломочным обида и разорение.

По здравому рассуждению надлежит крестьянскому двору положить рассмотрение не по воротам, не по дымам избным, но по владению земли и по засеву хлеба на том его владении.

По моему мнению, аще у коего крестьянина целой двор, то надобно ему земли дать мерою толикою, чтобы ему мочно было на всякий год высеять ржи четыре четверти, а ярового осьм четвертей, а сена накосить ему про себя двадцать копен.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высеет, то того двора не надлежит написать, но разве шестою долею двора: и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежит.

А буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отведено малое число, и он мочью своею наймет земли у иного помещика, и на той наемной земле высеет хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли к дворовому числу не причитать, и Государевой подати никакой с той наемной земли не платить; потому что с тоя наемныя земли будет платить помещик, который тою землею владеет; тако ж поме-

щику своему ничегож с тоя пашни не платить же, а платить тому помещику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанял.

А буде кой помещик видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, даст ему земли со удовольством что высевать, а он будет четвертей по десяти на лето ржи, а ярового по двадцати, а сенокосу отведет ему на пятьдесят копен, то с такого крестьянина мочно брать как Его Императорского Величества, так и помещику с полутретья двора. И тако все дворы расположить не по воротам, ни по дымам, но по владению земли и по засеву их на отведенной им земле.

И аще тако во всей России устроено будет, то ни богатому ни убогому обиды ни малые не будет, но всякой по своей мочи, как Великому Государю, так и помещику своему будет платить.

И ради охранения крестьянского от помещиков их надлежит и в помещичьих поборах учинить по земле же, и чтоб больше положенного оклада отнюдь на крестьян своих не накладывали. И тако яко в Государевых поборех, тако и в помещичьих, будет им сносно. И по такому расположению и помещикам дворов крестьян своих таить по-прежнему не для чего; потому, буде кто дворы свои целые полудворами или четвертьми или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них больше того взять; ибо всякой крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить как Царю, так и помещиком своим. И буде кой помещик напишет дворы целые полудворами или и меньше полу дворов, и Царские поборы платит против письма, а себе станет с них имать с целых дворов, и кто про то уведомится посторонний человек, и донесет о такой его неправде судьям, то те дворы и со крестьяны отдать тому, кто известил. А буде крестьяна непохотя лишнего помещикам своим платить и донесут судьям, то того крестьянина, кой доведет, дать волю, да за довод — пятьдесят рублев денег. А которые крестьяна ведали,

что помещик их берет с них излишние поборы, а умолчат, то тех крестьян бить кнутом, колико ударов уложено будет.

И аще кой помещик на целый двор или на полдвора или на четверть двора посадит дворового человека или делового или бобыля или полонника, то кто бы он ни был, а плату дворовую имать с него по владению земли неизменно.

И тако как крестьяне, так и дворовые люди, будут Великому Государю данники, и платеж им тягостен не будет, потому что платеж их будет по владению земли, определенной при дворе. И таким порядком интерес Его Императорского Величества вельми будет множится.

И аще по всей России тако устроится, и поборы с дворового числа легкостнее будут; а по древнему порядку от побору иные в конец разоряются, а иные даром живут.

По моему мнению, Царю паче помещиков надлежит крестьянство беречи; понеже помещики владеют ими временно, а Царю они вековые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное.

И того ради Царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто в убожество не входил, но все бы по своей мерности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянские дворы управятся, то каково за сильными люди будет крестьянам жить, таково и за самыми убогими быть, и к прежнему бегать крестьянам будет уже не для чего, потому что везде равно будет жить.

И у коего крестьянина двор целой и меньше или больше двора, обаче в селитьбе строили бы по два двора гнездами, и между ними по два огорода… И аще тако устроены будут деревни, то во время огненного запаления никакая деревня вся не выгорит.

А буде кой помещик будет на крестьян своих налегать, и наложит сверх указанного числа, или излишнюю работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такого помещика тех крестьян отнять на Государя и землю; то на то

смотря и самый ядовитый помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет.

А буде кой судья по доношению крестьянскому о винности помещиковой сыскивать не станет, и отошлет их к старому их помещику, или и сыскивать станет, да будет во всем помещику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще те крестьяна дойдут до вышнего суда, и вину на помещика своего изъявят, и судейскую вину предложат, то тот судья не токмо пожитков, но и живота своего лишится.

И тако злый зле погибнет, а праведный судья за праведный свой суд настоящих благ насладится, и грядущих не лишится во веки веков. Аминь!

НРАВОУЧЕНИЯ ЖИЗНИ ДОБРОГО КРЕСТЬЯНИНА И РУКОДЕЛЬНИКА

ТАТИЩЕВ Василий Никитич 1686 — 1750

Выдающийся русский ученый-энциклопедист — историк, географ, этнограф, философ, лингвист и многое прочее, оставил после себя опубликованный уже посмертно незаурядный труд по экономике русского хозяйства, продолжающий традиции домостроительства в лучших их проявлениях — нестяжательство, трудолюбие как добродетель, попечительная забота о крестьянах. Не тот счастлив, кто имеет много денег, или несчастлив, у кого их нет, а тот, кто живет трудом согласно своему достатку, довольствуясь малым, презирая роскошь. «Нравоучения жизни» Татищева безусловно имеют корни в «Домострое», однако автор его не повторяет, а воспроизводит творчески, внося немало собственных соображений.

Каждый день необходимо всякой доброй крестьянин должен поутру встать зимою и летом в 4-м часу по полуночи, обутьца, одетьца, умытьца, голову вычесать, отдать Богу долг, принести молитву, потом осмотреть свою скотину и птиц, накормить, клевы вычистить, коров выдоить, после того делать разную по времени надлежащую работу до 10-го часу; а потом обедать, а в 12-м часу поить всякий скот и птиц и доить коров; а сделав то, взять роздых, летом до 4 часу пополудни, потом надлежит умытьца и ужинать; а в 5-ть начать

производить с поспешением надлежащую работу до 10 часу пополудни; после того должно убрать с поля скотину и птиц, коров выдоить, а в ночь летом корму не давать; сделав оное, отблагодаря Бога, спокойно может спать. Зимою же работу производить таким же образом с разделением тем: обедать в 12-м часу, ужинать в 9 часу пополудни, по холодному времени, кроме 12 часу, весь день производить работу; в субботу пополудни итти в баню, где обрезвыать ногти у рук и у ног. А в воскресенье, торжественные праздники, кроме пустых крестьянских, должны быть в церкви, слушать божественную литургию в белых рубашках и во всяком опрятстве. Доброй хозяин должен стараться иметь чистые хорошие постели из перья, дабы от скота иметь различие в своем покое; в дому истреблять всякую гадину, которая родится единственно от нечистоты, также и от духу всякой той пищи, которую мы употребляем, и для того по обеде и ужине надлежит тотчас хлеб и прочие съестные припасы выносить вон в нежилое место, избу тотчас вымести. Всякая крестьянка должна уметь хлебы печь добрые, делать квасы хорошие, стряпать разное кушанье; в саду хозяйка должна иметь фрукты и овощи всякие: яблоки, груши, вишни, сливы, малину, смородину, рябину, черемуху, капусту, огурцы, лук, чеснок, хрен, редьку, брюкву, репу, морковь, горох, бобы, пустарнак, петрушку, грибы, всякие ягоды, картофель; и тем может чрез всю зиму хорошо себя довольствовать и различить себя от скотской пищи. В летнее время делать сыры молошные, пахтанное масло ибо способно употреблять во время работы летом по неимению случая варить пищу от поспешности в работе. Каждой человек, которой ежечасно упражняется в работе, тот всегда здрав и бодр; а которой спит довольно, ест много, тот ежечасно себя подвергает болезни. При том то ведать надлежит: летом меньше есть, а чаще пить, а зимою больше есть, а меньше пить, то никакой болезни знать не будет; чрез силу не пей и не ешь и спать не ложись, когда

не хочешь. Каждый крестьянин должен иметь у себя 2 лошадей, 2 вола, 5 коров, 10 овец, 2 свиньи, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто будет иметь больше, то заслужит больше себе похвалы и тем докажет доброе свое хозяйство и домоводство. Должен иметь посуду ценинную, блюда, тарелки, ножи, вилки, оловянные ложки, солонки, стаканы, скатерти, полотенца, шкафы или поставцы, малинькое зеркало, деревянные стулья, жестяные шандалы, свечи сальные, железные половники и ковши; а кто всего вышеписанного в доме своем иметь не будет, таковых отдавать другому в батраки без заплаты, который будет за него платить всякую подать и землею его владеть, а его ленивца будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу.

И для того всякий крестьянин детей своих должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать, и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог. Праздность человека приводит в воровство и разбои, от чего после навеки должен будет пропасть душею и телом. А дабы каждой праздно в младости не был, то должен он отдать его какому-нибудь художеству или рукоделью учитьца, от чего всегда интерес свой получить может; а наивящей пункт — учить грамоте и писать, чрез что познает закон и страх Божий, хотя тем может назваться истинным человеком и различить себя от скота. В случае же недорода хлеба никакой доброй крестьянин, льстясь на барыши, хлеб продавать не станет, для того, польстясь на самый малый барыш, продаст хлеб, а при крайней нужде не токмо на ссуду другому, но и самому за великие деньги достать будет неможно; от чего принужденным себя найдет, оставя свой дом, скитаясь, странствовать и без призрения жизнь свою окончить. В таком случае должен он без утайки о своем хлебе объявить своему приказчику, который, сыскав к тому разные способы, к продовольствию их употреблять будет; и тем

сохранитьца может целое их жилище без всякого разорения и убытка. «…»

Конец желаниям нашим ненасытным в свете главный пункт — деньги: не тот богат, кто их имеет много и еще желает, и не тот убог, кто их имеет мало, мало же скорбит о том и не желает, а богат, славен и честен тот, кто может по пропорции своего состояния без долгу век жить и честь свою тем хранить и быть судьбою довольным, роскоши презирать, скупость в доме не пускать. Советую всякому жителю сего света оставлять от годового своего дохода по крайней мере пятую часть денег для нечаянных приключениев: например, в случае недорода хлеба в прокормлении крестьян, в падеже скота и пожара; притом сделать разоренному вспомоществование, увечному подаяние, больному на исцеление, попу и доктору за труды и на погребение бедного своего трупа, дабы оставшим тягости не навести преселением своим в вечное жилище и не оставить от обидимых слез о себе, вопиющих на небо. Сохраняя все то, укрепит Бог чад его. «…»

Всего наивяшще смотреть надлежит, дабы летом во время работы не малой лености и дальняго покою крестьянам происходить не могло. Кроме одних тех праздников, которые точно положены и освобождены от работы, не торжествовать; понеже ленивые крестьяне ни о чем больше не пекутца, как только узнать больше праздников. И для того работу производить, начав с вечера, ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно. А имянно: до 10 часу по полуночи производить летом работу, а от 10 часу до 4-го пополудни самой жар иметь свободу. И всякий скот и птиц на жар не пускать, а иметь в хлевах… И необходимо во время работы с крестьянами старосте и приказчику с великою строгостью и прилежностью обращаться надлежит, пока хлеб весь с поля убран будет, как помещиков, так и крестьянской. Работу ж производить, сделав сперва помещичью, а потом принуж-

дать крестьян свою, а не давать им то на волю; как то есть в худых экономиях, то не смотря за крестьянскою работой, когда они обращаются к собственной своей работе, понеже от лености в великую нищету приходят, а после произносят на судьбу жалобу. Когда ж убран будет с поля весь хлеб, то староста и приказчик не имеет их больше к работе принуждать и должен им дать покой несколько времени; а за труды их, выбрав свободный день и собрав, всех напоить и накормить из боярского кошту. А в зиму ревизует художников, что кто сделал для своей продажи и не были ль праздно; понеже от праздности крестьяня не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют муциону; доброму старосте и приказчику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую заплату, а за нерадение штраф или наказание. Он должен смотреть, чтоб каждой крестьянин, муж с женою, имел у себя лошадей работных 2-х, быков кладеных двух, боровов 5, овец 10, свиней 2, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто пожелает иметь больше, дозволяется, а меньше вышеписанного положения отнюдь не иметь. Крестьянин не должен продавать посторонним хлеб, скот и птиц лишних, кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик по вольною ценою; а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает или к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двое или трое сутки. А особливо вражды, ссор и драк между собой не иметь под жестоким наказанием; а жить согласно и единодушно без всякой зависти во всяком дружелюбии, одному другому во всем вспомоществовать и друг другу быть покорным по закону Божию. А кто в том виновен явитца или каким себя злодеем окажет, то штрафовать денежным штрафом и сверх того чинить наказание, не давать пить и есть время, смотря по вине, до трех дней. Приказчик же ни под каким видом не должен иметь присевок

или пашню, кроме своего дохода, положенного от помещика, а может держать скот на барском корму, сколько ему позволено будет; а лутче содержать приказчика деньгами. Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием; понеже от того крестьяня в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданые, и тем богатятца чужие деревни. В своей деревне между собой кумовства не иметь, затем чтоб было можно женитъца. Крестьян старых и хворых мужеска и женска полу по миру не пускать, а определять их в домовую богадельню, которых поить и кормить боярским коштом. Приказчик должен иметь годовой ежедневный журнал, что когда делано и зачем когда работы не было. На барском дворе иметь каждую ночь караульщиков по 3 человека с рогатинами. Если паче чаяния в случае недорода хлеба или в дороговизне должен всякой приказчик у крестьян весь хлеб собственной заарестовать и продавать им запретить; дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать, чрез что можно их удержать в случае самой крайней нужды от разброду. Впрочем, и то доброму приказчику и старосте наблюдать должно и ежегодно приготовлять надлежит к довольствию и прибыли своего помещика, а именно: яблоки, груши, дули, сливы, вишни, смородину, малину, бамбарис, крыжовник, клубнику, чернику, клюкву, бруснику, землянику, орехов, рябину, черемухи, сельцерей, петрушки, пустарнаку, бобов, картофелю, репы, моркови, хрену, зеленаго гороху, редьки, тыквы, арбузов, дыней, капусты, огурцов, свеклы, луку, чесноку, разных салат, артишоков и всяких трав: мяты, шалфей, полыни, безелики, мариам, спаржи, грибов, груздей и рыжиков, сосновыя шишки, мозжевеловые ягоды и всякие тому подобныя, которое, смотря по времяни, в погребах свежее хранить, а прочее сушить, солить, и разными способами; а ягоды и всякие фрукты водкою наливать, дабы ништо, произращенное от Бога, данное нам в пищу,

втуне по нашей лености пропасть не могло. Естьли ж в чем потребно надобности в дому состоять не будет, то все оное можно будет продать, а хотя и крестьянам отдать весьма полезно. «…» Не менее ж и то знать надлежит, каким образом из всякого хлеба по крайней мере семь ведр доброго вина вытти могло; в том предосторожности зачат те: всякого хлеба зерны должны быть сыромолотные обращаемы в солод, который смолоть мелко, положа в чан, налить горячею водою, спустить сусло в другой чан, и промыть тот солод горячею водою раза три, и собрать все то в один чан, куда положить дрожжей: на каждую четверть солода по ведру; закрыть плотно, штоб дух не выходил, квасить десять дней; при том смотреть, чтоб работные люди сусло не пили и траты не было. Почасту надлежит трубы и кубы чистить, штоб вино было чисто и без всякого запаху; а дрожжи разводить суслом, сколько возьмешь из бочки дрожжей, толикое число положить должно в дрожжи сусла, будет бесперeводно; одним словом сказать: из всякой кислоты заквашенной дрожжами, вино быть может, если взять какие-нибудь ягоды, и налить водою, и положить дрожжей, и как крепко закиснет, оной морс двоить чрез куб, будет вино. А барду и всякую гущу употреблять должно рогатому скоту и птицам…

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

СУМАРОКОВ Александр Петрович 1717 — 1777

Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся прехвальным именем Домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим, похвалы ли они достойны или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче, какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тщанием хозяина прибытки; на второе: дабы тем обогощалося государство. Чьи прибытки? ежели только единого хозяина, так это только ему единому разрешение вина и елея, а крестьянам его сухоядение; а польза государственная, или паче общественная, умножение изобилия всем, а не единому; почему ж называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие, или на заточение злата и сребра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи и коих мануфактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, противу права и морального и политического, единственного ради своего излишнего изобилия, раздражая и Божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятнее Богу и государю: то ли, когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяне его едят сухари и пьют одну воду; или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьянин то же: вкус помещика потоне; так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крес-

тьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жить мещанину пышнее поселянина, дворянину мещанина, государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможе, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинный от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наших отличных качеств: сожаления достойно, что то не всегда бывает. Но как то ни есть, уступим политическому расположению, когда моральное мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество, или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быта должна; не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни приказчика, ни старосты. Тело без головы быта не может, однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем Домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы невежа и во естественной истории и во всех науках: тварь безграмотная, не почитающая ни Божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий поститься крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вреднее разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими Домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим; но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища мясо человеческое, а питие слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает.

В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткания, по мнению отличных рассмотрителей Франции, меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были и были бы крестьяне работники, а не каторжники. Крестьяне не работы, но каторги гнушаются. А блаженство деревни не во едином изобилии помещика состоит, но в общем. Ежели помещик почитает себя головою своих подданных, так сохраняя голову, сохранит и мизинец, ибо голова тела и мизинцу сострадает. Но таковые гнусные Домостроители не почитают себя головою своей деревни и не отличают крестьян от лошадей: на лошади такой человек ездя питает ее ради того только, чтобы она его возила; людей он содержит на корме единственно только ради работы, не помятуя того, что и крестьянин не ради единого помещика от Бога создан.

Наша премудрая обладательница печется о домостроительстве, но домостроительство помещичье есть яд империи, когда оно только единого помещика обогащает. Но я похвалу, экономам соплетаемую, слышу только о таковых помещиках, которые свои собственные доходы умножают, так кажется мне, что люди гнусные, похвалою ободряемые, ободряются к разорению своих подданных и ко вреду своего отчества.

Сколько мало имею я времени писать о домостроительстве, упражняясь и соликовствуя с музами, толико много я имею о сем веществе ясным рассмотрением готовых ко рассуждению мыслей. О, если бы мнимые Домостроители такое попечение о своих крестьянах имели, какое они о себе имеют. Но что делаю я в рассуждении моих крестьян по домостроительству? Что я против беззаконного домостроительства пишу, то я и делаю.

КАКИМ ОБРАЗОМ ПРАВИТЬ ДЕРЕВНЯМИ

БОЛОТОВ Андрей Тимофеевич 1738 — 1833

Один из величайших русских ученых-энциклопедистов, выдающийся предприниматель, писатель и мыслитель. Болотов оставил глубокий след в русской экономической мысли. Не считая погоню за прибылью главной целью развития хозяйства, Болотов вместе с тем во главу своих предприятий ставил экономичность и рациональность, основанные на точном научном расчете. Целью своей жизни он считал преобразование сельскохозяйственного производства на основе собственных научных достижений. Активно работал над новыми видами растений и формами сельскохозяйственного производства. Болотов выступал против некритического переноса на русскую почву иностранных видов и сортов растений, чужеземную практику возделывания полевых культур без учета местных условий.

Болотову принадлежит множество открытий мирового значения, среди которых обоснование выгонной системы земледелия. Научные разработки в этой области позволили ему заложить основы учения о системах земледелия, дать практические рекомендации по организации и землеустройству территории, а также по введению многопольных севооборотов.

Продолжая развивать русские национальные традиции домостроительства, он совмещал крайнюю бережливость с готовностью затрачивать значительные средства на со-

здание новых сортов и видов сельскохозяйственного производства, заботу о своих крестьянах со строгим отношением к ним, многопрофильность хозяйства со специализацией его по ряду передовых культур. В подведомственной ему деревне Болотов за счет внутреннего производства обеспечивал почти все потребности населения, создавая как в старину «беззаботный монастырь». В приводимом ниже очерке анализируются все основные источники дохода от сельского хозяйства, позволяющие создать замкнутую, самообеспечивающуюся экономическую систему, вместе с тем работающую и на рынок.

О первом источнике доходов

§ 21. Первый и важнейший источник доходов в хлебных деревнях проистекает обыкновенно от продажи или отправления в поведенное от господина место разного сеямого обыкновенно в деревнях хлеба, как, например, пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, гороха и проса. Легко можно заключить, что умножение сего источника состоит в том, чтоб чрез прилагаемые старания, во-первых, хлеба родилось больше и преимущественнее того, который продается дороже прочих; во-вторых, чтоб хлебом сим наиудобнейшим образом пользоваться, то есть чтоб продавать колико можно дороже и больше или на иное что употребить наивыгоднейшим образом. Сии суть вообще главные правила или пункты в рассуждении сего источника доходов, о коих приказчику помышлять надобно.

§ 22. Что касается до подробности оных, то они суть многие, ибо к первому из них принадлежит вся пространная часть сельского домостроительства, касающаяся до собственного хлебопашества и земледелия, и потому весьма бы было пространно, если б хотеть предписывать все подобные

для того касающиеся правила и обстоятельства, да и намерение сего сочинения не к тому клонится. И для того подробнейших наставлений к приведению хлебопашества в лучшее состояние должен приказчик искать в других экономических книгах и сочинениях, а здесь сообщаются только важнейшие и по большей части общие из оных.

§ 23. Количество урожаемого хлеба зависит от многих разных причин. Одни и наиважнейшие из них не подлежат нашей власти, например, добрые или худые года, или собственные различные погоды во все времена года. Худые следствия, проистекающие от них для хлебородия, суть по большей части не отвратимы и такого состояния, что все человеческое искусство иногда не в состоянии ни малейшего обстоятельства отвратить или чему-нибудь сделать поспешествование, почему о том и говорить будет бесполезно. Другие же, и не менее важные, зависят от нас, или от старания земледельца. О сих приказчику надобно ближайшее иметь сведение и наблюдать все принадлежащие к тому правила.

§ 24. Сии правила имеют основание свое на следующих известных и весьма важных в рассуждении хлебопашества обстоятельствах, а именно: ежели хотеть, чтоб хлеба родилось больше, то надобно: 1) чтоб земли было больше; 2) чтоб она была колико можно лучших свойств и качеств; 3) чтоб она была надлежащим образом и как можно лучше уработана; 4) семена хлебные были б колико можно самые лучшие и совершеннейшие; 5) посеяны они были б надлежащим образом и в настоящую пору; 6) хлеб во время растения своего не имел бы никаких удобоотвратимых помешательств и повреждений; 7) наконец, по созревании своем не был бы попустому растерян, но собран с возможнейшею бережливостью.

§ 25. Из каждого из сих обстоятельств проистекают многие и разные для приказчика правила и должности. Я упомяну только о наиважнейших. Итак, что до первого из них, или до количества земли принадлежит, так хотя то и справед-

ливо, что чем земли больше будет засеяно, тем более и хлеба родится, однако сие правило имеет некоторые изъятия и сопряжено с тем необходимым условием, чтоб о приумножении земли потолику токмо стараться, сколько того число работников или хлебопашцев дозволять станет. Не диковинка пашенной земли присовокупить великое множество, но какая польза от нее, если всю ее имеющиеся работники порядочным и надлежащим образом упахать и уработать не с состоянии? Погрешность в рассуждении сего пункта делается от многих. Они завиствуются землею, но из опытов известно, что тем они количество урожаемого хлеба не только весьма мало приумножают, но иногда еще делают малейшим, что и натурально последовать должно, ибо в таком случае ни порядочно ее упахать и уработать, ни благовременно посеять и спрятать невозможно. Единая польза от того та, что крестьяне, будучи отягощены непомерною работою, упускают за тем и свое земледелие и от того приходят в крайнее разорение. Хорошо, когда, по-земледельчески говоря, люди возьмут верх над землею, а не земля над людьми. И для того разумному приказчику о приумножении пахотной земли тогда только стараться надобно, когда он по исчислении работников и земли и по расположении сей на них надлежащею пропорцией найдет, что земли против работников мало и недостаточно. В таком случае должен он изыскивать все те места в дачах деревень своих, которые в пашню удобно превращены быть могут, как, например, нет ли каких излишних лесов или малого и низкого чепыжнику, который бы без дальнего труда мог выкопан или выжжен, а потом распахан быть; нет ли каких худых или излишних лугов, которые бы могли быть разодраны в пашню; нет ли каких праздно лежащих полян или других каких лоскутов подле усадеб и в иных местах и прочее тому подобное; а все таковые места, которые хотя некоторым образом в пашню годятся, немедленно в оную обращать и тем число пахотной земли от времени до времени приумножать

стараться надобно. Напротив того, если окажется в земле сверх надлежащей по числу работников пропорции излишество такое, что оного никоим образом порядочно урабатывать невозможно будет, то либо о приумножении работных людей господину представлять, либо иные какие приличные к тому меры предпринимать, как, например, избирая самонегоднейшие из излишних, либо в залог запускать, чтобы они несколько лет отдохнули, обросли дерном и потом с лучшею пользою могли опять употреблены быть в пашню, или по недостатку и надобности в лугах оставлены, в котором случае лучше засевать их какими-нибудь травяными семенами, либо в случае недостатка и нужды в лесе запускать в лес, а ежели надежды нет, чтоб сам вырос, то обсевать древесными семенами или засаживать рощами и лесами, либо все таковые земли отдавать в наем и другое тому подобное. Одним словом, старание прилагать, чтоб и сии излишние земли не лежали праздно и приносили бы какую-нибудь пользу. Что ж касается до пропорции, поскольку земли полагать на работников, по сему общего правила предписать не можно — толь разные и неодинаковые свойства земли в разных провинциях нашего отечества и проистекающее из того великое различие в обыкновениях ее урабатывания, сопряженное в одних местах со множайшими трудами, нежели в других, причиною сей невозможности. Ибо хотя по большей части полагается на каждую соху по полторы десятины в каждом поле, однако в других местах могут уработать они более, а в иных и сего не могут, и для того помянутая пропорция должна определяема быть согласно с тем родом земли и обыкновениями, какие в том месте находятся.

§ 26. В рассуждении ж второго обстоятельства, или доброты земель, следующее примечать он должен. Известно то, что чем земля лучше, тем она и хлебороднее, доброта ж и худоба земли зависят от добрых или худых ее свойств и качеств. Но как худых земель гораздо больше, нежели добрых, и од-

ни только степные провинции в нашем государстве имеют то блаженное преимущество, что земли в них почти повсюду сами собою такой доброты, что никакого удобрения не требуют, то, кроме сих, во всех других местах и проистекает необходимая надобность удобрения худых земель. И как пункт сей наиважнейший есть в рассуждении поспешествования лучшему урожаю хлеба, то, натурально, приказчику о сем преимущественнее всего прочего стараться и все удобовозможные к тому способы употреблять надобно. И для того за главное правило он себе почитать должен, чтоб удобренных земель у него колико можно было больше. Сие удобрение состоит либо в снабдении земли нужными для хлебородия и в ней недостаточными вещами, либо в отвращении каких-либо худых ее свойств и помешательств, препятствующих хлебородию. Примечание приказчиково должно к обоим сим предметам устремляться, и он не должен упускать ни малейшего обстоятельства, поспешествующего обоим сим пунктам. Пространное наставление ему о том сообщить пределы сочинения сего не дозволяют, и для того упомяну только вскользь о нужнейших вещах.

§ 27. Под снабдением земли нужными для хлебородия вещами разумею я удобрение ее как обыкновенным скотским и птичьим навозом, так и другими вещами, как, например, золою, гноеным листом, приготовленным прудовым илом, мергелем, гипсом, известью и другими некоторыми вешами, о коих, равно как и о средствах и нужных притом примечаниях, должно приказчику осведомляться в особых экономических книгах. Здесь упомяну я только о навозе, яко обыкновеннейшем, наилучшем и известнейшем средстве. В рассуждении сего рода удобрения должен он о следующих обстоятельствах старание прилагать: 1) чтоб сего навоза сколько можно было у него больше, дабы им множаишее количество земли удобрить можно; 2) чтоб он был сколько можно лучше и действительнее; 3) наконец, чтоб употреблен

был наилучшим образом в пользу. Сии суть важнейшие пункты в рассуждении навоза, а из каждого из них проистекают многоразличные экономические правила, из которых наизнаменитейшие суть следующие.

§ 28. I. Как количество навоза зависит от умножения и бережения тех вещей, из которых он состоит или от которых происходит, то, натурально, следует, чтоб стараться, во-первых, сколько можно умножать скот, а особливо такой, от которого бывает его более и лучшего, как, например, коров, лошадей и овец. На сем оснуется все толь надобное для хлебопашества скотоводство, о котором ниже пространнее упомянется. Во-вторых, надобно не только об обыкновенном сбирании бываемого от скота навоза, но и о нетерянии без пользы и того, которого собрать не можно, старание прилагать, и для того всегда наблюдать, чтоб скот праздно по улицам не шатался, но был бы либо в сараях, либо на пажити, а на сих, чтоб в полднях летом держан он был на пахотной земле, ибо через то унавоживаются земли уже довольно изрядно и навоз скотский не пропадает. В-третьих, заготовлять сколько можно более потребной для подстилки скоту соломы, которая при хорошем употреблении составляет великую важность и весьма много к умножению навоза служит. А особливо нужна сия подстилка летом в то время, как навоз вывозят, тут надобно ей быть сколько можно толще, и для того к сему времени должно довольному числу соломы быть в готовности. Скашиваемое осенью ржаное и пшеничное жнивенье делает великое подспорье, и потому о заготовлении оного стараться надобно. В-четвертых, не упускать подспаривать навоз всем тем, что только к тому прилично, как, например, кроме обыкновенной соломы, сбирать и валить в навоз всякий со дворов сор, лист, гнилую щепу и хворост, золу, пыль с дорог, выпалываемую на полях, огородах и выкашиваемую в усадьбах всякую негодную траву и прочее тому подобное. Все сие, смешавшись с навозом, умножит его

довольным образом. Наконец, польза и надобность навоза так велики, что рачительному приказчику всячески стараться надобно и о доставании его из других мест, как, например, покупкою от соседей и привозом из близлежащих городов и торговых мест, где множество навоза пропадает тщетно. Капитал и труды, к тому определенные, с лихвою возвращены и награждены будут.

§ 29. 2. Что касается до доброты навоза, то к сему пункту принадлежат все правила, касающиеся до различного приуготовления навоза, о чем должен приказчик искать пространнейшего наставления в экономических книгах. Я только скажу, что как доброта оного наиболее в том состоит, чтоб он довольно перегнил и напоен был довольным соком, и не состоял бы из целой и неперегнившей соломы, то приказчику о следующих вещах наиболее стараться надобно: 1. Чтобы дворы и сараи скотские были по пропорции скота не пространны, но так, чтоб скот подстилаемую солому довольно перемять мог. 2. Чтоб они были крытые и навозные кучи не лежали бы на солнце, ветре и дожде. 3. Солома для подстилки употребляема бы была более старая и наполовину уже гнилая, а подстилаема бы была больше в ненастную погоду и осенью. 4. Для скорейшего перегнития пересыпаемы бы были слои навозные кое-когда землею. Пыль, сгребаемая с дорог, которая сама уже довольно унавожена, с лучшею пользою к тому употреблена быть может. 5. Даватъ навозу сколько можно более времени согнивать и возить на поле уже перегодовалый, в котором случае надобно его сгребать в кучи и оные чем-нибудь прикрывать. Обыкновение сие нетрудно в употребление ввесть. Нужно только один год навоз не возить, но, сгребая в кучу, дать ему гнить, а там возка навозная опять производиться будет по порядку только из кучи, а новый опять в кучу складываться.

§ 30. Употребление навоза в пользу не меньшего требует от приказчика внимания. Тут примечаются три важных об-

стоятельства: 1) выбор земли, которую унавоживать; 2) выбор удобного к тому времени; 3) собственная возка и унавоживание. В рассуждении первого обстоятельства не должен приказчик свято следовать древним обыкновениям, чтоб навоз возить на такие земли, которые только лежат поблизости к деревням и исстари были унавоживаемы. Сии и без того много доброго в себе имеют и довольную пользу и без навоза долгое время приносить могут, но ему надобно помогать тем, кои никогда навоза не видали и унавоживать хотя по нескольку десятин на год, лежащих в отдаленности, дабы чрез сие час от часу унавоженных земель было больше, а сие учинит лучшему и множайшему урожаю великое поспешествование. Кроме сего, должен он иметь предосторожность, чтоб навоз не возить на такую землю, где оного либо много тщетно пропадать может, как, например, на косогорах и крутых скатах, либо где он мало действовать может, например очень мокрые пашни. Что касается до времени унавоживания, то надобно выбирать к тому наиудобнейшее. За важное обстоятельство при том почитают многие, чтоб не возить и не запахивать навоз в мокрую и ненастную погоду, сверх того и в сем случае нет нужды держаться одного древнего обыкновения, чтоб возить его только в петровки, а можно возить также и в осень, а по нужде и зимою, по последнему пути, и весною по вскрытии воды, а особливо на отдаленные земли, на которые летом возить время не дозволяет. Наконец, что касается до собственной возки навоза и самого унавоживания, то притом два важных обстоятельства приказчику наблюдать надобно: во-первых, чтоб при возке навоза как самого его, так и нужных из него частиц колико можно меньше было растеряно; во-вторых, навоз соединен был с землею неиудобнейшим и лучшим образом. В рассуждении первого надобно прилежно смотреть за работниками, чтоб они имели телеги крепкие, накладывали на них умеренно, а не так, чтоб по дороге сыпалось, и чтоб воздухом и солнцем не вытягива-

ло из него нужных частиц, то надобно при возке навоза такие распоряжения сделать, чтоб навоз отнюдь не лежал и не сох долго на поле в кучах, но чтоб он вдруг и вожен, и разбиваем, и запахиваем был, и потому для скорейшего вывоза надлежит употребить всех работников, а из них несколько человек отрядить для запахивания оного, а разбивать должны в самое то время, как привезут, бабы. В рассуждении ж второго пункта надобно навоз на вспаханную и заскороженную землю, которую расчертить наперед равными полосами, кучи класть на равное расстояние, смотря по доброте или худобе земли, то есть чаще или реже, разбивать как можно ровнее и по запашке оставшиеся наруже клочки чтоб бабами были затоптаны в землю и прикрыты оною. За всем сим должно приказчику неленостно самому смотреть, а особливо за разбиванием навоза, ибо от того зависит великая важность, а не менее того стараться, чтоб и навоз был весь вычищен и вывезен.

§ 31. Кроме обыкновенного навоза, унавоживают землю, как выше упомянуто, некоторые и другие вещи, как, например: 1) зола, которой о собирании из-под овинов, винокурен, печей и других огнищ приказчику во весь год стараться надобно. Она по земле рассевается руками или разбрасывается лопатами; 2) голубиный навоз; сей надобно также стараться собирать для унавоживания земли, сперва он толчется, а потом рассеивается по пашне. Обоими сими средствами хорошо унавоживать самые отдаленные земли, куда навоза возить не можно: 3) прудовый ил; сей пригоден более для удобрения песчаных земель, но ему надобно наперед в куче дать год или два пролежать, проветриться и промерзнуть. Всеми и другими подобными сему средствами, о каких в экономических книгах предписывается, должно приказчику земли свои удабривать стараться.

§ 32. Что ж касается до второго главного рода удобрения земель, состоящего в отвращении помешательств и худых свойств земель, то, не входя в подробность, упомяну только

о главнейших. Итак, во-первых, мешает много хлебородию, если пашни лежат в низких местах и от того бывают слишком мокры и хлеба на них вымокают. В рассуждении сих надобно приказчику стараться копать в пристойных местах рвы и делать для воды стоки. Сие правило надобно наблюдать также в рассуждении таких пашен, кои лежат подле лесов и кустарника, где равномерно хлеба вымокают. Некоторые истребляют излишнюю мокроту в земле рассеиванием по ней извести и в том находят пользу; сие также не худо опытами изведывать, а особливо если в земле находится много железных частиц и от того она в сухую погоду красна кажется. Во-вторых, мешает много также хлебородию вырастаемый на пашне кустарник, как то в особливости в степных местах от полевого персика бывает; в других местах зарастают пашни великим множеством негодных больших трав, например полынью, чернобылом и прочая. В-третьих, усыпаны пашни великим множеством камней. Все сии и другие тому подобные помешательства, о коих ниже несколько упомянется, должен приказчик всячески истреблять и о приведении вообще земель своих в лучшее состояние стараться, а для лучшего успеха небесполезно иметь ему как всем своим землям и их свойствам и качествам, а особливо унавоженным, исправную всегда записку, дабы ему во всякое время справляться можно было, которая земля когда и чем унавожена, и по этому делать свои примечания и распоряжения. Для сих и многих других нужных до земли касающихся записок, о коих ниже упомянется, должен он иметь особливую тетрадь, которая полевою названа быть может. А каким образом наиспособнее сии записки вести, о том прилагается примерная форма, где сообщены и нужные об ней примечания.

§ 33. Что касается до третьего главного обстоятельства в рассуждении хлебопашества, то есть урабатывания земли, или собственного земледелия, то приказчику не в меньшее уважение оное принимать надобно. Известно, что зем-

ля чем лучше будет уработана, тем с лучшею способностью родится на ней хлеб. Собственных правил в рассуждении урабатывания оной для [при] великой разности в землях и в обыкновениях ее урабатывания здесь предписать не можно. Общие ж состоят в том, чтоб земля сколько можно глубже вспахана и мягче была уработана. Для сего приказчику стараться надобно, чтоб пашни его благовременно были вспаханы и заскорожены. Неупускание приличных и удобных к производству сея работы погод делает великое в хорошем урабатывании земли поспешествование. И для того не надобно отнюдь упускать способного времени в пашне, а особливо скородьбе, ибо великая разность урабатывать землю в сухую погоду и после дождя или очень рано весною, или дав земле прочахнуть. Для всего того надобно приказчику заблаговременно при наступлении весны сделать распоряжение, кому из крестьян которую землю пахать и ускораживатъ. Обыкновение пахать сгоном не таково способно, как в удел по тяглам. Туг всякое тягло должно ответствовать за свою землю и скорей можно найти виноватого, а сверх того, вся пашня скорей может быть уработана, ибо всякий спешит для себя и опасается делать проступки. А чтоб отвратить оные, то необходимо приказчику, а того более старосте должно смотреть за пахарями, и сделавшие хотя малые проступки, например огрехи и прочее, или худо пашни свои уработавшие должны в страх другим наказываемы быть. О средствах, каким образом урабатывать, должен приказчик по свойствам своей земли сам рассуждать и изыскивать оные. Наконец, надобно ему и о том стараться, чтоб при урабатывании земли счищаема и сволакиваема была вся случающаяся на землях дрянь, как, например, каменья, коренья худых и больших трав и прочее.

§ 34. Четвертый главный и весьма важный предмет при хлебопашестве составляют семена хлебные, чего ради приказчику их в наивящее уважение принимать надобно. Наиглавнейшие должности его, касающиеся до сего пункта,

суть следующие: 1. Должен он стараться, чтоб семенной хлеб был заблаговременно приготовлен. 2. Чтоб был он самый хороший, имеющий все потребные качества, то есть был бы самый зрелый, всхожий, чистый, не наполнен семенами худых трав, например головнею. 3. Чтоб сохранен он был до времени посева с возможнейшим бережением и не допускаем был до какого-нибудь повреждения. В подробности должен он в рассуждении первого пункта на семена потребный хлеб заблаговременно и в лучшую погоду молотить, а буде которого недостаточно — доставать. Второго: заблаговременно семенной хлеб осматривать, кидать его в рост; для чищения ж его, а особливо пшеницы и гороха, употреблять все средства, как, например, при молотьбе наилучшим образом веять, отнимать от чела, пред посевом подсевать. иной мыть или заблаговременно выбирать по зерну и прочая. Буде же который совсем худ и негоден, то доставанием и покупкою лучших переменить стараться и денег на покупку самых хороших не жалеть, либо лучше хлеб не сеять, нежели сеять худой и ни к чему не годный и тем отягощать только землю и людей. В рассуждении третьего пункта должен он с особливым старанием семенной хлеб в зимнее время беречь в крепких закромах и смотреть, чтоб он не сдохнулся, не засорен был другим каким хлебом и прочее тому подобное, за чем особливо смотреть и ответствовать должен староста.

§ 35. Пятое важное обстоятельство при хлебопашестве есть собственный сев хлеба. В рассуждении сего пункта есть две главные должности для приказчика. Во-первых, должен он благовременное и лучшее распоряжение сделать, какую землю каким хлебом засевать и более ли которого или менее сеять. Во-вторых, прилежно наблюдать, чтоб собственный посев производился порядочным и колико можно лучшим образом, ибо от посева проистекают великие важности. В рассуждении обоих сих пунктов не можно также почти ничего собственного для различности земель предписать

и остается только включить некоторые общие правила. Итак, что касается до распоряжения, сколько какого хлеба и где сеять, то должен он согласовать оное с обстоятельствами того места, с обыкновением тутошних жителей, а не менее того с свойством и качеством земель, а наиглавнейшие с домашними нуждами и обстоятельствами, в рассуждении получения на хлебе прибытка. Ему должно наблюдать при сем известное и весьма важное экономическое правило, чтоб стараться от всякой земли или, так сказать, от каждого лоскута оной наивеличайшую и такую прибыль получить, какую только она принестъ в состоянии. И для того по прилежном разведывании об урожае хлебов в тамошних местах или, того лучше, искусившись во всем нужном собственными опытами, всякую землю под то и определить, к чему она наиспособнее и более прибытка принестъ может. Для самого того и требовалось выше. чтоб ему о свойствах своих земель стараться получить совершенное сведение. А из хорошего рассмотрения и распоряжения в сем случае всего более искусство и рачение приказчика усмотреть можно. Искусный домостроитель получает иногда от тех же земель прибытка вдвое против прежнего и единственно чрез хорошее распоряжение посева хлеба. Есть земли, которые могут иные хлеба чрезвычайно хорошо и всегда родить, но что пользы от того, если сей хлеб с хорошею прибылью с рук сжить не можно, и для того такого хлеба не более надобно сеять, как сколько его на домашние необходимые нужды потребно, а прочие земли определять под продажный и лучший, стараясь наперед привесть их в такое состояние, чтоб они его родить могли. Что касается до второй главной должности в рассуждении сего пункта, то весьма было бы пространно, если б упоминать о всех до него касающихся подробностях, а скажу только вкратце, что старания приказчика наиглавнейше касаются до следующих предметов: 1) чтоб для посева хлеба выбираема и наблюдаема была способная погода и севом бы

ни уранено, ни опоздано не было; 2) чтоб севцы были умеющие и рассевали бы ровно и хорошо; в обоих сих пунктах, как из опытов известно, заключается великая в хлебопашестве важность; 3) чтоб посеянный хлеб запахан или заскорожен был по свойству хлеба и земли и обыкновения тамошнего места порядочным образом. Наконец, чтоб остающийся от посева хлеб не пропадал и украден был севцами, ибо сие часто случается, а для всего того и нужно записывать, кто которую десятину пахал и рассевал так, как о том в форме полевой книги показано.

§ 36. Как из опытов известно, что хлеба во время растения своего претерпевают иногда великие повреждения и от того гораздо хуже и в меньшем количестве родятся, то проистекает из сего шестая главная должность приказчика в рассуждении хлебопашества, состоящая в прилежном и неленостном смотрении за посеянными хлебами и в усердном старании об отвращении всех повреждений, которые отвратить можно. Сии повреждения бывают многоразличные и происходят либо от стихии, либо от произрастений, либо от животных. К первым причислить можно бывающие повреждения от градов, больших дождей, худых мучных и медвяных рос, морозов, инеев и снега, от чрезвычайной стужи, ненастья и жара и прочая. Ко вторым — от зарастания худыми травами и кустарником и от тени от лесов и дерев. К третьим — от разного рода червей, насекомых, скота, зверей, птиц и, наконец, самих человеков. Некоторые из сих повреждений совсем неотвратимы, а другие отвращены и предупреждены быть могут, почему рачительный приказчик всеми образами стараться должен все то отвратить, что только можно, и к тому предпринимать надлежащие меры, о которых пространно упоминать не дозволяет место, и для того упомяну только вскользь, какие вещи наиглавнейше принадлежат к сему пункту: 1) опускание воды и луж с низких и ровных пашен; 2) перескораживание забитого дождем хлеба; 3) за-

севание вновь земли, где посеянный хлеб пропал; 4) зарывание и заглушение рытвин и водомоин; 5) полоние хлебов и истребление из них негодных трав, а особливо из пшениц; 6) недопускание скота ходить по хлебам и оный как растущий голочить, так и молодой втаптывать в землю и грязь; 7) смотрение за изгородями; 8) недопускание домовых птиц до хлебов; 9) бережение от диких и отгонение оных прочь, а особливо воробьев, грачей и диких гусей: 10) смотрение, чтоб по хлебам никто не ездил и не топтал, и прочее тому подобное. Из всех сих обстоятельств следует само собою, что приказчику надобно как возможно чаще все поля свои осматривать и примечать, все ли везде в надлежащем порядке находится и не требуется ли где какая предосторожность или иное что подобное, и как скоро где увидит, то, не упуская времени, нужное исправлять и до дальнейшего вреда не допускать стараться надобно. А чтоб тем способнее могло сие смотрение в действо производиться, то надобно стараться, чтоб земли господские были сколько возможно вместе, дабы ее всю вдруг осматривать было можно, а не перемешаны с крестьянскою или разбросаны по всему полю, и для того в случае чресполосного с кем владения, когда сего учинить или землю столбами разделить для каких-нибудь обстоятельств будет не можно, то, по крайней мере, о мене десятин и о соединении их хотя по нескольку в одну кучу прилагать старание.

§ 37. Наконец, дошли мы до седьмого и последнего главного предмета при земледелии, а именно жнитва и прочего прятанья хлеба. Сей пункт не менее важен, как и все прочие. Ибо от оплошности приказчика в сем случае и от делаемых погрешностей множество хлеба по-пустому растеряно или перепорчено быть может. И для того рачительному приказчику неотменно самому при прятанье хлеба всегда быть и как можно за всеми нужными притом вещами смотреть надобно. Старание его должно до следующих трех наиважнейших

вещей касаться: во-первых, чтоб всякий хлеб впору зрелый и наилучшим образом был сжат; во-вторых, чтоб по сжатии или по скошении оного до возки в гумна не сделалось ему какого удобоотвратимого повреждения: в-третьих, чтоб свожен в гумна и складен в скирды и одонья с наименьшею растерею и с употреблением к тому всех нужных предосторожностей. Для всего того надобно ему: 1. Делать рассмотрение, которые десятины прежде, которые после жать, а не сподвал и спелый и неспелый. 2. Прилежно стараться, чтоб прятаньем не опоздать и не допустить до того, чтоб хлеб, например, высыпался, пал, обит был ветром, попал под снег и прочее, и для того надобно ему заблаговременное к скорейшему прятанию поспешествующее распоряжение сделать, в рассуждение которого также удобнее одну только рожь и другой семенной и такой хлеб, который дружного прятанья требует, жать миром и всеми работниками мужского и женского пола вдруг, а прочий разделять по тяглам и в удел, имея только за ними почаще смотрение. 3. Для семенного хлеба надобно ему определять с особливым рассмотрением самый лучший, чистейший и зрелый хлеб и смотреть, чтоб сжат был с наилучшим рачением и с ожинанием всех худых больших трав, а если того не можно, то с выдергиванием из снопов или прежде жнитва пред собою, что особливо о таких разумеется, которых семена при веянии от хлеба не могут быть отвеяны и отделены, а хлеб много портят, как, например, горошек, куколь, или хлеб, отменный от того, например овес в яровой пшенице. Сия предосторожность нужна и не для одного семенного хлеба, но и для прочего из хороших, ибо худой и сорный и в продаже дешевле. 4. В случае непостоянной погоды во время прятанья надобно с отменным рачением стараться, чтоб хлеб не претерпевал от мокроты какого вреда, как то часто случается, и для того не упускать удобной погоды и времени к возке хлеба и прочего, иногда один час весьма дорог бывает; особливо же наблюдать, чтоб сырой и непровялый не был

свожен и складен в скирды и от того бы не сгорелся, а не менее того и на поле в копнах от дождей чтоб не вырос. 5. При собственной жнитве наблюдать, чтоб делано было сколько можно меньше растери, а особливо хорошим и дорогим хлебам. Всякий жнец должен, связав сноп, собрать кругом себя все незахваченные колосья и оные воткнуть в сноп, при встаскивании же оных в копны отнюдь по земле не волочить, а особливо сухой хлеб, ибо чрез то прежде времени много его обмолачивается. 6. Равномерную ж предосторожность надобно употреблять и при возке в гумна: в телегах должны расстилаемы быть веретья, а снопы так складены, чтоб колесами колосья не отбивало, около же скирдов очищено и снопы с бережением киданы и кладены были. Кроме всех сих, есть многие и другие вещи, кои приказчику при прятанье наблюдать надобно, как, например, чтоб в копнах хлеб не распропал, не обит был птицею и прочее тому подобное. Но о всем том упоминать будет пространно.

§ 38. Сии суть вообще наиважнейшие обстоятельства и правила, кои приказчику в рассуждении хлебопашества наблюдать надобно. Теперь присовокуплю несколько слов о других обстоятельствах, касающихся до приумножения доходов от сего источника. Добрый приказчик должен уже во время прятанья помышлять о будущем и лучшем употреблении родившегося у него хлеба. Ему надобно уже заранее делать примерные счисления, сколько у него которого будет и сколько от домашних расходов на продажу останется. Для первого надобно ему как можно скорее узнать об умолоте и для того всякого хлеба оставлять понемногу для опытов, выбирая добрый, средний и худой, а для лучшей удобности и в скирды класть особо, не мешая добрый с худым, записывая именно в хлебной своей тетради, какой хлеб с каких десятин и в какой скирде кладен, дабы ему после, узнав умолот, примерно можно счислить, сколько какого будет и сколько всего хлеба будет. В рассуждении молотьбы

должен он тот прежде и велеть молотить, который надобнее для скорейшего сева или лучшей благовременнейшей продажи. А и вообще о молотьбе должен он не меньшее попечение иметь, как и за прочим. Нужные притом обстоятельства суть следующие: 1. Чтоб хлеб как можно скорее был перемолочен и излишний сбыт с рук, ибо известно, что с каждый днем и молоченого и немолоченого несколько уже убывает. Для поспешествования сему надобно необходимо ему стараться иметь крытый ток, или так называемую *ригу,* и с крытым овином, или избу сушильную с потолком. Нельзя довольно изобразить, сколь великое поспешествование делают сии избы и крытые гумна скорейшей молотьбе и сколь преимущественнее и безопаснее [они] обыкновенных открытых токов и овинов. А особливо нужны они, если хлеба много, ибо в них никакая почти погода в молотьбе не делает помешательства. Хорошее учреждение в молотильной работе также много помогает. В иных местах молотят по тяглам, а в других делается множество овинов, и хлеб перемолачивается сгоном вдруг с осени, не оставливая ничего в застой, и прочее тому подобное. Все такие обыкновения имеют свои пользы и неудобности, и приказчик должен выбирать то, что обстоятельствам его деревень наиудобнее и для желаемого поспешествования скорейшей молотьбе лучше. 2. Чтоб сушение овинов производимо было с наивеличайшею осторожностью, а особливо во время ветров. Толь частое горение оных с хлебом и бедствия, проистекающие от того целым селениям, и убыток явный не только приватному домостроительству, но и для всего общества требуют сей предосторожности. И для того приказчику надобно прилежно смотреть, чтоб печи в овинах были хорошие, сажа бы часто была обметаема; сушили бы их не ребята, а старые, обвыкшие и умеючие люди, ибо из опытов известно, что овины пожигаются по большей части от неосторожности и неумения в сушке. 3. Хлеб обмолочиван бы был, а особливо веян, как возмож-

но чище и лучше и для веяния выбираемы бы были хорошие ветры, а в случае недостатка лучше сносить невеянный, полагая в особое место, нежели веять в худой [при плохом ветре] и тем только продолжить время. 4. Чтоб при молотьбе не происходило никаких мытарств и плутовства как от старосты, так и крестьян, и для того на овины бы сажен был всегда хлеб счетом, а за мерою смотреть приказчику. Для счисления ж оного самому ему иметь ежедневную записку в хлебной тетради, а старосте — так называемые бирки. Меру же должен он во всех деревнях иметь одинаковую и мерить всякий хлеб вровень, а не вверх, ибо и в том происходят иногда бездельничества, в отвращение которых, явившихся в преступлении, нещадно наказывать. 5. Чтоб не пропал также и остающийся от молотьбы гуменный корм, как, например, озадки, мякина, охоботье, колос и солома. Всякая вещь должна иметь особое для себя место и употреблена быть в корм скоту и прочее…

О втором источнике доходов

§ 40. Все вышепомянутое говорил я об обыкновенном хлебопашестве и о хлебах, по большей части везде сеямых, как, например, разного рода пшеницах, ржи, ячмене, овсе, гречихе, горохе, а в некоторых местах — полбе, просе и чечевице. Но, кроме сих, есть и другие полевые и огородные продукты, которых на продаже в иных местах весьма знатный доход проистекает, как, например, мак, лен, конопля, картофель, или земляные яблоки, хмель, а в некоторых степных местах — табак и арбузы. Известно, сколь великие деньги получают в иных местах на маке и льне, и для того радетельному приказчику надобно доходы с деревень, в правление ему порученных, и с сей стороны воэможнейшим образом приумножать стараться, и потому все те из сих продуктов,

которые в тех местах по свойству климата и земель родиться могут, не только, если нет заведенных, заводить, но и о поспешествовании лучшему оных урожаю, а потом к лучшему вырабатыванию и выгоднейшей продаже прилагать всяческое старание. Но как многие из сих продуктов не везде и не во всяком месте довольную прибыль приносить могут, то пространно о них говорить оставляю, а скажу только, что приказчику в рассуждении их наиглавнейшим предметом должно иметь ожидаемую прибыль и заводить более те, от которых бессомненно надеяться можно хорошей прибыли. Прочие же, которые к единому только отягощению в работе служат и со многими неудобностями в тех местах сопряжены, лучше оставлять, нежели тратить по-пустому на то время, труды и землю. О собственных обстоятельствах, касающихся до каждого из сих продуктов, должен он наиприлежнейшим образом в тамошних местах, где они родятся, наведаться и узнать то из экономических книг стараться, а здесь всего нужного сообщить не дозволяют пределы сего сочинения, и по всему тому принимать как в рассуждении заведения, так сева, сажания, содержания, сбирания, приуготовления и продажи лучшие и полезнейшие меры.

О третьем источнике доходов

§41. Третьим и равномерно важным из обыкновенных источников доходов в хлебных деревнях почесть можно известный доход, получаемый от скотоводства. И потому приказчику не только должно и с сей стороны о приумножении доходов стараться, но сверх того еще особливое рачение о сей части сельской экономии иметь, для того что она сама собою неразрывно сопряжена с первою главною частью, то есть земледелием. Земля не может без скота и лошадей урабатываема быть, а какое участие имеет скот и в удобре-

нии оной, о том всем известно. Одни только немногие провинции, как я выше уже упоминал, имеют то преимущество, что в них часть, касающаяся до удобрения земель навозом, совсем отпадает, и где оный более отяготителен, нежели полезен. Но и в сих местах долго ли или скоро навоз не менее будет надобен, как и в прочих, как тому уже примеры видим, для которой причины и в сих местах полезнее бы было сбирать его в особое и такое место, где б он не пропадал и после сыскать бы его можно было, нежели валить по нынешнему обыкновению в вершины и буераки. Таким образом, в рассуждении скотоводства за важное правило в сельском домостроительстве почесть можно, чтоб скота столько содержать, чтоб оного на урабатывание земли и на получение от него довольного количества навоза для удобрения земель было довольно, а не менее, чтоб и знатный прибыток на продаже излишнего скота и вещей, от него происходящих, получать можно было. Но как скот взаимного ж вспоможения требует и от земли, то сие содержание оного предполагает уже и то, чтоб для содержания скота довольно было летнего и зимнего корма, и потому следует само собою, чтоб скота не более содержать, как толикое число, сколько оного тутошними пашнями и лугами прокормить можно.

§ 42. Теперь было бы весьма пространно, если б входить во всю подробность сей части сельского домостроительства и говорить о всех вещах, касающихся до скотоводства, и для того необходимость принуждает упомянуть только о нужнейших и общих правилах и должностях, расположа их по разности предметов, касающихся до скотоводства.

§ 43. Итак, первым предметом в рассуждении скотоводства можно почесть заведение и размножение всякого рода скота. В рассуждении сего пункта приказчику следующее наиважнейшее наблюдать надобно: 1. Прежде всего рассматривать, которого скота наиболее ему надобнее и полезнее по обстоятельствам той деревни, которую он управляет, то есть разби-

рать, сколько которого для исправления полевой работы и на необходимые домашние надобности потребно, коликое число прочего он кормом своим прокормить и лугами, и пажитнями содержать может; который скот в тамошних местах лучше водится и подвержен меньшим опасностям, который содержать не убыточнее и, наконец, от которого он по тамошнему месту наиболее господину своему прибыли принести может, и потому такого более и заводить и размножать стараться, который нужнее и прибыточнее. 2. Должен он стараться заводить всякий скот, колико можно лучшего рода, чтоб труды и иждивение, употребляемые на содержание оного тем более награждались, и для того, который скот негодной породы или гораздо уже измелен, то о перемене оного и о заведении иной лучшей породы прилагать старание. 3. Должен он наблюдать все то в рассуждении припусков, клажи и особенного воспитания молодых скотин, что экономия за полезное предписывает.

§ 44. Вторым главным предметом при скотоводстве почесть можно содержание оного. Оное разделяется на летнее и зимнее, и об обоих равно попечение приказчику иметь должно. В рассуждении летнего должен он разбирать, каким образом наилучше ему по обстоятельствам той деревни скот свой на пажитях содержать и вместе ли который или особливо и на каких местах приказывать стеречь. Его главное попечение притом должно быть, чтоб скот сколько можно имел во все лето хорошее довольствие и не растерян и не заморен был пастухами, и для того прилежно самому надсматривать над пастухами, чтоб они стерегли, кормили, давали отдыхать, выгоняли б, пригоняли б и поили б скотину порядочным образом и в подлежащее время. В случае особенного владения может он многие найти к тому поспешествования, как, например, разделяя пажитные места на несколько частей и приказывая стеречь на них попеременно, дабы между тем, когда скотина на одном месте пасется, тогда в другом

вырастал для нее корм и прочее тому подобное. В рассуждении зимнего содержания должен он попечение иметь,, чтоб всякий скот имел не только особливые себе хлевы, сараи и закуты, но чтоб из них одни были теплые, то есть крытые или иногда с потолками, другие же холодные, также, чтоб были особливые на скотских дворах места, куда бы на день можно было скотину выгонять или так называемые денники, а, наконец, особливые сарайчики и закуты для молодого скота, или куда бы требующую особого призрения скотину загонять можно было, и для всего того вообще о скотском дворе и о построении всего нужного стараться. Во-вторых, чтоб для хождения за каждым родом скотины определены были скотники и скотницы и всем бы им распределены были разные до хождения, кормления и смотрения касающиеся должности. В-третьих, прилежно наблюдать, чтоб всякая скотина довольствована была надлежащим кормом и не претерпевала бы никогда нужды, также была бы в надлежащее время поена и в прочем призираема, и для того надобно приказчику скотские дворы нередко надсматривать и наблюдать, чтоб ходящие за скотиною исправно отправляли свою должность. В-четвертых, чтоб не сделалось никогда в потребном корме недостатка, надобно приказчику всегда в том стараться, чтоб оного в готовности во всякое время довольно находилось, и для того как гуменный корм, так и сено и прочее заблаговременно заготовлять, и буде своего мало, то заранее о доставании оного покупкою или привозом из других мест стараться, а на тот же конец и летом липовый и других дерев лист, а осенью хорошее жнивенье заготовлять. В-пятых, чтоб хороший скотский корм с меньшею растерею мог быть в пользу употреблен, то надобно о том стараться, чтоб всякого рода скотине поделаны были ясли или такие особливые места и решетки, где бы корм закладывался, дабы он не валялся по земле и не втаптывался без пользы в навоз. В-шестых, чтоб о молодом скоте, как, например, телятах и ягня-

тах, прилагаемо было особое смотрение и они б содержаны были лучше; наконец, в-седьмых, стараться сколько можно, чтоб на содержание скота расходилось меньше хлеба зернами, а особливо в рассуждении свиней, которых содержание в иных местах более убыточно, нежели прибыльно бывает.

§ 45. Третий предмет при скотоводстве есть сохранение скота от случающихся прилипчивых и других болезней и лечение оного. Пункт сей весьма важен и требует особливого от приказчика попечения, потому что скотоводство не чрез что иное, как чрез сие, величайший подрыв претерпевает. И для того надобно ему скотникам накрепко приказывать скотину чаще осматривать и примечать, не больна ли которая, и для случаев надобно приискивать и иметь на примете всегда таких людей, которые скотские болезни лечат, а в случае недостатка оных самому стараться узнавать все известные от скотских болезней лекарства и в случае нужды употреблять. Но ни в которое время не нужно столь хорошее рачение приказчика, как в случае заразительных скотских болезней, например коровьего или конского падежа, в котором случае надобно ему наперед в то время величайшие предосторожности употреблять, когда падеж в соседстве и до той деревни еще не дошел, например, отгонять скот в какое-нибудь отдаленное место, не допускать его ни под каким видом до воды, текущей из мест, зараженных скотским падежом; велеть всех собак в деревне держать на привязи; прилежно и ежедневно осматривать поля и буераки, чтоб кто не подвез падалицы и чтоб не затащили собаки костей, а вороны — падалища и стерьвы. Подтверждать накрепко, чтоб как можно меньше в те места ездили, а особливо никакого бы скотского корма оттуда не завозили. Наконец, разведывать, зарывается ли там мертвая скотина и не снимаются ли кожи, и как в случае сего ни с какими предосторожностями устеречься почти не можно, то делать в тех местах представления, чтобы скотина была зарываема и кожи не снимаемы, и изыскивать средс-

тва для принуждения к тому, например чрез сотских или городские канцелярии. Буде же оплошностью какою или так, невзирая на все предосторожности, зараза в той деревне появится, то приказчику в то время труды и прилежность свою усугубить надобно и употреблять все то, что только может служить к отвращению, сего зла, и что в экономических книгах в таких случаях предписывается.

§ 46. Наконец, четвертый предмет скотоводства есть получение от него пользы. Польза от скотоводства получается троякая. Во-первых, проистекает доход от продажи разных вещей от скота получаемых и остающихся от употребления на домашний обиход, как, например, масла, творогу, шерсти, овчин, кож, сукон и прочее. В рассуждении сего пункта надобно приказчику также хорошо смотрение иметь за сбиранием и приуготовлением и бережением сих вещей, ибо без того легко может быть дохода меньше. Продажа оных должна быть не безвременная, а в лучшую пору и местах, где что дороже. Во-вторых, получается прибыль на продаже самого излишнего скота, живого и битого. В сем случае надобно приказчику также все то употребить, что может служить к лучшей пользе, и для продажи битой, назначенную к тому заблаговременно откармливать. Наконец, в-третьих, получается от скота толь нужный навоз, о котором довольно уже говорено выше.

§ 47. Вот все, что приказчику о скотоводстве вообще наблюдать надлежит. Теперь следовало бы упомянуть о каждом роде особо, но как сие заведет в великое пространство, то, оставляя сие, упомяну только несколько слов о лошадях. Заведение и содержание сих нужнейших при сельском домостроительстве животных сколько выгодно и полезно, столько ж, напротив того, сопряжено с некоторыми условиями. Содержание довольного числа и добрых лошадей предполагает уже, чтоб было довольно и таких угодий, где их и пасти и с которых бы довольно сена на содержание оных получать можно. Кроме того, потребно для них знатное число овса,

также особливых людей для хождения за ними и прочее, почему сие только в таких местах полезно быть может, где потребных к тому угодий много, да и прочее содержание немногого будет стоить, да и в том случае полезнее заводить уже порядочный конский завод, дабы употребляемые на содержание оного убытки и труды награждадалися довольною от продажи излишних дорогих лошадей прибылью, но о коих писать не принадлежит к теперешнему намерению. Итак, не касаясь до порядочных конских заводов, что принадлежит до содержания прочих лошадей, то обыкновенно содержатся либо езжалые, либо рабочие, да и то смотря по надобности, ибо как первые более при присутствии самих господ для езды, а другие только в случае деловым или дворовым рабочим людям надобны, то во многих отсутственных деревнях обе сии надобности не бывают. Однако как и без лошадей в доме пробыть не можно, по крайней мере для езды приказчику, для разных посылок и домовых работ, то содержание такого рода недорогих, не нежных лошадей в отсутственной деревне, а особливо в такой, где в навозе большая надобность, не инако как крайне полезно быть может, ибо: 1) содержание для них требуется не дорогое; 2) навоза от них делается много и хорошего; 3) подвержены они наименьшей опасности, нежели прочий скот; 4) пользу приносить могут троякую, а именно: употребляться для езды и в работу, для возки хлеба на продажу и, наконец, для продажи и снабдения ими нужных мужиков и в нужное время. Но в таком случае не надобно держать сих лошадей много на конюшнях, а более должны они содержаны быть в пространных крытых сараях, и сие собственно для получения от них довольного числа навоза, ибо в них должно не уреживая стлать негодную солому.

§ 48. Наконец, присовокупить надобно и сие, что приказчику о всем, что касается до скотоводства, должно иметь особую записку, сколько, например, в который год какого было и каким образом утратилось и прочее тому подобное.

О четвертом и пятом источниках доходов

§ 49. Земледелие и скотоводство, о коих выше говорено было, суть по справедливости наиважнейшие источники доходов в хлебных деревнях; прочие суть не таковы знамениты, однако для других обстоятельств в сельском домоводстве не менее важны. К сим принадлежит особливо часть экономии, касающаяся до лугов и сенокосов, ибо во многих местах получаются и на продаже сена, и отдачи излишних лугов внаймы великие доходы, и потому приказчику равное попечение и о сем иметь надобно. Должности его в рассуждении сего пункта должны состоять вообще в том, чтоб ему всеми образами стараться не только, чтоб сено в настоящее время было скошено и все работы, касающиеся до сенокосов, исправляемы были как надобно, но чтоб и луга приводить час от часу в лучшее состояние, дабы сена от них от часу более получать было можно.

§ 50. Что касается до отправления сенокосов, то как бывает сие в одно время в году и притом требует прямой от сельских жителей расторопности, то приказчику необходимо надлежит отменное притом рачение иметь и во время сенокосов самому при том чаще быть и за всем производством сей работы иметь смотрение, ибо как погода составляет наиважнейшее обстоятельство и иногда один час очень дорог, то и не надобно упускать удобного времени к перетрясыванию и возке сена и для того поворачиваться с возможнейшим поспешением, а особливо когда предвидится дождь или ненастливая или случится так называемая сеногнойная погода.

§ 51. Прочие же его до сего пункта касающиеся должности состоят в следующем: 1. Весною должен он сколько можно ранее заказывать луга и не давать скоту поедать первые нужные травяные отрасли, ибо из опытов известно, что самое сие на-

иболее уменьшает урожай сена. 2. В сие ж время осматривать все луга и велеть счищать с них всякий дрязг и камни. 3. В продолжение лета, а особливо во время пахания пара и пред покосом накрепко наблюдать, чтоб луга никто из своих и посторонних воровски не выбивал лошадьми и не выкашивал по ночам сена, что обыкновенно случается, и для того в сие время чаще осматривать и по ночам посылать людей для ловления таких бездельников, которых за то неупустительно наказывать, а если посторонние, то взыскивать потраву. 4. Во время кошения смотреть за косцами, чтоб чисто и плотно косили и не оставляли бы под рядами высоко траву. 5. При гребле наблюдать, чтоб гребено было чище, а при возке — чтоб вожено было с меньшею растерею. 6. Ежели сено становится в лугах, то чтоб вывершиваемые стоги и скирды были круче, а потом, если гоняется туда скотина, оные бы огорожены были жердями или оплетены плетнями. За всеми сими вещами надобно приказчику иметь прилежное смотрение, ибо известно из искусства, что при малом недосмотрении тотчас сделано будет что-нибудь от наших крестьян предосудительное.

§ 52. В вышепомянутом состоят все те должности, кои при нынешней простой экономии наблюдаемы быть должны; однако сие еще далеко не все, о чем доброму домостроителю притом попечение иметь следует. Луга составляют в сельском домостроительстве не меньшую важность, как и земледелие, и как с ним, так особливо с скотоводством неразрывно сопряжены, почему и о том рассуждать надобно, довольно ли и столько ли всякий год родится сена, сколько оного на содержание лошадей и скота надобно, и буде мало, то о приумножении сего нужного продукта стараться, что не инако, как двумя средствами сделаться может, то есть либо приведением имеющихся лугов в лучшее состояние, либо приумножением числа оных вновь сделанными лугами.

§ 53. Что касается до первого пункта, то старание о сем и, кроме недостатка, во всякое время надобно, по тому прави-

лу, что лучше иметь хотя немного, но хорошо родящие луга, нежели множество, да негодных, того ради упомяну о том вкратце. Сие исправление лугов имеет два главных предмета: 1) отвращение всех препятств хорошему урожаю сена; 2) придавание лугам новой силы к поспешествованию лучшему урожаю. К первому пункту принадлежат вычищение и вырубание мелкого кустарника, коим луга зарастают, истребление моха, который наиболее луга неплодородными делает; срывание кротовых и муравьиных кочек; предпринимание предосторожностей, чтоб луга не заносило с полей илом и землей, также, чтоб не изрываемы они были свиньями; истребление худых и негодных на лугах трав; осушивание слишком мокрых и болотных мест; выкапывание в удобных местах рвов; благовременное заказывание лугов, огораживание лучших от скота и прочее. Ко второму принадлежит удобрение худых лугов разными к тому удобными средствами, как, например, некоторыми скотскими навозами, золой и птичьим навозом и прочее. Заведением на лугах гораздо лучших выгоднейших полезнейших трав, а наиглавнейшее, наводнением оных в приличное время приведенною на них водой и прочее.

§ 54. Что же принадлежит до другого славного средства, служащего к умножению сена и лугов, то сии делаются вновь или из леса, или из болот, или из пашен. Первое средство у нас употребительнейшее. Лес обращается в луга чрез вырубание и выкапывание кореньев, древ и кустарников, но сие средство тогда только должно употреблять, когда есть излишнее число лесных угодий или отлогие вершины и буераки, заросшие кустарником, которые в изрядные сенокосы обращены быть могут; а не менее того не надобно жалеть и таких ровных мест, где растет один низкий кустарник или ракитник, который никогда в хорошие дрова не вырастает. Болота же должны во всякое время осушаемы и в луга обращаемы быть, разве только состояние их и местоположение никоим образом того дозволять не будут. Что же касается

до обращения в луга пашен, то сие средство не гораздо у нас еще употребительно, хотя и наивеличайшее искусство и полезность в рассуждении всей оной части сельского домостроительства составляет, и сие не только в случае недостаточного числа лугов и излишнего числа пашен, а особливо худой земли, предпринимается, но и в противном случае, когда бы, например, лугов довольно находилось и пашен излишних не было, в котором случае делается двоякое преобращение: то есть из пашни делаются луга, а из лугов — пашни, и сие на тот конец, чтоб чрез сие средство из худых лугов сделать хорошие пашни, а из худых пашен изрядные луга и чрез то и хлебопашеству, и сенокосам не малое поправление. Сии суть вообще те вещи, кои сверх нынешней обыкновенной экономии примечаемы быть должны и о коих рачительному приказчику по мере сил своих стараться надобно.

О прочих источниках доходов, кои не во всех местах бывают

§ 60. Кроме всех вышепомянутых, есть многие и другие части сельского домостроительства, из коих также не малый доход проистекать может и действительно во многих местах бывает знатный. К сим принадлежат: 1) пчелиные заводы; 2) сады и огороды; 3) пруды и рыбные ловли; 4) разного рода мельницы; 5) птицеводство. Всем известно, коль прибыльны бывают иногда все сии вещи, но было бы весьма пространно, если б о каждой из них сообщить пространные наставления, и как, сверх того, все сии вещи более случайные и не во всяком месте быть могут, то и упомяну об них с возможнейшей краткостью.

§ 61. Пчелиные заводы имеют по справедливости пред всеми оными преимущество, потому что пчелы не только в множайших местах могут заводимы быть, но и на содер-

жание свое не требуют почти никакого иждивения, да и смотрение за ними не сопряжено с дальними затруднениями. Нужно только иметь хорошего человека, который бы до них охотник был и разумел, как с ними обходиться и их содержать. Почему усердному приказчику и в рассуждении сего пункта ничего упускать не надобно, что б только могло служить в пользу и, например, буде пчелиного завода нет, то стараться оный заводить, а особливо если места к тому способные и знающие люди есть. В таком случае надобно ему испрашивать у господина своего довольного капитала на покупку оных и стараться купить сколько можно в множайшем количестве и хорошего рода, ибо в малом числе оные заводить не стоит почти труда и служить будет к единому только отягощению, доход же от оных долгое время совсем будет не виден. Буде же пчелы есть, то во всякое время иметь об них хорошее попечение и не упускать ничего, им в пользу служащего. Правда, главные должности касаются тут до пчельников, однако и для приказчика остается многое для наблюдения, как, например: 1) чтоб ульев запасных всегда было довольно; 2) чтоб пчелиные омшеники и ограда около осеков были в добром состоянии; 3) чтоб посторонние пчелы не нападали на него и не производили бы толь иногда чувствительного вреда или совершенного подрыва, а равномерно, чтоб и свои к чужим не ходили и не делали обиды; 4) чтоб пчельник не делал каких шалостей, как, например, не упускал бы роев или не продавал бы оных и прочее тому подобное. Наиважнейшая же должность приказчика касается до получения от них доходов. В рассуждении сего должен он поступать по обыкновениям тамошнего места и по правилам разумной экономии, то есть или продавать излишние хорошие ульи, или выламывать ежегодно худые, оставлять добрые на приплод и продавать самому мед, воск и прочее.

§ 62. Сколько сады бывают иногда прибыточны, а особливо в таких местах, где их мало и где от продажи целых са-

дов или плодов и овощей великую прибыль получить можно, о том упоминать нет нужды; всем известно, что иногда такой же доход получается с них, как из целой и хорошей деревни, почему следовало бы приказчику и о заведении оных возможнейшее и заблаговременное иметь попечение, а буде они есть, то о приумножении и распространении, а особливо о содержании оных в хорошем состоянии прилагать старание. О правилах и нужных наставлениях к тому, каким образом оные скорее завести и в хорошее состояние привесть можно, я не буду здесь упоминать ничего для того, что, несмотря на все старание, материя сия заведет в пространство, с пределами сего сочинения не согласующееся. И потому оставляю стараниям домостроителей осведомляться о том в приличных к тому экономических книгах. А я то только скажу, что когда сады в той деревне уже есть, то приказчику по крайней мере крепкое смотрение иметь надобно, чтоб не претерпевали они какого удобоотвратимого повреждения, например не объедены бы были плодовитые деревья скотом, а особливо зайцами, не переломаны б были сучья и деревья людьми или за недостатком нужных подпор ветром или от тягости плодов и прочее. И для того наблюдать, чтоб ограда около садов особливо была в хорошем состоянии, а в случае продажи оных не делано бы было сидельцами отнюдь ни малейших обид, ибо чрез то отгоняются купцы от покупки оных к немалому предосуждению хозяина.

§ 63. Пруды также нужны и полезны в сельском домостроительстве. Часто случается, что они за оскудением воды необходимо надобны, а сверх того и от рыб, распложающихся в них, может иногда проистекать доход, который хотя бы был и не важный, но в домостроительстве всякая копейка дорога. И для того рачительному приказчику как о заведении и размножении, так о ловле и продаже оных стараться надобно, а особливо если удобные места для запружения прудов в дачах находятся. Сии пруды надобно утверждать крепкими

плотинами и хорошими снабдевать спусками, рыбу же сажать не всякую без разбора, но смотря по воде и по различию их природы, а особливо не мешать хищных рыб с прочими. С сим сопряжено уже и то, чтоб приказчику иметь за имеющимися старыми прудами все надлежащее смотрение. Главные пункты, о коих ему в рассуждении сего попечение иметь надобно, суть следующие: 1) чтоб в зимнее время вода в прудах «...» не портилась и не поморила б рыбу, в отвращение чего прорубаемы бы были всегда большие проруби; 2) весною чтоб льдом и водою не испортило плотин и прудов не прорвало, также бы с водою не сбежало много рыбы, в отвращение чего надобно лед заблаговременно около плотин обрубать, спуски осенью еще вычинивать, а весною сетьми и решетками заставливать; 3) чтоб пруды заносились сколько можно меньше с полей илом, тиною и дрязгом, в отвращение чего чтоб сделаны были вверху для удержания того ила небольшие прудки; 4) чтоб не было в пруды стоков из скотских дворов и не шел бы в оные навозный сок и не портил бы воду; 5) летом во время туч или паводков иметь предосторожности, чтоб дружною водой не прорвало; 6) во всякое время накрепко беречь, чтоб рыба из прудов бездельниками воровски была не ловлена, как, например, по ночам квашнями, снастьями и прочее; 7) не допускать, чтоб утки, плавая по прудам, молодых рыбных зародышей и икру поедали, также, чтоб завелись в прудах выдры и другие зверьки, толь много рыбы поедающие; 8) не допускать того, чтоб пруды от долговременного нечищения совсем обмелели, но оные благовременно спускать, чистить и вновь запружать; 9) беречь рыболовные снасти и не допускать их сгнивать на дожде и солнце и прочее тому подобное. Если же случится в дачах того владения озеро или реки, в коих рыбная ловля производима быть может, то приказчику не надобно упускать и с сей стороны о приумножении доходов господину своему чрез продажу оных стараться и для того в праздничные и гуля-

щие дни и другие для ловли удобные времена оную в озерах и реках ловить или тотчас продавать, либо сажать в садки, сохранять до времени.

§ 64. Ежели есть в деревнях его водяные, ветряные или лошадиные хлебные или другие какие мельницы, то о содержании их в хорошем состоянии и о приведении от часу в лучшее должно прилагать старание, а буде нет, а места к тому способные есть, то в рассуждении бываемой от них великой прибыли с дозволения господского самому оные вновь заводить или посторонними исполу, или на других каких договорах строить стараться. Особливо же иметь за мельничными плотинами попечение и делать их, колико можно, крепче, не жалея на то капитала, дабы чрез частое прерывание не было мельничному доходу столь часто случающегося подрыва и, одним словом, о всем том стараться, что в рассуждении сего пункта за нужное почитается.

§ 65. Что касается до птицеводства, или содержания разного рода домовых птиц, то вообще можно сказать, что содержание оных в деревнях более необходимо, нежели полезно, потому что часто поедают они столько хлеба, что и половины оного сами не стоят, и потому содержание их в пригородных и в таких местах необходимо, где они тотчас в расход употребляемы или живностью в города отвозимы бывают. В отдаленных же и отсутственных, а особливо в таких деревнях, где хлеб может хорошею ценою продаваться, великое множество оных, и только для того водить и кормить, чтоб, зимою перебивши и переморозив, на торгах за малую цену распродать, конечно, будет не великая прибыль. Не убыточнее из всех их могут почесться гуси и того более русские куры. Сии не только малым, но к тому ж негодным кормом могут быть содержаны, а пользу как сами собою, так и яйцами приносить могут. Но как бы то ни было, а в случае содержания всех их приказчику великое смотрение иметь надобно, чтоб хожатые ходили и смотрели за ними хорошенько, а особливо

надобно ему изыскивать все способы, чтоб как возможно расходилось на них меньше доброго хлеба, и в записках особо замечать, сколько какого хлеба употреблено на содержание оных. Обыкновение, имеющееся в некоторых уездах, раздавать гусей, индеек и кур по дворовым людям, а иногда и по крестьянам и отпускать для корма оных положенное число хлеба, а потом взыскивать с них определенное число молодых птиц и яиц, в отсутственных деревнях может с великою пользою употреблено быть, если только определенное число не будет превосходить меры и обратится в отягощение.

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ

КАВЕЛИН Константин Дмитриевич 1818 — 1885

Русский мыслитель, один из творцов крестьянского законодательства 1861 года, в числе первых отечественных ученых исследовал сельскую общину, доказав, что в ее сохранении — основа социальной и экономической устойчивости России. Разрушение тысячелетних обычаев крестьянского мира, по мнению Кавелина, приведет к упадку экономики и падению самого Русского государства.

Кавелин выступал противником личной собственности на землю, считая, что в условиях России она приведет к массовому обнищанию крестьян. Чтобы не допустить этого, ученый предлагал передать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи. Причем выделение земли должно осуществляться строго в рамках уже существующих общин, являющихся по сути дела коллективными владельцами земли.

I

Первый, самый обильный источник недоразумений относительно русской сельской общины — это смешение общины административной с поземельной. Находят, что община пог-

лощает индивидуальность, не дает почти никакого простора для личности и гражданской самостоятельности членам общины и тем парализует их силы, существенно мешая вместе с тем развитию нравственных и экономических сил всего государства. Упрек справедлив, но к кому он относится? Очевидно к общине административной. Коль скоро подать лежит не на земле, а на душе… государству невозможно иметь дело с каждым из податных людей в отдельности, и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор за каждым из своих членов и ответственность за них — современное государственное хозяйство, к слову, от всякой ответственности свободно — поскольку имеет дело не с крестьянами, — личностями в полном смысле, а с наемной рабочей силой… последнее зависит от общей финансовой системы, существующей у нас с Петра Великого, и с изменением ее может измениться административным или законодательным порядком, не касаясь поземельного устройства.

Обратимся теперь к поземельной общине.

Владение землею миром, как называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально… в мирских землях и угодьях имеет часть только член мирского общества, пока остается его членом, т.е. пока имеет в нем оседлость. Получает он ее безвозмездно, не платя за нее ничего вперед. Оставляя свое общество и перенося оседлость в другое место, крестьянин лишается всякого права на часть в земле и угодьях, и лишается безвозмездно, не вправе даже оставить своего бывшего жилья за собою, ни строений, потому что они на мирской земле, в которой у него нет более части: последняя поступает в распоряжение мира.

Как же пользуются члены общины землями и угодьями? В исключительном, постоянном пользовании находится усадьба, сад, дом, огород; лес состоит в общем пользовании всех членов общины, по мере надобности; также и выгон, если по местным обычаям выгоны не прирезаны к усадьбам.

Луга и сенокосы тоже или разделяются на участки ежегодно перед косьбой, по числу земельных частей, или же сено косится и ставится в копны всем миром, а затем уже делится…

Наконец, при повсеместной почти у нас трехпольной системе хозяйства полевая мирская земля делится на три поля: озимое, яровое и пар. Последний служит пастбищем для скота всей общины. Каждое из остальных двух полей разделяется или по числу душ, или по числу тягловых работников в семье на равные части… Качество и плодородие почвы, местоположение пашни — все это принимается крестьянами в самое внимательное соображение при наделе участков..

Сроки пользования одними и теми же земельными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по местности, обстоятельствам и обычаям. В одних местах передел производится ежегодно; у государственных крестьян законом определено переделять землю не иначе, как с наступлением новой ревизии: здесь за начало принят не тягловый, а душевой надел; наконец, есть сельские общества, в которых поземельные участки никогда не переделяются и остаются неизменными… Между этими тремя главными видами срочного и бессрочного общинного землевладения есть множество оттенков: так, например, в некоторых местах передел бывает не ежегодно и не вследствие новой ревизии, а с принятием в общество или выбытием из него членов…

Переделы, чересполосицы вытекают из теперешнего способа пользования общинными землями, который следует изменить: но общинное землевладение удержать необходимо…

От переделов мирской земли, рано или поздно, придется отказаться совсем: это бесспорно.

… Но и за этими важными переменами общинное землевладение сохранит еще много особенностей, одному ему свойственных. Юридически оно определяется следующими положениями:

1) член общины не имеет права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владения и пользования. Поэтому он не может отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не может его закладывать; дети и родственники в случае, если не пожелают остаться в общине, не наследуют его по смерти крестьянина; наконец, отведенный обществом земляной пай не может быть продан в удовлетворение долгов и взысканий… какие бы они ни были;

2) владение и пользование общинною землей неразрывно связано с постоянною оседлостью в общине… нельзя владеть общинными земельными паями в одно и то же время в нескольких общинах; нельзя владеть в одной и той же общине двумя и более паями… уступать, дарить свой пай не только члену другой общины, но даже той самой, к которой принадлежит владелец:

3) владение и пользование общинною землею соединено с отправлением известных податей и есть пожизненное, ограниченное сроком жизни; но если после умершего владельца остались малолетние сироты или взрослый сын, не имеющий своего земельного пая, то они имеют предпочтительное перед всеми прочими соискателями право удержать за собой отцовский пай. Общинные участки отводятся безденежно, то есть без требования залога, поручительства состоянием или задатка.

Все эти положения существуют в действительности и частью держатся обычаем, частью перешли в закон. Рассматривая их поодиночке, можно подменить сходство их то с тою, то с другою формами землевладения, выработанными римским правом и законодательством новых христианских народов; но взятые в совокупности, они представляют особливый гражданский институт, не похожий на все известные доселе и всего менее на личную собственность…

Но всего любопытнее и поразительнее то, что общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времен, уделом безличных масс,

не представляет, за устранением названных выше несущественных его принадлежностей: чересполосица, передел, ни одного положения, которое не подходило бы под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе.

Говорят: безвозмездный отвод земельного пая есть благодеяние… Это замечание основано на очевидном недоразумении. Нельзя называть благодеянием отвод земли с обязанностью платить подати… Это кредит, к развитию которого стремятся все законодательства в мире. И надобно сказать, что кредит далеко еще не такой рискованный, какие встречаются в Европе, где считать умеют.

Скажут: чем оправдать правило, что за участок, оставляемый членом общины, последняя не дает ему никакого вознаграждения? Крестьянин улучшил, удобрил участок, вложил в него труд и капитал…

Взгляните поближе: все знают, что такое договор об отдаче земли в содержание из выстройки. Хозяин предоставляет свой участок другому лицу с условием, чтобы он выстроил на нем такое-то строение; по истечении определенного числа лет участок возвращается в полное распоряжение и собственность хозяина, и вместе с ним… безвозмездно и поставленное на нем строение, часто наниматель всего лишь не платит при этом аренды. Примеров подобных сделок множество. Те же начала лежат в основании условий правительства с частными лицами и компаниями о постройке железных дорог, которые со временем также безвозмездно переходят в собственность государства — главного владельца земли.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смысл. Когда я спокойно владею или пользуюсь землею в качестве арендатора на более или менее продолжительный срок, я могу, соображаясь с этим сроком, найти для себя выгодным, в течение первых лет арендного содержания, не только не получать никакого дохода от за-

арендованной земли, но даже положить в нее труд и капитал, ибо рассчитываю в остальные годы арендного срока воротить все издержки и сверх того получить барыш. Если посреди этой моей операции, когда сделаны затраты, а выручка еще впереди, у меня вдруг отнимут аренду, что исключено в общине, понятно, что мне по всей справедливости следует вознаграждение. Но если расчет верен и срок достаточен — в выигрыше и сдатчик и арендатор. Вопрос второй: «Арендатор может иногда сделать такие улучшения, что у хозяина земли и состояния не хватит за них. Что тогда делать?»

II

С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов… владение и пользование общинными землями перейдет мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое, при известных условиях, может быть и наследственным. Но эта система аренд будет иметь свое особливое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, в промышленные спекуляции. Система же мелких и практически бесплатных у общины аренд служит верным, единственным возможным убежищем для народных масс от монополии землевладельцев и капиталистов. Наоборот, система мелкой, личной, поземельной собственности, в которую многие предлагают обратить общинное землевладение, не может идти в этом отношении ни в какое сравнение с системой таких мелких аренд. Это вытекает само собою из самого свойства личной собственности…

Личная собственность, исключительная по своей природе, стремится к беспрерывному расширению, увеличе-

нию: стяжание есть ее лозунг и знамя… но в том-то и беда, что бойцы не равны. При таких условиях окончательный исход борьбы несомненен: рано или поздно собственность сосредоточивается в немногих руках и дает им безграничную материальную власть над не имеющими собственности. Мелкие собственники не могут держаться и постепенно переходят в работников. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон — личная выгода. Создается гнет нестерпимый и тем более ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованием общественного блага.

Такой порядок действует гибельно на народные массы и в материальном и в нравственном отношениях. Они тупеют от нищеты, голода, чрезмерного труда и безвыходного положения; озлобление и отчаяние овладевают ими…

Социальные теории, надеющиеся воссоздать общественный мир и равновесие сил и в то же время сохранить исключительное господство начала личной собственности, доказывают только, что корень зла не понят; те же, которые отрицают вовсе это начало, осуждают общество на вечную регламентацию, апатию и бездеятельность. Указывают на ассоциацию как на панацею против такой безурядицы. Но успех ее опять-таки зависит от тысячи случайностей, в т.ч. от… капитала.

III

Социальная анархия, то есть ничем не умеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно, разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддержи-

вает и развивает жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывают на правильную администрацию, суд…

Но это заблуждение!

Ни администрация, ни суд не могут устоять против социальной анархии, по той простой причине, что они соответствуют совершенно другим функциям жизни. Суд существует на вора, разбойника, убийцу… Борьба же капиталов, собственности, совершающаяся в условиях закона и без нарушения общественного порядка, ускользает и от суда, и от администрации. Ее нельзя поймать без… нарушения законов. Ей может противодействовать только начало, вполне ей соответствующее. Одно лишь развитие кредита убивает ростовщичество, а не законы о росте; обильный подвоз хлеба понижает цены на него и прекращает дороговизну, а не хлебные таксы и не запретительные меры.

Применим все сказанное к землевладению. Представить всю землю в частную собственность — она тотчас же сделается предметом ажиотажа и коммерческой конкуренции. Ее начнут скупать и перепродавать с барышом. Делом этим займутся сильные капиталисты… цена ее будет подыматься… масса земледельцев обратятся в батраков и бездомников… Возражения на этот непреложный закон социальной анархии, подтверждаемый наблюдениями из других областей коммерции невольно вызывают улыбку…

Нет, не количественное, а качественное врачевание социального недуга может положить этому конец. Личная собственность становится началом гибели и разрушения, когда не будет умеряема другим организующим началом. Такое начало я вижу в нашем общинном владении, приведенном к его юридическим началам и приспособленном у более развитой и граждански самостоятельной личности. Не представляя никакой возможности для спекуляции, оно будет служить надежным убежищем для люден неимущих от монопольного повышения цен на земли и понижения цен на труд. Общин-

ное владение предназначено быть великим хранилищем народных сил.

Из боязни промышленного застоя не вгоняйте человека в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающий, а не поддерживающий силы. Устраняйте только препятствия, замедляющие естественный рост народа. Искусственные приемы хороши в местной патологии, но убийственны против всей экономии общественного организма. Дорожите общиной, как зеницей ока, поддержите, закрепите заложенный в общине смысл народный законом на вечные времена! В нем верный оплот от будущих бед.

СПБ. 3-го ноября 1858 года.

ОБЩИНА
ПРОТИВ КОММУНИЗМА

ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Илларионович
1818 — 1881

Князь Васильчиков подготовил ряд капитальных научных трудов о землевладении, земледелии и самоуправлении в России, где на большом фактическом материале доказывал необходимость сохранения крестьянской общины как средства экономического процветания России и спасения ее от революции и социализма.

Мы должны также объяснить то глубокое, существенное различие, которое отличает наш мирской быт от общинных и так называемых коммунистических воззрений, проявляющихся в наше время на Западе, ибо, как известно, противники русского мира между прочим приводят и довод, что будто бы наша община есть грубый, но живой зародыш коммунизма, как ее разумеют европейские революционеры. и, с другой стороны, наши народолюбивые юноши тоже мечтают найти в русском мире элементы для излюбленных ими учений об упразднении собственности и хозяйства.

В этом отношении те и другие одинаково ошибаются, как и часто случается с людьми крайних мнений, принимающих свои личные опасения и увлечения за всенародные угрозы и стремления.

Наш мирской быт не имеет ничего общего с коммунистическими стремлениями европейских рабочих, и не представляет никаких элементов для разрушения собственности

и семейства; он, напротив, вырос на двух основах: праве поземельной собственности, обусловленном семейным бытом.

Это мы постараемся доказать.

Если не ошибаемся, то суть всех коммунистических учений состоит в том, что доход недвижимых имуществ, и земли в особенности, по справедливости, принадлежит не столько собственнику, сколько лицу, эксплуатирующему имущество, возделывающему землю, и это учение, доведенное до крайних своих афоризмов, приводится окончательно к тому, что не принадлежность имущества, а труд, на него употребленный, основывает право на получение дохода; далее, возводя эту теорию в общий закон человеческих обществ, коммунисты отвергают всякое семейное право на владение, заменяют брачный союз сожитием рабочих мужеского и женского пола, двор и общество — казармой и артелью, и, по пресловутому принципу — a chacun selon ses oeuvres, распределяют прибыли и убытки по заработкам, добытым работою сообща.

Общее пользование, общинный труд, вольная ассоциация, дележ продуктов и заработков между членами общества — таковы главные основания новейших коммунистических вымыслов.

Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу.

Наш русский мир имеет в виду не общее владение и пользование, а напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли; обработка сообща и дележ продуктов, хлеба или сена в натуре, при уборке, никогда не были в обычае русского крестьянства и совершенно противны мирскому быту.

Общественные запашки, огульные работы всегда внушают нашим общинникам неодолимое отвращение, и когда подобные меры принимались помещиками или начальством (в удельных имениях и военных поселениях), то они испол-

нялись только по принуждению и часто с помощью насильственных средств, военных команд и экзекуций, а при освобождении крестьян были повсеместно отменены.

При нарядах на общественные работы, починки дорог, провод канав и т.п., крестьяне всегда избегают работы сообща, разбивают дорогу или канаву посаженно, по тяглам или душам, и исполняют наряд под личною ответственностью каждого домохозяина. Вообще, коммунистический принцип общественного обязательного труда так противен нраву русских рабочих, что они, без сомнения, встретили бы проповедников подобных иноземных учений с таким же радушием, с каким принимали сельских начальников и аракчеевских офицеров, выгонявших их, по наряду, на сельские полевые работы.

Существо мирского общинного быта заключается в равном праве на земли всех членов общества пропорционально их рабочим силам; но земля, однажды наделенная, разверстанная, возделывается, пашется, боронится и косится отдельно каждым владельцем.

Коренное понятие, из коего выросло русское мирское общество, есть равноправность всех членов общества по земельному владению, равное разверстание всех полевых угодий между всеми взрослыми рабочими, но вовсе не совместное, общинное пользование, о коем мечтают легковерные реформаторы-социалисты, отвергающие право собственности и семейные связи. Русский мир есть, напротив, наивысшее, даже несколько преувеличенное подтверждение прав собственности и семейного быта, ибо полагает основанием всякого общества — право на землю всех его членов и ставит одно условие, один срок для получения земельного надела — вступление в брак и в семейную жизнь. Полное тягло слагается из двух рабочих душ мужского и женского пола, совершеннолетнего мужика и замужней бабы, и они, совокупно в одном общем хозяйстве, выражают единицу рабочей

силы, первое звено хозяйственного и мирского общественного быта.

Поэтому можно смело утверждать, что мирское землевладение в том виде, в коем оно устроилось в великороссийских губерниях на местах первобытных поселений славянских племен, имеет главною основою рабочую семейную силу, полным выражением коей служат не отдельные личности, не индивидуальные способности и нужды, а хозяйственный быт мужа с женой, совокупный их труд, скрепленный брачным союзом и потребностями, истекающими из супружества, пропитанием детей, прокормлением престарелых родителей. Земельный надел есть не только право, но и обязанность; женатый крестьянин не только может, но и должен держать землю; холостой или вдовый мужик должен отыскивать невесту, потому что дом, крестьянский двор, без бабы признается неполным, расстроенным хозяйством. Все эти понятия, права и обязанности домохозяйства и супружества, равноправности и равнотягости соединяются в выражении тягло, которое есть основное понятие русского крестьянского землевладения, точно так как подворный участок есть основа германского аграрного строя.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

КАРЫШЕВ Николай Александрович 1855 — 1905

Профессор политической экономии, публицист, земский деятель, предводитель уездного дворянства в Екатеринославской губернии. В своем исследовании «Труд, его роль и условия приложения в производстве» дал огромный фактический материал о развитии трудовой деятельности в России, уделял особое внимание хозяйственному крестьянину, живущему в условиях общины. Карышев отмечает благотворное влияние общины на социально-экономическую стабильность России. Община спасает русского крестьянина от пролетаризации.

Многие кризисные явления в экономике Карышев связывал с неумением должным образом регулировать и реформировать общину с учетом современных требований.

Основное отличие общинного земледелия от частного или подворного заключается в следующем. Земля не составляет собственности одного лица — в общине она принадлежит всем членам в совокупности. Вся община в полном составе распределяет ее между отдельными домохозяевами для использования в течение определенного срока, по истечении которого община снова и снова периодически повторяет такое распределение, называемое «переделом» земли: при этом каждый Домохозяин получает новые участки в иных местах и почти всегда иных размеров.

Некоторые угодья не подлежат переделу; чаще всего это бывают усадьбы и выгоны; другие могут подвергаться ему лишь иногда (огороды, леса, сенокосы); существенной, однако, чертой господствующих у нас общинных отношений служит передел пахотной земли. Как весьма редкая разновидность общинных распорядков встречается артельная общая обработка всех угодий, (кроме усадеб) с разделом продуктов между членами.

Вся совокупность общинников имеет право полного распоряжения всем общинным имуществом; каждый из них, как один из членов корпорации, может подавать голос за отчуждение этого имущества, но не может по желанию отчудить своего участка, который он получает лишь для пользования с определенными целями. Из сказанного вытекают два важных последствия: 1) общинник не может лишиться своей доли земельного надела и 2) каждый общинник имеет право на получение своей доли из общинной земли. В самом деле, при общинном землевладении каждый домохозяин может, конечно, сдать в аренду свой участок по своей задолженности, бесхозяйности, безлошадности и т.п. причинам, никакого отношения к общинным распорядкам не имеющим; его земельный пай может быть сдан в аренду самой общиной для уплаты его недоимок, но такое отчуждение всегда есть результат силы каких-нибудь внешних факторов; юридически оно представляется временным, форсированным, исключительным: по истечении срока отчуждения или при обзаведении рабочим скотом, вообще при улучшении своего хозяйственного положения общинник никогда не теряет права получить свой участок обратно в собственное пользование. Так, напр., две крупные финансовые меры первой половины 80-х годов — уничтожение подушной подати и уменьшение выкупных платежей, сократившие крестьянские платежи в иных местах весьма значительно, как увидим ниже, имели следствием возврат на родину, требование вновь своих общинных паев и возобновле-

ние хозяйства немалого числа таких крестьян, которые ранее бросали свои наделы и уходили на заработки. Во-вторых, всякий полноправный член общины имеет в составе общинной земли свою долю, сколько бы таких членов ни было. Поэтому каждый общинник — землевладелец, все его дети, сколько бы их у него ни было, также в свое время получат в пользование причитающиеся им участки земли. Раздел общинных полей между всеми общинниками гарантирует им принадлежность этого важнейшего орудия их труда. В данном случае безразлично, велики или малы участки, приходящиеся на долю каждого отдельного члена общины. Общинный принцип заключается в уравнительном распределении наличного земельного фонда общины. Если он чрезмерно мал и участки общинников представляют ничтожные делянки, то это может быть следствием лишь других причин, обусловливающих малоземелие той или иной части населения, но не следствием общинных распорядков. Нам придется сейчас увидеть, что размеры крестьянского землевладения играют видную роль в системах разверсток земли: чем больше надельный фонд относительно числа общинников, тем и последовательнее проводится общиной уравнительность при переделах.

При господстве денежного хозяйства в жизни каждого собственника и в особенности мелкого, нередки случаи нужды в деньгах. Заем их или залог земли в частных руках или продажа земли могут нередко служить единственными выходами из затруднения. Но сношения с деревенским ростовщиком также ведут весьма часто к потере земли, а такая потеря есть признак разорения. Причины такого явления могут быть весьма разнообразны: одни коренятся просто в индивидуальных свойствах лица, другие — во временном случайном расстройстве его хозяйства, наконец, третьи — в общем угнетенном состоянии хозяйства страны или какой-нибудь ее части. Подобные бедствия, по мнению сторонников общины, и предупреждаются этой формой отношений в зна-

чительной мере. Невозможно думать вместе с писателями 50-х годов, что община предотвращает возможность появления в стране земледельческого пролетариата, так как возрастающее малоземелье может иметь результатом увеличение числа бесхозяйных или чрезмерное парцеллирование полос, перестающее удовлетворять продовольственным нуждам семьи земледельца. И против последнего, как сказано, община бессильна, так как причины этого явления лежат вне ее. Но процесс обращения населения в пролетариат бесспорно значительно затрудняется при наличности общинных отношений потому, что невозможность юридически отчуждать участок, с одной стороны, сокращает кредитоспособность общинника, а с другой — допускает лишь фактическое отчуждение земли, владение которой может быть восстановлено с улучшением хозяйственного положения должника.

Второй весьма важной стороной в этом деле служит то обстоятельство, что при переделах община наблюдает между своими членами возможное равенство не только в их количестве и в величине земельных паев, но и в их к а ч е с т в е. Каждый общинник получает не один цельный участок, но несколько, иногда много полос разного плодородия и разной отдаленности. Если бы доля его находилась в одном отрубе, невозможно было бы уравнять плодородие и отдаленность участков между всеми общинниками. Как это делается, постараемся сейчас выяснить.

Выше (…) были указаны причины, по которым мелкая частная земельная собственность ограничена в своем развитии известными пределами и теряет мало-помалу свою выгодность. Можно думать, что община обладает гораздо большей приспособляемостью к изменяющимся хозяйственным условиям и имеет более данных к развитию и переходу к высшим формам земельных отношений. Наличность переделов при росте населения и неизменяемых размерах земельного фонда общинников, конечно способствует раз-

мельчанию участков отдельных лиц и может привести в результате к господству того же «карликового» хозяйства, которое служит столь пагубным отрицательным идеалом, и мелкой собственности. При тех же условиях наступает в общине и уменьшение средств большинства общинников, и недоступность для отдельных членов общины дорого стоящих улучшений, и истощение почвы, и отсутствие кормовых угодий. В конце концов разделение общинного населения на обособленные группы, различествующие между собой по степени хозяйственного обеспечения, хотя и затрудняемое общинными порядками, все же может делать значительные поступательные шаги. Но тесная имущественная связь, создающаяся между общинниками общностью их земельного надела, обусловливает наличность некоторых условий, способствующих дальнейшей эволюции этой формы земельных отношений. Переделы стремятся уравнять между членами общины главнейшее орудие земледельческого труда. Насущные хозяйственные нужды отдельных общинников указывают им на выгодность разных проявлений сотрудничества и на необходимость выработки разных форм общественного труда. «Помочь», «супряга», совместное пользование сенокосами, отдельные случаи совместной артельной обработки пахотной земли общими орудиями и т.п. служат внешними выразителями такой тенденции, имеющей целью парализовать вред обособленности отдельного производителя. По мере размельчения хозяйства общинников и усиления недостаточности их обеспечения, такая тенденция развивается с течением времени более и более. Нельзя видеть простой случайности в том, что идея «земледельческих артелей», находившая лишь отдельные, разбросанные случаи для своего выражения в 70-х и 80-х годах, начинает осуществляться в виде систематических опытов в последние годы. Наблюдения окружающей жизни в переживаемый исторический момент наводят на мысль, что дальнейшее развитие указанной

тенденции — тенденции к выработке форм труда, носящих более общественный характер — имеет будущность. Если же это так, если обособленность производителя в общине осуждена на постепенное сокращение, то можно думать, что эта форма земельных отношений эволюционирует к такой, при которой возможна крупная культура, т.е. которой чуждо размельчание участков, доступны дорого стоящие улучшения, при которой можно избегнуть истощения почвы, можно практиковать в больших размерах сотрудничество, можно применять «средства и знания». Несколько ниже мы увидим, что даже на современной ступени своего развития община вовсе не ставит неодолимых преград таким улучшениям земледельческой культуры, когда на то имеются достаточные данные в виде средств и знаний. Уменьшение обособленности производителя под влиянием настоятельных потребностей и наличных условий ведения хозяйства может только увеличить количественно, распространить территориально и разнообразить приводимые ниже факты поступательного культурного движения общины.

Переходим к внутренним распорядкам общинного землепользования. Они представляют в разных областях нашей страны весьма большое разнообразие, о котором могут дать понятие указанные выше исследования. Здесь мы можем привести лишь наиболее типичные формы этих отношений в самых общих чертах.

Прежде всего отметим, что слово «община» неизвестно крестьянству. В Великороссии его заменяет слово «мир», а в Малороссии — «громада», «обчество».

Эта форма землевладения поэтому и называется также «мирским» в противоположность «подворному».

Община не всегда совпадает с понятием деревни, села. Часто такое совпадение действительно имеет место. Это — случай наиболее распространенный. Иной раз община бывает больше или меньше села. Общину называют простою,

если она совпадает с деревней или селом. В Московской губернии простые общины составляют 94 процента всего их числа. Общину называют составною, если она больше деревни или села, т.е. если в состав ее входит несколько деревень, пользующихся одной и той же земельной территорией. Такие общины распространены особенно на севере, где редкое население разбросано небольшими поселками среди лесов, где удобные для земледелия пространства встречаются лишь небольшими участками между землями неудобными, болотами и лесами. В Олонецкой губ., напр., «селением» называется нередко два двора или просто хижина в лесу. Всякий такой незначительный поселок имеет всегда свое особое название. В состав одной общины входит, конечно, много таких поселков (пословица: «в деревне мира не наберешь»). Она состоит иногда из 20, 30, даже 50 таких «селений». В том же Олонецком уезде насчитывали до 600 таких «селений» в то время, когда общин там было не более 30. Наконец, общину называют раздельною, если она менее села. Это явление тоже довольно редкое и встречается только в селах, составленных из двух или нескольких крестьянских групп. Или деревня населена, напр., и государственными, и удельными и бывшими помещичьими крестьянами; или в бывшей владельческой деревне крестьяне принадлежали нескольким разделившимся наследникам и т.д. В этих и подобных случаях каждая группа имеет свой особый надел и образует самостоятельную общину. В Московской губ. таких раздельных общин числится всего около 4 процентов. По способу владения землей и вообще в отношении всех своих распорядков общины составные и раздельные весьма сильно приближаются к общинам простым и отличаются от них лишь в подробностях, на которых мы останавливаться не будем и перейдем прямо к внутреннему устройству общин простых.

Основную черту нашей общины, как сказано, представляют переделы одних угодий и общее пользование других. Общины

без переделов с артельной обработкой всех угодий составляют исключения. Обыкновенно же выгоны и пастбища находятся в совокупном пользовании всей общины. Переделам подвергаются пашни, сенокосы и иногда лесные угодья. Усадьбы же составляют предмет частного пользования общинников.

Далее, для ясного понимания приемов переделов земли между общинниками, прежде всего следует ознакомиться с той единицей, которая служит этой цели. Единица эта несколько своеобразна и ее следует себе уяснить, прежде чем начать знакомство с техникой переделов.

Такой единицей служит «душа». Но эта душа не наличная, а условная, фиктивная, податная. После каждой ревизии во всякой общине числится то количество душ, которое застала ревизия. Но в период между ревизиями, очевидно, количество это значительно видоизменяется. Население или возрастает, или сокращается. Следовательно общая сумма д у ш в общине постоянно колеблется. То же следует сказать и о каждом отдельном семействе. Иные семьи совершенно уничтожаются, другие разделяются на несколько частей, третьи увеличиваются, не разделяясь, и т.п. Считаться со всеми этими изменениями при взимании налогов фискальному ведомству представляется, конечно, невозможным. Оно производит свои расчеты на основании данных последней ревизии и требует от общины то количество платежей, которое причитается с нее именно на основании этих данных. Когда в общину поступает такое требование, то задачей ее делается — распределить возможно равномернее требуемую сумму между наличным числом своих членов. Для этого она накладывает на наличные души известное число (целое или дробное) душ податных. Эти-то податные души (количество которых определено для каждой общины ревизией) и пишутся в каждом окладном листе и служат поэтому единицей раскладки между наличными душами податей и повинностей, лежащих на всей общине. Если. напр., в деревне по ревизии 1858 г.

числится 500 человек, то «душой» (в техническом податном смысле) в ней и до настоящей минуты считается 1/500 всех податей и повинностей. Если теперь в деревне имеется 1000 наличных душ, то в среднем на каждую падает 1/2 «души», если 250, то 2 «души» и т.д.

Количество этих душ служит основанием для раскладки податей и для переделов земли. Каждый общинник получает на свою долю, конечно, равное количество того и другого (т. е., напр., пяти душам податным соответствуют непременно пять же душ и земельных). Но определение суммы таковых, падающих на долю того или другого общинника в частности, обусловливается весьма многими соображениями. Разделить число душ податных на число жителей мужского пола было бы в этом случае, конечно, проще всего, но далеко не всегда справедливо. Община не допускает такого грубого, противохозяйственного приема раздела. Разница между общинниками в возрасте, в разных личных индивидуальных особенностях, обладании средствами обработки земли (скотом, орудиями и проч.) оказывает немалое влияние на трудовую способность человека, и ее нельзя не принимать в расчет. «Наблюдения показывают нам, — говорит весьма почтенный исследователь Григоров, что общество ежегодно обсуждает самым внимательным образом раскладку общей суммы по дворам, причем принимает во внимание не голый двор, не одно только число работников по возрасту, но оно входит возможно подробно в условия семейного положения, принимает при этом в соображение умственные и физические способности лиц, его составляющих, отправление каких-либо общественных должностей и т.п.»

Главнейший пункт, около которого концентрируются в этом вопросе рассуждения общины, представляет состав семьи. Большая семья с достаточным количеством взрослых мужских работников в хозяйственном отношении гораздо сильнее семьи небольшой или состоящей только из женщин

и детей. Понятно, что в данном случае на практике встречается много комбинаций, варьирующих до бесконечности трудовую способность семьи. Вообще же намечается два типа домохозяев — одиночки и семьяные. Одиночкой считается единственный взрослый работник в семье. Если это человек здоровый, молодой, обладающий некоторым достатком, то он может представлять собой силу, способную «поднять» две и более «души». В противном случае он считается маломощным. Сообразно способности своей к труду, старости, болезненности и проч., сообразно имеющимся у него средствам обработки земли (орудиям, скоту и пр.), такой общинник может быть иногда вовсе освобожден от всяких повинностей или получить какую-нибудь дробь «души» (1/2, напр.). Семьяными домохозяевами называются те, которые имеют двух и более взрослых работников, достаток которых выше, трудовая способность которых сильнее. Они представляют главную массу, среди которой разделяется остальное количество «душ».

Для распределения «душ» между общинниками сообразно всем этим особенностям отдельных семейств существуют, как сказано, переделы земель. Переделы бывают общие и частные. При общем — переделяется вся общинная земля, при частном — только часть ее. Последний наступает тогда, когда бывает возможно удовлетворить требование новых или прежних общинников о выделе или прирезке им земли при помощи отобрания части земель от других вследствие обеднения, смерти, болезни, ухода и проч. последних. В этом случае мир «сваливает» часть «душ» с этих и «наваливает» их на тех. Кроме того «свалка» и «навалка» «душ» может иметь место просто с целями более справедливого распределения земли по причине каких-либо перемен в уровне благосостояния прежних общинников.

Далее, вообще могут быть три системы разверстки земли между членами общины. При первой принимаются во вни-

мание только мужчины рабочего возраста, по второй — все наличные мужчины, по третьей, кроме числа мужчин, еще и иные признаки состава и благосостояния семьи. Первая система называется тягольной разверсткой, вторая — подушной, третья — смешанной.

Тягольная разверстка совсем не принимает в расчет количество неполных работников в семье. Она считается только с количеством взрослых мужчин, полных работников. Очевидно, эта система принимает во внимание только часть тех условий, которые указаны выше, и потому не может, по-видимому, достигать того равенства общинников, из-за которого и совершаются самые переделы. Такое суждение было бы, однако, ошибочным. Выдающийся знаток русской общины — покойный В.И. Орлов — указывает на то, что разверстка эта встречается в тех случаях, когда она является именно наиболее справедливою. Это бывает там, где надельная земля едва ли может оплатить лежащие на ней подати и повинности да к тому же еще и прокормить общинников без помощи отхожих промыслов или других посторонних заработков. При этих условиях земля не представляет для семьи источника благосостояния, нередко она является даже бременем. Часть работников должна искать посторонних заработков на стороне. Если бы община при этом «навалила» большое количество земельных «душ» на человека, семья которого многочисленна, но бедна полными работниками, то поставила бы его этим в безвыходное положение. Чтобы не бросать земли и в то же время иметь возможность выдержать ее, необходимо сообразовать величину долей общинников с количеством только одних взрослых работников мужчин. Это подсказывает опыт, и так поступает община, взвешивая интересы своих сочленов.

Основанием подушной разверстки служит все число наличных душ мужского пола в семье. Там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностями земли, пос-

ледняя, очевидно, представляет не бремя, а некоторое благо, к которому стремятся общинники. Каждый домохозяин желает получить ее побольше, чтобы тем полнее удовлетворить потребность своей семьи. «Если бы с течением времени, — говорит В. И. Орлов, — и произошло в ней уменьшение рабочих сил или иные какие-либо семейные несчастья, то это не вызвало бы за собою необходимости отказа от излишней земли, так как ее можно на время сдать в аренду соседу за такую цену, которая покроет платежи; а если бы кто и пожелал «свалить» с себя надел, то всегда найдутся охотники взять ее со всеми лежащими на ней платежами».

Смешанные разверстки практикуются там, где платежи находятся в еще большем соответствии с доходностью земли. По большей части она встречается у крестьян бывших государственных и бывших удельных, имеющих большие наделы и платящих меньше, чем бывшие владельческие. Здесь обладание землей представляет предмет еще больших исканий со стороны общинников, чем в предшествующем случае. И в этом случае община должна принимать в расчет все положительные и отрицательные признаки крестьянской состоятельности и потребности семьи в предметах первой необходимости, и количество взрослых работников, и общее количество всех членов семьи обоего пола, и имущественное положение хозяйства.

Переходим, наконец, к технике переделов и начнем с переделов пахотной земли.

Выше было сказано, что община стремится уравнять между своими членами участки земли не только количественно, но и качественно. Это бывает всегда необходимо, ибо полосы, хотя бы и равной величины, обыкновенно разнятся одна от другой. Причин тому на практике представляется немало. В о - п е р в ы х. в данном случае играет роль качество почвы. На общинной земле может встречаться глина, песок, камень, чернозем и пр. В о - в т о р ы х, расстояние участ-

ка от усадеб. Обстоятельство это бывает настолько важным, что даже там, где нет почвенных различий, поля все-таки делятся по признаку их удаления от села. Некоторые части общинной земли расположены бывают за 10, 15, 18 верст от двора. Нетрудно понять, какую огромную затрату времени и труда должен нести домохозяин, работающий в таком отдалении. Наконец, в - т р е т ь и х, сюда относятся всевозможные особенности той или другой части общинной земли (болото, низкое или высокое положение места, сырость, защита лесом, покатость места на юг или на север, какая-нибудь неправильная форма участка и пр. и пр.). Согласно общинному распорядку каждый ее член должен пользоваться частью выгод и разделять наравне с прочими часть невыгод, проистекающих от всех у к а з а н н ы х причин. Для этого община прежде всего разделяет по всем этим признакам свою землю на соответственное количество крупных участков, из которых каждый обладает каким-либо специфическим достоинством или недостатком (напр., участки глинистый, каменистый и черноземный, участки ближний и дальний, участки на пригорке, на низу, под защитой леса и пр.). Они носят весьма различные названия в разных местностях России: кон, ярус, столбняк и пр. Число их иногда не превышает 3 — 4, а иногда возрастает до 20 в каждом поле, т.е. всего в трех полях до 60. Это деление на коны имеет целью доставить каждому общиннику возможность получить свою долю земли совершенно такого же качества, какого получает и другой. Всякий из них получает свою часть в каждом кону. Поэтому очерченным приемом устраняются все споры по поводу неравенства естественного плодородия участков. Эта черта переделов существенно отличает общинное землевладение от частного. В то время, как мелкий частный собственник не может изменить почвенных и других названных условий, присущих полосе земли, случайно ставшей его собственностью, общинник пользуется всем разнообразием

их, имеющихся в сравнительно большой площади земли, которая отмежевана всей общине. Равенство в этом отношении нескольких соседских мелких частных собственников может иметь место опять-таки только случайно; равенство общинников в данном случае гарантируется тем принципом, который коренится в основании всей системы.

Далее, коны не делятся непосредственно на полосы по числу домохозяев. Имеется еще промежуточное подразделение, называемое в разных местах вытью, осмаком и пр. Этим именем обозначается та доля кона, которая достается в пользование целой группы хозяев. Наконец, выти разделяются уже по числу членов группы на полосы. Такой двухстепенный раздел вызывается требованиями простого удобства переделов и является особенно необходимым в больших общинах. Самое назначение вытей и полос производится с помощью жеребьевки в присутствии всех членов общины.

Что касается до переделов сенокосов, то приемы их весьма мало отличаются от приемов переделов пахотной земли. Сенокосы также разбиваются на коны по количеству травы и иным признакам (коны носят в этом случае иные весьма разнообразные названия). Эти — делятся на выти, а выти — на полосы. Нередко, однако, сенокосы не подвергаются переделам и трава скашивается или сообща всей общиной, или группой домохозяев, входящих в состав одной и той же выти. Последний случай наблюден был, между прочим, в Московской губернии, причем между домохозяевами делится не земля, а продукт (трава). И это не составляет особенности названной губернии. Исследования общины в различнейших уголках России доставляют немало подобных фактов. Так, в некоторых селах Вологодской губ. сено скашивается общим трудом всего мира и складывается в копны. Затем его делят на два сорта и дают поровну каждого сорта каждой половине населения села. Затем каждая половина снова делится на две части и т.д., причем каждая группа об-

щинников продолжает получать по ровной части сена каждого сорта. Наконец, когда путем такого последовательного деления дело доходит до дележа сена между членами общины попарно, то жребий решает, кому должен достаться верх и кому низ копны. Такие и подобные способы пользования сенокосами встречаются вообще нередко.

Нельзя при этом обойти молчанием весьма интересного способа общинного сенокошения на Урале у яицких казаков (сведения относятся к 60-м годам). Войсковое управление назначает для начала сенокосов особый день. Кто вздумал бы косить раньше этого дня, тот лишается права косить сено на один год. В указанный день, начиная с утренней зари, каждый домохозяин начинает обкашивать кругом то место, внутри которого он затем может скосить всю траву в свою пользу. При этом он обязан до вечерней зари того же дня заключить свой круг, т.е. возвратиться к точке своего отправления. В противном случае он не может воспрепятствовать соседу вкоситься своим кругом в его круг.

Наконец, и переделы лесных угодий совершаются по приемам, аналогичным приемам переделов пахоты и сенокосов. Если переделу подлежит лес крупный, то еще на корню он разделяется на известные группы по качеству деревьев. Группы эти, аналогичные конам, разделяются на осмаки, а последние делятся между отдельными домохозяевами. Если же переделу подлежит лес мелкий, то весь он принимается за один кон и разделяется на осмаки и полосы. Если при этом возникает сомнение в равенстве передела вследствие различия в качестве осмаков, то оно устраняется простым увеличением их величины в одном месте и уменьшением в другом. Наконец, если подлежащий переделу лес представляет смесь крупного с мелким, то применяются оба названных способа передела одновременно.

Таковы общинные распорядки. Чтобы изучить те изменения, которым они подвергаются во времени, необходимо

было бы произвести несколько подворных исчерпывающих массовых исследований, разделенных между собой некоторыми промежутками времени. Таких исследований, однако, мы не имеем. Поэтому приходится в этом вопросе довольствоваться теми сведениями, которые имеются.

В литературе достаточно прочно установлены причины, вызывающие коренные переделы общинных земель. Главнейшим определяющим моментом в данном случае служит отношение, существующее между доходностью наделов и размерами лежащих на них платежей. Земско-статистические исследования показывают, что «надельная» земля имеет для крестьянина двоякое значение: она служит ему источником дохода и вместе с тем мерою взыскиваемых с него податей и других сборов. Первое ее значение для него положительное, второе — отрицательное, и окончательное отношение крестьянина к наделу в значительной степени определяется равнодействующей того и другого ее влияния на экономическое состояние хозяина. Где земля не окупает платежей, там хозяйственному крестьянину выгодно получить лишь такой участок, который не отнимал бы всех его трудовых сил и оставлял ему возможность арендовать землю или зарабатывать на стороне, а крестьянину маломощному — отказаться от надельной земли совсем; другими словами — обе категории в этом случае стремятся отделаться от земли, следовательно, «мотивом к изменению существующего распределения наделов здесь служит стремление облегчить членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномерно распределить недоимки, запущенные неплательщиками». С другой стороны, в обществах, где доходность надела равняется или даже превосходит платежи, главнейшей причиной передела служит «малоземелье одних членов общины при относительном многоземелье других, а соответствующий психический мотив — желание увеличить участок как источник дохода. Этот естественный мотив, вызываемый

непосредственно неравномерностью распределения земли между членами общины, усиливается тягостями, лежащими на малоземельных и безземельных ее членах по исполнению воинских и мирских натуральных повинностей, привлечение к которым делается не на основании размера землевладения, а по величине рабочего состава семьи». К этим двум основным мотивам переделов присоединяются еще другие, имеющие меньшее распространение, на которых останавливаться не будем.

В исследовании В. П. Воронцова подробно разработан исторический очерк развития идеи передела после крестьянской реформы. К нему мы и отсылаем желающих изучить фактические изменения в этой области и препятствия, испытанные тенденцией общинников к переделам в течение последних десятилетий. В прежнее время государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли между членами общины вслед за ревизией. Когда неравномерность земельного обеспечения общинников начала выясняться после последней ревизии 1858 г., возник прежде всего вопрос о праве общины производить переделы без ревизии. Пока этот вопрос не был решен в утвердительном смысле, до тех пор он служил первым крупным препятствием к устранению возникшего земельного неравенства. Сказанному помогали нередко и представители ближайшего «начальства» над крестьянами, сознательно или бессознательно затемнявшие для общинников истинный смысл закона в этом вопросе. Однако когда население поняло, что перераспределение земли входит в число его прав, препятствия к переделам этим еще далеко не были устранены. Внутри самих общин возгорелась упорная борьба тех, кому выгодно было прежнее распределение участков, с теми. кому выгодно было его изменение. В местностях, где платежи превышают доходность земель, оппозицию переделам должны были оказывать домохозяева, которым переверстка участков грозила увеличением их зем-

левладения: в местностях, где платежи находились в большом соответствии с доходностью земель, оппозицию оказывали те, которым переверстка обещала уменьшение землевладения. В первом случае «против передела стоят бедные, малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков», во втором случае «противники переделов, кроме семей с большим числом умерших ревизских душ, являются обыкновенно кулаки, мироеды, каштаны, так или иначе захватившие в свои руки наделы переселенцев и другие, или наживающиеся при распоряжении общества мироплатимыми душами. Вспомнив влияние на общественные дела, каким пользуются эти обыкновенно богатые и ловкие лица, легко понять, каких сильных противников имеет в них передел». Борьба бывает упорная, страсти разыгрываются и сторонами пускаются в ход все средства (прибегают и к подлогам, и к обманам, к подкупам, спаиваниям, насилиям и т.д.). Очевидно, при таких условиях перевес должен остаться на стороне, оказавшейся более сильной фактически. Если настойчивость и установленное законом большинство окажутся в лагере требующих переверстки земли «по новым душам» — передел состоится, в обратном случае хлопоты меньшинства останутся без результата. Нетрудно понять, что во всех тех случаях, когда платежи не превосходят доходности земель, борьба за передел есть борьба менее состоятельных членов общины против более состоятельных, борьба обделенных землею против тех, в руках которых концентрировались земельные участки. В этой борьбе замешаны крупнейшие интересы тех и других и потому ее исход может служить весьма важным показателем степени действительного влияния на общинные отношения той или другой из борющихся сторон. Если дифференциация общинного крестьянства дошла уже до той степени, когда все эти «кулаки, мироеды, каштаны», и как они все называются, концентрировавшие в своих руках значительную долю наделов, когда весь этот

люд фактически распоряжается судьбами общинных отношений, передел, очевидно, состояться не может или может быть произведен лишь по прежней системе разверстки земли, выгодной для этого «командующего» слоя деревни.

Если же переделы совершаются и если системы их эволюционируют в сторону удовлетворения интересов менее состоятельных общинников, то необходимо предположить, что первая группа домохозяев не обладает еще тем безусловным господством над второй. В первом случае община близка к разложению. Общинные порядки если при этом и сохраняются, то лишь по форме, а не по внутреннему своему содержанию, ибо не удовлетворяют более первому принципиальному требованию; они перестают служить всем участникам, а служат лишь состоятельному меньшинству их. Во втором случае эти распорядки удовлетворяют именно потребности большинства, менее состоятельной массы домохозяев, в ущерб интересам более обеспеченного меньшинства, подчас — небольшой кучки, даже единиц, т.е. уравнивают, нивелируют интересы общинников. При таких условиях, очевидно, принцип этот обнаруживает дееспособность.

Было упомянуто, что государственные крестьяне выработали обычай переделов после ревизий. То есть каждый новый передел совершался по новому наличному числу душ мужского пола. Понятия «ревизской» и «наличной» души при этих условиях совпадали. Переделы, совершенные вслед за X ревизией, носили тот же характер — все наличные общинники попадали в ревизию и получали на свою долю участки земли. Понятно, чем далее шло время, тем значительнее становилась разница между числом «ревизских» и «наличных» душ в каждой общине, от движения населения — естественного (рождаемости и смертности) и искусственного (переселений и вселений). Обнаруживалось несоответствие между единицей разверстки (ревизская душа) и потребностями массы общинников. Семьи, в которых имелось сравнительно много мужчин

в момент X ревизии, владели большим количеством наделов, хотя бы численный состав их изменился весьма значительно в смысле уменьшения числа мужчин. С другой стороны, семьи с малым числом ревизских душ владели, очевидно, несправедливо малыми участками в случае разрастания. Ждали XI ревизии для переустройства этих отношений на прежних основаниях, но проходили десятилетия, а ревизии не было. Свалка и навалка душ служили лишь паллиативом.

Крестьяне бывшие помещичьи, в силу меньших размеров и удобств своего землевладения и высоких размеров лежащих на земле платежей, обратились прежде всего к разверсткам по рабочей силе. «Нашлись такие общины, — говорит В. П. Воронцов, — которые донесли эту систему нетронутой до самого последнего времени. Такие общины обыкновенно характеризуются небольшими размерами: несколько дворов, иногда несколько десятков дворов — вот тип тягловой общины». Но и среди этого разряда крестьян начала практиковаться ревизская же система разверстки, подобно государственным, что и понятно, — в начале шестидесятых годов ревизская разверстка почти совпадала с наличной. Но очевидно с течением времени и в этом случае в тех общинах, где доходность наделов превышала платежи, должно было обнаружиться стремление к более равномерному распределению наличного земельного фонда.

В результате у тех и других началась та борьба за передел, о которой сказано выше. Нетрудно понять, что является лозунгом при такой борьбе для обделенных. Это прежде всего — разверстка земли по наличным душам мужского пола, т.е. восстановление того принципа переделов, который действовал ранее вплоть до X ревизии и времени, непосредственно за ней следовавшего включительно. Та часть общинников, которой передел обещает сокращение размеров их участков, понятно, заинтересована в сохранении прежней ревизской разверстки. Нередко прежде окончательной по-

беды первой группы над второй наступает промежуточный период разных разверсток, составляющий переживание прежней системы и переход к новой. Сюда относятся переделы по живым или наличным ревизским душам или разновидность последних — смешанные по ревизским и наличным душам, или, наконец, переделы по наличным душам мужского пола, но не всех возрастов (напр., с 5, с 10 и т.д. лет), вследствие чего дробление участков увеличивается сравнительно несколько слабее и т.п.

Наконец, когда необходимость коренного изменения принципа переделов входит в сознание необходимого большинства общинников, настает момент установления той системы разверстки, которая является наиболее удобной при наличных условиях. Прежде всего там, где доходность земли не покрывает лежащих на ней платежей, наиболее целесообразной, как уже упомянуто, является разверстка тягольная, по взрослым мужчинам, чаще всего — только рабочего возраста.

В этом случае часть работников каждой семьи вынуждена обращаться к сторонним заработкам. Двор, обладающий большим количеством мальчиков и стариков при малом числе рабочих мужчин, очевидно, не смог бы справиться с большим количеством земли[1]. Далее, там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностью земли, указанное препятствие к разверстке земли по всем наличным душам мужского пола устраняется, и такая система вступает в действие, знаменуя собой победу интересов массы над стремле-

---

[1] Такая принудительная разверстка земли, представляющей собой для земледельца лишь тяготу (вследствие весьма высоких платежей или плохого ее качества, или ряда крупных неурожаев и т.д.), часто заменяется затем полюбовной «по милу», «по согласию», причем главную роль играет личное решение каждого члена о том, какое количество общинной земли он считает возможным взять на себя, причем мир «накидывает» ему земли больше заявленного лишь в том случае, если он берет на себя («не по совести») меньше, чем он может осилить (В. В. 236).

нием меньшинства сохранить прежнюю неравномерность распределения земли.

Но сказанным дело не кончается. Если общинные традиции не пришли в забвение, если внутренний смысл общинных отношений не отступил на задний план, оставив лишь внешнюю их оболочку (а без всего этого трудно себе представить возможность успешного окончания начатой большинством борьбы и введения разверстки по наличным душам мужского пола), то на такой системе община не может помириться надолго при наличных благоприятствующих условиях. Условия эти заключаются в еще лучшем соотношении между доходностью земель и платежами, а дальнейшая тенденция переделов — в устранении тех неудобств, которые сопряжены с разверсткой по одним мужским душам и безотносительно разных хозяйственных признаков двора. При наличном подушном переделе семья, состоящая из малого числа мужчин и большого числа женщин, может удовлетворять своим потребительным требованиям в гораздо более слабой степени, чем другая, с иным соотношением числа лиц разных полов между собой. Отсюда — стремление внести поправку в принятую систему разверстки в смысле включения в число участников в дележе земли и женщин, и рядом с этим начинают иногда приниматься в расчет и некоторые хозяйственные особенности двора. Являются разновидности так называемой смешанной разверстки, из которых более других начинает пользоваться распространением разверстка на всех «едоков».

Таков общий процесс выработки системы разверстки общинной земли. Все сказанное до сих пор представляет результат фактического обследования общины земской статистикой.

Еще в 70-х годах начала назревать потребность в коренных переделах, но в огромном большинстве случаев те препятствия, о которых говорено выше, удерживали общины

от равнения земельных участков между своими членами. По-видимому, тогда больше всего действовала в этом направлении неясность сознания общинниками своих прав распоряжения их земельным фондом. Мало-помалу сознание это, однако, распространялось в массе, а рядом с этим обострялась и необходимость перераспределения участков. На первый план выдвигалась борьба разных имущественных слоев внутри общины. Обе стороны начинали уже понимать, что передел юридически возможен. Оставалось тем, кому он выгоден, преодолеть тех, кто от него потерпит. В таком положении застала вопрос о переделах большая часть земско-статистических исследований. Первые подворные описи встречали еще очень мало коренных переверсток земли; год от году число таковых увеличивалось. Восьмидесятые и девяностые годы представляют собой, по-видимому, тот период, когда число переделов росло постоянно и повсеместно, когда, следовательно, очень большая часть надельной земли подвергалась переверстке. При этом должны были обнаружиться те течения, которые характеризуют современную общину и выражаются в установлении тех или других систем переделов.

Большой интерес имеют собранные податными инспекторами данные, касающиеся господствующих систем разверсток. Постараемся прежде всего сравнить их с теми аналогичными данными земской статистики, которые приведены у г. В. П. Воронцова. Последние относятся по большей части к концу 70-х и первой половине 80-х годов.; первые — к периоду 1887 — 1893 годов. Следовательно, эти рисуют продолжение и развитие тех процессов в вопросе о переделах, которые установлены теми.

В Херсонской губ. при земско-статистическом обследовании обнаружено было почти исключительное применение ревизской разверстки; в 96,3 процента общин (1602 из 1664). Только 3,7 процента их практиковали другие системы (ис-

ключительную подушную — 42, а по едокам — всего 1). В последнее время эта губерния представляет собой поле приложения весьма разнообразных систем, от первобытных до наиболее совершенных. Ревизская продолжает преобладать только у бывших помещичьих крестьян, но и у них вымороченные наделы предоставляются сходами в пользование или безземельных — преимущественно многосемейных (Херсонский уезд), или же распределяются между всеми членами общества (Александрийский). Далее имеется целый ряд промежуточных систем, составляющих переход к наличной подушной. Так, местами земля поделена по наличным ревизским душам с такими изменениями: или вымороченные участки распределяются между всеми родившимися после ревизии мужчинами (поровну или смотря по возрасту их: Тираспольский, Херсонский, Елизаветградский), или — также между бессыновными вдовами (Тираспольский), или — при ревизском счете принимается во внимание и семейный состав двора: крупным семьям прибавляют землю на мужчин побольше, на женщин поменьше (Елизаветградский). Компромиссы при разверстках выражаются там еще и тем, что подушная система применяется местами к мужчинам не всех возрастов, а лишь с 5 л. или с 1 г. В Тираспольском уезде есть селения, где при этой системе разверстки земли делают различия в размере отвода между взрослыми мужчинами (с 20 лет) и не достигшими этого возраста: последним дают меньше земли. Наконец, в уездах Тираспольском, Ананьевском и Александрийском имеется налицо уже немало разверсток на всех членов семьи без различия возраста и пола («по едокам»). Как ни разнообразны эти системы, но при сравнении их с приведенными более ранними сведениями по тому же предмету, они совершенно ясно указывают на то, что новейшие переделы имеют более уравнительные тенденции и переходят там постепенно к более высшим с этой точки зрения формам.

Переходим к Таврической губ. Здесь в четырех материковых уездах при подворной земско-статистической описи найдена была ревизская разверстка в 50 процентах общин, наличная — в 30 процентах и смешанная — в 12 процентах. Очевидно, первая преобладала. Что же касается до Крымских уездов, то там она господствовала почти исключительно в тех местах, где не практиковалась заимочная, захватная форма. В последние годы и в этой губернии системы разверсток изменились в том же направлении, как и в Херсонской. Наибольшим распространением все еще пользуется ревизская разверстка, но устои ее, по-видимому, расшатаны очень сильно. Влияние ее сказывается чаще всего лишь в том, что «живые ревизские души» получают большие участки, чем не ревизские (Днепровский, Бердянский, Мелитопольский). В Бердянском уезде она сохранилась в тех — преимущественно мелких — общинах, где во всех семьях население возросло почти равномерно. Там же в виде исключения сохранилась разверстка по работникам (с 18 лет). Рядом же с этим наличная разверстка имеется в Днепровском, Бердянском и Евпаторийском уездах. В Бердянском — в селениях, где земли мало, наделяются мальчики от 3-х, 4-х лет; вообще же эта система распространяется все более и более (без различия между всеми ревизскими душами). Изредка появляется уже и разверстка по едокам (Евпаторийский). Вместе с тем характерно постановление некоторых общин Бердянского уезда — не давать одной семье больших душевых наделов, очевидно для избежания концентрации в немногих руках больших количеств надельной земли. Вдовы и сироты женского пола иногда получают там клинья и вообще небольшие участки, оставшиеся от передела.

Насколько можно судить о системах разверстки в Екатеринославской губернии по обследованию земской статистикой общины в двух уездах — Бахмутском и Славяносербском, то переделы по наличным душам и «по едокам»

там еще почти совсем не были известны в половине 80-х годов. Последняя система не встречалась ни в одном из этих уездов, а первая — всего в двух общинах уезда Бахмутского. Ревизская разверстка практиковалась в Бахмутском в 70 процентах исследованных общин, а в Славяносербском — в 43 процентах; в обоих в немалом числе встречались разверстки по работникам и «по согласию»; наконец, переходные формы встречались в первом — лишь в незначительном количестве общин, а во втором в несколько большем.

К сожалению, наш материал, относящийся к последнему времени, ничего не говорит о переделах в Бахмутском уезде и весьма мало о Славяносербском, где теперь существуют параллельно ревизская и подушная (от 17 лет) разверстки. Но сведения несколько полнее о других уездах той же губернии. В Екатеринославском, Новомосковском и Павлоградском при ревизской разверстке остались лишь бывшие помещичьи крестьяне, а бывшие государственные уже перешли к наличной подушной — без различия возраста в последних двух уездах (в одной только волости — с 5 лет) и с 1,5,7,10,17 и 21-летнего возраста — в первом[1]. В Павлоградском уезде, кроме того, встречаются уже случаи, когда при разверстке принимается во внимание и весь состав семьи, а в Новомосковском не допускается отвод одной семье больше 4 наделов, как то уже встретили мы в Бердянском уезде.

Таким образом, данные по этим трем Новороссийским губерниям дают основание заключить, что развитие систем переверсток земли в смысле большей уравнительности представляет там характерный факт последних лет.

О Саратовской губернии находим в «Итогах» следующие данные земской статистики. В Саратовском уезде сохранили в то время ревизскую разверстку 29,3 процента всего числа общин, а 70,7 процента делили землю по живым ревизским

---

[1] При этом делается оговорка, что устранение младших возрастов от участия в разверстке обусловливается недостатком земли.

душам с присоединением неревизских, с 16 — 18-летнего возраста, просто по живым ревизским, по работникам, по работникам с подростками, по достатку семьи и, наконец, по наличным душам. Словом, имелась целая лестница систем, служащих переходом от ревизской к наличной разверстке. Рабочая сила, как единица переверстки, выдвигалась в общинах, в которых надел не окупал платежей, на нем лежавших. В Хвалынском уезде более 60 процентов общин (61,3 процента), придерживались еще ревизской системы, 27,2 процента — по работникам, и только 11,5 процента — подушной наличной. В Царицынском уезде о переделе по наличным душам тогда не было «еще и разговору». Преобладала разверстка ревизская, по живым ревизским с неревизскими от 16 — 18 лет и по работникам. Таковы сведения подворных переписей. В последние годы общая картина переделов сильно изменилась и там в том же направлении, как и в Новороссии. Ревизская разверстка сохранилась преимущественно только в малоземельных общинах (чаще всего у бывших помещичьих крестьян) — в уездах Вольском, Сердобском, Балашевском и Хвалынском. В Саратовском и Вольском встречается несколько переходных систем (свалкой «пустовых» и умерших ревизских душ и навалкой на наличных). Практикуется иногда и разверстка по работникам там, где платежи высоки, хозяйство в упадке (как в татарских селениях) и где поэтому главный источник доходов составляют заработки (Хвалынский). Но «преобладающий» способ разверстки в губернии — по наличному мужскому населению. В Кузнецком и Петровском уездах в счет душ входят и вдовы-хозяйки. Чем меньше надел, тем старше возраст, дающий право на получение земельного пая (иногда с 5 л., иногда старше, иногда даже с 18 л.). Даже в тех уездах, где, как указано, ревизская система сохранилась еще более, чем в других (Балашевский, Вольский, Хвалынский), замечается «усиливающаяся склонность в последнее время» к подушной разверстке. В одном

Хвалынском уезде к ней перешли с 1887 по 1892 г. от ревизской системы 19 общин.

В Самарской губернии более ранние земско-статистические исследования (1882 — 1884 гг.) уездов Самарского, Ставропольского и Бузулукского показали там совершенное отсутствие других систем разверстки, кроме ревизской и тягольной; исследования 1885 — 1888 гг. дали в результате уже некоторое количество наличных разверсток: в 10,4 процента общин Николаевского уезда, в 20,1 процента Бугульминского и 23,5 процента Бугурусланского; наконец, последняя по времени опись Новоузенского уезда (1888—1889 гг.) зарегистрировала уже 58,4 процента общин с ревизской разверсткой. В последние годы — «в Самарском и Ставропольском уездах преобладает ревизская разверстка земли» (стало быть, наличная уже есть, но не преобладает); в остальных уездах подушная разверстка развита не менее ревизской (по количеству мужчин всякого возраста или начиная с 10, 12, 15 лет и т.д.), а всего более распространена в Новоузенском (сведения по этой губернии хотя и весьма кратки, но довольно ясно характеризуют интересующее нас явление).

В Казанской губернии разверстка по ревизским душам в последние годы преобладала только в северных нечерноземных уездах. В уездах черноземных (Ядринском, Цивильском и Свияжском) землю теперь делят только по наличному населению. В остальных уездах обе системы практикуются рядом: в Казанском и Тетюшском ревизская у бывших помещичьих, а подушная наличная — у бывших государственных и бывших удельных: в Лаишевском: при земско-статистическом исследовании в начале 90-х годов

Ревизская: 206 общ. 193 общ.

Подушная: 116 общ. 156 общ.

По работникам: 27 общ. 1 вол.

Т. е. наличная подушная разверстка распространилась за счет двух других. Следовательно, и в этой губернии ревиз-

ская система отступает перед наличной. Больше того, там уже имеются симптомы перехода к переделам «по едокам», состоящие и в привлечении женского пола к пользованию общинной землей. В Козьмодемьянском уезде при подушной разверстке не исключают и вдов; в Лаишевском — в некоторых селениях дают землю и на девочек (до 1/2 надела); в Ядринском — если в исправном хозяйстве за смертью мужчин остались одни женщины, то на каждую дается или целый душевой надел, или 1/2, или 1/3 надела.

Из уездов Нижегородской губернии в «Итогах» находим данные о трех. В Макарьевском наличная разверстка обнаружена была всего в 7,6 процента общин (преобладала тягольная), в Княгининском — в 8,0 процента; столь же мало, по-видимому, была распространена эта система и в Васильевском. В последнее время преобладающая разверстка в губернии — по наличным душам м. п.; минимальный возраст наделяемых при этом увеличивается с уменьшением размеров надела. «Менее распространены разверстки по ревизским душам, по живым ревизским, по имущественной состоятельности семей». В вышеупомянутом Макарьевском уезде чистая ревизская разверстка уже совсем «не допускается»: встречается лишь по живым ревизским душам (что обыкновенно соединяется с привлечением к земле и неревизских). В Васильевском уезде ревизская разверстка теперь практикуется только в 20 общинах, тягольная (по работникам и полуработникам (12 — 18 л. и больше 60 л.) с меньшим наделением землей) — только в 30, а наличная — в 140 (с 2 — 12 лет; подростку 1/2 надела). Наконец, там практикуются уже и переделы по едокам. В Васильевском уезде эта система принята в 35 общинах; в Лукояновском — каждая брачная пара получает один надел, из остальных членов семьи — каждый мужчина (без различия возраста) получает целый надел, а женщина — 1/4 надела (во избежание дробления полос дается только 1/2 двум-трем женщинам, целый надел — четырем-пяти и т.д.).

Таким образом, и в среднем Поволжье, подобно Новороссии, системы разверсток претерпевают в последние годы резкие изменения в сторону более уравнительного распределения общинных земель.

Далее, в двух уездах Воронежской губ., по данным земской статистики, в середине 80-х годов системы разверстки распределялись следующим образом:

Ревизская:

Воронежский **у б. помещ.** 167 **общ. у б. госуд.** 42 **общ.**

Наличная:

у б. помещ. 2 общ. **у б. госуд.** 57 общ.

Ревизская:

Острогожский **у б. помещ.** 105 **общ. у б. госуд.** 57 **общ.**

Наличная:

у б. помещ. 8 общ.**. у б. госуд.** 57 **общ.**

Всего **Ревизская:** 371 общ.=75 %
Наличная: 124 общ.=25 %

Т. е. ревизская разверстка распространена была в 3/4 случаев, причем ее придерживались не только почти все б. помещичьи крестьяне, но и больше половины общин б. государственных. В сущности распространение подушной наличной разверстки было тогда еще меньше показанного, так как в приведенные цифры включены и те общины с малодоходными наделами, которые возвышали минимальный возраст наделяемых землей до рабочего возраста и тем обращали наличную разверстку в тягловую, принимавшую иногда форму разверстки «по согласию». В последние годы дело улучшения систем переделов подвинулось и здесь, наподобие предшествующих губерний. У б. помещичьих сохранилась ревизская разверстка «преимущественно», а не почти исключительно, как это мы видели выше; «во многих общинах» того же разряда крестьян в уездах Бирюченском,

Павловском и Воронежском «замечается стремление перейти к разверстке по наличному мужскому составу дворов», хотя оно и встречает противодействие со стороны малосемейных, но многодушных (по числу ревизских душ) домохозяев. «Иногда препятствием является малоземелье», боязнь чрезмерного дробления полос (Павловский). Следует добавить, что при ревизской разверстке чистая ее форма (по всем ревизским душам) (некоторые общины Бирюченского уезда) дает место переходной форме (по живым ревизским душам) (Бирюченский, Воронежский). Но в селениях б. государственных крестьян вполне господствует наличная подушная разверстка (Воронежский, Павловский, Бирюченский, Бобровский), причем минимальный возраст колеблется так же, как и указано выше. Наконец, проявляются уже и разверстки «по едокам» (Бирюченский, Павловский).

Во всей Курской губ. при земско-статистическом обследовании найдено было всего 40 общин, практиковавших наличную разверстку. Ревизская господствовала во всех уездах почти исключительно, заменяясь в иных случаях лишь тягловою. В новейшее время эта система удержалась только среди бывших помещичьих крестьян Льговского, Грайворонского, Дмитриевского и Тимского уездов, уступив место наличной. Даже и в этих уездах относительно названного разряда крестьян замечается, что они «стали переходить к разверстке земли по числу мужчин во дворе».

В Орловской губ. по аналогичным данным земской статистики разверстка «по едокам» почти не практиковалась, а наличная составляла менее 45 случаев. В последние годы в этой губернии в противность всему тому, что нам известно до сих пор, это положение изменилось, по-видимому, весьма мало, даже почти совсем не изменилось. Наличная разверстка господствует лишь в Севском уезде и среди бывших государственных крестьян Карачаевского. На всем остальном пространстве губернии продолжает господствовать ревизс-

кая система. В Малоархангельском уезде отмечено возникшее в последние годы стремление к переделам по наличным душам, встречающее усиленное сопротивление тех домохозяев, кому выгодна существующая ревизская разверстка.

В Рязанской губ. при подворной переписи ревизская разверстка решительно преобладала, допуская наличную лишь в виде исключения. В Данковском уезде последней придерживались лишь около 30 общин из почти 300, в Ранненбургском — около 12 из почти 275, в Егорьевском — 33 из 606; она была несколько более распространена лишь в Михайловском уезде — 158 из 384 (41 процент). В настоящее время, хотя ревизская система еще и преобладает, но «много разверсток имеется и по наличным душам мужского пола: к этому порядку обыкновенно переходят особенно при переделах последних лет». В уездах Рязанском, Касимовском, отчасти Егорьевском и Касимовском встречается тягольная разверстка (где население живет сторонними заработками более, чем земледелием, и где платежи превышают доходность наделов), переходящая (в северной части Рязанского уезда) в разверстку «по согласию», «по милу». В Касимовском уезде при этих системах не отказывают в наделе и крестьянам свыше 60 лет, если у них нет родственников, которые обеспечивали бы их пропитание. Наконец, где платежи невысоки, при наличной разверстке прибавляют земли на женщин или просто переходят к переделам «по едокам» (Рязанский).

В Тамбовской губернии в годы земско-статистических исследований наличная разверстка у бывших помещичьих крестьян (за исключением единичных случаев) совсем не практиковалась; эта система была более известна бывшим государственным, у которых в 6 уездах[1] в период с 1880 до 1884 г. по этой системе были переделены земли в 225 общинах из 548 (41 процент). В последние годы наличная раз-

[1] Козловский, Кирсановский, Усманский, Тамбовский, Липецкий. Лебедянский.

верстка, по-видимому, приобрела там господство. Ни о какой другой системе не упоминается для уездов Кирсановского, Моршанского, Темниковского и Спасского; в Тамбовском, Козловском, Лебедянском, Елатомском и Борисоглебском рядом с ревизской приобрела большое развитие и наличная.

В Московской губ. в конце 70-х годов тягольная разверстка охватывала почти 75 процентов общин, 3/4 их по работникам, «побратно», а 1/4 по дробной системе — с полурабочими), смешанная — 21 процент общин (бывшие государственные и бывшие удельные) и только около 4 процентов общин полных собственников, быших государственных и удельных, практиковали подушную разверстку. Подобно Орловской губ., здесь мало изменилось это распределение систем. Тягольная разверстка продолжает господствовать. В общинах, где земля «оправдывает платежи», наделы остаются в пользовании и стариков старше 60 — 65 лет, и семейств, в которых число работников уменьшилось; там же, где она их «не оправдывает», каждое изменение числа лиц рабочего возраста вызывает свалку и навалку душ, причем принудительным образом наделяются в большей мере более состоятельные дворы (Звенигородский, Броницкий, Дмитровский, отчасти Рузский: в захудалых деревнях). В более земледельческих уездах встречаются иные системы: в Подольском, Серпуховском и Рузском ревизская разверстка и только в одном Волоколамском господствует наличная (с 5-летнего возраста).

Во всех приведенных губерниях Новороссии, Приволжья, средней черноземной полосы и московской промышленной замечается в последние годы одна общая тенденция: системы переделов, по-видимому, изменяются по направлению от ревизской к более уравнительным — наличной и «по едокам». Весьма прочно, по-видимому, держится тягольная разверстка, зависящая от плохого соотношения между доходностью наделов и платежами, но и она теперь уже, по-видимому, нередко нарушает свой принудительный принцип и переходит

в разверстку «по милу», «по согласию». Сказанная тенденция проявляется, как кажется, сравнительно слабо в малоземельном центре и гораздо сильнее — на юге и востоке.

Для остальных губерний мы не можем, по свойству материала, сделать тех сравнений, которые произведены выше. Но мы знаем, что история переделов после крестьянской реформы везде начинается с ревизской и тягольной систем. Поэтому, изучая распространенность улучшенных разверсток в настоящее время, мы и без таких сопоставлений легко можем понять, насколько уравнительность переделов сделала успехи в разных местностях Европейской России.

Начиная опять с юга, и в частности с малороссийских губерний, встречаем и там знакомую уже нам тенденцию.

В Черниговской губ. общинное землевладение имеется у бывших государственных крестьян и у большей части бывших помещичьих. Переделов у них «до последних годов вовсе не было, когда среди бывших государственных возникло стремление к новой разверстке земли». Сравнительно мало таких случаев было в Козелецком и в Черниговском уездах, а особенно много — в Остерском, Суражском, Новгородсеверском и Стародубском. Общепринятой системой при этом является разверстка по наличным душам мужского пола (редко — по рабочему составу и по зажиточности). Иногда при этом уменьшаются размеры участков малолетних. У бывших владельческих крестьян переделы реже и системы их носят еще переходный характер (по живым ревизским душам). Наконец, в уездах Новгородсеверском, Суражском и Стародубском встречается уже разверстка «по едокам» — по всему населению, и не только среди бывших государственных, но и среди бывших помещичьих (у этих лица женского пола получают иногда добавочные участки из запасных наделов).

В Полтавской губ. в тех общинах бывших государственных крестьян, в которых уже произведены были переделы, «чаще всего наблюдается переход от ревизской системы

к разверстке по числу всех наличных мужчин (Кобелякский, Прилукский, Кременчугский)». Ревизская удержалась только в мелких и малоземельных общинах Кобелякского уезда; в Лубенском встречается переходная форма — по живым ревизским душам. Ко всему этому должны быть отмечены два очень характерных факта. Первый заключается в том, что в некоторых селениях Кобелякского уезда при переделах не давали на одно домохозяйство более 4 наделов во избежание концентрации наделов, а второй — в том, что в Прилукском уезде в 1886 г. был случай перехода от подворного владения к общинному: крестьяне одной деревни поделили свою частную (подворную) полевую и лесную землю по наличным душам мужского пола.

В Харьковской губ. ревизская разверстка систематически вытесняется наличной. По наличному мужскому населению не делят земли только в Купянском уезде (ревизская) и в Изюмском (по рабочим); В Харьковском, Волчанском и Сумском эта система уже начала заменять собой ревизскую: в Ахтырском и Валковском она практикуется у бывших государственных крестьян, а ревизская у бывших помещичьих[1], которые, однако, в первом из этих уездов стали переходить в последние годы также к наличной разверстке. Наконец, этот порядок практикуется исключительно в Старобельском уезде. Как в этих, так и в названных выше уездах, при такой системе землей наделяются мужчины или всех возрастов, или с 5, 10, даже иногда 15 лет.

В Бессарабской губ. общинное землевладение существует только в двух уездах — Аккерманском и Хотинском. В первом ревизская разверстка удержалась лишь в немногих местах; в большинстве селений землю делят или по работникам, или по наличному мужскому населению. Во втором —

---

[1] В Валковском земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в 4 раза меньше площади владения 31 селения с разверсткой наличной. Из тех 90 общин в 47 земля распределяется по живым ревизским душам.

еще в первой половине 70-х годов произведены были переделы на все население (без различия пола и возраста) причем «давним» владельцам и имеющим больше скота увеличивали участки по сравнению с остальными.

В Донской области преобладающая система разверстки — ревизская; рядом практикуется — по работникам (Ростовский, Усть-Медведицкий, иногда Таганрогский). В последнем из этих округов от домохозяев неисправных или старше рабочего возраста отбирается часть надела и передается не упомянутым в уставной грамоте. Иногда вдовы получают половинные наделы (Донецкий). Нетрудно заметить, что Донская область принадлежит к числу наиболее отсталых губерний в разверстке общинных земель.

Переходя далее на восток, в Астраханской губ. находим полное господство наличной системы. Ревизская сохранилась только в одной волости Черноярского уезда, в одной — Енотаевского и в 10 общинах Царевского. В Астраханском уезде принята разверстка по рабочим, встречающаяся местами в Еиотаевском и Черноярском. Везде в остальных общинах практикуется только наличная — по мужчинам всех возрастов или с 5, 10, 13 лет.

Из уездов Оренбургской губ. в Верхнеуральском и Троицком земля, поделенная весьма давно по имущественной состоятельности (по скоту), лишь в редких местах подвергалась последующим переверсткам. «Происходящая отсюда неравномерность участков не вызывает жалоб благодаря невысокой арендной плате — от 20 к. до 2 р. за десятину — у соседних казаков и башкир». Переделов там не бывает, очевидно, потому, что земельный простор обусловливает пока отсутствие в них надобности. Но и здесь иногда составляется приговор об отдаче более бедному домохозяину части пашни более богатого; а иногда производят передел (ревизская система уступила место рабочей, в одном случае — по скоту). В остальных уездах перверстки повторяются более или ме-

нее периодически. В Орском у башкир преобладающей системой является ревизская (с добровольной или принудительной свалкой и навалкой душ), а у бывших государственных крестьян и иногда башкир по рабочим (18 — 55 лет). Гораздо больше, чем в этом уезде, уравнительности в остальных двух; в Оренбургском господствует та же разверстка по рабочим, но с той крупной особенностью, что наделами там пользуются женщины, если пожелают; а в Челябинском делят землю по наличному составу мужчин без различия возраста.

В Уфимской губ. ревизская разверстка сохранилась, по-видимому, только у татар и башкир; русское же население практикует наличную подушную.

В уездах Симбирском, Сызранском и Буинском[1] Симбирской губ. еще преобладает ревизская разверстка, хотя в селениях с сравнительно меньшими наделами Сызранского уезда земля по большей части переделяется по наличным душам. В других местностях (по трем уездам сведений нет) подушная система практикуется рядом с ревизской (Ардатовский) или господствует (Курмышский). По-видимому там еще весьма сильна оппозиция наличной разверстке со стороны малосемейных домохозяев, пользующихся большими наделами (Курмышский, вероятно, Сызранский). В некоторых частях Курмышского уезда, однако, уже встречается разверстка «по едокам».

В Пензенской губ. ревизская разверстка сохранилась только в Городищенском и Пензенском уездах, но и там она уже испытывает натиск наличной. Разверстка по рабочим (с 16 — 18 л.) встречается в Чембарском, Нижнеломовском, Саранском и Мокшанском, а наличная в Нижнеломовском, Чембарском и Наровчатском (в 3/4 сельских общин).

Вятская губ. практикует целую лестницу систем переде-

---

[1] В Буинском уезде ревизская разверстка удерживается, между прочим, «вследствие разноплеменности населения — частью татарского, частью чувашского: татары размножаются быстрее чуваш и для последних передел земли по наличному составу невыгоден».

лов. Южная часть губернии сохранила ревизскую разверстку, причем, однако, в расчет иногда включаются и женщины, стоящие во главе хозяйств (Нолинский, Яренский, Уржумский, Сарапульский, часть Малмыжского и северный уезд Орловский). Встречаются также и переходные формы — по наличным ревизским душам (Орловский, исчезают в Котельническом). Значительно распространена, далее, в малоземельных селениях рабочая система (Вятский, Сарапулький, Елабужский, Уржумский, отчасти Орловский). Изредка в бедных селениях последних двух из названных уездов наваливают на более состоятельного домохозяина (имеющего больше скота и построек) больше земли, от которой освобождают менее состоятельного. Наличная разверстка «часто встречается» в уездах Малмыжском (во всех 877 селениях, где были пределы), Елабужском, Котельническом и Орловском. Наконец, «за последнее время замечается движение в пользу разверстки земли «по едокам» (без различия пола и возраста)». К этому порядку перешли в Сарапульком уезде с разверстки «по работникам», в Яранском к переделам «по парням»(?) или «по едокам» начали переходить только с 1887 г.: раньше не производили «в ожидании ревизии и новых нарезок земли». Таким переделам сопротивляются крестьяне, имеющие много ревизских душ в семье и состоятельные. В Вятском уезде при разверстке по рабочим «нередко допускаются отступления в пользу начала распределения «по едокам»: малорабочему, но многосемейному двору прибавляется против нормы 1/4, 1/2 надела и более». Очевидно, эта губерния представляет на сравнительно небольшом пространстве все главнейшие движения, которыми характеризуется наша земельная община в настоящее время, и потому заслуживала бы с этой точки зрения тщательного изучения.

В Вологодской губернии разверстки по ревизским душам, по наличным ревизским, по работникам и даже по наличным душам мужского пола встречаются весьма редко — в единич-

ных волостях и селениях разных уездов. Преобладающей же системой является — «по едокам», без различия пола и возраста, иногда с 5 или с 2 лет. В Яренском и Устъ-Сысольском уездах она существует издавна, в остальных (кроме Вольского и Тотемского) она «устанавливалась постепенно, заменяя собой прежний ревизский счет», там, где крестьяне «дорожат наделами», где под руками мало оброчной (казенной и удельной) земли и малоземельные «начали одолевать на сходах». Характерно, что в уездах Устюжском и Сольвычегодском вдовам дают только 1/2 и 1/4 пая и сокращают надел неисправных дворов, в которых большинство едоков — мужчины. Наконец, распространен и при ревизской разверстке обычай отбирать у малосемейного часть пая (1/8— 1/4) и передавать многосемейному.

В Архангельской губ. ревизская разверстка встречается кое-где лишь в Печорском и Шенкурском уездах; господствующей же системой «почти везде» служит наличная без различия возраста. В Архангельском уезде при этом иногда принимают во внимание имущественную состоятельность, но не занимающимся земледелием земли не дают[1]. В Шенкурском уезде при новейших переделах появилась и разверстка «по едокам».

В Олонецкой губернии ревизская разверстка удержалась значительно больше, чем в предшествующих. Но и там она уступает место более уравнительным системам. От ревизского счета к наличному переходят в уездах Вытегорском и Пудожском и уже перешли в Петрозаводском и Каргопольском. В Петрозаводском участие отдельных селений в пользовании землями общего надела определяется также числом мужского населения «с равнением потребностей селений» (лесом же пользуются только по потребности). В том же уезде, в Повенецком и в виде исключения — в других имеется

[1] У поморов Кемского уезда, не занимающихся хлебопашеством, сенокосами наделяются мужчины с 10 — 18 лет.

разверстка по количеству высеваемого хлеба и убираемого сена (в основание разверстки принимается пространство, засеваемое 1 четвериком ржи = воз сена в 20 пудов). Наконец, в Каргопольском уезде встречаются и переделы «по едокам» («причем принимаются во внимание и силы двора»).

В Костромской губ. о ревизской разверстке не упоминается уже совсем. Она, по-видимому, уже исчезла и заменена почти везде рабочей или наличной, а в некоторых местах разверсткой «по едокам». Первая преобладает в восточных уездах — Кологривском, Ветлужском, Варнавинском, Макарьевском, а также в Юрьевецком и Кинешмском[1]; вторая — в Галичском и Чухломском; обе вместе — в Нерехтском, Костромском и Буйском. Характерно размещаются эти системы в последнем уезде: рабочая встречается в тех волостях, где земледелие не может служить единственным источником дохода крестьян и где распространены некоторые промыслы (шапочный, плотничный и проч.), а наличная (или всех возрастов, или с 3 лет) — в исключительно земледельческих. Наконец, в том же Буйском, Варнавинском и Ветлужском землю делят и по всему составу двора и вдовам наравне с домохозяевами мужчинами, если они того пожелают[2].

В Ярославской губ. ревизский счет сохранился местами только в Ярославском, Угличском, Ростовском и Даниловском уездах, но и здесь — «путем скидок-накидок душевых наделов (или частей их — 1/2, 1/4 души) землевладение приспособляется к наличному мужскому составу семей». В Пошехонском, Мышкинском, Любимском, Мологском, Рыбинском и Ростовском (от 16 — 18 л. до дряхлости) («где мало земли для быстро увеличивающегося населения») имеется разверстка по рабо-

---

[1] В этом уезде — с 18 лет полтягла, а целое — лишь с 21 — 22 (после явки к отбыванию воинской повинности).

[2] Вдовам обыкновенно или сохраняют надел мужей, но новых не дают (Галичский), иди дают землю в том размере, который она в силах обработать (Костромской), или — преимущественно тем, у которых есть дети (Костромской, Юрьевецкий).

чим (вдовы домохозяйки приравниваются к мужчинам, если нет в семье рабочих мужчин). В Романово-Борисоглебском землю делят исключительно по наличным душам мужского пола (малолетним меньше, подросткам больше, взрослым еще больше), а в Ярославском и Даниловском встречается разверстка «по едокам». Иногда принимают в соображение имущественную состоятельность двора (Пошехонский), выражающуюся в числе скота (Мологский) или доходности кустарных и отхожих промыслов (Ярославский, Угличский).

Ревизская разверстка во Владимирской губ. встречается уже весьма редко (в Александровском, Покровском, Ковровском, Владимирском, Меленковском). В зависимости от хозяйственного значения наделов и в связи с развитием у населения посторонних заработков практикуется то рабочая, то наличная система. Чем хуже почва и чем больше перемещается центр тяжести хозяйства на заработки, тем более распространена первая и тем более расширяется понятие о рабочем возрасте (от 15 — 18 лет до 55 — 60) (Судогодский, Гороховецкий, Вязниковский, Покровский, Ковровский; в уездах с лучшей почвой преобладает вторая (Юрьевский, Суздальский, Муромский, Александровский). Среди всех уездов первой группы встречается также нередко и наделение землей всех, «охотно дают ее вдовам и старикам, лишь бы разобрали всю» (что весьма напоминает разверстку «по милу», «по согласию», в которую часто переходит рабочая): в Ковровском «даже наваливают на сильные дворы» (вероятно, принудительно). Во второй группе рабочая разверстка иногда встречается в селениях с хорошими посторонними заработками (Муромский), или у бывших помещичьих крестьян, или в селениях с землей похуже (Александровский, при этом, однако, здесь принимаются во внимание, с одной стороны — женская рабочая сила, количество скота и вообще состоятельность, а с другой — число едоков). Наконец, в уездах Юрьевском, Суздальском («лучших по почве») и Меленковском прак-

тикуется уже и разверстка по всему наличному населению без различия возраста и пола (по едокам).

В Тульской губернии ревизская разверстка удержалась лишь «местами», где не было переделов с начала 60-х годов. Повсеместно по всей губернии распространена наличная разверстка по мужским душам всех возрастов (чаще) или с 1 — 5 лет (реже). В Тульском уезде установилась разверстка «по едокам» (в 12 волостях из 17), встречающаяся также в уездах Богородицком и Крапивенском.

В Калужской губ. встречается разверстка ревизская (особенно в Мещовском и Перемышльском), по работникам 18 — 60 лет (Боровский, Жиздринский, отчасти Калужский, Тарусский), особенно развита система — по наличным душам, преимущественное распространение имеет разверстка «по едокам» (Малоярославский, Козельский, Лихвинский). Здесь вообще замечается усиленное тяготение крестьян к земле, о чем несколько подробнее сказано будет ниже.

В восточной и южной частях Смоленской губернии сохранились еще «прежние порядки разверстки»; ревизская (Рославльский, Ельнинский) и рабочая (Гжатский), или рядом обе (Юхновский, Вяземский). В остальных семи уездах (о Дорогобужском сведений нет) эти системы встречаются лишь в виде исключения. В Смоленском уезде рядом с рабочей практикуется и наличная разверстка; даже иногда с наделением землею вдов и малолеток; в Краснинском уже перешли к наличной с нарезкой земли на женщин, если их много во дворе; наконец, в Вольском, Поречском, Духовщинском и Сычевском («крестьяне стали дорожить больше наделами») практикуется, по-видимому, исключительно разверстка «по едокам» (без различия пола и возраста или с 3 — 5 лет).

В Тверской губернии в местностях, где переделы еще встречают сильное сопротивление со стороны более состоятельных крестьян, продолжает еще держаться ревизская разверстка, хотя свалки и навалки душ и здесь стремятся при-

вести землепользование в большее соответствие с наличным и рабочим составом семейств и отчасти — с их имущественной состоятельностью (Тверской, Новоторжский, Ржевский, Весьегонский, Старицкий, Зубцовский и отчасти Кашинский). Эта система уступает место другим везде, где переделы уже состоялись. Рабочая (от 18 — 21 г. до 60 лет) имеется в Старицком, Зубцовском, Тверском (в селениях с плохим наделом), Вышневолоцком («вследствие малопроизводительности почвы»), Осташковском, Корчевском, Калязинском и отчасти в Кашинском. При этом в местностях с особенно плохой почвой принимается во внимание «сила» отдельного двора. Далее, наличная разверстка встречается уже во всех уездах, причем наделы малолетков и подростков бывают иногда меньше наделов взрослых. Наконец, в Тверском уезде в селениях с наделами «высокого качества» и в 70 общинах Кашинского уезда появилась уже разверстка «по едокам», а в Бежецком «она стала теперь обычною».

В восточных уездах Новгородской губ., где полевое хозяйство развито слабо, господствует или ревизский счет (Белозерский, Тихвинский у бывших помещичьих), или по рабочим (Устюжнский, Тихвинский у бывших государственных); при этом иногда соображаются с «моготой» дворов; в Новгородском и Боровичском распространяется уже переходная форма — по живым ревизским душам. Там, где земледелие играет большую роль — улучшенные формы разверстки уже утвердились: наличная — в Старорусском, Крестецком и Череповецком (без различия возраста или с 5 — 10 лет), или «по едокам»— в Боровичском, Новгородском, Старорусском, Череповецком, Демянском. При той и другой системе принимается иногда во внимание имущественная состоятельность двора (Старорусский, Череповецкий).

В С.-Петербургской губернии ревизская разверстка сохранилась только в Петергофском уезде и в некоторых селениях Царскосельского и Гдовского. Наибольшим же распростра-

нением, по-видимому, пользуется система по работникам (Ямбургский, Шлиссельбургский, частью Гдовский и Царскосельский). Но в последнее время в Гдовском же уезде стала распространяться система наличная и (реже) по «едокам».

В Псковской губернии ревизский счет еще преобладает. Но более уравнительные системы получили и там в последние годы заметное распространение: не только наличная (Новоржевский, Псковский, Опочецкий, Великолукский), но даже и — «по едокам» всех возвратов или с 3 — 10 лет, или с нарезкой половинного надела до 12 — 15 лет (Псковский, Опочецкий, Великолукский).

В Витебской губернии общинное землевладение преобладает среди бывших помещичьих крестьян, в ее северо-восточной части — в уездах, смежных с Псковской и Смоленской губерниями (Себежском, Невельском, Городокском и Велижском), но встречаются и в других местах. В Себежском уезде практикуются системы разверстки: и ревизская, и по живым ревизским душам, и по рабочим, и по имущественной состоятельности («зажиточные получают меньше земли»). В остальных, по-видимому, безусловно господствует или наличная разверстка земли, (Невельский, Городокский, 2 волости Двинского), или «по едокам» (Велижский).

Наконец, в Могилевской губернии общинная земля, отведенная бывшим помещичьим по ревизскому счету, а бывшим государственным по наличному (мужчин м. п.) 1873 года (люстрационными комиссиями), не переделялась в большей части губернии. Но в Могилевском, Быховском и Чаусском уездах перешли к разверстке по работникам.

Приведенный материал, очевидно, весьма несовершенен. Это не результат научного массового изучения вопроса. Но его однородность позволяет думать, что в Европейской России, по-видимому, везде наблюдается в данном случае одно и то же движение, укладывающееся в очень небольшую формулу.

В начале 60-х годов крестьяне разных разрядов были наделены землей по числу душ мужского пола, зарегистрированных в X ревизию. Число это еще весьма близко совпадало в то время с числом наличных душ того же пола, и потому крупных неудобств от такого деления вначале не возникало. По мере того, как личный состав каждой общины изменялся в силу рождаемости, смертности, вселении и выселении, неравномерность замлепользования отдельных домохозяев выступала все более и более рельефно. Если бы к тому времени успело бы уже заглохнуть в массе сознание тех хозяйственных выгод, которые соединяются с общинным землевладением для огромного большинства домохозяев, новых переделов не возникало бы. Но произошло иное. Когда указанная неравномерность землепользования стала сказываться острее, масса домохозяев не пожелала примириться с этим явлением. Возник вопрос о переделе, а вместе с тем возникли и те препятствия к осуществлению желания массы, о которых говорено выше. Началась упорная борьба за переделы между общинниками, в которой обе стороны боролись за те свои личные выгоды. Это явление, конечно, не могло окончиться быстро. И упорство обеих сторон, затронутых в своих насущнейших интересах, и различия хозяйственные, племенные и иные, разделяющие русское крестьянство, и громадность территории, на которой эта борьба происходит, — все это обусловило продолжительность переходного периода. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что для всей общинной России он длится уже 20 лет, и еще далеко не завершен, как показывают приведенные данные. Еще в каждой губернии имеется немало общин с первобытной ревизской разверсткой. Наиболее отсталыми в этом случае местностями, как мы могли заметить, являются, по-видимому, губернии Орловская, Московская, Приозерская область, Донская область. Но опять-таки, едва ли мы ошибемся, если скажем, что большинство местностей общинной Европейской России теперь уже зна-

чительно меньше знакомо с такой системой, чем прежде. Общий характер картины уже, кажется, изменился, другие системы разверстки занимают место, оттеснив ревизскую. Другие, но не новые. В прежнее время крепостные переделяли отводимую им землю по рабочей силе (по «тяглам»), а более обеспеченные землей государственные крестьяне — от ревизии до ревизии, т.е. по новым наличным душам. Эти же системы и сменили собой теперь ревизскую. Там, где земли мало, или она плоха, или доходность ее не «оправдывает» лежащих на ней платежей — она переделяется по рабочей силе семейств (тягловая рабочая или дробная разверстки), но где больше, где она лучше и где она с избытком покрывает платежи — она переделяется по наличным душам мужского пола (потребительный признак ставится на место производительного). В новейшее время, по-видимому, получили распространение еще другие, родственные последним системы переделов, представляющие собой дальнейшее развитие того же принципа. Рабочая разверстка во многих местах заменяется разверсткой «по милу», «по согласию», а наличная — разверсткой «по едокам». Общины, несущие за пользование землей больше повинностей, чем получают от него выгоды, могут облегчить своих членов только одним путем: обратив принудительную разверстку своих тягостей в добровольную — это и есть система «по милу», больше ничего община сделать не в силах. Общины, получающие реальные выгоды с своих земель, могут уравнять их между своими членами лучше (чем при наличной разверстке), только приняв во внимание потребительные потребности не одного пола, а обоих; это и есть система «по едокам». Опуская разные промежуточные переходные формы разверсток и разные варианты приведенных основных типов их — сказанным исчерпывается схема той эволюции, которая, насколько можно судить на основании приведенного материала, совершалась в недавние годы в нашей земельной общине.

Чтобы отчетливо выяснить себе научным путем все причинности, закономерности в области общинной жизни, такого симптоматического изучения вопроса, конечно, мало. Необходимо для этого произвести строго статистическое обследование переделов за определенный период во всей общинной России или в значительной ее части и сопоставить полученный результат с колебаниями тех факторов, которые оказывают на общину то или другое влияние. (…) Мы довольно хорошо знаем, что происходит в общине, но весьма мало знаем, почему это происходит.

Приведенные сведения лишены цифрового характера и потому теперь для такой обработки не годятся. Но на основании их можно попытаться сделать два указания на причины, которыми обусловливаются те или другие колебания системы переделов.

Первое из них заключается в том, что размеры землевладения крестьян играют выдающуюся роль в вопросе об изменении систем разверсток. Чем меньше надельная площадь селения, тем дольше задерживается в нем деление земли по ревизским душам. Малоземелье не служит, конечно, единственным фактором этого явления, но едва ли можно сомневаться в том, что оно представляет собой одну из сильных причин его, влияющих в сказанном смысле. В доказательство этого положения мы не будем делать подробные поуездные сопоставления между размерами наделов и системами разверсток. По свойству материала они являются и невозможными. Но приведенный материал и без того дает достаточно указаний в этом направлении.

Прежде всего, можно заметить, что бывшие помещичьи крестьяне чаще остаются еще до сих пор при ревизской разверстке, чем больше наделенные землей бывшие государственные.

Рядом с этим мы имеем отдельные указания на то, что именно малоземельные общины не изменяют прежней

системы переделов. Это упомянуто, напр., о Кобелякском уезде Полтавской губ. Для Валковского уезда Харьковской губернии было уже выше отмечено, что там «земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в четыре раза меньше площади владений 31 селения с разверсткой наличной». Аналогичную роль играет пригодность надельной земли для хлебопашества. Уменьшение значительных размеров ее удобной производительной площади имеет, по-видимому, тот же результат, как и сокращение площади наделов вообще, т.е. задерживает переход к более уравнительным системам переделов.

Так, в Таганрогском и 2-м Донском округах Донской области, одной из наиболее отсталых в этом отношении местностей России, встречается много весьма плохих надельных земель, солонцеватых, глинистых, неудобных к обработке, на которых лишь в виде исключения попадается тонкий слой чернозема.

В Казанской губернии уезды с ревизской разверсткой — Козьмодемьянский, Царевококшайский и Чебоксарский — характеризуются относительно меньшим количеством пахоты на крестьянских наделах (58,6 процента, 62,6 процента и 70,1 процента удобной пахотной земли; в остальных уездах от 70,6 до 83,0 процента) и большим — лесной площади (15,9 процента, 20,1 процента и 13,9 процента; в остальных — от 5,0 до 12,9 процента).

Второе указание, которое можно почерпнуть из нашего материала, состоит в том, что уменьшение размеров платежей, лежащих на крестьянской земле, способствует скорейшему переходу общин к более уравнительным системам переделов. В том крупном и повсеместном процессе ломки ревизской разверстки и замены ее разверстками по наличным душам и «по едокам», который мы проследили по всей Европейской России, сыграли существенную роль две финансовые меры первой половины 80-х годов: уничтожение

подушной подати и уменьшение выкупных платежей. Прямых указаний на этот счет имеется много[1].

Можно думать, что если о названном факторе не упомянуто по остальным губерниям, то из этого еще не следует, что чтобы там он не играл той же роли. Особенно характерен следующий отзыв из Калужской губ. Выше уже было упомянуто, что тяготение крестьян к земле там в последние годы возрастало. Так, «в Мещовском и Перемышльском уездах, где ранее крестьяне бросали наделы и уходили на сторону, преобладала разверстка земли по рабочей силе; в настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуют ее себе». В иных случаях это влечет за собой даже возврат к ревизской разверстке[2]. «Как ранее допускались отступления. в разверстке земли — накладывали на более состоятельных домохозяев и давали льготу многосемейному, но захудалому двору, — так и теперь, при равных правах на землю, отдается предпочтение беднейшему, лишь бы платил повинности без недоимок». В Жиздринском уезде прежде делили землю по ревизскому счету, «но так как на душевой надел причиталось тогда 12 — 15 р. и более налогов,— что при слабой производительности почвы в уезде и необходимости сильного ее удобрения было непосильно для домохозяйства с большим числом ревизских душ, то крестьяне снимали землю с маломощных дворов и накидывали ее с причитающимися сборами на домохозяйства более сильные. Со времени понижения выкупных платежей и с отменой подушной подати среди сельских обществ началось движение в пользу разверстки общинной земли по рабочему или же по наличному составу дворов. Такой способ разверстки в настоящее время и пре-

---

[1] Из губерний: Петербургской, Новгородской, Вятской, Астраханской Таврической, Бессарабской, Черниговской, Нижегородской, Владимирской, Тверской, Калужской, Смоленской.

[2] Кроме упомянутых двух уездов Калужской губернии, такие случаи встретились теперь только в уездах Масальском той же губернии, в Днепровском Таврической и в Волховском Орловской.

обладает. Движение это продолжается до сих пор и вызвало во многих сельских обществах коренные переделы» и т.д. Такой отзыв является типичным и повторяется с большими или меньшими вариантами из многих мест.

Если оба эти наблюдения справедливы, то получается такое положение. Общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем больше размеры крестьянских земель. Когда делить нечего или почти нечего, интерес общинников к переделу, понятно, сводится к нулю. Такое же положение получается и в том случае, когда площадь наделов хотя относительно и не мала, но неудобна для обработки. Внимание населения при таких условиях направляется главным образом на развитие местных или отхожих заработков, на арендование вне-надельных земель, но не на формы своего собственного землепользования. Наоборот, чем шире размеры наделов, тем больше податные обязательства общинников, с одной стороны, и тем больший валовой доход их хозяйствования на собственной земле с другой. И в том случае, когда сказанные обязательства превышают эту доходность, и в том, когда соотношение этих факторов имеет обратный характер — общинники являются заинтересованными в возможно равном их распределении. Строгое применение такого равенства важно для существеннейших их материальных интересов, как в том случае, когда уравниваются их хозяйственные минусы, так и в том, когда уравниваются плюсы. Это во-первых. Во-вторых, общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем ниже лежащие на общинной земле платежи. Если доходность хозяйства на общинных наделах относительно и не мала, но если вся она или почти вся поглощается повинностями, землевладение приобретает характер обязанности и теряет положительное значение в глазах общинника. Интерес последнего к земле возрастает в прямом отношении к увеличению той части дохода его хозяйства, которая остается в его распоряжении по пога-

шении обязательных платежей, а при этом растет, понятно, и стремление сохранить в возможной неприкосновенности те формы разверстки, которые гарантируют более равномерное распределение ожидаемых от хозяйства выгод. Следовательно, в смысле улучшения систем переделов важное значение должно оказывать сокращение всякого рода лежащих на земле повинностей, так как оно может создавать эти выгоды там, где их до тех пор не было (где платежи превышали до тех пор доходность) и увеличивает их там, где платежи были ниже доходности хозяйства.

В этом именно направлении и слагалось влияние отмены подушной подати и понижения выкупных платежей. Нетрудно догадаться, что всякое увеличение податной тяготы, падающей всегда на землю, равно и развитие малоземелья, должны действовать в обратном смысле.

Все сказанное убеждает в том, что в общинном землепользовании играют весьма важную роль платежи и разные повинности, лежащие на сельском населении. Поэтому знакомство с той обстановкой, среди которой прилагается труд общинников, было бы неполно, если бы мы не сделали попытки ознакомиться с приемами общинных раскладок. Воспользуемся при этом тем же материалом, собранным податными инспекторами, которым мы пользовались выше.

Напомним, что материал относится ко всей общинной Европейской России, кроме Кавказа. Нижеследующие данные имеют тот особый интерес, что приемы общинных раскладок во всех деталях известны у нас вообще мало — гораздо меньше, чем приемы переделов общинных земель. Книжка покойного Трирогова «Община и подать» касается больше других этого вопроса, но в ней речь идет, во-первых, о половине 70-х годов, а во-вторых, — только об одной части Поволжья. Поэтому всероссийская анкета об общинных раскладках последних годов приобретает большое значение, поскольку можно положиться на точность добытых ею сведений.

Закон предоставил волостным, и в особенности сельским, сходам обширные права в этой области. Статья 51 п. 11 Общ. Полож. уполномочивает сельский сход производить «раскладки всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей», а ст. 78 п. 5 возложила на волостной сход «назначение и раскладку мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости». Права эти представляются очень обширными. Объектом обложения казенными и земскими сборами для казны и земства является вся земельная территория, числящаяся за целой общиной, а не участок отдельного домохозяина. В общину поступают окладные листы, в которых обозначаются лишь общие суммы причитающихся с нее платежей, а не те отдельные части их, падающие на долю каждого общинника, из которых эти суммы слагаются в действительности. При подворном владении важнейшие по своим размерам сборы — выкупные платежи — почти никогда не разверстываются сходом, так как суммы их указаны на каждого домохозяина в отдельности в особых именных списках подворных владельцев селения, приложенных к актам наделения их землей. При общинном же владении все сборы, падающие на землю целой общины, разверстываются исключительно по желанию схода, по той системе, которая принята самой общиной. Что же касается до мирских сборов (волостных и сельских), то не только раскладка их, но и возникновение, и назначение, и размер всецело зависят от усмотрения соответственных сходов по принадлежности. Так как общая сумма крестьянских платежей всегда составляет весьма крупную часть доходности крестьянской земли, а в иных случаях даже превосходит последнюю, то не трудно видеть, насколько существенны те интересы отдельных домохозяев, распоряжение которыми вверено сходам, и в особенности — сельскому.

Но прежде чем ознакомиться с практикой, которая в этом случае установилась в общинной жизни, мы должны вспомнить общие критерии, являющиеся обязательными при суждении о степени уравнительности, целесообразности, продуманности принятых систем.

Финансовая теория знает три способа обложения: налог равный, пропорциональный и прогрессивный.

Финансовая практика всех цивилизованных стран еще далека от того, чтобы прогрессивное обложение было положено в основу финансовой системы. Представлять такое требование к нашей общине — следовательно, значило бы искать в ней того, что представляется еще пока научным идеалом. Господствующим на западе принципом обложения является пропорциональность с теми или другими смягчениями его в сторону прогрессивности, в роде установления известного минимума, не подвергающегося обложению и т.п. Ближайшее фактическое исследование общинных раскладок прежде всего и должно выяснить, придерживается ли мир неуравнительного, несправедливого, отвергнутого теорией «равного» налога, или более уравнительного, более справедливого пропорционального и практикуются ли при этом какие-либо поправки к этой системе в указанном направлении.

Размер казенных и земских сборов не зависит от общины. Мир получает готовые окладные листы, определяющие денежные суммы, которые должны быть так или иначе распределены между плательщиками и взысканы с них. Размер мирских сборов также является более или менее обязательным для общин. Согласно последнему обследованию этого предмета центральным статистическим комитетом расходы более или менее устойчивого типа, более постоянные (по управлению, выполнению повинностей и на другие общественные нужды) составляют почти 10,2 процента всех мирских сборов, а расходы сельскохозяйственные всего 12,8 процента, причем и среди последних имеются такие, которые так-

же носят более или менее постоянный характер (напр., плата пастухам, расходы на борьбу с вредными насекомыми и животными).

Следовательно, мир не может иметь сколько-нибудь заметного влияния на величину общей суммы подлежащих раскладке платежей и, следовательно, на отношение последних к доходности хозяйства плательщиков. Какова бы ни была эта сумма, каково бы ни было это отношение, сход должен произвести раскладку причитающихся сборов во что бы то ни стало. Поскольку удается ему при таких условиях удовлетворить указанным выше требованиям уравнительности раскладок, принимая во внимание высокие размеры обложения у нас крестьянских земель, — этот вопрос и устанавливает ту точку зрения, с которой представляется весьма интересным упомянутый выше фактический материал.

Обратимся прежде всего к раскладке казенных и земских сборов. Всеобщее правило, наблюдаемое в этом случае при общинных раскладках решительно везде в России, состоит в том, что платежи эти разверстываются пропорционально размерам земельных участков, находящихся в пользовании отдельных домохозяев. Эта система господствует без исключения во всех 40 губерниях, в которых имеется общинное землевладение.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что аналогичный порядок разверстки, в виде переживания, сохранился в губернии Подольской, где общинного землевладения теперь не встречается. «Хотя землевладение в этой губернии исключительно подворное и выкупные платежи исчислялись при отводе надела не только в одной общей сумме с селения за всю мирскую землю, но и по каждому подворному участку в составе селения, тем не менее эти платежи разверстываются в Каменецком и Гайсинском уездах ежегодно вместе с остальными окладными сборами». Таким образом, во всех тех случаях, когда окладные сборы не покрываются общин-

ными оброчными статьями[1], когда, следовательно, неизбежно производить их раскладку, система последней находится в зависимости от принятой системы разверстки земли[2].

В тех селениях (главным образом — крайнего севера), которые имеют общие земельные владения, в иных местах еще сохранилась в виде переживания первоначальная ревизская раскладка платежей между отдельными селениями, но и там внутри селений между отдельными домохозяевами сборы разверстываются по действительным размерам землепользования каждого. Такова, напр., принятая система в Олонецкой губ., где большая часть сельских обществ состоит из многих селений, включенных в одну общую владенную запись или выкупную сделку (на 4067 селений 1892 г. составлено 1069 окладных листов); число селений в сельском обществ доходит до 28 в Олонецком уезде и до 63 — в Повенецком. Аналогичные условия находим в Кольском уезде Архангельской губ. и в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ. (где в разных селениях, входящих в состав одного и того же сельского общества, приняты разные системы разверстки земли). Тот же прием разверстки встречается

---

[1] Такие факты изредка встречаются, напр., в одной волости Печорского уезда Архангельской губ. (тони), в нескольких волостях Красноярского уезда Астраханской губ. (сдача в наем киргизам разных угодий, рыбные ловли) и в некоторых других местах.

[2] Из двух только мест имеются сведения о каких-то нарушениях этой общей системы, смысл, которых, однако, не представляется ясным: 1) «только по Сызранскому уезду есть указание (не вполне определенное), что в селениях с дарственным наделом (по одной десятине не рев. душу), находящихся в восточной части уезда (Самарская Лука), окладные сборы разверстываются между ревизскими душами, без соображения с существующим распределением между ними общинной земли» и 2) в Пермской губ. «в некоторых обществах» разверстывается по земле лишь процентов 60 — 70 всякого рода сборов, «остальное же раскладывается по ревизским душам». Так как для этой губернии материал страдает большой неопределенностью и неполнотой по вопросу о разверстке земель, то не представляется возможным отчетливо понять тех отступлений от общего правила, которые в данном случае наблюдаются.

и в Павловском уезде Воронежской губ. для селений с общим владением.

Таким образом, по общему правилу, кто пользуется большим количеством земли, тот и платит больше, и наоборот. В данном случае представляется безразличным, какое отношение существует между платежами и доходностью наделов. Если первые больше второй, то община, распределяя землю по рабочей силе своих членов, пользуется тем же критерием для выполнения лежащих на ней повинностей и стремится уравнять таким путем тот минус, который образуется в этом случае в каждом отдельном хозяйстве. Если доходность наделов выше платежей, если в силу этого при разверстке земли принимаются во внимание потребительные требования общинников, система раскладки также соответствует распределению земельных участков, доходом которых платежи покрываются. Мир уравнивает в этом случае те полосы, которые остаются в хозяйстве каждого члена от соотношения названных факторов. Право пользования землей и обязанность выплачивать сборы следуют друг за другом в строгой зависимости между собой.

Таково общее положение, но в отдельных местностях размеры доходов домохозяев зависят в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов (скотоводство, огородничество и др.). Там приведенная система разверстки платежей, очевидно, не находилась бы в соответствии со средствами к их уплате. Поэтому в таких случаях к ней делаются те или другие поправки, имеющие целью восстановить это соответствие. Поправки эти вводятся довольно разнообразными приемами; для таких более сложных раскладок избираются довольно несхожие между собой единицы в зависимости от местных условий.

Такой единицей служит иногда скот, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть по скоту. Этот случай распространен в Астраханской губернии (встречается во всех

уездах, кроме Красноярского). В Царевском уезде такая разверстка практикуется потому, что «некоторые крестьяне держат много скота и выпасывают его на общественных выгонах с промышленной целью». В некоторых селениях Черноярского уезда выкупные платежи раскладываются частью по земле, частью по числу рогатого скота, принадлежащего домохозяйству (по 25 $^1/_2$ к. со штуки). В некоторых обществах Царицынского уезда Саратовской губернии существует «особый сбор со скота, целиком поступающий в уплату окладных сборов до общей разверстки их по надельным душам; этот порядок обложения объясняется тем, что здесь часть наделов состоит под пастбищем и владельцы значительного количества скота при разверстке исключительно по землевладению пользовались бы большими преимуществами перед остальными домохозяевами». В Черниговской губернии (в одной волости и в нескольких обществах — немецких — Борзенского уезда) часть сборов, причитающаяся с выгонных земель, которые находятся в общем пользовании всех жителей селения, разверстывается между отдельными домохозяевами по числу голов выпасываемого скота. В Хотинском уезде Бессарабской губ. казенные и земские платежи раскладываются также и по скоту, и по земле. Там устанавливают сначала «размер сбора со скота — напр., по 1 р. со штуки крупного и по 10 коп. с овцы (козы и свиньи обыкновенно не облагаются); затем остальная сумма распределяется по наделам».

Далее, к обложению привлекаются иногда усадьбы, если владение ими представляет особые выгоды или если размеры их не соответствуют более новому распределению полевой земли. Так, в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии часть выкупных платежей «разверстана по величине усадебного места каждого двора, причем в некоторых селениях установлены разные разряды усадебной земли по качеству ее и другим основаниям (этого усадебного сбора причитается около 1 коп. с кв. саж., т.е. от 7 р. до 10 р. за усадьбу)».

В некоторых местностях Тверского уезда, «где количество усадебной земли, принадлежащей отдельным дворам, перестало соответствовать количеству предоставленной им теперь полевой земли, часть выкупных платежей взимается отдельно с усадебной земли, напр., по 1 р. 50 к. с души усадебной земли». В большинстве волостей Нерехтского уезда Костромской губ. при раскладке выкупных платежей принимается в расчет размер усадьбы домохозяина («усада»), так как вследствие изменений семейного состава дворов размер усадебных участков, оставшийся без изменения, нередко не соответствует существующему распределению полевых угодий.

Раскладка выкупных платежей происходит при этом таким образом, что сперва определяется усадебный сбор по расценке, а остальная сумма разверстывается по полевой земле. При раскладке прочих сборов усадьба там или вовсе не принимается в расчет, или душевой надел «усада» признается равноценным полевому наделу и вся сумма платежей делится на двойное число земельных единиц или душ, затем размер обложения каждого домохозяина определяется помножнием полученного частного на сумму душевых долей его в поле и в усадьбе. В некоторых селах Макарьевского уезда Нижегородской губ., где усадьбы имеют особую ценность, на них падает часть выкупного платежа; это касается и тех крестьян, которые не пользуются полевой землей. В 3 волостях Алексинского уезда Тульской губернии при раскладке окладных сборов также принимают во внимание, кроме полевой земли, и размер принадлежащей домохозяину усадьбы (мотивы не выяснены). В Богодуховском, Харьковском и Валкском уездах Харьковской губ. в общинах с наличной разверсткой, где усадебная земля не уравнивается, часть выкупного платежа разверстывается особо, по размеру каждой усадьбы; к этому платежу привлекаются и не принадлежащие к обществу лица, владеющие усадебной землей.

В местностях, где в силу особых условий значение полевого хозяйства уступает, у крестьян первое место заработкам разного рода, раскладочной единицей нередко служит рабочая сила двора, независимо от принятой системы разверстки земли. В таких районах переделы земель составляют обыкновенно более редкое явление и производятся по большей части по ревизским душам или по работникам же. Так, в тех селах Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, где доходы получаются преимущественно от лоцманства по р. Свири, сборы разверстываются по рабочему населению (с 18 лет), а в одном селении того же уезда — по доходам каждого двора, так как крестьяне вовсе не занимаются земледелием, а живут торговлею и трактирным промыслом (также по р. Свири) и отчасти лесным промыслом. В Меленковском уезде Владимирской губернии у бывших горнозаводских мастеровых привлекаются к платежам все взрослые работники (18 — 55 л.) и в половинном размере полуработники (15 — 18 и 55 — 60 л.), «без соображения с размером участия их в пользовании общественной землей». Вероятно, тем же мотивом руководствуются и в одной волости Рузского уезда Московской губернии, где раскладке подвергаются и крестьяне, не ведущие полевого хозяйства (т. е. занимающиеся исключительно местными или отхожими промыслами?), хотя и в половинном размере (в соответствии с доходностью этих заработков?). В уездах Верхнеуральском и Троицком Оренбургской губернии платежи разверстываются по рабочему составу дворов, между тем как земля поделена по ревизским душам (рабочий возраст принимается от 17 — 18 до 50 л., а у тептерей — даже от 13 — 15 л.). В Троицком уезде привлекаются к платежу оклада также и подростки 14 — 17 л. и старики 50 — 60 л. в половиной доле («половинные души»). В башкирских волостях Верхнеуральского уезда рабочее население облагается не поровну, а по степени зажиточности домохозяев, признаками которой служат скот, постройки, количест-

во засеваемой земли. Общей причиной такой системы в названных уездах служит то обстоятельство, что «земледелие здесь имеет мало значения». Население пяти русских волостей здесь «почти в полном своем составе занимается работой на горных заводах, владея только усадебной землей, а у башкир главное занятие — скотоводство, затем — лесной промысел и заработки на горных заводах»[1].

Здесь же следует отметить особенность раскладки окладных сборов в уездах Лебедянском, Кирсановском, Козловском и Моршанском Тамбовской губ., где при этом принимается во внимание только пахотная земля (быть может, остальные угодья представлены слишком слабо в составе крестьянского надела?).

Наконец, остается указать, что лесные сборы раскладываются миром исключительно между теми домохозяевами, которые пользуются лесом и лесными материалами. Так, в Мезенском и Пинежском уездах Архангельской губернии «лесной налог распределяется по потребностям каждой семьи в лесном материале». В Богодуховском и Харьковском уездах причитающаяся за лесные угодья часть окладных сборов разверстывается между наследственными пользователями этими угодьями. В Валковском Харьковской же губернии (вероятно, в силу того, что все члены общины пользуются лесными угодьями) названный платеж раскладывается поровну на дворы. В Данковском уезде Рязанской губ. «лесной налог взимается не на общем основании, а только с дворов, пользующихся лесом».

Таковы данные о разверстке казенных и земских сборов. Переходим к раскладке мирских, которая представит теперь уже весьма много знакомых черт.

Общее правило, применяемое во всех губерниях, в которых встречается общинное землевладение, в этом случае,

---

[1] Число таких случаев в разных местностях России, вероятно, значительно больше, чем приведено в материале.

как и в предшествующем, состоит в том, что мирские сборы (сельские и волостные) разверстываются пропорционально земельному пользованию каждого отдельного домохозяина. Такой порядок является всеобщим для всех полос России и практикуется при всех системах разверстки земли. Все видоизменения этого приема раскладки, о которых мы будем говорить сейчас, имеют значение лишь поправок и дополнений к нему в интересах возможно большей уравнительности распределения сборов между плательщиками, когда это требуется по местным условиям.

Крупным отличием раскладки мирских сборов от раскладки казенных и земских служит лишь то обстоятельство, что к первой часто привлекаются также жители деревни, которые не имеют общинной земли. Это отличие является совершенно понятным ввиду того, что все казенные и земские сборы приурочены в настоящее время исключительно к земле (после уничтожения подушной подати), мирские же сборы взимаются нередко на удовлетворение таких потребностей сельского и волостного общества, которые касаются одинаково как надельных, так и безнадельных жителей села (напр., на караул, на пожарный обоз, на медицинскую часть, церковные расходы и т.д.). Чаще всего в таких случаях эта категория деревенского населения облагается поровну, по дворам. Встречаются и варианты этого способа обложения. Так, в Царскосельском уезде с безнадельных крестьян мирской сбор взимается поровну с усадеб, а в Гдовском и Ямбургском той же Петербургской губернии волостной сбор — по числу наличных душ безземельных. Безземельные же привлекаются к обложению мирскими сборами в Олонецкой губ., в Нижнеломовском и Саранском уездах Пензенской губернии. В Саратовской губернии то же практикуется или по всем статьям мирских сборов, или только по некоторым (уезды Царицынский, Балашевский). В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии все мирские сборы распределяются между

всеми крестьянами, принадлежащими к обществу, хотя бы они и не пользовались землей. При разверстке части сельского и мирского сбора безземельные и отсутствующие принимаются в счет и в Павловском уезде Воронежской губернии, безземельные — во 2-м Донском округе Донской области, в Днепровском и Евпаторийском уезде Таврической губернии. В Херсонском, Елисаветградском и Ананьевском Херсонской губ., в Карачевском уезде Орловской губ., в Харьковской губ., в Полтавской губ., в Орловском уезде, в Васильевском и Нижегородском уездах Нижегородской губернии (мещане), в Гжатском, Юхновском, Вяземском и Сычевском уездах Смоленской губернии. В Жиздринском и Медынском уездах Калужской губ. «безземельные крестьяне уплачивают волостные и сельские мирские сборы по душам; при этом их ревизская душа приравнивается к однодушевому наделу и облагается одинаковым с ним сбором». Сюда же должно отнести и особый сбор с усадебной и огородной земли, взимаемый только с тех дворов, которые не ведут полевого хозяйства в Новоторжском уезде Тверской губернии. В Сарапульском уезде Вятской губернии к платежу привлекаются отставные солдаты и лица, прослужившие более 20 лет на Боткинском заводе и освобожденные от платежа казенных сборов. В Дмитриевском уезде Московской губернии сельские сходы взимают с крестьян, бросивших землю, «отвыкших от земли» и промышляющих на стороне, так называемый «гудяцкий оброк», в размере от трех рублей до двадцати пяти рублей с работника, смотря по нужде общества в земле. Сбор этот практикуется в селениях с сильно развитыми фабричными отхожими заработками или с малодоходными наделами.

Возвращаясь к надельному населению, замечаем в виде общего правила разверстку платежей по размерам землевладения каждого домохозяина. Как указано выше, система эта является всеобщей, конечно, за исключением тех случаев, когда сборы покрываются общинными, оброчными статья-

ми (Печерский, Красноярский, Павловский, Воронежский, Острогожский, Ялтинский, некоторые селения Херсонской губ. и друг.). Даже в тех случаях, когда волостные сборы разверстываются по ревизским душам между селениями, эти же сборы внутри селений между отдельными домохозяевами раскладываются по земле. Такой порядок практикуется в некоторых уездах Псковской губ. (Порховской, Опочецкой, Псковской), в Валдайском уезде Новгородской губ., иногда в Олонецкой губ., в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ., в Уржумском, Елабужском и Малмыжском Вятской губ., в некоторых обществах Пермской губ. (30 — 40 процентов платежей, остальное — по земле), в Наровчатском уезде Пензенской губ., в большинстве уездов Воронежской губ., в Тираспольском уезде Херсонской губ., иногда в Павлоградском и Новомосковском уездах Екатеринославской губ., в Черниговской губ., в Касимовском и Раненбургском уездах Рязанской губ., в Горбатовском, Нижегородском и иногда в Васильском уездах Нижегородской губ., В Мологском, Угличском и Пошехонском уездах Ярославской губ. и в сложных общинах Звенигородского уезда Московской губ. Как показывает этот перечень уездов, такая система практикуется чаще всего на севере и северо-востоке России с господствующим типом сложных (составных) общин, т.е. таких, которые составляются из большого количества мелких поселений, разбросанных на больших пространствах, где, следовательно, волости обнимают обширную территорию. Очевидно, там представляются специальные, технические трудности производить волостную раскладку непосредственно по размерам землевладения каждого отдельного домохозяина. Там ревизская разверстка волостных сборов и должна была сохраниться в виде переживания, дольше, чем в других местах. По всей вероятности этим же особенностям следует приписать и сохранение раскладки платежей по ревизским душам даже внутри отдельных селений, встре-

чающейся в немногих местах (напр., в некоторых общинах Олонецкой губ.) [1].

Далее, общая система обложения мирскими сборами по размерам землевладения каждого двора терпит довольно разнообразные ограничения с целью уравнительности раскладки. Как было уже упомянуто выше по поводу разверстки казенных и земских платежей, в отдельных местностях количество доходов плательщиков зависит в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов. Поэтому к упомянутой господствующей системе разверстки там и здесь вводятся такие или иные поправки, обусловливаемые весьма различными местными особенностями.

Так, нередко в этом случае вводится в расчет, как и там, количество скота, принадлежащего двору, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть по скоту. Понятно, такая единица разверстки может применяться лишь в тех степных губерниях, в которых скотоводство играет сравнительно крупную хозяйственную роль. Это мы видим в некоторых общинах Белевского уезда Уфимской губ., почти во всей Астраханской губ. (в некоторых селениях Черноярского уезда мирские сборы взимаются только с рогатого скота по 19 1/2 коп. и с овец — по 15 коп.), в Днепровском и Мелитопольском уездах Таврической губ., в некоторых обществах Павлоградского, Новомосковского, Екатеринославского, Славяносербского, Верхнеднепровского и Мариупольского

---

[1] В одной волости Гадячского уезда и в трех волостях Прилукского уезда Полтавской губ. мирские сборы разверстываются в виде величайшего исключения по дворам поровну. То же встречается и в некоторых волостях Борзенского, Нежинского и Козелецкого уездов Черниговской губ. В двух обществах последнего уезда и двух Борзенского мирские сборы раскладываются по тяглам (брачным парам — овдовевшие и неженатые пользуются половинным окладом). Причины переживания этих дореформенных систем раскладок не выяснены, как и то, относятся ли они к общинам или подворным обществам. Аналогичные сведения имеем по Тимскому уезду Курской губ. и по некоторым общинам Харьковской губ.

уездов Екатеринославской губ., в Херсонском, Тираспольском и Ананьевском уездах Херсонской губ. и в Аккерманском и Хотинском уездах Бессарабской губ. Отметим весьма важную особенность такой раскладки в Ананьевском уезде, где совсем не облагаются мирским сбором дворы, имеющие менее трех голов скота.

Другой единицей обложения (кроме скота), наряду с землей, нередко принимается усадьба, необходимость чего логически вытекает из принятых систем общинной разверстки общинной земли. Известно, что переделам не подвергаются усадебные угодья, поэтому периодические равнения землевладения отдельных домохозяев не касаются усадеб, в силу чего концентрация этих угодий может представлять собой при наличности переделов явление более частное, чем концентрация других угодий.

Отсюда становится понятным стремление общины в этих случаях подвергать усадьбы, разросшиеся шире нормального размера, и большему обложению. В нашем материале не встречается указаний на то, чтобы такое усиленное обложение вытекало из факта большей доходности (от огородничества, напр.) упомянутых больших усадеб. Легко может быть, что такое соотношение между доходностью усадеб и платежами за них в иных случаях и имеет место. Чаще, однако, этой зависимости, по-видимому, не наблюдается; усадьба облагается сильнее просто потому, что ею пользуется большее количество людей, принадлежащих к более состоятельной семье. Так, в Аткарском уезде Саратовской губ. мирскими сборами облагаются иногда усадьбы, превышающие средний нормальный размер, установленный обществом. В некоторых обществах Бирюченского и Бобровского уездов Воронежской губ., где количество полевой земли ничтожно или где велика разница в количестве и качестве усадебной земли домохозяев, взимается в уплату повинности особый сбор с усадеб. Аналогичная разверстка встречается в Одес-

ском, Ананьевском и Елисаветградском уездах Херсонской губ. и в некоторых общинах Павлоградского уезда Екатеринославской губернии.

Дальнейшим признаком, который принимается во внимание при раскладках наряду с землей, служат иногда и разного рода заработки крестьян, если роль их почему-нибудь особенно выдвигается по местным условиям в бюджете общинников. Так, в Городищенском уезде Пензенской губ. при разверстке мирских сборов принимается во внимание не только наличный состав каждого двора, но и неземледельческие его заработки. Выше было уже указано, что в Верхнеуральском и Троицком уездах Оренбургской губ. и Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. казенные и земские сборы разверстываются по рабочему составу дворов; так же раскладываются там и мирские сборы, по тем же причинам, которые указаны были выше. Аналогичные сведения имеем и из Екатеринбургского, Камышловского уездов Пермской губ., Звенигородского уезда Московской губ., из Гадячскго, Кобелякского и Лубенского уездов Полтавской губ. и из некоторых местностей Черниговской губ. В иных селах Перекопского уезда Таврической губ., Тираспольского и Елисаветградского уездов Херсонской губ., по-видимому этот способ раскладки исчезает по мере перехода общин от ревизской к высшим системам разверстки земли.

В некоторых общинах Пермской и Тамбовской губ. при раскладке мирских сборов принимается во внимание пользование только одними пахотными землями. Причины такой особенности не выяснены. Надо думать, что все остальные угодья среди наделов этих селений имеют чересчур слабое распространение.

Далее, стремление возможно лучше уравнять мирские платежи между домохозяевами побуждает общину производить между ними раскладку по наличным душам иногда даже в тех случаях, когда эта система еще не утвердилась

в раскладке земли. Мы не имеем определенных указаний на причины возникновения этого интересного факта. Нельзя, однако, не заметить, что он может возникнуть только в том случае, когда неудовлетворительность ревизской системы переделов уже достаточно проникла в сознание общинников, когда борьба за наличную разверстку уже началась, когда, быть может, распределение земельных участков между домохозяевами фактически уже к ней значительно приблизилось путем ежегодной свалки и навалки душ. Принимая во внимание общую тенденцию мирских раскладок — находиться в соответствии с землепользованием плательщиков — трудно себе представить возможность появления наличной раскладки, когда земля еще поделена по ревизским душам, при иных условиях. Если это так, то на упомянутый факт надо смотреть как на один из ясных признаков перехода общины к более уравнительным системам разверстки земли. Такие сведения мы имеем о некоторых селениях Холмского уезда Псковской губ., Стерлитамакского уезда Уфимской губ., Нижнеломовского и Саранского уездов Пензенской губ., о немецких колониях Бердянского уезда и о некоторых русских селениях Днепровского уезда Таврической губ., Херсонской губ., Павлоградского и Новомосковского уездов Екатеринославской губ., некоторых уездов Полтавской губ., Васильского и Нижегородского уездов Нижегородской губ., Дмитриевского уезда Московской губернии (в общинах, где велико число крестьян, живущих на стороне).

Наконец, с теми же целями большей уравнительности раскладки в иных местах община находит возможным привлекать к обложению мирским сбором так называемую «купчую» землю отдельных домохозяев, т.е. приобретенную ими в частную, личную собственность. Такое сообщение имеем из Казанского и Ядринского уездов Казанской губ. и из двух волостей Сычевского уезда Смоленской губ.; здесь при этом освобождаются от таких сборов безземельные.

Как нам лично известно, аналогичные случаи встречаются в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Переходим к разверсткам разного рода сельских сборов, взимаемых с специальными целями: сборы эти бывают крайне разнообразны. Сведения, которые мы имеем но этому вопросу, конечно, не исчерпывают всего разнообразия приемов раскладки, которые встречаются в этом случае в разных местностях России. Но даже и те данные, которые мы имеем, отчетливо рисуют всю ту заботливость, которую обнаруживает мир в изыскании такой единицы раскладки, которая удовлетворила бы, по возможности, интересы всех его членов. Чем ниже благосостояние населения, чем слабее его платежные средства и чем выше необходимые платежи, тем важнее такая заботливость и тем искуснее вырабатываются более удовлетворительные приемы раскладки.

Наиболее распространенным из таких сборов является на жалованье пастуху, в найме которого заинтересованы, конечно, не все общинники, а лишь те из них, которые имеют скот. Этот расход повсеместно разверстывается не по земле, не по наличному, или рабочему, или ревизскому составу двора, а исключительно по числу голов скота, принадлежащего тому или другому хозяину. Об этом приеме раскладки сообщается решительно из всех тех местностей, в которых упоминается об этом общественном расходе. Такая практика установилась в Гдовском уезде Петербургской губ., в Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губ., в Чистопольском уезде Казанской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., в Пензенском уезде, во всей Саратовской губ. («с череда»), в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Корочанском, Обоянском, Новооскольском и Суджанском уездах Курской губ., в некоторых селениях Малоархангельского уезда Орловской губ., в шести уездах Тульской губ. (на пастухов и на конюхов), в Рязанском, Касимовском, и Егорьевском уездах Рязанской

губ. (так же и на конюхов), в пяти уездах Владимирской губ., во всей Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в Костромском уезде, в семи уездах Тверской губ., в Звенигородском, Дмитриевском и Рузском уездах Московской губ., в Масальском, Калужском и Тарусском уездах Калужской губ. и во всей Смоленской губ.

Та же система раскладки (по числу голов скота) принимается по тем же причинам и на покрытие расходов на общественного быка в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Звенигородском, Рузском и Дмитриевском уездах Московской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Покровском уезде Владимирской губ. Наконец, так же распределяется между домохозяевами и плата за арендование общинами лугов и пастбищ в Старорусском уезде Новгородской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Судогодском уезде Владимирской губ., в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ.

Другая единица разверстки принята для покрытия расходов на караул и пожарный обоз. В этом случае чаще всего встречается равное обложение всех дворов селения, покоящееся на предположении одинаковой заинтересованности всех домохозяев, проживающих в селении, в охране от огня. Такую систему встречаем в Петергофском уезде, Бугурусланском уезде Самарской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., во всей Саратовской губ., в Бирюченском уезде Воронежской туб., в Харьковской губ., в Новооскольском, Корочанском, Обоянском и Суджанском уездах Курской губ., в Малоархангельском уезде Орловской губ., в Ефремовском уезде Тульской губ., в Рязанском уезде, в четырех уездах Владимирской губ., в Сергачевском уезде Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в семи уездах Тверской губ., в Калужском Масальском и Тарусском уездах Калужской губ., в Вяземском и Юхневском уездах Смоленской губ.

Но такое равное обложение, в котором отсутствует принцип пропорциональности, начинает, по-видимому, сменяться другим, более уравнительным, для которого намечаются несколько приемов. Этого рода расходы начинают разверстывать или по строениям (Воронежский и Острогожский уезды Воронежской губ.), или по наличным душам (Рославльский уезд Смоленской губ.), или по сумме страховых платежей, платимых каждым домохозяином (Судогодский уезд Владимирской губ., Чистопольский уезд Казанской губ.. Павловский уезд Воронежской губ., Белгородский уезд Курской губ. и Валковский уезд Харьковской губ.).

Далее, плата лесным сторожам, как и следует ожидать, разверстывается только между теми домохозяевами, которые пользуются общественным лесом (Валковский уезд Харьковской губ., Данковский уезд Рязанской губ., Рузский уезд Московской губ.; в последнем иногда поровну с дворов или печей, вероятно, где лесом пользуются все общинники).

Церковные расходы (жалованье причту, на общественные молебны и проч.) покрываются обыкновенно обложением наличного населения обоих полов (Судогодский уезд Владимирской губ., Бежецкий, Новоторжский, Старицкии уезды Тверской губ., Бугурусланский уезд Самарской губ., Валковский уезд Харьковской губ., Днепровский уезд Таврической губ.). По той же системе разверстываются расходы на медицинскую часть в Мелитопольском уезде Таврической губ. (в некоторых немецких колониях, где такой расход существует). В Ливенском уезде Орловской губ. деньги, уплаченные из мирских сумм на лечение беднейших членов общества в больнице, однако, не взыскиваются с двора, к которому принадлежит лечившийся.

О способах раскладки других специальных сборов имеется весьма мало сведений. О приемах разверстки их можно судить до некоторой степени лишь по отдельным единичным показаниям. Так, расходы на хлебозапасные магазины

раскладываются, по-видимому, по той же системе, которая принята общиной для разверстки земли: в Малоархангельском уезде Орловской губ. при господстве ревизской разверстки земли расходы на содержание хлебных магазинов распределяются по ревизским душам, а в Рузском уезде, где, как и во всей Московской губ., преобладает рабочая разверстка земли, чаще других встречается раскладка на жалованье смотрителю магазина по рабочим (иногда поровну по дворам). О расходах на содержание школ имеем лишь одно сообщение, что они раскладываются в силу каких-то местных соображений в том же Малоархангельском уезде Орловской губ. по количеству паев. принадлежащих каждому домохозяину в общественном сенокосе. О раскладке между общинниками расходов на почтовую часть мы ничего не знаем, кроме одного сообщения из Сумского уезда Харьковской губ. (одна волость), где содержание почтовых лошадей разверстывается по дворам, причем, однако, не указано. в каких отношениях производится эта разверстка.

Таковы существенные черты раскладки мирских сборов в общинах, поскольку они выясняются из нашего материала. Как уже упомянуто, сведения эти не добыты путем подворной переписи, и потому весьма легко может быть, что не все разновидности существующих видов раскладки разного рода платежей зарегистрированы в вышеизложенном. Можно с уверенностью далее сказать, что каждая из приведенных систем раскладок имеет гораздо большее территориальное распространение, чем указано на предшествующих страницах. Но несомненно одно, что все эти приемы, свидетельствующие наглядно о стремлении сходов к возможному уравнению податной тяготы между своими членами, бесспорно, существуют в современной русской общине и пользуются большим или меньшим распространением.

Каковы изменения этих приемов во времени, какова эволюция, которая совершается в этой части общинных отно-

шений, — для суждения об этом вопросе прямыми данными мы не обладаем. Однако следует думать, что системы разверстки платежей прогрессируют в общине одновременно с улучшением систем переделов земли. В самом деле, какою можно себе представить раскладку платежей в общине в период, следовавший немедленно за наделением крестьян землею по ревизским душам, т.е. еще в то время, когда число наличных душ в общине весьма мало отличалось от числа ревизских? Можно с уверенностью сказать, что и тогда платежи, вероятно, разверстывались, как и теперь, по з е м л е, но тогда эта раскладка «по земле» была синонимом раскладки по ревизским душам. С течением времени, как мы уже знаем, ревизская разверстка земли все более утрачивала свое уравнительное значение и уступала место иным системам. Согласно основному принципу, которого держится в этом случае община, одновременно с перераспределением доходов от общинной земли должно было происходить и соответственное перераспределение между домохозяевами платежей, лежащих на общине.

Нетрудно поэтому убедиться в том, что приемы раскладок всякого рода сборов должны были соответственно изменяться. Ревизская раскладка должна была мало-помалу уступать место другим, более уравнительным ее формам. Должны были появиться разверстки платежей по рабочему составу семьи, по наличным душам, по едокам и т.д., судя по тому, какие изменения претерпевало распределение земельных участков между общинниками под влиянием местных условий. Даже в нашем материале мы имеем некоторые намеки на то, что такая эволюция в действительности происходила и происходит.

Так, указывается, например, на то обстоятельство, что в Сосницком и Новгородсеверском уездах Черниговской губ. в настоящее время происходит переход к раскладке платежей по размерам землепользования.

В Новоторжском уезде Тверской губ. «волостной сбор разверстывался до 1892 г. по числу ревизских душ, теперь же в нескольких волостях стали распределять волостной сбор между селениями по числу десятин принадлежащей им земли, как надельной, так и купленной». Здесь уместно отметить переживания общинных порядков в некоторых таких местностях юго-западных губерний, в которых подворная форма владения землей является теперь исключительною. Так, «в каждом сельском обществе Каневского уезда Киевской губ. (все подворные) после введения уставных грамот было два-три передела земли, вызывавшиеся обменами участков, разбросанностью и измельчанием полос вследствие наследственных наделов и т.п.» (при этом изменялось только расположение подворных участков, а не их размер). В этом уезде выкупные платежи, несмотря на то, что сумма их распределена в выкупных актах по домохозяйствам, все же ежегодно разверстываются по дворам. Совершенно такое же распределение выкупных платежей ежегодно совершается и у подворных владельцев Каменецкого и Гайсинского уездов Подольской губ.

Нам остается отметить последнюю характерную черту раскладок платежей в общинах. При крайней ограниченности размеров крестьянского землевладения и при сравнительно высоком обременении крестьянской земли платежами трудно было бы ожидать, чтобы община давала крупные льготы при раскладках беднейшим из своих членов. Можно думать, что такие льготы были бы и многочисленнее, и распространеннее, и существеннее по своим размерам, если бы сборы, лежащие на общине, находились в лучшем соотношении с чистым доходом крестьянского хозяйства. Но так как такого соотношения не существует и самый этот чистый доход является крайне проблематичным в массе местностей, то невозможно ожидать особенно широкого распространения и льгот при раскладке. Характерно, однако, то, что они

существуют, и даже не особенно редко. В огромном большинстве губерний, как показывает наш материал, такие льготы практикуются в весьма разнообразных формах, а это указывает на то обстоятельство, что общине далеко не чужда мысль об установлении такого минимума доходов, который избавляется частью или совсем от обложения. В Гдовском уезде Петербургской губ. бывают случаи, что бобылям, старухам и т.п. отводят бесплатно кусок земли для избы и огорода. Льготы по обложению (не объяснено какие) «ввиду имущественного положения домохозяев» допускаются иногда в Петрозаводском, Каргопольском и Повенецком уездах Олонецкой губ. В Кемском уезде Архангельской губ. льготные обложения дворов захудалых или временно нуждающихся бывают обыкновенно в случаях долговременного отсутствия хозяина, его смерти или смерти единственного работника в семье. В Кадниковском уезде Вологодской губ. бывают случаи снятия оклада с захудалых домохозяев и разверстки его поровну между остальными односельчанами. Сравнительно много случаев льгот по обложению встречается в Сольвычегодском и Устюгском уездах той же губернии; здесь льготы предоставляются не только отдельным домохозяевам, но и целым селениям по случаю временных бедствий (напр., пожар, наводнение и т.д.) или по состоянию бедности (хроническая захудалость, занесение песком части надела и т.д.). Снимают также оклад иногда с малолетних сирот, со слабых здоровьем нижних чинов; также в случае поступления члена домохозяйства в военную службу уменьшают оклад на целую душу. Весьма важно отметить, что в двух последних уездах снятая часть платежа разверстывается не между всеми остальными домохозяевами, а только между некоторыми более состоятельными. В Вятской губернии (Вятский, Нолинский, Слободской, Орловский) часть платежей иногда снимается с захудалых хозяев, а разверстывается между остальными членами общества; в Яранском уезде

той же губернии «общество иногда предоставляет некоторые льготы домохозяину старательному, но обремененному большим семейством: освобождает его от выбора на общественные должности, от караула, от поставки подвод или отводит ему полосу получше. В том же уезде по особым мирским приговорам производятся иногда сборы в пользу погорельцев, причем часть этих сборов иногда обращается на уплату податей. Льготы по обложению слабосильных домохозяев (не объяснено какие) встречаются и в Пермской губ. В башкирских волостях Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. льготы по обложению захудалых определяются самой системой раскладки повинностей — по достатку каждого плательщика»; в том же уезде и в Троицком неспособные к работе и калеки обыкновенно не подлежат обложению. Платежи уменьшаются для захудалых и в Златоустовском и Бирском уездах Уфимской губернии. Эта категория домохозяев, равно и те, кого постигло временное бедствие, получают по крайней мере отсрочку платежей в Алатырском уезде Симбирской губернии. В Пензенском уезде с таких домохозяев снимают иногда часть сборов, которые разверстываются между остальными членами общества. В Балашовском уезде Саратовской губ. допускается иногда уменьшение оклада, а в Царицынском — уплата его из арендных общественных статей для захудалых домохозяев. В Воронежской губ. «мир иногда платит подати за стариков, за захудалых или пострадавших от временных бедствий, за «бабьи семьи», не отнимая у них надела; такие «мироплатимые души» исключаются из счета и раскладка производится на остальных. в Бирючинском уезде мир принял на себя за время с 1889 до 1891 года уплату податей за 43 надела, в Острогожском уезде по отношению к захудалым домохозяевам «допускается отсрочка платежей на год или два, после чего, в случае неуплаты, надел отбирается». В Астраханской губ. льготное обложение нуждающихся дворов практикуется в уездах Астраханском,

Енотаевском и Царевском. Сложенные этим путем платежи покрываются обыкновенно из мирских сумм или разверстываются между остальными домохозяевами; такие же льготы предоставляются и в Донской области в случаях временных бедствий (пожар, градобитие, крупная потрава); сложенная часть оклада или разверстывается между остальными домохозяевами, или покрывается из мирских сумм[1]. Совершенно аналогичные сведения имеем и из Херсонской губ., где, однако, такие факты встречаются, по-видимому, гораздо реже. В Аккерманском уезде Бессарабской губ. из мирских сумм покрывались недоимки по мирскому сбору с заменою этого платежа натуральной повинностью: этапною, подводною и дорожною. Случай «освобождения беднейших хозяев от части причитающегося с них оклада сборов известен по Валковскому и Сумскому уездам Харьковской губернии; в некоторых обществах Валковского уезда постановлено остатки 6 раскладок (колеблющиеся от 2 до 75 руб.), образующиеся при округлении долей, употреблять на уплату податей за беднейших домохозяев». В двух волостях Сумского уезда общества берут на себя половину платежей, лежащих на вдовах, имеющих малолетних детей. В Тимском уезде Курской губ. сельские общества иногда освобождают от платежа податей крестьян, которых постигло случайное бедствие, и возлагают на них обязанность содержать подводу для сельских должностных лиц, держать въезжую избу и т.п. В Чернском и Новосильском уездах Тульской губ. уменьшают платежи тех, кого постигло временное бедствие (пожар, падеж и пр.), а в Алексинском иногда освобождают от оклада нуждающихся вдов. В Касимовском уезде Рязанской губ. льготы при раскладках практикуются в двух селениях. Сложение платежей с захудалых домохозяев составляет постоянное явление в уездах Вязниковском, Суздальском и Александровском

[1] В Ростовском уезде выдается из мирских средств безвозвратное пособие погорельцам, вдобавок страховой премии, по 50 — 100 рублей на домохозяина.

Владимирской губ., платежи эти разверстываются между остальными домохозяевами. В последнем уезде есть селения, где родители новобранцев пользуются их наделами в течение года бесплатно; подати платит за надел общество. В одной волости Судогодского уезда на каждый погорелый двор делается по волости сбор по 10 руб. В Ковровском уезде бывают уплаты из мирских сумм (преимущественно из арендных сумм за питейные заведения) всего или части оклада за отдельных домохозяев или даже за целое общество. В Угличском уезде Ярославской губ. платежи иногда снимаются с захудалого домохозяина и раскладываются на всех остальных. Аналогичные льготы встречаются в Галичском и Буйском уездах Костромской губ.; в двух волостях Кинешемского уезда той же губернии, населенных раскольниками, «установился обычай вносить обществом годовой оклад податей за домохозяев, потерпевших от пожара; в том же уезде выделяется одна волость — Георгиевская, — где случаи взноса податей за обедневших часты». В Новоторжском уезде Тверской губ. старики и бобылки иногда освобождаются от усадебного сбора на мирские расходы. В Подольском уезде Московской губ. общество освобождает иногда от уплаты сборов вдов с малолетними детьми и раскладывает этот платеж на остальных домохозяев. В Медынском уезде Калужской губернии известны случаи освобождения вдов от уплаты повинностей за находившиеся в их пользовании двухдушевые наделы, пока дети не подросли: затем общество вводило эти домохозяйства в денежную раскладку в половинном размере, а по достижении детьми семнадцатилетнего возраста оклады дворов были определены уже в полном размере. В Лихвинском уезде той же губернии снятая с захудалых домохозяев часть оклада разверстывается между всеми остальными на общем основании.

Приведенные факты не имеют всеобщего распространения. В одних губерниях они встречаются чаще, в других —

реже, в иных — даже в единичных только случаях. Но они рассеяны по всей России и драгоценны в том отношении, что свидетельствуют о возможности для общины облегчать тем или другим способом податное бремя беднейших своих членов. Кто взялся бы утверждать, что это явление не сделалось бы всеобщим, не вылилось бы в более определенные формы, не вошло в раскладку ее органической частью, если бы наша податная система подверглась изменениям и если бы крестьянские платежи могли бы более соответствовать доходности хозяйства общинников? Ведь произвела же весьма большая часть русских общин переделы по улучшенным системам, как только размеры казенных сборов были лишь несколько сокращены вследствие отмены подушной подати и уменьшения выкупных платежей. (…)

Суммируя все, что сказано было об общинных раскладках, прежде всего отчетливо выступает на первый план стремление схода достигнуть возможной пропорциональности платежей доходности хозяйства плательщиков. Важнейшим источником дохода крестьянина была и есть земля в тех местностях, где она «оправдывает» платежи. Где она их не «оправдывает», там она служит все-таки главнейшим фактором для их покрытия. Поэтому при разверстке подавляющей части крестьянских повинностей размер земельных участков остальных домохозяев и служит универсальной раскладочной единицей. Но мы уже знаем, что в распределении самых участков между общинниками нет того случайного, произвольного момента, который имеется налицо в распределении участков подворных. Эти составляются путем первоначальной отмежевки и целого ряда гражданских актов, ничего общего с «равнением» не имеющих (купля — продажа, дарение, завещание и пр.). Те же образуются путем общего и частного перераспределения их между пользователями на основании какой-либо принятой системы. А известно, что при переделах происходит «равнение» общинной земли не только коли-

чественное, но и качественное. При этой разверстке общиной уже соображены все те особенности личного и хозяйственного состава двора, которые оказывают влияние на колебание размера землепользования. Следовательно, при раскладке платежей общиной «по земле», во-первых, уже тем самым принимаются во внимание все эти особенности, а во-вторых, — устанавливается соответствие между обложением и теми средствами производства, заключающимися в земле, которые могут быть предоставлены общиной в распоряжение ее членов. Не ее вина. если при этом получается иногда только распределение минусов. Размер платежей, как было упомянуто, от схода почти не зависит. Мир делает, что может, и разверстывает ту податную тяготу, что установлена не им. Но получаются ли только минусы, или имеются в наличности и плюсы (в смысле соотношения доходности общинной земли с лежащими на ней платежами), все равно — община уравнивает те и другие между своими членами пропорционально тем признакам, которые характеризуют при местных условиях хозяйственную силу двора.

Но не везде полевая земля может служить достаточным мерилом платежеспособности двора. Проводя принцип пропорциональности обложения, община во многих местностях не может ограничиться при раскладке одним этим критерием. При разнообразных условиях хозяйства в разных уездах вводятся и другие признаки, помогающие практиковать последовательнее упомянутый основной принцип, которым руководится община. Такими признаками служит то скот, где скотоводство играет сравнительно большую роль в хозяйстве, то размер усадеб, где они особенно доходны (огородничество), или распределяются неравномерно между общинниками, то заработки, поскольку община может уследить за их доходностью, то число наличных душ, где борьба против ревизской, неравномерной разверстки земли еще не закончилась, то частное землевладение отдельных домохозяев, где

община оказывается в силах подчинить себе в этом отношении деревенских «богатеев», «богатырей», разного рода земельных промышленников и т.п., то, наконец, несколько разных признаков одновременно, судя по назначению, для которого устанавливается тот или иной сбор.

Но есть и в общинной раскладке платежей одна область, в которой имеются налицо признаки архаического «равного» налога. Это — обложение безземельных, того населения деревни, которое не имеет права пользования общинной землей. Едва ли, однако, община может в данном случае применить какую-либо иную систему. Никакой промысловый налог и никакой налог на потребление установлен сходом быть не может. Для этого у него нет ни достаточных прав, ни подходящих средств.

Однако обложение этих лиц мирскими сборами является и нужным для плательщиков-общинников, и согласным с требованиями справедливости. «Равный» налог, при всем своем несовершенстве, является в таком случае единственно возможным. И подворные губернии не выработали в этом направлении, как уже упомянуто, ничего иного. И там нигде не встречается другой системы обложения, кроме поголовного.

В общинной раскладке разного рода сборов есть зато и другая сторона, принципиальное значение которой представляется весьма важным. При всех неблагоприятных условиях, которые окружают ее жизнь и развитие, при крестьянском малоземелье, при несоответствии доходов с общинной земли с платежами, при наличности того факта, что во многих местах надел «не оправдывает» лежащих на нем налогов, при всем этом община все-таки умудряется вводить некоторый проблеск прогрессивности обложения, заключающийся главным образом в установлении чего-то похожего на Existenziminimum, выставляемый финансовой теорией в качестве крупного постулата.

Конечно, это явление, о котором я говорю, не есть «Existenziminimum» в точном смысле. Если бы община применяла соответственное понятие во всем его объеме — в значении того минимума, не подлежащего обложению, который безусловно необходим для удовлетворения первых насущных потребностей плательщика, ей пришлось бы в очень многих местах, пожалуй, освободить 9/10 своих членов от уплаты каких бы то ни было сборов. Этого она, очевидно, достигнуть не может по внешним причинам. Но она делает, что может. Упомянутый минимум нередко, несмотря ни на что, все же ею устанавливается, но лишь в относительном смысле. От обложения освобождаются не все те, которые отнимают от себя для уплаты различного рода повинностей часть средств, необходимых для удовлетворения своих первых потребностей, а лишь беднейшие из них. На первом плане стоят, конечно, при этом те, рабочие силы которых минимальны — сироты, калеки, неспособные к труду, вдовы, «бабьи семьи», далее следует разряд домохозяйств, потерпевших от временных, острых несчастий (наводнение, пожар, падеж и проч.), наконец, все захудалые дворы, т.е. те, сравнительная бедность которых приняла хронический характер по каким бы то ни было причинам. Относительно всех трех категорий применяется правило: ожидать поправки их имущественного положения и пока освобождать их от всего или части оклада. Если помощь первым двум категориям домохозяев напоминает простую благотворительность, «общественное призрение», то льготы последней категории, бесспорно, выходят за пределы последнего и носят вполне «общественно-хозяйственный» характер. Если такое явление не часто практикуется, то следует помнить, во-первых, что количественного учета таких факторов, научно-статистического массового исследования их еще не произведено, а во-вторых, что при упомянутых фискальных условиях, в которых находится современная община, следует удивляться не тому, что такие льготы рас-

пространены менее, чем то было бы желательно, а что они вообще существуют, хотя бы и в малой части общин.

Припомним, что в подворных губерниях от обложения не освобождается нигде никто, кроме пострадавших от временных, острых бедствий, и то лишь в редких, исключительных случаях.

Сложенные таким образом платежи разверстываются между всеми остальными домохозяевами. Общинники в этом случае платят за них собственные деньги. Мало того, община иногда обнаруживает в таких случаях явную тенденцию к прогрессивности обложения. Выше мы цитировали сообщение из Вологодской губернии о том, что такая разверстка сборов, снятых с беднейших, там производится иногда не между всеми, а между «некоторыми более состоятельными» хозяевами, а в Сычевском уезде Смоленской губернии, как указано, при обложении мирскими сборами «купчей» земли более состоятельных крестьян, безземельные совсем освобождаются от таких платежей.

Наконец, нельзя не видеть проявления той же тенденции и в обложении усадеб. Было уже сказано, что привлечение этого угодья к платежам в сравнительно больших размерах не всегда вытекает из большей его доходности, а часто — просто из факта концентрации усадебных мест в руках более состоятельных домохозяев. В этом случае объект обложения имеет значение лишь симптома, показателя большей платежеспособности, а не играет роли источника дохода. Едва ли может подлежать спору, что большее обложение дворовых мест при таких условиях может состояться лишь при условии понимания сходом больших выгод от прогрессивности раскладок.

Таким образом пропорциональность разверстки платежей с некоторыми поправками этой системы в смысле прогрессивности — таковы характерные черты тех приемов, которыми сходы выполняют свои фискальные функции.

Картина обложения в подворных губерниях, очевидно, составляет полную противоположность очерченной. Отсутствие разверсток выкупных платежей, раскладка остальных по голому признаку размеров землевладения без соотношения с другими особенностями личного и имущественного состава двора, распространенность «равного» обложения, появление даже поголовной подати с лиц, владеющих землей, наконец, полное отсутствие льгот для беднейшей части населения — все это весьма далеко от тех принципов, которые составляют основу общинного обложения. И если бы, в силу особых причин, податная тягота западных губерний не была значительно слабее такой же тяготы общинной России, весьма возможно, что установившаяся там система раскладки отразилась бы немалыми потрясениями для местного хозяйства.

ОБЩИНА
И АРТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЭНГЕЛЬГАРДТ Александр Николаевич
1832 — 1893

Известный ученый и публицист, на собственной практике убедился в преимуществах общинного и артельного хозяйства. В своем имении организовал образцовое высоко эффективное хозяйство. Главный его вывод — хозяйственный прогресс в сельском хозяйстве России возможен не в помещичьем, не в фермерском хозяйстве, а только в общинном крестьянском, существующем на артельных началах. Артель позволяет соединить склонность русского крестьянина работать самостоятельно с навыками коллективного труда. Как вариант решения помещичьего вопроса предлагал сдачу помещичьих имений в аренду крестьянским общинам.

Все дело в *союзе*. Вопрос об артельном хозяйстве я считаю важнейшим вопросом нашего хозяйства. Все наши агрономические рассуждения о фосфоритах, о многопольных системах, об альгаусских скотах и т.п. просто смешны по своей, так сказать, легкости.

У меня это не какое-нибудь теоретическое соображение. Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата, (а когда я садился на хозяйство, я думал совсем противное), изучив помещичьи и крестьянские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию,

для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь, в деревне, выросшее, окрепшее.

Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать? И наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное?

Вот почему в одной из моих статей я говорил про крестьянское хозяйство:

«Хлеба никогда не хватает на прокормление, а чуть неурожайный год, крестьяне уже с декабря начинают покупать хлеб. А между тем дайте в мои руки ту же землю, тот же труд, то же количество скота — и в несколько лет я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлеба не только хватит на прокормление, но еще и продавать будет что. Стоит только для этого уничтожить нивки, разделить землю на десятины и *обрабатывать землю сообща.* Я не только твердо убежден в этом, но знаю, что с этим согласится каждый крестьянин. Зажиточность не разделившихся дворов разве не доказывает этого?»

Описав там же мое хозяйство, я закончил статью следующим образом: «Я достиг в своем хозяйстве, можно сказать, блестящих результатов, но будущее не принадлежит таким хозяйствам, как мое. Будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые будут *сами обрабатывать* свою землю и вести хозяйство не единолично, каждый сам по себе, *но сообща.* И далее я говорю: «Когда люди, обрабатывающие землю собственным трудом, додумаются, что им выгоднее вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки».

И додумаются.

Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее, что разделы причиною обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина? Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может переносить все переносящий мужик. Не в мужике ли оно? Вот у мещан, у купцов дележей гораздо меньше — там вся семья работает сообща: один брат дома торгует, другой по уезду ездит, третий в кабаке сидит и все стремятся к одному — сорвать, надуть, объегорить. Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной, самостоятельной жизни, что он более человек, чем поэт, более идеалист?

Если бы крестьянские семьи, расходясь жить по разным домам или по разным углам дома — бывает иногда, когда не на что выстроить новую избу, что живут и в одной избе в разных углах, — в то же время не разделяли хозяйства и сообща обрабатывали землю, подобно тому, как это бывает в купеческих семействах, где иногда, разделившись и живя в разных домах, все-таки ведут торг сообща, то уже одно это имело бы громадное значение. Но я даже не видел таких попыток, и трудно предположить, что люди, озлобленные друг против друга, как это всегда бывает при разделах, могли согласиться на общее дело. Гораздо скорее согласятся на это чужие, даже целая деревня, чем разделившаяся семья.

Мне часто случается сдавать крестьянам покосы из части на том условии, чтобы убирали сообща и затем делили готовое сено. Дело всегда идет отлично. Так, одна соседняя деревня ежегодно косит у меня с половины довольно большой луг, и косит *всей деревней,* потому что после покоса этим лугом и прилегающими пустошами деревня пользуется для выгона лошадей и скота. Крестьяне сначала хотели убирать луг вразделл, нивкми, каждый двор отдельно — так убирают они свои собственные луга и луг соседнего помещика — но я на это

не согласился. Теперь, когда привыкли, оно уже так и идет из года в год, и сами крестьяне довольны, потому что при покосе сообща весь луг убирается сразу, до Казанской, когда крестьяне еще не приступили к своим покосам, и скорее поспевает для выгона, тогда как при покосе враздел тот, другой могут опоздать покосом, затянуть, и неубранная нивка будет препятствовать выгону скота. На покос деревня выходит вся зараз. Тотчас — это совершается чрезвычайно быстро — делят часть луга на нивки по числу кос, и каждый гонит свою долю и т.д. Весь луг скашивается зараз, хотя и враздел, по нивкам. Я этому не препятствую, потому что это не производит никакой разницы в хозяйственном отношении. Косить сообща, огульно, идя в один ряд, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорят они, в деревне косцы *перинные,* не все косят одинаково хорошо, а так как сено делится по числу кос, то выйдет несправедливо. На уборку сена деревня высылает людей по числу кос, и уже эта работа производится сообща, причем распоряжается один из крестьян, пользующихся доверием деревни. Он смотрит, чтобы все хорошо работали и клали копны равной величины. Затем половина копен перевозится ко мне, а другую половину крестьяне делят между собою по числу кос.

Мне случалось также сдавать покосы из части не целой деревне, а небольшим артелям из четырех — пяти человек. Так как в артель подбираются по взаимному согласию *ровные* между собою косцы, то они уже вовсе не делят покос на нивки, даже для косьбы, но косят сообща все подряд, убирают вместе и делят сено по числу кос.

АРТЕЛИ
В ДРЕВНЕЙ И НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

КАЛАЧОВ Николай Васильевич
1819 — 1885

Приступая к исследованию об артелях, мы не можем иметь в виду рассмотреть со всех сторон это характеристическое явление в жизни и отношениях наших простолюдинов, так как для полного и удовлетворительного объяснения его еще недостает надлежащего количества материалов. Имея, однако, в виду важность этого явления, на которое в настоящее время обращено справедливое внимание, мы считаем небесполезным предложить здесь собранные нами сведения: 1) касательно артелей древней России: 2) об артелях, ныне существующих: 3) об относящихся к ним законодательных постановлениях. В заключение представим выводы, вытекающие из этих данных, и приложим те из полученных нами подлинных документов, на основании коих образовались и действуют некоторые артели.

I

Артель, в смысле товарищества нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами или только последними для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга, — есть явление, встречающееся у нас еще в глубокой древности, а названием своим оно указывает на отдаленные, а именно тор-

говые, связи наших предков с восточными народами, в языках которых этим словом означаются *общины и товарищи.* Первые следы такой ассоциации находим мы еще в XI и XII столетиях в правительственных постановлениях, коими дозволяется *вкладываться* в общество, учреждаемое для какой-нибудь общеполезной цели. Именно, уже в «Русской Правде», древнейшем памятнике светского законодательства в нашем отечестве, встречается указание на круговую ответственность, которой обязаны в отношении платежа *дикой виры* (денежной пени) за убийство, учиненное в *верви* (округе), все *сложившиеся в дикую виру* или составляющие *дружину.* Эта круговая ответственность имела место в том случае, если убийца *(головник)* был известен и, находясь налицо, принадлежал к дружине; но размер пени, падавшей на каждого из членов, был, кажется; неодинаков. смотря по различию убийства: при вире в 80 гривен дружина могла даже платить только половину, в которой должен был участвовать и убийца, а остальное платил сам *головник:* за разбойника же никто не должен был платить, он выдавался *на поток с* женою и детьми. Другое любопытное указание на подтверждаемую правительством ассоциацию находится в известной грамоте (начала XII века), данной новгородским князем Всеволодом-Гавриилом Новогородской церкви Иоанна Предтечи («на Петрятине дворище»). При этой церкви производился, как известно, вес воска, продаваемого местными и иногородними купцами, привозившими его в Новгород: *низовыми,* полоцкими, смоленскими, новоторжскими. Право на вес, на основании грамоты, предоставляется князем только *купечеству Иванскому,* названному так от церкви, к которой они были причислены или при которой состояли. В купечество это нельзя было поступать иначе, как давши *вкладу* 50 гривен серебра и тысячскому ипрское *(ипьское)* сукно. Давший вклад получал название *пошлого* купца, впрочем, можно было сделаться пошлым купцом и *отчиною,* т.е. это звание и соеди-

ненные с ним права переходили также по наследству. Кроме купцов, в состав Иванского общества входили трое старост от житьих людей, тысячский от черных людей и двое старост от купцов, коим вверялось все управление делами Иванскими: торговыми, гостинными и суд торговый (конечно, только в отношении продажи воска). Деньги, вырученные за вес, поступали в *дом святого, великого Ивана,* т.е. в церковную сумму; но из них — и в этом состояла, кажется, вся выгода Иванских купцов — предоставлялось купецким старостам и купцам брать на всякий праздник Иоанна Предтечи, на вечные времена, по пятнадцати гривен серебра. К сожалению, более сведений о взаимных отношениях между членами этой общины мы не имеем.

Скудость дошедших до нас материалов столетий XIII, XIV и XV составляет, вероятно причину, почему в числе их мы не находим актов, в которых артельное товарищество было бы выражено вполне наглядно; но на существование его в этот период времени указывают довольно ясно как известия, сохранившиеся в памятниках о торговых и других *складчинах* и *ватагах,* так и название *товарищей,* которое давалось складчикам. Имея в виду эти данные, мы не сомневаемся связать их непосредственно с теми сведениями, какие во множестве находим о существовании у нас артельных союзов в XVI и особенно в XVII веке. Впрочем, самое слово *артель* встречается в первый раз в актах лишь в половине XVII столетия, зато в том тесном юридическом значении, которое выражает товарищество равных между собою лиц, согласившихся действовать заодно в промышленном предприятии.

Материалы, на коих мы должны по преимуществу остановиться для изучения артелей в древней России, распадаются на следующие три отдела: только, к сожалению, два акта суть артельные записи в собственном смысле, т.е. представляют условия или договоры, заключенные между артельщи-

ками и теми лицами, у которых они обязываются исполнить какую-либо работу, или что-либо нанимают; третьи, известные под названием *поручных записей,* относятся к содержанию артельных товариществ не прямо, но тем не менее очень ясно обозначают их состав, разнообразные предприятия, для коих они соединялись и важность, которую они имели в современном обществе. Независимо от этих договорных актов, о существовании артелей и товариществ для некоторых предприятий и промыслов мы находим ясные указания в современных грамотах и других источниках.

Чтобы в большей полноте представить характеристические черты нашей древней артели, мы остановимся прежде всего на содержании двух первых из вышеозначенных актов, которые суть *артельные записи* в собственном смысле.

Одна из этих записей — 1654 г. января 25. В нашем издании юридических актов мы назвали ее *артельною,* потому что сами товарищи называли себя «артелью», и все принадлежащее к этому товариществу «артельным». Самая артель, указываемая в настоящем акте, состояла из трех товарищей, взявших на трехлетний откуп сбор полшины на таможнях Арзамасской и в селах Ичалове, Стексове и Гремячем. Каждый из них сверх того принял на себя *на пай по человеку для своей перемены,* также с именем *товарища* своего, но так, что каждый заключил особое с своим товарищем условие *для укрепления его за собою.* Во всяком случае, эти товарищи представляются по акту лишь в значении поверенных, заступающих место главных товарищей, когда в том встретилась бы необходимость. Сущность артельного договора заключается в следующем. Назначение кого-либо из товарищей к той или другой таможне должно делаться всей артелью («кого похотят товарищи где тому быта… куды всею артелью не пошлют») и нельзя от назначения отговариваться, а напротив, следует артель *во всем слушать.* Запрещаются ссоры, брань, дурное поведение, игра в карты и зернь и предписывается уважение

и почтение к прочим товарищам. Никто не вправе брать какой-нибудь подарок или почесть помимо артели и свозить ее *украдом* на сторону. Нанимать посторонних людей для сбора пошлин товарищи должны не иначе как сообща. В случае иска на ком-либо из артели «в таможенном деле», что случалось в «откупных городах», и убытков, понесенных ответчиком, все потери уплачиваются «из артели». Откупные деньги должен отвозить в Москву один из артельщиков, «кого артелью излюбят»; дорожные же расходы возмещаются также сполна «из артели». Не исполняющий какого-либо из этих правил подлежит взысканию трехсот рублей пени и лишается *заводных* денег, т.е. вкладного капитала, внесенного им при вступлении в артель, и если он не подчинится этому добровольно, то прочие артельщики выговаривают себе право жаловаться на него судебным порядком всею «артелью». Количество упоминаемых здесь заводных денег в акте не определено; но сказано, что по откупу в таможнях Арзамасской и Стексовской все трое товарищей положили паи поровну. Наконец, в случае смерти кого-либо из товарищей, наследникам его выделяются как заводные его деньги, так и причитающаяся ему прибыль, а на место его поступает в артель брат его, сын или кто другой, «кому он прикажет». Наклад разверстывается также между товарищами поровну, по паям. В заключение акта говорится, что он вручается *третьему с* тем, чтобы в случае спора он выдал его «правому на виноватого», с докладу воеводе при «добрых людях», и «всем артельщикам вместе» (т. е. за исключением виноватого).

Другая принадлежащая сюда запись называется в подлиннике *складной.* Она писана в 1635 году 25 апреля и имеет своим содержанием условие о взаимных отношениях между двумя товарищами, согласившимися «торговать и промышлять» в сибирских городах. Сложилися мы, — говорят товарищи, — русским товаром и деньгами полюбовно на 297 рублей, заняв этот товар и деньги вместе, по кабалам, выдан-

ным нами также «свопча, вместе». Далее товарищи договариваются торговать и промышлять вместе, «за един человек», кабалы выкупать также сообща и вообще прибыль и наклад делить пополам. Касательно выполнения правил о послушании друг другу, о честности в расчетах и добром поведении здесь поставляется то же, что и в предыдущем акте. В заключение именуются свидетели, присутствующие при совершении этой записи.

Договоры между артельщиками и посторонними лицами по предмету их занятий, найма и даже займа открывают нам самые разнообразные цели товариществ, составлявшихся в древней Руси. Но как и *поручные записи,* хотя имеют целью лишь укрепление таких договоров со стороны артельщиков перед теми, кому они в чем-либо обязывались, содержат в себе вместе с тем чрезвычайно любопытные указания не только на занятия и промыслы артелей, но и на правила, которым они в этом подчинялись, то мы соединим данные, встречающиеся в актах того и другого рода, а также и в прочих источниках, чтобы исчислить разнообразные артели, существовавшие у нас в XVII веке, и по возможности осветить их внутренний быт, т. е. отношения артельщиков между собою и в особенности к посторонним лицам, с которыми они вступали в договоры.

1. Артели ярыжных

Две записи, одна 1642 г., другая 1653 г., сохранили нам черты этих товариществ, весьма сходных с нынешними артелями. Обе они суть поручные, взятые Лысковцем Василием Обросимовым, который в первой записи называется приказчиком, а во второй торговым человеком, по ярыжных, обязавшихся ему по первому акту *идти в тяге,* на астраханском судне, от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, о по второму нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге с грузом вниз по Волге в Астрахань. Об ярыж-

ных, обязавшихся в тяге, говорится в записи, что они должны «тянуть канат и всяким струговым ходом и в завозне ездити, и всякую судовую работу работати против нижегородских ходовых судовых записей», если же судно станет *на костях и на мелях,* то *снимать* его «и в воду с рычаги лазити, и перепауживатись, и по паузки ездити, и паузки назад привозити». Другие ярыжные, нанявшиеся ехать со стругом, должны были «грести весла, бить в поносную, угребать от островов, берегов, карш, песков и проносов», а в случае, если судно станет на мель, снимать его, перекладывать груз в малые лодки, перевозить его на берег и обратно с берега в судно и проч. Сверх того они обязывались перед приездом в Астрахань «высечь в лесу на всякого человека по сохе да по два честики» и поставить в Астрахани лубяной амбар, в который и укласть хозяйские запасы и товар и прочую кладь выгрузить из струга «на обруб». Число всех ярыжных по первому акту шесть человек, и все они приняты за поруками; по второму акту всех ярыжных восемь, также с поруками, но из поручившихся двое сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в тот же струг. Наемной платы дано первым по четыре рубля без 10 алтын и по три рубля на человека; сверх того они должны были получать «готовый хлеб и харч»; о наемной плате вторых сведения в акте не уцелело, но «на хлеб и вологу» они уговорились получать по рублю на человека. Часть наемной платы была взята теми и другими вперед — в задаток, а остальную сумму им следовало выдать — первым в Казани и Лыскове, а вторым в Астрахани по выполнении ими договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства за него отвечает поручившийся по нем уплатою понесенных хозяином убытков и сверх того за выданные ярыжному задаточные деньги платить вдвое. В акте 1642 г. ярыжные обеспечиваются также от притеснений со стороны хозяина: он не вправе, сказано здесь, заставить их выгружать из хозяйского судна соль и ры-

бу, не в праве вычитать у них деньги за лыка, канаты и проч.: если же судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные все-таки условленные деньги получат сполна; а в случае болезни ярыжного хозяин обязан перевезти его в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу.

2. Артели каменщиков

В одном еще не напечатанном акте находятся следующие любопытные сведения об одной такой артели, взявшей на себя в 1686 г. июля 14 у колокольного мастера Маторина сделать в Москве два погреба «с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами». Всех договаривающихся каменщиков исчислено в записи 14 человек, принадлежащих к разным селениям костромского и ярославского уездов, монастырских и помещичьих. Они рядятся заодно, ручаясь друг за друга круговой порукою. За подобным исчислением и описанием принятой ими на себя работы, в акте I сверится, что все припасы должны быть хозяйские, а латки и шайки каменщиков. Подрядная сумма назначена в 105 рублей, из коих взято в задаток 40 рублей, а остальное получать «как понадобится». В случае неисполнения каменщиками подрядных работ или даже плохой кладки хозяину предоставляется взять на том из каменщиков, *кто будет в лицах,* 200 рублей пени.

3. Артели плотничьи

О существовании этих артелей мы знаем из двух записей о постройке и починке мостов, заключенных разными крестьянами с казначеем Вяжицкого монастыря, 1598 года, и из одной записи, которою Верхотурские ямские охотники обязались казенным целовальникам сделать в казну два дощаника. Впрочем, во всех этих актах, из коих особенно любопытен последний по заключающимся в нем подробностям касательно самой постройки судов, для нашей цели заслуживает особенного внимания, кроме условия о цене работы,

оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения принятых на себя ими обязанностей, они подвергаются платежу пени, *что Государь укажет,* а работу должен все-таки окончить тот. «кто будет из них в лицах».

4. Артели рыболовов

Сюда, без сомнения, может быть отнесено товарищество, подрядившееся на рыбную ловлю у игумена Кириллова монастыря в 1577 г. июня 2. Договаривающиеся обязываются давать игумену или его старцам во все время лова (от Петрова заговенья до Дмитриева дня) ежедневно четвертую часть улова (четвертую рыбы); в противном же случае должны заплатить сто рублей пени, которые надлежит взыскать с того, кто из них будет налицо.

5. Артели бортников

На товарищества для выемки меду из бортей указывают два дошедшие до нас акта 1663 года, из коих один есть договор, заключенный двумя русскими крестьянами с игуменом Макарьева Желтоводского монастыря, а другой — договор, с ним же заключенный одиннадцатью черемисами. В первом из этих актов договаривающиеся упоминают, что, хотя они приняли к себе еще трех бортникв «подушенников», но все они будут «ходить заодно». За бортное ухожье они обязываются платить оброк, в лес никого не пускать, дельного лесу самим не рубить и «борти с пчелами не пустошить», в противном же случае должны заплатить заряду по записи 50 рублей, а за дерево и пчелы по Уложенью. То же повторяется и в другом акте.

6. Артели чернорабочих

Сюда относятся два в высшей степени любопытные акта, свидетельствующие о существовавшем и в XVI веке найме для черных работ вольных людей, составивших между собой

товарищество именно с этой целью: они напечатаны в Архиве Историческ. и практ. свед. о России 1859 г. в кн.1. 151

Это две наемные записи 1700 г. в обеих за изложением *наймитами-товарищами,* в первой в числе трех семейств, а в другой в числе двух семейств, принимаемых на себя работ на срок (семилетний по первому акту и трехлетний по второму) у помещика Григория Сабанина в его деревне Сычевке (Симбирской губ.) они говорят:

«Мы наймиты не боярские и не властелинские и не монастырские крестьяне и не дворовые чьи люди беглые, великого государя *вольные люди из разных городив, друг друга меж собою знаем, все добрые и не воровские люди»,* и ручаются друг за друга *голова в голову,* а в случае невыполнения кем-то из своей среды обязанностей по договору или бегства, дурного поведения, воровства и т.п., обязываются платить сообща все понесенные хозяином убытки.

Самое условие о работах, на которые они нанимаются, заслуживает, по нашему мнению, особенного внимания, почему мы позволяем привести его здесь в подробности. Крестьяне-товарищи берутся пахать пашню, *раздирать* залоги, рубить лес, ставить строение, косить сено, возить дрова, жать и убирать хлеб, плотничать, кто умеет, и вообще делать все, что помещик заставит, причем работы должны исполняться на *своих лошадях.*

Жить они условливаются на хозяйской земле, без всякой за нее платы, и сверх того распахивать себе земли, сколько понадобится; но работать при этом на своем хлебе. За все это помещик обязан платить ежегодно большим по рублю, а середним и малолетним по полтине; деньги эти были взяты наймитами за все годы вперед.

7. Артели кортомщиков

Так называют себя в одном акте два товарища-крестьянина, взявшие в кортому (наем) лес и покос Жуковской пустыни

Солдомского монастыря на десять лет. К сожалению, этот акт есть противень, данный монастырским строителем крестьянам, и потому в нем исчисляются только обязанности к ним монастырской братии, а не обязанности самих крестьян. Поэтому любопытнее для нас другой акт, данный двумя священниками и двумя крестьянами архимандриту Рязанского Богословского монастыря на взятый ими на распашку луг, на 10 лет в числе 50 нив. Кроме определения наемной платы, кортомщики обязываются, если не будут пахать взятую ими землю, все-таки платить кортомные деньги, а убытки взять на том, «кто будет из них в лицах».

8. Артели извозчиков

Такие артели составлялись как для отправления *ямской* гоньбы, так и для перевоза или доставления из одного места в другое съестных припасов, денег, строительных материалов и т.п. сухим путем или водой (на лошадях и стругах). Из множества относящихся сюда актов, дошедших до нас от XVII века, частью уже напечатанных, укажем на одну подрядную 1655 г. марта 10 об отвозе из Новгорода в Витебск хлебных запасов, и на одну поручную 1605 г. по ямских охотниках. Первая дана была архимандриту Тихвина монастыря с братией артелью, составившеюся их трех ямщиков (ямских охотников), одного крестьянина монастырского, одного крестьянина черносошного и двух «вольных людей»; все они называют себя *извозчиками* и обязываются поставить монастырские запасы на 15 лошадях, с платою за каждую лошадь по 7 рублей, которые взяты ими были вперед. «А везучи нам, — говорят они далее, — те хлебные запасы, сухари и крупы дорогою и по станом, и по ночлегом беречь от всего накрепко от всяких лихих людей, окромя Божией воли и сильной руки, и тех хлебных запасов нам, извозчикам, по дороге своим небреженьем не подмочить и никакие хитрости не учинить», в противном же случае архимандри-

ту с братией взять «за подмоченные и недовозные запасы… по Витебской цене и убытки и волокита все сполна на вас, извозчиках». Поручною записью 1605 г. трое ямщиков костромского яма обязываются, за порукою исчисляемых в этом акте ямских охотников и посадских людей, отправлять за разные села Ипатьева монастыря ямскую гоньбу как сухим, так и водяным путем, именно:

«Государевых… посланников и гонцов на подводах отпущати и провожати безотступно, денно и нощно, от Семенова дни летопроводца (т. е. 1 сентября) 113 году да до Семенова ж дни 114 году». Для исправления этой гоньбы они должны держать на яму по три мерина добрых с седлами, санями и телегами и «со всякою ямскою поряднею». Наемной платы взято извозчиками за год на каждую лошадь 15 рублей, из коих они условились половину получить вперед, а другую половину 1-го марта. В случае неисполнения ими принятых на себя обязанностей или если они «с яму до сроку сбежат», поручившиеся — кто из них будет налицо — берутся заплатить пеню, «что государь укажет, и ямская гоньба, и убытки вдвое».

II

Об артелях со времени Петра Великого почти до конца XVIII века мы знаем несравненно меньше, чем об артелях XVII столетия, не потому, впрочем, чтобы такие товарищества исчезли или сделались редкими исключениями, но единственно по недостаточному знакомству нашему с памятниками этой эпохи. Наши археографы еще почти вовсе не касались драгоценных актов, относящихся к частной жизни народа в XVI веке и еще менее приступили к их изданию. Вот почему мы можем указать только на следующие артели, о существовании которых заявляется в законодательстве XVIII и XIX столетий: 1) артели *биржевые* в Петербурге; о занятиях и ус-

тройстве этих артелей я буду говорить ниже, а здесь замечу только, что в донесении Санкт-Петербургской Казенной Палаты Министру Финансов 1822 года в марте месяце прямо выражено, что «все состоящие в здешней столице биржевые артели, не имея на сие законного утверждения, существуют и занимаются промыслами по добровольному между собой условию»; 2) артели судорабочих и бурлаков; 3) артели ломщиков соли; 4) артели извозчиков; 5) артели, исполняющие разные горнозаводские работы. Дальше постараюсь я объяснить, в какой мере законодательство коснулось всех этих артелей; теперь же перейду прямо к обозрению вкратце разных существующих ныне артелей, насколько они известны как самому мне из практики, впрочем только хозяйственной, так и на основании сочинений, в которых упоминается о них с большими или меньшими подробностями.

Самые простые и вместе с тем настоящие товарищества в значении артелей представляют складчины двух, трех, а иногда и более лиц, соединяющих свои капиталы и труды для какого-либо предприятия: земледельческого, хозяйственного вообще, торгового или промышленного. Так, напр., весьма часто крестьяне или мещане нанимают сообща поля, сенокосы или рыбные ловли, потом обрабатывают эти поля, косят и убирают траву или ловят рыбу собственными трудами, а иногда употребляя для этого еще наемных людей, и затем делят между собой барыши, а подчас и убытки соразмерно вложенному каждым из них капиталу. Так, в помещичьих селениях уже теперь случается нанимать для пашни, полотья и уборки полей и для сенокоса рабочих, которые рядятся иногда артелями. Так, наконец, составляются очень часто небольшие товарищества для торговых оборотов: они закупают на общие деньги (складчиной) хлеб, скот и другие предметы сельского хозяйства, а также изделия промышленности ремесленной, мануфактурной и даже книжной, а потом делят между собой вырученные барыши соразмерно

капиталу, внесенному каждым на общее предприятие. Из таких товариществ те, которые состоят из незначительного числа лиц, напр., 2,3, не называются обыкновенно артелями. Напротив, рабочие, принимающие на себя исполнение какой-либо работы или вообще занимающиеся какой-либо промышленностью в большом числе лиц носят обыкновенно это название. Но в чистом виде, именно как ассоциации капиталом и трудом, артели существуют только в малых размерах. Как скоро является потребность в большем капитале, то, по недостатку денег в простом народе, к чистому началу артели присоединяется еще отношение между артельщиками и лицом, ссужающим этот капитал. Самый простой вид такого отношения есть тот, когда артель нужный ей капитал занимает, хотя бы даже с обязательством отдать капиталисту определенную долю барышей. Впрочем, весьма часто дающий капитал принимает сам непосредственное участие в занятиях артели, и тогда она получает совершенно иное значение. При этом случается нередко, что не артель приискивает себе хозяина, а наоборот, зажиточный мастеровой, напр., каменщик, плотник, сам составляет артель, нанимая рабочих из своих ли односельцев или из посторонних, за плату, в которой уговариваются с каждым рабочим особо, хотя, впрочем, в каждой местности эта плата довольно известна и определительна, смотря по возрасту и знанию дела рабочим и по времени, на которое он нанимается. Очевидно, что такая артель связывается только тем, что она имеет одного хозяина и большею частью исполняет работу сообща в одном месте. Но и между такими рабочими образуется обыкновенно настоящая артельная связь посредством соглашения их иметь общую пищу или общий стол. Такая *потребительная* артель поручает заведование своим хозяйством одному из своей среды, который и получает за это деньги от хозяина, вычитающего их впоследствии у каждого рабочего соразмерно их числу. Есть, впрочем, и такие артели, в которые рабочие

набираются хозяином под условием делить между ними заработки, которые и распределяются соответственно знанию дела каждого, а хозяину полагается особое вознаграждение. При этом случается, что рабочие попадают в руки обманщиков, которые, заподрядившись на работы и взяв задатки, оставляют приведенную ими артель на месте работы; впрочем, настоящими хозяевами или подрядчиками считаются такие, которые занимаются десятки лет своим промыслом и известны своей честностью.

Что касается, в частности, до разных артелей, существующих в настоящее время, то вот те сведения, какие мне удалось собрать о некоторых из них.

1. Артели биржевые

Из всех нынешних артелей артели *биржевые* должны быть поставлены на первом месте, потому что они уже успели сами собою выработаться в правильное учреждение и имеют каждая составленные ими самими правила, которыми они и руководствуются. Эти артели представляют еще ту особенность, что они обеспечивают исполнение своих обязательств не только круговой порукой, как это свойственно и прочим артелям, но сверх того страховыми суммами. К сожалению, собранные мною данные о биржевых артелях относятся только до артелей Петербургских и Московских, очерком которых я поэтому и ограничусь.

Биржевые артельщики имеют предметом своих занятий погрузку и выгрузку товаров на барже, упаковку их и стережение в складочных местах; они весят и провожают товары и сверх того исполняют разные обязанности у купцов, как то: в конторах в звании приказчиков, по посылкам (нередко с весьма значительными суммами), по домашней прислуге и проч. Все члены артели отвечают перед посторонними друг за друга, а самой артели каждый отвечает за себя капитальной суммой, без которой никто не принимается в артель.

Впрочем, подобных общих правил для действий и обязанностей артельщиков не существует и только из известных нам постановлений нескольких артелей можно извлечь некоторые одинаковые в них начала, состоящие в следующем.

Вступление в артель обусловливается, как мы сказали, взносом от каждого вновь принимаемого определенной в ее постановлении суммы (средним числом до 1000 руб. сер.), которая называется *вкупом. вкупными деньгами,* а также *новизной.* Эта сумма требуется в обеспечение исправного исполнения артельщиком его обязанностей. Впрочем, она редко вносится сполна при самом поступлении; обыкновенно артель, в которую вступает *новик* (так называется артельщик до уплаты всей вкупной суммы, в противоположность уплатившим ее, называемым *стариками},* довольствуется какой-нибудь частью ее (напр., по 3 руб. сер. на каждого артельщика), которая называется *передовыми деньгами,* а остальная затем сумма составляется вычетами в течение нескольких лет из заработанных денег; но если бы новик пожелал внести весь вкуп разом, то ему делается сбавка. Внесенные деньги распределяются между всеми наличными членами артели, так однако, что передовые деньги делятся между ними тотчас, а остальные, вычитаемые из заработка новика, делятся между теми только артельщиками, которые находились в артели при его поступлении. При выходе из артели исправные (т. е. ничем не опороченные) артельщики, внесшие свой вкуп, получают в виде награды *вывод,* или *выводные деньги,* которые обыкновенно равняются трети *новизны.* Этот капитал составляется вычетом из заработанных денег у тех артельщиков, которые получали с выходящего новизные деньги. В случае смерти артельщика вывод выдается его наследникам.

Заработные деньги уплачиваются артелям *хозяевами* (т. е. поручающими им работы или дающими им занятия) в один срок по взаимному согласию, исключая мелкие работы, за которые плата получается тотчас. Всякую плату

хозяин вписывает сам в артельную приходную книгу, а уплаченные деньги хранятся у артельного старосты. В определенные сроки накопившаяся таким образом сумма делится между всеми членами артели, и этот раздел называется *дуваном;* но и до назначенных сроков артельщик может забрать у старосты часть денег, необходимых ему на расходы, с тем, что забранные им суммы вычитаются из части, следующей ему при общем разделе. Общие артельные расходы, как то: наем подмоги при выгрузке товаров или в других случаях, покупка нужных снастей и снарядов (рогож, веревок и проч.) и всякие мелкие выдачи производятся старостою также из заработанных денег. Эти расходы должны быть объявляемы старостой писарю, который вносит их в заведенную для того расходную книгу. При общем разделе заработных сумм приходные и расходные книги проверяются всей артелью, которая, впрочем, для подробнейшего обозрения их и проверки книг выбирает нескольких из своих членов.

Артели управляются лицами, избираемыми ими из своей среды на сходке всех артельщиков. Главное из этих лиц *староста,* выбираемый на срок не далее года. Он не только хранит деньги, но и распределяет между артельщиками работы: в нескольких, впрочем, артелях на постоянные работы староста не может ставить без согласия артели; без согласия же старосты и артели никто из артельщиков не вправе брать на себя работы, в противном случае артель не отвечает за убытки, которые он может причинить наемщику или поручителю. В некоторых артелях при замещении должности старосты соблюдается очередь между артельщиками по времени поступления в артель, так что обходят только известных по нетрезвости или по другим слабостям, и в таких случаях обыкновенно оставляется прежний староста, если им довольны, а *обойденный* платит ему известную сумму в вознаграждение за его вторичную службу. В других артелях очереди этой не соблюдается и выбор падает на достойней-

шего, хотя бы он был и неграмотный. Староста, назначенный по очереди, не получает от артели никакого особого вознаграждения за свою службу, пользуясь лишь дуваном наравне с прочими артельщиками. Напротив, старосте выборному полагается особое вознаграждение.

За старостой по важности должности следует *писарь,* который, как сказано выше, ведет книги приходные и расходные и вообще заведует письменной частью по делам артели. Хотя он назначается по выбору, но обыкновенно остается с общего согласия артели до тех пор, пока исправен. Ему во всяком случае полагается, сверх дувана, особое жалованье.

В некоторых артелях есть особые должностные лица — *выгрузные* или *амбарные,* а в других *кассиры,* получающие также жалованье.

Выборы исчисленных должностных лиц производятся всей артелью на одной из артельных квартир, смотря по тому, где удобнее. Впрочем, действительное участие в выборах принимают только лица, имеющие особенное значение в артели или пользующиеся особым ее уважением. По предварительному соглашению таких лиц, предлагаются на должность несколько артельщиков и тот из них считается избранным, в чью пользу оказалось больше голосов.

За проступки артельщиков, как то: ослушание против старосты при исполнении работ, за жалобу хозяина, своевольный забор у хозяина на свои надобности денег, если не объявится о том старосте, за явку в пьяном виде на работы, буйство, неисправное исполнение поручения, за утрату хозяйских товаров и денег хозяйских или артельных, за утайку или необъявление проступка товарища, за укор или попрек товарища прежним проступком и проч. налагается штраф, размер которого, смотря по степени вины, определяется артельными правилами или каждый раз по приговору всей артели. Самый больший штраф есть временная отписка от работы или исключение из артели с лишением выводных денег. По общему

приговору артели штрафу может быть подвергаем и староста: за своевольное (без ведома и согласия артели) назначение к хозяевам людей в известные должности, исключая посылок на короткое время, напр., на день для исправления каких-либо неважных домашних работ; за произвольную неявку на биржу, если только не был занят в это время исполнением каких-либо других артельных надобностей,; случается также, что артель по общему приговору не принимает на свой счет некоторых расходов, сделанных старостой совершенно произвольно или вовсе ненужных и таким образом штрафует его. Наконец, как староста, так и писарь, за умышленное нанесение вреда артели могут быть отрешаемы от должности и до истечения срока, на который были выбраны.

Особой штрафной книги в артелях не ведется с тою целью, чтобы купцы охотнее доверяли им свои товары и капиталы. Впрочем, из общей денежной книги можно видеть, подвергался ли штрафу известный артельщик в текущем году, хотя самые проступки в ней не прописываются. По истечение же года после общего раздела денег все артельные книги уничтожаются.

В случае болезни артельщика, произошедшей по воле Божией, от ушиба на работе или других причин, от него не зависящих, он получает заработные и новизные деньги в течение шести месяцев или даже года от начала болезни; но заболевший по собственной вине (от дурной жизни) не получает заработка. Как в этом случае, так и в других, артельщик не вправе заводить с артелью никаких споров по судебным местам, иначе признается виновным.

Об артелях в Москве мы находим первое сведение в указе 8 апреля 1684 г., о неприеме пришлых и гулящих людей без поручных записей: «... а буде, — говорится в этом указе, — чьи люди или крестьяне придут *для найму в работу с* Красныя площади, не явясь помещикам своим и вотчинникам, и тем велеть записываться в Земском Приказе самим (т. е. не через

посредство помещиков) *артельми* по именам и имать из Земского Приказу для свидетельства, что они в Земском Приказе явились и в книги записаны, письмо за дъячею подписью или за справкою старого подьячего; тому в Земском Приказе для записи тех пришлых и гулящих людей учинить записную особую книгу». Одну из таких артелей мы видели в приведенном выше (…) акте 1686 г. июля 14. Но это артели пришлые; об артелях же собственно московских нам не удалось встретить положительных сведений в материалах как XVII, так и XVIII столетий.

В настоящее время в Москве есть несколько артелей, которые в своих постановлениях представляют некоторые особенности от артелей петербургских. Нам известны следующие из них: 1) артель биржевая; 2) гостинодворская Ильинско-Мазуринская: 3) гостинодворская Алексеевская; 4) гостинодворская Шекулевская; 5) артель Чижовского подворья; 6) две артели ветошного ряда и 7) две артели зеркального ряда. Число лиц в них различно: от 25 до 110 человек, но так, что определенное число членов каждой артели не изменяется, если же временно встретится надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимаются работники из посторонних, за которых артель отвечает как за своего члена. Как особенности этих артелей можно отметить следующие черты. На каждого члена есть в кассе артели определенная в обеспечение сумма (не превышающая, впрочем, 120 руб. сер.). Эта сумма (хранящаяся в кредитных билетах или и отдаваемая в частные руки под процент) считается неприкосновенной и употребляется для вознаграждения убытков, полученных *хозяином* от вины или неосмотрительности артельщика. Но еще большим обеспечением служит ценность самого места или звания артельщика: они нередко продаются или передаются по взаимному согласию от 1000 до 1300 руб. сер. каждое. В случае смерти или тяжкой продолжительной болезни артельщика место его продается его родственниками или наследниками, которые,

из вырученных денег сделав расчет с артелью, остальные затем удерживают в свою пользу. Если же артельщик исключается артелью за неисправность или дурное поведение, то место его продается самой артелью, которая, в случае наложения на него штрафа или взыскания за причиненный им убыток, удерживает их из вырученной суммы, а остальную выдает исключенному; но если бы эта сумма, равно как и капитал исключенного, находящийся в кассе артели, оказались недостаточными для покрытия причиненного им ущерба, то остальное доплачивает сама артель, а с него довзыскивается по своему усмотрению. В московской биржевой артели, в отличие от петербургских, староста имеет право, как скоро кто объявит надобность в артельщиках, немедленно набирать нужное число их, давая знать писарю, чтобы он вписал в книгу как их работу, так число рабочих и полученную сумму. Необходимые расходы делаются старостой, но он обязан как можно своевременно сообщать о том артели *у образа,* где писарь и вписывает их в расходную книгу. Относительно самих артельщиков нельзя не указать на их девиз, выраженный в самом их постановлении — верность и честность; почему за утрату денег и товаров, порчу их, убытки взыскиваются с виновного или же вычитаются со всех по раскладке. Во время работ артельщики должны повиноваться тому, кому старостою доверен хозяйский приказ, хотя бы он был летами и моложе, «не возвышаться друг перед другом старшинством или званием» и не заводить никаких ссор. С артельщиков, провинившихся в малых проступках, берется штраф до пяти рублей, который налагает староста, объявляя о том *у образа.*

2. Артели для рыболовного и звериного промыслов

Товарищества для рыбной ловли составляются в малых размерах едва ли не в каждом селении, где есть рыбная река или озеро. Ловитвенные снаряды артель имеет обыкновенно

свои или же берет их под условием заплатить за них какой-либо долей улова. Если при этом и вода не находится в общем пользовании селения, а в чужой даче, то промышленники точно так же платят владельцу этой дачи деньгами или же частью улова. В больших размерах рыболовство производится артелями на морях Белом и Ледовитом, где к нему присоединяется еще звериный промысел, на Урале и на Чудском озере. Скажем о каждом из них несколько слов.

О зверином промысле и рыбной ловле артелями на морях Белом и Ледовитом сообщает некоторые любопытные подробности г. *Максимов* в сочинении «Год на севере». Вот как он описывает составление этих артелей, занятия их и отношения между артельщиками.

Каждое судно, отправляющееся из Пустозерска за промыслами на Новую Землю имеет свою артель, называемую *котляною.* Котляна носит название *плотной,* когда артельщики идут от себя, а не по найму от хозяев. В каждой котляне, снаряженной *хозяином,* бывает от 8 до 20 человек; главный из них называется *кормщик,* второй за ним *полукормщик,* третий *полууженщик;* все остальные простые работники — *покрутчики, покрученики.* Каждый из них имеет при разделе промысла свою часть, пай, называемый *ужною.* На хозяина по ужнам идет обыкновенно две трети всего промысла; кормщик из остальной трети получает, против простого покрутчика, в 4,5, и даже 7 раз больше; полукормщик всего этого половину, полууженщик половину против последнего; покрученик, по взаимному договору с хозяином, получает против первых меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Впрочем, взаимные полюбовные условия на честное слово занимают первое и главное место, так что вышесказанные основания не всегда должно понимать за постоянное правило.

Жители Мезени выходят на тюлений промысел артелями иначе называемыми *покрутим, ужною,* которые состоят из 7 или 8 человек, именно хозяина, уженников и покрученников

или половинщиков и мальчиков *зуев.* Обязанность снаряжать артель лежит на хозяине, который и сам всегда отправляется на место промысла с работниками. Уженники, идущие на своем содержании, получают 1/8-ю часть всего промысла; покрученики половину этих или 16-ю долю промысла, а мальчики треть 16-й доли. Остальное достается хозяину за снаряд, который во всяком случае окупается.

Для промысла трески и палтасины на дальнем мурманском берегу в селениях начиная от Онеги до Кандалажской губы составляются также артели несколькими местными богачами. При наряде ими *покрута* соблюдаются следующие правила. Крутятся в пай обыкновенно четверо: *кормщик, тяглец, весельщик и наживочник.* Последние трое называются *рядовыми* и отдаются в полное распоряжение кормщика. Добытый промысел делится на три части: две поступают в пользу хозяина, крутившего народ, за его снасти и суда, остальная треть делится поровну между четырьмя работниками. Кормщик сверх того получает на свой пай *половой* от хозяина, т.е. еще ровно половину того, что ему досталось из третьей части по разделу, и сверх того награду, так называемый *свершонок,* от 5 до 50 руб. сер. Мальчики не получают ничего, кроме мелких подарков.

У уральских казаков, по описанию г. *Данилевского,* ловля в море против устья Урала (так называемые «Кухайские ловы») производится артелями с таким ограничением, что каждая артель имеет право на выставку не более 100 сетей или, что то же, она должна занимать не более 450 сажен в линию. Так как не все места ровно уловисты, то мечут жребии для размещения артелей, которые и выставляют свои сети в порядке доставшихся им нумеров. Жребии называются *полными,* если достанутся *полным артелям,* т.е. имеющим право на выставку 100 сетей, *неполными,* если достанутся меньшим артелям, и *единичными,* если их получают казаки, не приписавшиеся ни в какие артели, что, впрочем, случа-

ется весьма редко. От этого жеребьевого порядка освобождены лишь начальники участков и их помощники, которые выбирают себе место по желанию. Эти места самые лучшие и так постоянны, что известны под именем *атаманских мест.* Самые артели двух родов: одни истинно товарищеские, имеющие в виду взаимную выгоду своих членов, как, напр., потому что несколько казаков имеют одну общую морскую лодку; другие же составляются богатыми казаками, которые нанимают себе бедных казаков в работники, почему последние получают уговорную плату. Что касается дележа у уральцев добытой артелями рыбы, то он различен, смотря по способу и месту ее ловли. Так, на *осеннем* неводном лове что каким неводом вытянуто, то и принадлежит приписанной к нему артели, тянувшей его, и разделяется по паям между ее членами. Хозяин невода получает сверх того 5 паев; каждый из простых казаков, которых должно быть у невода не менее 6[1], за работу по паю, следовательно и хозяин, если он работал, как всегда и бывает. Офицеры, лично участвующие в тяге, получают: обер-офицеры по 2, штаб-офицеры по 3 пая. Основание этого преимущества офицеров заключается в том, что право на ловлю считается на Урале общей принадлежностью казаков, за исключением рядовых, находящихся в действительной службе и получающих денежное вознаграждение; но число сетей, которые казак может выставить, различно по чинам. На *зимнем* неводном лове дележ совершенно иной. Здесь лов в каждом участке производится сообща, т.е. каждый невод ловит не на себя, а складывают весь улов в общие кучи, называемые *урсами.* Дележ урсов по паям отличается тем, что хозяева неводов получают здесь по 6 паев вместо 5, потому что зимние невода дороже осенних;

---

[1] Назначение меньшего числа рабочих, равно как и в некоторых случаях наибольшего числа неводов, на ловлю имеет целью положить границу числу или величине паев, приходящихся на долю хозяев неводов с тем, чтобы эти паи могли доставаться большему числу казаков-работников участвующих в лове одним своим трудом.

офицерам, лично участвующим, полагается без различия чинов по 2 пая. На невод не должно быть приписано менее 14 человек. На *весеннем* Черхальском лове (в озере или морце Черхальском) вся рыба складывается вместе, солится и затем делится на равные кучи, по числу тянувших неводов. Так как эти кучи совершенно уравнять нельзя, то один из казаков отбирает у хозяев артелей шапки и, перемешав их, кладет по шапке на каждую кучу — чья шапка, того и куча. Каждая же куча делится по паям, так что за каждые 100 сажен невода хозяин его получает 5 паев. Прочие правила дележа те же, что и на зимнем неводном лове. На узенях, где по различному свойству речек и озер употребляются и невода различной величины, вознаграждение хозяевам предоставлено взаимному соглашению между членами артелей.

На Чудском озере для производства зимнего неводного лова образуются «ловецкие дружины». Кто достаточнее и опытнее в ловле и постановке невода, тот выбирается *жерником.* Обязанность его состоит в том, чтобы во все время производства лова распоряжаться и смотреть за порядком; ему повинуется вся дружина. Вырученная за лов сумма разделяется на две равные части: из них одна назначается на «народ» (работников), а другая «на запас», т.е. в пользу жерников, и вообще всех хозяев запаса или невода. Деньги этих последних соразмеряются с величиною принадлежащих им неводных частей, а деньги на работников делятся между всеми членами дружины поровну, исключая «коморы» (артельщика, приготовляющего пищу), который получает вполовину менее против других. Кроме того жернику дается еще плата за квартиру.

В дополнение к этим сведениям о рыболовных артелях сообщим историческую заметку о таких же артелях, еще недавно занимавшихся рыбной ловлей в Байкале. По свидетельству г. *Сельского,* до 1709 года было на этом озере несколько особых артелей; каждая состояла из 20 и более пайщиков

и имела на откупу известные рыболовные места как в самом озере, так и по речкам, впадающим в него. Главных артелей было четыре: 1) Коргинская, 2) Култукская (смежная с Коргинскою), 3) Березовская, по р. Селенге и 4) Ольхонская, производившая свои промыслы около озера Ольхона, в речке Бугульдейке и реках Баргузине и Верхней Ангаре. Артели эти имели свои собственные суда для сплава рыбы в Иркутск. Рабочих людей держали без платы, наделяя их за службу рыбою; впоследствии эти рабочие делались сами хозяевами новых артелей. В настоящее время от засорения устьев Селенги рыбный промысел здесь упал.

3. Артели бурлаков

Из артелей, промышляющих наймом своего труда, на низшей степени развития стоят артели судорабочих, известные под названием *бурлацких,* которых промысел состоит в том, что они проводят по рекам пустые или нагруженные суда от одной пристани до другой. Главным образом простолюдины, не знающие лучшего промысла. в свободное время от полевых занятий находят себе этого рода работу на Волге и Доне, почему и следует по преимуществу обратить внимание на бурлацкие артели той и другой реки. К счастью, мы имеем о них весьма подробные и верные сведения. Остановимся прежде на артелях волжских как наиболее известных и представляющих типические черты, которые прилагаются и к другим бурлацким артелям с некоторыми лишь особенностями.

Артели бурлаков на Волге разделяются на верхних и нижних, или *волжских* в собственном смысле. Самый путь, совершаемый бурлацкой артелью, называется *путиной* и бывает *дальний* или *короткий;* к первому принадлежат путины в Рыбинск из Астрахани, Царицына, Самары и проч.; короткие путины совершаются между Рыбинском, Нижним, Казанью, Симбирском. Основание, которым связываются бурлацкие артели, есть добровольное соглашение членов на рав-

ный труд для общего заработка. Отсюда следующее начало, ограничивающее их взаимные отношения, что хотя не все бурлаки одной артели трудятся равно, но плату они получают все равную, не выключая и выборного главы или десятника. Вместе с тем члены артели обязываются отвечать друг за друга хозяину, который их нанимает; так напр., если бурлак сбежит или захворает, то артель обязана нанять на свой счет другого работника; почему и стараются набирать в одну артель преимущественно односельцев.

Артели составляются обыкновенно в самых местах подряда: зимою в деревнях, селах или известных городах, куда приезжают приказчики от судохозяев для найма рабочих, летом — в тех приволжских городах, где существуют так называемые *бурлацкие базары.* Иногда бурлаки выходят уже из дому сформированной артелью, хотя, впрочем, это бывает редко. Артели состоят обыкновенно из 10 — 45 человек; но даже на пристанях чаще встречаются бурлаки небольшими группами, человека по 4, 5 и 6 в каждой. Из таких мелких до найма артелей и составляется при найме рабочих на судно одна большая рабочая артель (иногда в 150 человек и более). Но часто в самом пути оказывается, что нанятого сначала числа бурлаков недостаточно: тогда к этим *коренным* бурлакам, как они называются, хозяин судна нанимает еще *добавочных* за особую плату. Артели, нанимающиеся зимой, обыкновенно подряжаются посредством своих выборных — десятников или простых артельщиков; летние же лично или сообща договариваются с хозяином. Договор этот в первом случае составляется письменно в форме контракта, который является у маклера, а во втором вносится только в тетради, имеющие, впрочем, такую же обязательную силу. Чтобы определить точнее содержание таких сделок, я укажу на главные условия, которые в них помещаются, на основании одного контракта, прилагаемого ниже. Из них на первом месте стоит ряда о цене, которая, однако, показана в осо-

бом реестре; затем говорится о приготовлении бурлаками судна к сплаву, о сплаве его вниз по Волге до Балакова, где оно должно быть нагружено ими же хлебом, и о возвращении с ним в Рыбинск. Груза полагается не более 1000 пудов на пятерых работников. Далее объясняются обязанности бурлаков в случае каких-либо несчастных случаев с судном; вместе с тем они обязываются иметь осторожность от огня и потому не курить, так же не напиваться и не хворать притворно, иначе хозяин волен за счет них нанять других работников; со своей стороны хозяин обязуется больных рабочих оставлять не иначе, как в городе или в другом жилом месте и отдавать их на руки старшему того места. В заключении говорится, что по прибытии на место и по уборке судна и припасов хозяин должен сделать расчет. Читая эти условия, нельзя не припомнить себе те договоры, которые уже в XVI столетии и конечно еще ранее судохозяева на Волге заключали с «ярыжными», нанимавшимися плавить их грузы.

В пути бурлаки бывают большей частью на своих харчах. Покупка провизии и все расчеты по продовольствию поручаются артелью *десятнику* или *артельщику,* который, впрочем, на эти расходы получает деньги от хозяина, вычитающего их при окончательном расчете из рядной суммы. Для предупреждения обмана со стороны десятника, артелью ведется над ним контроль, состоящий в том, что для закупки провизии с ним отправляется обыкновенно *посыльный* (один из артельщиков) и расходные его счеты поверяются с хозяйскими, с которыми они должны быть согласны, иначе не признаются правильными. За свои обязанности как по части хозяйственной, так и по приискиванию ряды, десятник получает от артели вознаграждение.

В случае пьянства бурлаков, драки между ними или худой работы они подвергаются наказаниям по приговору артели.

Несмотря на долговременные обычаи, под влиянием которых сложились и окрепли отношения между бурлаками

и судохозяевами на Волге, несмотря также на письменные контракты, которыми утверждаются эти отношения, как положение бурлаков, так иногда и интерес самого хозяина судна далеко не обеспечены исполнением тех требований, на которые имеет право каждая из сторон. Иногда путь по причине противных ветров и других неблагоприятных обстоятельств продолжается долго, и тогда низкая плата, получаемая бурлаками, обращается им в наклад: вследствие этого они оставляют хозяина, так что подчас бежит целая артель. Но и судохозяева не свободны от разных проделок и обманов со стороны артели. Это самое обстоятельство, как увидим ниже, и вызвало подробные правила, которыми законодательство обставило отношения между бурлаками и судохозяевами. По этой же причине разбирательство между ними споров поручено Судоходным Расправам; однако ссорящимся в случае неудовольствия решением Расправы, предоставлено обращаться к третейскому суду.

В связи с бурлачеством находится в Рыбинске особый промысел *батырей и крючников.* Батырем называется подрядчик, имеющий одну или несколько артелей крючников, занимающихся нагрузкой или выгрузкой судов. Крючники, носящие кули на спине, называются *горбачами.* В артели из 10 человек бывает обыкновенно 2 горбача, в артели из 12 человек — 3. Богатые батыри не делят работы с своими артельщиками, разве если кто из крючников заболеет; но мелкие батыри работают наравне с крючниками. Из суммы следующей артели, батырь получает двойной пай: один от судохозяина, с которым он договорился в работе, для которой нанял крючников, наравне с ними, а другой в виде вознаграждения от самих крючников, которые выделяют для этого часть из своих заработных денег. Расчет между ними, или *дуван,* происходит публично, на улице.

Бурлацкие артели на Дону представляют следующие особенности. Для сплава судов вниз по реке общество, к которо-

му принадлежат крестьяне, желающие наняться в судорабочие (большей частью государственные), выдает им из Расправы билет за подписью писаря; с этим билетом они приходят к хозяевам и нанимаются, получая самый незначительный задаток. Но чаще случается, что приказчик судопромышленника или лоцман приезжают в село или слободу и объявляют в Расправе, чтобы желающие наниматься на суда шли к ним на квартиру. Расправа с своей стороны дает знать об этом известным бурлакам, чаще тем, за которыми более состоит недоимки; последних нередко и понуждают к найму. По окончании договора нанявшихся ведут приказчики в Расправу, где при старшине и сборщике податей выдают им почти все деньги по договору, оставляя у себя незначительную сумму для получения билета рабочему. Паспорта берутся в волостном правлении или в уездном казначействе всегда хозяевами. Самим рабочим деньги выдаются только тогда, когда они приходят наниматься с готовыми паспортами. Договор с рабочими бывает словесный, контрактов с ними не делают. Дорогой, когда суда причаливают, то сей же час *кухари* (дежурные) начинают варить обед или ужин на берегу, на каждую артель отдельно. Должность кухарей исполняют все, кроме лоцмана или помощника; обязанность их отливать из судна воду день и ночь, варить обед и ужин; в трудных и опасных местах они выходят на греблю. Продовольствие, впрочем весьма скудное, получается от хозяина.

По прибытии в Ростов (на Дону), рабочие приступают выгружать барки в указанном хозяином месте на берегу в бунты или амбары. По выгрузке порожние суда также отводятся на указанные места, и только тогда рабочие получают от своих хозяев паспорта и деньги (если только они есть в остатке); тогда же некоторые из рабочих нанимаются при расчете на верховой ход. Этот наем хозяева предоставляют большею частью лоцману, иногда же и сами договариваются с судорабочими. При этом хозяин берет у нанявшихся паспорта и выдает

задаточные деньги от 2 до 5 руб. сер., а остальные оставляет за собою до места. Продовольствие и здесь на весь путь также хозяйское: пшено для каши, мука ржаная для квасу и ржаные сухари. По прибытии судов к месту назначения бурлаки выгружают и складывают все материалы на указанные хозяевами места. Но если окажется по счету недостача товаров, то стоимость недостающего вычитается с них и лоцмана.

Бурлачеством на Волге занимаются крестьяне не только прибрежных местностей, но часто и приточных рек. Так, крестьяне Вятского уезда, приходя на Волгу, спускаются аж до Астрахани или поднимаются до Рыбинска. С другой стороны, крестьяне приволжских губерний иногда ограничиваются бурлачеством лишь на известном пространстве своей реки. Так, бурлаки Астраханской губернии нанимаются только на путь от Астрахани до Царицына или Саратова. Впрочем, эти артели не отличаются ничем особенным от тех, которые составляются в верховьях Волга.

4. Артели торговые

По всей России известны и действительно так распространены торговцы поодиночке и артелями мелочных товаров, преимущественно из Владимирцев, носящие разные названия, как то: *офеней, коробочников, ходебщиков, щепетильников,* что нельзя не упомянуть о них в настоящем случае. Не имея, однако, подробных сведений о составе этих артелей, об отношениях членов их между собой и к капиталистам или купцам, которые ссужают им деньги или товары, и наконец касательно раздела между ними доходов, мы можем только заметить, что они весьма близко подходят к артелям *украинских* мелочных торговцев, так хорошо описанным *И. С. Аксаковым* в его известном сочинении «Об украинских ярманках»; почему и приводим здесь это описание.

Жители местечка Рашевки, преимущественно казаки, образуют из себя артели от 6 до 10 человек. Каждая артель де-

лает складчину, избирает себе начальника или *атамана* и через посредство его берет у одного из Рашевских купцов известную пропорцию игольного товара, а иногда занимает денег на честное слово без всякой расписки; потом уплачивает подати за себя или за семьи, добывает паспорта и готовится в путь. До выезда вся артель собирается к атаману, который раздает каждому часть товара и некоторую часть денег; с общего согласия назначается срок и место для сбора, и потом вся артель расходится в разные стороны, по разным дорогам, пешком, с котомкой или коробкой за плечами, а атаман с остальным товаром и деньгами прямо едет в телеге на сборный пункт. Артельщики редко покупают что-нибудь за наличные деньги, а почти всегда вымeнивают свой дешевый игольный товар на щетину, перо, пух, старый медный лом, шкурки, восчину и т.п. Эта мена гораздо выгоднее продажи. На сборный пункт в урочное время являются все артельщики, выдают атаману выменянные вещи и отчет в деньгах и представляют к освидетельствованию наличный оставшийся у них товар. Атаман сейчас делает заключение, кто был исправен, кто нет, по какой причине: если от пьянства или вообще от собственной причины артельщика, то немедленно творится артельный общий суд и расправа, т.е. виновный тут же наказывается. Если же дело артели шло удачно и прибыль хороша, то все расчеты заканчиваются магарычом, после которого вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пункт и артель движется далее… Таким образом артель проходит до Азовского побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь в одну цельную общину, произносящую суд, то распадаясь на отдельные, самостоятельно действующие лица, ибо успех каждого зависит от его личных свойств, сметки, умения и характера. Разумеется не все артели путешествуют так далеко, некоторые из них совершают свои походы не далее Киевской и Херсонской губернии раза по два, по три, по четыре в год; отправляющиеся к Азовскому морю,

к черноморским казакам и даже на линию проводят в странствовании около года. Променяв весь взятый из дому товар и нагрузив опорожненную телегу новым приобретенным, артель возвращается домой. Атаман сдает купцу, ссудившему их деньгами и вещами, весь привезенный товар по существующим ценам. Купец вычитывает из общей ценности товара сумму, которая ему следует в возврат, без процентов, а за остальной товар уплачивает наличными деньгами. Тогда чинится расчет в самой артели: выручка делится на ровные части между всеми, причем деньги, внесенные в кассу, возвращаются каждому сполна, но атаман получает еще другую часть за подводу. Если же кто не оказал усердия, то с его части с общего согласия делается вычет. Все расчеты кончаются в один день, заключаются пирушкой, и партия расходится.

К торговым артелям принадлежат еще складчины капиталами, вверяемыми известному в данной местности капиталисту, который называется *мирским воротилой,* без всяких расписок, на веру. В помощь воротиле придаются 2 — 3 опытных лица, называемые *дядями;* складчики называются *молодцами,* а вся артель *миром.* Воротила и дяди становятся опекунами семейства молодцов и платят за них все подати; они же закупают товары на чистые деньги большею частью в Москве и во Владимирской губ. Товары распределяются между молодцами сообразно вкладу каждого; затем они разъезжаются в разные стороны, назначив сборное место и время съезда: здесь происходит расчет (дуван). Каждый молодец получает свой пай в общих барышах, на долю же воротилы и дядей идет барыш вдвое и втрое против молодцов; спору в дележе не бывает: на мир суда нет.

6. Артели чумаков и возчиков

Чумаками называются не только в Малороссии, но и в некоторых местностях Великой России малороссияне, перевозящие на своих фурах и своим скотом (обыкновенно на во-

лах) разные произведения, как то: хлеб, соль, рыбу и проч. из одной местности в другую. Такие чумаки делятся на два разряда: одни из них собственники, которые возят собственные произведения в ближайший порт или город и, продав их, покупают здесь другие для продажи на месте своего жительства или в ином городе. Чумаки этого разряда хотя и ездят артелями, но не связаны между собой ничем другим, кроме товарищества в дороге, как односельцы, и разве где-нибудь на привале сделают складчину на четверть или полведра вина, смотря по многочисленности партии. Настоящие же артели или купы чумаков составляют те, которые перевозят произведения или вообще тяжести, не принадлежащие им в собственность, и на них-то мы и остановимся.

Плодородная почва южного края России при своевременной обработке дает обыкновенно обильный плод. Преимущественное здесь произведение — пшеница под разными названиями. Кроме местного потребления (как составляющая необходимость в домашнем быту малороссиян), она заготовляется в большом количестве для продажи местным купцам, которые, в свою очередь, запродают ее в ближайших портах. Перевозка этой запроданной пшеницы на места обыкновенно делается на воловых фурах, что хотя крайне замедляет доставку ее и обходится дорого, но общеупотребительно по неимению еще в том крае правильных путей сообщения. Фуры нанимаются большею частью за несколько месяцев ранее: так, напр., пшеница, закупленная с осени, не может быть отправляема зимой, ибо в дальние дороги зимой чумаки не пускаются, не имея обычая подковывать волов. Самый наем делается не в центрах торговли, как по причине недостаточного количества в этих местностях фур, так равно и высшей цены на них против местностей более или менее отдаленных. В эти-то последние *хозяева* (купцы) отряжают в начале зимы своих приказчиков или, как их называют, *малых*. Приехав в слободу, приказчик объявляет одному-двум мужичкам, что вот-де зачем

он приехал, а эти сейчас же дают о том знать всем и каждому, не столько из желания иметь работу, сколько для того, чтобы иметь случай запить общий «магарыч». К вечеру или рано утром являются в хату приказчика человек 15 или более составившегося товарищества — договариваться «пид фуру». После обычных приветствий с обеих сторон, сторговавшись в цене, чумаки выговаривают себе часть «лантухов» (в которые насыпается пшеница), «мостовые» или перевозные деньги, и наконец, неизбежный «магарыч». По окончании всех договоров приказчик дает задаток, рублей по 5 на фуру, а иногда и более, смотря по нуждам нанимающихся. Затем договор излагается письменно и свидетельствуется волостным правлением. Самый задаток передается, однако, в руки одного из более уважаемых крестьян, получающего вместе с тем название *артельщика* или старосты, на имя которого пишется и контракт за поручительством товарищей. По отъезде приказчика к артельщику являются тотчас артельные и просят его помочь им в нуждах: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашние расходы и проч. Артельщик удовлетворяет их беспрекословно, но не без разбору, и ведя всему счет, несмотря на то, что иногда бывает неграмотный. По окончании весенних посевов артель отправляется в торговый пункт для насыпки пшеницы и тут же запасается в дорогу дегтем, солью и рыбой, которые закупает артельщик; пшено же, сало, хлеб и сухари берет каждый домохозяин из домашних запасов, но все-таки складывает и их в артель. Дорогой всем распоряжается и деньги на необходимые расходы ведет также артельщик. По приезде на место и при благополучной сдаче хлеба староста получает следующие деньги за провоз из конторы купца, и тут же производится их дележ. В обратном пути каждый ведет денежные расходы сам, потому что на заработанные деньги покупает соль или рыбу на себя, следовательно, делается чумаком-собственником; харчевые же припасы остаются по-прежнему общими. Во все лето, во время рабочей

поры, чумаки обыкновенно не ходят в дорогу; но есть и такие, которые знают только одно дело — чумаковать. Артели этих последних даже зимуют вместе со скотом близ торговых пунктов; в них заведен уже порядок относительно внутренних распоряжений и самые расчеты ведутся правильнее, так как постоянные чумаки большей частью грамотные.

В последнее время и в некоторых селениях Великой России, особенно в бывших помещичьих, по освобождении крестьян от крепостной зависимости, распространилось извозничество или перевоз разного рода сельских произведений и других продуктов от пунктов их производства в большие торговые города и к пристаням, и обратно отсюда разных припасов и товаров в уездные города и села для местного потребления. В первом случае нанимают как сами помещики (для отвоза хлеба, вина, шерсти и т.п.), так и купцы, закупающие сельские продукты на самых местах их производства, а иногда и сами крестьяне, занимающиеся торговлей; в последнем случае обыкновенно купцы, торгующие в уездах солью, рыбой и разным товаром, иногда же и сами возчики, как малороссийские чумаки, покупают соль, рыбу, яблоки и т.п. на себя и продают их дома или развозя по окрестным селениям. Такие возчики нанимаются иногда целым товариществом, обязуясь *хозяину* отвечать друг за друга; почему и расходы, равно как и барыши, у них общие; но так, что расчет тех и других делается не по числу лиц, составляющих товарищество, а по числу *подвод,* ибо допускается, что один домохозяин может иметь в обозе двух или более лошадей и на каждую из них особые телегу или сани с поклажей, следовательно, не одну подводу.

6. Артели ремесленников и сельских рабочих

Ныне уже было нами указано на товарищества, составляющиеся для разных работ, в которых члены принимают на себя круговую друг за друга ответственность, участвуя

как в барышах, так и в убытках, выпадающих на долю товарищества. Нельзя, однако, не заметить, что такие товарищества теперь, сколько нам известно, едва ли не в самом начале, хотя мы уже видели их значительно развитыми в древней России. Причину тому, что они как бы исчезли и только с недавнего времени возрождаются с новой силой, должно, кажется нам, искать в крепостном праве, которое, ограничив огромное количество сельского населения определенными работами в пользу помещиков, тем самым, с одной стороны, устраняло большинство рабочих, которые при других условиях своего быта могли бы свободно вступать в товарищества для более выгодного употребления своего знания и труда, а с другой стороны, не только давало возможность помещикам, но даже некоторым образом заставляло их в вознаграждение за ущерб, приносимый им, в свою очередь, крепостным правом, ограничиваться производством своих крестьян или дворовых, чем самым очевидно уменьшался запрос на свободную и, следовательно, более дорогую, хотя и лучшую работу. Было бы, впрочем, несправедливо думать, что начало произвола, внешнего гнета и стеснения свободной деятельности отношений выражалось только в крепостном праве помещиков над их крестьянами и дворовыми людьми: оно касалось и других классов сельских и городских жителей, которые далеко не всегда свободно располагали своими занятиями и даже своим имуществом. Отсюда, как естественное последствие, явились апатия и лень, которые всюду и всегда приводят за собой застой, не только вообще в занятиях, но и в самом усвоении и развитии знаний, искусств и ремесел и вместе с тем рождают более или менее общую бедность. Под влиянием этого начала взамен ремесленных и рабочих артелей образовались у нас *подрядчики,* из немногих более зажиточных ремесленников, которые весьма часто держат в полной кабале своих односельцев или посторонних крестьян, нанимаемых ими для исполнения работ, взятых

с подряда, оставляя все барыши, за вычетом скудной платы артели (называемой так уже в совершенно ином смысле), исключительно в свою пользу. Не касаясь поэтому ближе таких артелей, мы укажем здесь только на те артели ремесленников и сельских рабочих, которые нам известны как действительные товарищества, заслуживающие тем большего внимания, что число их со времени отмены крепостного права на наших глазах все более увеличивается, обещая через то в близком будущем развитие правильно организованных и многочисленных ремесленных и рабочих артелей в собственном значении этого слова. Таким артелям мы придаем еще особенную цену потому, что лишь с помощью их, по нашему убеждению, становится возможным для помещиков в настоящее время успешное занятие вольнонаемным хозяйством.

По собственному опыту нам пришлось ознакомиться с товариществами, которые ежегодно образуются в наших имениях со времени введения в них уставных грамот для исполнения разных работ по вольнонаемному хозяйству, в особенности же пашни, сенокоса, жнитва и возки снопов. В Саратовском нашем имении на пашню нанимается у нас обыкновенно целое сельское общество на таком условии, что, получив задатку по рублю серебром на каждую десятину по числу всех десятин, снятых крестьянами, они вслед за тем приступают к парке, весенней или осенней, а когда приходит время пашни или посева, то по первой поверке принимаются за пашню, бороньбу и посев и только по окончании всей работы в полной исправности получают следующие по найму остальные деньги. При этом помещику нет дела до отдельных рабочих: он требует лишь хорошей работы и исполнения ее во всем условленном количестве, а наблюдение за всем остальным, как то: за теми, кто именно дурно работал, кто не вышел на работу, как заменить того, кто не в состоянии пахать своей десятины — есть дело мира. Покос и жнитво исполняются, напротив, небольшими артелями, которые, впрочем, от-

вечают за исправность всех и каждого товарища и без того не получают следующих денег. Возка снопов делается опять большею частью целыми обществами, и эту работу принимают иногда на себя не только сельские общества наших бывших крестьян, но и сторонних помещиков. В пензенском нашем имении точно так же самая значительная часть полевых работ исполняется товариществами бывших крепостных крестьян в том же имении, с которыми заключаются для того письменные условия, свидетельствуемые в волостном правлении. Привожу для образца одно из таких условий, замечательное тем, что обязанности подрядчика-артельщика, через посредство которого обыкновенно рабочие артели ведут свои переговоры с землевладельцами, возложены здесь на сельского старосту или выбранного обществом; что число работников, какое вправе требовать ежедневно помещица, ограничено и что споры о негодности работ постановлено разрешать третейским судом.

Из числа артелей каменщиков и плотников, какие во множестве расходятся по России из губерний: Ярославской, Нижегородской, Рязанской. Владимирской и некоторых других, но обыкновенно состоят из подрядчика и нанятых им работников. г. *Ознобишин* указывает на одну артель плотников Рязанского уезда из имения княгини Варшавской, связанную началом товарищества. В этой артели, отличающейся честностью и потому пользующейся большим доверием, подрядчик (один и тот же в течение 10 лет) получает только особое вознаграждение, самый же заработок делится между ее членами соответственно их трудам и знанию.

Кроме этой ремесленной артели, мы знаем о товариществах *серповщиков* или промышленников серпами во Владимирской губернии; но, к сожалению, г. *Дубенский,* упоминающий о них в одной из своих статей, не сообщает никаких сведений об отношениях между членами этих артелей, как можно их, конечно, назвать. Так, например, из числа

их так называемые «тюковщики» занимаются своей работой по нескольку человек вместе в одной кузнице, отправляя одного из среды себя в соседние деревни и села как для собирания заказов, так и для раздачи сработанных ими серпов, ножей, топоров, ножниц и проч. Такие артели ходят и в дальние губернии, в Сибирь, в земли Уральских и Донских казаков, в Украину.

По свидетельству г. *Савинова,* в Вятской губернии от уменьшения бурлачества (вследствие распространения коноводных машин и пароходств), бывшие бурлаки обратились в *рудокопов.* Они ходят на этот промысел так же партиями, как и на бурлачество, от 10 до 15 человек, в Пермские, Сибирские и Оренбургские рудники, а также на рудники железоплавительных и чугуноплавительных заводов Слободского и Глазовского уездов, в числе до 2000 человек. Такое же указание на артели сельских работников, занимающихся при разных горных и других заводах рубкою дров, жжением угля, ломкою соли и перевозом материалов, а также по золотопромышленности, мы находим в действующих законах, в которых относительно их установлены даже особые правила.

Впрочем, из всех сюда принадлежащих ремесленных и рабочих артелей правильным устройством в значении постоянного товарищества отличается недавно образовавшаяся в Петербурге *столярная артель.* Учредитель этой артели, г. Мельников, который, вложив для того основной капитал (2000 руб. сер.) и пригласив вступить в товарищество с ним нескольких столярных мастеров с вкладом мебели, обеспечил дальнейшее существование артели условием учредителей между собою принимать на себя исполнение заказов столярных изделий за их общим ручательством и делить между собою барыши и убытки, какие могут от этого произойти.

В течение не с большим двух лет со времени своего учреждения эта артель развилась в значительное товарищество, имеющее прекрасный магазин и признавшее полезным ис-

просить официальное утверждение своего устава на языках русском и немецком. На основании этого устава сущность артели заключается в том, чтобы все составляющие ее лица участвовали в работе, получаемой ею по заказам без всякого постороннего посредства а, следовательно, и в выручаемой от того прибыли, через что они приобретают самостоятельность, а публика — возможность иметь столярные изделия из первых рук. Для достижения этой цели материалы закупаются из общих сумм артели и выдаются членам в счет их работ вместо денег.

Число членов не ограничено; но в артель они поступают не иначе как по баллотировке в общем полугодовом собрании, а до того желающие быть членами могут лишь приписываться к артели в звании кандидатов. Избранный член в течение первых 7 дней обязан внести 25 руб. сер. *отступных* денег и в течение первых трех месяцев выставить в магазине артели не менее как на 50 руб. сер. мебели своей работы. раздел барышей производится соразмерно капиталу, внесенному деньгами и изделиями; но учредители получают сверх того на часть основного капитала, отчисляемую в запасный капитал, по 6 процентов в год до выхода их из артели. Член, оставляющий артель, получает назад свои вступные деньги и часть вырученного капитала, причитающуюся ему по расчету. Управление артелью принадлежит трем старостам, на которых возложены обязанности, лежащие и на старостах других артелей.

Из сведений, полученных нами от самих членов этой артели, оказалось, что она состоит теперь большею частью из немцев, между тем как основание ей положено было русскими. Тем не менее сущность ее не изменилась, и в этом мы не можем не увидеть указания на то, что в основе наших артелей, как товариществ, лежит то широкое начало, которого ищут западные теории для утверждения на нем своих ассоциаций. Если так, то мы вправе сказать, что задуманные вновь и от-

части уже осуществившиеся артели в Петербурге поступают весьма благоразумно, стараясь ближе ознакомиться с предшествующими им на Руси артелями. Действительно, начало, лежащее в основе этих артелей, так удобоприменимо в разных товариществах, что при нем возможно самое полное развитие всякого рода ассоциаций. Так смотрели и смотрят на свои уставы или условия и самые артели, как это ясно выражено некоторыми из них. Таким образом, и устав С.-Петербургской столярной артели предоставляет ее членам делать в нем необходимые изменения с оговоркою только, чтобы эти изменения (как и самый устав) утверждаемы были правительством.

7. Артели на урале для выставки войск

Вот что рассказывает об этих артелях *П. И. Небольсин* в своей любопытной статье под заглавием «Несколько замечаний об Уральских казаках».

«Если предположить, что в данный момент времени в Уральском войске, за всеми выкомандировками людей на службу внутреннюю и внешнюю, состоит взрослых, готовых на службу, так называемых служилых казаков, остающихся в домах при своих хозяйствах, всего-навсего только 6170 человек — и вдруг правительству немедленно, к такому-то сроку, понадобится тысяча вполне вооруженных и готовых к бою всадников, то войсковое правление делает такой домашний расчет: из 6170 человек нужна тысяча, стало быть, каждые шесть человек выставляют из себя одного человека, а затем 170 остаются в излишке — и об этом дает знать по городам и форпостам способом обычного делопроизводства.

«Если тот род службы, на который та тысяча человек требуется, общим приговором оценен а 210 руб. сер., то каждый из шестерых, выставляющих из себя служилого казака, дает ему в подмогу по 35 руб. сер. Если из этих шести человек

не найдется охотников идти на службу, то есть если каждого из них привязывают к дому рыбные промыслы и спешность караванных сделок, то каждая артель из шести человек предлагает 210 руб. сер. коренному уральцу из другой артели и снаряжает его на службу. Идет тот, кто беднее: половину денег он оставляет семье на прожиток или на поправку, а на остальную экипируется и вооружается под надзором начальства. Оставшиеся в излишке 170 человек, не нужные лично на службу, называются *нетчиками,* и из них каждые шесть человек вносят 210 руб. сер. уже не для охотника, а на войсковую казну, и этот сбор с нетчиков употребляется начальством на внутренние войсковые надобности для целого края».

«Если, — продолжает г. Небольсин, — число людей (для внутренней службы), долженствующих выставить из себя казака, не превышает числа десяти, то каждый участник этой малочисленной артели нанимает охотника лично сам за себя, и потом уже все сообща улаживают это дело общим расчетом. Но если артели должны составиться многолюдные — человек из 25 или 30, в таком случае каждая артель назначает особого *десятника,* облекает его на этот предмет неограниченным полномочием, и уже тогда десятник лично и сам собою совершает эту операцию».

8. Артели нищих

В Петербурге, а также, вероятно, и в других больших городах, нищие составляют иногда между собою артели, которые занимают одну квартиру. В таких квартирах, по словам *т. Соколова,* познакомившего нас с бытом петербургских нищих, артель сих последних помещается под председательством и поручительством одного из выбранных самими ими старосты, который, собирая со всей братии деньги за квартиру, отдает их квартиропромышленнику вперед. Сверх того на обязанности старосты лежат хлопоты об освобождении нищих, когда кто из них попадется за нищенство или пьянство.

9. Артели продовольственные или потребительные

Товарищества лиц, составляющих между собою на некоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общего продовольствия пищею или также другими предметами жизненных потребностей, называют себя также *артелями.* Если члены таких артелей во всех других отношениях ничем между собой не связаны, то они суть исключительно продовольственные или потребительные: цель их — получение более дешевого продовольствия, и потому они возникают в различных положениях каких бы то ни было лиц, связанных между собою иногда совершенно случайно в одно общество.

Так обыкновенно рабочие, которые поставляются на какую-либо работу одним подрядчиком, составляют между собою артель, поручая одному из среды себя покупать на общие деньги все припасы, потребные им для пищи. Так, в каждом полку нашего войска существуют артели, общая пища изготовляется частью на солдатское жалованье, частью же из продовольствия, отпускаемого им натурой; излишне остающиеся от того деньги называются *артельными* и составляют солдатскую собственность. Так арестанты, содержащиеся за долги, соединяются иногда в артель, чтобы иметь общий стол. Так чумаки и другие извозчики, не связанные между собой договором по извозу, тем не менее находят выгоду, отправляясь обозом, иметь общую пищу. Так, наконец, переселенцы из одной губернии в другую складываются деньгами, которые дают одному из среды себя для путевых расходов до нового места жительства.

Впрочем, для всех подобных товариществ название их артелями может быть оправдано лишь в отличие от кратковременных складчин, которые очень известны между нашими простолюдинами, особенно для взаимного угощения вином

и пивом. Такие складчины ведут свое начало с глубокой древности и называются также *братчинами и пирами,* а лица, распоряжающиеся на них, — *пировыми старостами.*

Представив очерк главнейших из существующих ныне известных мне артелей, прежде чем я перейду к рассмотрению вопроса об отношении нашего законодательства как к исчисленным артелям, так и вообще к товариществам этого рода, я сделаю одно замечание касательно основного начала, составляющего их сущность. Начало это, как мы видели, состоит в равенстве взаимных отношений между членами артели и вместе с тем в участии их во всех действиях, а также в выгодах и убытках составляемого ими товарищества, соразмерно капиталу или труду, внесенному каждым из них в общее дело.

Такое свободное и равномерное отношение членов артели друг к другу основывается на свободном вступлении их в общий союз, другими словами — на начале договорном. Поэтому там, где какие-либо из этих отношений между членами общества определяются обязательно, помимо договора, там нет уже чистого артельного начала. С такой точки зрения, напр., сельские общества древней и новой Руси, несмотря на связь их круговой порукой, не могут быть названы артелями. Но с другой стороны, если бы по какому-либо предмету промысла или занятия могли согласиться между собою все лица или большая часть из составляющих сельский мир, или даже жители нескольких селений, т.о. несмотря на их многочисленность, это была бы артель.

Возможность такого товарищества не есть одно предположение. Замечательный пример подобной артели-общины, кроме приведенных нами выше товариществ из членов целого сельского общества для земледельческих работ, представляют жители пяти находящихся в близком расстоянии друг от друга селений, в числе с лишком 400 душ, принадлежавших г- же Марковой и княгине С. П. Оболенской (село Пономарево, деревни Иваново, Полчаниново, Филино, Под-

вязново), в 10 верстах от Ярославля по Вологодскому тракту. Еще до отмены крепостной зависимости крестьяне этих селений платили в экономию оброк и затем уже к помещикам никаких отношений не имели. Летом они занимаются хлебопашеством, а осенью и зимой столярным и плотничьим ремеслом, от которого и получают главную прибыль.

В числе предметов столярного их производства особенно важно делание деревянных ящиков, необходимых торговцам для хранения и укладки вин, белил, сурика, восковых и сальных свеч, табаку и проч. Для того, чтобы обеспечить за каждым крестьянином право на труд и на законную от него прибыль, достаточную для уплаты оброка и для устранения вредного для бедных соперничества с богатыми, крестьяне обеих вотчин заключили между собой союз и завели у себя совершенно особый порядок работы ящиков, нечто вроде тяглового надела, но не землею, а трудом и прибылью.

Именно осенью крестьяне всех пяти деревень по окончании полевых работ собираются на сходку, в которой рассматривают условия на заказы ящиков, предлагаемые им купцами; далее поверяют все условия истекшего года; приводят в известность, сколько каждая деревня получила барыша и поставила ящиков; наконец, рассмотрев предлагаемые работы и цены, мир утверждает их или же вновь договаривается с купцами. После всего этого, сообразив общий объем работы, «всемирской сход», как он себя называет, распределяет с наивозможною уравнительностью подряды ящиков на того или другого торговца по деревням, напр., поставку конфетных ящиков на купца Гарцева отдает деревне Филино, белильных ящиков купца Сорокина — селу Подвязному и т.д. При этом он не ограничивает работу каждой деревни известным количеством ящиков, ибо это количество нередко изменяется, но принимает в расчет приблизительные соображения купцов, примеры прежних лет, полученную по истекшему договору каждою деревнею прибыль и количество тягол. Впрочем, подробное

распределение работ между жителями каждой деревни возлагается на частную мирскую сходку этой деревни. Для наблюдения же за работами, для сдачи ящиков и брака дурных все пять деревень выбирают *поставщика.*

Положение общего мирского схода всегда утверждается письменным условием, но на простой бумаге и без явки у маклера, за подписью одних крестьян и с приложением вотчинных печатей. Нарушение договора наказывается штрафом и телесно. Никому, впрочем, не запрещается производство других работ независимо от мира, напр., мебели, посуды, колес; можно также вовсе отказаться от своей части в работе ящиков или же сдать ее кому-либо из своего общества, обеспечив миру платеж оброка. Таким образом, в одной части своего промысла мир добровольно отказывается от монополии и ограничивает свои личные права в пользу общины, уравнивая между собою всех ее членов.

Пример этот, по моему мнению, чрезвычайно важен: он доказывает, какие широкие размеры может принять артельное начало и к каким счастливым результатам оно может вести в народе, в котором развилось самобытно и существует с незапамятной древности. А что в старину у нас существовали подобные товарищества целых селений, это доказывается записями XVI и XVII столетий, в которых жители разных сел и деревень договаривались между собой отправлять сообща те или другие повинности.

III

Обращаясь к вопросу, в каком отношении находилось доселе наше законодательство к артелям, мы должны прежде всего заметить, что хотя товарищества этого рода существовали у нас еще в отдаленной древности, однако не ранее как в 1799 г., именно в Уставе цехов, они поставлены в зави-

симость от некоторых законодательных правил. Впрочем, и в этих правилах, поставленных в том предположении, что к каждому цеху будет принадлежать несколько артелей, выражается главным образом только сущность таких предполагаемых товариществ на основании тех начал, которыми руководствовались известные в то время артели. Так, здесь говорится, что для вступления в артель необходимо добровольное согласие, что все члены артели отвечают друг за друга, что всякая артель имеет своего старосту и казначея, которые подают хозяевам, нанимающим артель, счет в работе помесячно и получают деньги, которые делятся между всеми артельщиками, что артель для временной работы, как то: каменной, деревянной, земляной, — не должна быть меньше как из 6 человек, что не докончив взятой на себя работы, артель не может расходиться и т.д.

Ограничительные же правила Устава о цехах состоят в том, что артельщики должны приписываться к какому-либо цеху; что они обязаны повиноваться правилам этого цеха и объявлять ему дома и имена хозяев, у которых они работают. При этом определяется, что срок служения артелей по какому-либо постоянному промыслу должен быть не менее одного года.

Эти правила с небольшими дополнениями, изданными в 1823 году, вошли и в Свод Законов (т. XI) как глава X Устава Торгового с заглавием «О биржевых артельщиках». Но и добавление 1823 года основано опять на сущности самих артелей: объясняя, что артели состоят из настоящих артельщиков, новиков и мальчиков и что желающий быть в артели вносит за вступление в нее вкуп деньгами или же этот вкуп составляется удержанием части ежегодной платы, следующей артельщику при дележе общего дувана, до взноса же вкупа вступивший называется новиком или мальчиком, — оно таким образом повторяет только то, что принято за правило в уставах самих артелей.

В 1802 г. 12 февраля записка рабочих и нанимающихся в услужение людей в цех рабочий и служебный отменена.

В 1803 и 1805 годах состоялись Именные указы, в коих выражено, что в полках артельные деньги, остающиеся от сбережения сумм, отпускаемых на продовольствие солдат, составляют солдатскую собственность.

В 1812 году *артельщики* подчинены сбору пошлины (в 40 рублей); а в 1823 году ей признаны подлежащими и биржевые артельщики в С.-Петербурге, причем постановлено, что они должны находиться в заведовании управы приказчичьего цеха.

В 1827 г. составлено Положение о дрягилях (носильщиках и другого рода рабочих при торговых портах), но быв утверждено Министерством Финансов (5 декабря 1827 г.) и напечатано, оно, сколько известно, не получило применения на практике.

В 1830 г. марта 24 и в 1831 г. сентября 29 дозволено, впредь до времени, существование в Кронштадте и Петербурге особых, для нагрузки и выгрузки кораблей, обществ мастеровых под именем *штуров,* причем постановлены некоторые правила в устранение монополии, которую было присвоили себе эти общества. Но и здесь законодательство не коснулось внутреннего устройства и отношений между членами штуровых обществ, составившихся, как прямо выражено в представлениях Министерства Финансов по сему предмету в Комитет Министров, без особого законоположения: напротив, основное начало артелей о круговой поруке лиц, их составляющих, и об ответственности их друг за друга помещено здесь как существенный пункт в обеспечение шкиперов, нанимающих штуров.

В 1832 г. мая 14 в Учреждении Коммерческих Судов постановлено, что дела по жалобам на судовщиков, извозчиков товаров, артельщиков, браковщиков и на другие лица, по торговле употребляемые, подлежат разбору Коммерческих Судов.

В 1833 г. по вопросу о поручительствах, которые дозволено крестьянам и мещанам представлять по подрядам вместо залогов, выяснено, что артели, занимающиеся перевозом тяжестей, могут ограничиваться в этом случае круговыми друг по друге поручительствами их членов. Нельзя. однако, при этом не заметить. что таким разъяснением, сделанным Министерством Финансов, было стеснено право, которым до этого времени пользовались и прочие артели, — предоставлять вместо залога такие же ручательства не только обществ, к которым они принадлежат. но и своих членов.

В 1836 г. декабря 31 Положением о судохозяевах и судорабочих вменено рабочим наниматься на суда к одному хозяину не иначе как артелями, ответствуя друг за друга круговой порукой. Затем исчисляются взаимные отношения между хозяевами и бурлаками, причем имеется в виду преимущественное обеспечение этих последних. Так, напр., в случае полученного рабочим увечья на работе хозяин обязывается вознаграждать его, в случае же смерти отсылать вознаграждение его наследникам, а больных сдавать под расписку на руки начальнику или старшему того места, где оставляется больной. Здесь же определены разные правила с целью предупредить взаимные обиды между хозяевами и рабочими, и наблюдение за их исполнением возложено на начальника судоходной дистанции.

В 1838 г. апреля 30 в Положении о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири работникам, нанятым в числе нескольких человек, поставлено в обязанность являться на места работать артелями, назначив над собою в каждой артели старосту и помощников к нему с круговою порукой в неотлучке от артели и в повиновении ему.

На самых же работах для сохранения порядка и удобнейшего их производства дозволено каждому промышленнику разделять рабочих на новые артели; в каждую такую артель промышленник назначает старосту от себя, а рабочие с своей

стороны двух выборных: они составляют *артельную расправу,* которой предоставляется право умеренного домашнего исправления рабочих, составляющих артель, а именно: она имеет право ленивых, нетрезвых, обличенных в запрещенной игре, порывавшихся к побегу и буйных наказывать по словесному ее приговору (на основании Уложения о наказаниях). Таким образом, артельное товарищество признается и здесь не только обязательным, но ему придается большое значение самим законодательством.

В 1846 г. февраля 13 издано Положение об общественном управлении С.-Петербурга. В нем в главе IV об устройстве цехов наемных служилых и рабочих в С.-Петербурге поставлены общие правила для артелей, на которые предполагалось разделить эти цехи по роду и свойству их занятий. Правила о них сходны с теми, которые помещены в XI т. Свода Зак. для биржевых артелей: подробности же предполагалось определить в особом Положении об этих артелях, но оно не было издано.

Точно так же официальный проект Положения для биржевых артелей в Петербурге, который был тогда же составлен Министерством Финансов, не был утвержден в законодательном порядке.

Причина тому заключалась, может быть, в мнении, поданном Биржевым Комитетом, «что было бы весьма неудобно делать какие-либо изменения в статьях XI т. Свода Зак., потому что всякая перемена в составе артелей легко может оказать вредное влияние на деятельность их и на совестливое исполнение ими своих обязанностей: лица, вступающие в артель, подчиняют себя добровольным условиям и правилам, а при отправлении отдельно своих обязанностей артель ответствует за каждого своего члена и тем служит купечеству ручательством, что возлагаемые на артельщиков занятия, часто по весьма обширным оборотам, будут исполняться в точности и притом с совершенным обеспечением».

Из всего этого ряда узаконений очевидно, что законодательство касалось до сих пор артелей лишь косвенно, в последнее же время оно, как кажется, утвердилось на той мысли, что в отношении к ним могут быть постановляемы только правила, имеющие целью обеспечение исполнения принимаемых ими на себя работ и вообще подрядов, а с другой стороны, ограждение их самих от злоупотреблений подрядчиков, но что не следует вовсе определять как самое устройство артелей, так и взаимные отношения их членов, а равно содержание заключаемых ими условий, лишь бы эти условия не противны общим правилам о составлении договоров. С этой точки зрения и объясняется, почему во временных правилах 31 марта 1861 года о найме рабочих для исполнения казенных и общественных работ помещен ряд статей, относящихся к артелям, которые, впрочем, до внутреннего состава их не касаются, заключая в себе только постановление, что каждая артель ограничивается числом в 100 человек и что она составляется по взаимному их согласию и избирает из среды себя старшину с помощниками ему, смотря по своей величине, от одного до двух.

Не установляя таким образом правил, на основании которых артельщики могут вступать между собой в товарищество, законодательство тем не менее неоднократно заявляло преимущественное доверие к ним перед отдельными лицами и даже прямо выразило в некоторых Уставах и Положениях, что общественные работы должны быть особенно поручаемы артелям, в каком случае оно допускает даже взаимное ручательство членов артели в исполнении договора вместо залогов.

Такая мысль ясно выражена, напр., в Уставе о соли относительно найма рабочих для ломки и возки соли и для поставки на солеваренные заводы дров и леса; в приведенном выше Положении 1838 года апреля 30, в Положении 8 марта 1861 года о горнозаводском населении казенных горных заво-

дов ведомства Министерства Финансов, относительно найма рабочих для рубки дров, жжения угля и перевозки материалов для заводов или рудников; в Правилах о поручительстве по договорам с казною и проч.

В заключение предложенного обзора артелей как древней России, так и ныне существующих, мы считаем себя вправе из всего вышесказанного сделать следующие выводы: 1) что артели суть товарищества, возникшие на нашей почве совершенно самобытно и с незапамятной древности: 2) что при совершившемся освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости, стеснявшей сельскую промышленность, и при других благоприятных условиях для общественной деятельности товариществам, коих члены связаны между собой артельным началом, предстоит значительное развитие, обещающее вместе с тем благоприятные последствия и для других классов жителей; 3) что, ввиду такого развития артельного начала, желательно, чтобы законодательные постановления относились к нему и в будущем так точно, как относились до сих пор, т.е. чтобы оно не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло выработаться свободно в среде самого народа.

СОХРАНИТЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

О БОГАТЕНИИ

ПРОХОРОВ Тимофей Васильевич 1797 — 1854

В работе известного русского предпринимателя, владельца знаменитой Прохоровской Трехгорной мануфактуры, высказываются мысли, которые разделялись большинством коренных русских купцов.

Человеку нужно стремиться к тому, чтобы иметь лишь необходимое в жизни: раз это достигнуто, то оно может быть и увеличено, но увеличено не с целью наживы — богатства для богатства, — а ради упрочения нажитого и ради ближнего. Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. Ввиду этого нужно посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницей и пр. и пр. Наградою делающему добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет «в Боге». Богатство часто приобретается ради тщеславия, пышности, сластолюбия и пр., это нехорошее, вредное богатство, оно ведет к гибели души. Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется

нравственно, духовно: когда он делится с другими и приходит им на помощь. Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неоценимо, полезно. Примером того, что богатство не вредит, служат народы, у которых при изобилии средств редки пороки. Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных. Без средств, без труда, энергии не может пойти никакое промышленное предприятие: богатство — его рычаг. Нужды нет, что иногда отец передает большие средства сыну, сын еще более увеличивает их, как бывает в коммерческом быту». Это богатство хорошо, оно плодотворно, лишь только не надо забывать заветов религии, жить хорошей нравственной жизнью. Если богатство приобретено трудом, то при потере его оно сохранит от гибели человека: он станет вновь трудиться и еще может приобрести больше, чем у него было, он живет «в Боге». Если же богатство случайно досталось человеку, то такой человек часто не думает ни о чем, кроме своей похоти, и такой человек при потере богатства погибает. Вообще частное богатение, даже коммерсантов или банкиров, полезно, если человек живет по-Божьему.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ

КОКОРЕВ Василий Александрович 1817 — 1889

Выдающийся русский предприниматель и экономист, сторонник сохранения и развития самобытных начал русской экономики. Вышел из старообрядцев поморского толка города Солигалича Костромской губернии. Добился больших успехов в торговле, разбогател на винных откупах. В 1870 г. основал Волжско-Камский банк и Северное страховое агентство. Одним из первых русских предпринимателей вложил большие капиталы в развитие нефтяного дела. Вместе с Губониным построил уральскую горнозаводскую дорогу.

В своих работах показал губительность для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм.

Книга, отрывки из которой мы публикуем ниже, была написана им на закате жизни, в 1887 году, и вместила экономические события за полвека. Анализируя экономические неудачи России, Кокорев убедительно доказывает, что они являются, как правило, результатом слепого копирования зарубежного опыта.

Особо следует отметить правильность оценки Кокоревым кабальной природы внешних займов. Он справедливо замечает, что эти займы стали средством угнетения России и способом перекачки ее ресурсов в пользу иностранных капиталистов. Вместо внешних займов, ложащихся тяжелым бременем на русскую экономику, Кокорев предлагал идею «печатания беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности».

Пора *государственной мысли* перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и *познать в своих людях свою силу,* без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасительное согласование есть верный путь к покойному и правильному движению от силы в силу, тогда как путь розни и разлада с жизнью, т. е. нынешний путь, тянет в обратную сторону — от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну экономического расстройства. И мы дошли, наконец, до той глубины этой бездны, где уже редеет дыхание, не освежаемое чистым воздухом.

Печалование о расстройстве экономического положения России объемлет в настоящее время все сословия; все чувствуют, как быстро в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений.

Наше экономическое и финансовое обнищание образовывалось целыми десятками лет и дошло до того, что теперь никакие новые системы займов не могут направить нас на путь общего довольства и благосостояния. Вместе с этим было бы уже окончательно пагубно предаваться полному отчаянию, а лучше взглянуть без колебаний и робости прямо в глаза причинам, породившим угнетающие нас обстоятельства. Финансовая война против России настойчиво ведется Европою с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы. Настоящее положение настойчиво требует того, чтобы мы ободрились духом и сознали бы силу в самих себе. Примерами ободрения нам могут служить времена Петра I. Мы были тогда в военном деле совершенно

поражены под Нарвою, но это, однако же, не помешало нам в то же царствование отпраздновать Полтавскую победу и, к удивлению всей Европы, заявить такой исполинский рост нашей военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и в Финляндии, через сто лет от времени нарвского поражения, мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков. Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя. Но, благодаря Богу, теперь наступило иное время: с высоты Престола веет свежим, новым духом ободрения Русских сил, и это веяние свидетельствуется в глазах всех указаниями и решениями, исходящими лично от благополучно царствующего Императора Александра III, в силу чего Русское патриотическое здравомыслие может признавать в себе твердое убеждение в том, что период нашего финансового и экономического возрождения возможен и находится не за горами.

Прежде всего считаю необходимым предупредить благосклонных читателей, что я вовсе не имею намерения утруждать их внимание предложением какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая в себе полное незнание финансовой техники, при совершенном при том недоверии к девальвациям, консолидациям, конверсиям и тому подобному туману, напускаемому на нас в виде финансовой науки; но в то же время я полагаю, что внесу в сокровищницу общей пользы посильную лепту, если изложу последовательно все случаи пережитых Россией финансовых и экономических

провалов, для определения которых, я должен сознаться, у меня нет никаких материалов, кроме запаса памяти о событиях, причинивших финансовое расстройство. События эти всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданиями со стороны изобретателей их и сопровождались самыми горькими последствиями, доставшимися на долю народонаселения. Таковые события живо и ясно сохранились в моей памяти, и мне сдается, что, если читатель вообразит себе нижеизлагаемые никогда не существовавшими, то его внутреннему воззрению представится наше отечество богатейшею страною в мире, не нуждающеюся ни в каких кредитных пособиях со стороны иностранных бирж, Ротшильдов, Мендельсонов, Блейхредеров и т.п. А дабы губительное действие провалов было по возможности исправлено, надо прежде всего знать их корень и горечь последствий. Вот почему на закате моих дней я решился написать очерки экономических провалов, начинающихся за пятьдесят лет тому назад, основанные единственно на пережитых мною тяжелых ощущениях при виде того, как при каждом провале искалечивалась Русская народная жизнь и как надвигались на нее тучи бедности и лишений, несмотря на блестящую внешность официальной России. Здесь кстати будет сказать, что в настоящее время постоянно слышится: *чем хуже, тем лучше.* Отвергая этот взгляд, я верую в то, что над Россией свершится исполнение другого изречения: *«В скорби моей распространи мя еси».*

… Представим себе, хотя мысленно, то великое значение, которое нам было, так сказать, на роду написано и неоднократно указываемо Русской народной мыслью, и которого мы непременно бы достигли, если бы обновляли экономическую жизнь нововведениями, заимствованными прямо из жизни, не сбиваясь с действительного пути на какой-то извращенный путь, т.е.:

— если бы мы жили на медную гривну, а не на серебряный рубль, развивший в нас вредную похоть к расходам;

— если бы мы избежали Крымской войны, предотвратив ее сооружением в 40 — 50-х годах железной дороги из Москвы к Черному морю;

— если бы мы не надевали насильно на крестьянское и рабочее население линючей и непрочной ситцевой ткани и вместо платежа денег за хлопок направили бы эти деньги не за границу, а в избу земледельца за домашний лен;

— если бы мы не омертвили Сибирский тракт разрешением ввозить чай по западной границе и продолжали получать этот чай в Кяхте, посредством размена его на произведения наших фабрик, не расходуя на покупку чая монеты;

— если бы мы в 1857 году вместо сооружения Варшавской дороги начали нашу железнодорожную сеть с замосковных дорог и сберегли тем сотни миллионов, потраченных за границей по случаю обесценивания наших бумаг;

— если бы мы, «...» не уничтожали бы опекунских советов и не разоряли бы земледельцев лишением кредита;

— если бы мы, прежде приступа к сооружению железных дорог, образовали бы у себя рельсовые, локомотивные и другие заводы, нужные для железнодорожного дела, и не бегали бы за каждой гайкой за границу;

— если бы мы однообразием акциза не убили бы сельскохозяйственного винокурения и безграничным открытием кабаков не спаивали бы народа;

— если бы мы не ослабили в дворянских имениях сельскохозяйственного винокурения посредством данного права всем сословиям устраивать спекулятивно-винокуренные заводы, и т.д., и т.д.

Подводя итог всем этим *если,* интересно знать, какою бы цифрою потерь он выразился? Совершенно безошибочно будет сказать, что итог этот, когда бы можно было его сосчитать в цифрах, оказался бы с лишком вдесятеро против той контрибуции, которую взяла Германия с побежденной ею Франции в 1870 году. Вот куда ушло богатство России,

вот отчего образовалось наше обнищание! Наши внутренние недуги как будто сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами в речах, в печати и, наконец, в государственных воззрениях проводить идею, придавая ей значение какого-то догмата, о невозможности Верховной Власти разрешать — без потрясения финансов — печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности. Известно, что в основании этой проповеди лежало в Европе желание ограничить силу Власти и поставить ей в денежном вопросе известную преграду для предотвращения войны, чего на деле достигнуто не было, потому что во временных действий всякие ограничения исчезали и выпуск бумажных денег появлялся в том количестве, какое было необходимо для покрытия военных издержек. Мы видели, что вышеозначенное научное правило не могло задержать и у нас появления бумажных знаков ни в Крымскую, ни в Восточную войны, но потом, по водворении мира и спокойствия, безусловное соблюдение данного правила ложилось на народную жизнь самым угнетающим образом.

Для выяснения всех гибельных последствий этого провала необходимо войти в многосторонее обсуждение всех причин и обстоятельств, низвергнувших нас в глубокую пропасть безвыходных затруднений.

После Крымской войны мы никак не решались строить железные дороги на беспроцентные бумажные деньги несмотря на то, что народная жизнь принимала их в полном рубле и с полным доверием, и мы бы могли платить этими деньгами за все земляные, каменные, плотничные и т.п. работы. Мы могли бы на эти деньги построить дома, у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Все-

российкого правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений. Мы имели ложную боязнь, что при значительном выпуске бумажек наш рубль сильно упадет, и потому пустили в ход на иностранные биржи наши векселя с 5% интересов, т.е. облигации железных дорог и других займов, и отдавали их с уступкою более 30%. Что же вышло? Наш рубль все-таки упал на 40%. Если бы это падение случилось при постройке железнодорожной сети, без займов, посредством беспроцентных бумаг, даже более чем на 40%, то наше положение было бы в тысячу раз лучше теперешнего, потому что мы не были бы угнетены долгами и не были бы обязаны платить ежегодно 260 миллионов процентов за сделанные займы. Теперь, не достигнув поддержки ценности рубля, мы взвалили на народную спину такой долг по платежу процентов, который погашает целую треть из общего итога государственных приходов, упадая ежегодно в размере около 8 рублей за каждое взрослое мужское лицо. Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек! Такое великое умопомрачение только и можно объяснить тем, что если Бог захочет наказать, то отнимет у людей ум. Самый простой поселянин понимает, что беспроцентный долг легче, чем требующий уплаты процентов, и притом еще долг заграничный с такими тяжелыми условиями, чтобы уплачивать его металлическими деньгами по векселям (облигации), проданным со скидкой 20 или 30% и с ответственностью за курс, не при займе существовавший, а за курс того дня, в который будет произведен платеж. Итак, извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека, без всякого с ее стороны ведома. Займы такого губительного свойства можно сравнить только с займами некоторых прапорщиков прежнего времени, которые проматывали состояние своих отцов и тем казнили сами себя, а наши заграничные займы казнят всех нас, с мала до велика.

Нет, нельзя допустить такой мысли, чтобы деятели, создавшие означенную кабалу, уже до такой степени непрозорливы, что не сознавали вредных и совершенно очевидных последствий своих действий. Тут лежало другое руководящее воззрение, и мы попробуем подойти к раскрытию его.

Все то, что было отяготительно Русскому правительству и народу, было желательно Европе, потому что всякое наше оскудение усиливало Европейское влияние на Россию. Европа постигала, что верноподданная Россия, преданная в глубине души безусловному исполнению царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому с высоты престола мановению: а дабы положить этой силе преграды и затруднения, надо было сверх других экономических козней связать нам руки, т.е. подчинить правилу, что вместо простых денежных знаков можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на Европейских биржах, дабы этим способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а Верховной Русской Власти противопоставить власть Ротшильдов и т.п. заправителей биржевого курса и *сделать из этого курса политический и финансовый барометр для определения русской силы, показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспеяния.* В этой интриге они явились горячими пособниками, затрудняя царскую мысль и волю во всех ее стремлениях к созиданию Русского благоустройства на свои домашние средства; словом, они возродили власть принципов и подчинили им боготворимую Русским народом его исконную святыню.

Свершилось! Мы разорились, обеднели и погрязли в неоплатных долгах, а влияние Европы стало нас придавлять самою ужасною тяжестью — тяжестью благоволения. И пошла Русская жизнь, кое-как путаясь с ноги на ногу, с поддержкою ее милостивыми благодеяниями Европейских банкиров, которые до того вошли во вкус порабощения нас

своей денежной силе, *от нас же ими заимствованной* во все время предыдущих провалов с 1837 года, что при последних займах, как это было слышно, требовали уже обязательств от Русского правительства о невыпуске денежных беспроцентных бумаг. Как ни тяжело наше настоящее положение, но если бы мы могли, наконец, сказать сами себе, что обеднение наше раскрыло нам глаза и дало истинное понятие о всех наших провалах и, главное, о *причинах, их породивших,* тогда бы Русская земля нашла в себе средства к выходу из всех окружающих ее затруднений. «Спасение наше дома, в своей земле», — слова М. П. Погодина. И кто ведает непостижимые судьбы Всевышнего? Кто знает, что переживаемое нами угнетение не есть ли путь к нашему вразумлению и возрождению, путь к переходу в ту светлую область соединения мудрой царской воли с народным смыслом, где уже никакие внутренние недуги не будут в силах вносить в народную жизнь ядовитых измышлений?

Следовало бы, прежде чем прийти к мысли о невозможности печатать беспроцентные бумажные деньги, определить, сколько для всей Русской жизни нужно вообще денег, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за труд рабочих по сельскому хозяйству и фабричному производству и т.д.; потому что при неимении монеты, исчезнувшей по случаю прежде изложенных товаров и предательских тарифов, надобно, чтобы были, по крайней мере, в потребном количестве бумажные знаки ценности. Затем следовало бы принять в соображение наши расстояния, например: Кавказ — Архангельск, Иркутск — С.-Петербург, Москва — Ташкент, Варшава — Амур и т.д. У нас никакого исчисления по этому основному вопросу еще никем не сделано, и мы сами не знаем, много или мало у нас денежных знаков, и скорее надобно думать, что их мало, по тем затруднениям, какие всюду встречаются в денежных расчетах. Безусловные поклонники чужеземных правил, не входя ни в какие подробности и не исчислив раз-

мера нужного для крайних надобностей количества денег, гласно вопиют на всякие лады о невозможности выпуска бумажных знаков, для какого бы общеполезного и выгодного государственного дела они ни понадобились. Голоса эти слышатся с 1856 года, после которого к России присоединились умиротворенный Кавказ и затем Амур, Ташкент, Каре и Батум, породившие новую потребность в оборотных денежных средствах. Но финансисты ничему этому не внемлют, ничего знать не хотят и продолжают петь свою песню и единично, и хором, в домах, в комитетах и на распутиях. В период времени от 1860 до 1875 года все стояли за невозможность выпуска, и даже самые патриотические люди, Ф. В. Чижов и И. К. Бабст, принадлежали к этому же воззрению, и в целой России в обществе и печати раздавались только три голоса, желавшие для постройки железных дорог появления беспроцентных железнодорожных бумаг вместо разорительных процентных займов за границею. Это были М. П. Погодин, А. П. Шипов и А. А. Пороховщиков, но их за этот взгляд называли не только отсталыми, но и юродивыми.

(…) Все наши провалы, начавшиеся с 1837 года, не были последствием зол, нанесенных небом, вроде эпидемий, землетрясений и неурожаев, или грозного нашествия каких-либо врагов, подобно бывшему в 1812 году. Все беды надвинулись на нас как наказание за великий смертный грех — *духоугашения,* и чем более гаснул дух народных мыслей, тем более входил в законопроекты и вообще в насилование жизни дух умопомрачения. Историк России будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, так сказать, ничтожное дело, отправляясь в течение XIX столетия по два раза в каждое царствование воевать с какими-то турками, как будто эти турки могли когда-нибудь придти к нам в виде наполеоновского нашествия. Покойное и правильное развитие Русской силы в смысле экономическом и финансовом, без всяких походов под турку (говоря солдатским языком), порождавших

на театре войны человекоубийство, а дома — обеднение в денежных средствах, произвело бы гораздо большее давление на Порту, чем напряженные военные действия[1].

Пора сознаться в том, что мы забыли то, чего нельзя ни на минуту забывать, забыли, что животворные мысли, выражающие наитие Божией благодати, ниспосылаются тем людям, которых наша горделивая и бессодержательная суетность считает невеждами, не ведая того, что выражение на земле Высших Небесных Тайн было вверено грубым простолюдинам, оставившим нам завет *не угашать духа, в нем бо сила.*

И этот великий завет, изреченный носителями на земле всетворящего Духа Божия, должен был бы составлять неуклонную стезю жизни, а мы с нашим оледенелым сердцем и извращенным воззрением, уклонившись от истинного светозарного пути, стали искать спасения в окоченелых канцелярских справках и форменных пустословных комиссиях, думая найти в них свет разума (о несмысленное заблуждение!), и убедившись сто тысяч раз, что на этом пути ничего нет, кроме темнообразной путаницы, все-таки продолжаем коснеть в глубокой тьме вредного лжесловесия и разрушительного злообразия.

Слышу возражения, смешанные с вопросом: все это одни слова, и никто не знает, где находятся люди света и какая есть возможность их найти? Отвечаю: эти светочи живут вместе с нами и находятся на всех дорогах жизни, озаренные лучами правды и долготерпения.

Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о расстройстве жизни по случаю увеличения кабаков, представляет собою живую государственную лекцию (гораздо более поучительную, чем все наши экономи-

---

[1] Читатели Архива князя Воронцова припомнят, что эту же самую мысль относительно безвредности турок и необходимости беречь нашу силу для врагов с Запада неоднократно выражал граф Семен Романович Воронцов еще в прошлом столетии (Рус. Арх. 1887 года).

ческие лекции), к которой надобно было бы приложить внимательное ухо власти более двадцати лет тому назад[1].

Помещичья семья, вытесненная из своего гнезда бескредитным удушьем и разрушением мелких винокурен и скитающаяся по белу свету уже четверть столетия, составляет вторую государственную лекцию.

Кружок людей, умолявших властных лиц не учреждать Главного Французского общества железных дорог, а образовать вместо этого Русскую деятельность, составляет своего рода поучительную, также государственную, лекцию.

Другой кружок, составившийся из 92 патриотических лиц и ходатайствовавший об отдаче Николаевской дороги, выражал собой живой родник чистых струй народной деятельности, но этот родник засыпали разным сором теоретических чужеземных воззрений и т.д., и т.д.

По всему видно, что смиренные светочи, т.е. помещичьи и крестьянские семейства, разоренные преобразованиями, не могут в течение 25 лет возбудить к себе такого внимания, которое бы поворотило их *быт на новый лучший путь.* Без сомнения, это нерадение происходит от общего свойства Русской натуры, одинаково подчиняющейся как в простонародье, так и в интеллигенции, известной поговорке: Русский не перекрестится, пока гром не грянет. Впрочем, течение Русской жизни представляет не одну только сдержанную скорбь, но и грозу с страшным громом, беспрестан-

---

[1] Мне не раз случалось посещать лекции политической экономии в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться не могут, а сбить себя с толку (если будут верить в лекции, не относясь к ним критически), могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга. А сколько таких сбитых с толку людей попало впоследствии на влиятельные финансовые места? И начали эти люди направлять экономическую жизнь России по указаниям Мишелей Шевалье, Адамов Смитов и т.п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т.д., а затем надели на себя суму и пошли смиренно по миру питаться подаянием. — **В. К.**

но вокруг нас раздающимся. Замерзающие зимой на дорогах крестьяне, пропившие свою одежду и обувь, или преждевременно умирающие в деревнях от жестокого пьянства разве не представляют собой грозу и бурю? Затем, случаи убийства из-за нескольких гривен, совершаемые от помутившегося от пьянства рассудка, также выражают смертоносный гром бедствий. Наконец, наша молодежь, наши будущие заместители в жизни (офицеры, студенты и гимназисты), оканчивающие жизнь самоубийством, неужели не в силах возбудить такую деятельность в наших мыслях, которая додумалась бы до причины, порождающей отчаяние? Если каждодневные оглашения в печати скорбных известий о самоубийствах нас не трогают, то какие же словесные убеждения могут возродить в нас чувство жалости. Какая речь может быть убедительнее и трогательнее бездушного пораженного смертью человека, самовольно лишающего себя жизни от тоски и невозможности направить себя на путь полезного труда? Давно изречено святым Златоустом, что если смерть наших братьев не может нас уцеломудрить, то затем уже никто и ничто нас не уцеломудрит. Остается одно: плакать горькими слезами при виде того, как мертвые духом погребают мертвых телом.

Но от всех разрушительных провалов, породивших бедность и самоубийства, можно было бы избавиться, если бы мы оканчивали каждый день строгим требованием от своей совести удостоверения в том, что в течение дня не было отвергнуто ни одной просьбы, как бы она малозначительна ни была, и ни одно предложение о разных потребностях не только больших городов, но и бедной деревни не оставлено без скорого удовлетворения.

Нетрудно отгадать, что во мнении читателя возникнет удивление, смешанное даже с досадою и порицанием за то, что воспоминания за 50 лет представляют одни только провалы, как будто Русская жизнь в течение полвека не имела свет-

лых событий. Такое неудовольствие было бы вполне справедливым, если бы я за 50 лет описывал общее течение Русской жизни и это описание наполнил бы одними экономическими провалами, но так как задача сочинения состояла в обозрении экономических преобразований, то это уже не моя вина, что пережитые мною преобразования и нововведения представляют беспрерывный ряд провалов, деятельность которых осязательно удостоверяется настоящим финансовым и экономическим положением России. Справедливее будет такое заключение, что не все провалы мною исчерпаны: многие из них вовсе неизвестны и некоторые, без сомнения, не сохранились в моей памяти. Но чтобы не оставлять читателям сетования на то, что при созерцании всего прошедшего я был неспособен видеть отрадных явлений, считаю моею обязанностью, хотя в кратком изложении, поименовать те события, которые веселили дух Русских людей. Здесь я буду держаться того же правила, как и в провалах, то есть излагать те суждения, которые высказывались в обществе и в народе и ясно доказывали, что в то время, когда мы падали в экономическом положении, Русская жизнь в других ее проявлениях выражала очевидный рост. Остановимся на нашей главной гордости, военных силах России, беспрепятственно обновляющихся дальнейшим благоустройством и через это достигающих самого блестящего и влиятельного положения в Европе. У всех русских людей на глазах значительное улучшение положения солдата в отношении пищи, одежды и всей обстановки солдатской жизни в казармах и лагерях, это улучшение выразилось на самом наружном виде солдат, в особой их бодрости и веселости лиц сравнительно с прежним временем. Введенная вместо рекрутских наборов всесословная воинская повинность сразу прекратила семейные слезы и отчаянные вопли, какие слышались прежде.

Затем, другие части хозяйственного строя, положим, художественная — живопись, скульптура, архитектура — дав-

но уже заняли самое почетное место среди образованного Европейского мира, заявив всесветно множество талантов и массу замечательных произведений.

Русская медицина также, заняв самое почетное место в Европе, постоянно вносит в общую сокровишницу мировых знаний свои даровитые открытия и наблюдения для пользы человечества.

Инженерное искусство, сооружая мосты через такие реки, как Днепр и Волга, и пролагая дороги по Уральским и Кавказским хребтам, имеет полное право на то заслуженное удивление Европы, которое не раз высказывалось русским инженерам.

Примерно стройное и всех удовлетворяющее течение почтово-телеграфного дела не оставляет желать ничего лучшего. Но что выражает верх успеха и верное движение вперед с постоянным вкладом полезных сведений в общую сокровищницу жизни — это наша Русская печать, заявившая свой очевидный рост в размере, объемлющем отечественные потребности.

Все подобные совершенства и правильные шаги вперед вовсе не существуют в той части управления, которая ведает экономию и финансы. В этой части, наоборот, все идет к упадку и этим упадком тормозится общее движение жизни по пути преуспеяния. Что же за причина первых вышепоименованных частей управления и упадка другой части, т.е. финансовой и экономической? Дело представляется в таком виде: военное хозяйство находится в непрерывном сношении с живыми людьми, офицеры узнают и подмечают все нужные потребности для обыденной войсковой жизни прямо из самого хода солдатской жизни, генералы узнают все это от офицеров и потом все это безо всякого промедления восходит к решению главных высших властей; тогда как экономическая жизнь не может от своего начальства добиться никакого удовлетворения в ее насущных

потребностях и даже не знает, кто ее начальство и где оно находится. Между тем на эту горемычную жизнь налагаются — без всякого совета с ней — законопроекты о налогах, измышляемые в канцеляриях на основании европейских теорий, а не живой потребности.

Мир художественный вовсе не имеет никаких канцелярий, живет и развивается сам собою, единственно от прямого соприкосновения к живой натуре человека и природы.

Мир медицинский также чужд всяких канцелярий и имеет дело прямо с пульсом человека, но ведь у экономической жизни есть свой пульс, только, к несчастью, наука политической экономии не приготовила, подобно медицине, экономических Эйхвальдов, Боткиных, Захарьиных и т.д. для ощупания экономического пульса, дабы по его ударам и отбоям можно было определять состояние общего экономического организма.

Мир инженерный, при всех сооружениях, находится в неразрывной связи с народом. П. П. Мельников не раз доказывал в своих разговорах, что только тот инженер может идти вперед, который умеет пополнять свои ученые знания народным смыслом. По его мнению, в массе простых рабочих всегда есть несколько таких, которые самого опытного инженера довоспитывают своею смышленостью при практическом исполнении работ, сами не сознавая за собою столь важного достоинства.

Общий итог сводится к тому, что в военном, медицинском, художественном и инженерном деле движущая сила исходит из вдохновения и развития мыслей, не угнетаясь никаким давлением канцелярского формализма, тогда как в финансово-экономическом управлении не было не только уважительного отношения к вдохновенью, но наоборот, полные и неистовые стремления к тому, чтобы задушить всякое вдохновение. Нет спора о том, что финансовое управление не может отрешить себя от двуличности, будучи обязано преследовать

иногда расчет, а иногда воззрение вдаль, а потому оно может часто находиться в колебании между расчетом и воззрением, но в изложении провалов мы видим только такие действия, которые, нанося явный вред расчету и воззрению, вели к прямой гибели. Говоря народным выражением, поневоле приходится сказать, что просто не хватало смекалки ни для расчета, ни для воззрения.

Возьмем для примера факты, именно: предложения Русских людей строить дороги на Русские средства без заграничных займов, мольбы не увеличивать кабаков, не доводить мелкие винокурни до разрушения, не уничтожать кредит для земледельцев и не отдавать Николаевской дороги анонимному акционерному обществу. Разве все это вообще и в отдельности взятое не выражает чистейшего патриотического вдохновения, но было ли это вдохновение понято и оценено? Нет, не только не было понято, а отвергнуто как ненужное и бесполезное, отвергнуто потому, что на Русской земле не образовалась еще своя финансовая наука, соглашенная с Русской жизнью, и вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов и поклонению этому с энергией Диоклетианов, в смысле изнурительного надрыва народных сил, привлекаются Русские люди. Между тем в этих изнуряемых силах лежит истинное понятие о потребностях жизни, и кто добудет эти понятия из сердечной глубины русского мышления, кто поймет чистоту народных намерений и желаний, тот будет в состоянии написать руководящую книгу о Русской экономической науке. Но чтобы почувствовать в себе силу приступить к этому, надобно предварительно уметь читать и понимать еше другую многосложную книгу, называемую Русская жизнь, листы которой раскрываются только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым серым Русским людям, для поклонников же чужеземных теорий книга жизни остается навсегда за твердой печатью недоверия.

Оканчивая повествование об экономической жизни России за 50 лет, я вижу в этом сравнительное сходство с могильным курганом, в котором погребена человеческая жизнь со всеми ее несбывшимися надеждами и мучительными страданиями от насильственного угнетения общечеловеческого роста чужеземными веригами, отравленными ядом зависти и злобы.

На этом кургане, неумолкаемо оглашаемом народным рыданием, прилично начертать: «Если равнодушные к человеческим бедствиям услышат грозный глас: *«Стыдите от Мене»* и пр., то что же услышат создающие беды и напасти?»

Не политико-экономичекие витийства, не парламентские хитросплетенные речи и не разновидные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличивания России, а живущее в простых чистых сердцах Слово Божие, *То,* единое *То,* наставит нас на путь Истины и Правды.

УМНОЖЕНИЕ НАРОДНОГО КАПИТАЛА

БАБСТ Иван Кондратьевич 1823 — 1881

В своих воззрениях И. Бабст был довольно эклектичен. Понятия факторов производства и экономического прогресса трактовались им преимущественно с западнических позиций. Но были и отличия, которые возвышали его над западными представлениями, прежде всего он разграничивает капитал производительный и капитал спекулятивный. Понятие «капитал» он рассматривает с русских народных позиций, как результат труда и бережливости, отождествляя его с народным богатством.

Более того, расширительно толкуя понятие народного капитала, он включает в него капитал нравственный, то, что мы сегодня называем человеческим капиталом. Бабст придает этому виду капитала большое и даже решающее значение в развитии народного хозяйства.

(…) Позвольте мне в заключение указать вам еще на одну весьма важную сторону нашего вопроса, еще на одно условие, способствующее к умножению нашего богатства. Я говорил до сих пор об умножении материального благосостояния, об умножении капитала вещественного, но есть еще одна отрасль народного капитала — это капитал нравственный, заключающийся в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться

на внешнюю помощь, не искать себя в силах, лежащих извне, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Не одинаково и не ровно распределены сии высокие качества нравственного достояния народного, этого неоценимого запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве. Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности квакеров, известной всему миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на востоке до неутомимого духа к спекуляциям североамериканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют с самых молодых лет презрение к честному труду, презрение к честности и образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его, — там, конечно, не может быть честности, а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство. И действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления? Развитие промышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит. Английские векселя принимаются охотнее всего на биржах; богатейшие и известнейшие во всемирной торговле дома, самые зажиточные торговцы встречаются только в тех местах, где существует продажа без запроса, где даже не знают, что значит торговаться. Запрос, барышничанье, страсть торговаться — это

явный признак мало развитого народного хозяйства, а вместе с тем и народной честности, потому что здесь каждый думает нажиться скорее и быстрее всякими непозволительными средствами. [1; 43 — 45]

Оглядимся же беспристрастнее на все наши в течение последних лет затеянные предприятия. Откуда взяты на них средства? Где нашлись капиталы? Бумажные деньги — это не капитал. Ни бумажные рубли, ни даже серебряные не в состоянии вызвать к жизни необходимых для предприятий средств, не они капитал, а настоящий капитал состоит в средствах для прокормления рабочих, в материалах, и этот-то действительный капитал у нас невелик, и далеко не представляется теми вновь созданными и брошенными в народное обращение искусственными капиталами в форме кредитных билетов.

В такое критическое время проявляется самым ясным образом все различие между частным и народным богатством. Умножением денег частные люди могут разбогатеть, народ никогда. Отчаянные спекуляции могут обогатить одних, разоряя других; народ от спекуляций никогда не будет в выигрыше. Народ благоденствует и богатеет от действительного производства, от предприятий призрачных никогда.

РАБОТА И ТРУД

ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ Никита Петрович 1824 — 1887

В книге «Основные начала экономии», опубликованной посмертно в 1888 в «Русском деле», Гиляров-Платонов проанализировал учения Лассаля, Родбертуса, Маркса, Дюринга, Шеффле, Тедески, Мейера и др. современных ему экономистов. Причем в отношении последнего, отмечая еврейский дух капитализма, он иронизирует, что тот договорился до производства без капитала «на воздухе и из воздуха».

«Материалистическое направление мысли, — говорит Гиляров-Платонов, — повело к тому, что вопрос общественности объявлен вопросом желудка»; это же направление «препятствует экономистам справиться с экономическим элементом услуг». Духовная жизнь есть не только цель растительной, но она ею и управляет; она дает бытие самой экономии, служит основанием материального прогресса». «Ум есть родоначальник стоимости, он же основание ценности и, следовательно, субстанция в обоих направлениях». Если бы не был упущен из виду этот психический элемент, то, между прочим, не ускользнуло бы от внимания, что «существующим экономическим устройством более всех обижен не рабочий, а интеллект», и тогда очевидна была бы «ложность теоремы, что рабочему должен принадлежать весь его продукт». «Ценность есть отражение годности, а в годности лежит уже зародыш психического элемента, ибо годность определяется потребностью». «Зачеркнув чувства и желания человека, — говорит Гиляров, — измеряйте труд каким угодно

динамометром, но реально измерить его не сможете. К нему неприложимо определение Маркса «воплощенный труд», ценность же есть понятие телеологическое».

Гиляров-Платонов выдвигал моральный, психический элемент в политической экономии, тот элемент, который ученые экономисты стали рассматривать в сер. XX в.

Говоря о производстве, Гиляров-Платонов делает вывод, что не производитель, а потребитель есть владыка экономической жизни, вследствие чего риск есть необходимая принадлежность производства, а монополия и централизация суть неизбежное зло современного состояния природы и общества. Высшая конечная цель этого производства заключается в питании духовном, вследствие чего материальное богатство не есть самостоятельное благо, весь же вообще экономический процесс сводится к трате жизненных сил с целью и в надежде их возобновления посредством усвоения материи, причем, возражая Марксу относительно направления экономического прогресса, автор сам намечает следующие ступени этого прогресса: 1) отношение непосредственное (благ к человеку), 2) отношение посредственное (процесс разложения конкретных благ и идеализация), 3) победа над посредственностью и идеализацией, возвращение к непосредственному пользованию благами, но под единственным управлением интеллектуальных сил, с полным не только освобождением, но и упразднением материального мускульного труда.

По вопросу о соотношении между трудом и капиталом в производстве Гиляров-Платонов высказывается безусловно против тезиса, будто бы труд человека есть единственный творец хозяйственных благ. Труд, по его мнению, не только не единственный, но и не главный производитель; мало того, он даже совсем не производитель, а лишь орудие производящей силы, имеющей целью покорить природу; между тем как капитал, будучи природой уже покоренный, есть ценность, дающая самостоятельный доход, — это саморастущая

ценность. В человеческом обществе природа мало-помалу превращается в капитал и теряет свою самобытность, а человек по природе своей капиталист. Определение капитала как «сбереженный труд» указывает лишь на происхождение, определение же его как орудия производства указывает лишь на применение, а между тем вследствие односторонности этих определений ускользает от внимания правильное, соответствующее природе вещей соотношение между трудом и капиталом, — соотношение, в котором как бы стихийно труд вытесняется капиталом, и в этом осуществляется начало прогресса в хозяйственной сфере. В вопросе права собственности на этот капитал Гиляров-Платонов отмечает непоследовательность многих экономистов. Спор по этому предмету сводится, по мнению Гилярова, к тому, что «теперешнее положение признает права рода и права корпорации, предоставляя внутренний распорядок соглашению, социалисты же распространяют эти права на общества, не доходя до человечества, но вместо внутреннего соглашения вводят регламентацию, — и таким образом решение сводится лишь к степени».

Вопросу о ценности и цене в «Основных началах экономии» отведено особое место. Основной тезис автора сводится к тому, что для ценности труд не только не единственное основание, но даже не главное, и даже совсем не основание. В данном случае, утверждая противное, упускают из виду психический элемент. Что же касается цены, то в отношении к ней определителем является не затраченный труд, а тот труд, который надо будет затратить на восстановление или воспроизведение такой же вещи. Затраченный труд имеет значение лишь для самого производителя, но и производитель сообразуется не столько с затраченным уже трудом, а с будущим, и в этом отношении или с этой точки зрения можно безошибочно сказать, что в общем экономическом обороте труд всегда проигрывает, а потребитель выигрыва-

ет. Потребительная стоимость есть материальный носитель меновой.

Сливая понятия о капитале и поземельной собственности, Гиляров делает то же и в отношении к ренте и проценту, причем он рекомендует назвать рентой вообще всякого рода избыток как результат всякого рода монополии (искусственной или естественной) и обращает внимание на недостаточно ясное разграничение понятий о заработке и доходе. В вопросе о заработной плате Гиляров-Платонов являлся безусловным противником Маркса, который видел только время, а не хотел видеть качества работы, вследствие чего, между прочим, приветствует т.н. фабричное законодательство. Это отнюдь цели своей не достигает. Уменьшение числа рабочих часов тогда только целесообразно, когда плата остается неизменной; а разве не в воле капиталиста уменьшить плату в меру уменьшения часов? «Гигиенический результат этого законодательства еще куда ни шло, имеется, и им, конечно, пренебрегать не следует, а экономический — химера», — считает Гиляров-Платонов. Соглашаясь с Лассалем, что рабочий получает свое продовольствие, Гиляров не одобряет, однако, его выводов из этого и вообще приходит к заключению, что «в получении дохода рабочий обделен не более других деятелей производства». Когда, говорит он, «рабочий простирает руки к доле избытка, ускользающей от него, он свидетельствует лишь о похоти своей на роскошь», ибо прогресс с каждым днем ее у него сам увеличивает, т. ч. в данном случае требования социалистов суть не что иное, как забегание вперед. Кроме того, если допустить рабочего до участия в барышах, то придется привлечь его и к участию в убытках, что, конечно, опять было бы справедливо лишь в том случае, если рабочий был бы и сам хозяином, а все рабочие хозяевами быть не могут.

В «Основных началах экономии» Гиляров-Платонов предлагает более точную русскую терминологию. Так, напр.,

он рекомендует заменить термин «продукт труда» термином «изделие труда», ибо в таком случае установится следующая постепенность в развитии одного и того же экономического понятия: 1) изделие труда, как непосредственный результат «мускульной и нервной (умственной)» работы, 2) изделие-товар при мене, 3) припас, как товар, дошедший уже до потребителя, т.е. переставший быть товаром, и 4) запас, как непотребленный еще припас.

В труде Гилярова-Платонова рассматривался и вопрос о задаче государства или закона в отношении к хозяйственной сфере, и по этому предмету он формулирует совершенно ясное и определенное положение: «на обязанности закона лежит ограждать взаимодействие, взаимную помощь, а не взаимную борьбу; борьбе, исходящей из личного интереса, он должен полагать границы».

Жизнь есть подвиг,
а не наслаждения.
Труд есть долг,
а не средство своекорыстия.
Верховный закон междучеловеческих
отношений есть всеотдающая любовь,
а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей своей свободой, какою одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев.

Представьте, что это соблюдается всеми, и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастье всех и каждого достигается.

НАРОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА

ВОРОНЦОВ Василий Павлович 1847 — 1918

По профессии врач, экономикой серьезно занялся в тридцатилетнем возрасте. Выступал против развития народного хозяйства России на западных началах. Доказывал пагубность насаждения западных форм хозяйствования для народного благосостояния. В своих трудах неоднократно подчеркивал, что народное производство в России в силу определенных особенностей не подчиняется сформулированным на Западе законам политической экономии, ибо производитель стремится получить лишь массу продуктов, удовлетворяющую его потребности. Это было своеобразное обоснование принципа нестяжательства.

Воронцов показывал пагубность капитализации народного хозяйства России, ведущей к растрате производительных сил общества и к разорению значительной части тружеников. В противовес капитализации хозяйства он предлагает развитие традиционно русских форм хозяйствования — общины, артели, кустарных промыслов народного производства. Особое внимание уделял созданию системы менового хозяйства, основанной на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности.

Воронцов отвергал неизбежность капитализма для России. Основываясь на факте, что русский народ не только сохранил вплоть до конца XIX века многие черты общинного быта, давно утраченные другими народами, но еще и развил

их дальше, он верил, что это развитие будет продолжаться и в будущем, что воспитание и дисциплинирование русского народа для общественной формы труда происходит и без руководства капитала, силою общины, и выработанный ею артельный дух приведет народное производство к той же организации, какая была достигнута на Западе при помощи капитала.

I

Среди молодых сил нашего общества преобладает тенденция некритического отношения к последним выводам западноевропейской науки, тенденция не проверять и исправлять теорию сообразно данным русской жизни, а конструировать последнюю согласно указаниям теории. При таком подчинении критической мысли догме и доктрине нельзя ожидать ни настоящего понимания изучаемой жизни, ни заметных успехов в деле развития науки. И если уже мы не можем обходиться без крайности, то в интересах научной производительности нашей интеллектуальной работы следует предпочесть крайность отрицания, предполагающего последующую самостоятельную работу построительного характера, крайности подчинения доктрине или теории.

Попытки применения к объяснению явлений русской жизни некоторых общепринятых положений политической экономии показали, что эти последние не могут считаться, как это за ними признается наукой, имеющими общее значение, а это обстоятельство побуждает глубже вникнуть в теорию, обратить внимание на такие ее стороны, которые не были разработаны в достаточной степени в Европе, потому что соответствующие им явления жизни в ряду других отступали на задний план, но которые не могут не обращать на себя особенного внимания в России. Одним из таких под-

верженных сомнению положений науки является положение о том, что капиталистическая эволюция или, как обыкновенно выражаются, промышленное развитие страны, если не всегда несет с собой возвышение народного благосостояния, зато обеспечивает быстрый рост национального, т.е. принадлежащего гражданам страны, богатства. Да и относительно самого народного благосостояния обыкновенно признается, что его понижение или сохранение низкого status quo есть явление временное, свойственное переходному состоянию национальной промышленности из одной формы в другую. Впоследствии же быстрый рост капиталистической продукции даст возможность и простой массе населения подняться на такую ступень зажиточности, какой она никогда бы не достигала при тех медленных успехах, какие свойственны промышленности, развивающейся без участия крупного капитала.

Теоретическая основа этого положения покоится на том несомненном факте, что единица труда, организованного в крупные капиталистические предприятия, несравненно производительнее труда мелкого; но при этом игнорируется другой факт, в Европе отступающий на второй план, а при известной комбинации условий могущий иметь первостепенное значение, — факт обращения процессом капиталистической эволюции промышленности известного количества национального труда в бездеятельное, т.е. потерянное для производства состояние, причем это неблагоприятное для национальной продукции обстоятельство не остается одиноким, а ведет за собой новые действующие в том же направлении явления, напр., дешевизну рабочих рук, стоящую на пути применения технически совершенных машин, вследствие чего и употребляемый производительно труд не достигает той степени успешности, какая по техническим условиям представляется в данный момент возможною и какая осуществляется в странах, обращающихся в капита-

листические при другой комбинации обстоятельств. В нижеследующем мы обратим внимание на эту сторону вопроса, высказав по данному предмету несколько соображений, которые, может быть, окажутся небесполезными при фактическом изучении нашего экономического развития, останавливая внимание исследователя на таких сторонах последнего, которые без того могли бы быть опущены из виду.

II

При географических условиях, свойственных большей части материка Европы, а также и другим странам умеренного пояса, земледелие отнимает у населения около 1/2 — 2/3 года, и если только производительность труда не достигнет весьма высокой степени развития, дозволяющей человеку полгода проводить в праздности, то целесообразная организация промышленности таких местностей должна открывать возможность соединять промысел с земледелием, т.е. допускать, чтобы одно и то же лицо часть года работало в поле, часть — в мастерской. Так именно и слагается промышленная организация стран, начинающих свое развитие: при натуральном хозяйстве семья или несколько более широкий союз, община, собственными силами производят все предметы своего потребления. На первых ступенях превращения натурального хозяйства в меновое связь промысла с земледелием продолжается, но земледельцы разных районов вместо того, чтобы, как это было прежде, производить в зимнее время предметы собственного потребления, приспособляются к производству товаров, соответствующих местным условиям, выносят эти товары на рынок — и прямо или через посредство денег — выменивают их на нужные им вещи, привезенные из другого промышленного района, особые условия которого благоприятствуют добыванию именно этих предметов.

Указанная связь промысла и земледелия может сохраниться при значительном развитии меновых сношений. Иначе говоря, меновое хозяйство само по себе не противоречит такой организации промышленности, что доказывается примером России, где уже в давно прошедшем выделились районы, земледельческое население которых снабжало всю Россию и даже отправляло за границу различные продукты обрабатывающей промышленности, выделываемые по преимуществу в зимнее время, и где такая же система менового хозяйства, основанного на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности, представляется чуть ли не господствующим явлением в новейшее время.

Подобная же система господствует и в начальные периоды истории колоний. В Америке, напр., по словам Уэкфильда, не было «ни одной части населения исключительно земледельческого, кроме рабов и их хозяев, которые соединяют капитал и труд для крупных предприятий. Свободные американцы, сами обрабатывающие землю, имеют, кроме того, много других занятий: часть их мебели и инструментов обыкновенно делается ими самими; они часто сами строят свои дома и отвозят продукт своих промыслов на очень отдаленные рынки. Они в одно и то же время и прядильщики, и ткачи; они приготовляют для собственного потребления мыло и свечи, сапоги и платье. В Америке земледелие образует часто побочное занятие кузнеца, мельника или мелкого торговца».

С привлечением к участию в промышленном развитии страны капитала связь промысла с земледелием постепенно разрушается. Организуя более производительный труд, капитал получает возможность продавать с выгодой товар дешевле кустаря-земледельца и тем вынуждает последнего сбывать свое изделие ниже стоимости производства, а со временем совершенно прекратить его выделку. Продавая товар дешевле, фабрикант на первое время способствует возрастанию спроса на него, результатом чего является увеличение

потребности в сырье, за которое к тому же фабрикант, экономизирующий на издержках переработки, может предложить повышенную цену. Развивающиеся вместе с тем сношения между отдаленными областями одной и той же страны и различными государствами поддерживают этот спрос, следствием чего является временное повышение цены на продукты земледельческого производства. Указанное обстоятельство в совокупности с дешевизною предметов фабричной продукции, побуждает крестьян, удовлетворяющих многие свои потребности (в одежде, обуви и т.д.) продуктом домашнего производства, продавать перерабатывавшееся ими самими сырье (лен, коноплю, шерсть, шкуры домашних животных и др.) и покупать дешевые и красивые фабрикаты. Все эти влияния ведут к сокращению зимних занятий земледельческого населения, за которым должно следовать и уменьшение их доходов. Для пополнения образующегося таким образом недостатка в доходах мелкому производителю остается прежде всего усиленно подналечь на тот источник последних, который меньше всего поддается капиталистической организации производства, на земледелие. В силу сказанного, те производители, которые часть летнего времени отдавали другим занятиям, теперь целиком посвятят его земледелию; другие постараются применить сельскохозяйственные орудия, позволяющие работать быстрее и запахивать больше земли; третьи введут новые культуры, пользующиеся особенным спросом на рынке, и т.д. Степень ожидающего мелких производителей успеха на этом пути расширения своего земледельческого хозяйства зависит от многих условий внутреннего и международного характера.

Если страна обладает обилием незанятых земель и находится на сравнительно высоком уровне культурного развития, в таком случае стремление населения к расширению земледельческого производства может быть удовлетворено занятием девственных земель и обработкой их при помощи

быстро изобретаемых, увеличивающих производительную силу труда орудий, при противоположных же условиях населению останется донельзя расширять запашку на своей земле за счет остальных угодий, поднимать до неимоверной высоты арендную плату на все чужие способные к обращению под культуру, земли и при всем том не получить удовлетворения той потребности в увеличении дохода, какая вытекала из вмешательства в процесс экономической эволюции капитала. Не одними, однако, аграрными и культурными условиями определяется успех мелких производителей на рассматриваемом пути. Расширение обрабатываемой площади и увеличение получаемой массы продукта еще не означает возрастание денежных доходов земледельца. Меновая стоимость земледельческого продукта, как и всякого другого, измеряется трудом, затраченным на его добывание. Если кто-либо из земледельцев при помощи машин сумел удвоить количество зерна, получаемого им в течение лета, то его доход от предприятия увеличится лишь в том случае, если применение машин сделано небольшой группой населения, а главная масса идущего на рынок продукта произведена старыми техническими приемами. Если же применение усовершенствованных орудий сделалось общим явлением, то рыночная цена хлеба будет определяться новыми условиями производства, а так как при этих условиях на каждую единицу продукта затрачено вдвое меньше труда, то и денежная цена его понизится вдвое и денежный доход земледельца окажется равным тому доходу, недостаток которого именно и побудил его к расширению производства. Сказанное подтверждается примером Северо-Американских Соединенных Штатов, земледельческое население которых стремилось к покрытию дефицита в доходе, образовавшегося благодаря лишению его подсобных занятий, этим способом расширения площади обрабатываемой земли при помощи употребления машин: за двадцатилетие с 60-х до 80-х гг. площадь посева

здесь возросла с 202 млн. акров до 430, т.е. на 117%, валовой сбор с 4272 млн. бушелей до 8713 млн., т.е. на 140%, а валовая ценность урожая увеличилась всего с 3496 млн. долларов до 3687 млн. долларов, т.е. поднялась едва на 5%.

Итак, при возможности для самостоятельного земледельца неограниченного расширения культивируемой площади, пополнение дефицита в доходах, происходящего от лишения его подсобных занятий, может происходить следующими путями.

Если при прежних порядках натурального хозяйства отчуждение земледельческих продуктов на сторону было мало развито, то каждая семья посвящала земледелию не весь летний сезон. Поэтому при начинающемся отделении обрабатывающей промышленности от земледельческой, выражаемом параллельным развитием двух явлений — сокращением подсобных занятий земледельцев и образованием особого класса фабричных рабочих, — население может обращать освобождающееся у него время на расширение запашки с тем, чтобы получаемые избытки хлеба сбывать новому классу потребителей — фабрично-заводским рабочим, частью прибывающим из других стран (как это было в колониях), частью образующимся из местного населения, бросающего хозяйство. Повышение дохода описываемым способом увеличения времени, отдаваемого земледелию, имеет естественный предел, поставляемый географическим положением страны, ограничивающим земледельческий сезон известным числом месяцев.

Достигнув этого предела, земледельцам для увеличения дохода от хозяйства надлежит обратиться к средствам, возвышающим производительность труда, дабы в течение не подлежащего дальнейшему увеличению земледельческого сезона получить большую массу продукта. Те земледельцы, которые первые обратятся к этому средству и будут сбывать свой дешевый хлеб по рыночной цене, устанавливаемой сообраз-

но господствующей стоимости производства, будут получать приращение своих доходов, пропорциональное возрастанию производительности труда. По мере распространения улучшенных приемов обработки цена земледельческих продуктов будет понижаться, а вместе с тем будут сокращаться и доходы инициаторов. И во всяком случае указанное повышение дохода доступно лишь для небольшой группы земледельцев, идущих впереди других в деле улучшения хозяйства. Что же касается всего земледельческого населения страны, всякое увеличение производительности его труда имеет следствием соответственное понижение цены продукта, стоящее на пути возрастания его денежного дохода. Последний может в этом случае увеличиться лишь настолько, насколько понижение стоимости производимого земледельцем хлеба, мяса и т.п. делает более дешевым расход его семьи на собственное потребление этих продуктов, что позволяет большую, чем прежде, часть их выносить на рынок.

Что касается материального содержания нынешнего дохода земледельческого населения сравнительно с прежним, т.е. массы получаемых им предметов для удовлетворения потребностей, таковая может быть выше или ниже того количества продуктов, какое потреблялось населением при прежних порядках.

Если население потеряло все подсобные к земледелию занятия и вынуждено ограничиться одной сельскохозяйственной деятельностью; если при этом по климатическим условиям земледельческий сезон продолжается не более полугода, т.е. население вынуждено вместо целого года работать только половину, то его настоящий запрос на продукты потребления, выражаемый в количестве затраченного им на производство труда, равняется 6 месяцам, т.е. вдвое меньше прежнего. Что же касается количества предметов потребления, какое оно может получить при этом полугодовым трудом, сравнительно с количеством их, имевшихся у него

раньше, — таковое будет зависеть от успехов в производительности труда. Так как производительность труда в промышленности обрабатывающей несомненно возросла, каковое возрастание и было причиной утраты населением подсобных к земледелию занятий, то настоящий полугодовой труд дает земледельцу возможность иметь больше половины того количества предметов потребления, какое он получал раньше, работая круглый год.

Если прежде рабочий занимался 4 месяца земледелием и 8 месяцев промыслом, а теперь, при полной капитализации обрабатывающей промышленности он должен ограничиться шестимесячным сельскохозяйственным трудом, причем продукт 4 месяцев труда он по-прежнему потребляет в своей семье, а предметы двухмесячной работы вынесет на рынок для обмена на фабрикаты, то, чтобы получить за них сумму товаров, какую он производил раньше затратой 8-месячных усилий, — вместе с капитализацией промыслов, производительность труда должна была повыситься в 4 раза. Принимая же во внимание, что социальный смысл капитализации промышленности заключается не в изменении ее формы, каковое обстоятельство представляется выгодным лишь для ограниченного числа лиц, занявших места руководителей этого изменения и тем получивших возможность эксплуатировать большинство населения; что общенациональное значение рассматриваемой эволюции заключается в увеличении потребления всего населения и что возрастание массы потребляемых земледельцем продуктов вдвое должно быть признано весьма умеренным требованием, какое с точки зрения интересов народного благосостояния мы вправе предъявить новой организации промышленности — мы видим, что для достижения этого результата производительность объединенного капиталом труда должна подняться в 10 раз.

Из сказанного следует, что хотя бы капитализация коснулась только обрабатывающей промышленности, а зем-

ледельческая продолжала оставаться в руках мелких самостоятельных хозяев, — утрата последними промышленных занятий наносит такой удар их благосостоянию, что только очень высокий уровень производительности подчиненного капиталу труда в состоянии изгладить следы испытанного потрясения как следствия изменения формы национальной промышленности.

Возвышение производительности труда, вошедшего в капиталистическую организацию промышленности, будет иметь несомненно благодетельные результаты для мелкого самостоятельного земледельца лишь в том случае, когда полное отделение обрабатывающей промышленности от земледельческой сделалось свершившимся фактом и потому дальнейшее развитие капиталистической формы этой промышленности не грозит земледельцу новыми потерями, при условии, однако, чтобы размеры единичных земледельческих хозяйств не подвергались сокращению. Пока же капитализация промыслов не закончилась и всякий шаг в этом направлении лишает большую или меньшую часть земледельцев подсобных к главному занятий, — до тех пор успехи капиталистической эволюции легко могут сопровождаться понижением, а не возвышением народного благосостояния. Пусть, напр., крестьянин 4 месяца занимается земледелием, а 8 — промыслами. Если начавшаяся капитализация обрабатывающей промышленности отнимет у него половину промышленных занятий, причем он получит возможность расширить земледелие настолько, чтобы занять весь сельскохозяйственный сезон, продолжающийся, согласно нашему предположению, полгода, в таком случае с утратой 4 месяцев промыслового занятия он так же потеряет 2 месяца земледельческого. Если при этом производительность труда в капитализирующейся промышленности превышает производительность замещенного ею труда в 1 ½ раза, то продукт прибавочного 2-месячного земледельческого труда крестьянин обменяет на такую

сумму предметов фабрично-заводской выделки, какую он вырабатывал прежде 3-месячным трудом, т.е. совершившаяся эволюция поведет к сокращению его потребления в размере, измеряемом затратой одного месяца ремесленного труда. Если производительность капитализирующегося труда повысилась вдвое, то вышеуказанное расширение земледельческого промысла покрывает все потери крестьянина, вызванные сокращением подсобных занятий. При повышении же успешности труда втрое, крестьянин, вынося на рынок продукт 2-месячного труда, получает в обмен предметы капиталистической продукции в размере, какой собственными средствами он добыл бы течение 6 месяцев, и таким образом не только покрывает недочеты промыслового заработка, но получит излишек продукта, измеряемый затратами 2 месяцев ремесленного (как мера производительности) труда, отчего его благосостояние повышается.

Дальнейшая капитализация промыслов легко будет иметь следствием понижение благосостояния крестьянина, так как происходящую от того потерю заработка он не может восполнить расширением сельскохозяйственной деятельности, доведенной до предела, поставляемого естественными условиями местности. Утратив остальные 4 месяца промыслового труда и имея на удовлетворение всех своих потребностей, кроме продовольствия, земледельческий продукт стоимостью в 2 месяца, в обмен на который он получает на рынке той же стоимости предметы фабрично-заводской выделки, крестьянин должен удовлетворять ими все те потребности, которые раньше он удовлетворял продуктом 8-месячного промыслового труда. Если объединенный капиталом труд сделается в 4 раза успешнее замененного им ремесленного, то полученная земледельцем масса предметов даст ему возможность удовлетворять свои потребности в тех размерах, в каких происходило это удовлетворение во времена, так сказать, дореформенные; при более низкой произво-

дительности этого труда в потреблении будут недочеты; при более высокой — благосостояние крестьянина окажется поднявшимся. Каждое следующее возрастание производительности капиталистического труда увеличит массу предметов, получаемую крестьянином в обмен за выносимые на рынок продукты 2-месячного земледельческого труда и будет иметь следствием возвышение его благосостояния.

Из сказанного видно, каким значительным повышением производительности труда должна сопровождаться капитализация обрабатывающей промышленности для того, чтобы вместе с тем происходило поднятие народного благосостояния. Иное следует сказать относительно того случая, когда вместе с капитализацией промыслов наблюдается и увеличение производительности земледельческого труда. Такое направление технического прогресса ведет гораздо скорее к увеличению народного потребления. Правда, увеличение массы продуктов земледелия, зависящее от улучшений в производстве, не дает новой стоимости, так как количество затраченного труда остается неизменным, и потому хозяин этого продукта не продаст его дороже прежней цены. Но возвышение производительности труда дает земледельцу возможность меньшую часть последнего затрачивать на производство предметов собственного потребления и большую — обратить в обмен на предметы продажи, т.е. увеличить затрату труда для рынка за счет доли, назначаемой для производства предметов собственного потребления. Возьмем тот момент экономической эволюции нашего гипотетического общества, когда земледелец лишился всякого промыслового заработка, занимается только хозяйством (в течение полугода), потребляя продукт 4-месячного труда сам и вынося продукт 2-месячного труда на рынок; причем, благодаря тому обстоятельству, что успешность капиталистического труда в 4 раза выше ремесленного, в обмен на свой товар он получает ту же массу предметов, какую добывал раньше затратой

8-месяцев времени. Таким образом, возвышение производительности промышленного труда в 4 раза не сопровождалось подъемом народного благосостояния, и для того, чтобы это последнее увеличилось на 33%, т.е. чтобы земледелец мог потреблять массу предметов, для производства которых потребовалась бы затрата 16 месяцев ремесленного труда, нужно, чтобы производительность труда фабрично-заводского сделалась в 6 раз (вместо 4) выше ремесленного, т. е. чтобы она поднялась еще на две единицы или на 50%. Воздействуя же на технику земледельческого труда, тот же результат можно получить, возвысив производительность всего на 33%. При таком состоянии техники продовольствие семьи земледельца, на которое раньше затрачивалось 4 месяца, потребует 3 месяцев труда, а в продажу будет пущен продукт 3 месяцев (вместо прежних 2), в обмен за который получится такая масса предметов, какая раньше производилась 12-месячным трудом, и все потребление земледельца по старой мерке стоимости будет равняться 16-месяцам (4+12) труда.

Ввиду такого выгодного результата поднятия производительности земледельческого труда читатель может подумать, что этим указывается только на необходимость не удовлетворяться стихийно идущим процессом капитализации обрабатывающей промышленности, а принимать меры к возбуждению того же процесса в земледелии, в том предположении, что капиталистическое хозяйство скорее мелкого поддается улучшениям. Простое рассуждение, однако, легко обнаружит неправильность такого предположения.

Капитализация земледельческого производства обращает мелкого самостоятельного хозяина, обладающего всем продуктом своего труда, в наемного работника, получающего в виде заработной платы только часть этого продукта. Допустим, что часть эта равняется ½ (это очень много для земледельческого рабочего), т.е. что, работая в течение полугода, сельскохозяйственный рабочий получает вознаграждение

в размере стоимости 3-месяцев. Таким образом, превращение мелкого земледелия в крупное принесло крестьянину сокращение дохода и, следовательно, потребления в 2 раза. Предполагая, что это обращение сопровождалось возвышением производительности труда вдвое и что половину заработной платы (стоимость в 1 ½ мес.) рабочий употребит на свое продовольствие, а другую — на приобретение прочих предметов потребления, мы увидим, что питаться он будет хуже самостоятельного земледельца (стоимость 1 ½ месяца эквивалентна 3-месяцам труда прежней производительности, а самостоятельный земледелец потребляет стоимость, эквивалентную 4-месяцам этого труда), на прочие потребности будет иметь много меньше (1 ½ месяца против 2). Дабы благосостояние наемного земледельческого работника достигло уровня благосостояния мелкого самостоятельного земледельца, при неподвижном состоянии техники последнего и производительности фабрично-заводского труда, в 4 раза превышающей производительность труда ремесленного, т.е. дабы сумма предметов потребления рабочего измерялась 12 месяцами дореформенного труда, нужно, чтобы производительность капиталистического земледелия уравнялась с производительностью промышленного труда, т.е. чтобы она в 4 раза превышала производительность мелкого хозяина. В этом случае наемный земледельческий рабочий из своей заработной платы стоимостью в 3 месяца труда на приобретение предметов продовольствия отделит стоимость в 1 месяц (эквивалентную дореформенной стоимости в 4 мес.), а на прочие предметы потребления — 2 мес. (равносильные прежним 8 мес.). Заметное возвышение благосостояния наемного земледельческого рабочего выше этого уровня невозможно ни при каком вероятном поднятии успешности сельскохозяйственного труда (т. е. путем сокращения расхода на продовольствие); оно будет только результатом или поднятия заработной платы за счет дохода землевладельца (напр., со сто-

имости 3 дней до 4), или возвышения производительности труда в промышленности обрабатывающей (вследствие чего увеличится масса предметов потребления, приобретаемых на заработную плату).

III

Итак, если промышленное развитие нации совершается капиталистическим путем, то во все время процесса капитализации обрабатывающей промышленности населению страны грозит опасность опуститься на низшую ступень благосостояния, что не может не отразиться неблагоприятно на культурном развитии и финансовом благополучии страны. Если же, вместе с тем, совершается капитализация и земледельческой промышленности, то понижение народного благосостояния (по крайней мере земледельческого класса) становится почти неизбежным. Прочное улучшение благосостояния самостоятельного земледельца может начаться лишь после того, как процесс капитализации обрабатывающей промышленности прекратиться и дальнейшее ее развитие совершается путем увеличения производительности труда, т.е. понижения стоимости продуктов. Но и в этом случае повышение благосостояния сельского населения будет иметь место лишь при условии, если размер крестьянского хозяйства не потерпит сокращения, т.е. если прирост сельского населения будет своевременно удаляться или получать на месте какое-либо неземледельческое занятие; так что продолжительность сельскохозяйственного занятия крестьянина и, следовательно, производимая им стоимость останется без изменения. Более глубокое положительное влияние на возвышение благосостояния мелкого земледельца будет иметь поднятие техники его хозяйства, но опять-таки при условии, чтобы абсолютное количество затрачиваемого в отдельном хозяйстве

земледельцем труда оставалось без сокращения, т.е. чтобы отдельное лицо производило в течение земледельческого сезона прежнюю стоимость. При несоблюдении этого требования, если увеличение производительности земледельческого труда достигается, напр., путем применения орудий, дозволяющих с прежней затратой рабочей силы запахивать большую площадь, причем ни расширение культивируемого пространства, ни отведение в сторону сделавшихся излишними для земледелия рук не представляются возможным, то подобное улучшение земледельческой техники, получив всеобщее распространение, не только не поведет к возвышению благосостояния населения, но будет иметь прямо противоположное следствие и тем более значительное, чем оно само выше. Так, в нашем случае поднятия земледельческой техники на 33 % при соответствующем расширении запахиваемой площади получится, как мы видели, возвышение благосостояния земледельца с 12 единиц до 16, т.е. на 33 %. Если же при этом культивируемая площадь не будет увеличена, то предположенное техническое улучшение производства сократит затрату труда каждого крестьянина на обработку его неизменившегося участка с 6 месяцев до 4 ½, отчего произведенная земледельцем стоимость уменьшится на 25 %. Оставив, согласно принятому нами расчету, на продовольствие своей семьи продукт 3-месячного труда, крестьянин окажется в состоянии пустить в продажу стоимость в 1 ½ месяца, т.е. вдвое меньше, чем он продавал бы в случае, если бы увеличение успешности его труда сопровождалось соответствующим расширением площади запашки, и на 25 % меньше, чем он выносил на рынок при старых приемах земледелия (2 мес.). При возвышении успешности труда вдвое производительная затрата времени земледельца (при неизменном участке) сократится до 3-месяцев, и за покрытием его продовольственных нужд для продажи осталась бы стоимость в 1 месяц труда, которая дала бы ему возможность приобрести только

половину того количества предметов потребления, каким он пользовался при старых агрикультурных приемах.

Из сказанного видно, насколько при капиталистическом направлении промышленного развития интересы благосостояния массы населения расходятся с интересами технического совершенства производства. Это значит, что движимое личным интересом, освобожденное от сознательного общественного регулирования промышленное развитие страны принимает характер, выгодный для немногих отдельных лиц и разорительный для массы населения. Если бы промышленные успехи нации оценивались не по техническому совершенству производства, а по благосостоянию трудящегося населения, и сообразно такому отношению к предмету принимались меры для поднятия производительности самостоятельного народного промысла, а не для превращения народной промышленности в капиталистическую, то обществу было бы обеспечено неуклонное движение вперед не в смысле только развития техники производства, но и в отношении поднятия народного благосостояния, т.е. промышленная эволюция нации не сделалась бы однобокой, ведущей к развитию одной стороны жизни за счет остальных, к принесению интересов большинства в жертву небольшой группе лиц; она сохранила бы правильное направление, отвечала бы на все запросы общественной жизни. Такой характер развития не представляет ничего невозможного. Способность народного производства достигнуть высокого технического совершенства даже при отсутствии систематического воздействия на жизнь науки доказывается успехами, сделанными промышленностью всякой страны до подчинения ее капиталу. Если бы развивающаяся наука оказывала соответствующее влияние на все стороны жизни и на все слои населения, а не обходила большинства последнего и не светила только небольшой кучке лиц, то естественный процесс поднятия производительности *народного* труда мог бы продолжаться бо-

лее систематично, с большей быстротою и без тех печатных явлений, какими наша жизнь обязана подчинению экономической эволюции руководству капитала. Во всяком случае, можно сказать одно: что если бы такое направление развития имело место, то хотя бы техническая производительность труда не достигала той высоты, какую она принимает в руках предпринимателя-капиталиста, народное благосостояние неуклонно бы поднималось, а принимая во внимание отсутствие при этом вынужденного бездействия земледельцев в течение $^1/_3$ — $^1/_2$ года — может быть, и рост национального богатства не отставал бы от того, какой имел место при капиталистическом направлении экономического развития.

Так, при сохранении народной организации производства, при которой трудящийся часть года отдает земледелию, а другую промыслу, — поднятие производительности его труда на 33% будет иметь следствием возвышение его благосостояния с 12 единиц меры до 16. При капитализации обрабатывающей промышленности тот же результат будет, как мы видели, достигнут при высоте производительности капитализировавшегося труда, выражаемой 600% (см. выше), т.е. в 18 раз большей. Для поднятия благосостояния населения в два раза при народной организации производства достаточно возвышения успешности труда вдвое; при капитализации же обрабатывающей промышленности для этого требуется высота производительности труда, выражаемая цифрою 10.

Что же касается наемного земледельческого рабочего, получающего в виде заработной платы половину той стоимости, какую имеет самостоятельный земледелец, для заметного поднятия его благосостояния требуется необыкновенное возрастание производительности труда. Если бы успешность труда капиталистической земледельческой промышленности росла с такою же быстротой, как и обрабатывающей, а производительность мелкого хозяйства оставалась бы постоян-

но на низком уровне, в таком случае при известной высоте технического развития положение наемного земледельческого рабочего было бы лучше положения самостоятельного мелкого хозяина. Так, если бы последний, по причине малой производительности его промысла, должен был тратить на продовольствие всегда продукт 4 месяцев своего труда и для обмена на прочие предметы потребления у него оставалась бы стоимость 2 месяцев, то увеличение его благосостояния могло бы произойти только от возрастания массы продуктов, покупаемых стоимостью этих двух месяцев, в то время как наемный рабочий представлял бы к рынку требование в размере стоимости 3 месяцев (его заработная плата). При этом благосостояние обоих лиц было бы одинаково при высоте производительности капиталистического труда, выражаемой цифрою 4 (самостоятельный земледелец потреблял бы 4+(2x4) =12, наемный рабочий — 3x4=12); при дальнейшем ее росте относительное положение самостоятельного земледельца ухудшалось бы: при успешности его труда, выражаемой цифрой 5, наемный рабочий имел бы в виде заработной платы 3x5=15 единиц продукта; самостоятельный же хозяин всего 4+2x5=14 единиц. При возвышении производительности до 6 первый будет потреблять 3x6=18 единиц, второй 4+2x6= 16 единиц и т.д.

Таково было бы положение вещей в случае неподвижности мелкого земледелия, с одной стороны, и неограниченного роста производительности капиталистического сельского хозяйства с другой. В действительности подобные отношения не наблюдаются, так как, во-первых, мелкое земледельческое хозяйство способно почти к такому же развитию, как и крупное, во-вторых, возвышение сельского хозяйства заключается в его интенсировании, а стоимость продукта интенсированного земледелия скорее повышается, нежели понижается, то отнесение капиталистической обрабатывающей и земледельческой промышленности в одну прогрес-

сирующую группу, противопоставляемую неподвижной группе мелкого хозяйства, не может быть признано правильным, и скорее в этом отношении следует капиталистическую обрабатывающую промышленность противопоставлять земледельческой — мелкой и крупной. Поступим же таким образом и дадим крупному земледелию то, на что оно может претендовать, т.е. допустим, что оно в 1½ раза производительнее мелкого. Примем затем, что мелкий земледелец поднял успешность своего производства на 33%, т.е. что из производимой им стоимости он затрачивает 3 месяца на свое продовольствие, а 3 месяца выносит на рынок в обмен на другие продукты, которые при высоте капиталистической техники, выражаемой цифрою 4, он получает в размере 12 единиц и в совокупности с продовольствием будет потреблять всего 16 единиц продукта. В это время наемный земледельческий рабочий, получающий заработную плату стоимостью в 3 месяца труда, употребляет на продовольствие стоимость 2 мес. (в этой стране, по нашему предположению, земледельческий труд в 1½ раза успешнее, а хлеб в 1½ раза дешевле, нежели в первой), и на все прочие нужды имеет только 1 месяц, т.е. втрое меньше мелкого земледельца. При той же производительности труда в обрабатывающей промышленности (4) материальное содержание дохода наемного рабочего будет составлять 8 единиц — половину того, что имеет мелкий самостоятельный хозяин. Если наемный земледельческий рабочий предпочтет несколько хуже питаться, но зато лучше одеваться и разделить свои расходы поровну между продовольствием и другими предметами потребления, то, по причине большой дешевизны этих последних, его потребительное богатство несколько увеличится; стоимость 1½ месяца, затраченная на продовольствие, даст ему 3 единицы продукта, а такая же сумма, издержанная на остальные предметы, принесет ему 6 единиц; в сумме он будет потреблять 9 единиц продукта, в то время как мелкий самостоятельный зем-

леделец при таком же расходе труда имеет для своего потребления 16 единиц. Дабы благосостояние наемного рабочего достигло того же уровня, на каком оно находилось до начала капитализации промышленности, когда оно измерялось 12 единицами продукта, производительность фабрично-заводского труда должна увеличиться до 6 (продовольствие рабочего будет тогда 3 един., а прочие предметы потребления 1 ½x6=9). В это время мелкий самостоятельный хозяин будет потреблять 4+3x6=22 единицы продукта, т.е. почти вдвое больше.

После всего сказанного относительно влияния капитализации промышленности на благосостояние сельского населения становится вполне понятным стремление последнего в капиталистических странах в города и жалобы крупных хозяев на отсутствие надежных рабочих, — затруднение, почти не известное капиталистической обрабатывающей промышленности. Если добывание человеком средств существования ограничено периодом времени в $^1/_2$ — $^2/_3$ года, тогда как нормальным рабочим сезоном является полный год, то всякое сокращение рабочего времени, понижающее и без того скудные его доходы, грозит ему чувствительными потерями. Между тем такое сокращение явится неизбежным результатом скученности населения, и для предупреждения последней необходимо весь прирост населения, а при незаконченном еще процессе капитализации промыслов и часть основного его фонда отправлять в город. Если же при этом человек добывает средства существования наемным трудом, получая в вознаграждение лишь половину производимой им стоимости, то он обречен на низшую степень благосостояния, возможную для трудящегося в данной стране, и неудивительно, если с такой долей примиряются отбросы рабочего класса, а лучшие его члены принимаются за такие занятия, хотя бы по найму, которые продолжаются целый год и где достающаяся им половина произведенной стоимости а, следо-

вательно, и право на часть национального продукта готового производства, равняется не 3 — 4 месяцам, а полугоду. Такие занятия они могут найти в обрабатывающей промышленности и потому стремятся переселиться из деревень в города.

IV

Мы рассмотрели возможные последствия для народного благосостояния капитализации национальной промышленности при различных условиях ее развития. Посмотрим теперь, каким образом отражается то же экономическое явление на национальном богатстве; следует ли при этом ожидать непременного возрастания последнего или при различных условиях капитализация промышленности будет иметь в этом отношении весьма несходные результаты.

Мы знаем, что по причине отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой и зависимости этой последней от естественных условий страны, результатом капитализации промышленности является вынужденное бездействие в течение большего или меньшего периода времени земледельческого населения, вынужденная растрата большего или меньшего количества производительных сил общества. Размер этой непроизводительной затраты времени зависит от двух условий: от продолжительности мертвого сельскохозяйственного периода и от степени земледельческого характера национальной промышленности. Чем длиннее по географическим условиям местности земледельческий сезон, тем меньшую часть года земледелец находится в бездействии и наоборот, при более коротком периоде сельскохозяйственных работ крестьянин несет большую потерю времени на вынужденное бездействие в течение мертвого сезона. Общая сумма теряемого таким образом национального труда зависит от того, какая часть населения занимается

земледелием. Так, предполагая, что земледельческий сезон продолжается полгода, вследствие чего каждый сельскохозяйственный рабочий (за исключением небольшой их части, нужной для ухода за скотом и надзора за строениями) при полном господстве в обрабатывающей промышленности капиталистического начала полгода будет проводить в праздности, и беря взаимные отношения промышленного и земледельческого рабочего населения, приближающиеся к тем, которые существуют в Англии, Германии, Северо-Американских Штатах и России, т.е. предполагая, что промышленное население относится к земледельческому в одном случае как 3 : 1, в другом как 1 : 1, затем как 1 : 2 и наконец как 1 : 9, будем иметь, что в Англии $^1/_4$ часть населения бездействует в течение полугода, т.е. общая потеря национального труда составляет $^1/_8$ (12,5 %) всего потенциального рабочего времени трудящегося населения; в Германии, где в течение полугода бездействует ½ населения, национальная потеря трудовой силы равняется 25 %, в Америке, при вынужденной праздности $^2/_3$ населения, растрата трудовой силы достигает 33 % и, наконец, в России бездействие в течение полугода 9/10 населения имело бы следствием потерю 4,5/10 или 45 % общей массы национального труда. Таким образом, капитализация промышленности неизбежно ведет к растрате производительных сил общества и тем большей, чем более нация сохраняет земледельческий характер. При нашем условии, что земледельческий сезон продолжается ½ года, национальная потеря труда составляет половину потенциального времени земледельческого класса: так, в Англии, где сельским хозяйством занимается 25 % рабочего населения, растрата национального труда измеряется 12,5 %, в Германии, при 50 % земледельческого населения, потеря рабочей силы равняется 25%, в Северо-Американских Штатах — при 66 % сельских жителей — 33 % и в России, где земледельческий класс составляет 90 % населения, растрата труда достигает (т. е. достигла бы

при завершении капитализации национальной промышленности) громадной цифры 45%. Если земледельческий сезон продолжается 8 месяцев, то потеря рабочей силы от вынужденного бездействия составляет третью часть потенциального рабочего времени земледельческого класса, т.е. в наших примерах: 8,33%, 16,66%, 22% и 30%. При более коротком земледельческом сезоне растрата времени возрастает. Беря полосы России с различной продолжительностью земледельческого сезона: северную — 4 месяца, среднюю — 6 мес. и южную — 8 мес.[1] — и предполагая полную капитализацию обрабатывающей промышленности и одинаковое во всех полосах распределение рабочего населения между фабрично-заводской и земледельческой промышленностью в отношении 1: 9, будем иметь потерю национального труда в размере 66,7%1, 45% и 30% потенциального труда рабочего населения соответствующих районов.

Итак, при взятых нами условиях задачи, т.е. при 6 месячной продолжительности земледельческого сезона, полной капитализации обрабатывающей промышленности и распределении рабочих между фабрично-заводской и сельскохозяйственной областями труда в вышеуказанных отношениях — на 100 единиц рабочего времени, занятого производительно, приходится растрачиваемого времени (единиц): в Англии 14,3, в Германии 33,3, в Северо-Американских Штатах 50 и в России 82. Это значит, что если бы оказалось возможным дать земледельческим рабочим в течение мертвого сельскохозяйственного сезона какое-либо занятие, в таком случае при одном и том же контингенте рабочих стоимостеобразовательная сила страны увеличилась бы сравнительно с си-

---

[1] Из сведений, собранных Департаментом земледелия и сельскохозяйственной промышленности, видно, что период полевых работ продолжается в южной степной полосе 6,5 — месяца, в средних и северных черноземных губерниях 5 — 6 мес., в средних нечерноземных губерниях 4,5 — 5 мес. и северных нечерноземных — 4 — 4.5 месяца (Е. Андреев. Кустарная промышленность в России. с. 32).

лами, развиваемыми капитализмом в полном его расцвете: в Англии на $^1/_7$; в Германии на $^1/_3$; в Северо-Американских Штатах — наполовину и в России больше чем на $^4/_5$. Связывая производительный труд, превращая живую человеческую силу в мертвую и этим ограничивая производительность страны, другим своим влиянием — возвышением успешности труда, занятого в крупных предприятиях, — капитализм развивает эту производительность и окончательный экономический результат образования новой формы промышленности в данной стране будет зависеть от того, какая их двух взаимно противоположных тенденций и в какой именно степени получит перевес. Так, предполагая, что крупная организация охватила все сферы промышленности, для сохранения прежней общей производительности страны достаточно, если вместе с тем успешность труда повысится в размере, соответствующем отношению связанного труда к действующему, а именно: в Англии на 14,3 %, в Германии на 33,3 %, в Америке на 50 %, в России на 82 %. Если же крупная организация не коснулась земледельческой промышленности или если считать правильным, что крупное земледелие не отличается резко от мелкого в отношении производительности труда, то пополнение недобора в продуктах, происходящее от вынужденной бездеятельности в зимнее время земледельческих рабочих ложится всецело на обрабатывающую промышленность. Чтобы судить о том, в каких размерах должно быть сделано соответствующее указанному недобору возвышение производительности труда, занятого в этой промышленности, надлежит определить отношение, существующее между трудом связанным и тем живым, который объединен капиталом. В стране, именующейся у нас Англией, где крупная организация (исключая земледелия) охватила 75 % рабочего населения, а количество связанного труда выражается всего 12,5 %, отношение между капитализированным трудом (принимая его за 100) и связанным =100: 16, и потому достаточно, чтобы

производительность труда в крупной промышленности превышала производительность труда мелкого на 16% и общая продукция страны остается неуменьшившейся. В нашей так называемой Германии, где отношение живого подчиненного капиталу труда к связанному = 100:50, капиталистическая организация обрабатывающей промышленности не будет сопровождаться сокращением национального богатства при условии возвышения производительности капитализированного труда на 50%. В Америке для этого требуется удвоение производительности капиталистического труда сравнительно с трудом мелкого производителя; что же касается страны, фигурирующей под именем России, где капитализация 100 единиц труда достигается путем обращения в потенциальное состояние 450 единиц живой силы, здесь объединенный капиталом труд должен быть в 5½ раз производительнее связанного для того, чтобы капитализация промышленности не имела следствием уменьшение национального богатства.

Сделанные расчеты приведены с целью показать, как неодинаковы будут результаты капитализации промышленности при различных условиях ее осуществления, и как нерационально при оценке возможного влияния грядущего капитализма в одной стране ссылаться на положительные его результаты в другой, не производя тщательного анализа условий, при которых развиваются обе страны. Как видит читатель, в этом отношении нужно прежде всего не смешивать земледельческие и промышленные нации. Если Англии удалось свалить производство для нее зерна на другие области, благодаря чему капитализация ее промышленности сопровождалось потерей рабочей силы всего 12,5%, (предполагая, что земледельческий сезон продолжается здесь ½ года), то неудивительно, если капитализм дал этой стране огромное возрастание национального богатства, если он поставил ее на высшую ступень материального могущества. В Америке капитализм связал до $^1/_3$ национального труда (в действи-

тельности меньше, так как земледельческий сезон продолжается здесь более полугода) и если она тем не менее процветает, то это благодаря, во-первых, высокому тону, взятому здесь капитализмом (что, в свою очередь, обусловливалось комбинацией многих благоприятных обстоятельств), т.е. огромному росту производительности объединенного капиталом труда; во-вторых, полной свободе для мелкого земледельца занимать и культивировать безграничное пространство покрытой девственной почвой земли; в-третьих, широкому применению машин в земледельческом производстве. Другая страна, характеризующаяся таким же распределением производительных сил между земледелием и обрабатывающей промышленностью, Ирландия, с низкой производительностью земледельческого труда, уже не может быть считаема нацией богатой. Еще меньше надежды сделаться богатой капиталистической нацией имеет Россия. Перестать быть земледельческой страной она не может, потому что только область сельского хозяйства дает ей надежду успешно конкурировать на международном рынке с другими странами-производительницами, участвовать в международной промышленной организации в качестве экспортера. Поэтому-то лишь в вывозе продуктов сельскохозяйственной деятельности Россия обнаруживает успехи, сколько-нибудь соответствующие ее положению дистанции изрядного размера; вывоз же предметов ее фабрично-заводской выделки составляет ничтожную величину, и по условиям международной конкуренции и образовавшегося на мировом рынке разделения труда, нет ни малейшей надежды на сколько-нибудь отвечающее ее производительным силам возрастание этого вывоза. Правда, вывоз некоторых заводских продуктов у нас растет весьма быстро, Но это обстоятельство не может оказать ни малейшего влияния на промышленный характер страны. Действительно, что выиграла Россия от того, что вывоз ее керосина увеличился в 350 раз и достиг цифры в 50 млн. пудов, когда коли-

чество рабочих, занятых во всей нефтяной промышленности, не превышает 15 — 20 тыс. человек? А ведь успехи международной торговли русским керосином представляют нечто исключительное в истории нашей внешней торговли продуктами фабрично-заводской выделки! Таким образом, насколько будущее доступно предвидению, в международном обмене Россия будет участвовать в качестве земледельческой страны; земледельческий класс будет составлять основу ее рабочего населения; обрабатывающая промышленность будет работать наиглавнейшим образом для удовлетворения запроса земледельцев. При меновом хозяйстве запрос к рынку определяется покупательными средствами спрашивающего, а эти средства даются трудящемуся населению затратой его рабочей силы. При господстве мелкого производства земледелец работает (в поле или мастерской) круглый год; при успешном развитии капиталистической промышленности затрата его живой силы сокращается до $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ года. Соответственно сказанному, запрос земледельческого населения к внутреннему рынку с развитием капиталистической промышленности сокращается до $^2/_3$ — $^1/_3$ первоначального размера, причем большая половина этого спроса получит удовлетворение от земледелия же. Имея в виду, что не весь продукт полугодового (в среднем) труда останется в руках крестьянина, так как значительная его часть перейдет в руки казны и частных собственников земли, обрабатываемой им в качестве съемщика или наемного рабочего; что добрую половину своего чистого дохода крестьянин употребит на продовольствие (расход на продовольствие фабричного, т.е. рабочего класса образует около половины его бюджета), производством которого занимается не фабричное население, а земледельческое; что из другой половины дохода, составляющей, вероятно, уже не больше продукта 2 — 3 месячного труда, — которую он назначит на приобретение предметов фабрично-заводской выделки — часть будет затрачена на иностранные фабри-

каты, кои мы должны брать в обмен за вывозимый из России хлеб: соображая все вышеизложенное, мы согласимся с тем, что потребуется очень небольшой контингент рабочих для того, чтобы удовлетворить запрос массы народа на продукты фабрично-заводской выделки. Попробуем дать не совершенно нелепую цифру этого контингента.

По одному из новейших статистических изданий в 50 губерниях Европейской России имеется 15547 тыс. взрослых мужчин крестьянского сословия; из них для обработки всей засеваемой ныне площади необходимо 13482 тыс. чел., а 2075 тыс. или 13,3% являются излишними для хлебопашества и могут быть обращены на другие отрасли промышленности.

По данным того же источника в фабрично-заводской промышленности занято 863,4 тыс. взрослых мужчин; присоединяя сюда около 160 тыс. человек железнодорожных служащих, будем иметь около 1020 тыс. человек рабочих, объединенных капиталом, что составит $^1/_3$ часть земледельческого мужского населения страны. Но земледельцы отдаются не только хозяйству, а и промыслам, не совершенно еще изъятым из их рук капиталом. Можно даже сказать, что с утратою одних промышленных занятий земледелец изобретает другие и потому, вероятно, никогда не лишится совершенно подсобных промыслов. Но это уже касается сферы некапиталистической эволюции промышленности, которой многие наши писатели не придают серьезного значения. Что же касается собственно капиталистического развития нашей промышленности — результатом его успехов должно быть постепенное прекращение и, наконец, полное уничтожение подсобных к земледелию занятий и ограничение рабочего времени сельского населения земледельческим сезоном. Таков идеал товарной экономической организации, создаваемой капиталом, и остается только подсчитать вероятные результаты его осуществления в нашей стране.

Мы видели, что в настоящее время рабочие-мужчины в крупных предприятиях составляют $^1/_{13}$ часть рабочего земледельческого населения. Как возрастает эта доля в случае полной капитализации обрабатывающей промышленности? Возрастет ли она вдвое? А это значит: потеряло ли уже земледельческое население половину подсобных промыслов и теперь ожидает решения судьбы остальной половины их? Может быть и так, судя, напр., по тому, как сократилось домашнее и кустарное ткачество, извоз, бурлачество! Допустим, что это так и примем, что с уничтожением другой половины крестьянских промыслов доля фабрично-заводского населения удвоится. Это вовсе не скупо, принимая во внимание постоянно растущую производительность объединяемого капиталом труда. Таким образом, при совершенном выполнении своей миссии капиталистическая заводско-фабричная промышленность в России будет занимать $^1/_{55}$ часть (13,33 %) того числа рук, какое занято земледелием, т.е. 86,66 % населения останется при земле и будет бездействовать в течение полугода, а это значит, что 43,33 % живой рабочей силы страны перейдет в связанное состояние. Взамен этого, 13,33 % рабочих будут подчинены капиталистической организации, и происходящим от того возвышением производительности труда должны быть пополнены недочеты национальной продукции. Так как количество связанного труда в 3 ¼ раза превышает количество труда, подчиняющегося капиталу, то для пополнения этого недочета производительность последнего должны быть в 4 ¼ раза выше производительности ремесленного труда.

Итак, увеличение производительности труда как результат развития крупной организации промышленности в капиталистической ее форме не может быть считаемо в полной мере выигрышем для страны, а предполагаемое при этом приращение национального богатства никоим образом не осуществится в действительности в тех размерах, в каких

оно определяется по простому арифметическому подсчету. Некоторая доля этой возросшей производительности — и тем большая, чем менее страна утрачивает земледельческий характер — пойдет на восполнение недочета в национальной продукции, происходящего от связывания живой человеческой силы. Если бы все общества были изолированы друг от друга, то размер растраты национального труда в каждом из них определялся бы внутренними условиями их развития. Но так как культурное развитие цивилизованных наций принимает общечеловеческий характер, в частности, экономические отношения обращаются в международные, причем на этой новой почве, как и внутри страны, они складываются под действием духа индивидуализма и соперничества, то отдельным нациям открывается возможность перенести часть связываемой капитализацией их промышленности силы к своим контрагентам, возложить на этих последних ответственность за недочеты мировой продукции, являющиеся результатом капиталистического направления экономической эволюции. Этого они достигают, беря на себя труд производства для международного рынка предметов фабрично-заводской выделки и предоставляя другим снабжать этот рынок и их самих продуктами сельского хозяйства. Благодаря такому разделению труда, часть земледельческого населения этих промышленных стран вместо того, чтобы оставаться на полугодовом труде при сельском хозяйстве, обращаются в разряд фабрично-заводских рабочих и производят изделия для тех стран, на которые возлагается добывание хлеба и сырья. В этом случае связывание труда вследствие капитализации промышленности в стране А, совершается в стране В, которая таким образом и берет на себя потери, проистекающие от капитализации промышленности как у себя, так и у своих соседей. То или иное разделение участвующих в международном обмене наций на земледельческие и промышленные зависит от многих условий, из числа коих мы укажем на два:

земельные и земледельческие отношения и высота общего культурного развития.

В плодородных только что колонизируемых местностях производство сырья, хотя бы и в обмен на чужие фабрикаты, представляется выгодным, потому что производство ведется здесь выходцами из истощенных земель старых промышленных стран, вооруженными притом производительными средствами, созданными высоким развитием культуры. В этом случае капитализирующаяся страна выселяет часть своих рабочих с полусвязанной силой на новые земли, где, благодаря естественным богатствам — даже оставаясь в полусвязанном состоянии — сила этих рабочих дает происхождение массе продуктов, значительно превышающее эквивалентное им количество предметов земледельческого производства в метрополии. Так как подобные местности заселяются наиболее энергичным элементом старых наций, приносящим с собой готовую культуру, являющуюся передовой культурой цивилизованного мира, и находящим на новой земле наиболее благоприятные условия для свободного национального развития, то, хотя и являясь на свет Божий несколько подчиненными чужой стране, вновь образующиеся нации в то же время становятся в число передовых бойцов цивилизации и приобретают возможность пользоваться всеми доступными в тот момент средствами для облегчения неудобств, проистекающих из их положения в международной торговле в качестве земледельческой стороны, а также выступить на борьбу за освобождение себя от обязательства нести ответственность за грехи не только своего, но и чужого капитализма.

В ином положении находятся страны, вынужденные на земледельческую международную роль своей культурной отсталостью. Благодаря и своей отсталости и своему земледельческому характеру, эти страны постоянно будут находится в хвосте народов с определившимся характером цивилизации. Пока передовые нации мира не пришли к пре-

делу развития, до тех пор на всякий шаг отставших наций по направлению к сближению с ними они ответят новым шагом вперед, отчего расстояние между ними не испытает значительного сокращения. Поэтому борьба за освобождение от служения чужому капитализму на почве обычных приемов этого последнего будет в таких странах оканчиваться неудачно. Для избавления от вредных последствий, являющихся результатом преимущественно земледельческого характера промышленности, этим нациям надлежит разорвать с принципами, на которых покоятся капиталистические отношения, и обратиться к развитию народной формы производства, допускающей сохранение связи промысла с сельским хозяйством.

V

Растрата национального труда при капиталистической организации промышленности не ограничивается вышесказанным. Там мы имели дело с минимумом этой растраты в случаях, когда промышленно развитая нация не сумела сложить на другие страны-производительницы ответственность за развитие у себя капиталистических отношений. Эта растрата обусловливается, как мы видели, естественно-географической обстановкой земледельческой промышленности; она существует несмотря на то, что каждый член общества пристроен к производительному занятию и отдает ему все возможное рабочее время, т.е. что фабрично-заводской рабочий трудится круглый год, а земледельческий — в течение всего сельскохозяйственного сезона. Но капиталистические страны имеют новый источник растраты национальных производительных сил, уже чисто социального характера.

В обществах с народной организацией промышленности каждый человек расходует свою рабочую силу в размерах

имеющихся у него потребностей; и потому все количество произведенных продуктов пойдет на потребление населения. Предполагая, например, что земледельческий сезон продолжается круглый год и что для продовольствия человека достаточен продукт трехмесячного труда, вследствие чего один земледелец может приготовить предметы продовольствия для 4 человек, будем иметь, что в данном обществе земледелием (вернее, производством продовольствия) занимается 25 %, а прочими промыслами — 75 % населения. Если по существующим потребностям расход на продовольствие составляет ¼ часть общего расхода, то каждый будет трудится круглый год и все произведенное обратит — непосредственно или путем обмена — на собственное потребление. Земледельцы (25 % населения) затратят на свое продовольствие ¼ произведенного ими продукта, т.е. 6¼%) общей стоимости национального продукта, а пустят в продажу 18 ¾%. Прочие рабочие по тому же расчету затратят на приобретение продовольствия 75/4 %=18 ¾% общей стоимости национального продукта, а на все другие предметы потребления 56 ¼% Таким образом, весь запрос рынка выразится спросом на продовольствие в размере: со стороны земледельцев 6¼%, со стороны прочих рабочих 18 ¾% общей стоимости национального продукта в сумме в том самом размере (25 %), в каком этот предмет производится; спрос на прочие предметы потребления будет: 18¾% со стороны земледельцев и 56 ¼% со стороны остальных рабочих, в сумме 75 %, что соответствует произведенной стоимости этих предметов. Тот же результат получился бы и тогда, когда земледельческий сезон продолжается ½ года.

В обоих случаях все количество произведенного страной продукта нашло бы себе потребителей, причем известная часть продукта готового труда в размере, определяемом духовными потребностями производительного класса, была бы изъята из потребления непосредственных производителей

и пошла на содержание непроизводительного населения: врачей, учителей, судей и т.д.

Иначе слагается дело в обществах капиталистических. Та или другая масса предметов, производимых здесь рабочим населением, не находится в зависимости от потребностей последнего и не пойдет целиком на их удовлетворение. Таким образом, не весь продукт готового производства найдет себе помещение среди производителей: часть его, и притом не зависимая от каких-либо соображений о духовных нуждах общества, требующих для их удовлетворения определенной затраты материальных средств, должна искать помещения вне трудящегося населения. А это значит, что кроме предметов потребления необходимого, как в первом случае, необходимого в смысле неизбежности, потому что и произведены-то они для удовлетворения строго определенных потребностей. — в капиталистических обществах существуют еще предметы потребления случайного, не связанного с их производством и потому могущего и не оказаться в размерах, соответствующих массе произведенного товара, а в таком случае следует ожидать сокращения самого производства, т.е. ограничения затраты национального труда. Чтобы судить о том, в каких размерах может происходить это ограничение, сделаем примерные расчеты.

Возьмем общество, где земледельческий сезон продолжается ½ года, форма земледельческого производства народная, а обрабатывающей промышленности — капиталистическая. Пусть норма прибавочной стоимости 100% (что до известной степени соответствует действительности), т.е. заработная плата наемного рабочего равняется половине прибавляемой им к национальному продукту стоимости, и предположим, что трудящийся человек, как это имеет место среди фабрично-заводских рабочих в Западной Европе, половину своего вознаграждения расходует на продовольствие, а другую — на удовлетворение остальных материальных нужд.

Земледельческое население работает ½ года и весь добытый продукт обращает на свое потребление; фабричный рабочий получает заработную плату также в размере стоимости продукта полугодового труда. Оба они половину своего дохода тратят на продовольствие, а половину — на другие предметы потребления. При таких условиях задачи земледельческое население должно составлять 50%, фабрично-заводское столько же. Если бы все население работало круглый год, то общая произведенная им стоимость могла составлять 100% имеющейся в распоряжении общества стоимости — образовательной силы (рабочего времени); но так как 50% земледельческого населения (при полугодовом земледельческом сезоне) производят всего 25% стоимости, то сумма всей произведенной стоимости выразится 75%, а 25% национального труда растрачивается непроизводительно. В каком отношении к произведенному рабочими продукту будет находиться продукт, ими потребляемый?

Земледельческое население производит стоимость в 25%, половину коей, согласно одному из условий задачи, обратит на собственное потребление, а другую вынесет на рынок для обмена на предметы обрабатывающей промышленности. Фабрично-заводские рабочие произведут стоимости в 50%, из которой 25% получат в свою пользу и разделят ее поровну между предметами продовольствия, имеющими быть полученными от земледельцев в обмен на нужные им продукты, и предметами фабрично-заводской выделки. Таким образом, из 75% стоимости национального продукта трудящимися будет потреблено 50% или $^2/_3$, третья же часть не найдет себе помещения на рабочем рынке, она должна быть потреблена непроизводительными классами. Если последние при данном распределении богатств могут потребить свою общую долю, в таком случае национальное производство будет идти не прерываясь и новая растрата национального труда не будет иметь места. Если же по причине неравномерного

распределения богатства между непроизводительными классами и т.п. часть их общей доли останется непотребленной, то следует ожидать сокращения производства, т, е. ограничения производительного использования национального труда. Это значит, что при указанных условиях вовсе и не будет произведена та масса предметов, которую мы только что подсчитали; что производительная затрата труда не достигнет предположенных нами размеров.

Действительно, если в своей гипотетической организации национального производства мы будем исходить из определившихся требований рынка, в таком случае мы найдем производительное занятие далеко не для всего населения. Так, каждый земледелец, как мы знаем, продукт 3-месячного своего труда будет потреблять сам и столько же вынесет на рынок для обмена на прочие предметы потребления. Эти прочие предметы производятся капиталистическими предприятиями, работающими в течение целого года; а это значит, что для удовлетворения запроса одного крестьянина на предметы обрабатывающей промышленности (запроса, выражаемого 3 месяцами труда), достаточно затраты труда одного фабричного рабочего в течение ¼ года (3 месяцев), т.е. что один рабочий приготовит массу предметов, удовлетворяющую спрос на продукты обрабатывающей промышленности со стороны четырех земледельцев. Этот фабричный рабочий, получая в виде заработной платы продукт полугодового труда, в свою очередь, представит спрос на предметы обрабатывающей промышленности в таком размере, для удовлетворения которого требуется работа человека в течение ¼ года (3 месяцев). В итоге оказывается, что 4 земледельца предъявляют запрос на продукты обрабатывающей промышленности в размере годового труда одного фабричного рабочего, для которого опять требуется трата промышленного труда в течение ¼ Сказанным определяется следующая организация промышленных сил страны, удов-

летворяющая запрос на предметы потребления со стороны трудящейся части населения: из 5¼ работающих должно быть 4 земледельца и ¼ фабричных или (приводя к целому числу) из 21 человека — 16 земледельцев и 5 фабричных, т.е. земледельческое рабочее население должно составлять 75%, а фабрично-заводское — 25%. Иначе говоря, для удовлетворения спроса на продукты обрабатывающей промышленности со стороны земледельческого населения, работающего в течение полугода, в том случае, когда остальные промыслы подверглись полной капитализации, — достаточно затраты третьей части количества рабочих сил, занятых в сельском хозяйстве. Такое распределение промышленных сил было бы осуществлено в случае, если бы земледельцы могли сбыть весь производимый ими продукт, ибо только продав свой товар они могут купить чужой. И так как количества добываемого 15 земледельцами продовольствия достаточно для прокормления 30 человек, из коих 15 приходится на долю самих земледельцев, то для продажи всего добытого продовольствия, кроме имеющихся занятых 5 фабричных рабочих, требуется еще наличность 10 потребителей. Таким образом, наша нормальная потребительная единица расширяется до 30 человек, из числа коих 15 человек, или 50%, занимаются земледелием, 5 человек, или $16^{2}/_{3}$% приготовляют для них и для себя предметы обрабатывающей промышленности, а 10 человек, или $33^{1}/_{3}$% всего населения должны состоять из непроизводительных классов и из рабочих, занятых производством для них и для себя предметов потребления, не относящихся к продовольствию, которое уже существует готовым.

Если третий из перечисленных отделов населения, определяемый существованием непроизводительных классов, заключает в себе $33^{1}/_{3}$% всего населения, то количество затрачиваемого на него национального труда сравнительно значительно больше; вернее говоря, количество националь-

ного труда, потребляемого на содержание первых двух, так сказать, абсолютно производительных групп населения, относительно меньше. Действительно, 50% земледельческого населения, производя продовольствие стоимостью в 25%, сами потребляют его в размере 12,5%, $16^2/_3$% фабричных рабочих, производя (для себя и для земледельческого класса) стоимость в $16^2/_3$%, потребляют предметы продовольствия (в размере половины своей заработной платы: равняющейся, в свою очередь, половине произведенной ими стоимости) стоимостью в $4^1/_6$%. Итого на содержание рассматриваемых классов издержан национальный труд в размере $12\frac{1}{2}+16^2/_3+4^1/_6=33^1/_3$% всего потенциального труда общества. Так как за вычетом 25% рабочей силы, растрачиваемой непроизводительно по причине уничтожения подсобных земледельческих занятий, производительное употребление могло бы быть найдено для 75% общего количества имеющегося национального труда, то на непроизводительные классы и рабочих, приготовляющих средства для их существования, затрачивается $41^2/_3$% ($75-33^1/_3$) всей национальной рабочей силы. Устраняя 25% рабочей силы, неизбежно теряемой при капиталистической организации промышленности, и имея дело только с тем рабочим временем, какое может быть при этом производительно утилизовано (75%), окажется, что при взятых нами условиях задачи (самостоятельное крестьянское земледелие, полугодовой сельскохозяйственный сезон, капиталистическая обрабатывающая промышленность, норма прибавочной стоимости 100%, распределение бюджета трудящегося населения пополам между продовольствие и остальными предметами потребления) абсолютно производительная затрата национальной трудовой силы составляет 44% имеющегося в распоряжении нации запаса труда, а употребление 56% последнего остается необеспеченным.

VI

Еще менее обеспечено производительное употребление всей рабочей силы общества и более вероятна бесплодная растрата этой силы в случае, если все производство имеет капиталистическую форму. Сделаем же соответствующий расчет, оставляя старые условия задачи, кроме формы земледельческого производства, и предполагая, что, получая в виде заработной платы при норме прибавочной стоимости в 100% стоимость в 3 месяца труда, земледельческий рабочий распределит ее между затратами на продовольствие и на остальные предметы потребления не поровну, как это делает со своей 6-месячной заработной платой фабричный рабочий, а отдавая стоимость в 2 месяца на продовольствие (как более необходимый предмет потребления) и 1 месяц — на прочие предметы потребления.

Каждый земледельческий рабочий, создавая продовольственные средства стоимостью в 6 месяцев и сам потребляя из них 2 месяца, продуктом остальных 4 месяцев может прокормить еще $1\,^1/_3$, человека (питающихся лучше его), т.е. для добывания продовольствия для всего общества требуется, чтобы его земледельческое население составляло 43%, а стоимость произведенного им продукта будет составлять 21,5% всего запаса стоимостеобразовательной силы.

Получая в виде заработной платы половину произведенной стоимости, (21,5), т.е. 10,75% общей потенциальной национальной стоимости, земледельческое население $^2/_3$ ее употребит на продовольствие, а $^1/_3$ или около 3,6% общей национальной стоимости — на приобретение предметов фабрично-заводской выделки, которою будет занято 3,6% населения; а для этого последнего будет приготовлять предметы потребления (кроме продовольствия) 1% населения. Таким образом, на производство продовольствия для всей страны и остальных предметов потребления для земледельцев и за-

нятых на них рабочих, потребуется 43+3,6+1=47,6% населения страны. Остальные 52,4% должны принадлежать к непроизводительным классам и к рабочим, приготовляющим для них и для себя все предметы потребления, кроме продовольствия.

Затрата стоимостеобразовательной силы между обоими отделами населения распределяется таким образом. На производство продовольствия для земледельческого населения (43%), производящего стоимость в 21,5% общего запаса национального рабочего времени и потребляющего третью ее часть (каждый земледелец, вырабатывая продовольствие стоимостью в 6 мес., потребляет его на себя в размере стоимости 2 мес.), потребуется затрата 7,2% национального рабочего времени. 4,6% фабричных рабочих, производящих для земледельцев и для себя остальные предметы потребления, потребуют продовольствия стоимостью в 1,15% (половина заработной платы, составляющая половину произведенной стоимости). В итоге на содержание всего земледельческого населения страны и рабочих, производящих для них и для себя предметы фабрично-заводской выделки, необходима затрата 7,2+4,6+1,15=13%) общего числа трудовых единиц, находящихся в распоряжении нации. Принимая во внимание, что необходимая растрата национального труда, являющаяся результатом отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой, определяется в 21% всего запаса общественной рабочей силы, а производительно утилизировано могло бы быть 78,5%, мы видим, что из всей этой возможной затраты пока найдено помещение для 13% всего запаса национального рабочего времени, что составит 17% времени, могущего быть утилизированным производительно, а 83% этого времени останется на непроизводительное население и на тот производительный (т. е. затраченный на производство материальных предметов) труд, который имеет задачей производство для этого населения предметов потребления.

ЗА ОБЩИННЫЕ И АРТЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

КАБЛИЦ Иосиф Иванович 1848 — 1893

В своей главной книге «Основы народничества» (1882 г.), не лишенной некоторой эклектичности воззрений, выступал против ломки вековых устоев русской хозяйственной жизни. Считал западный капитализм выражением регресса человечества, который должен быть преодолен. Каблиц справедливо утверждал, что развитие хозяйственных форм в России гораздо больше зависит от прогресса общественных и нравственных чувств народа, нежели от простого накопления знаний. Общинное владение землей, господствующее в России, гораздо более способствует развитию социально-нравственных инстинктов, нежели изучение каких бы то ни было наук.

Молодое поколение, развиваясь в общинных и артельных порядках, имеет возможность гораздо чаще упражнять свои социально-нравственные инстинкты, нежели это могло быть при господстве индивидуализма.

Исходным историческим пунктом, с которого начал Маркс, был феодально-ремесленный общественный строй. Он доказывает, что этот строй по законам своей внутренней жизни стремится перейти в капиталистический. Всякое общество, основанное на полном индивидуализме и находящееся в периоде ремесленной кооперации труда, закончит капитализмом — вот что говорит теория Маркса.

Находится ли Россия в периоде феодально-ремесленной кооперации труда или в какой-нибудь еще более близкой к капиталистическому производству переходной форме? Нуждается ли русский рабочий люд в той артельности, которую за собой ведет капиталистическое производство? Не достигнет ли он этой артельности (социализации) другим своеобразным путем? Вот вопросы, которые мы обязаны разрешить, обсуждая приложимость теории Маркса к России.

Мы утверждаем, что тип общественной кооперации труда в России — другой, нежели был на Западе при зарождении капиталистического производства. У нас есть то, что называется «мирским владением»; в «мирском владении» находится главное орудие производства в России — земля. Русский народ не нуждался в капиталистическом кнуте для развития в себе способности сообща владеть орудием производства. «Вообще, — говорит Ю. Самарин, — можно доверять чувству правды в мирах и стремлению в них уравнению тягостей со средствами». Наша история дала нам для развития социальных чувств более целесообразное и вместе с тем только полезное, а не гибельное для многих поколений средство — общину, артель. «Не может быть более сомнения, — говорит г. Соколовский, — что в среде нашего крестьянина существовала с первых дней его жизни и существует теперь совершенная система социально-экономических отношений, принципиально отличная от господствующей у нас (т. е. в высшем сословии) и на западе. «Наши артели древнего типа, — по словам г. Исаева, — не находят соответствующих форм в Западной Европе».

По мнению С. К — на, «общинные порядки жизни, общинные понятия, выработанные до крайней тонкости, составляют главнейшую массу умственных представлений нашего крестьянства или, говоря иначе, общинными тенденциями проникнуто насквозь его мышление, из общинных принципов составляется кодекс его нравственности; общинные ин-

стинкты всасываются у него с молоком матери, а вследствие этого, куда ни занеси его судьба, он проявит везде общинные наклонности». По мнению того же автора, ломка общинных порядков — это «ломка миросозерцания русского крестьянина, его нравственных понятий, наклонностей, инстинктов, одним словом, — склада души его». Можно ли верить, что капиталистическое производство само собою, естественным путем появится среди народа с подобными нравами и привычками?

По мнению Маркса, капиталистическое производство было вполне естественным последствием феодально-ремесленного периода — насилие только ускорило переход из одного состояния в другое. У нас же если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия; у него нет корней в самой жизни народа. «У нас еще крепка земельная община, — говорит г. Исаев, — у нас она еще способна защитить многочисленные массы от развития пролетариата, у нас еще нередко крестьяне — личные собственники переходят к общинному владению землей. Верный заветным преданиям, наш народ, помимо всякого участия образованного слоя, в десятках и десятках промыслов избирает ту форму труда, в которой всего лучше охраняются самые ценные права человека. Одно слово, один взгляд, один намек — и тысячи наших сограждан соединяются в артели, образованию которых на западе Европы предшествует красноречивая устная и печатная проповедь».

Тут может явиться вопрос: не имеет ли капиталистическое производство почвы в Малороссии, стране, прослывшей у нас своим индивидуализмом и участковым владением землей? По нашему мнению, миросозерцание малоросса относительно экономических отношений, долженствующих быть между людьми, мало чем отличается от миросозерцания великоросса. «По общераспространенному крестьянскому воззрению, — говорит г-жа Ефименко, — землею должен

пользоваться лишь тот, кто вкладывает в нее свой труд. Это справедливо как относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правах общинного владения, так и той, которая пользуется ею на правах частной собственности». «Крестьяне спокойно смотрят на настоящий прядок вещей, противоречащий их основным воззрениям, тем более спокойно, что они вполне убеждены, что их summum jus на землю находится в надежных руках верховной власти, которая ждет лишь удобного момента для осуществления их права». Следствием такого взгляда на поземельную собственность было то, что «убеждение в необходимости или, точнее сказать, в неизбежности всеобщего дележа земель господствует повсеместно, одинаково в общинной Великороссии, как и в участковой Малороссии. Оно коренится в той особенности крестьянских воззрений на собственность, по которой земля есть мирская да Божья; поэтому не может быть права частной собственности на землю, а может быть лишь право пользования землей, которое дается трудом, в нее вкладываемым. Община ли является в данную минуту владельцем земли или отдельное лицо — все равно: право на землю безусловно связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право». Если принять во внимание, что «существо мирского общинного быта, как говорит князь Васильчиков, заключается в равном праве на землю всех членов общества пропорционально их рабочим силам», то, следовательно, сущность мирского великороссийского владения господствует и в участковой Малороссии. Различие только в форме, а не а сути вещей. Владея землею даже по участковой системе, малороссы необходимо будут приходить к мысли регулировать свое владение посредством периодических переделов, так как участковое поземельное владение будет постоянно вести к накоплению земли у одних и к обезземелению других, и таким образом нарушать коренные основы их воззрения на социальный строй. Эти

переделы мало-помалу станут обычным делом, и Малороссия будет жить на основании такого же мирского владения землей, как и Великороссия. А так как «земля — основа наших социальных отношений», то в руки капитала не попадет именно «основа» социального строя, и он, следовательно, не сможет заполонить русскую землю, если будет предоставлен своим собственным силам. Что же касается сказанного нами о Малороссии, то все это подтверждается новейшими событиями. Так, например, в последнее время в некоторых уездах Киевской губернии проявилось желание перейти к общинному пользованию землей (…). То же самое, по словам князя Васильчикова, замечено «во многих селениях» Подольской и Волынской губерний. Г. Поругавин сообщает про село Благодатное (Екатеринославской губ. Мариупольского уезда) следующее: «Оно населено крестьянами Гадячского уезда, Полтавской губ., переселившимися сюда в 1842 году. На своей родине эти крестьяне владели землею на правах частной собственности — покупали и продавали ее в вечность. Здесь, в Мариупольском уезде, владели землею на правах захвата 10 лет, потом поделили землю на души. «Что же заставило вас поступить так, произвести такой передел?» — спрашивал я. «Нашли средство. Дали порядок!» — с глубоким сознанием в справедливости произведенных действий отвечали крестьяне».

В Херсонской *губернии* некоторые малорусские села издавна владеют землей на общинных началах. Исследования г. Лучицкого доказали, что общинное владение землей в Малороссии имеет свою историю и что малорусский крестьянин давно знаком с этой формой — исследователь нашел общинное владение в некоторых местах левобережной Украины. Правда, когда-то благодаря обилию земель общинное владение не было так сильно настоятельно необходимо, как теперь, чем и объясняется его слабое развитие; но при современной земельной тесноте крестьянин все чаще и чаще начинает на-

талкиваться на мысль о необходимости перейти к этой форме владения. История общинного владения на севере, как она изложена г-жою Ефименко, может нам дать ключ к будущей истории этого владения в Малороссии: необходимо, чтобы интеллигенция стала на сторону этого владения, подобно тому, как она сделала это в 30-х годах на севере России, — историческая же почва для этого владения несомненно существует в Малороссии.

Так, например, еще в начале 50-х годов нашего столетия, в Слободской Украине появилось народное движение к общинному владению. «Зародившись в больших центральных пунктах, движение в пользу общинного землевладения, главной формы землевладения Слободской Малороссии настоящего времени, перешло в хутора и, несмотря на увеличившиеся внешние и внутренние препятствия, охватило много селений и хуторов, еще сохранивших старозаимочный личный тип землевладения». «Община продолжает организоваться. Нам известен случай передела частных старозаимочных и крепостных земель в 1881 году в Удах, Харьковского уезда».

Г. Варзер утверждает, что напрасно упрекают малороссов во вражде к артельному началу. Он говорит, что «примеров артельных аренд в Черниговском уезде найдено достаточное количество и, судя по собранным фактам, можно даже сказать, что артельный вид аренды земель преобладает среди казенных и помещичьих крестьян уезда». Так, из 18 случаев крестьянских аренд около 10 случаев представляют «себринные» (товарищеские, артельные) аренды». Крестьяне с. Грековки (15 домохозяев), взявши в аренду имение г. К., порешили, что «дележ земли по хозяевам крайне невыгоден по местным условиям; они ввели общественные запашки, совместный сжон, обмолот и дележ готовым зерном и соломой. Так же они поступили и с сенокосами. До 1877 года у них уже прошел год с соблюдением членами артели указанных условий. Практика нисколько не охладила членов, и они находят

свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновению совместный труд запапшки и скоса не только не представил никаких недоразумений, но даже показался и веселым, и удобным; «як вышли в поле до закурили в десять сох, ставши в ряд, только дым пошов: люди дивуются, а мы за день все отмахали». И даже дележ вымолоченного зерна и скошенного сена, этот слабый пункт во всех совместных предприятиях, у поселян-малороссов («гуртове-чертове»), даже эта операция не вызвала никаких пререканий».

У нас очень часто повторяется мысль, что общинное владение держится только традицией и бессознательной привычкой к ней крестьян. Это мнение, ни на чем не основанное, есть отражение того дворянского презрения к народу, которое господствовало в литературе. Все исследователи народного быта утверждают противное: так, например, г. Кавелин говорит про крестьян, что «кто с ними хоть раз толковая о праве личной поземельной собственности и общинном землевладении, тот знает, что они их различают очень отчетливо и сознательно». Ал. Л–ш говорит про олонецкого крестьянина, что тот знает цену общине; он понимает все те выгоды, которые вносятся в его трудовую жизнь этою благодарною «формою общения». П. Соколовский утверждает, что сознательное отношение крестьян к общинному владению доказывается многими фактами. На доводы против общины крестьянин Вологодской губернии Никольского уезда отвечал сравнением общинного владения с крестьянской рукавицей, а частного — с дворянской перчаткой: «В дворянской перчатке у каждого пальчика свой чуланчик, а в мороз они зябнут, в крестьянской рукавице они вместе и друг друга греют».

Толки о земле, споры и перебранки, говорит г. Приклонский, слышатся постоянно, как только соберется кучка крестьян в свободную минуту. Вопрос о сельской общине не менее волнует олонецких крестьян, чем занимает он и наше интеллигентное общество. Крестьяне недовольны сущест-

вующим порядком и ставят вопрос об общине в таком виде: следует ли уничтожать общинное владение или же изменить общинные порядки в таком направлении, чтобы они более согласовывались с принципом справедливости и равенства?

Пока поставленный таким образом вопрос решается, так сказать, теоретическим путем, в частных спорах и беседах, до тех пор, говорит автор, все недовольны существующим порядком, все требуют изменения его в том или другом направлении. Но скоро вопрос переносится на сход, где предстоит практически разрешить его, тогда одна из враждебных партий требует сохранения существующего порядка и тем парализует усилия противной партии, направленные к изменению этого порядка. Например, если одна партия заявляет на сходе о необходимости уничтожить общинное землевладение, то другая партия большинством голосов постановляет оставить землевладение в том же виде, как оно существует ныне. Но вслед за тем партия, требовавшая сохранения существующего порядка землевладения, вносит на сход предложения в смысле более справедливого уравнения земель между всеми членами общины. Тогда другая партия, недавно требовавшая уничтожения общинного землевладения, становится защитницею существующего порядка и добивается сохранения его на будущее время, так как имеет на своей стороне более 1/3 голосов. Таким образом, жгучий вопрос об общине откладывается в долгий ящик и продолжает попрежнему волновать крестьянские общества.

В Харьковской губернии крестьяне относятся крайне недружелюбно к мысли о переходе от общинного владения к подворному, говоря, что это повело бы к окончательному разорению. В некоторых общинах государственных крестьян в семидесятых годах были даже беспорядки, вызвавшие вмешательство военной власти вследствие недоразумений, возникших от нежелания крестьян переходить к подворному владению.

Существует также мнение, будто наша община — это что-то застывшее, не имеющее никакого стремления к развитию. Мы не можем согласиться с этим. История общины ведется с верви, т.е. семейной общины (задруги), которая переходит в общину территориальную, на первый раз в общину-волость (у нас еще и в наши дни существует община-волость, это земля Уральских казаков; земля Донских казаков недавно изменила свое общинно-волостное устройство в общину с переделами, а потом в ныне существующую общину с периодическими переделами. «Если сопоставить, — говорит Мэн, — различные славянские обычаи, то для нас не останется ни малейшего сомнения в том, что естественным развитие семейной общины будет переход ее в сельскую общину. В России он почти повсеместно приняла эту форму». Что переход от верви к территориальной общине-волости был шагом вперед, думаю, об этом говорить нечего; что же касается разложения общины волости на деревенские общины, то г. Соколовский говорит, что «принцип равенства проводится с гораздо большей строгостью по мере перехода от общинно-волостной системы к передельной», т.е. нынешней деревенской общине.

Итак, существующие формы общинного владения не остаются таковыми испокон веков, без всяких изменений и усовершенствований. Г-жа Ефименко доказывает, что северная община даже в тот относительно короткий промежуток времени, который захватывает достоверная история (т. е. приблизительно с XIV века), пережила несколько фазисов. Очень оригинально то обстоятельство, что землевладение севера, теперь исключительно мелкое, крестьянское, когда-то начало свою историю обширными боярскими латифундиями, бывшими результатом завоевания «Двинской земли» Новгородом. Московское завоевание вырвало с корнем боярское землевладение, но зато насадило монастырское, к которому крестьяне относились очень враждебно. Крестьянство

мешало заводиться новым монастырям и пустыням, гнало и преследовало отшельников, оседавших вблизи крестьянских земель. Акты наполнены свидетельствами о постоянной вражде монастырей с окрестным крестьянством. Вражда иногда так обострялась, что монастырь погорал. Достоверная история организации поземельной собственности на севере начинается с господства задружной формы землевладения, известной тут под именем печища. При этом группа родственников сообща ведет обширное хозяйство. Эта форма обширного владения господствовала в новгородский период истории севера. Вне печищ лежала не захваченная под эксплуатацию дикая земля, которая не входила в район никаких общин, а была просто-напросто Божья. Впрочем, бояре уже в новгородский период успели захватить себе куски дикой земли, а позже московские государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Вторым фазисом в истории поземельной организации на севере, по словам г-жи Ефименко, является деревня с долевым владением. Она образовалась от разложения печища, т.е. кровного союза, семейной коммуны. Мало-помалу союз родственников замещался союзом «складников», соседей, «сябров», сохраняя, однако же, под собою всецело старую кровную схему. Это не было общинное владение в нынешнем смысле этого слова, так как величина участка каждого деревенского совладельца определялась наследованием, покупкою и т.п. основаниями, не имеющего ничего общего с теми основаниями, которыми теперь определяется право общинника на его долю. Замещая собою кровных родственников и являясь в силу этого обстоятельства представителями какой-нибудь идеальной доли общего деревенского целого, складники естественно могли также требовать передела и уравнения в своих долях, какого имели права требовать кровные родственники. Обычай передела был так распространен, что надо было особо оговаривать в актах

на приобретение доли древни о непривлечении к переделу даже вновь расчищаемой после дележа земли. Дело в том, что печище, дробясь и делясь, все-таки продолжало смотреть на себя со стороны земельных отношений как на целое: до дележа — простое, после дележа — сложное. Впрочем, печище почти никогда не делилось вполне; всегда оставалась какая-нибудь неделенная собственность. «Долевая» деревенская организация может быть сочтена за материнскую форму, которая заключает в себе в зародыше все существенные черты обеих развившихся из нее форм поземельного владения, как общинной, так и подворно-участковой. Северная деревня развила последнюю сторону и перешла таким образом в третий фазис — подворно-участковое владение индивидуального характера.

Личное землевладение привилось быстро; корни его, говорит г-жа Ефименко, лежали в прошлом. Процесс обезземеления одних и скопления в руках других теперь быстро двинулся; по-видимому, все шло к насаждению того типа сильного крестьянского хозяйства, державшегося на бобылях, захребетниках и казаках, который составляет идеал некоторых русских европейцев. Но вдруг на сцене появляется dens ex machina в виде правительства, изменившего свои взгляды на крестьянское землевладение, и все получает иной вид. Землевладение нашего севера вступает в свой четвертый и последний общинный фазис.

Г-жа Ефименко очень далека, однако, от мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладения была создана правительством или помещиками. Не говоря уж об априорной несообразности этой мысли, против нее есть и несомненные исторические свидетельства. Автор указывает с настойчивостью на то, что деревня обращалась в общину именно сама собою: нет ни малейшей надобности предполагать участие в этом переходе какого-либо постороннего влияния или вмешательства со стороны помещиков или государства, — ввиду

равенства повинностей крестьяне непременно должны были сами поравнять землю. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владельцы принимали участие в ее поддержке и распространении, так как общинная форма землевладения вполне совпадала с их выгодами и удобствами. Еще позднее правительство взяло на себя распространение общины. Так, оно ввело общину не только в Архангельской губернии, но, вероятно, и на других северных окраинах, где сохранились государственные крестьяне, оно же вводило ее и на южных окраинах, как показывает пример Харьковской губернии.

Остановится ли прогрессивное развитие общины на современной ее форме или, наоборот, принцип справедливости более и более будет воплощаться в общинных отношениях? Факты дают нам право надеяться на дальнейшее развитие общины.

На севере России в 1863 году происходило наделение крестьян землею. Эти последние «приготовлялись устроить свое хозяйство на самую широкую ногу. Так, например, в огромной Великониколаевской волости более ста деревень согласились иметь общую землю. В одних частях этой волости преобладали луга, в других леса, и они решили между собою, что луговые селения допустят лесные к своим лугам, а лесные взамен того допустят луговые к свои лесам, и таким образом каждый крестьянин будет иметь в своем распоряжении в достаточном количестве все угодья, которые ему нужны. Только русский крестьянин способен делать такие вещи: в целом свете вы не найдете ничего подобного таким широким начинаниям по отношению к земле. Это в высшей степени достойно было поощрения, но, к несчастью, вместо поощрения вызвало противодействие. И тут крестьяне не сошлись во взглядах с исполнителями (чиновниками, распоряжавшимися наделом землею). Эти толковали о зле чересполосности и, ради уничтожения этого будто бы сущего зла толковали о разделении земель между общинами раз и навсегда.

В разных концах России рядом с разделом общинных земель во временное частное пользование появляется и общая обработка земли с разделом добытого продукта. В большинстве случаев это касается сенокосов: крестьяне сообща скашивают сено и потом делят его. Но в наше время стала появляться и общая обработка полей с разделом хлеба, а также и исполнение таких грандиозных предприятий, как осушение болот и превращение их в луга. Разумеется, что это — редкие и исключительные случаи, которые только могут служить вехами для указания того пути, по которому идет развитие нашей общины.

В самой тесной связи с общиной искони стояла артель. Нет сомнения, что артель поможет общине в предстоящей ей реформе, а потому она и должна не менее общины привлекать на себя внимание всех интересующихся развитием нашего общественного организма.(…)

Что касается положения артели в настоящее время, то необходимо признать, что она развилась и распространилась сравнительно с прошлым. Мы говорим об артелях вполне народных, имевших свой корень не в пропаганде известных идей со стороны интеллигенции, а в артельном духе нашего рабочего класса, большею частью воспитываемого деревенской общиной, владеющей землей на общинных началах. Большая артельность русского рабочего класса сравнительно с западноевропейским несомненно поддерживается и развивается общинным владением землею. Вместе с тем надо надеяться, что эта артельность, в свою очередь, выведет русскую сельскохозяйственную промышленность на дорогу вполне самобытного, чисто русского крупного производства с распределением дохода по принципу не капиталистического, а артельного начала. Несомненно, что прогресс сельскохозяйственной промышленности рано или поздно приведет к необходимости дорогостоящих работ осушения и орошения почвы, а также всякого рода крупных машин, для дейс-

твия которых сельской общине придется слить те мелкие дольки земли, на которые она делится теперь. Как бы ни было отдаленно это время. Но нам необходимо помнить, что такова тенденция промышленности, а потому государству и необходимо способствовать внесению в жизнь артельных принципов, чтобы мы могли обойтись без всяких социальных переворотов, тормозящих жизнь западноевропейских народов. Уже и теперь мы встречаем у нас много предвестников артельного крупного производства в сельскохозяйственной промышленности — это вехи, по которым мы можем судить о том направлении, которое старается принять наша народная промышленность. Как бы ни были малочисленны эти факты, они все-таки знаменательны, так как вырастают вполне самобытно на крестьянской почве и никак не могут считаться чем-то навязанным извне. (…)

Земледельческие артели встречаются у нас на севере очень давно; так что г. Исаев утверждает (…) об их исконном существовании. Эти артели повсеместно распространены в Вологодской губернии и известны под именем о б ч и х. Наметил крестьянин участок леса, пригодный для расчистки новины, и приглашает нескольких соседей помочь ему. Заботясь о возможно большей производительности труда, он подбирает себе в товарищи исключительно мужчин в возрасте полной рабочей силы. Члены артели принимаются за работу сообща: они вместе корчуют лес, выжигают пни, сеют, молотят, свозят хлеб в житницу и поровну делят собранную жатву. По окончании работы товарищи расходятся, решая по взаимному соглашению, кто будет в следующие годы пользоваться расчищенной новью.

В последнее время, как мы уже говорили, у нас начинают появляться земледельческие артели по всем концам России; появляются они и в таких местах, население которых прослыло своим индивидуализмом. Так, «в 1863 г. помещик села П., Сорокского уезда, Бессарабской области, узнал, что мес-

тные крестьяне замышляют устроить артель. При помощи этого помещика крестьяне дружно принялись за дело. Поголовным трудом всей деревни были засеяны поля, собрана жатва, совершена молотьба; было выстроено артельное гумно. Хлеб был распределен между домохозяевами соответственно с числом рабочих рук, поставленным каждым двором для совместного труда. На 560 руб., вырученных от продажи излишков хлеба, было арендовано несколько десятин и открыта мелочная лавка для торговли предметами, наиболее употребительными в крестьянском быту. В следующие годы на излишки было выстроено училище, общий скотный двор и уплачены все недоимки. Обстановка крестьян заметно улучшилась; приобретение некоторых земледельческих орудий на общий счет подняло уровень сельского хозяйства».

«В 1874 г. в Полтавской губернии группа односельчан составила артель и арендовала участок земли в несколько десятин для совместной обработки. Жатва была распределена по числу рабочих рук, поставленных каждым членом. Успех артели побудил все сельское общество пристать к ней, и вся артель-деревня арендовала 200 десятин».

Насколько наш народ способен приноровлять к своей артельно-общинной жизни улучшенные орудия производства, видно, например, из следующего факта. «Крестьяне некоторых уездов Рязанской губ., в особенности Скопинского, сами делают молотилки. Они возят их с собою вместе с разбирающимся приводом. При молотилках этих путешествует целый комплект рабочих, которые при заподряде производят молотьбу. Такие молотилки принадлежат большею частью не одному, а целой артели крестьян, которая обыкновенно и путешествует с ними. Артели таких молотильщиков уже несколько лет и прежде обходили все хозяйства большей части уездов губ. Тамбовской, проходили отсюда в губ. Воронежскую и область Войска Донского. В нынешнем году число таких молотильщиков особенно велико; цены, по ко-

торым они молотят, невелики: обыкновенно 10 коп. с копны. Работы для них находится очень достаточно». Основываясь на подобного рода фактах, мы считаем себя вправе надеяться, что по мере необходимости введения таких машин и орудий, которые не под силу отдельным хозяевам, они найдут себе место в нашей жизни под покровительством артельно-общинных форм ее. Если наш крестьянин, видя необходимость держать быка для своих коров и не будучи в силах завести его для себя отдельно, входит в соглашение с членами своей поземельной общины и заводит быка на общий счет, то нет никакого основания предполагать, чтоб он не завел, даже в настоящее время, например, жатвенную машину на таких же основаниях, если бы это показалось ему выгодным. Это доказывается и тем, что наш крестьянин способен быстро перенимать очень интенсивную сельскохозяйственную культуру, если видит наглядно ее выгоды. Так, например, русские поселенцы в Иссыккульском уезде завели искусственное орошение полей. «Повсюду в долине, — говорит г. Кранов, — введено искусственное орошение полей. Везде по канавкам струится вода, отведенная из горных речек, поочередно затопляются то тот, то другой из четырехугольных участков, засеянных пшеницей, просом, ячменем и другими яровыми хлебами. Орошение полей находим и в Забайкальской области Восточной Сибири. Там «в некоторых селениях, где только была возможность, устроили водопроводные канавы, местами через скалистые горы; устройство этих водопроводов крестьянским обществам стоит значительных затрат единовременно и особо каждогодне; на расчистку употребляют до 10 дней и более всем селением крестьян, которые занимаются посевом хлеба».

В газете «Земство» (1881 г.) сообщали о следующем факте: крестьяне всей Кузьмичевской волости при энергичном содействии г. Кроэра купили имение в 16.000 руб. с уплатою в рассрочку. В имении находится винокуренный завод

и 3 мукомольные мельницы. Крестьянское волостное общество выбрало г. Кроэра распорядителем купленного имения и всех работ, какие будут производиться им по его собственному усмотрению. По плану этого распорядителя ни пахотные, ни сенокосные, ни лесные угодья не должны делиться на отдельные участки, соответственно количеству ревизских душ, а составляют нераздельную собственность всей волостной общины, причем все необходимые работы будут производиться сообща и единовременно всеми наличными работниками, точно так, как производились они прежде по найму управляющего имением. Часть доходов будет откладываться для образования фонда на устройство местной больницы и школы. Крестьяне обязались слушаться своего распорядителя до тех пор, «пока он им понравится». Мы не знаем, чем окончилось прекрасное дело г. Коэра и крестьян Кузьмичевской волости. Первое затруднение — само совершение купчей крепости. Дело в том, что наши нотариальные порядки не допускали до сих пор покупки земли в общинную собственность, а только в общую, что составляет большую разницу. Кроме того, некоторые из местных землевладельцев стараются разрушить это предприятие.

«В Мценском уезде Орловской губернии несколько лет тому назад крестьяне с. Долгого и сельца Меньшикова заарендовали у соседнего помещика г. Меньшикова землю целым обществом, причем решили арендуемую землю не делить по дворам, а производить общую запашку и вести все хозяйство сообща. Дело ведется следующим образом: работники должны являться на каждую работу от каждого дома по распределению, сколько придется с каждого пая: убранный с поля хлеб свозится на гумно помещика, обмолоченное зерно ссыпается в амбары имения и затем продается; из вырученной суммы выплачивается аренда, а остаток деньгами или зерном делится по паям. Такой способ аренды и ведения хозяйства оказался крайне выгодным для крестьян. На пай

выручается крестьянами 200 — 300 руб. ежегодно. Несколько лет ведения общего хозяйства оправили крестьян, дали им возможность уплатить все недоимки и долги, обзавестись достаточным количеством скота и т.д. В 1882 г. крестьяне снова арендовали землю на 6 лет на тех же условиях, несмотря на то, что владелец повысил арендную плату на 40%; и при таком возвышении крестьяне остаются в барышах, так как, обзаведшись скотом, они получили возможность лучше обрабатывать и лучше удобрять землю, а стало быть, и получать больше дохода, а также ввиду того, что и при возвышенной аренде земля им достанется на 30 — 40% дешевле, нежели местным крестьянам, арендующим землю в одиночку».

Сколько шуму подняли подобные предприятия в Западной Европе, и так тихо и спокойно возникают они у нас! Наша интеллигенция так привыкла к артельному духу, проявляемому нашим крестьянином, что сделалась непомерно требовательной и готова упрекать этих же крестьян в отсутствии артельности, сравнивая, разумеется, нашу артельность с ее идеалом, а не с артельностью, проявляемою ею самою и западноевропейскими обществами. Между тем, по словам г. Исаева (подтверждаемым всеми знатоками русской жизни, имевшими случай наблюдать и народы других стран), «наш народ имеет столь большую склонность к артели, какая не проявляется у наших западных соседей».

Нам могут заметить, что мы до сих пор говорим только о земледельцах, не упоминаем о промышленном населении, и что, как ни незначительно количество этого последнего сравнительно с первым, но оно должно все больше и больше увеличиваться с развитием экономической жизни. Так как наше промышленное население выходит из тех же деревень, которые, благодаря своему общинному устройству, способствовали сравнительно сильному развитию социальных чувств русского народа, то и это население тоже не нуждается в просветительном влиянии капиталистического кнута. Оно уже

издавна составляло артели во всякого рода промышленных предприятиях. Г-н Соколовский говорит, что русский крестьянин и «во все другие сферы экономической деятельности» внес тот же коллективизм, которым проникнуто его землевладение, и что «общинное начало проникло во все отрасли экономической деятельности северно-русского населения. Для какой бы экономической цели ни соединялось несколько человек, они устраивали свои отношения на основании одного и того же принципа — равенства всех участвующих в предприятии». С. К–н говорит о «легкости, с которою составляются у нас многочисленнейшие промышленные и рабочие артели, работающие в лесах и дворцах», и о «стройности их внутренней жизни, не заявляющей себя ни ссорами между собою, ни беспорядками вне». Иногда артели бывают глубоко альтруистичны; для примера укажем на порядки рыболовных артелей в устьях рек Селенги и Верхней Ангары, впадающих с восточной стороны в озеро Байкал. «Артель составляется человек из 30, управление ею и рыболовным судном вверяется самому способному, именуемому «большаком», который никакими особыми привилегиями не пользуется. На ловлю выезжают целыми селениями, все по силе возможности приносят на общее дело свой труд. Каждый член семьи, какого бы возраста и пола он ни был, считается пайщиком. Здесь вы видите в артельном начале труд всей семьи, какой она может выставить, а дележ добычи по р т а м, по едокам. Впрочем, необходимо заметить, что артели с таким характером встречаются нечасто и что общий их тип гораздо ниже только что указанного.

К сожалению, наше законодательство, можно сказать, игнорирует существование артелей. В наших законах, правда, находятся отдельные законоположения о союзах этой формы, но из них можно только убедиться в том, что артель сама по себе нимало не привлекала внимания законодательной власти. Все эти положения об артелях изданы отнюдь не ра-

ди артелей, а в интересах тех лиц или учреждений, которые пользуются артельным трудом. В них не заметно стремление законодателя оградить эту форму труда от внешнего давления и в то же время обнаруживается желание создать такие условия, которые были бы способны обеспечить всех, пользующихся услугами артелей, от ущерба, который они могут им нанести. Среди положений, охраняющих выгоды лиц и учреждений от нанесения им вреда артелями, встречаются иногда и статьи, которые имеют целью оградить важнейшие интересы самих артелей; но эти статьи большею частью неясны и неопределенны, допускают различное и часто несогласное с выгодами артелей толкование, а потому и не могут служить для них оплотом против давления капитала. Необходимо, чтобы наше законодательство совершенно изменило свое отношение к артели. Вместо того, чтобы поддерживать капитал, оно должно помочь артели в ее трудной борьбе с могучим противником. Г. Исаев вполне справедливо настаивает на этой мысли. Он предполагает, чтобы государство посредством артелей удовлетворяло всем своим хозяйственным нуждам. Так, сооружение и отделка казенных зданий, изготовление для войск известных частей одежды, снабжение казенных больниц, учебных заведений и т.д. разными принадлежностями — все это должно быть сдаваемо по преимуществу артелям. Это доставит большие выгоды и самому государству, как видно из опыта нижнетуринской механической артели, приготовлявшей ударные трубки, и екатеринбургской, приготовлявшей лафеты.

(…) Если мы убеждены, что община — развивающийся организм, обобществляющий труд, а следовательно и подготовляющий новые формы экономической жизни, то мы обязаны будем всеми силами поддержать ее в борьбе с надвигающимся на нее капитализмом. Можно предположить, что, несмотря на нашу поддержку, капитализм «слопает» общину; в таком случае нам остается хотя то утешение, что мы

непричастны этому преступлению. Много хорошего погибает на свете в борьбе со злом! Факт победы не дает права признавать победителя за более совершенный организм.

Но где же факты, указывающие на несомненную победу капитализма? В ответ на это обыкновенно указывают на пример Западной Европы. Мы уже говорили о странности ссылок на историю Европы: там, по свидетельству истории, капитализму никогда не приходилось бороться с общиной; победил общину не капитализм, а феодализм, т.е. кулачное право. Посмотрим же, какая судьба постигла капитализм у нас в промышленности, служащей основой нашего богатства, а именно в земледелии. Автор прекрасной статьи «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» говорит следующее: «Так как общинное начало препятствует приложению капитала к земледельческому производству, то в производстве он никакой роли не играет, а выступает на сцену как капитал купеческий только по окончании процесса производства, в качестве разъединителя продукта от производителя». Следовательно, в земледелии роль капитала сужена и говорить о нем как об «обобществителе» труда немыслимо. У нас, можно сказать, нет сельско-промышленных хозяйств, которые бы велись на капиталистических началах; наши крупные землевладельцы просто торгуют землей. Отсюда ясно, что никакой борьбы между капиталистической формой сельскохозяйственного производства и общиной не существует. У нас вполне господствует одна форма земледельческого производства — крестьянская. Усилия капитала направлены просто на обезземеливание народа, а не на победу над крестьянской формой производства путем конкуренции более производительной — капиталистической. Обезземеливая народ, наши капиталисты не вводят на этих землях более усовершенствованных культур, а остаются при крестьянской же обработке. А при подобного рода условиях дело общины отнюдь не может считаться проигранным. Все

зависит, можно сказать, от того, как будут вести себя относительно общины правящие классы. На их совести будет лежать ее гибель: они только будут виноваты, если такая дурная трава, как Разуваевы, заглушат общину. Для народа же община является несомненно излюбленной общественной формой, с которой он никак не хочет расстаться, а напротив, совершенствует ее по мере своего умственного и нравственного развития.

Из фактов, приводимых А. С. Ермоловым, можно заключить, что ходячее мнение об отсталости крестьянского хозяйства не имеет под собою никакого фактического основания и может быть отнесено к той же категории, как и то, что крестьяне бедны, потому что пьяницы. Если у нас не видно усовершенствованных систем полеводства, какие мы видим на западе, так только потому, что они пока будут только убыточны. Крестьянское хозяйство, можно сказать, имеет тенденцию идти в уровень с требованиями минуты, но задерживается на своем пути малоземельем и обилием платежей. Не недостаток знаний составляет главную причину той отсталости полеводства, которая проявляется в некоторых местах, а недостаток земли и сельскохозяйственного инвентаря. Это доказывается тем, что богачи из тех же крестьян, т.е. люди, не обладающие большими сельскохозяйственными сведениями, чем вообще крестьяне, ведут в тех же местах более рациональное хозяйство, нежели их малоземельные и бедные соседи. Какое мы имеем основание требовать от крестьянского хозяйства улучшений, истощая вместе с тем это хозяйство налогами и платежами? На основании «Трудов податной комиссии» можно заключить, что платежи бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли выражались 198 ¼ %, т.е. не только отдавали весь свой доход с земли, но должны были еще приплачивать почти столько же из сторонних заработков. Главную роль в этих платежах играют «выкупные», т.е. платежи, идущие

в частные руки, а не на общественные потребности. Государство великодушно истощает платежную силу крестьянина в пользу частных лиц и этим самым преграждает путь к расширению собственного бюджета. Но, несмотря на громадные суммы выкупных платежей, доставшихся в руки помещиков, эти последние разоряются и сбывают земли кулакам и торговцам. Если с большой натяжкой можно было утверждать, что помещики способны вести сельскохозяйственную промышленность в лучшем виде, нежели крестьяне, то относительно купцов этого сказать уже никак нельзя. Земли, переходящие из рук помещиков к купцам, для этих последних служат только средством эксплуатации крестьян. Купец, пользуясь их малоземельем, доводит арендную плату за землю до крайних размеров и обыкновенно не ведет сам никакого хозяйства. В некоторых местах, по преимуществу черноземных степных, купцы делают громадные запашки, но это не есть правильная сельскохозяйственная промышленность, а торговая спекуляция, принимающая вид сельскохозяйственного предприятия.

В то время, когда ученые и неученые экономисты ломают копья в защиту крупного землевладения как рассадника улучшенных систем полеводства, как пропагандиста разных веялок, молотилок, культиваторов и т.п. прекрасных вещей, говорит г. Варзер, на практике крупных хозяйств почти совсем не существует. Так, например, по сведениям, собранным в 1877 году, «в Черниговском уезде не оказалось ни одного владельческого имения, которое бы вело хозяйство самостоятельно, своими орудиями, скотом и рабочими; в Борзенском уезде, труд дороже и земля состоит главным образом из чернозема, таких имений всего четыре». Обыкновенно хозяйство ведется посредством «скопщины», т.е. земля раздается по кусочкам окружным крестьянам с известной доли урожая с разного рода доплатами деньгами или рабочими днями. «Правда, — говорит г. Варзер, — нельзя считать, чтобы все

имения буквально жили только скопщиной; правда, из этой общей массы выделяется особый тип смешанного характера, в котором система хозяйства будет представлять соединение скопщины с собственными запашками владельцев, но таких имений очень мало и насчет характера их не должно обманываться. В Черниговском уезде подобных имений смешанного типа всего 48 из 175, т.е. менее 1/3, в Борзенском их 44 из 122, т.е. около 1/3 всех и кроме того, все они, несмотря на то, что большинство их принадлежит к числу заботливо управляемых самими владельцами, все-таки держатся главным образом скопщиной». Рабочие дни, добываемые земледельцами путем скопщины и известные в народе под названием «отбучи», «панщины», «басаринки» и т.п., секрет существования бесхозяйственных имений, не имеющих ни рабочих, ни скота. При помощи этих отработков владелец делает все, что ему надо: запахивает свои унавоженные поля, молотит хлеб, унавоживает пашню, возит себе дрова, хворост, заплетает плетни, косит часть сенокосов, расчищает их, убирает огороды, чистит сад, пруд и проч. и проч., словом, выполняет все текущие хозяйственные и нехозяйственные работы». Отбывание рабочих дней в вознаграждение за землю ложится таким тяжелым гнетом на сельский люд, что, по его мнению, басаринок хуже панщины (т. е. барщины при крепостном праве), ибо теперь не одним крестьянам, а всем, и казакам, и казенным (крестьянам) приходится отбывать его.

Ни помещики, ни купцы не являются у нас сельскими хозяевами, способными вести земледельческую промышленность. Ею занимаются почти исключительно крестьяне, и уровень развития земледелия определяется их знаниями и их сельскохозяйственным инвентарем. Крупные землевладельцы и казна, говорит г. Красноперов про Пермский край, непосредственно ведут только лесное хозяйство, прочие же земельные угодья сдают в аренду крестьянам, которые и обрабатывают как эти, так и свои надельные земли. Поэтому,

говоря вообще, сельское хозяйство в крае есть крестьянское. Хотя некоторые частные владельцы имеют и собственные хозяйства, но таковые составляют в общем крайне незначительное исключение. Ввиду этого все существенные нужды сельского хозяйства в крае есть вместе с тем и нужды крестьянского быта.

Отсюда, понятно, вытекает то, что земля только в надежных руках крестьян может явиться орудием сельскохозяйственной промышленности, а не торговли. И помещик, и купец только торгуют землею, — крестьянин занимается земледелием; только он — сельский хозяин. Интересы общества и государства требуют, чтобы земля была в тех руках, в которых она дает наибольший доход, не говоря уже о том, что вообще обеспечение населения землею необходимо с точки зрения общественной солидарности и справедливости. Следует помочь крестьянам приобрести достаточное количество земли, необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. Подобная мера не противоречит интересам бывших помещиков, так как все равно земля уплывает из их рук. Пусть же лучше она прямо попадет в руки крестьян, нежели сделается орудием торговли и возвышения вредных и для государства, и для народа кулаков и мироедов.

Необходимо позаботиться, чтобы земля, перешедшая в крестьянские руки, не могла опять попадать к мироедам. Лучшее средство для этого искренняя поддержка общинного владения землею там, где оно начинает прививаться. Еще недавно многие волости Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии желали ввести у себя общинное владение землей; следовало не препятствовать этому, а помочь. Ведь история мелкой поземельной собственности в Малороссии ясно подтвердила давно установленный экономистами вывод о стремлении этой собственности к окучиванию в одних руках, т.е. к обезземелению мелких собственников и к образованию крупных землевладельцев. Крестьяне прекрасно по-

нимают это свойство мелкой собственности, а потому и недолюбливают ее. Вообще, фактов распространения общинного владения немало; очевидно, сама жизнь выдвигает этот принцип, хотя он и не пользуется до сих пор благосклонностью правящих классов. Наш закон, например, не знает общинного владения; крестьяне-общинники, покупая землю в общинное владение, принуждены совершать купчие крепости на правах товарищества в общую собственность. Покупает, следовательно, не юридическое лицо — община, а отдельные члены ее на правах товарищества. При общинном владении право пользования, владения и распоряжения принадлежит только всему сельскому обществу; а в общей собственности все эти права принадлежат отдельным членам товарищества соответственно их доле, — что, разумеется, составляет громадную разницу. Положим, например, крестьянское общество из 30 хозяев покупает землю в мирскую собственность. В следующем же поколении одно семейство может разрастись и расплодиться, другое же плохо нарождаться и оставаться в том же числе работников. По праву мирского владения земля будет распределяться по ровной доле между всеми наличными мужскими душами или работниками. Если же земля будет куплена крестьянами в общую собственность, то члены расплодившегося семейства, хотя бы их было 10 душ, имеют право только на одну тридцатую долю владения, т.е. все вместе получат столько же, сколько одна или две души семейства, плохо нарождавшегося. Следовательно, недопущение крестьян покупать землю в мирскую собственность может самым вредным образом отозваться на их быте, уничтожая в корне всякую возможность равенства в поземельном владении. Только благодаря тому, что крестьяне у нас до сих пор руководствовались не писанными для них законами, а своими обычаями, они и сохранили мирское владение землей. Таким образом, наши законы фактически в корне подрывают общинное землевладение,

хотя это пока мало отражается на действительной жизни, так как крестьяне действуют не на основании нотариальных актов, а по своим обычаям. Но достаточно какому-нибудь кулаку пойти против общества, и он наделает хлопот и замешательств, способных наводить крестьян на мысли о несправедливости закона, что, казалось бы, совсем нежелательно. Необходимо ввести в законодательство понятие общинного владения в том виде, как оно сложилось у народа. Необходимо не только не препятствовать, а способствовать укреплению, распространению и дальнейшему качественному развитию исконной бытовой формы русской жизни. Не о насильственном поддержании общины государством говорим мы, а только об устранении препятствий, стесняющих ее естественный рост и развитие. Для этого же необходимо, чтобы общественное мнение интеллигенции приняло сторону общины. Много ли найдется у нас людей, которые бы знали факт развития нашего общинного владения по пути к большему воплощению принципов равенства и справедливости? А между тем это факт, вполне установленный исследователями нашей общины. Громаднейшее большинство до сих пор придерживается ложного взгляда, заимствованного у западных ученых, не имевших под руками фактов из русской жизни, что наша община — архаическая форма, кристаллизовавшаяся в нечто неподвижное, не способное к развитию, а, следовательно, долженствующее погибнуть. Это большинство знать не хочет результатов, добытых русскими исследователями, придерживаясь своих заскорузлых мнений и не принимая во внимание, как необходима бдительная осторожность в подобных приговорах, имеющих сильное влияние на ход народной жизни путем давления общественного мнения интеллигенции на законодательство.

Все сказанное нами выше можно резюмировать так: Россия — страна земледельческой промышленности. В этой же промышленности капиталистическое производство пока со-

вершенно неприложимо, а потому и не существует никакой экономической конкуренции между капитализмом и общиной. Общину подрывает не конкуренция более производительной капиталистической формы продукции, а усилия разных хищников захватить основу этой общины — землю — в свои руки просто для торговли ею, т.е. с целью выжимать с крестьян наибольшую арендную плату. При этом производительность земледелия не повышается, а падает, хотя и незначительно. Происходит же это от обеднения народа, занимающегося сельскохозяйственной промышленностью, а обеднение является результатом тягостных платежей и малоземелья. Государство при этом только теряет, так как и земельная теснота, и львиная доля платежей идут в пользу частных лиц, а не государства. Понижение же земледельческой продукции, происшедшей, как мы уже говорили, от обеднения людей, занимающихся сельскохозяйственной промышленностью, не может не отразиться на государственном бюджете. Пора уже государству отделить свои интересы от интересов частных лиц и руководствоваться в своих действиях исключительно общенародною пользою, так как только эта последняя составляет вместе с тем и пользу государства. Разрушение общины — необходимое условие для введения господства капитализма в России; поэтому государство должно поддержать общину в ее борьбе с кулаками, мироедами и другими подобными же хищниками, подготовляющими почву для капитализма обезземеливанием народа.

«Социологи пришли к тому заключению, — говорит Уоллес, — что пролетариат западноевропейских государств образовался преимущественно вследствие того, что крестьяне и мелкие землевладельцы лишаются земли, и что предупредить или по крайней мере замедлить его развитие можно какой-нибудь системой законодательства, которая обеспечила бы владение землею за крестьянами и не допускала бы обезземеливания их. Теперь я могу утвердительно сказать,

что ни одно учреждение в мире не достигает так этой цели, как русская общинная система. В настоящую минуту около половины всей пахотной земли империи вследствие общинной системы владения не может быть приобретена крупными землевладельцами или капиталистами, и каждый крестьянин, самым фактом своего появления на свет, приобретает совершенно неприкосновенное право на долю в земле. Если бы Россия оставалась чисто земледельческой страной, то сельская община, по всей вероятности, предупредила бы образование пролетариата на будущее время, как предупреждала его целыми веками в прошлом. Периодический раздел общинной земли обеспечил бы за каждым человеком частичку земли, и если бы население стало слишком густо, то бедствие, могущее произойти от слишком мелкого разделения земли, могло бы быть устранено правильным выселением в отдаленные малонаселенные губернии. Но Россия надеется сделаться великой промышленной и торговой страной, и ее городское население быстро увеличивается; следовательно, вопрос осложняется, и надо разобрать влияние нового фактора — капиталистического производства».

Что касается влияния капиталистического производства на общину, то по этому поводу Уоллес говорит следующее: «Хотя можно положительно сказать, что рано или поздно община подвергнется сильным изменениям, но трудно предсказать, какие формы оно окончательно примет. Может быть все особенности ее исчезнут, и от нее останется только местное самоуправление; но, с другой стороны, она, может быть, сама преобразуется в силу новейших требований, не теряя своего настоящего основного характера. Легкость, с какой она до сих пор применялась к обстоятельствам, и высказанная ею сильная живучесть, по-видимому, оправдывают эти ожидания; но высказывать уверенность еще слишком рано. Только время разрешит эту задачу». Разумеется, время тут ни при чем, — все зависит от той или другой внутренней

политики России. Нельзя упускать из виду громадную разницу, которая должна проявиться в положении нашего пролетария сравнительно с западноевропейским благодаря общинному владению землею. Если предположить, что наше крестьянство осуществит при помощи правительственного или земского кредита свои исконные стремления владеть таким количеством земли, какое оно может обработать, и будет владеть ею на общинных началах, то положение городского пролетария должно быстро измениться. Достаточное крестьянство поднимет спрос на фабричные произведения, туго поддаваясь вместе с тем прелестям фабричного труда. Так как громадное большинство народонаселения будет иметь возможность удовлетворять своим потребностям, оставаясь независимыми хозяевами, то, понятно, капиталист должен будет ставить своих рабочих в такое положение, которое будет, во всяком случае, лучше, а не хуже крестьянского, ибо только тогда он найдет охотников расстаться с деревенской жизнью. Положение рабочего должно улучшится не только в материальном, но и в нравственном отношении соотносительно с улучшением нравственного положения крестьянства. Так, например, улучшение быта крестьянина отразится непременно на количестве рабочих часов уменьшением их, а следовательно, увеличением досуга, который может быть посвящен удовлетворению духовных потребностей. То же самое должно произойти и на фабрике.

Итак, положение пролетария благодаря общинному владению землей, закрепляющему землю за крестьянством, будет определяться материальным и нравственным положением независимого и достаточного крестьянства, чего на западе мы совершенно не видим. Кроме того, мы имеем право надеяться, что благодаря нравственной дисциплине общины, воспитывающей пока будущих фабричных и заводских рабочих, настолько укрепятся в них артельные чувства, что идея артельного производства может быстро распространиться

между ними и общинные принципы завоюют таким образом враждебную им область. Следовательно, рабочий вопрос, грозящий Западной Европе многими бедствиями, может быть разрешен у нас мирно и спокойно. Недаром дальнозоркие защитники мирного и спокойного прогресса обратили внимание на русскую общину. Так, например, известный публицист Лавеле говорит:

«Рискуя прослыть реакционером, я не колеблюсь сказать, что некогда существовали двоякого рода учреждения, которые следовало бы сохранить и усовершенствовать: общинная автономия и общинная собственность. Государственные деятели постарались сократить первую, экономисты приложили усилия к исчезновению второй: ошибка огромная, которая помешает повсюду установиться прочным общественным учреждениям, если не будет исправлена». «Если Сербия, едва освобожденная, прекрасно осваивается с порядком почти республиканским и с системою самоуправления, которые с трудом вынесли бы многие западноевропейские государства, то это лишь благодаря навыку, приобретенному сербами среди общин, — усваивать себе качества, необходимые для свободы и самоуправления». Если таково действие на народный характер сербских задруг, то нет сомнения, что русская деревенская община действует в этом отношении еще энергичнее и шире.

Мы считаем вполне справедливыми слова, сказанные много лет назад: «Общинное владение ближе других форм собственности подходит к идеалу поземельной собственности».

До сих пор мы говорили о внутренних условиях русской жизни, дающих право утверждать, что капиталистическое производство не есть необходимая ступень дальнейшего развития нашей экономической жизни. Г. В. В. в книге своей «Судьбы капитализма в России» указывает, что внешние условия тоже не только не благоприятствуют, но задерживают развитие капитализма у нас. Мы вправе поэтому ска-

зать, что капитализму препятствуют развиваться на русской почве как внутренние, так и внешние условия нашей жизни. Автор только что упомянутого нами исследования указывает, что международные экономические отношения не только не поощряют развития капиталистического производства в России, как думали прежде, а, наоборот, стесняют его. Историческая особенность нашей крупной промышленности заключается в том, что ей приходится расти в то время, когда другие страны достигли уже высокой степени развития. Ей приходится, таким образом, конкурировать с этими давно установившимися в промышленном отношении странами, а соперничество таких противников совершенно заглушает слабые ростки возникающего у нас капитализма.

Развитие капиталистического производства ведет за собою увеличение производительности труда; но это увеличение вместо того, чтобы найти себе правильный исход в облегчении рабочего, в создании ему досуга для развития и удовлетворения его умственных и нравственных потребностей, целиком тратится на возрастание производства., т.е. на увеличение количества продуктов. При этом совершенно естественно является избыток продуктов для внутреннего употребления и необходимость во внешнем рынке. Параллельно с развитием капиталистического производства на западе идет и погоня за рынком; вся внешняя политика Англии была ничем иным, как жаждой рынка, а с течением времени на тот же путь международной политики вступают и другие цивилизованные страны. Имея в виду тенденцию капиталистического производства к безмерному возрастанию, г. В. В. утверждает, что, чем позднее начнет какая-либо страна развиваться в промышленном отношении, тем труднее завершить ей это развитие капиталистическим путем. Ей необходимо придется при этом вступить в борьбу за рынки с такими опытными и могучими противниками, как Англия и Америка, имеющими над нею преимущество во всех отношениях.

Но как бы ни кончилась борьба, кто бы ни остался победителем, во всяком случае, здесь должен быть и побежденный: рынка для всех не достанет, т.е. победа капитала одной страны служит препятствием развитию капиталистического производства в другой. Таким образом, само собой падает предложение о необходимости для каждой страны достигать развития обобществленной формы труда непременно капиталистическим путем. Вновь возникающий капитализм может добиться лишь устранения иностранных товаров с внутреннего рынка и, самое большое, побить внутреннее мелкое производство. Но если только крупное капиталистическое производство охватит все области внутреннего труда, то оно грозит лишить все население самостоятельного хозяйства и вместе с тем будет не в состоянии дать ему взамен работу на фабрике, заставляя его, следовательно, эмигрировать.

Если применить к России, говорит В. В., те заключения, которые выше мы сделали относительно стран, поздно выступивших на сцену истории, то мы должны признать, что границы расширению ее крупного производства даны заранее определенным (внутренним) рынком, вследствие чего свободному полету капитализма положены у нас довольно тесные пределы; во-вторых, что расширяться наше крупное производство будет не столько в ширину, сколько, так сказать, вглубь, т.е. не столько охватывая все большее число рабочих, сколько увеличивая производительность труда уже занятых (вводя новые машины). Эти два условия, которыми ограничивается поле распространения капитализма в России, совершенно изменяют для нас его историческое значение.

Доводы г. В. В. имеют некоторое значение при обсуждении вопроса о вероятной будущности нашей экономической жизни. К сожалению наш автор, увлекшись значением внешних условий, стесняющих капитализм, вполне игнорирует внутренние условия, в действительности имеющие никак не меньше, а скорее больше значения, нежели вне-

шние. Не будь этих внутренних условий, побуждающих нас и дающих нам внутреннюю силу идти самобытным путем экономического развития, то внешние стеснения для капиталистического производства не давали бы права надеяться, что мы пойдем по пути усовершенствования нынешнего мирского владения землею. Доказательства существования внешних неблагоприятных условий для развития капитализма, будучи оторваны от тех указаний, что условия нашей внутренней жизни толкают нас идти своеобразным, а не европейским путем, — могут привести только к заключению, что мы, не имея возможности вступить в капиталистическую форму производства, будем отставать от западных народов в обобществлении труда, а следовательно, и самое стеснение капитализма должно читаться в числе неблагоприятных условий нашей жизни. В самом деле, если русская экономическая жизнь только тем и отличается от западноевропейской, что мы позднее выступили на поприще развития капитализма, а потому, как запоздавшие, терпим стеснения при необходимом переходе в эту форму производства, то это никак не может считаться благоприятным условием русской жизни. Марксист, считая капитализм необходимой ступенью развития экономической жизни всех народов, должен быть опечален подобным явлением, так как это ведет за собою стеснение полного обобществления труда, а следовательно, не приближает, а отдаляет падение капиталистического производства перед той будущей формой труда, которая есть результат саморазвития и саморазложения капитализма. Очевидно, что г. В. В., указывая на внешние, стесняющие капитализм условия и вместе с тем радуясь подобному явлению, должен был бессознательно (говорим «бессознательно» потому, что наш автор игнорирует значение внутренних условий нашей экономической самобытности) признавать особенности нашей экономической жизни, которые дают нам возможность идти самобытным путем, — он опасался только того,

что внешние условия окажутся сильнее внутренних и заставят насильно свернуть нас на дорогу капитализма; поэтому-то он и радуется, что исследование экономических явлений нашей жизни доказывает, что развитие капитализма стесняется внешними условиями.

В заключение мы считаем себя вправе сказать, что в настоящее время русский марксизм можно считать «разбитым наголову», поскольку, разумеется, он зависит от недомыслия и незнания, а не от кулацко-сословного эгоизма. Этот последний еще долго будет носиться с теорией Маркса, хотя сам автор ее заявил, что к России его теория общественно-экономических фаз прогресса неприменима.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: БОГАТСТВО И КАПИТАЛ, ОБЩИНА И АРТЕЛЬ

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович 1834 — 1907

Великий русский ученый, создатель периодической системы химических элементов, Д. И. Менделеев был выдающимся экономистом, обосновавшим главные направления хозяйственного развития России. «Русские, — писал ученый, — готовятся стать народом передовым, владыками природы и истории, а не их рабами».

Менделеев выступал горячим сторонником протекционизма и хозяйственной самостоятельности России. В своих работах «Письма о заводах». «Толковый тариф...» Менделеев стоял на позициях защиты русской промышленности от конкуренции со стороны западных стран, связывая развитие промышленности России с общей таможенной политикой. Ученый отмечал несправедливость экономического порядка, позволяющего странам, осуществляющим переработку сырья, пожинать плоды труда работников стран —поставщиков сырья. Этот порядок, по его мнению, «имущему отдает весь перевес над неимущим».

Будущее русской промышленности Менделеев видел в развитии общинного и артельного духа. Конкретно он предлагал реформировать русскую общину так, чтобы она летом вела земледельческую работу, а зимой — фабрично-заводскую на своей общинной фабрике. Внутри отдельных заводов и фабрик предлагалось развивать артельную организа-

цию труда. Фабрика или завод при каждой общине — «вот что одно может сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным».

Богатство и капитал Менделеев считал функцией труда. «Богатство и капитал, — записывал он для себя, — равно труду, опыту, бережливости, равно началу нравственному, а не чисто экономическому». Состояние без труда может быть нравственно, если только получено по наследству. Капиталом, по мнению Менделеева, является только та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, но не на спекуляцию и перепродажу. Выступая против паразитического спекулятивного капитала, Менделеев считал, что его можно избежать в условиях общины, артели и кооперации.

Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию народа, по мнению моему должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике. Богатство народа, без сомнения, зависит от количества его производительного труда. А что же полезное станет делать крестьянин в долгие наши зимы, если у него не будет промышленного заработка? Кустарное дело, т.е. работа дома, своею семьею, может держаться только до развития фабрично-заводских дел, а потому я смотрю на кустарную работу только как на подготовку к фабрично-заводским делам, которые, как показывают акционерные предприятия, могут вестись на складочный капитал, и если он будет, хотя отчасти, от тех же крестьян (этого-то мы дождемся, судя по росту крестьянского капитала в сохранных кассах), то дело может у нас устроиться так, как трудно его осуществить где-либо в иной стране. Начала тому должно ждать от развития общинного травосеяния,

что ныне стало на очередь в деятельности передовых земств. Фабрика или завод около каждой почти деревни, в каждой почти помещичьей усадьбе — вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях, если не считаться с некоторыми предрассудками и с общею русскою неподготовленностью к промышленности, отчасти определяемою тем направлением, которое доныне господствовало в нашем учебном деле. «…»

Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, заключает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений, начиная с травосеяния, а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов прибудут, может тем же общинным началом воспользоваться и для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого капитализма к началу общественному. Весь вопрос здесь сводится к развитию образования и общего народного богатства, дающего капиталы, совершенно необходимые для развития промышленного быта.

Богатство и капитал

Все материальное, чем пользуются люди, ведя свое начало от «земли» или природы, неизбежно содержит то или иное количество труда (например, малое при сборе готовых плодов или большое при пользовании фабрично-заводскими товарами), так что истинными производителями полезностей должно считать только «землю» и «труд». Но оба эти фактора, усложняясь с развитием общественных отношений, дали два новых и сильных двигателя всей современной промышленной деятельности: прикладное знание и капитал, которые отличают промышленность развитую от начальной, свойственной человеку в его «диком» состоянии. Они образуются только при благоустроенном, государственном сложении общества и берут начало от природных свойств людских: любознательности и бережливости, дающих сперва абстрактные науки и материальные богатства, не имеющие вначале никакого отношения к промышленной деятельности, а лишь затем, мало-помалу, направляющиеся в сторону пользы и производительности. Те пути и способы, которыми капиталы и знания служат к материально-промышленному развитию, составляют предмет изложения дальнейших параграфов, причем считаю полезным начать с капиталов.

Но как прикладные познания немыслимы без абстрактных (общих, теоретических), так капиталы — без богатств, потому что первые суть только части или производные от вторых. Как расчет сил, действующих в промышленном сооружении или машине, неизбежно требует суммы твердых познаний, накопленных в математике, механике, оптике и химии, чтобы стать сознательным, ясным, полным и верным, так капитал требует суммы прочных богатств, накопленных трудом, существовавшим ранее промышленного применения капиталов, которые составляют долю богатств,

назначаемую для того или иного вида вспомоществования трудовому производству. Поэтому для понимания роли капитала сперва следует рассмотреть богатство и его отношение к труду и собственности.

Не только животные (от растений и других животных), но даже растения (из воды, воздуха, почвы) собирают и вырабатывают себе от окружающей природы вещества, назначаемые или для непосредственного использования, или для запаса. В отложенном подкожном сале домашних животных или хотя бы в картофельных клубнях, особенно в пчелином меде — последнее совершенно очевидно. Поэтому собирание людьми всяких запасов того, что считается надобным, полезным или просто интересным и приятным, — совершенно естественно и всегда существовало. К этому должно прибавить всю совокупность того, что производится для более или менее продолжительного пользования, как то: жилища, одежду, приборы всякого рода, дороги, улучшения почвы, экипажи, домашних животных, плодовые деревья и многое тому подобное, составляющее *имущество* или *собственность* личную или общую, т.е. принадлежащую совокупности лиц (общине, городу, компании и т.д.), или же общегосударственную. Земля есть первообраз такого имущества, а вся его совокупность составляет *богатство.* По обычаю, укрепленному законами, землю и здания с их принадлежностями (например, с деревьями, водами, оградами и т.п.) отличают как «недвижимое имущество» от всего прочего, образующего «движимость», в числе которой — при переводе на деньги — отличаются, между прочим, видами ценностей: наличные деньги, бумаги, легко по курсу в них превращаемые, долговые обязательства, получение по которым более или менее вероятно, товары в готовом виде (запасы всякого рода), промышленные приспособления, домашняя обстановка и предметы, имеющие лишь семейное значение, за вычетом долговых обязательств, подлежащих уплате. Такой всем известный счет богатства

отдельных лиц, лишь немного изменяющийся при счете «богатства народного» (так, например, долговые обязательства и бумаги, отвечающие внутренним оборотам и соответствующие реальным ценностям, при этом, очевидно, исчезнут, так как взойдут с плюсом и минусом), прямо указывает на происхождение богатств как современных остатков от трудового заработка, главная часть которого, говоря про массы, назначается на текущие надобности, т.е. на истребление или потребление быстрое, как например для пищи или развлечений, или же медленное, как например для одежды, книг и т.п. Все производимое промышленностью, таким образом, поступает или в потребление, или в запасы, т.е. богатство. И если бы производство равнялось потреблению, богатство исчезло бы очень быстро, так как все его части более или менее недолговечны, не исключая земли, которая все же мало-помалу истощается и постепенно приходит в негодность для прямой производительности, как дома от жилья, как дороги от езды или как инструменты от стирания, а одежда от изнашивания. Следовательно, для образования богатства неизбежно необходимо производить в данный период времени более, чем в то же время потребляется из произведенного и естественно уменьшается из имеющегося богатства. А так как только тогда, когда есть запасы или богатства, жизнь можно считать обеспеченною от всякого рода случайностей, то большее или меньшее богатство людям и народам совершенно необходимо, и обеспеченность всего быта возрастает вместе с богатством и вместе с увеличением производства.

Промышленность во всех ее формах назначается именно для увеличения производительности при данном количестве затрачиваемого на это труда и при данном количестве «земли» или вообще природных сил, направленных в сторону производства полезностей. Уже по этой одной причине богатство прямо и тесно связано с промышленностью[1]. Но есть

[1] Если речь — о народах и если нет грабежа.

между ними связь иного рода, до некоторой степени обратная с вышеуказанною и зависящая от того, что промышленность может развиваться не иначе как после продолжительной подготовки средств производства, прямо не пригодных для потребления, например, металлов, орудий, всякого сырья, зданий, назначаемых не для жилья, а исключительно для производства, и т.п. Эти средства, необходимые для промышленных производств, составляют, однако, сами по себе продукты природы («земли») и труда, не пошедшие в потребление, а составляющие своего рода запас, т.е. богатство. Следовательно, для роста самой промышленности требуется уже некоторый запас богатства. Та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, носит название *капитала.* Поэтому капитал, требуемый промышленностью, входя в состав богатства, есть произведение «земли» и труда и вместе с ними обусловливает существование и возможность промышленности. Истинный смысл этой на первый раз неясной, но тесной зависимости между промышленностью и капиталом должно искать в том, что промышленность данного времени есть произведение промышленности, ранее существовавшей, питающейся «землею» и трудом, как дети составляют в известном смысле произведение своих родителей. Иными словами это значит, что у промышленности есть свои органические или исторические отношения и связи, выражаемые капиталом, начало которым дают «земля» и труд, направленные на получение полезностей. Современная промышленность (не говоря о знании) есть дитя прошлой, и связь их — в капитале. Отсюда вытекает пресловутая формула экономической науки: *во всяком промышленном производстве участвуют: «земля»* (природа с ее веществами и силами), *капитал* (часть имеющегося богатства или остатки прежнего производства, обращенные на производительность) и *труд* (физические и духовные усилия людей, определяемые их желанием, волей и взаимностью отношений).

Так как промышленные явления нельзя понимать без выяснения роли капитала, по этому предмету в «Учении о промышленности» должно отвести надлежащее место, и мы теперь обратимся к нему.

Но прежде, чем рассмотреть какие-либо стороны капитала, мне кажется совершенно необходимым остановиться на тех причинах, которые всюду в мире заставляют людей признавать справедливым интерес, или процент, или рост на затраченные или отданные в какое-либо дело капиталы, так как на первый раз такой обычай кажется лишенным основательности и даже представляется иногда до того чуждым нравственных начал, что противу роста капитала не раз являлись законы, существовавшие или недавно, или лишь на бумаге. Сущность понимания явления затрудняется еще, тем обстоятельством, что капитал есть труд, вещественно выраженный в том или ином виде, примененный к новому виду трудового же производства, и обладает, как всякое богатство, свойством постепенно уничтожаться или превращаться из полезной формы в бесполезную (машины портятся, земля истощается и т.п.), а потому все, что можно было бы, казалось бы, требовать при затрате капитала или при его ссуде, то разве только его возврата в целости, без всякой убыли, но и без прироста. Некоторое уяснение явления наступает, однако, уже тогда, когда обратят внимание на разность заработной и продажной платы, совершенно ясной при различии предпринимателя от работника. Так, подрядчик не стал бы хлопотать о производстве работы артелью нанятых им рабочих, если бы не имел от того своих выгод и получал бы только то, что ему уплачивается, потому что тогда его «труд», риск и хлопоты ничем бы не оплачивались. Когда рабочий сам соединяет в себе предпринимателя и исполнителя, он стремится получить не только рабочую плату но и свою избыточную выгоду, зная, что продажа не всегда бывает и запас нужен, а потому при такой самостоятельности рабочий чаще

может разживиться, чем при работе на подрядчика или при получении одной заработной платы, но при неудаче своих оборотов — у него немало риска остаться ни при чем.

Капитал, участвующий в данном производстве, играет сам по себе роль предпринимателя, а потому ему приличны и выгоды предпринимателя, так как без него трудов потратилось не больше, как без рубанка и струга, т.е. без своего рода капитала, для сглаживания досок. Такое понимание прибыли на капитал (Бастиа, Сэ и др.), согласуясь с явлениями окружающей жизни, однако, мне кажется недостаточным для объяснения причины процента на затраченный капитал, а только сводит проценты на капитал к ряду других, более понятных явлений. Более полное понимание причины процента на капитал представляют те экономисты (особенно Джорж), которые исходят из того, что первые виды промышленных дел состоят в разведении растений и животных, составляющих первейшую форму капиталов, но в то же время обладающих естественною способностью к приросту, чем и объясняется рост капиталов, которые всегда можно представить выменянными на растения или животных. Заимодавец имеет овец, это его капитал, и некто, берущий у него на год определенное число овец, естественно, готов уплатить ему через год не только то же число овец, но и часть их прироста, т.е. возвратить с процентом, потому что сам за свои хлопоты и свои риски получит не только шерсть со всех овец, но и остальную часть их приплода, так как без получения взаймы стада овец — у него не было бы выгодного занятия, а с остатком приплода ему есть возможность самому обзавестись овцами, т.е. сделаться капиталистом и стать в обеспеченное положение, которого он ищет. Сущность дела не изменится, когда вместо овец подставим плодовые деревья, ткацкую машину или дом, а так как все это должно переводиться на деньги, то и деньги, как капитал, должны дать прирост их собственнику точно так же, как овцы. Прибавлю со сво-

ей стороны, что отдача кому бы то ни было — даже при проценте — и прямо своему предприятию овец ли, или денег всегда должна сопровождаться риском, боязнью потери нажитого богатства, если оно вложено в производство, т.е. стало капиталом: дом может сгореть, стадо овец истребиться болезнями, торговля сопровождаться воровством, убытками или неудачею, завод или фабрика может не сбыть своих товаров или не достать сырья и т.п. Все знают и всякий слышит про массу подобных явлений, и можно сказать безошибочно, что на 20 — 40 однородных предприятий в наше время хоть одно да окажется неудавшимся, т.е. сопряженным с потерями. Были, скажем, у кого-нибудь деньги, например, в виде золота, и лежали так хорошо, что об утрате не могло быть и речи. Это богатство, оно не растет, но сохраняется на случай, для передачи в виде запаса детям, для затрат единовременных, когда в них может быть надобность. Но приходит некто и просит дать ему это золото, так как ему надо для его предприятия или просто для его жизни затратить это золото. Возврат золота обещается через определенный срок (если этого нет, дело сводится прямо на трату богатства, и хотя она морально часто может оправдываться, но явления «экономического», очевидно, уже не составляет), и пусть нравственная уверенность в этом будет очень велика, все же в действительности были, есть и всегда будут случаи пропажи от неудачи ли, от смерти ли или от чего иного. Тогда богатство пропало, охота ссужать убавляться должна и промышленное применение богатств должно сильно падать, а с ним и развитие всей жизни, основанной на постоянном росте видов промышленности ради прибыли народонаселения, необходимости ему новых промышленных заработков и ради возрастания размера трудовых заработков. Вот, видя все это, люди молча, судя по опыту, и согласились считать разумным и для общего блага полезным давать капиталу его определенный процент, чтобы, во-первых, по возможности обеспечить общую

целость суммы всех капиталов, влагаемых в промышленные дела и затраты, а во-вторых, чтобы заинтересовать богача в общенародных делах промышленности. Весь секрет именно в том, что промышленность всем нужна. Не будь этого и не будь надобности для роста промышленности в капиталах, процента бы не было.

Капитал, требуя процентов, так сказать, стремится только застраховать общую массу капиталов, вложенных в дела, и общество как совокупное целое стремится при помощи процента на капиталы по возможности гарантировать общую целость капиталов и тем приохотить богатых людей, имеющих те или иные виды запасов, пускать их в дела, умножающие равномерность обладания достатками, как умножилось оно, когда владелец уступил на время кому-то часть своего стада, требуя за то известный процент. Был один богач, а через ссуду их станет много. Можно с уверенностью утверждать, что проценты на капитал благодетельно действуют на предприимчивость и на умножение общего достатка, так как без них богачи не столь часто решались бы вкладывать свои достатки в новые дела, и тем, у кого нет достатков, было бы меньше случаев и возможностей разжиться, и их предприимчивость имела бы меньше, чем ныне, случаев осуществиться в действительности, тогда как при проценте на капитал он сохраняется, а рискующие расширением производительности имеют много шансов не только увеличить свое благосостояние, но и содействовать возрастанию общего достатка. Без существования процентов на капитал непременно должна была бы убавиться и самая бережливость как основное качество, необходимое для собирания запасов и накопления богатств[1]. Таким образом, всемирно принятый обычай (закон разумной справедливости) платить проценты — пропорционально времени пользования — за капитал, влагаемый в промышленные дела, определяется, по моему

[1] Процент есть своего рода изобретение.

мнению, не только тем, что капитал удешевляет производство (сокращает труд специализацией и машинами, готовностью зданий и сырья, возможностью выждать покупателя и т.п.) и позволяет пользоваться естественным приростом, совершающимся у растений и животных, но и тем, что процентом до некоторой меры покрывается общая убыль капиталов, происходящая от невозможности в иных случаях возврата (от потерь) производственных затрат; процентом вызывается превращение богатств в капиталы, т.е. образование сбережений на риске новых промышленных предприятий и процентах на капиталы, в значительной мере обеспечивающих — помимо личных выгод — непрерывное ведение и возрастание промышленных предприятий, необходимых для получения заработков, возрастающему народонаселению. Личных выгод предпринимателей от промышленности может и не быть, а капиталы, возрастая из-за процентов, все же будут влагаться в промышленные риски. Что касается до величины процента, то она достигает своего наименьшего значения только при законной и публичной охране права на получение процентов (всяких ссуд, сопровождаемых тайною, всегда несут большой процент, потому что риск возрастает) и особенно при обеспечении взятого капитала движимым или недвижимым имуществом, потому что в последнем случае заимодавец менее всего рискует потерею одолженного капитала. Ипотечная ссуда под залог недвижимости (становящейся несвободною только в отношении продажи ее третьему лицу), значительно обеспечивая заимодавца и не лишая кредитора выгод пользования имуществом, представляет для обеих сторон все выгоды процентного пользования капиталами и повсюду сопровождается почти наименьшим — для данного времени и для данной страны — процентом или ростом, и только разве государственные займы, как наиболее обеспеченные всем государственным строем, заключаются на еще более выгодных условиях. Все другие виды снабже-

ния капиталом, будучи всегда сопровождаемы большим риском, неизбежно оплачиваются дороже, но, однако, установление той или иной связи между государством и скоплением капиталов в особых *банковых* учреждениях (ибо государства заинтересованы в умножении народных оборотов, получающихся через подвижность капиталов) дает возможность удовлетворять народную потребность в капиталах с наибольшей легкостью (с низким процентом), так что в настоящее время между наименьшим процентом (по государственным и ипотечным займам) и средним процентом на капиталы, обращенные на более или менее обеспеченные торговые (например, для учета товарных векселей) и промышленные (например, облигации промышленных учреждении) обороты, существует такое соотношение (изменяющееся по времени и странам), что обычный процент превосходит указанный наименьший не более как в 2 раза. обыкновенно же в полтора.

Так, например, русские государственные «золотые» займы 1890 — 1894 гг. (после того займов не было) заключались в России по 4 — 3 % интереса, средним числом по 3 ½ %, акции же частных предпринимателей, уплативших дивиденды за 1900 г. до 3 марта 1901 г. (когда я пишу эти строки), ценились в среднем так что на капитал приходится от 4 до 9 %, а в среднем около 7 %, т.е. в 2 раза более, чем по государственным займам. Ипотечные же бумаги и облигации, будучи обеспечены недвижимостью, ценились за тот же период (3 марта 1901 г.) из интереса от 4½ до 5 %, в среднем около 4¾ %.

Однако для хода промышленных дел особо важное значение имеют средние текущие проценты не по таким обеспеченным займам, каковы ипотечные и облигационные, а особенно по акциям и займам, производимым для торгово-промышленных оборотов. Когда средние проценты этого рода примерно в 2 раза превосходят процент на государственные и ипотечные займы, тогда, конечно, трудно вести промыш-

ленно-торговые операции, потому что от них надо выручать крупные доходы и для достачи капиталов через ипотеку должно иметь недвижимую собственность, его значительно превосходящую. Но тогда, когда предложение капиталов велико, процент на капиталы для торгово-промышленных предприятий всюду явно падает, и тогда легко устраиваются, оборачиваются и умножаются всякие промышленные предприятия. А так как от промышленных отношений зависит в сильнейшей мере весь средний народный заработок, то в изменении среднего процента на промышленные капиталы должно видеть, показатель быстроты всего жизненного процесса экономического организма; это пульс современной экономической жизни, потому что она определяется прежде всего производством, а оно — при постоянстве земли и труда — зависит весьма сильно от капитала, т. е. от сбережений, добытых трудом от земли в прежнее время.

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ХОЗЯЙСТВА

Христианское хозяйство

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич 1871 — 1944

Выдающийся русский мыслитель и экономист, рассматривал хозяйство как «процесс столько же материальный, сколько духовный». Хозяйственная деятельность приравнивается им к трудовой и определяется как творческая деятельность разумных существ, носящих высший духовно-нравственный характер. Экономика есть трудовая защита и расширение жизни. Трудовое отношение к миру по Булгакову — первоначальное самое общее и главное самоопределение человека. Сама жизнь — безостановочный хозяйственный процесс, протекающий в напряженности труда. Булгаков справедливо считает, что хозяйственная деятельность не может успешно осуществляться, если придерживаться вульгарных доктрин экономического материализма, разрушающих целостность труда и культуры, сводящих экономику к совокупности хозяйственных функций и выхолащивающих ее духовно-нравственное ядро.

В свете православного учения хозяйство, экономика понимается как явление духовной жизни, как духовное творчество, дающее место свободе личности. Свобода распространяется лишь на ход хозяйственного процесса, но не на его исход. Промысел Божий, путем необходимости ведущий человека,

есть высшая закономерность истории. Труд и экономическая деятельность человечества, рассматриваемые как единое целое, и есть человеческая история. Хозяйство, как в широком, так и в узком политэкономическом смысле есть творчество, синтез свободы и необходимости, регулируемые духовными ценностями Нового Завета.

Понимание хозяйства как творчества, дающего место свободе, приводит также к проблемам этики хозяйства и его эсхатологии (среди которых особое место занимает проблема частной собственности). В первохристианской письменности, а равно и у таких отцов Церкви, как святые Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, имеются чрезвычайно резкие осуждения частной собственности, которые звучат социалистически (как и понимаются они социалистами, напр. Каутским). Так же понимается обычно и то общение имуществ, которое установилось в жизни апостольской общины в Иерусалиме, описанной в Деяниях Апостолов (4, 32). Однако при ближайшем рассмотрении можно видеть, что вся энергия этих осуждений относится не столько к собственности, сколько к собственникам, в которых клеймится эгоизм и черствость при пользовании собственностью. От собственника требуется известное поведение — именно исполненная доброжелательства помощь бедным и вообще полезное и разумное пользование богатством, причем высшим достижением будет полный отказ от собственности во имя освобождения от хозяйства. Однако как бы ни были резки и радикальны эти критические нападки, они совершенно лишены того социалистического смысла, который в них вкладывается. Ибо и общая собственность, о которой говорит социализм, видя в ней достойную стремлений цель и ценность, связывая с ней надежду на счастье и облагораживание человечества, должна была бы представиться для аскетического миропонимания совершенно таким же соблазном, как и собственность частная. Пусть

она будет свободна от тех злоупотреблений, какие связаны именно с частною собственностью, но, делаясь самодовлеющей нормой жизни, она представляет, конечно, такие же путы для духа, плен души, как и частная собственность. Иначе говоря, плен души у богатства и у собственности — одинаково личной или общественной — равно предосудителен и опасен, и социализм в такой же мере требует аскетического регулирования жизни, как и частная собственность, ибо вне этого и он превращается в служение мамоне. Поэтому вопрос о формах собственности для христианства превращается в вопрос чистой целесообразности, но не имеет в себе того принципиального острия, какое содержит он для социализма. Христианство столь же мало связано с хозяйственным индивидуализмом, как и социализмом, и одинаково как к тому, так и к другому обращается с тем же призывом и предостережением: не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве, осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам. Одним словом, христианству в вопросах хозяйства и социализма принадлежит лишь аскетический, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему, а не то или иное суждение, касающееся хозяйственного факта, где царит необходимость со своею целесообразностью. И поэтому все разговоры о «христианском социализме» как единственно нормальной форме христианства в вопросах хозяйства основаны на недоразумении: утверждать общую собственность как именно христианскую форму собственности — значило бы овеществлять христианство, связывая его с частными формами экономической целесообразности: христианство проповедует свободу от собственности и попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею. И между идеалом Франциска Ассизского и социализмом столь же мало общего, как между коммунистическими программами

и аскетическими заданиями Савонаролы, подобно Платону стремившемуся сделать государство монастырем для воспитания нравов.

Подобным же образом обстоит дело и с вопросом о проценте на капитал. В осуждении процента менее всего следует видеть социалистическую с ним непримиримость, как с формой эксплуатации или ограбления. Социалистическое отрицание «прибавочной ценности» утверждается или на зависти неимущих к имущим, эксплуатируемых к «эксплуататорам», или на утверждении «права на продукт труда» как исключительную собственность, т.е. представляет собой притязание собственников, утесненных в осуществлении своей собственности. Совершенно иной, не социалистический мотив руководит отцами Церкви в осуждении процента: если откинуть аргумент, заимствованный у Аристотеля, что «деньги не могут родить деньги», то останется обличение жадности, бесчеловечия, своекорыстия ростовщиков, т.е. опять-таки морально-аскетическое суждение, которому придана экономическая форма, соответствующая обстоятельствам и времени. Но принципиально здесь нет ничего невозможного для того, чтобы переменить это непримиримое отношение к проценту на более терпимое и снисходительное, раз было бы доказано, что вред от него превышается полезными его сторонами. Иначе говоря, и здесь мы имеем суждение фактическое, а не принципиальное.

Таково же было отношение раннего христианства к рабству, которое оно имело пред собой. И здесь также, вместо принципиального осуждения и отвержения рабства, которых естественно было бы ожидать по соображениям как принципиальным, так и практическим (ибо среди христиан было много рабов), христианство вступает на путь религиозно-этического регулирования отношений господ и рабов. Оно указывает им их взаимные обязанности, при исполнении которых рабство теряет непримиримый с христианством харак-

тер — отрицания личности раба, а становится одним из видов организации труда. Поэтому и здесь христианство не провозглашает социального «демократизма» или политического равноправия, — фактического суждения оно не превращает в принципиальное, но указует религиозно-аскетические нормы, одинаково обязательные для всех, в каком бы звании каждый ни находился. Как говорит блж. Августин, «этот небесный град (т. е. Церковь) пока находится в земном странствовании, призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в правах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а напротив, сохраняя и соблюдая все, что хотя у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного Бога. Пользуется т.о. и град небесный в этом земном странствовании своем миром земным, и в предметах, относящихся к смертной человеческой природе, насколько то совместимо с благочестием и религией, сохраняет и поддерживает единство образа человеческих мыслей и желаний и направляет этот земной мир к небесному миру». Итак, всякого рода пользование вещами временными важно для приобретения земного мира в граде земном, а в граде небесном важно для приобретения мира вечного… порядок же (человеческого мира) заключается, во-первых, в том, чтобы никому не вредить, а во-вторых, в том, чтобы приносить пользу, кому можно. Итак, прежде всего ему предстоят заботы о своих домашних: они ближе и доступнее других его советам и попечениям в силу порядка природы, в силу порядка самого общения человеческого. Почему апостол говорит: «Аще же кто о своих, паче же о домашних не промышляет, веры отвергся есть, и неверного горший есть» (I Тим. 5, 8). Отсюда возникает мир домашний, т.е.

упорядоченное согласие относительно управления и повиновения сожительствующих. Управляют те, которые заботятся, как муж — женой, родители — детьми, господа — рабами. Повинуются же те, о которых заботятся, как жены — мужьям, дети — родителям, рабы — господам. Но в доме праведного, живущего верою и находящегося еще в странническом удалении от того небесного града, и управляющие служат тем, кем, по-видимому, управляют. Ибо управляют они не из желания господствовать, а по обязанности заботиться и не из гордого сознания своего начальственного положения, а из сострадательной предусмотрительности.

Если христианство во внемирном или замирном своем устремлении сверхкультурно, сверхисторично и сверххозяйственно, то в своем историческом лике оно дает идеал аскетической культуры и, в частности, аскетического хозяйства. Жизнь человеческая представляет собой непрестанное противоборство добра и зла, почему всякая человеческая деятельность должна стоять под религиозно-этическим контролем и отмечена дуализмом, причем этот дуализм все более обнажается с историческим развитием. Существует — по изображению блж. Августина, получившему всемирную известность как классическое выражение христианской философии истории, — два града, Божеский и человеческий. Однако «когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу», следовательно, второй град есть дьявольский. «Когда человек живет по себе самом, т.е. по человеку, а не по Богу, он, несомненно, живет во лжи. Это не потому, чтобы сам человек был ложь: виновник и Творец его есть Бог, который ни в каком случае не есть виновник и творец лжи; а потому, что человек сотворен правым под тем условием, чтобы жил он не по себе самому, а по Тому, кем сотворен, т.е. исполнял более Его волю, чем свою собственную. Жить же не так, как жить он сотворен, и есть ложь». «Не добро, оставив доброго Создателя, жить по доброму созданию: ста-

нет ли кто жить по плоти, или по душе, или по всему человеку». «Итак, сказанное нами, что образовалось два различных и противоположных между собою града потому, что одни стали жить по плоти, а другие по духу, может быть выражено и так, что образовались два града потому, что одни живут по человеку, а другие по Богу». «Итак, два града созданы двумя родами любви — земной любовью к себе, доведенною до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе, последний в Господе. Ибо тот ищет славу от людей, а для этого величайшая слава — Бог, свидетель совести… Над тем господствует похоть господствования, управляющая и правителями его и подчиненными ему народами, — в этом по любви служат взаимно друг другу и предстоятели, руководя, и подчиненные, повинуясь. Тот в своих великих людях любит собственную силу, а этот говорит своему Богу: «Возлюблю тя, Господи, крепосте моя…» (Пс. 17, 2). Поэтому в том граде мудрые его, живя по человеку, добивались благ тела или души своей, или от того и другой вместе».

Предварительное определение хозяйства

«Жизнь жительствует» в теперешнем мире лишь в борьбе со смертью. Мир «органический», царство жизни в разных ее формах, окружен враждебной стихией смерти, мертвого механизма, давящей необходимости. Под «тяжелым покровом седых небес», под этим свинцовым небом на отравленной, зачумленной земле жизнь кажется какой-то случайностью, каким-то попущением снисходительностью смерти. Окруженная кольцом смерти, постоянно угрожаемая раскрытым зевом небытия. жизнь робко и скупо ютится в уголках Вселенной, лишь ценою страшных усилий спасаясь от оконча-

тельного истребления. Ибо она может быть если не окончательно истреблена, то постоянно истребляема, становясь добычей подстерегающего ее небытия со всех сторон и под всеми личинами. Она не отделена от него непроницаемой стеной, которая бы делала невозможной эти посягательства. Она несовершенна в себе самой, ибо непрочна, временна, смертна.

Совместимость жизни со смертью, живого с неживым, вещным, есть один из величайших парадоксов действительности и вечная загадка для мысли. Есть только жизнь, и все, что существует, существует лишь в свете жизни. Вещи, т. наз. мертвая природа, то есть все то, в чем, по-видимому, отсутствуют признаки жизни, есть только минус жизни, отрицательный ее коэффициент, но вне этого, хотя и отрицательного, однако выраженного в терминах жизни определения, они превращаются в призраки, улетучиваются. Они и заметны лишь в свете жизни, как предметы выделяются из мэонической тьмы небытия (потенциального бытия) при восхождении солнца, при наступлении же ночной тьмы опять погружаются в небытие. Даже и смерть существует лишь благодаря жизни и в свете ее, смерть есть не-жизнь, отрицание жизни есть ее единственное определение, она лишь тень жизни, и вне жизни она ничто, ее нет — «Бог не сотворил смерти» (Прем. Солом. 1,13), в ней нет своей силы бытия. Нельзя сказать, что абсолютное ничто (…) есть, оно влачит условное существование как тень бытия или его зеркальное отображение, для своего призрачного существования нуждающееся в каком-нибудь подлинном бытии. Тем не менее борьба жизни и смерти, света и тени, живого и вещного проникает всю нашу жизнь, делая ее несовершенною, ограниченною, неабсолютною.

Если борьба жизни и смерти так непримирима и на поверхности мирового бытия, в самом сердце мира, способного поддерживать только смертную жизнь, то есть жизнь, хотя

и абсолютную, вневременную по своему метафизическому характеру, но, в полном противоречии этому своему естеству, временную, неабсолютную в фактическом существовании. Метафизически смерть живого не только не естественна, но противоестественна, противоречива, а потому и логически недомыслима, мы не можем продумать этого понятия в силу закона противоречия, и однако эмпирически она стала законом естества, наиболее общим и глубоким. В этом противоречии загадка для мысли. Мы так привыкли к смерти, к самой идее смертной жизни, что нас уже не поражает это противоречие, которое, однако, гораздо глубже и радикальнее, нежели в таких, например, сочетаниях, как: горячий лед, холодный зной, черная белизна и т.д.

Тем не менее — как бы это ни истолковать — в мире существует теперь только смертная жизнь, и это настолько общее ее определение, что и самая смерть становится атрибутом и признаком жизни — умереть может только живое. Следовательно, жизнь утверждается в царстве смерти, обступающей ее со всех сторон и проникающей через все ее поры. Она может быть поэтому только непрерывной борьбой со смертью, она берется не даром, не сложа руки, а в непрерывном напряжении борьбы. Борьба за жизнь с силами смерти есть самое общее определение существования — struggle for life — в смысле не только биологическом, но и онтологическом. Смерть, тесня жизнь, приводит ее к взаимному самоистреблению: дарвиновская борьба за существование! Смерть пользуется жизнью одних как орудием смерти других, сама победа жизни в одном пункте становится вместе с тем победой смерти в другом.

Борьба за жизнь испытывается как плен у необходимости, у мертвого механизма природы, у «пустых и суетных стихий» мира, которые все угрожают одним: смертью. Угрожает и холод, и жар, и туман, и дождь, и засуха, и ураган, и река, и море, все враждебно и все угрожает. Слепая необходи-

мость, неосмысленная стихийность, мертвый механизм, железный фатум — вот под какими личинами выступает здесь дух небытия, «князь мира сего», Смерть.

На природе лежит мертвая маска вещности, чуждости, непроницаемости для человека, и лишь избранные тайновидцы знают, что в действительности:

Не то, что мните вы, природа
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Но и им это открывается лишь в мгновениях поэтического озарения, в повседневности же и для них существует тот мир вещей, мертвая пустыня под свинцовым небом, где на каждом шагу подстерегает гибель и смерть. Живое существо чувствует себя рабом необходимости, механизма. Жизнь есть начало свободы и организма, то есть свободной целесообразности, в противоположность механизму сего железной необходимостью. Борьба теологического принципа с механическим, свободы с необходимостью, организма с механизмом есть борьба жизни и смерти. Организмом побеждается механизм, причем этим он не упраздняется как причинность. Закон организма — причинность через свободу. Можно сказать, что весь мировой и исторический процесс вытекает из противоречия между механизмом, или вещностью, и организмом, или жизнью, и из стремления природы преодолеть в себе механизм как начало необходимости, с тем, чтобы преобразоваться в организм как начало космической свободы, торжество жизни, панзоизм.

Непосредственно этот плен бытия у князя мира сего, у духа небытия, смерти, выражения в роковой зависимости человека от удовлетворения своих низших, животных, или так называемых материальных, потребностей, без которого уничтожается жизнь. Борьба за жизнь есть поэтому в первую

очередь борьба за пищу, и это сближает человека со всем животным миром. Насколько существует это сродство, все человеческое хозяйство можно рассматривать как частный случай биологической борьбы за существование.

Итак, всякому живому существу, а также и человеку приходится отстаивать свое существование, защищать жизнь от смерти. Но этим оборонительным отношением не исчерпывается, конечно, борьба за жизнь, при первой же возможности она из оборонительной становится наступательной, стремясь утверждать и расширять жизнь, укрощать враждебные стихии природы и подчинять своим целям ее силы. Территории свободы и необходимости постоянно изменяются одна за счет другой, жизнь-свобода стремится расширить свои завоевания и обвести себя окружностью все с более широким радиусом. Борьба эта за расширение жизни и свободы на счет необходимости, в которой жизнь превращает отвоевываемые куски механизма в члены организма и расплавляет холодный металл вещности в огне жизни, принимает разные формы, она ведется с примитивными инструментами и во всеоружии знания, но содержание ее остается одно и то же: защита жизни и ее расширение путем превращения механизма в организм, преодоления мертвого механизма животворящими силами и в этом смысле — творчество жизни. Обе деятельности, оборонительная и наступательная, защита и расширение жизни, неразрывно связаны между собою, суть разные стороны одного и того же процесса. Как бы успешно ни велась эта борьба, она во всяком случае не может быть по желанию прекращена, она не добровольна, но вынуждена.

Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть то, что — в самом широком и предварительном смысле — может быть названо хозяйством. Хозяйство в этом смыс-

ле свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру: почему не говорить о хозяйстве пчел, муравьев или о хозяйственном смысле и содержании животной борьбы за существование? Однако в точном смысле слова хозяйственная деятельность свойственна только человеку, причем она включает в себя в качестве подчиненных и частных моментов и элементы хозяйства животного мира. В дальнейшем черты различия хозяйства у человека и животных выяснится полнее.

Итак, хозяйство есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечивание природы. Задача хозяйства установляется именно этим распадом бытия, противоречием и взаимным ограничением свободы и необходимости, жизни и смерти: если бы в мире царила абсолютная, бессмертная жизнь (и, следовательно, вселенная представляла бы собой универсальный организм), если бы в ней совсем не было места мертвому механизму с угрозой смерти, то единственною формой причинности была бы причинность через свободу, или теологическая; подобным же образом в случае полного уничтожения жизни, при котором царство мертвого механизма не имело бы никаких границ, все оказалось бы в темной ночи небытия, не освещаемо в этой тьме светом жизни и свободы. Наличное же состояние бытия как тяжба жизни и смерти, как борьба сво-

боды и необходимости, уже тем самым обнаруживает свой неокончательный, переходный характер, свое неустойчивое равновесие, которое стремится сделаться устойчивым в этом процессе. Хозяйство есть выражение борьбы этих двух метафизических начал — жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма. В своем прогрессе оно есть победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти и делом ее, однако, над самой ли смертью в ее метафизическом существе? Хозяйство есть борьба со смертоносными силами князя мира сего, но способно ли оно поднять мятеж против самого этого князя? Способно ли хозяйство изгнать из мира смерть и победою над ней преодолеть то, что составляет его собственное условие? Или наоборот, хозяйственным путем не уврачевать сердца мира, отравленного смертью, и только новым творческим актом Божества, силою Того, Кто «смертию смерть попрал», «истребится последний враг — смерть»? Этот предельный вопрос мы ставим здесь лишь как логическую грань, его обсуждение относится уже к эсхатологии хозяйства.

Но если хозяйство есть форма борьбы жизни со смертью и орудие самоутверждающейся жизни, то с таким же основанием можно сказать, что хозяйство есть функция смерти, вызвано необходимостью самозащиты жизни. Оно в самом основном своем мотиве есть несвободная деятельность, этот мотив — страх смерти, свойственный всему живому. Как бы далеко ни зашел человек в своем хозяйственном прогрессе, он, оставаясь хозяином, не может снять с себя наручни раба, повинного смерти.

Определяя хозяйство как актуальное, оборонительно-наступательное отношение человека к природе мы раздвигаем его границы, очевидно, шире, нежели они установляются в политической экономии, руководящейся при этом целями и возможностями специального изучения. Признаком, установляющим хозяйственную деятельность, является наличность

усилия, труда, направленного к определенной цели. Хозяйство есть трудовая деятельность. Труд, и притом подневольный, отличает хозяйство. В этом смысле хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение, труд есть основа жизни, рассматриваемой с хозяйственной точки зрения. Жизнь возникает в рождении естественно, то есть бессознательного приложения труда, дается даром, но в хозяйстве поддержание ее уже оплачивается трудом, она становится трудовою. Труд есть та ценность, которою приобретаются блага, поддерживающие жизнь. Эта истина как темное предчувствие лежит в основе т. наз. трудовых теорий ценности в политической экономии.

«Alle wirschafiliche Guter sind Arbeitsproducte». Эта формула Родбертуса, прекрасно отражающая общее воззрение политической экономии, сохраняет верность и смысл и за ее пределами. В политической экономии, именно в «теории ценности», ей придается чрезмерно узкое, материалистическое и меркантильное истолкование, на ней лежит печать экономического материализма, а также и преднамеренной односторонности обусловленной научной специализацией. Уже с самого своего зарождения в меркантилизме, у физиократов, у Ад. Смита и других представителей классической школы, наконец, в социализме политическая экономия стремится точнее определить понятие «производительного», то есть хозяйственного труда, чтобы отмежевать при помощи его область своего специального исследования, которое иначе грозило бы расширяться безгранично и должно было бы включать в себя всю науку о культуре. В политической экономии эта преднамеренная узость ее понятий приводит и к односторонности и грубости выводов, для философии же хозяйства это преднамеренное сужение кругозора было бы не только излишне, но и прямо вредно. Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его приме-

нениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета. Признак хозяйства — трудовое, воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человечьей жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, то есть не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но созидается и вся культура.

Мир как хозяйство — это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда. Печать хозяйства кладется именно трудом, в этом права трудовая теория ценности, права политическая экономия, которая верно чувствует универсальное, космическое знание труда, хотя и не умеет его как следует выразить и до конца осмыслить.

Определим ли труд? Мы знаем попытки определений труда в политической экономии, но они преследуют специальные цели, имея в виду преимущественно теорию ценности, и неудачны даже с точки зрения последней, кроме того они не могут удовлетворить нас и по своей материалистичности. Труд есть затрата нервно-мускульной энергии — таково, напр., пользующееся большой распространенностью определение Маркса. Но не говоря уже о том, что признак этот нелегко установим для умственного труда, нетрудно видеть, что не только в этой затрате силы выражается и обнаруживается труд. Труд в своей внутренней, волевой основе, как чувство усилия, направленного вовне, не поддается никакому определению, хотя он известен из опыта и самонаблюдения каждому как актуальность, как действенная воля, как активный выход из себя. Способность к труду есть одно из свойств живого существа, в нем обнаруживается огонь и острота жизни. Только тот живет полной жизнью, кто способен к труду и действительно трудится. Трудовое начало жизни соотносительно и в известной мере противоположно

природному или даровому. Хозяйству как трудовому воспроизведению и расширению жизни противоположна природа как совокупность даровых (для человека) «естественных» сил жизни и ее роста. Не хозяйственным актом родится человек, развивается в утробе матери и растет после рождения, укрепляясь в своих физических и духовных силах, осознавая в себе силы духа. Не хозяйством совершаются всевозможные процессы в природе, не хозяйством, наконец, создана эта вселенная. Напротив, лишь наличность ее и обусловливает как субъективную, так и объективную возможность хозяйства, и способность к труду, и возможность труда. Хозяйство в этом смысле лишь включено в жизнь вселенной, есть момент ее роста. Но в то же время это момент необходимый, включенный в план мироздания как актуальное проявление жизни, достигшей самосознания и остроты. Культура, то есть трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу (в смысле ее некультурного или, точнее, вне- и докультурного, дохозяйственного состояния), как свою основу. Природа без труда, без трудовой культуры, не может выявить всех своих сил, по крайней мере в человеке, выйти из полудремотного существования, но, с другой стороны, и культура не имеет иных творческих сил, кроме заложенных уже в природе. И «заботясь» (то есть всеми усилиями культуры), мы не можем прибавить себе даже локтя росту, по слову Спасителя. Природа есть поэтому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее так же немыслимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт.

ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ ЭКОНОМИКИ

Эрн Владимир Францевич 1882 — 1917

Отцы Церкви видели великую несправедливость в том, что горсть людей присваивает себе все земные богатства мира и порабощает других, лишая их хлеба насущного. Они, однако, не требовали полного отказа от частной собственности, ибо никогда люди не дойдут до такой степени совершенства, чтобы презирать земное богатство. Все свои надежды в экономической жизни отцы Церкви возложили исключительно на применение нравственных начал христианства.

Безусловная справедливость. Христианский идеал народного хозяйства основан на почве безусловной справедливости. Ведь Богу угодно, чтобы все люди были равны, Он всем нам предопределил одинаковые условия жизни, всех призвал к мудрости, всем обещал бессмертие, никто не отлучен от Его милостей. Перед Богом нет раба и нет господина. Перед Ним беден лишь тот, кто беден благочестием, богат тот, кто богат добродетелями.

Св. Киприан пишет: «Все, что принадлежит Богу, находится в нашем общем пользовании и никто не лишается Его даров и милостей, дабы весь род человеческий в равной степени пользовался Его благостью и щедростью». Неравенство пошло с дележа земли. Бог дал людям землю для того, чтобы они жили на ней сообща и никто не нуждался бы в том, что растет для всех, а не для того, чтобы алчность немногих захватила себе все. «Кто хочет сделать людей равными, дол-

жен упразднить не браки и имущества, а дерзость, гордость и надменность, так чтобы власть имеющие признавали себя равными даже самим нищим».

Первоначальное равенство людей св. Григорий Назианзин развивает мыслью: «Что прекраснее воздуха, огня, воды, ветров, плодов благородных и диких, крова и одежды? Все это в общем владении: одно всецело, другое отчасти… Солнце восходит одинаково для всех, дождь падает для богатых и бедных, общее для всех чередование дня и ночи, общий дар здоровья, общий предел жизни, общая сила чувств… Итак, это общее, равное для всех и есть знак справедливости Божией. Золото же, и благородные камни, и помрачающие ум яства, и излишнее богатство — вся эта суета есть предмет тщеславия немногих имущих».

Св. Василий Великий говорит: «Захватывая общее добро, богатые делают его своей собственностью. Если бы каждый брал по мере своих потребностей и оставлял излишнее нуждающемуся, то никто не был бы богатым, никто бедным… Да не окажемся мы, одаренные разумом, более жестокими, чем неразумные животные. Ведь последние естественно пользуются сообща тем, что родит земля… Мы же прячем общее добро, владеем в одиночку достоянием многих».

Св. Амвросий рассуждает: «Природа дала все всем сообща. Бог велел всему родиться так, чтобы быть общей всем пищей и чтобы земля была, так сказать, общим владением всех. Значит, природа создала общее право, захват — частное… До каких пределов, богачи, вы простираете свои безумные вожделения? Отчего вы исключаете соучастника в пользовании природой и присваиваете себе владение ею? Земля — общее достояние всех, богатых и бедных; почему же вы, богатые, приписываете себе одним право собственности на нее?»

Ценность земного богатства. Отцы Церкви неизменно оценивают хозяйственные отношения по критерию служения людям, а не их личным интересам и их стихийной борь-

бе, и принципиально подчиняют эти отношения системе нравственных обязанностей. Они ответили нам на вопросы о ценности временных благ, о допустимых способах их приобретения и об их достойном употреблении. Рядом с богатством, в обычном смысле, существует богатство высшего порядка — это нравственная ценность в самом человеке. Отцы Церкви различают двоякого рода богатства — «слепое» и «зрячее»: истинное богатство открывает нам глаза, обогащает наш умственный взор, противоположность же его — пагубная нищета, которую напрасно называют богатством. Истинное богатство может быть дано как богатому, так и бедному, точно так же — богатство ложное.

Св. Иоанн Златоуст развивает мысль, что не во всяком богатстве и не во всякой нищете следует видеть перст Божий. Ведь есть богачи, скопившие себе богатство грабежом, кощунством и искусством скомороха; эти люди недостойны вообще жить на свете, а тем паче в роскоши и богатстве. Откуда у них это богатство? Не от Бога, а от греха. Или возьмем следующий случай: легкомысленный юноша растратил свое имущество или попал в руки мошенников; если он т.о. впадает в нищету, то эта нищета уже не от Бога, а результат его собственной расточительности.

Св. Киприан замечает, что богатство сопряжено с различными заботами, которых не знает бедный. Во всех успехах и наслаждениях жизни богатому не перестают мерещиться убийцы, он боится воров и грабителей, боится людской зависти, этого заклятого врага всех живущих в довольстве, боится злых наветов и клеветы, которые могут притянуть его к суду. Богатые воистину достойны сожаления, тем более что у них же под рукой средство избавиться от всех этих треволнений, но в своем ослеплении они не видят его. Стоит им только раздать свои избытки, и они свободны. Однако они предпочитают дрожать над своим богатством, лелеять свое собственное несчастье.

Св. Василий Великий пишет: «Если к тебе со многих сторон и из неисчерпаемых источников притекают деньги, не полагайся на их обилие… Быстротечна природа богатства: быстрее потока оно проходит мимо имеющих его». Он же говорит, что богатые разоряют менее богатых и, в свою очередь, становятся жертвой других, еще более богатых.

Св. Григорий Нисский рисует разницу между истинным и ложным богатством: «Превозносится богатство добродетелью, презирается же бренное, земное богатство — ибо одно есть приобретение души, другое же служит к обману чувств».

Согласно св. Иоанну Златоусту, истинное богатство заключается именно в отсутствии самого желания быть богатым. Когда же, восклицает он, перестанут, наконец, говорить о богатых и нищих в общепринятом смысле! «Нет, не тот беден, кто ничего не имеет, а тот, кто желает слишком многого; не тот богат, кто много имеет, а кто ни в чем не нуждается… Желания делают человека богатым и бедным, а не обилие или недостаток денег». Отцы Церкви подчеркивали, что богатство часто делает человека пленником мирской суеты и многие, хоть и веруют в душе, но по своему образу жизни стали совершенными язычниками. Они единодушно выводят положение: истинное богатство заключается в бедности желаний.

Приобретение земных благ. По тому как приобретается имущество и как используется, оно становится добром или злом. Св. Иоанн Златоуст замечает, что, в сущности, ни богатство, ни бедность не являются сами по себе злом; богатство не есть зло, если приобретено без алчности, без хищений и насилия, бедность и подавно нет, т.к. она по меньшей мере мать здоровья.

Св. Василий Великий пишет: «Любящий ближнего, как самого себя, не приобретает ничего более, нежели ближний… Ведь поскольку ты прибавишь себе богатства, постольку же убавишь любви…»

В любви к ближнему, доведенной до полного отказа от своей собственности, св. Иоанн Златоуст видел нечто столь великое, что ожидал от торжества ее устранение всех недостатков нашей экономической жизни. Он, однако, не забывает, что такое самопожертвование требует от человека высоких нравственных достоинств, и советует это только избранным. Остальным же разрешает сохранить свое имущество и даже заботиться об увеличении его. Он лишь дает им следующий совет: «Давайте из вашего добра нуждающимся и вы увеличите свое имущество. Ибо дающий бедному, сказано, дает в рост Богу».

Пользование земными благами. Пользование земными богатствами определяет и их истинную ценность. Св. Василий Великий ни во что не ставит богатство, если не пользоваться им, как следует: только в таком случае оно становится действительным благом.

Блж. Августин говорит: «Если ты господин над золотом, ты делаешь из него то, что хорошо; если раб, оно делает из тебя то, что дурно».

Св. Киприан высказывает мысль, что кто не упражняется в правильном употреблении своих богатств, для того они могут стать крайне губительными; вместо того, чтоб искупить свои грехи, он лишь увеличит их своим богатством.

Мерилом дозволенных расходов св. Василий Великий считает действительные потребности. Все, что переходит эту границу, есть злоупотребление. Св. Амвросий различает двоякие траты денег: траты щедрости и расточительности. «Ибо есть два рода трат: один — щедрость, другой — расточительность. Щедро: оказывать гостеприимство, одевать нагого, помогать неимущим продовольствием… Расточительно: тратить на пышные пиры и на множество вина…»

Св. Иоанн Златоуст призывает быть бережливым, ибо, воздерживаясь от напрасных трат, получаешь возможность помогать другим.

Земные богатства также должны служить на пользу Церкви и Государства. Сам Спаситель признавал справедливым вносить подать на храм и платить дань кесарю.

Потеря земных благ. «Что бы ни случилось, отчего обыкновенно сокрушаются духом, например, потеря состояния… ты, будучи как бы выше этого, не обращай внимания» (св. Амвросий).

Климент Александрийский пишет: «Бедность, болезнь и подобные испытания часто посылаются для вразумления, для исправления прошедшего и предостережения на будущее».

Верующему следует переносить потерю своего имущества с таким же душевным спокойствием и безмятежностью, как и богатство. Христианина должны отличать как щедрость в подаяниях, так и терпение при потерях. Кто не в состоянии спокойно переносить утрату материальных благ, тот живет как язычник.

Ценность труда. Св. Григорий Назианзин ценит труд как таковой. Наработаться до усталости, говорит он, уже сама по себе награда для того, чья душа не погрязла еще совсем в корыстолюбии.

«Делай какую-нибудь работу, чтобы дьявол всегда находил тебя занятым. И апостолы, имевшие власть жить от Евангелия, работали своими руками, чтобы не быть кому-нибудь в тягость… Пусть вскапывается земля, пусть разделяются равной межой гряды, пусть бесплодные деревья прививаются почками или ветками, для того, чтоб спустя немного времени ты собрал сладкие плоды труда своего. Устраивай ульи для пчел… и научись монастырскому порядку и царской дисциплине на малых тварях. Пусть плетутся сети для ловли рыб, пишутся книги, дабы и рука зарабатывала пищу, и душа насыщалась чтением. Дабы Дух не блуждал в пагубных помышлениях» (св. Иероним).

Св. Иоанн Златоуст объясняет: «Ведь и апостол Петр препоясывался, тянул сети и ловил рыбу после воскресения

Господа… А апостол Павел после бесчисленных путешествий и стольких чудес, стоя в мастерской шатров, сшивал шкуры… Итак, пусть не стыдится никто из занимающихся ремеслом, а стыдятся тунеядцы и праздные, которые имеют много слуг… Ибо кормиться постоянным трудом есть вид философии; у таких души чище, характеры сильнее».

Отцы Церкви призывали остерегаться тех, которые сами не работают, а, прикрываясь христианством, норовят жить за счет других. Для них христианство лишь выгодная сделка. Св. Василий Великий подтверждает: «Намерение благочестия не должно служить предлогом для лени и бегством от работы, а побуждением к еще большим трудам и работе… Не только потому, что подобный образ жизни полезен как умерщвление плоти, но также ради любви к ближнему… И нужно ли говорить, сколь великое зло — праздность, если апостол ясно возвестил: «Кто не работает, да не ест». Как для каждого необходима ежедневная пища, так необходим и труд по силам».

Творец тесно связал работу для собственной пользы и работу на пользу других. «Бог заставил нас нуждаться друг в друге, чтобы таким образом соединить нас вместе… Поэтому земледелец сеет не столько, сколько хватило бы для него, а работает на благо многих; и купец готовит не столько, сколько достаточно было для него одного, но и для многих других… Ибо, раз люди не в состоянии работать на благо ближнего, иначе как по принуждению, то Бог не допускает прийти к собственной выгоде иначе, как пройдя по пути принесения пользы другим» (св. Иоанн Златоуст).

«Можно слушать божественную мудрость, но можно также участвовать в управлении государством; не запрещено также и вести мирские дела добропорядочно, согласно Воле Божией» (Климент Александрийский). Он требует от живущих в мире и мирскими заработками умеренности во всем: «Воинам Господь возвещает через Иоанна Крестителя: до-

вольствоваться одним жалованьем; мытарям: не взыскивать больше того, что положено; судье говорит: не смотри на лицо на суде. Ибо дары ослепляют глаза смотрящих и опорочивают справедливые речи в защиту обиженных. А хозяевам: имущество, приобретенное беззаконием, уменьшается». Климент Александрийский указывает, что в каждом ремесле можно служить Богу. «Возделывай землю, если ты земледелец, но, возделывая ее, познавай Бога; любящий мореплавание, плавай, но призывай небесного Кормчего; осенило тебя божественное знамение в бытность воином, слушай вождя, приказывающего справедливое». Облаченные должностью начальника, говорит он, да берут пример с Моисея: «И если знающий когда-нибудь получит власть, то он, подобно Моисею, будет управлять ко благу управляемых и искоренит разнузданность и вероломство, воздавая почет лучшим и наказывая дурных по справедливости, в целях воспитания».

Ссуда денег под процент. Отцы Церкви единогласно считают ростовщический процент противоестественным, безнравственным и греховным. «Воистину, верх бесчеловечности, когда один, нуждаясь в необходимом, ищет ссуды для поддержания жизни, а другой, не довольствуясь капиталом, старается из несчастий бедного составить себе доходы и богатство» (св. Василий Великий).

Св. Киприан пишет: «Человек праведный другого не притеснит и залог должника возвратит, хищения не совершит, хлеб свой даст голодному и нагого оденет, и денег своих не отдаст в рост».

Климент Александрийский ссылается на закон Ветхого Завета: «Закон запрещает отдавать в рост брату (Втор. 23, 19); братом он называет не только рожденного от одних и тех же родителей, но также того, кто принадлежит к тому же народу и к той же вере и приобщен тому же Слову; он объявляет справедливым не брать проценты на деньги, но с открытыми руками и помышлениями благотворить нуждающимся».

Очень резко высказывается св. Григорий Нисский, называя несправедливый процент своего рода воровством и разбоем. Ведь, в конце концов, совершенно одно и то же: проломать ли воровским манером дыру в стене и похитить чужое имущество, убить ли странника на проезжей дороге и присвоить себе его добро, или же прийти к тому же результату путем ростовщичества. Св. Иоанн Златоуст высказывается в том же духе. Он лишь прибавляет, что ростовщик, в сущности, еще хуже вора и разбойника, т.к. действует более тиранически.

Св. Амвросий яркими красками описывает козни ростовщиков: «Таковы ваши благодеяния, богачи! Вы даете меньше и требуете больше. Таково ваше человеколюбие, что вы обираете, даже когда помогаете. И бедный для вас плодородная почва для наживы. Платит проценты тот, кто не имеет необходимого для жизни: разве есть что-нибудь более тяжкое? Он ищет лекарства, вы даете ему яд; он молит о хлебе, вы протягиваете ему меч; он просит свободы, вы налагаете на него рабство».

Св. Иоанн Златоуст говорит, что требовать от должника больше того, что дал ему взаймы, явно противоречит Слову Божьему. «Ибо что может быть печальнее, нежели богатый, ежедневно желающий, чтобы настал голод, дабы ему прибыло золото». Блж. Августин пишет: «Я не желаю, чтобы вы были ростовщиками, и не желаю потому, что Бог не желает этого. Откуда видно, что Бог этого не желает? Сказано: «Он не давал свои деньги в рост» (Пс. 4, 5). А как это презренно, ненавистно и проклято, думаю, знают и сами ростовщики».

Св. Василий Великий заключает, что при большем усердии к Слову Божьему, ростовщичество могло бы быть искоренено и богатые давали бы бедным ссуды за одну небесную награду.

Милостыня. Сам Спаситель в Евангелии говорит: «Подавайте милостыню из того, что у вас есть: тогда все будет

у вас чисто» (Лк. 11, 41) и «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7).

Отцы Церкви единодушно указывают, что все возражения и колебания должны умолкнуть, раз такова Воля Бога: Он требует благостыни, и потому долг человека — творить ее. «Голодному принадлежит хлеб, который ты удерживаешь, нагому — платье, которое ты сохраняешь в сундуках, босому — обувь, которая гниет у тебя, нуждающемуся — серебро, которое ты имеешь зарытым. Таким образом ты обижаешь всех тех, которым мог бы помочь» (св. Василий Великий).

А св. Ириней говорит: «Кто может в чем-нибудь творить добро ближним и не творит его, тот будет считаться чуждым любви Господней».

Св. Киприан увещевает христиан не отказывать в подаянии под тем предлогом, что они должны беречь свое имущество для детей. Аналогично высказывается блж. Августин: «Не умножай имущество под видом отцовской любви… Скупость — дурная вещь: они хотят прикрыться и обелить себя именем отцовской любви, дабы казалось, что люди сохраняют ради сыновей то, что они берегут из-за скупости».

Среди различных дел милосердия Климент Александрийский ставит милостыню на первый план: «Хороша милостыня, как покаяние за грех: сильнее молитвы пост, а милостыня сильнее обоих».

Есть и такой род милостыни, который не имеет никакой цены для души. Это бывает тогда, когда человек видит суетность богатства и охотно раздает свои деньги, но душа его переполнена греховной гордыни, рассуждает блж. Августин.

Милостыня особо богоугодное дело, если исходит из духа смирения и всепрощения. Сам Спаситель в Евангелии говорит: «Прощайте и прощены будете. Давайте и дастся вам».

Любовь не в словах, а в деятельной помощи ближнему. Те, кто не проявляют милосердия, и судимы будут без милосердия; им не поможет и вера, ибо вера без дел мертва.

Только одна христианская истина способна дать мерило экономике будущего.

Безграничная свобода и власть капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, — идеал мира сего. Материализм, двинув вперед науки точные и создав великие успехи техники, овладел и душой человека, убил ее свободу, низложил в гордыне своей Творца. Дальше идти некуда. Для западной цивилизации уже начинается тьма, небытие.

Человечество с надеждой ожидает грядущее Царство Христа. Главная задача его — очистить и вознести душу человеческую. Человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь в раба Господня. Согретая законом христианской свободы, православная экономика создаст и истинную государственность. Падет БИРЖА, ставшая церковью, и воссияет истинная Церковь Христова.

О ХОЗЯЙСТВЕ

БЕРДЯЕВ Николай Александрович
1874 — 1948

Хозяйственная задача, стоящая перед человеком, есть прежде всего задача овладения природой и регуляции ее стихийных разрушительных сил. Рост производительности, овладение стихийными силами природы есть необходимое условие победы над нуждой, бедностью и голодом в плане материальном. Неисполнение этого основного условия, этой заповеди производительности труда и ожидание социального благополучия есть требование социального чуда, есть вымогательство чуда. В этой настроенности всегда преобладают идеалы потребления над идеалами производства. Потребительское, а не производительное отношение к жизни отрицает долг труда и духовную дисциплину труда, представляет социальный рай как максимум потребления и минимум производства, совершенно уничтожает тот класс людей, который заинтересован в усилении производительности, в производственной инициативе и производственном плане. Потребительские идеалы разрушают хозяйство, мешают человеку овладеть силами природы.

Максимальное народное богатство и преодоление нужды достигаются тогда, когда целое ставится выше части, когда целью ставится не потребительское благо и удовлетворение людей, а благо и ценность государства, нации, культуры. Этим не исключается то, что интересами государства, нации и культуры могут лицемерно прикрываться интересы классов и отдельных людей. Но потребительский социальный идеал ведет к нищете.

Хозяйственная, материальная жизнь не может быть противополагаема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана. Дуалистическая социология, разрывающая дух и материю в жизни социальной, — ошибочна и иллюзорна. Вся материальная жизнь есть лишь внутреннее явление жизни духовной и в ней коренится. Частичная правда экономического материализма может быть перевернута и с более глубокой точки зрения, материальная жизнь может быть понята как производная от жизни духовной. Значение духовной дисциплины личности и народа для жизни хозяйственной огромно. Дисциплина труда, организация труда и производительность труда зависят от духовных факторов. В конце концов дух побеждает природу и овладевает стихийными силами природы. Хозяйство как претворение природных сил, как их организация и регуляция есть акт человеческого духа. И от качества духа зависит характер хозяйства. Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение. Труд есть явление духа, а не материи, он имеет духовные основы. Рост материальных производительных сил предполагает целесообразную энергию, творческую инициативу человека в отношении к природе. И материальное потребление не может быть единственной целью хозяйства. Им движет и созидательный инстинкт человека. Социальный организм не может быть дуалистически разорван, и нельзя в нем материальную сторону мыслить отвлеченно. Такое отвлечение материальной жизни и обездушивание ее порождает целый ряд болезненных явлений. На этой почве происходит и непомерное преувеличение значения народного хозяйства, господство экономики над всей жизнью и непомерное пренебрежение к хозяйству, третирование его как чего-то низменного и недостойного. И в том и в другом случае хозяйство делается давящей без-

душной силой. Забывают, что хозяйство есть обнаружение силы человеческого духа и что через него осуществляется миссия царственного призвания человека в природе. Хозяйственная жизнь не может быть ни господствующей, ни самодовлеющей. Она должна быть подчинена высшим началам жизни. Тогда лишь хозяйство осуществляет свою миссию регулирования стихийной природы. Хозяйство не допускает смертоносного торжества стихийных сил, оно ограничивает власть смерти в природном порядке. В хозяйственном акте есть мистериозная сторона, которая мало сознается в наш секуляризованный век. Добывание из природы хозяйственных благ есть духовное действие, в котором недра природы раскрываются для приходящего владеть ею мужа.

Но дух человеческий по-разному может быть в рабстве у материальной жизни и им же создаваемого хозяйства. Дух человеческий может быть в рабской зависимости не только от природной среды, но и от социальной среды. Капитализм и социализм представляют отвлеченные начала, которым не соответствует никакая простая действительность. В действительности не существует и не может существовать в чистом виде никакого капитализма и социализма. Но эти два начала можно мыслить как две формы рабства человеческого духа у экономики, у им же созидаемого хозяйства. В чудовищном капиталистическом хозяйстве дух человеческий вызывает и развивает силы, которые им же овладевают и порабощают его. Человек не может справиться не только со стихийными силами природы, но и со стихийными силами хозяйства, которые живут и действуют по собственному закону. Духовный центр утрачивается, и происходит смещение иерархических ступеней жизни. Тогда на смену капитализму приходит социализм со своими притязаниями урегулировать стихийные силы хозяйства, рационализировать хозяйственный хаос. И человеческий дух попадает в новую форму рабства. Мы уже видели, что несет с собой в мир со-

циализм. В пределе своем он окончательно должен истребить человека. Регуляцию стихийных сил хозяйства социализм хочет купить ценою обобществления человека без остатка, превращения его в экономическую категорию. Но процесс этот начался еще в капитализме. И противопоставить рабству капиталистическому и рабству социалистическому можно лишь внутреннюю свободу духа от гнета материальной жизни. Хозяйство изнутри полагается как явление и средство духовной жизни. И можно установить два духовных отношения к хозяйству: оно может быть основано на труде подзаконном и освещено правдой ветхозаветной и может быть основано на труде творческом и освещено новым религиозным светом.

Поистине революционный переворот, не в поверхностном, а в более глубоком смысле слова, произвела в хозяйстве машина. И проблема машины принадлежит к глубоким метафизическим проблемам. Многих благородных мыслителей XIX в. ужасало победное шествие машины, и они чувствовали глубокую противоположность между машиной и духом, видели в ее завоеваниях материализацию и механизацию духовной жизни, угашение духа. Так чувствовали и многие русские писатели и мыслители, из самых лучших. Машина есть как бы распятие природной жизни, она разрывает всякую органическую целостность. Машинизация жизни и есть прохождение через расщепление, выход из первоначальной целости родовой жизни, в которой дух и материя связаны неразрывно, в которой дух пребывает еще в самых недрах органической материи. Хозяйственные победы человека над природой должны вести к отрыву человека от природы, к расщеплению целости и раздвоению. Человек выходит из недр природы, из ее стихий и хочет быть господином природы, хочет владеть природными стихиями. И природа отходит от человека, она морщится и иссыхает вокруг него. Победное явление машины и есть самый важный момент борьбы че-

ловека с природой. Машина косит все живое в природе. Она несет смерть животным и растениям. Повсюду, где распространяется власть машины, отцветают цветы. Машина должна разрушить одно из самых совершенных явлений органической природы — человеческое тело, она должна заменить тело. В победном шествии своем машина несет гибель античной красоте. Это явственно видно на футуризме, который есть рабское отражение машинизации жизни. Гордая мечта человека о власти над природой ведет к уродству, к смерти красоты, к разрушению цветущей жизни.

Но ошибочно было бы думать, что машина убивает дух. Не дух, а органическую материю, плоть мира убивает машина. Она несет с собой смерть не духовной жизни, по существу истребляемой, а органическому жизненному укладу, родовому быту. Вхождение машины в жизнь вызывает у многих благородных душ романтическую тоску по утерянной цельности и органичности, по старому бытовому укладу. Но этой щемящей романтической тоской прошлого не вернешь. Духовная жизнь человека на иных путях должна искать цельности и красоты. Победа машины и произведенные ею опустошения вызывали вражду к цивилизации, изобличение ее лжи и неправды, идеализацию варварства, мучительные потуги вернуться к первобытной цельности. Но в этой направленности духа чувствуется бессилие и бесплодность. И для того чтобы дух почувствовал себя легче и свободнее, необходимо понять двойственный и анатомический характер появления машины в мире. Машина не только угнетает дух человеческий, но и освобождает его, она как бы железными клещами высвобождает его из органической материи, в которой он сначала дремал, а потом стал пробуждаться. Машина порождает расщепление и раздвоение, которые очень усложняют духовную жизнь и делают возможными тончайшие ее проявления. Первоначальная органическая целостность груба, утонченно лишь романтическое отношение к этой органической целост-

ности в эпоху, когда она разрушена. Первоначальная органическая целостность бедна познанием. Познание обостренно и углубленно, когда прошел уже человек через расщепление и раздвоение. И более глубокое отношение к машине не так прямолинейно и просто, как это представляется романтикам прошлого. Мир должен пройти через торжество машины, и дух человеческий должен устоять в этом процессе, должен окончательно освободиться и прийти к высшей целостности. Хозяйство не может развиваться без машины. Нельзя отрицать машину во имя более отсталых форм хозяйства. И отрицание машины есть отрицание хозяйственного процесса, есть возврат человека к первоначальной, рабской зависимости от стихийных сил природы. Народнический идеализм и утопизм в конце концов утверждают рабскую зависимость человеческого духа от материальной природной и социальной среды, т.к. отрицают, что дух может сохранить свободу и при переходе к более сложным формам хозяйства. Так, дух человеческий ставится в исключительную зависимость от бытового уклада, от отсталых форм хозяйствования. В машине есть и начало темной магии. За современной техникой скрыта та же психология, которая была у черных магов, та же корыстная жажда власти над природными силами с помощью внешних средств. Но через технику раскрывается возможность и более светлой магии, основанной на большей любви к внутреннему существу природы.

Цели и смысл хозяйственной жизни лежат глубже и дальше, чем это представляется обычному хозяйственному сознанию. Эти цели и этот смысл могут быть осознаны лишь в сознании, выходящем за пределы хозяйства. Хозяйственный акт должен победить тяжесть и скованность материального мира, должен овладеть хаотическими стихиями природы, и овладение человеком давящей его материальностью не может ограничиться небольшой частью природы, окружающей человека на земле. Хозяйство окружено со всех сторон

опасностями, оно подвержено воздействию космических сил. Агрикультура находится во власти космических сил, и мало еще сделано для регуляции тех стихийных сил, которыми она окружена. Перед человеком стоит задача создания космического хозяйства. Космическое хозяйство не есть утопия райского блаженства, перенесенная с нашей планеты на небесные пространства. Само задание космического хозяйства определяется истинно реалистическим, не отвлеченным отношением к природе. Человек все еще недостаточно сознает глубину своей связи с космической жизнью. Некогда он непосредственно чувствовал глубину этой связи и ощущал себя пребывающим в самых недрах космической жизни. Потом освободился человек от власти демонов природы, ушел от Великого Пана и начал чувствовать природу далеким себе и давящим механизмом. Сознание же новой связи и общности человека с космосом было лишь достоянием немногих. Человек не вошел еще в глубь природы для того, чтобы владеть и управлять стихиями, а не быть в их власти и не управляться ими. Человек остался на поверхности природы и на поверхности ведет свое хозяйство. На поверхности много фикций представилось ему и много фикций им создано. Много фиктивного, не подлинно реального есть и в технической власти современного человека над природой. Техническое могущество, все социальные регуляции не идут в глубь природной жизни. Как жалко все техническое могущество и как умеренны все утопии по сравнению с «проектом» Н. Федорова, раскрываемым в его «Философии общего дела». Федоров ставит дерзновенную задачу космического хозяйства, регуляции всей природы, победы над смертоносными ее силами. Федоров выявляет пределы хозяйственной задачи человека. Хозяйство должно быть победой жизни над смертью, хозяйство должно победить смертоносные силы, в нем должна обнаружиться сила воскрешающая. Для того чтобы дело жизни победило дело смерти, необходим ключ к раскрытию

космической жизни, в которой все неразрывно связано и ничто не может быть отделено и изолировано без смертоносных последствий. Маги всех времен искали ключ к тайнам космической жизни и хотели насильственно вырвать у природы ее секреты, оставаясь далекими и чуждыми самой душе природы. Черные маги были насильниками и властолюбцами. Но некоторые секреты внутренней жизни природы им все-таки удалось узнать. Наука и техника имеют большую связь с магией. Техника и есть современная магия. Она хочет насильственно узнать секрет природы и властвовать над природой для корыстных человеческих целей, оставаясь чуждой внутренней жизни природы. И техника должна в конце концов переродиться в магию, обнаружить свою истинную природу. В технике есть элемент черной магии, и она освобождает силы, действие которых еще неизвестно и не так безопасно, как это кажется. Элемент черной магии есть и в современном капиталистическом хозяйстве. Так, власть денег над жизнью, поистине страшная власть, есть форма черной магии. Деньги оторвались от всякой онтологической основы, в них нет подлинного бытия, они ведут фиктивное, призрачное существование. И в них есть магия власти и могущества. Задача создания космического хозяйства, победы над смертоносными стихиями природы и регуляции этих стихий — магическая задача, она не может быть лишь задачей позитивно-технической. Но магия может быть также и светлой. Темная магия окончательно порабощает человека. Светлая магия, подчиненная началам религиозным, освободит человека. Расширение и углубление хозяйственной проблемы есть и в книге С. Булгакова «Философия хозяйства». В ней религиозно осмысливается хозяйство. Но сама религия получает слишком хозяйственный характер. Булгаков признает хозяйство софийным. Этим он хочет связать его с душой мира. Книга Булгакова — симптом углубления проблемы хозяйства, осознание его космического характера. Но есть опасность в таком

охозяйствовании Софии — Премудрой Девы, не рождающей и не устрояющей. Все яснее и яснее становится, что победа над социальным злом и нуждой есть космическая задача, она невыполнима в пределах ограниченной земной ответственности. Прав Федоров, и ему принадлежит последнее слово в том, что называется «социальным вопросом»: корень зла не в бедности и нужде, а в смерти; бедность и нужда, — производное от смерти, «социальный вопрос» в мировом смысле разрешим лишь путем победы над смертоносными силами. Одни экономические средства тут не помогут. На поверхности жизни, в сдавленных перспективах разрешимы лишь социальные вопросы, а не мировой социальный вопрос. Социализм с его претензией разрешить мировой социальный вопрос, хочет лишь равномерно распределить власть материи над человеком. Потребительски-распределительный хозяйственный идеал социализма по существу не духовен и антирелигиозен, это рабий идеал. Совершенное питание с религиозной точки зрения — евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает в себя космическую жизнь и из себя выделяет творческую энергию в космическую жизнь.

Хозяйство есть иерархическая система. Его нельзя мыслить себе атомистически. Оно не может быть ареной борьбы всех против всех. Всякое хозяйство есть организованный труд, есть регуляция стихийных сил. Хозяйство есть взаимодействие рациональных и иррациональных сил. Это верно и по отношению к тому капиталистическому хозяйству, которое социалисты любят называть анархическим. Анархическим капиталистическое хозяйство можно назвать лишь в очень условном и относительном смысле. Зло капиталистического хозяйства связано с духовной жизнью людей этой эпохи, с их религиозным и моральным падением, а не с экономической стороной капитализма самой по себе. Именно потому,

что хозяйство есть иерархическая система, а не механизм, слагающийся из атомов, в основе его лежит личность с ее качествами и способностями, с ее дисциплиной труда. Для хозяйства имеет значение аскетическая дисциплина личности, и известного рода аскетика необходима для хозяйственного труда. При полной распущенности личности разрушается и хозяйство. Революции неблагоприятны для хозяйства. И революционными путями нельзя реформировать и улучшить хозяйство. Не такова природа хозяйственного процесса. Восстания и бунты могут иметь лишь разрушительное влияние на хозяйство. Разрушение дисциплины труда отбрасывает хозяйство назад. Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни. Лицо перестает быть вменяемым и ответственным, оно не имеет ни прав, ни обязанностей. Все хотят возложить на коллективы, образовавшиеся революционным путем из хаоса атомов. Но со свободой хозяйственной жизни, со свободой лица в хозяйственной жизни, с его свободной инициативой связана свобода человека. Утверждение значения личности в хозяйственной жизни не означает непременно экономического индивидуализма. В хозяйственной жизни возможны разные пути и совместимы разные начала. Но полное подчинение хозяйственной личности общественному коллективу или государству разрушает хозяйство и порабощает личность. Свободное существование личности в материальном мире предполагает свободу хозяйствования, свободные и ответственные акты человека в отношении к материальной природе. Вот почему «социализм» может быть лишь одним из методов организации хозяйственной жизни, и он должен быть лишь средством для обеспечения за лицом свободы хозяйствования. Каждое хозяйственное лицо принадлежит к хозяйственному организму, к хозяйственной иерархии. Но это и значит, что лицо свободно. Органический член иерархии свободен. Порабощен же член коллектива, который не есть иерархи-

ческий организм и имеет строение однородное, механически смешанное и уравненное, в котором есть лишь количество и нет качества. Хозяйство есть организм разнокачественного, иерархического строения, а не коллектив однокачественного, механически уравненного строения. Против этого невозможны никакие революции, желающие заменить организм и личность, сотворенные Богом, коллективом, созданным человеческим произволом. Углубление проблемы хозяйства должно связать хозяйственный организм с организмом космическим. Уже идеологи капитализма не хотели видеть в хозяйстве организма, и идеологи социализма лишь продолжали их дело разрушения идеи хозяйственного организма. Поэтому и те и др. враждебны человеческому лицу. Хозяйственный универсализм одинаково должен быть противоположен и капитализму, и социализму.

С принципом органической иерархичности в хозяйственной жизни неразрывно связан принцип частной собственности. Но принцип собственности давно уже обездушен и извращен. Социалисты лишь доканчивают то разрушение духовных основ собственности, которое началось давно. Буржуазно-капиталистическая эпоха уже оторвала собственность от онтологических ее корней. Превращение собственности в орудие корысти, наживы и угнетения ближних духовно разрушает собственность и готовит почву для социалистического ее отрицания. Социалистическое отношение к собственности и есть предел неодухотворенного, морально неоправданного и исключительно потребительски-корыстного отношения к собственности и к предметам материального мира. Социализм обобществляет собственность и все предметы материального мира, потому что он не допускает духовной ценности и никакого нравственного смысла в индивидуальном отношении человеческого лица к предметам материального мира, к природе. Для социалистического сознания все хозяйственные акты совершенно бездушны,

не освящены, аморальны, определяются голыми интересами, и потому в них не может быть закреплено ничто духовно ценное и нравственно осмысленное. Социалисты помешаны на экономике и находятся в рабстве у экономической действительности, в сущности, они презирают хозяйство и видят в нем лишь предмет для расхищения и раздела. Они не знают Божественного хозяйства, не имеют религиозного оправдания хозяйственного акта. Для них не существует таинственной стороны хозяйственного действия человека на природу. Вот почему они с такой легкостью отрицают собственность. В этом они плоть от плоти и кровь от крови тех буржуа, которые давно отвергли все святыни и занялись расхищением природы для приятной и благоустроенной жизни. Они желают для всех совершить такое расхищение, для всех устроить приятную и благоустроенную жизнь, свободную от всякой тоски и печали по святыням. Хозяйственное отношение к природе без прав и обязанностей собственности для человеческого лица есть циническое отношение к хозяйству и к природе, есть превращение всего материального лишь во временное, быстротечное, корыстное средство и орудие. Это и есть исключительно потребительская идеология, взгляд на весь материальный мир как на средство удовлетворения потребностей.

Собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде. Начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами природы. Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности. Связь лица с собственностью одухот-

воряет его отношение к материальной природе, делает его не исключительно потребительским. Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица, с правами его над материальной природой и после его смерти. Коллективизм, отрицающий всякое право собственности, есть рабство личности у стихийных сил природы. Поэтому он свойствен первым ступеням развития человеческого общества. Но он хочет и на вершинах этого развития подчинить человеческое лицо хозяйственной жизни. Он отрицает за человеческим лицом право совершать акты, свидетельствующие о его власти над материальной природой. Частная собственность на землю есть более одухотворенное отношение к земле, чем национализация и социализация земли. Частная собственность на землю делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывает исключительно потребительски корыстное отношение к земле, грубо материалистическое, лишенное всякой душевной теплоты, она сделает невозможной интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание. Отношение к материальным предметам сделается безличным, исключительно утилитарным. Это верно и по отношению ко всякому хозяйственному делу. Более одухотворенное и личное отношение к хозяйственной деятельности предполагает частную собственность, устойчивую перспективу, переходящую за пределы эмпирической жизни людей. Христианское же преодоление всякой собственности и всякого богатства есть уже явление духовной, а не хозяйственной жизни. Христос не отрицал частной собственности в плане материальном, когда он предлагал раздать имение свое бедным, он даже этим утвердил существование собственности. Если совершенно уничтожить собственность хозяйственно-

принудительным путем, то для христианского подвига отречения не останется места, он будет не нужен и невозможен. Культ бедности св. Франциска не был отрицанием собственности в объективно-хозяйственном порядке, он даже предполагал существование собственности. В коммунистическом строе св. Франциск невозможен и невозможен никакой культ бедности. Но начало собственности подвержено гниению и разложению. Великие злоупотребления возможны в связи с собственностью. И собственность не может быть признана абсолютным и высшим началом. Она должна быть ограничена и подчинена более высоким началам. Социальное реформирование общества и предполагает такое ограничение собственности и подчинение ее иным началам, связанным с космической жизнью. Власть человека над природными стихиями должна иметь онтологическую силу и основу. Обоготворение собственности и злоупотребление ею в хозяйственной жизни извращает эту онтологическую основу, делает человека рабом призрачных благ и затрудняет подход к образу человека. Это такой же соблазн, как и соблазн коллективизма, который окончательно истребляет образ человека. И отношение человека к производственному хозяйственному процессу может принимать ложное направление в две противоположные стороны: или отрицается долг хозяйствования, императив производительности, или человек порабощается хозяйству, обоготворяет экономику. Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни. Безграничный рост потребностей и рост народонаселения создал индустриально-капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и обозначает убыль духа в европейском человечестве. И если народы хотят духовно возродиться, то им придется вступить на путь аскетического самоограничения и одухотворения хозяйственной жизни.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ИЛЬИН Иван Александрович
1883 — 1954

Частная собственность соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы. Она идет навстречу инстинктивной и духовной жизни человека, удовлетворяя его естественному праву на самодеятельность и самостоятельность.

Частная собственность вызывает в человеке инстинктивные побуждения и духовные мотивы для напряженного труда, для того, чтобы не щадить своих сил и творить лучшее. Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу; и тем укрепляет характер.

Она дает собственнику чувство уверенности, доверие к людям, к вещам и к земле, желание вложить в хозяйственный процесс свой труд и свои ценности.

Частная собственность учит человека творчески любить труд и землю, свой очаг и родину. Она выражает и закрепляет его оседлость, без которой невозможна культура. Она единит семью, вовлекая ее в собственность. Она питает и напрягает государственный инстинкт человека. Она раскрывает ему художественную глубину хозяйственного процесса и научает его религиозному приятию природы и мира.

Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, взращивая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности, верный подход к политической свободе.

Частная собственность воспитывает человека к хозяйственной солидарности, не нарушающей хозяйственную свободу: ибо каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение, и самое народное хозяйство: и конкуренция собственников ведет не только к борьбе, но и к творческому напряжению, необходимому для народного хозяйства.

Частная собственность является тою формою обладания и труда, которая наиболее благоприятствует хозяйственно-творящим силам человека. И заменить ее нельзя ничем: ни приказом и принуждением (коммунизм), ни противоинстинктивной «добродетелью» (христианский социализм). В течение некоторого времени возможно принуждать человека вопреки его инстинкту; есть также отдельные люди, способные усвоить себе противоинстинктивную добродетель. Но противоестественное принуждение и противоестественная добродетель никогда не станут творческой формой массовой жизни.

Хозяйство без свободного внутреннего побуждения, без личной инициативы и частной собственности, бюрократически ведомое безразличными чиновниками, — не создает ни благосостояния, ни даже достаточного и сколько-нибудь доброкачественного продукта: оно общественно и государственно вредно. Исключить из хозяйственного процесса начало инстинктивной самодеятельности, начало личного интереса, начало духовной свободы и начало доверчивого самовложения в вещи — значит отдать все на волю формального и продажного бюрократизма, безразличной нерадивости, пустой притязательности, явной безответственности, тайного саботажа и самой жалкой бесхозяйственности.

Христос никогда не осуждал и не отвергал частной собственности, а говоря о «богатых», коим «трудно войти в Царство Божие» (Мф. 19, 23 — 24; Мк. 10, 23 — 25; Лк. 18, 24 — 25), Он имел в виду не размер их имущества, а их внутреннее отношение к богатству: они «надеются» на него (Мк. 10, 24); «служат ему, а не Богу» (Мф. 6, 24; Лк. 16, 13); «собирают

себе» земные сокровища и пребывают в них «сердцем» (Мф. 6, 19 — 21), — и потому «богатеют» «не в Бога» (Лк. 12, 21). Но изнутри Божия благодать уже посетила и преобразила души множества богатых людей, начиная с мытаря Закхея и Иосифа Аримафейского. Согласно этому и нищий, и зажиточный, и богач могут быть добрыми и злыми; и только апостолам («следуй за Мною» — Мф. 19, 21; «возьми крест свой» — Мф. 16 — 24; 10, 38; Мк. 8, 34) Христос советовал полное отречение от имущества (ср. Мф. 10, 8 — 10; Мк. 6, 8; Лк. 9, 3). Остальным же он заповедал милосердие (Мф. 9, 13; Лк. 10, 37, ср. Римл. 12, 8; Флп. 2, 1) и щедрость (Мф. 5, 42; Лк. 6, 30; ср. Ефес. 4, 28 и др.).

На этом пути следует искать разрешения проблем, возникающих в связи с частной собственностью, прежде всего через внутреннее воспитание и просветление человеческого существа; с тем, однако, чтобы постоянно отыскивать и проводить те духовно-верные и целесообразные государственные мероприятия, которые могли бы внешним образом исправить внешние последствия внутреннего несовершенства людей.

Задача не в том, чтобы на земле от праведности угасло хозяйство и с ним культура и человечество. Задача не состоит и в том, чтобы хозяйство стало самодовлеющей силой человеческой жизни, поработило людей и погасило — и справедливость, и нравственное существо человека. Разрешение проблемы состоит в том, чтобы сочетать строй частной собственности с «социальным» настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью.

Чувствовать и действовать «социально» значит, прежде всего, признавать на деле начало христианской любви и братства; это значит, далее, руководиться не уравнивающей справедливостью («всем поровну»), а распределяющей («каждому свое, кто чего заслужил»); это значит — оберегать слабых, нуждающихся, больных и беспомощных; связывать благополучие целого с благоденствием личности; и, наконец,

будить и поощрять во всех слоях народа качественные творческие силы человеческого инстинкта и духа. Еще в н. XX в. сложился предрассудок, будто «социальный образ мыслей» составляет монополию социалистов, которые предлагают будто бы наилучшее, хотя и радикальное разрешение вопроса о социальной справедливости. Трагический опыт коммунизма показал, к каким мучительным и унизительным антисоциальным последствиям ведет водворение социализма на практике. Человечество будет искать новую социальную идею, новое социальное понимание собственности.

Это новое понимание будет исходить из древних христианских основ. Основы его можно сформулировать так:

Иметь частную собственность и проистекающую из нее хозяйственную самостоятельность есть великое благо. Чем меньше людей лишено этого блага, тем лучше. Чем больше людей оторвано от собственности, тем несправедливее общественный строй, тем менее жизнеспособно государство.

Количественное поравнение имущества бесцельно и вредно: естественное неравенство человеческих сил, способностей и желаний все равно скоро опять приведет к имущественному неравенству. Имущественное неравенство преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти; естественным братским доброжелательством; искусством довольствоваться тем, что есть; помышлением не о тех, кто «богаче меня», а о тех, кто «беднее меня»; уверенностью, что богатство не определяет человеческого достоинства; и творческим трудолюбием. Воспитание должно давать людям уметь духовно переносить неравенство.

Существенно не владение человека, а его сердце и воля, а также дела, проистекающие из его внутреннего мира. Есть люди, достойные всяческого богатства; и есть люди, не умеющие употребить во благо даже свою нищенскую сумму.

Важно не то, чтобы не было имущественного неравенства, а то, чтобы в стране не было хозяйственно беспочвен-

ных, бессильных, безработных, бесперспективных людей. Каждый такой человек должен испытываться всеми как национально-хозяйственная рана, вредная и опасная для всего народа. Важно, чтобы у каждого был хозяйственно-отправной пункт; чтобы подъем к благосостоянию не был искусственно затруднен; чтобы полезный и продуктивный труд реально обогащал трудящегося; чтобы масса живо чувствовала поощряющее влияние частной собственности, а также успешность и почетность честного труда.

Новые поколения должны воспитываться в убеждении, что частная собственность есть не просто «право», а нравственно обязывающее право. Собственность обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей; к несению больших общественных тягот и государственных повинностей; к человечному обхождению со всеми, кто так или иначе зависит от вещной власти собственника; к постоянной заботе о хозяйственно беспочвенных людях.

В частном хозяйстве заложена тяга к самодовлению и самосильности. Этой тяге должны быть противопоставлены поиски новых форм солидаризации и сотрудничества частных хозяйств («кооперация» в широком и тесном смысле слова). Каждый частный хозяин должен чувствовать себя связанным законами хозяйственного инстинкта (рынок) и законами хозяйствующего духа (родина) со всею системою частных хозяйств своей страны.

Три требования: изобилие, качество продукта и щедрость должны быть включены в нравы народа. Первые два требования приведут к строгой экономии, к дисциплинированности труда и к поднятию техники в производстве. Третье требование придаст распределению дохода и продукта характер мягкой социальности и доступности.

Особые меры необходимы для борьбы с противообщественным пользованием собственности (эксплуатация, «потогонный труд», ростовщичество и сутяжничество). Должны быть

проведены законы, которые сделали бы социальное пользование собственностью — выгодным, а антисоциальное — невыгодным. Собственник, лишенный чувства ответственности и чувства сверхклассовой солидарности, распоряжающийся своим имуществом ко вреду других и поступающий антисоциально, — должен убедиться в том, что его образ действий предосудителен, что собственность его пользуется меньшей защитой, что такое ведение хозяйства оказывается экономически, юридически и нравственно невыгодным для него самого; так, чтобы он сам захотел вступить на др. путь; и т.д.

Все это вместе взятое может быть выражено так: частная собственность должна быть утверждена, но народ должен систематически воспитываться к верному пониманию ее идеи. Это воспитание должно связать внутреннее переживание частной собственности и внешнее распоряжение ею — с благородными мотивами и социальными побуждениями человеческой души, и соответственно вскрывать и обезвреживать дурные мотивы и побуждения. Частная собственность есть власть: непосредственно — над вещами, но опосредованно — и над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней. Частная собственность есть свобода. Нельзя предоставлять свободу, не приучая к ее благоупотреблению. Частная собственность есть право: этому праву соответствуют не только юридические выговоренные обязанности, но и нравственно-социальные, и патриотические, — нигде не оформленные и не выговоренные обязательства. Частная собственность означает самостоятельность и самодеятельность человека: нельзя исходить от предположения, что каждый из нас «от природы» созрел к ней и умеет ее осуществлять в жизни.

Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее хозяйство.

НА ЗАЩИТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

М. АНТОНОВ

Учение славянофилов представляет собой нерасторжимую целостность, их экономические воззрения неразрывно связаны с исповедовавшимся ими Православием и идеалом государственного и общественного устройства. Это — самодержавие и Земский Собор, единство Царя и Народа, «власти» и «земщины», как это было характерно для допетровской Руси, жизнь которой, по убеждению части славянофилов, протекала гармонично и без потрясений. Славянофилы занимали особую позицию как по основным мировоззренческим и политическим вопросам, так и по проблемам «философии хозяйства». Они признавали официальную формулу «Православие, Самодержавие, Народность», но вкладывали в нее особое содержание.

Православие, говорили они, единственно возможная основа народной жизни. Но Православие — со свободной Церковью, освобожденной от гнета бюрократического аппарата, превратившего ее в часть своей машины управления.

Самодержавие необходимо, но русское, руководствующееся народными началами, опирающееся на сеть сельских и городских общин, а не на бюрократическую машину, построенную на западный образец. России обязательно нужен Царь, но не такой деспот, как Петр I.

Народность должна быть основана на тысячелетней жизни народа в рамках мира-общины, а не на навязанных сверху, списанных с западных кодексов. Это давало власти основания подозревать славянофилов в противогосударственных намерениях. Начальник штаба отдельного корпуса жандармов масон Л. В. Дубельт писал: «Выражаясь напыщенно и двусмысленно, славянофилы нередко заставляют сомневаться, не кроется ли под их патриотическими взглядами целей, противных правительству».

Из всей совокупности экономических воззрений славянофилов в литературе обычно рассматриваются преимущественно их высказывания по вопросам, связанным с подготовкой и проведением крестьянской реформы 1861. То, что славянофилы уделяли этим вопросам много внимания, совершенно естественно, ибо отмена крепостного права и решение крестьянского вопроса были главными событиями надвигавшейся новой эпохи в жизни России. Однако при этом остаются в тени или вовсе не замеченными суждения славянофилов о самой сущности экономики и экономической теории, подобных которым в Западной Европе не было вообще.

В работах советского периода (в БСЭ, в «Истории русской экономической мысли» и др.) подчеркивался реакционный характер их воззрений, защита славянофилами интересов класса помещиков. Славянофилы характеризовались как выразители устремлений той части российских землевладельцев, которые были готовы вписаться в рамки надвигающихся капиталистических отношений и выступали за развитие торговли и промышленности, акционерных обществ и банковского дела, строительства железных дорог, внедрения машин в сельскохозяйственное производство и т.д. Они настаивали на отмене крепостного права «сверху» с предоставлением крестьянским общинам земельных наделов за выкуп. Учение славянофилов считали противоречивым и эклектичным, говорили даже о его загадочности.

Такое объяснение позиции славянофилов несостоятельно. Объективный анализ показывает, что именно их проекты в наибольшей степени отвечали общенациональным и государственным интересам (если последние не отождествлять с интересами петербургской бюрократии). Славянофилы были единственной общественной силой, которая публично отвергала скопированное с западноевропейских образцов государственное устройство, призывая построить жизнь страны на исконных русских началах. А это, по их мнению, открывало перед Россией перспективу встать во главе европейской, а затем и мировой цивилизации и, возглавив семью славянских народов, повести за собой весь мир в светлое и счастливое будущее. Таких величественных перспектив возможного нашего будущего тогда никто больше не раскрывал. Не вставая в позу героев, не призывая к революции, славянофилы безбоязненно приняли на себя «подвиг освобождения нашей мысли от суеверного поклонения мысли других народов» (слова А. С. Хомякова).

Только в последнее время отмечена и другая историческая заслуга славянофилов: именно они впервые в истории русской общественной мысли подошли к проблеме «эмансипации», освобождения крестьян практически, были «в первых рядах эмансипаторов», и заговорили не о «лозунге» крестьянской свободы, а о ее конкретных аспектах.

Задолго до отмены крепостного права, до которой никто из «старших славянофилов» не дожил, А. С. Хомяков говорил о помещиках, господах крепостных соотечественников, что они — «враги России». К. С. Аксаков расценивал правительственные проекты освобождения крестьян как насилие «петербургской бюрократии» над «коренными началами русской народной жизни». По его мнению, в случае осуществления этого проекта крестьянин лишь из одной тюрьмы попадет в другую, возможно, даже в худшую. Крестьянину нужны не юридическое освобождение от помещичьей влас-

ти, а земля и свое общественное устройство («мир»). Реформа объявляет землю собственностью помещика и насильственно навязывает крестьянам порядки, основанные на чуждой ему западной системе.

Важно отметить, что главные деятели славянофильского движения сами были крупными землевладельцами. Однако они переходили к наиболее прогрессивным способам хозяйствования: переводили крестьян с барщины на оброк или давали им свободу, использовали труд вольнонаемных рабочих, заводили фабрики и заводы. Поэтому они находились в резкой оппозиции к наиболее близким к власти крепостникам и крупным бюрократам. Но и те из них, кто строил отношения с крестьянами по старинке, все же принимали все меры, чтобы крестьяне в результате реформы не попали в худшее положение. Когда освобождение крестьян от крепостной зависимости стало неизбежным, в стране развернулась острая идейная борьба по вопросу о путях и способах решения земельного вопроса.

Нигилисты призывали передать всю землю крестьянам без выкупа. Они понимали, что их проекты (если призывы можно назвать проектами) не имеют никаких шансов на осуществление и придерживались принципа «чем хуже, тем лучше», потому что ухудшение положения крестьян создаст в стране социальную напряженность, без чего невозможна революция. С другой стороны, сторонники фактического сохранения крепостного права, замаскированного под свободу для крестьянина, стояли за «освобождение» без земли или с предоставлением ему минимума земли за выкуп по непомерно дорогой цене. Позиция славянофилов в главном вопросе эпохи была наиболее разумной, а главное — осуществимой без революционных потрясений.

Имп. Александр II и его правительство не могли пойти на поводу у нигилистов, требовавших конфискации всей помещичьей земли и передачи ее крестьянам, т.е. мгновенной

«ликвидации помещиков, дворянства как класса», ибо это вызвало бы такое потрясение основ государства, масштаб которого невозможно себе представить.

Тогда речь могла идти только о наделении крестьян землей за выкуп. А из всех проектов такого рода наиболее радикальным был проект именно славянофила А. С. Хомякова, предлагавшего государству выкупить сразу всю землю у помещиков и раздать ее крестьянским общинам, с тем чтобы крестьяне в течение нескольких лет вернули ее стоимость казне. Правительство Александра II не приняло этот вариант реформы. Хомяков писал по этому поводу: «Прекрасный план отброшен: у правительства нет ни денег, чтобы совершить выкуп единовременно будущей крестьянской собственности, ни кредита, чтобы пополнить денежный недостаток».

А. И. Кошелев, основываясь на опыте своего более чем 20-летнего хозяйствования, доказывал, с одной стороны, выгодность применения вольнонаемного труда, а с другой — сохранения крестьянской общины. Он был решительным противником развития России по тому же пути, по которому прошла Западная Европа, пришедшая к расколу общества на антагонистические классы — имущую буржуазию и неимущий пролетариат.

Земля — главное богатство; кто ею владеет, тот и хозяин в стране. А потому весьма важно то, как она в обществе распределена. Кошелев решительно выступает против тех, кто проповедует опыт остзейских баронов, разделивших общество на хозяев (Wirthe) и батраков (Knechte), которые даже не живут в своих домах и не обедают с семьей.

Но не все славянофилы считали общину непременным атрибутом русской жизни. Ю. Ф. Самарин допускал, что при необходимости она может быть упразднена, и земля станет частной собственностью. Такая возможность предусматривалась и положением о земельной реформе. Надо сказать и о важном открытии Кошелева. Он установил важнейшую при-

чину отсталости российской системы управления государством и его экономикой: «Наше государственное хозяйство еще сохранило много сходства с прежним нашим помещичьим хозяйством». Недавние крепостники, оставшиеся вблизи верховной власти, смотрели на Россию как на свою вотчину и управляли страной и разными отраслями ее экономики так же, как помещик своими крепостными.

Кошелев и Самарин вынуждены были издавать свои книги за границей и нелегально, ввоз этих книг в Россию был запрещен. Настаивая на отмене крепостного права, славянофилы в то же время выступали противниками утвердившегося в Западной Европе капиталистического строя, царства мещанской бездуховности, состояния, по выражению И. Киреевского, «полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов». Особенно опасной казалась им перспектива разделения общества на буржуазию и пролетариат, готовых вступить в смертельную борьбу между собой. Широко распространенные в советский период утверждения о реакционном, ретроградном характере учения славянофилов опровергаются фактами. Славянофилы приняли активнейшее участие и в проведении крестьянской реформы, и в работе новых земских учреждений, и в пропаганде новейших научно-технических достижений. Одни славянофилы занимались преимущественно теоретическими разработками, другие практически участвовали в выработке новых форм развития экономики. Славянофил Ф. В. Чижов (см.) и его сподвижники стояли у истоков новой экономической теории и практически закладывали основы современной им промышленности России.

Особую роль в этом деле сыграл журнал «Вестник промышленности», выходивший в 1858-60 и редактируемый Чижовым и имевший в качестве приложения газету «Акционер». На его страницах подчеркивалось, что «свободный труд — непременное условие каждого промышленного дела».

Славянофилы боролись против господствовавшей тогда точки зрения, будто Россия — страна земледельческая, и ее роль в мировой экономике — поставка хлеба в Западную Европу. Они утверждали, что нашей стране нужно всестороннее развитие производительных сил, в т.ч. современные промышленность и транспорт, доказывали необходимость государственного покровительства отечественному производителю и потому выступали против фритредерства (политики «свободной торговли»). Славянофилы внимательно изучали зарубежный опыт развития промышленности, обращая особое внимание на достижения США, потому что России, как и Америке, приходилось создавать промышленность заново. На примере Америки они показывали, что страна, отстающая в развитии промышленности, попадает на мировом рынке в условия неэквивалентного обмена, недополучая деньги за свое вывозимое сырье и переплачивая за ввозимые мануфактурные изделия. При этом подчеркивалось: «это непременный закон экономический». Т. о. славянофилы первыми обоснованно, со ссылкой на принципы экономической науки (хотя, в связи с суровыми цензурными ограничениями, и высказали это эзоповым языком), отметили грабительский характер экономической политики Запада в отношении России, которая будет оставаться такой до тех пор, пока наша страна остается экспортером хлеба и сырья.

У славянофилов уже можно встретить сообщения о кризисе, переживаемом экономикой Англии, и как бы предупреждение начинающим российским промышленникам об опасностях, какие таятся в стихийном развитии производства. Указывалось и на порочность практики, при которой российские заводчики и фабриканты стремились получить наибольшую прибыль и ради этого жестоко эксплуатировали рабочих, сводя их заработок к минимуму. Славянофилы настаивали на том, что заработная плата рабочего должна обеспечить его развитие как человека. Промышленникам,

стремящимся к высшим достижениям, нужен высококвалифицированный рабочий.

Чижов, И. С. Аксаков и др. славянофилы участвовали в учреждении акционерных обществ, банков, обществ по строительству железных дорог и морских пароходств и пр. Славянофилы не мирились с отставанием России от наиболее развитых стран Западной Европы в экономическом и технологическом отношении. В частности, они были сторонниками широкого железнодорожного строительства в России. При этом они рассматривали железные дороги и как инструмент для решения стратегических задач, и как мощное средство подъема экономики. Славянофилы считали, что России нельзя ориентироваться только на экспорт зерна, необходимо расширение внутреннего рынка, в частности, и зерно следует направлять в промышленные центры страны. Они полагали необходимым сначала выработать план железнодорожной сети страны на перспективу с центром в Москве и осуществлять этот план поэтапно. Это, по их мнению, позволит полностью удовлетворить потребности страны в перевозках и при этом избежать неоправданных затрат на сооружение случайных линий, которые служат лишь интересам отдельных кланов.

После отмены крепостного права и проведения либеральных реформ в российской экономике быстро укреплял свои позиции иностранный капитал. Славянофилы первыми выдвинули лозунг превращения России во всесторонне развитое государство, обеспечения ее экономической и технологической независимости, развития экономики силами отечественного капитала.

В частности, славянофилы не мирились с господством в Главном обществе российских железных дорог французского капитала, которому доставалась и львиная доля прибыли от их строительства и эксплуатации. Именно в их среде зародилась идея вытеснить иностранный капитал из этого

важнейшего сектора отечественной экономики и строить дороги на средства частных компаний, чтобы не обременять государственный бюджет… По инициативе Чижова на русские деньги и русскими инженерами была построена первая частная железная дорога Москва — Троице-Сергиева Лавра, впоследствии была продолжена до Ярославля, а затем и до Вологды и оказалась экономически очень эффективной. Славянофилы участвовали и в строительстве ряда др. железных дорог. Чтобы не закупать и подвижной состав, и рельсы за границей, славянофилы поставили вопрос о развитии соответствующих отраслей промышленности, включая металлургию, машиностроение и добычу каменного угля, и положили начало ряду др. отраслей экономики, чтобы избавить Россию от импорта некоторых видов продукции. Так, Чижов занимался шелководством.

Строительство железных дорог — дело настолько дорогостоящее, что оно оказывалось не по силам даже самым богатым предпринимателям. Чижов создает Московский купеческий банк и Московское общество взаимного кредита. Славянофилы были единственным в России идейным течением, которое понимало необходимость комплексного развития транспортной системы страны, включающей железнодорожный, шоссейный, морской и речной транспорт. Чижов учредил Архангельско-Мурманское срочное пароходство для освоения Русского Севера. Он совместно с Кошелевым выступил в Московской городской думе с идеей учреждения двух предприятий — общества водопроводов и общества газового освещения улиц. Т. о., именно славянофилы выражали коренные, долговременные интересы страны и отстаивали необходимость планового начала в развитии экономики, что является одной из основ русского понимания проблем развития общества и государства.

Славянофилам принадлежит первенствующая роль в пропаганде экономических и технических знаний в России. Осо-

бенно большую работу в этом отношении проводил уже упоминавшийся журнал «Вестник промышленности».

Именно славянофилы вскрыли механизм закабаления России Западом и показали пути освобождения ее от иноземного ига. В одной из статей А. Шипова (см.: «Вестник промышленности») было показано, каким мощным орудием закабаления Англией других стран служат огромные капиталы английских промышленников и агрессивная внешняя торговля, а по сути — война с целью принудить другие страны оставаться отсталыми, быть объектом эксплуатации со стороны Англии». «Спекулянту, возящему товары в чужую страну, не нужно просвещать ее народ и развивать ее промышленность».

И когда эта страшная сила английского, французского, немецкого и прочего иностранного капитала навалилась на Россию и стала завоевывать господствующие позиции в ее экономике, Шипов выступил с лозунгом: «Внутренняя торговля — ключ к нашим экономическим проблемам, самый существенный источник благосостояния», который нельзя даже и сравнивать с внешней торговлей», хотя правительство не обращает на него никакого внимания. Шипов высмеивает сторонников свободной торговли, показывает, что их политика ведет к разорению России. Для Англии принцип «свободной торговли» совершенно естественный. В России же лишь немногие местности могут сбывать свою продукцию за границу. Поэтому нужно развивать внутреннюю торговлю, наладить сбыт товаров в Азию, оберегать русские рынки для собственной внутренней торговли. Предупреждал он и об опасности, с которой связано привлечение иностранных инвестиций, за это ему приходится дорого платить. Представители высших классов на деньги, вырученные от вывоза сырья, приобретают предметы роскоши. А народ они держат в невежестве. Народ осужден на прикрепление к земле — уже не крепостным правом, а нуждой. Когда баланс внешней

торговли пассивен, производится она на иностранных судах и вообще находится в руках иностранцев, то она обогащает чужие страны. В итоге бедные страны становятся еще беднее, богатые — еще богаче. У России огромные природные богатства, писал Шипов, а мы не можем их освоить из-за неразвитости внутренней торговли.

Самым главным в экономическом учении славянофилов стало утверждение о невозможности политической экономии как самостоятельной науки, поскольку она рассматривает экономику как нечто самодовлеющее, оторванное от др. сторон жизни людей, в особенности от духовных основ и от нравственности. А подход к экономическим проблемам как к части общего, более широкого понимания хозяйства был заложен еще «отцами-основателями» славянофильства, в первую очередь И. В. Киреевским.

Понимание Киреевским сущности экономики вытекало из установленных им особенностей русского склада ума, отличающегося от склада ума европейца. По Киреевскому, «западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек… Не так человек русский… раздвоение и целостность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности». Именно вследствие разорванности западноевропейского сознания и стало возможным появление науки политической экономии. Чтобы по достоинству оценить вклад, внесенный основателями славянофильства в мировую экономическую науку, надо напомнить, что еще с глубокой древности существовали рядом одна с другой две коренным образом различающиеся науки о богатстве. Одна, в соответствии с достижениями научной мысли и религии, учила, как вести хозяйство, живя достойно высокого человеческого призвания, именно она в Древней Греции и получила

название «экономики» (сам этот термин введен Ксенофонтом и означает «умение вести дом»). А другая наука о богатстве, которую Аристотель назвал «хрематистика» (от «хрема» — имущество) учила, как обогащаться любыми путями, презирая мораль и даже закон, если это сулит большие барыши и позволяет надеяться на избежание суровой кары. Такую науку своекорыстия с давних пор бичевали лучшие умы человечества, но она дошла до наших дней под благородным названием политической экономии, т.е. как бы науки о всем народном хозяйстве, хотя в действительности ее назначение — оправдывать несправедливости в общественной жизни, представляя их как некие незыблемые законы природы. Она основана на индивидуализме и конкуренции, на преклонении перед капиталом и в конце концов вырождается в социал-дарвинизм, перенося на человеческое общество законы животного мира. Можно сказать, вся история человечества — это борьба двух способов хозяйствования: жажды богатства любой ценой, с одной стороны, и стремления очеловечить, облагородить хозяйственные отношения — с другой.

Русская теория хозяйствования (прежде называвшейся «домостроительством») в лучших трудах в главном всегда тяготела к экономике в ксенофонтовско-аристотелевом духе, чем к хрематистике, и не принимала голого экономического подхода к процессам развития общества. Киреевский объяснял: политическая экономия не могла бы зародиться в России из-за того, что «Русский человек… не мог бы согласить с цельностию своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве… Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями бытия, но и в совершенной им подчиненности». Русская экономическая мысль не сводила хозяйственную деятельность только к деньгам, к подсчету прибылей и убытков, не отделяла финансовые итоги от духовно-нравственных цен-

ностей, а также от государственных интересов, от судеб своего Отечества, всегда имела перед собой высокий идеал. Такой подход абсолютно чужд западной политической экономии.

«Младшие славянофилы» изучали западную политическую экономию (Самарин, И. Аксаков, Кошелев, Чижов), но она служила им больше для расширения кругозора, чем для практического применения. Уже упоминавшийся А. Шипов, отмечая, что в России наблюдается некая враждебность между экономистами-теоретиками, претендовавшими на непогрешимость законов своей науки, и представителями делового мира, объяснял это незрелостью науки политической экономии (см. «Вестник промышленности») и некритическим заимствованием у нас ее постулатов.

В статье В. Ососова (в том же журнале) показано, что даже тогда, когда сальдо торгового баланса России оказывается положительным, правительство довольно (дескать, мы не данники чужеземцев), хотя оно лишь повторяет ошибку меркантилистов. На самом деле происходил отток капиталов из России, в особенности за счет покупок русской знати за границей: «Богатое дворянство… запасалось предметами роскоши за границею и, благодаря услужливости банкиров, пользовавшихся за свои труды оттерками проходивших через их руки денег, переводили свои капиталы на Запад, на пагубу России и радость «царей биржи», русской и иностранных… и русское богатство покидало свою отчизну, обогащая только наших заграничных кредиторов и, в особенности, тех, через кого эти деньги переходили в их руки».

Даже наиболее вовлеченные в коммерцию славянофилы (Кошелев, Чижов, И. Аксаков) стояли намного выше массы русского купечества и предпринимательства, и разочаровались в этом общественном слое, оказавшемся неспособным подняться над своими личными и корпоративными интересами и руководствоваться интересами государственными и общенародными. Не были они безоглядно увлечены и иде-

ями протекционизма, допуская его лишь на то время, когда русский капитал встанет на ноги, потому что видели его опасности для народного благосостояния, в особенности угрозу неоправданного роста цен.

Из «почвенников» наибольшее внимание экономике уделял Ф. М. Достоевский. Он имел свою концепцию экономического развития нашей страны и ее места в мировой экономике. Достоевский не соглашался со «старшими славянофилами» в идеализации допетровской России и в яростном неприятии западников. По его мнению, России нужны примирение этих двух лагерей и выработка синтеза традиционных русских воззрений с достижениями европейской мысли.

Способы решения экономических проблем России зависели в первую очередь от того, по какому пути она пойдет после отмены крепостного права — станет ли она капиталистической страной, как ведущие страны Западной Европы, или найдет собственный путь развития, основанный на ее традиционных ценностях. Состояние экономики пореформенной России удручало Достоевского видным повсюду обеднением, особенно крестьянства. Это было следствием нравственного падения экономических деятелей России, забвения ими судеб страны ради сиюминутной выгоды, что грозило стране новым рабством. Достоевский называет две главные причины неблагополучного хода жизни России. Во-первых, торгашество (термина «рыночная экономика» тогда еще не существовало) и его синоним «жидовство» (имея в виду жидов христианских и нехристианских, хотя он критикует и евреев, поставивших себя во всех странах в положение «государства в государстве»), и, во-вторых, низкопоклонство высших слоев российского общества перед Западом.

Писатель хотел, чтобы развитие производительных сил направлялось «в новую сторону, государственную, общественную, православную, «а не лично-жидовскую…» На деле же распространение торгашества в «верхах» вызывало

и удручавшие писателя неблагоприятные сдвиги в нравственном состоянии общества, в том числе и в «низах», породив «преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка», когда «нет ничего святого», «экономический принцип прежде всего». А это опасно и с экономической, и с нравственной, и с религиозной точек зрения, это — угроза для будущего человечества, вызов христианству.

Российские «верхи», проводившие политику, разрушительную для страны, по его словам, вели себя «точно варяги, пришедшие по приглашению». И делали они это не по злому умыслу, а потому, что были воспитаны на западноевропейских ценностях и представлениях и потому старались «подтянуть» «отсталую» Россию к нормам «передовой» Европы. Достоевский призывал образованное общество России слиться с народом, с почвой, чтобы поднять образованность народной массы и одновременно самим дворянам и интеллигентам проникнуться народным миропониманием. Но захочет ли дворянство стать интеллигентным н а р о д о м? «Не захочет ли это сословие стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей, и снова сковать народ?» — спрашивал он. А это было бы крайне опасным: «Недоделанная крестьянская реформа доведет до отчаяния, до бунта».

Большой вклад в разработку экономической концепции славянофилов внес Н. Я. Данилевский, которому принадлежит ряд глубоких работ по экономике. Данилевский раскрыл механизм закабаления России западным капиталом. Он показал подлинную причину падения курса нашей валюты — неблагоприятный для России торговый баланс. И пока Россия, будет оставаться обремененной громадным внешним долгом, курс ее валюты будет занижен, и это будет причинять ей колоссальные убытки. Государство не должно уподобляться купеческой конторе, выгодно продавать хлеб на мировом рынке, даже если в стране голод. И оно не может долго бла-

годенствовать, предлагая мировому рынку лишь один товар. Попытки правительства избежать этих последствий неравноправного положения России на мировом рынке переходом на золотую валюту Данилевский сравнивал с попыткой наполнить жидкостью сосуд с открытым краном.

Для избавления от экономического ига Запада Россия должна быть страной не только аграрной, но и индустриальной. Ей необходимо уничтожить дефицит внешнеэкономического баланса, больше продавать (но не хлеб), меньше покупать, удовлетворяя сколь возможно большему числу потребностей внутренним производством. «Девизом России должна быть экономическая независимость и самостоятельность, тогда как девиз Англии есть экономическая эксплуатация всех стран света». Данилевский намечает пути развития производительных сил страны, в особенности промышленности, которая в состоянии будет выпускать товары, пока еще импортируемые из-за границы, и делать это надо на средства правительства. Частному капиталу это не по силам, поскольку затраты понадобятся очень большие, а окупятся они только через много лет.

Продолжая линию «старших славянофилов», Данилевский утверждает, что «политическая экономия смотрит на государства… как на существа исключительно экономические, забывая все прочие». А разве можно забывать о таких «прочих» моментах, как независимость государства? Будучи сторонником протекционизма, Данилевский критикует российских фритредеров. Важный вклад в мировую науку Данилевский внес своим исследованием общинной организации жизни уральского казачества. Река Урал находилась в общей собственности всего Уральского казачьего войска. Казаки выработали такие правила ловли рыбы, которые обеспечивали ей возможность размножения без помех, и регламентировали ее добычу по участкам реки в соответствии с графиком хода рыбы вверх и вниз по реке. Этот порядок обеспечивал

справедливость в пользовании благами природы и в то же время не исключал предприимчивости отдельных членов общины. Это, наверное, был самый совершенный в мире, экологически обоснованный способ эксплуатации возобновляемых природных ресурсов.

Из славянофилов рубежа XIX — XX вв. наиболее глубоко разрабатывали проблемы экономики С. Ф. Шарапов и П. В. Оль. Шарапов, понимая, что Россия, ведомая либералами и подталкиваемая враждебными силами извне, стремительно неслась к катастрофе, не только предупреждал общество об опасности, но и сформулировал свою концепцию национального спасения.

Альтернативная национальная идея Шарапова заключалась в том, что есть путь мирного преобразования дворянско-буржуазной России в своего рода «народную монархию», — это было завершением концепции славянофилов в области державного строительства. При этом снимался вопрос о революции, которая неминуемо потребовала бы большой крови и великих материальных жертв. А его противниками выступали враждебные России силы разрушения: это финансовая и политическая элита Запада и ее пособники, «пятая колонна» внутри страны. Именно Шарапов первым разгадал механизм финансового и экономического удушения России международным финансовым капиталом.

Книга Шарапова «Бумажный рубль, его теория и практика» — яркое проявление самобытной русской экономической мысли и самое глубокое сочинение по теории финансов в мировой экономической литературе того времени. По мысли Шарапова, экономика должна быть основана на христианских началах и соответствовать законам нравственности.

Шарапов подверг критике западную политическую экономию и финансовую науку за их бездуховность, за пренебрежение нравственной стороной человеческой природы и хозяйственной деятельности.

Шарапов был первым мыслителем, который осознанно выступил против засилья «экономизма», этого главного идейного врага и важнейшей причины разрушительного характера современной экономики. Он показал, что ни одно крупное народнохозяйственное решение не является чисто экономическим, оно всегда учитывает политические, военные и нравственные факторы. По денежным затратам можно сравнивать лишь варианты решения одной и той же задачи, удовлетворяющие всему комплексу этих факторов. Но решать только по деньгам жизненно важные для страны вопросы, напр., начинать ли индустриализацию страны с развития легкой промышленности или прямо с тяжелой индустрии, немыслимо. Напр., начнете с выпуска ситчика — денежные затраты быстро окупятся, но страна окажется безоружной перед агрессией извне.

То, что у А. Н. Энгельгардта и др. предшественников было лишь отдельными прозрениями, Шарапов привел в стройную систему и, разработав соответствующие методы, в ряде случаев довел до стадии конкретных расчетов. До такого понимания экономики современная российская (как и мировая) экономическая мысль не поднялись и по сей день.

Шарапов доказывал: вследствие того, что финансовая система ведущих стран Западной Европы основана на золоте, они попали в кабалу к международной бирже, к тем, кто от века служит «золотому тельцу» и держит в своих руках управление мировыми денежными потоками. Формально власть там находится в руках президента или короля, правительства и парламента. Но подлинная власть — у биржи (точнее, у ее хозяев), а государство выполняет лишь роль городового (или «ночного сторожа»), следящего за порядком. В итоге там наступила эпоха величайшего политического разврата и нравственного разложения, причем выхода из этого тупика нет.

Россия с ее самобытной хозяйственной системой и самодержавной властью оставалась единственной страной, кото-

рая могла бы не только вырваться из этой навязанной ей кабалы, но и показать остальному миру путь к освобождению. Для этого, утверждал автор, нужно было отказаться от навязанной России золотой валюты и перейти на бумажные деньги, но при соблюдении известных нравственных условий.

В частности, царская власть должна быть основанной на твердых нравственных началах, абсолютно бескорыстной, выражать интерес не господствующего класса, а всего народа, и проводить честную финансовую политику. Тогда Россия получила бы абсолютные деньги, покупательная способность которых не зависит от изменений конъюнктуры мирового рынка и которым население так же безусловно доверяло бы, как доверяет оно Царю. Самодержавная власть получила бы возможность, удерживая в гармонии капитал, знания и труд, сама иметь такое богатство, что это позволило бы не только избавиться от внешних займов, но и отказаться от взимания налогов с населения. Общественно-политическую сущность предлагаемой им системы Шарапов выразил крылатой фразой: «Капитализму, то есть господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе — социализму». Россия положила бы предел экспансии паразитического спекулятивного и ростовщического капитала, стремящегося к мировому господству. При условии проведения предлагаемой Шараповым реформы менялся бы «сам характер русского государственного строя, усиливая нравственную сторону бытия и доставляя возможность проведения свободной христианской политики».

Денежная система, вся совокупность финансовых отношений в стране по системе, предложенной Шараповым, была бы несравненно эффективнее той колониальной системы внешнего управления финансами, какую избрали современные ему либеральные правители России.

Шарапов показал, что сельское хозяйство России переживает глубокий кризис, умышленно созданный ради того, чтобы

на костях российского крестьянства и на руинах «дворянских гнезд» могли наживать бешеные деньги свои и чужеземные земельные и биржевые спекулянты. Создали кризис либералы «новой финансовой школы» во главе с С. Ю. Витте, руководствовавшиеся теориями, заимствованными на Западе.

В то время как печать восхваляла либеральные реформы времен Александра II, Шарапов показывал, что эти реформы бросили «освобожденного» крестьянина из-под гнета помещика под иго еще более жесткого эксплуататора-кулака, а господствующие позиции в экономике отдали в руки западных банков, инородцев и иноверцев. Там, где апологеты реформ видели процветание, он рисует картину всероссийского разорения. В государственном механизме нет органа, прямыми задачами которого являлись бы забота о народном хозяйстве.

Шарапов исходил из того, что «для России уже наступил момент перехода от роли хлебного поставщика Европы к совершеннейшей экономической независимости», тогда как доктринеры в правящих сферах проводили политику превращения России в поставщика хлеба и сырья в интересах Запада. При этом, считал Шарапов, можно было бы в относительно короткий срок поднять государство без привлечения капиталов извне и не пользуясь внешними займами, а только за счет внутренних ресурсов. Переход на золотую валюту ознаменовал важный этап развития мирового капитализма — установление главенства ростовщического, банковского, финансового капитала над капиталом промышленным, производственным. Шарапов расценил этот процесс с религиозной точки зрения — как победу нового культа Мамоны над старым христианским строем человечества. Последствия этой реформы для России были ужасными, и первым это показал Шарапов.

«Финансовые гении» обещали, что в страну потекут иностранные капиталы, Россия получит валюту всего ци-

вилизованного мира. Да, — возражал им Шарапов, иностранные капиталы полились к нам, да еще с такой стремительностью, что в самое короткое время Россия распродала иностранцам свои руды и каменноугольные копи, золотые прииски и нефтяные источники. В руках иностранного капитала оказалась значительная часть российской банковской системы. В России возникла острая нехватка наличных денег у хозяйствующих субъектов. Для удержания в стране золота пришлось дополнительно привлекать иностранный капитал. Россия уподобилась протекающей бочке: сколько бы золота она ни покупала, деньги в ней не задерживались, а транзитом уходили на Запад.

Шарапов вскрыл механизм ограбления России международным капиталом и выработал способы защиты национальных интересов. Он показал, что дело вовсе не в устойчивости курса российского рубля, а в его качестве. Самая замечательная золотая мировая валюта, писал он, может обогащать одну страну и разорять, уничтожать другую. Страна с сильной экономикой заинтересована в экспансии своей валюты, в проникновении в страну со слабой экономикой. Это позволяет более развитой державе подчинить себе слаборазвитую страну и поставить себе на службу ее ресурсы. Именно этого настойчиво добивался западный финансовый капитал, втягивая дореволюционную Россию в зону золотой валюты. Критику Шараповым перехода России на золотую валюту дополнили Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов и Ю. Г. Жуковский.

Шарапов, делавший ставку на сохранение общины и развитие ее на новых началах, был решительным противником П. А. Столыпина, разрушавшего общину. Он выступал за эволюционное развитие России, призванное предотвратить разрушительный социальный взрыв. Поэтому он был противником революции и критиковал теорию и практику социализма. Шарапов выступал против социализма, нацеленного на революцию. Принципы ведения хозяйства, кото-

рые он установил в своем имении, представляют собой одну из разновидностей кооперации. Шарапов, глубоко верующий человек, был одним из немногих экономистов, который оценивал экономический строй общества, как и все свои и чужие действия, с религиозных, точнее — православных христианских позиций. В Церкви он видел духовную опору государства и народа. Возрождение России, по мысли Шарапова, должно начаться с возрождения духовного, а в практическом плане — с возрождения прихода.

Шарапов первым выработал положительную программу возрождения России, наметив меры в области экономики, сельского хозяйства и в социальной области. При этом он не ограничился теорией, а в своем имении Сосновка воплотил ее в жизнь: он организовал своего рода кооператив во главе с помещиком. «К сожалению, — пишет он, — этот единственно плодотворный и верный русский путь до сих пор совершенно не был понят в России». А внедрение его системы по всей России сделало бы невозможной революцию, что обеспечило бы плавный переход страны на качественно новый уровень экономического развития.

П. В. Оль был в числе немногих экономистов, которые предсказывали губительные последствия перехода на золотую валюту, вследствие которого Россия вступила в полосу хронического финансового кризиса. Усиленный вывоз хлеба осенью, несмотря на неудовлетворительный урожай прошлого года и голод в приволжских губерниях, Оль сравнивает с принесением человеческих жертв. В исследованиии «Русская нефть и ее государственное значение» Оль показал, что доходы от нефти шли не нашему народу, а иностранным фирмам, захватившим в свои руки реализацию российской нефти и нефтепродуктов на мировом рынке.

Развитие России пошло совсем не по тому пути, какой предлагали славянофилы. Они бы смогли победить при условии великого подвига самоотречения и любви всего на-

рода — от крестьянина до Царя, и именно в таком подвижническом служении нуждалась тогда Россия. Такой подвиг не был совершен народом, и прежде всего — господствующими классами. Революция прервала разработку проблем экономики с позиций славянофилов. В наше время продолжателями идей славянофилов, в особенности принципа единства экономики и нравственности, выступают О. А. Платонов и М. Ф. Антонов и отчасти Д. С. Львов.

М. Антонов

ЭКОНОМИКА В РУССКОМ САМОДЕРЖАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

ШАРАПОВ Сергей Федорович 1855 — 1911

Экономические взгляды С. Ф. Шарапова были уже изложены мною в разделе «Экономика русской цивилизации». В этой же части хотелось отметить важные элементы его учения о самоуправлении, которое он считал необходимым условием реализации его экономической программы.

Политическое будущее России, по мнению Шарапова, связано с возрождением «националного, исторического русского земско-самодержавного строя». Шарапов справедливо отмечает, что в результате вестернизации русского правящего слоя и интеллигенции в обществе атрофировались навыки самоуправления, которые всегда были присущи вековому строю русской общины и русской трудовой демократии. Вместо национальных форм самоуправления внедряется заимствованное с Запада авторитарно-бюрократическое управление.

Самоуправление, особенно городское и земское, деградирует, приобретает западноевропейский характер полного отстранения от власти простого человека с заменой ее властью денежного мешка.

Шарапов становится во главе движения за возрождение приходского самоуправления, которое должно было заменить собой «власть толпы» — городское и земское управление.

Приход, бывший в допетровские времена одной из главных форм общественного самоуправления, позднее превратился в чисто административную единицу духовного ведомства, место соединения населения для молитвы и регистрации гражданского состояния. Шарапов предлагает вернуть приходам, прежде всего в городах, их прежнее всеобъемлющее значение. Одним из главных органов, в которых обсуждались идеи возрождения приходского самоуправления, стали газеты «Русское дело» и «Русский труд», выпускаемые С. Ф. Шараповым, ставшим одним из ведущих идеологов этого движения. Основной городской территориальной единицей, считал Шарапов, должен быть поставлен приход, и это должна быть единица не только вероисповедная, но и административная, судебная, полицейская, финансовая, учебная, почтовая и т.п. Всякий постоянный житель прихода, не опороченный судом и достигший определенного возраста, должен быть полноправным членом прихода, избирателем и избираемым. Под сенью Церкви, справедливо полагал Сергей Федорович, не может быть вопроса о сословности, имущественном неравенстве или каком-либо цензе, кроме чисто нравственного в виде доверия и уважения соседей, основанного на долгом и тесном знакомстве с человеком. Только при этих условиях и возможен правильный выбор истинных представителей местных интересов.

Во главе прихода должен стоять выборный приходской голова, который будет управлять приходом вместе с другими приходскими властями: священником, приходским судьей, приходским полицейским приставом, приходским сборщиком податей, заведующим приходскими школами, приходским врачом, все вместе составляющими приходской совет. Деятельность его должна направляться и проверяться приходским собранием уполномоченных, избираемых всем населением прихода. Это же собрание будет выбирать и гласных в городскую думу.

Приход должен иметь права юридического лица — иметь свое имущество, свои учреждения и предприятия, то есть быть полноправной юридической и хозяйственной единицей в составе государства. «Вне прихода ни государство, ни город, ни земство не должны иметь дела с отдельным человеком, ибо только при этом будет гарантировано внутреннее единство и целость нашего национального единства, столь угрожаемого в последнее время наплывом и бесконтрольным хозяйничаньем всякой иностранщины, которая тихо и незаметно затопляет Россию».

Шарапов справедливо отмечает, что приходское самоуправление позволит прекратить «такое страшное явление, как постепенное вытеснение и замещение русского элемента иностранцами и инородцами, идущее теперь полным ходом и, по-видимому, никем не замечаемое, обратило бы на себя внимание. В приходе все на виду, приход сразу заметил бы неестественный прилив чужеродного элемента и поднял бы тревогу».

Экономика в самодержавном государстве

Настоящее исследование представляет первую попытку связать славянофильское учение с данными экономической науки, осветить, с одной стороны, экономические явления с точки зрения свободы человеческого духа, с другой — найти реальную опору славянофильским нравственным и политическим воззрениям.

Я избрал предметом исследования вопрос о бумажных деньгах потому, что он является, так сказать, средоточием всей экономической науки. Мне хотелось показать, что, оставаясь на почве механических законов необходимости, экономика ни к чему не придет и не может прийти, разве к удостовере-

нию, что у человечества нет иной будущности, кроме рабства слабого у сильного или гибели всего современного строя путем бунта слабых.

Деньги — вот орудие экономических отношений лиц, групп и стран. Господствующая на Западе денежная система выражает непосредственно бессилие нынешней экономической науки. При всем относительном совершенстве денежного обращения на Западе, при бесчисленном множестве всяких организаций, форм, гарантий, союзов и соглашений, довольно немного углубиться в сущность западных денежных условий, чтобы увидеть в них неизбежный зародыш того же страшного разложения, которое снедает западную науку, искусство, религию, философию, право, государственность, словом, всю западную цивилизацию во всем ее объеме и проявлениях.

Зародыш этот — начало *бездушного формализма*, заменившего мало-помалу всюду идеальное начало *веры*; начало условного и относительного, заменившее мало-помалу начало абсолютного, высшего и вечного, высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое *я* и обратившее все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену бесконечной борьбы эгоизмов. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, силятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно *кое-как жить*.

Но не удается это Западу ни в какой области. Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в материалистический атеизм, философия — в пессимизм, государственность — в анархизм, этика — в проповедь чистейшего эгоизма, экономика — в формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти — с другой.

Бессилие Запада в области мысли до того поразительно за последнее время, что кроме опошленных, износившихся и полных внутренних противоречий нескольких модных мировоззрений не является ничего на смену, не блещет нигде ни луча надежды. Да и неоткуда ему там взяться!..

Славянофильство, скромно стоявшее особняком, в стороне от старых великих очагов человеческой мысли, теперь оказывается единственным мировоззрением, единственной философией, полной жизни и *веры в жизнь*. Оклеветанное, осмеянное, оно вдруг начинает привлекать к себе взоры и умы. К нему начинают прислушиваться, его начинают изучать.

Настоящее исследование представляет слабую попытку пополнить и развить основные воззрения славянофильства в той области, до которой оно почти не касалось ранее. Это область экономическая. Думаю, что мне посчастливилось, исходя из основ этого учения, данных Киреевским, Хомяковым, Аксаковым, Самариным, Данилевским и пользуясь строго научными приемами школы, посильно пополнить это учение. Я хотел показать, что и в экономической области достаточно отвергнуть некоторые условности и победить застарелые предрассудки, чтобы жизнь тотчас предъявила свои права и показала возможность органического творчества тем, где до сих пор видели лишь стихийную игру слепых сил. Государство как условность, как мертвенная форма, олицетворяющая внешний порядок, не смеет и мечтать ни о каком экономическом творчестве. Наоборот, государство как живое выражение мирского, соборного начала, олицетворенное в живом полновластном Государе, оказывается чрезвычайно творческим и могущественным. Деньги — золото, деньги — власть, деньги — темная сила и орудие рабства слабого у сильного, обращаются в расчетную бумажку, беспритязательного объективного счетчика, в орудие христианской помощи народному труду, предприимчивости и сбережению. Выясняется возмож-

ность полного примирения, и не условного только, а прочного, истинного, враждующих человеческих эгоизмов путем отнятия незаконной *власти* у одного и возвращения законной *свободы* другому. Там, где на Западе раздается как последнее слово — слово отчаяния, славянофильство смело поднимает свой голос надежды и оправданной, уясненной, раскрытой веры в лучшее будущее человеческого изобретения, труда и скромного стяжания. Сущность экономических процессов остается та же, от века предоставленная Провидением, как законы движения и равновесия, света и электричества, но человек освобождается от власти слепых сил, становится не бездушной пешкой в экономической борьбе, каким силилась утвердить его западная наука, а живым, свободным деятелем, применяющим эти законы сознательно, а не только им пассивно подчиняющимся. Если будет справедливо на весь мир экономических явлений смотреть как на «систему человеческих деятельностей, обусловливаемых и направляемых пользою», то разница между западными и славянофильскими взглядами немедленно обнаруживается. Идея «пользы» там есть самостоятельная, самодовлеющая сила, ничего выше себя не знающая. Здесь ее истинное место лишь как *служебного начала* другому высшему нравственному и бессмертному началу. Понятия совершенно перестанавливаются, и человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь из рабов Ротшильда в «рабы Господни», единственное сладкое рабство, с коим сознательно мирится и в коем воистину освобождается бессмертный дух человека.

И в этом признании, в этой перестановке понятий тотчас же раскрывается и истинно великая сила нравственного начала, поставленного как высшая власть. Экономическое начало пользы злое и бессмысленное, как признанное божество нового Запада, становится творческим орудием и послушной силой в руках государства, построенного не на эгоистическом начале *договора*, а на нравственном — *доверия*.

С этой точки зрения я и прошу читателя взглянуть на изложенные в этой книге законы творчества мнимых капиталов, регуляторов денежного обращения в государстве, зависимость постоянства денежной единицы от обстановки главного народного труда, образование государственных запасных капиталов и пр., и пр. Все эти законы раскрыты только посредством исследования той денежной формы, которая по существу своему *нравственна* и, как таковая, не поддается западной игре эгоизмов и западной наукой отвергается.

Важность этих законов, независимо от их верности и научного значения, лежит, по-моему мнению, еще в том, что, уясняя вопрос о правильном устроении экономической жизни в государстве, они раскрывают неизмеримо далекие перспективы, указывая на второстепенное значение экономического мира явлений и вознося перед государством высшие и величайшие цели бытия. Указывая, что вопрос о «пользе» и ее проявлениях в общежитии разрешается к полному удовлетворению и благополучию трудящихся, сберегающих и умствующих, не говорят ли повелительно эти же самые законы, что и трудиться, и сберегать, и умствовать возможно лишь во имя иных, вечных и высоких целей, возносящихся тем ярче и виднее, чем лучше, понятнее и достижимее справедливость и спокойствие обстановки временной, материальной человека?

Вот с этой точки зрения я и позволю себе надеяться, что мой труд имеет значение в целом составе славянофильского мировоззрения. При всей неполноте, неясности, сбивчивости и плохом расположении частей моего исследования, я думаю, что мне удалось выяснить и отметить по крайней мере важнейшее, и что те, кому по душе придется мой труд, не затруднятся его пополнить и исправить, не теряя общей руководящей нити.

Но кроме этого принципиального значения, я хотел бы надеяться, что мой труд не останется без некоторой прямой доли пользы. В русском обществе не имеется никаких ус-

тановившихся взглядов на финансовые вопросы. Западные теории, так дорого стоившие нашему государственному и народному хозяйству, потеряли кредит и в общественном обиходе держатся лишь по недоразумению. Между тем, русской теории, русских взглядов не выработалось, и потому господствует необычайная путаница, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практике. Наряду с мероприятиями, указывающими на некоторое приближение к пониманию смысла и значения абсолютных знаков в самодержавном государстве, возникают и осуществляются проекты и предложения прямо противоположного характера, наносящие нашему бумажно-денежному обращению серьезный ущерб. Ни с того, ни с сего весь газетный хор начинает, например, вдруг славословить золотую валюту, абсолютные деньги называть «сладким ядом» и плакать о прекратившемся полвека назад металлическом у нас обращении.

Вслед за славословием является неожиданно мера, которая никогда бы не могла получить своего существования, будь в нашем обществе и у специалистов установившиеся финансовые воззрения. Между тем разрешение сделок на золотую валюту, исходя из того взгляда, что золото деньги лучшие, деньги более верные, чем «сладкий яд» — кредитные билеты, — поражает в самый корень наш абсолютный знак, выдвигает вновь вопросы, по-видимому, историей уже порешенные…

Теоретическая постановка вопроса об абсолютных (бумажных) деньгах

I

В ряду так называемых гуманитарных наук наука о финансах занимает положение совершенно исключительное. У нее существует обширная литература, представляющая

очень подробное и остроумное исследование фактов, накоплявшихся целыми столетиями. Из анализа этих фактов выведены обобщения, законы и правила, складывающиеся в стройные системы. Самая наука имеет предметом явления, в значительной степени подлежащие опыту и учету и выражающиеся в цифрах. И именно эта-то наука, как оказывается, разошлась с живой жизнью до такой степени, что становится возможным не в шутку, а совершенно серьезно поставить такой вопрос: кто кому должен подчиняться — жизнь финансовой науке или эта наука жизни?

Как ни странен этот вопрос, но раз он поставлен, он обличает крупное внутреннее недоразумение, в котором необходимо разобраться. До сих пор мы понимали науку вообще, как исследование и уяснение тех законов, по которым движется жизнь в ее разнообразнейших областях и проявлениях. Каким бы методом ни было сделано известное обобщение, оно, чтобы стать научным законом, должно непременно не только выяснить и систематизировать явления, но и управлять ими, предвидеть и предсказывать их.

Если мы с этой точки зрения подойдем к так называемой финансовой науке, то наша вера в нее (если предположить, что таковая была) непременно посрамится. Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или другие меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их и соображает, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное.

Про какое-нибудь сравнение с точными науками и речи быть не может. Астрономия, например, предсказывает затмение на тысячу лет вперед, и оно совершается минута в минуту. Механика вычисляет смелую арку моста, и мост выдерживает как раз ту тяжесть, какая от него требуется. Химия на основании известных умозаключений предска-

зывает, что должно быть открыто какое-то простое тело с такой-то плотностью пара и атомным сродством, и тело открывается именно такое. Даже медицина, в общем представляющая совершенно невозделанное поле, и та в своем экспериментальном запасе имеет несколько бесспорных правил и указаний: дайте пациенту в таком-то случае то-то, и произойдет то-то.

Ничего подобного так называемая финансовая наука не имеет и не знает, и все ее построения по меньшей мере спорны, а практические советы в большей части никуда не годны.

Если мы попытаемся анализировать происхождение и развитие западной финансовой науки, мы легко убедимся, что, собственно говоря, наука эта там еще и не зарождалась. Для нее не было вовсе почвы. Финансовая наука — законное дитя политической экономии. А что представляет эта наука? Она, начиная с Адама Смита, своего основателя, продолжая Жаном Баптистом Сэем и Рикардо и кончая социалистами, дала целый ряд школ и остроумных писателей. Текущие явления экономической жизни были изучены в подробностях и подведены под известные законы, довольно верно выражающие внешние признаки явлений. Адольф Вагнер посвятил специально России огромный труд, долгое время считавшийся чем-то вроде финансового у нас Евангелия. Внутренняя, психологическая сущность экономических процессов была, однако, исследователями оставлена в стороне, и на основании простой, чисто механической повторяемости, а в духовном отношении на основании одной идеи *пользы* было признано, что экономическим миром явлений управляют такие же слепые законы необходимости, какие управляют неодушевленной природой. Всякая борьба с этими законами или всякое стеснение их свободного проявления является, по воззрениям экономистов, нарушением основного принципа *пользы*, который в своем свободном виде заключает все

элементы технического и культурного совершенствования, достаточного для человечества.

Совершенно в стороне от мирового научного движения стоит гениальный изобретатель бумаго-денежной системы и великий финансист-практик Джон Ло со своими плохо прочтенными и теперь позабытыми сочинениями. В стороне же стоит группа так называемых утопистов, пытавшихся посредством крайне остроумных, но рассудочных комбинаций обойти законы органического творчества в мире экономии и *сочинить* новые финансовые системы, оказавшиеся сплошь неудачными. Наконец, виднеется Фридрих Лист, впервые признавший великую роль нравственного начала в экономическом мире и совершенно развенчавший материалистическое учение Адама Смита и Сэя. Но этот замечательный экономист высказывает лишь самые общие идеи и почти совсем не говорит и финансах. Изо всей серьезной литературы по этому вопросу, не исключая и творений Адольфа Вагнера, одно только имя и приходится на Западе произнести с глубоким уважением, это имя Родбертуса, к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге «Исследования в области национальной экономии классической древности», но отнюдь их не разрешившего.

И сейчас, как и тридцать лет назад, финансовая наука в лице ее наиболее выдающихся представителей на Западе стоит все на том же *золотом* основании. И сейчас еще она насквозь материалистична, и это лишает ее всякой глубины и всякой основательности. Как ни чудовищны практические выводы из теоретических псевдонаучных построений, у Запада словно не хватает мужества взглянуть им прямо в глаза.

Управляемый *пользой*, экономический мир, по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название *конкуренции*, люди сами собой

изощряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле люди сплачиваются в группы и союзы, удесятеряют этим свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группой, общественный класс с классом, наконец, народ с народом. Положенный таким образом в основании политической экономии элемент борьбы явился в сущности совсем не случайно. Если признавать действие данной духовной и исторической среды на формулирование и формирование господствующих мировоззрений, то нельзя не усмотреть, что *борьба* лежит на Западе в основе всего, окрашивает и одухотворяет собой все. В области веры — борьбы авторитета и свободы. В области права — борьба индивидуума и общества. В области государства — борьба власти и автономии. Наконец, даже в области природы — борьба за существование, знаменитая struggle for life, увенчивающая и как бы оправдывающая весь цикл борьбы.

Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономии, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя, где сильный рвет у слабого что может, торжествуя и радуясь, что непосредственные, ближайшие по крайней мере, формы борьбы облечены в совершенно приличную оболочку, что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр — к вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым, по существу, образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку «правового порядка».

В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, явилась совершенно последовательно орудием борьбы. Подобно тому, как военные техники с величайшей быстротой изобретали за последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону, выковывала наиболее совершенное орудие для экономической борьбы, переводила эту борьбу с маленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда с целым человечеством, на борьбу мира англо-саксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы.

Финансовая наука Запада шла рука об руку и росла с успехами так называемой цивилизации, то есть пара и электричества. Не больше чем в какие-нибудь полвека тихое когда-то и почти невидимое в массе прочного и спокойного труда биржевое царство разрослось до необъятных размеров и совершенно подчинило себе, задавило собой общества, государства и народы. Иметь столько-то десятков миллионов золота в фонде — вопрос жизни и смерти для современных государств. Оружие так остро, борьба так быстра и удары так глубоки, что одна неудачная финансовая операция может бросить, по-видимому, хорошо вооруженного и здорового противника к ногам его врага. И чем утонченнее финансовая система, чем сложнее и огромнее финансовые обороты в стране, тем опаснее всякий кризис. Кто-то сказал совершенно справедливо, что современная морская артиллерия гораздо опаснее для стреляющих из нее, чем для ее противников. Совершенно то же и в финансовой области.

Фридрих Лист, излагавший свои замечательные воззрения на связь мануфактур с земледелием, на промышленный рост и культуру народов и столь симпатично рисовавший картину будущего братства наций, развивавших параллельно друг другу свои силы, по-видимому, и не подозревал,

до какой степени ненормальная финансовая система, основанная в конституционно-парламентарных странах на золоте и власти биржи, изуродует и перевернет это естественное движение и во что обратит так называемый «прогресс цивилизации» человечества. Живи этот замечательный писатель не в первой, а во второй половине кончающегося столетия, он, наверно, не собственно трудовое, промышленное соперничество народов выставлял бы в качестве главной подлежащей разрешению задачи, а тот печальный биржевой ритм, который в наши дни парализовал собой все не только в экономической, но и в политической, правовой и нравственной областях. Если европейское человечество без особого труда справилось с промышленной гегемонией Англии, если Германия, Австрия, Италия и даже Россия (про Францию и Соединенные Штаты нечего и говорить) освободились от мануфактурного и денежного верховенства Англии, создали свою промышленность и завоевали самостоятельные внешние рынки, то та же Европа попала в полном составе в кабалу еще горшую, допустив развиться международной биржевой спекуляции и возрастив неведомых истории ранее биржевых царей и первосвященников, изображающих в данную эпоху силу неизмеримо более грозную и могущественную, чем любое из европейских правительств, ни одно из которых, за исключением русского, не смеет и думать о какой-либо самостоятельной роли среди своего государства и народа.

Основным и наиболее характерным признаком окончания какого-либо исторического периода служит обыкновенно то обстоятельство, что главная, центральная, так сказать, историческая идея, отмечавшая собой весь период, приходит к очевидному уродству, изживает сама себя. Такой основной идеей европейской цивилизации последних столетий в области экономической является, несомненно, *золотая идея*, то есть идея, что золото — единственные и истинные деньги. Идея эта легла в основание всей банковой и финансовой сис-

темы современных государств, породила фонды, фондовую биржу и ее спекуляции, опутала государства сетью неоплатных долгов, создала капиталу политическую власть и преобладание в государствах, выдвинула к международному господству финансовых израильских царей и кончает великим политическим развратом, совершенно одинаковые симптомы коего так резко проявились в последние годы одновременно во Франции, Италии и Германии, что отдельные случаи «хищений» складываются мимовольно в великую и печальную картину политического разложения современной Европы. Продолжать жить таким образом невозможно, выхода тоже не оказывается никакого. Перепуганная биржа спешит потушить одинаково и Панаму и Панамину, зажать рот Альвардту, но она не в силах ни вдохнуть веру в себя, ни поднять дух изнемогающих под биржевой кабалой народов.

Среди этого хаоса мелкая и жалкая финансовая наука Запада едва лепечет свои старые формулы; мы вторим ей по старой привычке идти за европейской ученостью, по-видимому, и не подозревая, что наступает новый исторический период, который в противность материалистическим воззрениям, борьбе как главной движущей силе природы и человечества и философскому пессимизму как конечному выводу вознесет перед ними совсем иные знамена и идеи.

Мы не имеем в виду раздвигать настолько широко программу нашего исследования. Мы хотели указать лишь, что основной чертой этого нового периода должно явиться преобладание духовного и нравственного начала во всех областях человеческого мышления и делания, ибо только нравственное начало и способно вывести заблудившийся цивилизованный мир из дебрей материализма и бессмысленной животной борьбы. И кто знает, в этом новом движении не очутится ли наша тихая и наименее «цивилизованная» по-западному Русь впереди других племен и народов как сохранившая в своей непосредственности чистые нравствен-

ные начала и донесшая их до момента оказавшегося в них всеобщего оскудения?

В области финансов, по крайней мере, нам это кажется несомненным, ибо только одна Россия не допустила биржу создать своих Ротшильдов и Блейхредов, ибо только у нас биржа начинает отцветать, не успев как следует зацвесть, и ярко определяется некоторое новое течение.

II

Мы уже говорили, что в западной умственной атмосфере чувствовался особый специфический недостаток, словно не позволявший умам мыслителей ориентироваться и найти верный путь для построения истинной финансовой науки. Этот своеобразный дальтонизм сбивал с дороги даже таких выдающихся мыслителей, как Прудон и Фулье. Про умы меньшего полета ничего и говорить.

Сделав десять шагов в области чистой науки, ученый на одиннадцатом шаге спотыкался и уходил в условности, не будучи в состоянии, именно вследствие этого дальтонизма, ярко, последовательно поднимать финансовые вопросы в их истинно научном виде: он уклонялся в мелкие практические рассуждения, разрабатывал такие частности, как моно- и биметаллизм, а общую теорию усиливался окургузить и обосновать не на бесспорных логических выводах, а на золотом предрассудке да на *существующем* запасе фактов, освященном данным экономическим строем эпохи. Получалось нечто поистине жалкое.

Чтобы уяснить эту мысль, возьмем частный случай с бумажными деньгами. У некоторых западных финансистов, пока они рассуждали отвлеченно, логика оказалась достаточно сильной, чтоб охарактеризовать эти деньги как идеальные по своему совершенству (не в смысле суррогата золота,

не в смысле кредитных денег, а именно в смысле денег абсолютных). Но их умы не справились и не могли справиться с первым же поставленным экономической практикой вопросом: ну а что, если государственная власть напечатает этих денег излишнее количество? С точки зрения западного человека даже нельзя себе представить государственной власти, которая *не могла бы* напечатать лишних бумажек. Всякая напечатает, одна по нужде, другая по легкомыслию; гарантий никаких быть *не может*, а потому — прочь самая идея об абсолютных знаках! Все рассуждения о них праздны. Будем держаться за золото и допустим бумажки только в качестве его заместителей. Тут будто бы еще возможны некоторые гарантии и контроль.

Читатель чувствует полную ненаучность подобного приема, чувствует, что здесь, с этого именно шага, наука кончилась и пошли совсем произвольные построения. Вот почему и финансовой науки, годной для всех времен и народов, устанавливающей точные законы *денежного обращения* (ибо это и есть в строгом смысле предмет финансовой науки как части политической экономии), нет и не было.

Вот, по нашему мнению, каков должен бы быть истинно научный прием и как могла идти дальше финансовая наука.

Идеальная, наилучшая форма денег — абсолютный знак, единица меры отвлеченная, как метр, аршин, ведро. Это уже высказано, теоретически обосновано и можно считать бесспорным.

Но мы не знаем (на Западе) такой формы государственной власти, которая могла бы оперировать с такими деньгами, или по Родбертусу, не имеем соответственных политических и общественных учреждений. *Предположим*, однако же, что такая форма возможна. Предположим, что государство будет выпускать и снимать с рынка как раз необходимое для жизни количество знаков. Рассмотрим и изучим функции этого абсолютного знака.

В математике не остановились перед такой логической бессмыслицей, как мнимая величина. Ввели ее, *предположили*, *допустили* и построили великую науку. В финансах того не сделали, и потому никакой финансовой науки не получилось.

Создание финансовой науки на Западе было затруднено, между прочим, и известной историей Джона Ло с грандиозным государственным банком и не менее грандиозными государственными спекуляциями. Это была очень грустная история, оставившая неизгладимое впечатление, во вред истинной науке. Джон Ло был бесспорно гениальный человек, и за два с половиной века до нашей поры создал и осуществил такую денежную систему, которая для нас сейчас еще является почти недосягаемым идеалом. Не формулируя научно законов денежного обращения, он угадал их вдохновением гения и безошибочно понял их основание в *нравственном начале*[1]. Но, во-первых, тогдашняя французская абсолютная государственная власть уже находилась на пути полного разложения; она растеряла все свои идеалы и притом была настолько безнравственна, что пустилась на открытый грабеж, а, во-вторых, и сам Ло вместо того, чтобы удержаться на чистой идее абсолютных знаков, впутал свой банк в неистовую биржевую игру акциями своей злосчастной компании и, перейдя все границы благоразумия, чуть не разорил окончательно Францию. Нравственное начало и государственное творчество в финансовых вопросах были скомпрометированы больше чем на двести лет, а похоронившая французскую легитимную монархию революция положила поистине надгробный камень над нравственным началом. Даже серьезные и глубокие умы не могли отделаться от силы нового потока, увлекшего Запад в рационализм, давшего торжество грубому материализму, извратившего и задержавшего и истинную культуру, и развитие финансовой науки.

---

[1] Знаменитое его изречение: «Государь не нуждается в кредите, он его создает…» — *Авт.*

Когда возникнет, да и возникнет ли на Западе настоящая финансовая наука, неизвестно; наше горе в том, что нам приходится или изучать совершенно неподходящие для нас системы, чувствуя, как их положения не сходятся с русской жизнью, или самим создавать настоящую финансовую науку, или, наконец, вести государственное хозяйство без всякой науки, на основании простого здравого смысла, цифр и опыта.

Попробуем рассмотреть все три случая.

Финансовые теории Запада (мы говорим о господствующей школе финансистов) пора, наконец, бросить; это-то уже, по крайней мере, бесспорно. Если мы бедны, если русский народ осужден полгода сидеть без дела, если мы по уши в долгах, если наше земледелие гибнет, а мануфактурная и иная промышленность развивается безобразно, то винить за это надо исключительно нашу финансовую учительницу — Европу, благодаря которой наша финансовая политика второй половины XIX века представляла то чистые западные образцы, то робкие компромиссы между указаниями западных финансистов и требованиями русской жизни. Об этих теориях теперь и говорить уже как-то стыдно.

Хозяйничать без всякой теории, как хозяйничали Кольбер, Канкрин, бесспорно лучше. Если мы представим себе очень крупное имение с огромным и разветвленным земледельческим и фабричным производством, с многочисленным персоналом служащих, с широко развитым кредитом, то это будет государство в миниатюре. Хозяйничать следует так, чтобы дела шли прочно, хорошо, чтобы все отрасли преуспевали, чтобы имение развивало свои силы. Нужен заем, делать заем. Можно платить проценты меньше, делать конверсию долга. Постройка затеяна — производить ее подрядным или хозяйственным способом, что окажется выгоднее…

Да, но так может хозяйничать частное имение, крупный завод или, наконец, маленькое, несамостоятельное экономически государство, как Сербия. У всех трех меновое средс-

тво, деньги, не свое, а чужое. Все в тесной зависимости от соседей, а частное предприятие, кроме того, от государства. Разумеется, хороший хозяин, здравомыслящий министр финансов, поведет этим путем русское хозяйство недурно, исполнив высказанное противниками финансовых теорий желание «знать свою страну и уметь вовремя проявлять смелость и толковость этого знания».

Но этого все же будет недостаточно. Помещик может быть великолепным хозяином, но без земледельческой химии ему никак не обойтись. Смелый здесь наделает огромных ошибок, робкий будет вечно сомневаться. А со знанием земледельческой химии и смелый, и робкий в смысле результатов до известной степени сравняются. Как ни будь я смел, но если я знаю, что на этом участке не хватает фосфорной кислоты, я пшеницы сеять не буду. Как ни будь я робок, но если я знаю, что урожай клевера утраивается каинитом, я не побоюсь затратить деньги на его покупку, если это обещает выгоду.

Следует ли говорить, что в области финансовых мероприятий мало смелости, мало также и знания народной жизни, а прежде и важнее всего ясное *предвидение результатов* данной комбинации? Нам приходится строить железную дорогу. Средства для ее постройки могут быть добыты: новым налогом, внутренним займом или выпуском бумажек. Чтобы выбрать тот или другой способ, мало знания народной жизни и смелости. Рассуждение министра финансов будет примерно таково: «Налогов новых вводить нельзя, бумажек, *кажется*, довольно: капиталы на рынке, *кажется*, есть свободные. Сделаем заем».

Шаткость этого рассуждения бросается в глаза. Западная доктрина здесь только запутывает человека. Но и без здоровой, ясной теории дело плохо. «Кажется» — критериум весьма плохой, а при смелости и совсем нехороший. Но что же тогда делать?

Теория, безусловно, нужна. Нужна истинная финансовая наука, широкая, верная, позволяющая *точно* определить, заем ли делать или бумажки печатать и *почему именно*?

Но этой теории нет. Финансовая наука еще не родилась, если не считать робких намеков, да таких теорий, *не дошедших* до выяснения истины, как рентовые билеты Цешковского или долговая теория Маклеода. На Западе, повторяем, финансовой науки нет, есть местные правила, есть финансовые системы для Франции, Англии, Германии до известной степени пригодные. У нас тоже финансовой науки не создали наши экономисты, ибо до сих пор шли в хвосте западной мысли. Но в русской экономической литературе были, по крайней мере, ясные попытки осветить если не научные законы, то практику совершенно иного денежного обращения, чем на Западе.

III

Если бы кто-нибудь вздумал попробовать действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого шага, что на Западе денежной теории *вовсе нет*, а есть теоретические рассуждения *о золоте как деньгах и о заменяющих его суррогатах*.

В самом деле, любопытно посмотреть, как золото стало деньгами и как воздействовало на построение этих своеобразных теорий.

Как определяет понятие «деньги» финансовая наука? Она говорит: деньги — единица измерения ценностей, как метр измеритель длины, грамм — веса, литр — объема. Определение очень точное и научное.

Между парой сапог и четвертью ржи для определения их взаимной ценности необходимо вставить некоторую *условную* и непременно *постоянную* единицу. Мы говорим:

пара сапог стоит десять рублей, четверть ржи — восемь. Единица для сравнения — рубль. Совершенно так же говорим мы: от Москвы до Петербурга шестьсот верст, от Петербурга до Колпина восемнадцать. Единица сравнения — верста.

Казалось бы, роль и значение этих единиц приблизительно одинаковы. Единица меры ценностей должна бы, научно говоря, иметь столь же отвлеченный характер, как и всякая другая единица меры. Если угодно придать этим единицам взаимную связь и постоянный характер, достаточно приурочить одну из них к какой-нибудь неизменной величине, а остальные приурочить к первой.

Метрическая система так и сделала. За основание взяла земной меридиан и одну сорокамиллионную часть его назвала метром. Объем кубического дециметра назвала литром и получила точную объемную единицу; вес кубического сантиметра чистой воды при известной температуре назвала граммом и получила точную весовую единицу.

А вот на единице ценностей наука споткнулась. Отвлеченную единицу ценностей установить оказалось невозможным по тем психическим элементам, о которых мы говорили выше. Потребовались гарантии против злоупотреблений; нормальный метр можно всегда проверить. Но удостоверению правительства в том, что все метры, выпускаемые с казенным клеймом, точны и сверены с нормальным, проверить было можно, какой-нибудь нормальный франк или рубль, если это кусочки металла, — тоже, но самое измерительное их качество, *идею ценности*, в них заключающуюся, проверять оказалось невозможным, и наука так на этом и остановилась.

С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но в сущности это были не деньги, а был «всем нуж-

ный товар», разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука.

При всех неудобствах золота, при явной кабале, в которую *только ради золота* впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по произволу золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность, следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший золото всегда богач, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота, и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие.

Когда наступили новые века, жизнь и промышленность на Западе усложнились и золота как менового средства оказалось слишком мало, чтоб удовлетворить всем потребностям; и вот появилась финансовая наука, точнее говоря, были изобретены приемы, посредством коих из частного кредита, известного еще в древности, выросли последовательно кредит банковый и государственный.

Писать историю финансов не наша задача, а потому, опуская все длинные рассуждения о том, как все это постепенно складывалось, довольно сказать, что для замещения крайне недостаточного золота были изобретены его суррогаты в виде банковых билетов, которые — указывалось на это с особым ударением — *с бумажными деньгами*, *с деньгами абсолютными*, ни к какому металлу, ни к какой реальной стоимости не прикрепленными, *ничего общего не имеют*.

Получилась следующая общепринятая в Европе комбинация: счет ведется по-прежнему на золото (не упоминаем о се-

ребряной валюте в некоторых государствах и вовсе не касаемся моно- и биметаллизма, ибо это только бы усложнило и затемнило вопрос), у правительств по-прежнему связаны руки, но в большинстве государств, рядом с правительством, под его контролем, хотя в полной от него независимости, учрежден национальный банк, ведающий денежным обращением. Этому банку предоставлено *в помощь и в замену курсирующего золота* выпускать под его обеспечение *в строго определенном количестве* банковые билеты, разменные на золото во всякую минуту.

Эту комбинацию придумала западная практика и вполне одобряет западная наука. Но как ни старается она связать руки государству и оградить карманы публики от финансовых колебаний, в жизни получается следующее явление: для государственного хозяйства или войны нужны деньги; правительство решается сделать внутренний заем и, стягивая в свои кассы известное количество золота, выпускает беспроцентные обязательства, свои или банковые, а чтобы не выпустить из своей казны золота, объявляет их неразменными и устанавливает принудительный курс. Получается как бы долг государства народу; в неблагоприятных случаях курс этих бумажек на золото падает, устанавливается лаж, и финансовая публика начинает кричать, что она обкрадена, что у нее взяли франк, а дают лишь 60 сантимов и т.д.

Основной характерной чертой этого строя является неизбежное экономическое господство одного народа или государства над другим во внешних сношениях и неизбежное господство денежной биржи внутри государства.

Взглянем на отношения Турции, Египта, какой-нибудь Аргентины или Сербии с их европейскими кредиторами. Разве это не формальная кабала?

А если заглянуть в царство биржи, то достаточно припомнить историю различных крупных спекуляций и крахов. Деятельность господ Ротшильдов, Блейхредов и всего евро-

пейского еврейства выясняется во всем ее величии. Царство золота последовательно и логически убило истинную финансовую науку, связало все народы и государства мира одной огромной цепью и, словно рабов, повергло их к стопам всемогущего Израиля.

Достаточно развернуть и прочесть в русской книге Кауфмана о банках удивительный, невероятный, хотя по-своему и поэтичный, гимн золоту. С первых же строк станет ясно, что никто, кроме еврея, ничего подобного написать не мог. Гимн этот настолько характерен и откровенен, что мы решаемся сделать небольшую выписку. Вот как определяет господин Кауфман драгоценные металлы:

«Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров. Они как бы представляют цель, которая может сокращаться и расширяться, *смотря по силам тех, кто к ней стремится*. И большая, и малая сила одинаково могут ее достигнуть. Вследствие того, что драгоценные металлы в малом объеме могут содержать большую ценность сравнительно с другими ценностями, они преимущественно перед другими годятся, когда имущество должно принять такую форму, в которой его удобнее *скрывать от чужих взоров, от чужого нападения и похищения*. Золотое и серебряное тело представляет таким образом наилучшую крепость, *за стенами которой имущество чувствует себя всего безопаснее*. Но золото и серебро не только лучше всего оберегают имущество в данном месте. С ним легче всего совершенно *избавить имущест-*

во от опасностей, которыми ему угрожает данное место. Переодеваясь в золото и серебро, имуществу всего легче *убежать из опасной страны*: драгоценные металлы служат как бы шапкой-невидимкой имуществу. И куда бы с ними ни явился их обладатель, повсюду он встречает спрос на них, повсюду он их может обменять на необходимое. Драгоценные металлы *освобождают его от прикрепленности к данному месту и повсюду ему дают свободу, пропорциональную их собственному количеству.*

Какой бы мы ни взяли вид капитала, кроме драгоценно-металлического, всякий представляется нам с совокупностью особенностей, свойств и качеств, отличающих его от других видов капитала, делающих его годным на удовлетворение известной, определенной потребности, приноровляющих его к достижению одной какой-либо частной цели. Он представляет собой материал или орудие, нужные для заготовления того или иного вида вещи, простой ли необходимости или характеризующей роскошь; он представляет собой материал или орудие, нужные при заготовлении платья, жилища и т.д. Вообще всякий другой вид капитала, кроме драгоценно-металлического, представляет всегда какую-либо специальную и специфическую полезность. Золото и серебро вследствие универсальной общепризнанности их полезности составляют исключение. И они только одни составляют это исключение. Сами по себе взятые, они непосредственно весьма на многое годятся, но их можно обменять *на что угодно, где угодно и когда угодно.* Кто ими обладает, обладает поэтому *каким ему угодно капиталом, в какое ему угодно время и в каком ему угодно месте.* То есть когда капитал принимает форму золота и серебра, он освобождается от всех тех ограничений, которыми его полезность стесняют качество, пространство и время. От всего, что стесняет имущество, что *суживает силу богатства*, что прикрепляет его к определенному назначению, времени или месту, от все-

го этого драгоценно-металлическое тело его освобождает. *В драгоценно-металлическом теле капитал получает полную и безграничную свободу.* Неудивительно, что многие утверждали, что *в этом теле капитал получает душу*: он ведь свободно может подвигаться куда ему угодно, а *прочность золота и серебра дает ему бессмертие*, каким не может похвалиться человеческое тело. Англичане это выражают иначе. Они говорят, что всякий другой вид капитала представляет только один вид богатства; золото и серебро, напротив, представляют отвлеченное богатство (abstract wealth). Драгоценные металлы представляют собой то, что сосредоточивает на себе весь экономический мир, но не в бестелесной, а в осязательной форме. Это — *оживленная отвлеченность*. Несомненно, что самая высокая (во всяком смысле) абстракция, какую знает история прогресса человечества, представляется той, которая обобщает все проявления полезной (культурной) человеческой деятельности, что она ни создавала бы — хлеб, платье, обувь, жилище, *песню, военную победу, политический порядок* и т.д., какому бы времени, какой бы национальности она ни принадлежала, все, словом, проявления деятельности обобщает, как проявление общечеловеческого единства. Эта-то наивысшая абстракция имеет практическое реальное значение в той мере, в какой она воплощается в золоте и серебре, представляющих *все ценности, выработанные культурой. За золото и серебро отдаются все эти ценности.*

«Абстрактное богатство» обладает покупательной силой, подобно всякому другому богатству. Но его покупательная сила отличается своей *чистотой* или, вернее, своей очищенностью от всяких иных примесей (например, от нравственного закона. — *Авт.*). Это значит, что насколько драгоценные металлы служат не для удовлетворения одной какой-либо надобности из той совокупности их, которая входит в круг экономической жизни и в ней обособляется в особую группу, насколько, напротив, драгоценные металлы представляют

общую возможность добывать какую угодно из отдельных вещей и услуг, нужных для удовлетворения вообще означенных надобностей, — настолько они выделяются из общей массы имуществ и всей массе *противопоставляются*, как сила противопоставляется разнообразным результатам, которые она в состоянии произвести, как центр противопоставляется периферическим пунктам окружности, к которым ведут радиусы от него. Пока кто-либо имеет драгоценные металлы, он обладает *силой, которая его может повести к какому угодно из этих пунктов и по самому кратчайшему направлению.* Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех тех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью. Вот почему покупательная сила драгоценных металлов дает возможность производить обмены с наибольшей скоростью. Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он всего скорее может достигнуть каждого из его периферических пунктов».

Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой *утилитарности* и стремления к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных строк.

Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота. Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала — капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, — таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром.

Какие усилия были употреблены, чтоб и Россию захлестнуть той же цепью! Но Бог, видимо, хранит нас. Мы только

ослаблены и разорены, но не закабалены никому, да и не случится этого никогда. Нас спасет то, во-первых, что Россия не государство только, а мир, вполне самодовлеющий и экономически независимый, во-вторых, спасет сохранившееся именно в русском племени отвращение к грубой материальной силе в качестве идеала, спасет, наконец, истинная финансовая наука, которая должна же когда-нибудь явиться.

IV

Первым шагом на пути создания истинной финансовой науки должна быть победа именно над этим золотым предрассудком, полное отрешение от того взгляда, по которому драгоценные металлы отождествляются с деньгами.

Как только этот шаг сделан, и хотя бы только в нашем представлении, явились деньги, лишенные всякого вещного, товарного значения, деньги — знаки, деньги — измеритель и орудие расчета и учета, деньги, наконец, — представитель не реальной ценности, а некоторой идеи; уже мы будем в состоянии тотчас же приступить к изучению работы этих знаков и их роли в народной и государственной экономии.

Это, повторяем, единственно научный путь, и для его освещения у нас есть наша собственная долголетняя финансовая практика. Многие и не подозревают у нас, что в действительности Россия с перерывами, но уже второе столетие живет на совершенно абсолютных деньгах, что золото и серебро давно перестали быть русскими деньгами и то, что считается какой-то экономической болезнью, каким-то несчастьем, есть, в сущности, исторический хозяйственный процесс, далеко выдвигающий нашу Родину впереди других цивилизованных народов.

Став на эту точку зрения, мы попытаемся уяснить законы денежного обращения, пока только по русским данным

и применительно к России, обладающей, если не вполне реально, то, несомненно, потенциально, теми государственными и общественными условиями, необходимость коих чувствовал Родбертус. Расширить рамки нашего исследования и применить к этим законам данные и явления чужой жизни будет всегда возможно.

В наших предыдущих сочинениях мы уже обрисовали приблизительно эти законы, вытекающие из данных русской практики. Поэтому теперь мы выставим их в качестве ряда положений, которые и попытаемся посильно выяснить и доказать.

Положения эти следующие.

1) Меновой, денежной единицей в России есть и должен быть рубль, представляющий собой постоянную, совершенно отвлеченную ценность.
2) Эта единица на практике изображается бумажным знаком, выпуск и истребление коего принадлежат государственной власти.
3) Золото есть товар такой же, как и все остальные металлы, но ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную, денежную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счеты приходится вести на него.
4) Бумажный рубль, не зависящий от золота и выпускаемый по мере необходимости, позволяет при правильной организации кредитных учреждений оживлять и оплодотворять народный труд и его производительность как раз до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания. Он является *мнимым капиталом* и действует совершенно так же, как и капитал реальный.
5) Существует весьма простой регулятор, указывающий во всякую минуту центральному кредитному учреждению, много или мало денег в стране, и позволяющий

с величайшей точностью сжимать и расширять наличное количество знаков.

6) При системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального *государственного* учреждения, господство биржи в стране становится совершенно невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.

7) Место хищных биржевых инстинктов занимает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.

8) При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных, мирских или государственных запасных капиталов.

9) При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в биржево-золотых государствах власти.

10) При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Наконец.

11) Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных знаках, изменить самый характер современного русского государственного строя, совершенно освободив от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

Если бы нам удалось доказать эти положения и обратить их в законы, их, надеемся, было бы достаточно, чтобы предлагаемой теории придать истинно научный характер.

Думаем, что это совершенно возможно. Доказательства наши могут быть, конечно, только исторические и логические, и они облегчаются тем, что в зародыше все это у нас уже есть или было и что все наши экономические и финансовые

затруднения только тем и обусловливаются, что мы даже практически *уже почти придя к прекрасной денежной системе*, все еще не решаемся открыто ее признать, все еще оглядываемся на старые учебники.

История наших финансов, начиная с графа Канкрина, полна оправдания самого ясного всему изложенному выше. К ней мы обратимся позднее, а пока рассмотрим выставленные тезисы.

V

Наше первое положение, то есть, что *денежная единица* должна представлять некоторую *постоянную, совершенно отвлеченную меру ценностей* (у нас в России бумажный рубль), доказывать теоретически едва ли нужно. Западная наука и некоторые из выдающихся ее представителей у нас, как, например, Н. Х. Бунге, не отвергают, что эта форма денег теоретически наилучшая, но она, по мнению правоверных финансистов, неосуществима.

А между тем, наша русская практика показывает, что она не только осуществима, но и практически существует. Неужели же серьезно можно сказать, что наш бумажный рубль соответствует такому-то количеству золота и серебра, если тридцать или сорок лет подряд за этот рубль дают не то количество металла, которое на нем прописано, а то, которое устанавливает на каждый курсовой день биржа? Мало того, за эти сорок лет два раза правительство пыталось восстановить размен, то есть привести бумажки в точное соответствие с металлом, и что же? Дело кончалось каждый раз огромными убытками, рубль шел своей дорогой, а золото своей.

Нам говорят: рубль бумажный есть долг казны предъявителю. Казна *взяла в долг* золото и дала бумажку — вексель, по которому в любую минуту можно получить золото

обратно. Рубль ходит как деньги *только потому* будто бы, что на осуществление рано или поздно этого обещания все надеются. Но как же надеяться на это обещание, если тридцать или сорок лет подряд казна совсем не платит по этим мнимым своим векселям и, уверены, никогда платить не будет? Если бы бумажные рубли ходили только в силу подобных надежд и простого торгового доверия, ясное дело, что после первой же приостановки размена доверие к ним совершенно исчезло бы и за них никто не дал бы ни копейки. Не правильнее ли заключение, вытекающее отсюда, что рубли внутри страны ходят только потому, что это настоящие абсолютные деньги, а не гарантии их каким-то золотом, которого никому не выдают? Не ясно ли также, что и для иностранцев, торгующих с нами, это обеспечение не имеет никакого значения, а важна покупная ценность рубля внутри России?

Иностранцу нужен, положим, лен. В России пуд его стоит пять рублей, заплатить за него иностранец может на золото, допустим, десять марок. Ясно, что эти десять марок обмениваются на пять рублей. Это наиболее простой случай, который мы приводим, собственно, затем, чтобы показать, что золотое обеспечение, или эта магическая надпись на рубле, никакого практического значения ни для нас, ни для иностранцев не имеет. Чтобы совершенно уяснить абсолютный характер русских бумажек, достаточно себе представить, что завтра, например, правительство выпустит нового образца билеты, на которых вместо обычной надписи будет стоять: «Государственный денежный знак. Разменивается по предъявлению в каждом казначействе на знаки меньшего достоинства или на мелкую монету». Полагают ли господа финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придут в ужас и перестанут брать новые бумажки? Не думаем! Иностранцу это будет решительно все равно, лишь бы рубль сохранил в России свою покупательную силу, а русская публика, наверно, будет довольна, ибо

не может русский человек мириться даже с таким наивным самообманом, жутко, неловко ему…

Когда граф Каркрин выпустил вместо прежних ассигнаций новые «кредитные билеты», он, в сущности, совершенно произвольно приурочил наш рубль к французским четырем франкам. Тогда Россия обменивалась с иностранцами правильно, в долги не залезала, путешественники не везли русского достояния проматывать за границу, тогда в заключение международного обмена почти каждый год приходилось не нам добавлять золота в пользу иностранцев, а обратно: золото это накоплялось в России и ходило в публике не только рядом с бумажками, но было часто даже несколько дешевле их, курс внешний был очень устойчив и благоприятен. После Крымской войны наш международный расчет совершенно изменился. Золото из России ушло, приплачивать иностранцам стали мы, а потому залезли в долги и обесценили на внешних рынках наши бумажки; но внутри России рубль остался все теми же царскими деньгами, хотя за него иностранные купцы и перестали выдавать четыре золотых франка.

Не ясно ли, что как ни хлопотать, а рубль стремится в России занять положение, независимое от золота? Не ясно ли, что к золоту его не привяжешь? Да и незачем привязывать. Это деньги совершенно абсолютные, ставшие таковыми уже в силу простой давности, и сокрушаться об этом нет никаких резонов.

Некоторый, небольшой правда, лаж на бумажки — лучшее доказательство того, что бумажный и металлический рубль величины всегда несоизмеримые. Когда у нас скоплялось иностранное золото и серебро и выпускалось правительством в публику, как русская монета она не дешевела значительно только потому, что имела. в сущности, такой же принудительный курс, как и бумажки, то есть служила законным платежным средством. Небольшой лаж выражал лишь сравнительное удобство бумажных денег. Но если бы

правительство раз навсегда признало единственным законным платежным средством внутри страны бумажки и отказалось бы от чеканки монеты, цена на золото и при большом его изобилии в стране установилась бы только как на товар. Право чеканки монеты потому и есть правительственная регалия, что дает казне всю разницу от удешевления металла. Наглядное тому доказательство — медь, из пуда коей, стоящего 14 — 17 рублей, бьются монеты на 50 рублей. Как только товарная стоимость меди превысит эту цифру, обязательный курс падет сам собой, медь переплавят в изделия, и медная монета исчезнет из обращения.

Сокрушаясь о низком курсе, упрекая правительство в том, что за наш рубль дают всего 65 копеек золотом, мы высказываем положительную неблагодарность нашим прекрасным абсолютным деньгам. В книге «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» мы старались доказать, что этот низкий курс был для России поистине благодетелен, отстояв в самую критическую минуту ее экономическую независимость, а теперь позволяем себе думать, что первое положение совершенно доказано: *мы уже имеем в бумажном рубле ценовую единицу, совершенно отделившуюся от металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы сжились с ними, и нам остается лишь их открыто признать и провозгласить.*

Второй закон сам собой заключается в первом и доказательств не требует, а потому переходим к третьему, который был нами сформулирован так:

«Золото есть товар, такой же, как и все остальные металлы, но, ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счеты приходится вести на него».

И это положение требует для своего доказательства только справки с текущей действительностью, так как прямо

вытекает из принятого определения бумажного рубля. Если этот рубль — деньги абсолютные, то золото ничем иным, кроме товара, быть не может.

Справка в области нашей финансовой практики укажет с полной очевидностью, что золото у нас именно есть товар.

Мы выпускаем монету, на которой написано «пять рублей», но эта монета вовсе не обращается внутри страны. $^{99}/_{100}$ русского населения ни разу в жизни не произвели на нее ни одной сделки, а $^{9}/_{10}$, наверно, ни разу в жизни и не видали. Видят ее только заграничные путешественники, да и то редко, а главным образом, столичные жители на выставках меняльных лавок. И вот до какой степени это не деньги для России, что правительство особую русскую золотую монету даже *вовсе уничтожило.* Наш прежний полуимпериал был несколько больше 20 франков. Недавно введен новый, совершенно равноценный 20-единичной монете, принятой латинским монетным союзом, равный 20 франкам, левам, динарам, драхмам и пр. Это настоящая латинская монета, снабженная лишь профилем Русского Государя и надписью «пять рублей».

Впрочем, эта надпись так же мало соответствует пяти рублям, как и надпись на кредитных билетах: «предъявитель сего…» и т.д. И вот наши новые полуимпериалы прекрасно обращаются как монета, как деньги, за границей, а у нас в России, если б у кого и оказались, то прежде чем их употреблять, было бы необходимо *продать* их, разменять их *по курсу* на русские деньги совершенно так же, как золото в слитке или любую иностранную монету.

И здесь факт налицо, и его требуется лишь узаконить, провозгласить. Для этого достаточно было бы не писать на полуимпериале «5 рублей», а поставить вразумительно: «Российская для внешних платежей монета. Двадцать…» существительное подберите, какое угодно, ни никак не «рублей», чтобы не было путаницы.

Но какая же надобность выпускать эту особую монету? Не гораздо ли проще расплачиваться готовой монетой латинского союза?

Ответ на это самый простой: добываемое у нас золото при обращении в монету дает казне известный доход. Доход этот небольшой, но зачем же им пренебрегать?

Нам могут возразить, что по закону у нас валюта не золотая, а серебряная и что наша монетная единица не золотой, а серебряный рубль. Да, мы пытались это сделать, и одно время серебряные рубли у нас ходили. Но когда последовало перемещение относительных ценностей золота и серебра, последнее вовсе вышло из употребления и осталось лишь в качестве мелкой разменной монеты, да и то низкопробной, чтобы не было выгодно переплавлять. Рубли бьются на нашем монетном дворе и сейчас, но идут, как кажется, исключительно на Восток, в Турцию, Персию и проч. В России они совсем не ходят, и сделки на серебряную валюту вовсе не совершаются ни во внутренних, ни в международных сношениях.

А если мы пишем «сто рублей серебром», то пишем это по старой памяти, подразумевая в действительности «сто рублей бумажных». Никому в голову не придет требовать уплаты серебряными рублями, ибо и на них есть особый курс, и «сто рублей серебром» вовсе не равноценны ста серебряным рублям.

Наша низкопробная разменная монета — лучшее доказательство. Раньше была у нас монета полноценная, строго соответствовавшая принятой единице — серебряному рублю. Когда бумажный рубль отделился от металлического и золото потекло за границу, потекло за ним и серебро. Мы рисковали совсем остаться без билонного (разменного) средства, и волей-неволей пришлось выпустить серебряные деньги с большим количеством лигатуры, переплавлять которые на серебро не было бы выгодно.

Полагаем, что после всего сказанного не может быть сомнений в том, что золото и серебро в нашем внутреннем хозяйстве *не деньги, а товар*, в торговле же нашей с иностранцами — *чужие деньги*, хотя частью и заготовленные на нашем монетном дворе, но *приравненные не к русским, а к латинским деньгам*.

Переходим к четвертому и пятому положениям. Здесь приходится ради их научного обоснования предпослать несколько слов о внутренней ценности или, точнее, покупной силе бумажного рубля сравнительно с таковой же силой золота.

Чем обусловливается покупная сила золота, мы уже видели. Золото никогда заметно не подешевеет, ибо его не может появиться вдруг слишком много. Покупная сила золота, его внутренняя ценность пропадает лишь при совершенно исключительных условиях, например на корабле, на котором среди открытого океана кончилась провизия, или в осажденном городе, отрезанном от сообщения со страной. В остальных случаях в зависимости от внешних обстоятельств могут быть колебания в ту или другую сторону. Но большого обесценивания золота при сколько-нибудь нормальном порядке быть не может.

Суррогат золота — банковые билеты гарантируются от обесценивания положительными установками банков, обусловливающими постоянную их разменность и невозможность их выпуска в количествах произвольных. Злоупотребления здесь крайне опасны и приводят прямо к государственному банкротству; страны же, правительства коих не в силах восстановить правильных международных расчетов, запутываются в долгах и фактически теряют свою самостоятельность (Египет, Турция).

Чем же обусловливается внутренняя ценность, или покупная сила, абсолютных денег, не имеющих никакого отношения ни к какому металлу и выпускаемых государственной властью в России вполне свободно?

VI

Мы видим в жизни явление с точки зрения западных финансистов почти необъяснимое: русский рубль, величина совершенно отвлеченная, на деле изображаемая бумажкой, не имеющей сама по себе никакой ценности, ибо потребовать законной валюты за прекращением размена нельзя и не у кого, отлично ходит и обладает замечательной внутренней устойчивостью. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг тут же в распоряжении министра финансов. Печь — клетка во дворе Государственного Банка. Никаких точных приемов для исчисления количества потребных в каждую минуту для страны кредитных билетов действующая система не знает, а потому выпуск и уничтожение знаков вполне произвольны. Завтра может быть подписан указ министру финансов о выпуске хотя бы двух или трех миллиардов знаков. Послезавтра может быть подписан противоположный указ, по которому Верховная Власть, согласившись на представление следующего министра финансов, что знаков слишком много, прикажет консолидировать их в процентные бумаги, то есть выпустить государственные облигации, а «лишние» бумажки снимет с рынка и истребит. Никаких формальных гарантий нет и быть не может. Между тем даже незначительные колебания менового средства производят огромные перемещения в экономической области, отражаются на всех ценах, на всякой работе, на всех предприятиях. Выпуск или уничтожение бумажек, производимые искусственно, а не по законам денежного обращения, могут совершенно изменить расположение производительных сил страны. По западному взгляду, в такой стране жить нельзя, как нельзя жить в стране, где не обеспечены жизнь, честь, собственность.

А мы живем, и если нам приходится иногда плохо, то по причинам совершенно противоположным, чем на Западе. Запад все ищет гарантий против возможных злоупот-

реблений верховной власти, находит эти гарантии в золоте и акционерных национальных банках и попадает в безысходную кабалу к бирже и ее царям. Россия добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо веруя, что эта власть абсолютно нравственна и доброжелательна и что все экономические бедствия и неурядицы проистекают от недоразумений или злоупотреблений исполнителей царской воли, умевших так или иначе уйти от контроля и вызвать верховную власть на несвободное решение.

Поясним это на примере выпуска денежных знаков.

Огромность и разносторонность государственной работы в такой колоссальной стране, как Россия, таковы, что Русскому Государю нет ни малейшей возможности быть специалистом ни в какой области государственного управления. Его специальность — видеть перед собой беспрерывно общую картину России в самых магистральных ее линиях, смотреть на русскую жизнь с самой возвышенной точки зрения. Детали если ему и доступны, то не иначе, как в виде частных примеров, объясняющих направление магистралей.

От самодержавного Государя поэтому мы можем ожидать личной инициативы лишь постольку, поскольку это касается образа целой России, например в делах политических. Во всех же остальных случаях ему достаточно дать свое свободное и окончательное решение по выслушивании по меньшей мере двух противоположных мнений, подготовляющих и освещающих для него тот или другой вопрос.

Министр финансов находит, что для потребностей промышленности и торговли наличного количества денежных знаков мало и необходим их новый выпуск. На Западе ничего не стоит подготовить в желательном смысле парламентское голосование, а потому там спешат оградить страну от самой возможности выпуска, вырывая у правительства Национальный банк — экономическое сердце страны, создавая послед-

нему независимое положение и обусловливая золотое обеспечение для банковых билетов.

В России, наоборот, все убеждены, что Государь никогда не подпишет указа о новом выпуске денег, пока не будет совершенно убежден в целесообразности этой меры, и все жаждут только того, чтобы Государю была полная возможность не *довериться* лишь той или другой личности, но действительно *убедиться*, сверив доводы за и против мероприятия.

Таков русский народный идеал, столь глубоко укоренившийся в русских умах и сердцах, что Россия безропотно переживает тяжелую и долгую полосу финансовой политики, явно нарушающей этот идеал в надежде, что рано или поздно установится у нас настоящая, ясная и всем понятная финансовая система, при которой Государь, подписывая тот или иной указ, не будет болеть сердцем от неуверенности и сомнений, прав или не прав его министр, автор данного мероприятия.

И вот пока в области денежного обращения господствуют западные воззрения, пока искусство министра финансов является чем-то таинственным, наподобие колдовства или чернокнижия, мы видели пока одно явление: целый ряд русских Самодержцев, считая выпуски денежных знаков вообще делом весьма рискованным, прибегал к ним лишь в самых крайних случаях, охотно конвертируя, или уничтожая, денежные знаки и с крайней осторожностью разрешая выпускать новые.

Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы государям, начиная с Александра II, не приходилось доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно бы смело быть уверенным, что такая же мудрая осторожность была бы проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было бы произведено ни бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские же-

лезные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость. Верховная власть волей-неволей санкционировала *на веру* ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходившие со сцены, натворя бед России.

Вот почему здоровая и ясная финансовая теория, не чужая, не заимствованная, а своя, оригинальная, построенная на тех же началах, на коих зиждется и наша государственность, — так необходима для нас. До сих пор разработке этой теории, возникновению истинной финансовой науки мешал наш бессознательный европеизм, отвергавший самые ее начала. Но его пора проходит.

Эти начала, утраченные Западом, но без коих вся западная культура лишается своего фундамента и вырождается в нечто постепенно теряющее даже образ человеческий, — *любовь и доверие*, составляющие в своем целом единое *нравственное начало*, западной финансовой наукой совершенно игнорируемое. Наша верховная власть есть порождение и представитель именно нравственного начала, начала полного доверия и любви и полной свободы действий. Да, верховная власть без всякого протеста и противодействия, без всякого парламентского вотума *вправе* завтра же выпустить или сжечь сколько угодно знаков, мало того, вправе объявить самую печальную войну, заключить самый невыгодный для России трактат… Но то, что она *вправе,* еще не значит, что она *сделает*, а если случайно и *сделает*, то не иначе, как по недоразумению, с самым искренним желанием добра стране или поддавшись ловко проведенному обману, предупреждать и охранять Государя от которого есть первый и священнейший долг верноподданного. Наша сила, наши гарантии лежат в том, что история создала и поставила нашу самодержавную государственную власть в положение ежеминутной ответс-

твенности перед Богом и собой, создала ей условия полнейшего бескорыстия и беспристрастия, окружила ее народной совестью и живым же народным мнением. При правильном действии указанных условий, при самодержавии истинном и свободном, без всяких формальных ограничений, не может не получить самого осторожного, самого консервативного правительства в мире. Нравственная сила — такая великая сила, что наша верховная власть, даже среди обстановки, сильно уклонившейся от идеалов старой допетровской Руси, в вопросах экономических чаще ошибается в смысле чрезмерной осторожности, чем риска. Вечный недостаток у нас свободных бумажных знаков лучшее тому доказательство.

Эту аргументацию мы считаем совершенно научной, ибо нравственное начало есть вполне положительная величина, долженствующая иметь в финансовой науке строго определенное значение. Введя ее в рассуждение, мы можем точно, *научно* определить внутреннюю стоимость бумажного рубля.

Внутренняя стоимость, покупная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках коей находится управление денежным обращением.

Это нравственное начало действует в том направлении, что все несовершенства существующей денежной системы сводит к простым ошибкам и недоразумениям, совершенно устраняя всякие иные дурные элементы, коль скоро определилось убеждение верховной власти в их вредности.

Это совсем не то, что на Западе, где добивающаяся власти партия или даже династия жертвует сознательно великими интересами родины ради своего господства и где сама власть бессильна бороться с колоссальными хищными эгоизмами биржевых владык, в руках коих находится экономическое сердце страны. Ниже эта разница будет указана в более полном виде.

В противоположность истории Запада вся наша история с глубокой древности, с призвания варягов, основана на до-

верии, и вот почему, между прочим, именно нам суждено было изобрести первые в мире государственные абсолютные деньги (Рошер). Как жаль, что наши историки совсем почти не касались экономических отправлений Древней Руси и едва-едва исследовали княжеские кожаные деньги. Нет никакого сомнения, что эти деньги (кусочки кожи с княжеской печатью) имели характер настоящих абсолютных знаков (а не банковых билетов). Они оказали могущественное содействие русской культуре и вышли из употребления (при Дмитрии Донском), когда благодаря выгодной торговле с иностранцами в России стало в больших количествах накопляться золото и серебро. Правительственная власть начала чеканить монету, и в России явилось металлическое денежное обращение. Тогда оно было совершенно естественно, ибо если в стране накопляется золото, то оно само собой стремится обратиться в деньги и заместить другие знаки. Но когда наличное количество золота в мире перестало соответствовать потребности в нем, когда выковалось острое оружие международной борьбы в виде западных банковых систем и когда, вследствие этого, удержание металлического обращения в стране с плохим международным балансом или отставшей в своем промышленном развитии равносильно ее разорению и кабале у евреев — королей биржи, счастлива та страна, которая, опираясь на свое государственное устройство, на силу и свободу своей верховной власти, порожденной нравственным началом, имеет возможность перейти к деньгам абсолютным и отречься от золота!

VII

Ниже мы надеемся с полной убедительностью доказать, что полноценность во внутреннем обращении денежного абсолютного знака находится в прямом соотношении с весьма

несложными законами денежного обращения, стоящими, в свою очередь, в непосредственной и тесной зависимости от нравственного начала, положенного в основание государственного строя. Пока укажем лишь, что поскольку это нравственное начало чисто и действенно, оно почти бессознательно приводит государственную власть к соблюдению законов денежного обращения. Как ни парадоксальным может показаться подобное утверждение, но в нем заключается глубокий смысл.

Если взглянуть на бумажный рубль как на простое расчетное средство, как на учетную квитанцию, выдаваемую третьим лицом, посредником между двумя лицами или группами, вступающими в сделку, тотчас же станет ясно, что свобода, обеспеченность и верность учета сделки станет в прямую зависимость от степени доверия контрагентов к их посреднику, от веры в его бескорыстие и беспристрастие. С другой стороны, именно на этих принципах полного бескорыстия и беспристрастия и стоит русская верховная власть.

Поясним это на частном примере. Для выяснения сложных и запутанных расчетов между двумя взаимно кредитующими друг друга предприятиями, владельцы коих сами расчесться не могут, приглашается бухгалтер; проверить его расчетов контрагенты не могут, но ввиду его заведомого беспристрастия и добросовестности заранее принимают его учет как верный и справедливый.

Бумажный рубль есть этот бухгалтер, беспрерывно учитывающий сделки. Точность расчетов его зависит от его беспристрастия или от постоянства его внутренней ценности. Это постоянство, эта верность его как единица меры является вполне элементом нравственным, ибо зависит прежде всего от нравственных побуждений выпускающей рубли в обращение власти. А так как нравственные побуждения самодержавной власти заранее принимаются нами как безусловные, то совершенство или несовершенство бумажного

рубля как счетчика зависит только от тех ошибок, которые могут быть допущены при выпуске и изъятии знаков, которые во всяком человеческом деле неизбежны и которые будут необходимо устраняться по мере обоснования и развития истинной финансовой науки, то есть по мере раскрытия законов работы абсолютных знаков.

Если мы спросим себя: что же такое бумажный рубль? Наша практика ответит нам: это отвлеченная денежная единица, которую когда-то хотели прикрепить к известному количеству металла, но которую жизнь с этим металлом бесповоротно раскрепила. Это *идейная единица меры ценностей*, выражающая собой *только акт посредничества* верховной государственной власти в наших хозяйственных сделках. Посредничество это абсолютно беспристрастно, нравственно и благожелательно, но ввиду невыясненности законов денежного обращения и несовершенства денежной нашей системы грешит *чрезмерной осторожностью в выпуске знаков* и потому пока *придает рублю большую внутреннюю стоимость, чем была бы его истинная*. Другими словами, во имя этой осторожности у нас денег в обращении мало, и потому деньги дороги.

Еще пятьдесят лет назад Цешковский давал следующую характеристику, что такое золото? Самое верное *обеспечение* ценности, но весьма плохой ее *измеритель*. Что такое бумажные деньги? Самый лучший *измеритель* и самое плохое *обеспечение*. Необходимо, следовательно, отыскать такую денежную систему, которая бы имела монетную единицу, совмещающую в полной степени как *обеспеченность* золота, так и *измерительную способность* бумажки.

Разумеется, эта задача Цешковского разрешима вполне только при принятом нами условии обеспечения в виде нравственного начала, лежащего в основе самодержавного государства. Это есть наилучшее *обеспечение* как постоянства денежной единицы, так и ее обращаемости, так, следо-

вательно, и ее внутренней полноценности для граждан данной страны.

Определив, таким образом, внутреннюю стоимость, внутреннюю покупную силу бумажного рубля, рассмотрим теперь, чем же обусловливается его внешняя покупная сила, его постоянно колебательное отношение к международным деньгам, золоту? Что такое бумажный рубль для иностранцев?

Абсолютные деньги чужой страны, нечего и говорить, не представляют для иностранца никакой ценности. Для немца, не имеющего дела с Россией, русский рубль есть пестрая бумажка и только. Она *что-то* стоит, потому что за нее дадут в меняльной лавке некоторое количество золота те, *кому она нужна*. Кому же она нужна? Людям, которым приходится платить за русский товар. Но как эта бумажка попала в Германию? Эти бумажки привезены из России, где их променяли на золото. Зачем их меняли? Потому что русским нужно золото: платить за иностранный товар, платить свои металлические долги, проживать за границей.

Проследим этот круг, и мы увидим, что бумажка зарождается в России, попадает к русскому А. Тот меняет ее на золото у банкира Б. для закупки заграничного товара. Банкир Б. еще раз меняет ее на золото и передает иностранцу В., которому нужно платить за русский товар. Бумажка вернулась в Россию, золото вернулось за границу. Товар поменялся на товар. Деньги вернулись в каждую область свои. Ценность русской бумажки для иностранца, таким образом, определяется тем, что за эту бумажку можно купить в России. Если эта бумажка полноценна и, так сказать, *полноверна* внутри России, то и для него она полноценна и полноверна, *поскольку ему нужен русский товар.*

Представим себе, что между нами и иностранцами навсегда прервались всякие торговые сношения. Никакого обмена, никаких расчетов нет. Золота за оставшуюся за границей случайно русскую бумажку никто не даст, ибо за нее *нигде*

нечего купить. Ясно, что ее курс, ее внешняя ценность равна нулю, хотя внутри страны, в России, эта же бумажка будет вполне полноценна.

Невольно улыбаешься, когда говорят: кредитные билеты обеспечиваются таким-то фондом и серьезно несут этот фонд из одной кладовой в другую. Говорят, это нужно для иностранцев, а то курс упадет, доверия не будет. Но неужели же иностранец так наивен, что пойдет менять бумажку в этот фонд? Он ведь знает не хуже нас, что там ему ни рубля не разменяют. Он купил эту бумажку за 2 ¼ или за 2,5 франка и будет ждать, что ему дадут из фонда 4? Совсем не потому он дал *только* 2,5 франка, что на остальные 1,5 *пошатнулось его доверие* к русским финансам. Он им верит не хуже нашего. Он знает, что русский рубль не потеряет ничуть своей стоимости *в России,* пока он, иностранец, закончит хотя бы и долгую торговую операцию. Он дал 2 ½ франка потому, что для него, для иностранца, на золото бумажка *больше не стоит*, потому что такая цена строго *определилась на международном рынке* в зависимости от нашего торгового обмена с иностранцами (не упоминаем про биржевые махинации и жульничество понижателей и повышателей, которое только усложняет, *несколько* изменяет здоровую, нормальную торговую цену рубля на золото и золота на рубли).

Когда золото и серебро перестали быть русскими деньгами (а они перестали ими быть, когда ушли из России и на них установился курс как на товар), наш международный курс стал простым обменом товара на товар. Будем вести счет на бумажную нашу валюту или на золото, результат будет один и тот же.

Вот образчик.

Платежи наши иностранцам, скажем, в таком-то году (за все, что мы от них берем, считая здесь и проценты по нашим им долгам)	100 руб. (золотом)
Платежи иностранцев нам (за все ими у нас взятое)	90
Разница	**10**

Эти десять рублей (так называемых рублей) золотом мы должны в таком-то году приплатить, без чего баланс не сойдется. Мы не доплачиваем. Представим себе, что при начале года золото и бумажки стояли al pari, то есть 100 рублей золотом равнялись 100 рублям бумажным. Что поучилось? Или мы задолжали 10 рублей золотом и выдали на себя металлическое обязательство, или за границей очутились лишние 10 рублей бумажных, не имеющих ровно никакой цены, потому что за них не то что нельзя, а *не нужно* ничего покупать. Что сделалось с этими бумажками? Их вернули в Россию вместе с прочими 90 рублями, сочтя 100 рублей за 90, то есть понизив наш курс, или стоимость нашего рубля на золото на 10 процентов.

Бумажный рубль уже не равен рублю золотому, как было в начале года, а стоит всего 90 копеек, или не 4 франка, а 3 франка 60 сантимов.

Но здесь вмешивается государство. Ему кажется это «падение рубля» опасным. Оно хочет удержать *пари*. Оно выдает металлическое обязательство на 10 рублей и платит за него проценты. На потомство ложится долг, но зато курс держится твердо.

Но вот наши платежи за границу растут против платежей нам *непомерно*. Проценты все увеличиваются. Наконец, правительство видит, что поддерживать искусственно курс — значит разоряться. Оно предоставляет дело рынку. Рубль бумажный, конечно, сразу падает. Курс начинает колебаться и, наконец, устанавливается на каждый срок как раз в соответствии с международными нашими расчетами и следует за ними шаг за шагом. Уменьшается иностранный ввоз, увеличивается наш вывоз — курс повышается. Обратно — понижается.

Вот другой образчик расчета на бумажную валюту в другом году. Для простоты возьмем в начале года курс рубля в 2 марки.

Платеж наш иностранцам:	
За все взятое	100 руб. = 200 мар.
Проценты по долгам	50 = 100
Итого	150 = 300
Платеж иностранцев нам	150 = 300

Баланс сведен, товары и долги покрыты нашими товарами; ясно, что рубль как был, так и остался на курсе 2 марок.

Представим себе теперь, что мы уплатили иностранцам по расчету на 150 бумажных рублей, а не 200, а у них взяли столько же, сколько сказано, то есть на 150 рублей (300 марок), курс упадет, и вычислить это падение нетрудно. Те же 300 марок будут равны 200 рублям, или рубль вместо 2 всего 1,5 маркам.

Обратно, предположим, что иностранцы уплатили нам на 100 марок больше. Ясно, что те же 150 рублей будут теперь не 300, а 400 марок, то есть рубль будет стоить не 2 марки, а $^{400}/_{150} = 2^{2}/_{3}$.

Эта простейшая схема так ясна, что позволяет употребить чисто математический прием доказательства для установки настоящего закона, определяющего взаимный курс золота и абсолютных знаков.

Внутренняя стоимость рубля, его покупная сила обусловливается только его постоянством как единицы меры, то есть благонадежностью его выпусков верховной властью, только в меру действительной потребности народа в расчетном и платежном средстве.

Внешняя его стоимость обусловливается его покупной силой внутри России и состоянием международного рынка, то есть нашими денежными расчетами с иностранцами.

Исключая постоянный элемент, то есть благонадежность внутри России и, следовательно, неизменную внутреннюю покупную силу рубля, его внешняя стоимость, или курс, выразится в виде следующего финансово-научного *закона* (частного, для России, конечно).

Курс рубля или отношение его к золоту находится в зависимости исключительно от международного баланса. Количество знаков, обращающихся в России, никакой здесь роли не играет.

VIII

Этот ясный и простой закон был превосходно освещен покойным Н. Я. Данилевским в его статьях, озаглавленных: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности», помещенных в *Торговом сборнике* за 1867 год.

Приводимый им пример представляет чисто научное упрощение нашего международного обмена и значения бумажных и металлических денег. Мы приводим в извлечении эту художественную и правдивую фантазию о деньгах Атлантиды:

«Предположим, — говорит Данилевский, — что среди океана существует остров, назовем его хоть Атлантидой, — который не имеет никаких сношений с остальным миром, и жители которого думают о себе, что они единственные разумные существа во Вселенной. Благоприятствуемые климатом, почвой и природными способностями, антлантидцы собственным трудом вышли из состояния грубости и достигли известной степени цивилизации. Условия жизни их до того усложнились, что они не могут более довольствоваться простой меной своих произведений. Скот, соль, раковины не удовлетворяют уже потребности их в том средстве, которое мы называем деньгами. Драгоценные металлы на острове есть, но островитяне еще не открыли их. Мудрец, живший в то время между атлантидцами, стал рассуждать, как помочь их горю, и вот, приблизительно, ход его рассуждений. Искомое средство должно иметь такие свойства, чтобы его можно было променивать на каждый товар и на каждое коли-

чество товара. Так как все товары делимы, то и наше искомое должно иметь соответственную делимость. Бараны и быки для этого не годятся. Соль и раковины, пожалуй, удовлетворяют этому требованию, потому что, назначив, что раковина соответствует самому малому количеству самого дешевого вещества, можно достигнуть того же, как если б они были делимы. Далее, необходимо, чтобы средство всеобщей мены долго сохранялось, не уничтожаясь и не портясь. Соль для этого решительно не годится, раковины же, хотя с грехом пополам, удовлетворяют этому требованию. Но и этого еще мало: надо, чтобы нельзя было или, по крайней мере, очень трудно было подделывать наше общеменовое средство; а то все, вместо того, чтобы настоящее дело делать, станут заниматься его подделкой, и никогда нельзя будет быть уверенным, что его не слишком много наделали. Раковины и в этом отношении, пожалуй, годятся. Надо, наконец, чтобы вещество, которое употребим на общеменовое средство, было достаточно редко, для того чтобы каждый не мог увеличивать по произволу количества его. Мудрец пришел к тому заключению, что ни одно из известных ему произведений острова не годилось для желаемой цели. Но почему бы, подумал он, не придать требуемых качеств какому-либо веществу искусственно? Возьмем, например, хоть кусок бумаги. Разной величиной или формой кусков можем удовлетворить требованию делимости; трудным рисунком, секрет которого будет известным лишь правительству, предупредим подделку; променом старых, износившихся бумажек на новые придадим ему неуничтожимость; наконец, ограничив количество их выпуска единственно потребностью торговли и промышленности, предупредим излишнее их накопление. Конечно, думал он, странно, каким образом вещь, сама собой ни на что не пригодная, будет выменивать на всякий действительно полезный предмет; но ведь ценность вещи основывается на ее пригодности для какого-либо употребле-

ния; быть же орудием мены есть употребление весьма важное, и как только мои бумажки станут на это употребляться, то тем самым приобретут они и ценность. Не то ли же самое со всяким предметом, пока не придумают ему употребления? Белая глина, которой у нас так много, не имела никакой цены, пока не придумали делать из нее фарфоровых сосудов, и с тех пор глина стала ценна; почему же и бумажки, когда они применяются к своему назначению посредством известного приготовления, а главное, посредством строго соблюдаемых условий их выпуска, так же точно не получат ценности, весьма хорошо удовлетворяя своему назначению? Проект был приведен в исполнение. Сначала определили условно, что бумажная единица соответствует такому-то количеству необходимейшего вещества, например хлеба, и в таком лишь случае прибавляли число денежных знаков, когда постоянный лаж удостоверял, что оно недостаточно для нужд промышленности и торговли. Таким образом утвердилась в Атлантиде полная доверенность к искусственному средству облегчения мены. Это был *первый период денежного обращения* в Атлантиде.

Через несколько столетий остров был открыт и вступил в торговые и иные сношения с иностранцами. Конечно, иностранцы не захотели принимать атлантидских бумажных денег, но из этого затруднения вывернулись случайным открытием на острове золота и серебра. Атлантидцы так привыкли к своим деньгам, что не хотели переменить их на золотые и серебряные, а согласились на следующую сделку. Золото и серебро было собрано в особое хранилище и установлены соответственность бумажной денежной единицы известному весу этих металлов. Торговля стала производиться следующим образом. Атлантидцы приезжали в иностранные земли и покупали на свои бумажные деньги тамошние продукты. Иностранцы с этим деньгами приезжали в Атлантиду, выменивали их на золото в разменной палате и потом за это поку-

пали анлантидские товары. Получившие золото атлантидцы спешили в разменную палату и возвращали себе за золото свои любимые бумажки. Это был *второй период антлантидской торговли*, совершавшейся посредством размена билетов на золото и золота на билеты.

Вскоре обе торгующие стороны заметили, что совершенно напрасно затрудняют себя излишней процедурой двукратного размена и стали поступать так: иностранцы, поучив атлантидские билеты, прямо покупали на них атлантидские товары. Разменная палата опустела и чуть не была совершенно забыта. Своих товаров атлантидцы отпускали как раз на столько, на сколько покупали иностранных, и потому иностранные купцы брали бумажки, как если б они были чистым золотом, зная, что ведь нужно же будет им покупать атлантидские товары, а на них и уйдут бумажки; разве ценили их немного дешевле за то, что в промежуток времени между получением бумажек и покупкой на них товаров они не имели для них употребления; но так как торговля шла непрерывно, то эта причина не могла оказывать сильного действия. Это был *третий период в развитии атлантидской торговли*, в который размен на драгоценные металлы подразумевался и, вместо прямого, существовал, так сказать, косвенный размен. Цена бумажек и тут не падала, и невозможно вообразить никакой причины, почему бы ей было пасть.

Но вот атлантидцы развратились, забыли староотеческие обычаи и предания, пристрастились к различным удобствам жизни, приняли разные чужеземные привычки, которым могли удовлетворять лишь иностранными продуктами, и стали их накупать в гораздо большем количестве, чем отпускали своих собственных товаров. Очевидно, что при таком порядке вещей некоторое количество атлантидских бумажек должно было оставаться в руках иностранцев, и когда их порядочно накопилось, иностранцы, конечно, не знали, что с ними делать. К счастью, вспомнили про разменную палату. Она сно-

ва была открыта, и золото потекло из нее рекой за границу. Атлантидцы вовсе об этом не беспокоились, так как не были заражены меркантилизмом. Таков был *четвертый период в ходе торговли и в судьбе бумажных атлантидских денег.*

Период этот, конечно, не мог быть продолжителен, и однажды иностранные купцы, явившись променивать оставшийся у них излишек бумажек, услышали горестную весть, что променивать их не на что. То, что они считали деньгами и что было таковым в течение долгих лет, обратилось в простые бумажки. Они было хотели прекратить всякие сношения с атлантидцами, но те стали их успокаивать: «Чего вы опасаетесь? Ведь не нынче мы начали, не нынче и перестанем торговать с вами. Мы признаем за бумажками полезную их цену; отдайте их нам, а мы доставим вам на следующий год товаров на всю их стоимость, да еще проценты за то, что вы нам раньше срока деньги в руки дадите». «Хорошо, — отвечали иностранцы, — но вы не берете в расчет, что на будущий год опять приедете к нам закупать наши товары в таком же количестве, как и за прошлый, а, пожалуй, и еще того больше, и захотите платить теми же бумажками, тогда как значительную долю наших товаров должны вы будете отпустить нам за те же уже бумажки, которые мы вам теперь отдадим, да проценты за них: таким образом, вы, наконец, должны будете отпускать все потребное для нас количество ваших товаров за старые долги, а на что вы будете вновь покупать? Так нельзя, а послушайте вот что. Вы покупали у нас в последние годы товаров на 150 миллионов, мы же ваших — только на 100 миллионов; следовательно, 100 миллионов ваших билетов имеют и для нас полную ценность, остальные же 50 с тех пор, как нельзя променять их на золото, все равно, что клочки тряпья. Так как, однако, на ваших билетах не написано, которые из них принадлежат к первой сотне и которые ко второй полусотне миллионов, то мы можем и будем принимать их вообще лишь за две трети их цены, а там

что будет, то будет». Так и решили, что внутри Атлантиды билеты будут по-прежнему в полной их цене, а во внешней торговле будут приниматься лишь в две трети их номинальной стоимости. Но на деле вышло не так. Всякий торговец туземными произведениями внутри острова стал рассуждать, что может ведь случиться, что на вырученные деньги придется ему покупать иностранные товары, по отношению к которым бумажки стоят всего $^2/_3$ своей цены, да если не придется этого ему самому, то, пожалуй, вздумает рассуждать таким образом тот продавец, у которого он будет покупать внутренние продукты; следовательно, против такого риска надо себя обеспечить, и нельзя принимать билетов в полной их цене. Наоборот, иностранные купцы стали думать каждый со своей стороны: положим, атлантидские билеты стоят у нас лишь $^2/_3$ их номинальной цены; но ведь атлантидские товары остались в прежней своей цене, и я смело могу рассчитывать, что сколь бы ни закупил их, все сбуду. Если, поэтому, буду принимать билеты не в $^2/_3$, а в $^3/_4$ или $^4/_5$ их цены, то мне охотнее будут продавать, я закуплю больше, чем другие, и увеличу свои обороты. Таким образом убедились, что билеты или вообще деньги имеют характер жидкости, то есть что цена их стремится прийти к одному уровню. Однако же, как и жидкости, вполне этого не достигают, если из двух действующих причин одна стремится возвысить или удержать жидкость на известной высоте, а другая стремится ее понизить, — убедились, что и тут по мере удаления действующей причины действие ее ослабляется в некоторой степени, почему резкие и крутые разности в цене, как полноценность на внутреннем и $^2/_3$ цены на внешнем рынке, рядом существовать не могут; и что, хотя на внутреннем рынке ценность билетов будет стоять выше, чем на внешнем, переход между этими двумя уровнями будет, однако же, постепенен и разница между ними не так велика. Тем не менее понижение цены билетов всех изумило; говорили: «Кажется, условия,

предписанные древним мудрецом, исполняли мы в точности, лишних билетов не выпускали, были мы в этом отношении скорее скупы, чем щедры, и однако же билеты упали». Имя виновника стольких бедствий готовы были предать проклятию, пока следующие соображения не привели атлантидцев к более справедливому образу мыслей: «Ведь мудрец, рекомендовавший употребление бумажных денег под единственным условием благоразумного и умеренного выпуска их, жил в то время, когда мы думали, что, кроме нас, на свете никого нет; когда, следовательно, атлантидская ценность и всемирная ценность были выражениями тождественными. Он говорил, что бумажные деньги могут служить, при известных условиях, представителями атлантидских ценностей, и они служили ими вполне; мало того, дальнейшая судьба их показала, что посредством косвенного размена они могут служить отчасти и представителями иностранных ценностей, именно такой доли их, которая равняется ценности нашего отпуска. Его ли вина, если мы захотели, чтобы наши билеты сделались представителями не только наших, но и вообще всемирных ценностей, без всякого ограничения?»

Какова была дальнейшая судьба атлантидских денег, мне неизвестно. Но из участи их доселе оказывается несомненным, *что ценность бумажных денег не зависит исключительно от того, соответствует ли их количество внутренней потребности в этих деньгах, а зависит также и от хода внешней торговли.* Конечно, в действительности торговые сношения происходят не так, как в нашем примере; но все различия в этом отношении усложняют только процесс, нисколько не изменяя его сущности; и так как, думаю я, нельзя указать на какую-либо ошибку в изложенном ходе торговых сношений и их влияния на ценность билетов, то и должно признать, что торговый баланс может оказать влияние на ценность бумажных денег».

IX

Когда, таким образом, установлен закон *независимости нашего внешнего курса ни от фонда, ни от количества рублей внутри России*, при условии их в ней полноценности и полноверности (а это, в свою очередь, обусловлено всенародным доверием к верховной власти), необходимо для обоснования и доказательства следующих двух законов поставить и исследовать вопрос: *сколько же должно быть в обращении у нас знаков*? В чем выражается их недостаток? Где предел потребности в них? Начиная с какого момента знаки становятся излишними и их покупная сила, их внутренняя стоимость ослабевает?

Если мы из огромного окружающего нас моря экономических явлений возьмем наиболее типичные для характеристики недостатка в знаках, то увидим следующее.

Я землевладелец. Чувствую, что мое хозяйство идет очень плохо. Испольная система никуда не годится. Рядом хозяйство многопольное, с винокуренным заводом, с клевером, с хорошим скотом. Пора бы перейти и мне на такое же. Но я не могу. Денег нет. Чтобы завести такое хозяйство при моей поверхности землевладения, у меня должен оборачиваться капитал в 10 — 15 тысяч рублей. Имение мое стоит 30 тысяч по банковской оценке; 60 процентов, то есть 18 тысяч рублей, я получил и уплатил старые долги. Под вторую закладную мне дадут 8 тысяч, но возьмут с меня в год минимум 960 рублей процентов. Этого мне не хватит, и подобного процента я платить не могу. Соло-векселя? В отделении Государственного Банка рассмотрели мое нынешнее хозяйство и посулили мне только 1800 рублей, ибо мой нынешний оборот 3000. Есть возможность получить кредит от 3 до 5 тысяч рублей в местном взаимном кредите за 9 — 10 процентов годовых. Наконец, есть возможность учесть векселек-другой в частных руках за копейку в месяц. Нет уж, придется оставаться

при старом положении. Получаю в год 1200 рублей дохода, мог бы получать тысяч 5, ничего не поделаешь!

Мы должны согласиться, что для России это не средний, а много «выше среднего» случай. Сидит этот землевладелец прочно, не должает и жалуется *только* на то, что вместо 5 000 вырабатывает 1200 рублей. Нечего и говорить, что огромное большинство не имеют и этого и бьются, нуждаются и смотрят на подобного счастливца с завистью.

Поищем определенного признака недостатка знаков, так как ясно, что *самый недостаток* налицо.

Соло-векселя оставим в стороне. Это кредит, во-первых, почти филантропический, а во-вторых, совершенно недостаточный (ибо дается не на будущий *большой* оборот, а на настоящий *малый*). И при этом, кажется, сделано недавно распоряжение (секретное) не давать никому полной нормы; по крайней мере, кому следует 1000 рублей, тому открывать кредит только на 500.

Рассмотрим обыкновенный, нормальный кредит.

Заметим, что *личного* земледельческого кредита почти нет, а есть лишь под обеспечение свободной стоимостью имения. Землевладелец может получить деньги:

– под вторую закладную за 10 — 12 процентов;
– из местного общества взаимного кредита за 9 — 10 процентов;
– под вексель от частного лица за 12 — 18 процентов.

При этом во всех случаях кредит крайне ограниченный. Большой суммы денег достать невозможно. Ограничивают потому, что свободных денег нет.

В лучшем случае хозяйство может дать 6 — 7 процентов при огромном личном труде и при большом риске или жизни впроголодь. Спрашивается: можно ли брать деньги при этих условиях? Ясно, что хозяйство будет вестись по-прежнему, и вместо полной продуктивности таковая будет в $^1/_{10}$, $^1/_8$ — $^1/_4$ нормальной или будет расхищаться капитал, то есть опустошаться земля.

Нужно ли говорить про крестьянина? Хороший, зажиточный мужик для покупки, например, лошади вместо павшей или для уплаты податей (не вовремя) закладывает семенной хлеб, холсты, инструменты, одежу за 5 копеек процентов в месяц. В уездных городах целые улицы застроены амбарами, исключительно ростовщическими, где хранятся полушубки, шерсть, кудель, нитки, сарафаны и пр., и пр. *Пять* копеек в месяц, или 60 процентов в год это еще *сносно.* Бедняки без залога и за этот процент не получат ссуды. Для тех существует такой кредит.

В апреле берется в долг четверть ржи ценой в 7 рублей. За процент убирает в июне ¾ десятины луга — 4 рубля. В августе отдает четверть ржи — 6 рублей. Или же за взятые на 4 месяца 7 рублей платит ¾ рубля процентов, то есть в год 12 рублей, или 158 процентов.

И эти оба вида кредита не самые плохие, а только средние или, пожалуй, выше среднего. А например, такой случай, лично виденный нами. Приходит баба просить почтовую марку. Денег нет. Письмо нужно отправить экстренно. За одолжение 7 копеек на неделю баба полола ¾ дня, и была очень довольна. Знаете, из каких это процентов получился кредит? Считайте день бабы только в 35 копеек (летний), и окажется, что за неделю она заплатит 250 процентов, или в год *тринадцать тысяч на сто.*

Это, разумеется, курьез, хотя и математически точный.

Фабрикант платит: крупный, имеющий учет в Государственном и больших банках, 6 — 8 процентов, маленький, кредитующийся кое-где, 9 и 10 процентов. За ограниченностью банкового кредита все, даже очень крупные фирмы, при хороших делах тихонько бегают к дисконтерам и платят 10 и 12 процентов.

Полагаем, распространяться дальше не стоит. *Признаки* недостатка знаков налицо:

1) *высота процента за наем денег*,

2) *обесценивание труда*.

Оба эти признака теснейшим образом связаны между собой: вследствие недостатка денег процент или плата за их наем становится непомерным, и параллельно с этим труд, постепенно дешевея, совершенно обесценивается.

Баба, очевидно, ровно ни во что считавшая свой полудневный труд, — пример очень яркий. Но не менее яркий пример и такой: очень добросовестный арендатор дает за имение 1000 рублей аренды. Владелец не соглашается и, начав работать сам, вырабатывает 1200 рублей. Другими словами, за свой годовой поистине каторжный труд он выработал 200 рублей или, откинув проценты на (мысленное) страхование от рисков, например 100 рублей, получил всего 100 рублей, то есть меньше, чем жалованье самого убогого волостного писаря. Положим, что в этом труде было наслаждение, то есть некоторый нравственный элемент. Но ведь *денежно*-то этот труд вполне обесценен.

Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прежний труд, являющийся орудием новому труду. *Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала*, отделяет, *отрезывает его от труда* будущего, *обесценивает*, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит *элементы праздные — в положение, господствующее в стране, элементы трудовые — в рабство им*.

Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создалось новое, в тысячу раз тягчайшее, — крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьеры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия *недостатка денежных знаков* и вместе с тем его точные признаки.

Но возвращаемся к основному рассуждению и ставим второй вопрос: где предел потребности жизни в денежных знаках? Есть ли такой предел?

Несомненно, есть, и его можно выразить в форме следующего закона, который мы и постараемся доказать.

Увеличение числа знаков необходимо и полезно до тех пор, пока новые, добавочно выпускаемые их количества вызывают новый, не производившийся дотоле труд или возвышают производительность и результаты труда прежнего.

Что такое отпечатанная в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг бумажка до момента ее выпуска в публику? Это не что иное, как *ассигновка на труд*, расчетный знак, ожидающий сделки, которую он учтет. Пока этот труд не произведен, пока сделка не совершена, знак этот никакой цены не имеет. Это не та засаленная и пропотелая бумажка, которая вернулась в казначейство и только удобства ради меняется на чистенькую, свеженькую бумажку. То деньги настоящие, полноценные деньги, уже работающие, уже государству как бы не принадлежащие. Мы говорим про новенькую, новорожденную бумажку, идущую не в обмен на другую, а вполне независимую, самостоятельную.

Представим себе простейшую схему: сидит в деревне уволенный в запас солдат Иван Сидоров. Выучился он в крепости, скажем, кирпич обжигать. Завел бы маленький кирпичный заводик и работал бы сам, да с ним односельцы в свободное время — нельзя; нужно 300 рублей на дрова, на постройку, на расплату за сырец, за инструмент. Заложить нечего, кредита даже и за 60 процентов в год нет. Ну, значит, и сиди, празднуй, или ходи на поденщину за 30 копеек, да и то, когда экономия позовет, потому что и там, по безденежью,

все работы сокращены. Ни труда, ни производства нет, люди просидели праздно, Иван Сидоров от скуки только пьянствовал. Заработает что-нибудь урывком — не стоит беречь, не скопишь 300 рублей, взял и пропил.

Представьте, что каким-нибудь чудом Иван Сидоров получил вот эти 300 новорожденных бумажек на десять лет, в рассрочку из 5 процентов. Он построил заводик и начал работать. Платит свои взносы очень аккуратно, так как дело идет хорошо и платеж льготный. 45 рублей вернулись в казначейство в первый же год. Они состоят из двух величин: 30 рублей возврата ссуды и 15 рублей чистого дохода казны, потому что операция не стоила ей ничего. Что такое эти 30 рублей? Теперь это уже не бумажка, а измеритель действительных ценностей, необходимый для обращения, ибо где-то в Церевококшайске или под Сызранью идет новое дело, кипит новый, *ранее спавший* труд, и вокруг кирпича совершается бесчисленное количество новых оборотов. Сидоров сшил себе полушубок (а то бы еще год ходил в старом). Матрена-работница купила два платка и скормила своей семье семь пудов лишней ржи (без работы ели меньше). Кроме того, пили чай. Все заработали, все *увеличили потребление*, все поправились, и эта поправка, в микроскопической, правда, доле, но отразилась и на доставке чая добровольным флотом, и на киевском сахарном рынке, и на ивановской набивной фабрике. Увеличились все обороты, 300 рублей влились, словно керосин, в гаснувшую лампу. Спрашивается, что должно сделать правительство с возвращенными ему 30 рублями? Сжечь их как свободные или ненужные? Нельзя, это явно стеснит промышленность, ибо обороты расширились, а меновое средство не увеличилось. Нельзя их сжечь — их пускать, немедленно дальше пускать надо! Бесчисленное множество этих Сидоровых протягивают руки за ним. И они сидят без работы, и они могли бы работать, да нечем, инструмента нет…

X

Мысль о прямой творческой способности бумажных знаков, правда, не в виде знаков абсолютных, а только заместителей золота, высказывалась, хотя и туманно, западными финансистами и составляет часть известной теории кредита. Но из всех западных построений нет никакой возможности прийти к *теории мнимых капиталов*, которую я изложу ниже и которая ближайшим образом истекает из существа абсолютных денег. На это их свойство намекал покойный Н. Я. Данилевский в своих, к сожалению, немногочисленных экономических работах. Яснее говорили об этом русские практики и представители здравой русской мысли, покойные Шипов и Кокорев. Она ярко просвечивает в посмертном труде Н. П. Гилярова-Платонова «Основы экономии». Затем по этому поводу впервые были высказаны нами в «Русском деле» следующие соображения по вопросу о постройке Сибирской железной дороги, соображения, сполна принятые и осуществленные правительством позднее.

Вот что говорится в передовой статье 3 «Русского Дела» за 1888 год:

«Неужели нужно для постройки железной дороги средствами государства непременно занимать деньги, отыскивать чужой капитал и только обращать его в недвижимость, рискуя доплачивать огромные суммы, если эта недвижимость не даст условленных четырех или пяти процентов владельцу капитала? Не проще ли создать эту недвижимость из непроизвольно лежащих: труда и естественных богатств?

Предположим, что государство решает строить Сибирскую дорогу по частям, расходуя в год, например, 50 миллионов рублей, и производит специально для этого соответственный выпуск кредитных билетов. Эта сумма при денежном обращении в 1100 миллионов не повлияет заметным образом на наш денежный рынок и тем более не уронит нашего

курса. Она вся целиком распределяется среди рабочего люда и промышленников, которые получат заработок на дороге. Каждый из участников этой работы исполнит труд, которого он иначе бы не сделал, и вследствие этого увеличит свое потребление: крестьянин купит больше хлеба и мануфактурного товара. Инженер, администратор, писец, бухгалтер, сторож — все увеличат свое потребление; заводы и их рабочие, увеличив свою работу, увеличат потребление в равной мере. Вся сумма в 50 миллионов пока чисто фиктивных знаков, каковыми несомненно будут выпущенные бумажки, пойдет в народное обращение и при каждой сделке, при каждой передаче вызовет некоторый новый труд, *который иначе не был бы совершен*.

Увеличение труда, сбыта, потребления почувствует немедленно вся без исключения промышленность. За границу из всей этой массы труда не будет уступлено ничего, ибо все нужное может и должно быть сделано дома.

Таков первый момент. Результата труда мы еще не касались. Отметим пока это оживление и припомним, что совершенно таковое же и тем же путем было достигнуто во время последней войны. Вся Россия усиленно работала на выпущенные бумажки. Прилив средств чувствовала вся промышленность, и в это время она сделала громадные успехи.

Но отсюда начинается разница. В результате войны получился: в материальном отношении — даром затраченный труд (вся сумма его пропала), в нравственном… позор! Усиленная работа кончилась, спрос и труд сократились, дух поник. Доктринеры признали, хотя к тому не было никаких оснований, избыток кредитных билетов и конвертировали его в бумагу-товар. Начался ряд кризисов, продолжающихся до сегодняшнего дня.

Результатом выпуска 50 миллионов бумажных рублей для постройки железной дороги будет то, что увеличившаяся во время постройки покупная и потребительная сила наро-

да увеличится еще по ее окончании. Такая железная дорога, как Сибирская, по достройке хотя бы только первого участка уже вызовет целый ряд новых, до сих пор не производящихся оборотов и промышленных предприятий. Выпущенные совершенно фиктивно поначалу знаки не только не окажутся лишними, но вызовут потребность в еще новых количествах знаков, ибо если от 50 миллионов лишних рублей наше денежное обращение увеличится на $^1/_{22}$, то от постройки первого участка Сибирской дороги и при самой этой постройке количество сделок и оборотов в России возрастет на величину еще большую.

Если посмотреть на вопрос с другой стороны, то окажется, что государство сделало следующее: оно выдало вперед ассигновку на труд. Этот труд совершился, дорога создалась, так сказать, из ничего (так как без этой ассигновки труд этот не был бы совершенен и пропал бы даром), ассигновка обратилась в нечто реальное, в недвижимость, изображаемую новой железной дорогой, а главное, в новый ряд непрерывно идущих сделок. И вместе с тем государство получило ее даром, так как выпущенные знаки брать назад не приходится. Это уже не те фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотворенные народным трудом совершенно реальные *деньги*, орудие известных торговых и промышленных оборотов, которых бы без этой новой дороги не было».

Это и есть в своем первоначальном виде *теория мнимого капитала*, совершенно заменяющего капитал реальный, заключающийся в выраженных золотом или иными ценностями сбережениях. Разумеется, эти мнимые капиталы работают с полной силой только в руках центральной государственной власти (Мальцовские деньги показывают, что то же возможно и в частных руках, но это государство в государстве), оживляют и вызывают народный труд только тогда, когда вызвать этот труд возможно, то есть когда его элементы уже есть налицо в виде материалов, рабочих рук и умственных сил.

XI

Чтобы уяснить себе практические условия приложения к жизни теории мнимых капиталов, необходимо рассмотреть ее пределы, то есть условия, определяющие *излишек* и *недостаток* денежных знаков в государстве.

Признаки недостатка в знаках совершенно, думается нам, могут быть уяснены на приведенных двух примерах.

Эти же примеры в обратном виде могут отлично послужить для уяснения признаков как нормального количества менового средства, так и *избытка в знаках*.

Представим себе, что правительство, следуя этой системе, начнет пускать в оборот все большие и большие количества денежных знаков. Предположим далее, что ни одного из них не употребляется на текущие государственные расходы, а все идут только на оживление труда. Строятся железные дороги, элеваторы, порты, производятся обширные работы по орошению, лесоразведению. Расширяется помощь фабрикам, заводам, сельским хозяевам. Щедрой рукой кредитуются Иваны Сидоровы через посредство ли земств или артельным порядком, за круговой ответственностью. Труд растет гигантскими шагами. Оживляется потребление, а следовательно, множество побочных промышленностей. Трудящийся человек поднимается в цене, ибо ему не только создается работа *вообще, какая-нибудь*, но у него является уже *выбор работы*. На фабрике платят дорого, в экономиях тоже, сам затеет что-нибудь — заработает еще больше. Навстречу этому росту вознаграждения труда понижаются постепенно цены на предметы жизни, вследствие большего и выгоднейшего их производства, ростовщик и тунеядец хиреют. Что делать дисконтеру, когда благодаря обилию денежного средства в стране торговля деньгами становится совсем безвыгодной? Процент за наем капитала понижается, ростовщики и рантьеры сами начинают бегать, искать помещения для своих

денег. Основывают акционерные общества, придумывают новые предприятия и сами *работают в них*.

Наконец, наступает момент *насыщения*. Новых знаков не нужно, употреблять их производительно *некуда*. Можно бы и еще построить железных дорог, необходимо подождать: инженеры, землекопы все заняты, а так как рвут в разные места, то они слишком подняли цены на свои услуги. Можно бы заняться с выгодой каменными постройками — опять надо обождать: все каменщики заняты, потому что постройка идет повсюду. Можно бы расширить запашки, заменив человека машинами? Трудно, хлеб подешевел. Основать еще фабрики? Трудно, подешевели сукна, ситцы, машины, мебель, *подешевело все, где человек играет роль второстепенную, вздорожало все, где нужен личный труд, личное искусство человека*.

А главное, за деньгами никто не бегает, никто их не ищет, никто из-за них не кланяется. Процент, получаемый лежа на боку, так низок, что *деньги бегают за человеком*, деньги служат человеку. У нас изобретатель — синоним человека голодающего. При тех условиях изобретатель — владыка. Да так и быть должно, ибо изобретатель изображает цвет лучшей формы человеческого труда — труда умственного.

Итак, вот признаки надлежащего количества знаков.

Удешевление денег как предыдущего капитала производства.

Удешевление денег как знаков, как оборотного средства, то есть понижение процентов.

Удешевление всех машинных производств.

Удешевление жизненных припасов и обстановки жизни.

Вздорожание личного труда.

Торжество и огромная оплата труда творческого и вообще умственного.

Читатель чувствует, что это уже не про матушку Россию идет речь? Это уже Америка живьем, представляющая нали-

цо большую часть указанных элементов. Тут и рабочий, два раза в неделю меняющий белье и спящий на пружинном матраце. Тут и деньги, которых девать некуда. Тут и Эдиссон, полубог промышленности, и двадцатиэтажные дома, и все чудеса Нового Света.

Нам могут возразить, однако, что в Америке металлическое обращение. В Америке золотые деньги. Америка задыхается от изобилия золота.

Совершенно верно. Все это возможно и при золоте как деньгах. Разница будет лишь та, что, во-первых, при золоте все подобное может быть достигнуто лишь хищным путем, на чей-либо счет. Америка втянула в себя половину мирового золота путем прямой обиды для остального человечества. Во-вторых, как ни высока в Америке промышленность и как ни развита банковая система, но каждую минуту промышленность не обеспечена от потрясающих кризисов вроде разыгравшегося летом 1893 года и вызванного только тем обстоятельством, что золото и серебро, будучи деньгами, являются одновременно и товаром и, как таковые, подлежат действию тех *стихийных* сил, от которых абсолютные деньги, товарного качества не имеющие, могут быть совершенно изъяты. Самостоятельная экономическая страна, как, например, Россия, достигнет при системе абсолютных знаков того же необъятного экономического развития, не отняв ни у кого ни куска хлеба и не рискуя ровно никакими кризисами.

Да, наконец, ведь и Америка развилась только при помощи своих *гринбеков*, бывших в свое время почти абсолютными знаками. Разница была лишь в том, что эти деньги и выпускались не центральной властью, а каждым штатом, источником их было не *единодержавие*, форма русская, а *федерация*. При помощи гринбеков Америка оплодотворила свой народный труд, затем запретительными тарифами изолировала себя от потребления продуктов чужого труда, *но сама свой труд умела навязывать иностранцам*. Ей приплачивали золотом

все, с кем она ни торговала, золото накопилось и заменило гринбеки. Мало того: его накопилось так много, что оно начало обесцениваться так же точно, как будут обесцениваться бумажки, когда их количество превзойдет здоровую в них потребность, *когда делать с ними будет более нечего*. Затем неожиданно обесценилось серебро, резко нарушилось его давно установившееся отношение к золоту и, так как серебряный доллар есть не только de jure, но и de facto монетная единица, то понятно, что наступило жестокое потрясение всей американской промышленности, конец которого пока трудно даже предугадать.

Наступившее, начиная с Америки, всеобщее падение серебра отразилось и у нас и дало новое великолепное доказательство превосходства нашей абсолютной денежной системы. У нас, как известно, «неприменяемая и законная единица» всех денег, обращающихся в государстве, — серебряный рубль такого-то веса. Пока золото и серебро были твердо связаны между собой, из России оба металла ушли одновременно. Чтобы не остаться совсем без мелкой разменной монеты, было необходимо выпустить низкопробную, так называемую билонную, монету, имеющую значение не монеты, но тех же почти ассигнаций. В пяти двугривенных серебра было значительно меньше, чем не только в полноценном рубле, но даже в полтиннике.

Наступает обесценивание серебра. Сначала серебряный рубль, ставший таким же товаром, как и полуимпериал, ценился ниже рубля золотого, но выше рубля кредитного. Затем на минуту он сравнялся с кредитным, и рубли появились у нас в обращении, но отнюдь не в качестве «законной и неприменяемой» монеты, а просто как новинка, как курьез.

Прошло всего месяца три. Затем серебро подешевело еще, и полноценный серебряный рубль, законная монета, стал дешевле рубля кредитного. И вот эту нашу законную основную единицу перестали принимать частные люди, затем и казен-

ные учреждения. Правительство сначала перестало чеканить рубли, затем начало отказывать в переделке на монету частного серебра (ибо это могло вызвать великие злоупотребления: вы принесли серебро, купленное вами за 80 рублей на вес и должны получить монеты на 100 рублей!) и, наконец, распорядилось исключить серебро вовсе из разменного фонда. Серебряный рубль, еще стоящий в своде законов как основная наша единица, фактически исчез, не произведя ни малейшего потрясения, и самый факт был совершенно не замечен народом. Дивились только одному курьезу: за полноценный серебряный рубль дают только четыре, а затем и три двугривенных, заключающих серебра не более, чем на 30 копеек. Серебряный рубль сам собой превратился в товар, разменная монета — в маленькие металлические ассигнации.

В это же время все цивилизованные страны с двойным металлическим обращением переживали жестокий кризис, а страны с серебряной валютой подошли чуть не к банкротству.

Историю и обстоятельный анализ финансового положения Северной Америки читатель найдет в любопытнейшей книге А. А. Красильникова «*Объяснение причин успеха Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения*». Эта превосходная книга была у нас замолчана, как замалчивается обыкновенно все умное, дельное, самобытное.

Последний экономический момент — *излишек свободных денежных знаков*, мы полагаем, после всего сказанного не стоит и разбирать: признаки его ясны. За невозможность основывать новые серьезные дела развивается промышленная спекуляция, появляются *дутые* или заведомо неблагонадежные предприятия, руководимые, за неимением специалистов, невежественными людьми. Риск растет, ибо владелец капитала для сохранения его ценности вынужден рисковать. Цены, сначала переместившись правильно, начинают пере-

мещаться уродливо. Денежная единица начинает вещно обесцениваться, то есть дешеветь, ее покупная сила ослабевает, иными словами, все дорожает. Прежние капиталы в опасности. Их владельцы несправедливо страдают.

Такой момент был у нас вскоре после двенадцатого года. Верховная власть, только что осознавшая весь вред чрезмерных выпусков бумажных денег и твердо решившаяся привести в порядок русскую денежную систему, ввиду крайней государственной опасности вынуждена была выпустить в тогдашней патриархальной и очень мало промышленной России непомерно огромное количество ассигнаций. Рядом с ними обращалось неведомое количество фальшивых, пущенных Наполеоном, которые тем не менее приходилось принимать и оплачивать. Внутренняя покупная стоимость рубля в тогдашней крепостной и совершенно не промышленной России пала. Рубль дошел до четвертака.

Любопытно, что по поводу выпусков ассигнаций в 1809-15 годах даже завзятые доктринеры не решаются говорить о вреде бумажных денег. Между тем, даже и здесь абсолютные знаки в виде ассигнаций, которые с болью сердца выпустил Александр I, принесли отнюдь не вред, а *явную и несомненную пользу.*

Чтобы это понять, достаточно мысленно отделить причину от следствия и взглянуть на *ассигнации* как на *показатель* народных жертв и напряжения народных сил для спасения России и Европы в 1812-15 годах.

В 1807 году ассигнационный рубль стоил на серебро около 50 копеек в 1813-25. Другими словами, его внешняя стоимость понизилась за шесть лет наполовину. Предположим (хотя это и не так), что и внутренняя его стоимость упала также на 50 процентов. Кто в 1807 году имел 1000 рублей, тот фактически в 1813 имел 500, а к 1815 еще меньше, другими словами, потерял половину своего имущества. Относится это только к лицам, державшим деньги *на вкладах* в казенных банках,

но отнюдь не к землевладельцам и промышленникам, ибо земли соответственно увеличивались в ценности, а промышленники подняли цены на свои произведения. Пострадали, конечно, и они, как и вообще все население, но *их* убытки вознаградились широко увеличившимся трудом, а убытки непосредственно разоренных Наполеоном — правительственной помощью.

В результате: нашествие неприятеля отражено, хозяйство в огромной полосе, опустошенной войной, восстановлено, Москва отстроена, русские войска прошли в Париж и спасли всю Европу. Расходы на все это покрылись ассигнациями, которые вызвали прямые убытки для групп рантьеров, косвенные убытки для всех и напряжение сил для классов трудящихся. Всего через год после Венского конгресса рубль уже поднялся со своей наинизшей цены в 1815 году, доходившей до 20 копеек за рубль, на 5 процентов; это указывало прямо, что народный труд стал самостоятельно залечивать раны, нанесенные войной.

Утверждается с полным правом, что эти излишние в мирное время ассигнации явились в великую войну 1812 года не только *показателем* принесенных Россией жертв, но и драгоценнейшим *орудием*, посредством которого в огромной степени были облегчены самые жертвы и народная тягота разложилась и распределилась наиболее равномерным и вместе с тем наиболее легким способом.

XII

Итак, нижеследующий тезис можем считать доказанным.

Абсолютные деньги, независимые от золота, позволяют оживлять и оплодотворять народный труд до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания.

Но из этого же положения как вывод следует и обратное: под влиянием промышленного оживления и улучшенных условий народного труда развиваются и трудолюбие народа, и его предприимчивость, и его технические познания. В самом деле, в приведенном выше примере при определении момента полного насыщения страны знаками мы видели, что, например, новую железную дорогу приходится отложить за недостатком свободных инженеров, которые свои услуги стали ценить крайне высоко. Не ясно ли, что в обществе должно явиться усиленное стремление к инженерному и вообще техническому образованию и, под воздействием этого толчка, число инженеров и техников станет быстро возрастать? Лучшее вознаграждение и постоянное торжество труда должно могущественно подействовать на трудолюбие народа и усилить его, равно как и технические познания. Для предприимчивости являются также прекрасные примеры, а потому должна развиваться и она.

С другой стороны, нетрудно видеть, что при условии обесценивания всякого рода труда, кроме чиновничьего, независимо от положения промышленности и равно оплачиваемого при ее процветании или гибели, лица, получившие техническое образование, несмотря на их крайне ограниченное даже количество, могут оказаться лишними? Мы видим, что бедствуют или идут на самые низшие канцелярские должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность в них не нуждается и не может оплатить их труда? Врач, желающий практиковать в деревне, должен или получать жалованье от земства, или питаться чуть ли не Христовым именем, собирая с нищего населения яйца, полотенца и т.д.

Из всего сказанного до сих пор о бумажных деньгах в стране, экономически независимой, то есть могущей самой удовлетворить все свои потребности, казалось бы, прямой вывод следующий: печатать бумажки, пускать их в обраще-

ние, оплодотворять народный труд и приостановить дальнейшие выпуски лишь тогда, когда жизнь посредством указанных выше признаков даст понять, что знаков довольно, что новые бесполезны или вредны.

Да, можно утверждать совершенно положительно: если бы мы только знали *эти* признаки, если бы никаких *более точных приемов* к урегулированию денежного обращения наука дать не могла, даже и в этом случае можно было бы смело просить верховную власть печатать и выпускать в народное обращение бумажки. Зло, могущее произойти от их несколько неумеренного выпуска, *пустяки* в сравнении со страшным злом, обусловливаемым их заведомым недостатком, или великими кризисами, или разорениями, вызываемыми особыми свойствами металлического обращения.

Начало обесценивания внутренней стоимости бумажной единицы, как уже было указано выше, подметить легко. Это всеобщее вздорожание продуктов труда и, главным образом, первой необходимости. Однако основываться только на этих признаках нельзя.

Промышленное развитие страны — вещь слишком сложная, и разнообразные кризисы наступают совершенно непредвиденно. Эти кризисы особенно вредны при промышленности молодой, еще не установившейся, еще не владеющей запасными средствами.

Представим себе, что вдруг один из таких кризисов, разразившись над одной крупной отраслью народного труда, парализует и остальные. Народный труд сокращается, и тотчас же оказывается, что значительная часть абсолютных знаков является излишней. Излишние знаки роняют тотчас же ценность остальных, и важнейшее условие нормальной промышленной жизни — устойчивость денежной единицы — становится в опасности. Ясно, что *эти избыточные знаки должны быть немедленно сняты с рынка, извлечены из обращения*. Легко может быть, что через несколько месяцев эти

знаки или еще большее их количество понадобится снова, но в минуту кризиса они должны быть удалены, иначе народный труд потерпит огромный ущерб. Другими словами, денежное обращение должно быть эластичным.

Мы подошли как раз к тому регулятору, о котором было упомянуто в начале. Этот регулятор может действовать почти автоматически и совершенно облегчить как практические приемы учреждения, ведающего денежным обращением, так и тяжкую нравственную ответственность главы государства. *Он устраняет из финансовых мероприятий правительства все неточное, гадательное, произвольное и создает совершенно ясные условия выпуска и погашения денежных знаков.*

Представим себе следующую схему.

Я веду промышленное дело. Обороты и производство временно сократились, на руках у меня остались свободные знаки, девать которые некуда. Рядом умер мой товарищ. Вдова ликвидировала дело. И у нее на руках свободные деньги. Если этим деньгам не дать естественного убежища, они неминуемо будут угнетать промышленность, ибо их владельцы будут искать им помещения, будут друг перед другом ронять услуги капитала.

Представим себе, что государство входит в роль посредника по помещению этих денег. Оно открывает специальную кассу, куда всякий желающий приносит излишние у него денежные знаки. Касса выдает ему *вкладной билет*, приносящий небольшой процент. Деньги накопляются.

Что может и что должно государство делать с этими деньгами и откуда будет оно платить проценты по вкладам?

Если мы припомним выдачу Ивану Сидорову 300 рублей из пяти процентов, мы сразу поймем, что эти 300 рублей могут быть прямо взяты из вкладов, а проценты будут уплачены из взятых с Ивана Сидорова процентов. Иван Сидоров платит за ссуду 5 процентов, государство дает вкладчику 4, 1 процент идет на расходы по организации дела и в доход государства.

Если мы заглянем назад в историю русских финансов, мы найдем приблизительно эту схему, проведенную довольно строго системой старых банковых учреждений, сохранными казна́ми, приказами общественного призрения, ассигнационным, коммерческим, заемными и ссудными банками. Система эта оказала огромное благодеяние старой, дореформенной Руси, хотя самый кредит и был довольно односторонним, направляясь почти исключительно в землю в виде долгосрочных ссуд дворянству.

И тем не менее, теперь трудно даже себе представить, как при тогдашней несвободе труда, при отсутствии почти всякой предприимчивости в среде поместного класса, при гораздо меньшем населении, при отсутствии железных дорог и страшной медленности оборотов, при двадцати миллионах бесплатных рабочих, денег почти не видавших, могла Россия вмещать такое огромное количество золотых и бумажных денежных знаков. Россия, при всем ее патриархальном характере, при отсутствии фабрик и заводов, при натуральном обмене, была очень богата. Едва ли в сорок лет успели мы расточить накопленное делами, да и то после бешеной оргии. Теперь мы действительно обеднели, мы убили и закабалили труд, а главное, мы беспощадно опустошили землю хищническим хозяйством.

Но довольно вернуться нам к здравой, самой историей оправданной финансовой системе, довольно ввести настоящее абсолютное денежное обращение и правильно организовать народный кредит, чтобы в несколько лет все грехи были поправлены и Россия снова разбогатела.

Как это ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически денежную систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денеж-

ных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа «молодых финансистов» с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и, после тридцатилетнего владычества, сдала Россию в том ужасном виде, в котором она теперь находится.

Читатель, интересующийся подробностями этого поистине нашествия на Россию «молодых финансистов», найдет все данные в нашей книге «*Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве*» в главе «Как разоряются государства?». Здесь мы отметим лишь главные основания так называемых финансовых реформ 1856 — 1864 годов.

После Крымской войны вследствие либерального тарифа курс рубля на золото немного упал. Было признано, что виной этому *изобилие бумажных денег.*

Чтоб их уничтожить, признано было необходимым их консолидировать, то есть вывести из обращения, превратить в процентные бумаги. Были выпущены процентные займы. Явился на рынке избыток бумаги-товара.

Россия брать этого товара не желала даже по 70 копеек за рубль. Она хотела трудиться. Лишние деньги по-прежнему не хотели прятаться в бумагу-товар, а шли во *вклады* в старые банки, где вкладные билеты менялись во всякое время.

Понизили платимый за вклады процент до 2, чтобы выгнать эти вклады и силой вогнать их в товар-бумагу или в акции множества основанных в это время иногда совершенно нелепых дел.

Процентные бумаги все-таки не шли.

Тогда разгромили старые банки, создали Государственный Банк и конвертировали вклады *насильно.* Бумагу-товар в виде выкупных свидетельств выдали поместному классу,

до того нуждающемуся в знаках, что эти выкупные свидетельства, *обеспечивавшие пять процентов дохода, отдавали по 65 копеек за рубль.*

Уничтожили старые ипотечно-кредитные учреждения. Поместный класс лишили всякого оборотного средства и затем сдали в жидовскую эксплуатацию частным банкам.

Четверть века подряд делали огромные долги, чтобы восстановить металлическое обращение, и кончили полным крушением международной ценности рубля.

Все это совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

Четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото.

Огромные бюджетные назначения на уплату процентов.

Широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение.

Огромный ввоз иностранных товаров в Россию.

Сеть железных дорог, обремененная неоплатным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов.

Разорение поместного и земледельческого классов.

Биржевая игра русскими фондами.

Ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде, ради самосохранения.

Уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества.

Понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты…

Пусть не смущается читатель, что мы вводим сюда эти чисто нравственные величины. Зависимость труда от денежной системы мы, надеемся, доказали. Зависимость нравственной атмосферы страны от форм и положения труда в ней, мы полагаем, нечего и доказывать.

Вот что дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин. Теперь это минувший тяжелый сон. Но, несмотря на полное крушение доктрины, хвалиться нам нечем. Доктрина исчезла, однако биржевой период государственного хозяйства не только не закончился, а принимает формы самые нежелательные…

XIII

Регуляторами денежного обращения в России были: Ассигнационный Банк, учреждение исключительно эмиссионное, Коммерческий и Заемный банки для кредита торгового и земельного, сохранные казны и приказы общественного призрения, служившие, с одной стороны, учреждениями земельного кредита, с другой агентурами, принимавшими на вклады свободные средства публики. Реформаторы, «молодые финансисты», объединили управление денежным обращением в построенном на совершенно иных началах Государственном Банке и его отделениях.

Против самой идеи объединения всех народнохозяйственных денежных операций в одном учреждении и выделения отсюда хозяйства собственно государственного (что осталось за Государственным Казначейством) возразить ничего нельзя. Это две области совершенно различные. Управление денежным обращением не должно и не может иметь ничего общего с управлением государственной росписью, с государственным хозяйством в тесном смысле слова, хотя кассоводство может и должно быть общее.

В прежних учреждениях при всех их практических отличных качествах не было строгой системы, не было надлежащего единства. Но этот недостаток с избытком вознаграждался простотой и целесообразностью их действий. Процентных бумаг и акций вовсе почти не было, а следовательно,

не было ни фондовой игры, ни биржевой горячки со всем ее безобразием, ни уплаты государством пенсий огромному классу тунеядцев.

У вас были лишние или свободные деньги. Вы их несли на вклад в сохранную казну или приказ общественного призрения. По этому вкладу вам платили проценты, но в эти проценты не шло *ни одной копейки из государственного бюджета*, кроме тех случаев, когда заемщиком являлось само государство. Платили те, кто, при посредстве казны, нанимал ваш капитал, пользовался его услугами. Правительство одной рукой брало, другой выдавало. Брало наличные деньги на вклады, выдавало ссуды земледельцам (долгосрочные, под залог имений), промышленникам и купцам. Участие собственно государственного хозяйства в этих операциях заключалось в том, что государство в трудные для казначейства минуты делало позаимствования из свободной наличности, причем иногда стеснялся несколько частный кредит, лишь бы избежать новых выпусков денежных знаков; впрочем, это неудобство парализовалось постоянным избытком ввоза драгоценных металлов над их вывозом во все время управления графа Канкрина.

Превосходным регулятором, действовавшим автоматически, эти старые учреждения были потому, что по движению вкладов можно было всегда с большой точностью судить о состоянии промышленности и торговой деятельности в стране.

Число вкладов увеличивалось и росли их суммы. Это показывало, что промышленность в застое, что деньги ищут помещения. Увеличивалось количество требований — это прямо указывало на оживление торговых дел, то есть на нужду страны в знаках. Центральному народнохозяйственному учреждению указывался сам собой путь и представлялась полная возможность разумно воздействовать на денежное обращение, то расширяя, то суживая обе свои двери. Вклады чрезмер-

но приливают. Промышленность в застое, чем ее оживить? Удешевить несколько наем капитала. Достаточно немного понизить платимый по вкладам процент и равномерно понизить же и процент по ссудам. Обратно: вклады уходят, чувствуется чрезмерное, может быть, даже нездоровое оживление промышленности. Чем его остудить? Удорожить несколько капитал, дать поощрение *спокойствию* в ущерб *предприимчивости*, поднять процент и по вкладам, и по ссудам. Но это оказывается не горячка, а здоровое развитие промышленности? Признаком будет подъем цены на услуги частных капиталов. Производство или торговля сулят такие выгоды, что при затрудненном казенном кредите *стоит* заплатить и больший процент частному владельцу капитала. Но у этого частного владельца капиталы в тех же вкладных билетах. Поощряемый премией от заемщика, он идет их менять, несмотря на то, что платимый ему процент повышен. Ясно, что потребность в деньгах возросла, а признак тому самый точный налицо: *возвышение процента по вкладам* (умеренное, конечно) *не останавливает отлива вкладов, возвышение процента по ссудам не останавливает требования ссуд*.

Тогда выпускаются бумажки и путем ссуд или возврата вкладов идут в народное обращение.

Не будем забывать, что при системе бессрочных вкладов вкладной билет на предъявителя, свободно переходящий из рук в руки, есть, в сущности, рентовый билет Цешковского, *те же деньги*, и потому потребность страны в новых знаках в канкриновское время выражалась почти исключительно более быстрым или медленным обращением вкладных билетов.

Обратно: понижение процента по вкладам, удешевление ссуд не останавливает вкладчиков и не поощряет берущих ссуды.

Бумажки накопляются в кассах. Что с ними делать? Они лишние. Хотите — жгите, хотите — заприте и поберегите,

если они еще не очень истрепались и могут идти вновь в случае нужды. Хотите, наконец, усиливайте промышленность искусственно или начинайте государственные предприятия вроде Сибирской железной дороги.

Разумеется, мы далеки от того, чтобы идеализировать чрезмерную эту нашу старую денежную систему. В ней были крупные недостатки, поскольку именно она не была свободна от металлического предрассудка, положенного графом Канкрином в основу его реформы 1839 года, и поскольку существовавшее в полном расцвете своем крепостное право искусственно задерживало переход России из страны чисто земледельческой в страну земледельческо-мануфактурную.

Важно лишь то, что все задатки превосходной абсолютно-денежной системы у нас были самобытно выработаны историей; все старые нестройные и неловкие, может быть, государственно-кредитные учреждения не были *придуманы* в кабинетах ученых-теоретиков, а были выработаны здравомыслящими государственными *практиками* в ответ на требование жизни, а не по книжному рецепту. Если б среди водоворота новых идей мы оказались немного менее легкомысленными, если б в нас было чуть крепче уважение к своей истории и ее двигателям, мы, вместо того, чтобы злобно топтать в грязь *все*, что было связано с пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то ценное, что в ней было, мы уже имели бы теперь настоящую, отвечающую и науке, и нашим нуждам денежную систему. Но пусть хоть тяжелый сорокалетний опыт послужит нам на пользу.

XIV

Вся задача денежной системы, основанной на ссудах и вкладах, движущихся автоматически, заключается в постоянном присутствии в обращении такого количества де-

нежных знаков, которое точно соответствует нуждам рынка, то есть размеру совершающихся сделок. Система будет правильно действовать, очевидно, лишь тогда, когда ее автоматический регулятор будет *держать покупную силу, внутреннюю стоимость рубля на одном постоянном уровне.*

Для достижения этого идеального качества денег, которым, очевидно, не обладает ни золото, ни серебро, представляющие товар, никакого другого пути нет, кроме приискания некоторой совершенно отвлеченной денежной единицы. В области ценовых измерений величина измерителя не может быть подогнана ни к каким постоянным вещественным величинам. Метр как длина одной сорокамиллионной окружности меридиана, ярд как длина секундного маятника в Гринвиче, звездные сутки как время прохождения Землею $^{1}/_{365}$ земной орбиты опираются на постоянные величины. В области цен таких постоянных реальных величин нет и быть не может. Все волнуется и колеблется вокруг некоторых *идей*, единица ценностей есть поэтому *идейная единица* и ее *постоянство* (в данном случае покупная сила) соответствует не произвольно избранной реальной величине, а некоторой *равнодействующей определенных экономических условий.*

Единица меры ценностей не может опираться ни на какую другую измеряемую ею цену, ибо все цены колеблются и часто в полной независимости одна от другой. Открыли Америку — подешевело золото. Ввели в Индии и Австралии обширные посевы пшеницы — пали цены на хлеб. Изобретены новые способы добычи или выделки тех или других металлов или изделий — цены резко переместились. Меняются цены на землю, на труд, на все. *Отыскать что-либо реальное, имеющее постоянную ценность, немыслимо*. Принять что-либо за эту постоянную ценность условно, вроде известного труда в форме рабочих часов или иной, как добивались утописты, — бесполезно. В. Белинский в своей замечательной статье в «*Русском Деле*» о переустройстве нашей денежной сис-

темы рекомендовал принять в основание денежной единицы сумму всего достояния Русского государства и ее известную долю назвал рублем. Но эта условность, не принося ни малейшей пользы, лишает бумажные деньги их главного качества — *постоянной внутренней стоимости*. В самом деле, если принять сумму достояния государства за величину постоянную, то и количество рублей должно быть постоянным, а мы видели уже, что таковым оно быть не может. При постоянном количестве знаков будет именно беспрерывно изменяться их внутренняя стоимость, ибо она обусловлена не абсолютным их количеством, а *потребностью в них, их движением*.

Мерилом, следовательно, постоянства денежной единицы может служить нечто иное, *лежащее вне области собственно цен*. Сделаем попытку принять за такое мерило *отношение главного народного труда* в стране *к его вознаграждению и окружающей трудящихся обстановке*. Я попытаюсь сейчас это доказать.

Возьмем наш главный народный труд — земледелие. Для государственной и народной жизни в России он первее и важнее всего. К нему должны прилаживаться и на него оглядываться *все другие виды русского труда*. Пусть цветут, как угодно, фабрики, пусть развиваются все виды внедеревенского труда, но раз земледелие зачахнет, благосостояние иных форм производительности будет подорвано. Итак, корень в земле и земледельце, в его труде, в его потреблении. Если этот труд хорошо вознаграждается, если, с одной стороны, от земли не бегут, а с другой — ею не спекулируют и за нее не грызутся, если земледелец живет сыто и спокойно, то есть является потребителем, и притом нормальным, и фабричного, и всякого много, в том числе и умственного труда, то это прямо указывает, что в стране (земледельческой, понятно, в данном случае речь идет о России) денежная система хороша, а главный признак хорошей денежной системы — *постоянство ее денежной единицы*.

Мысль об этом соотношении между постоянством денежной единицы и обстановкой главного труда в стране была впервые высказана Мальтусом, но в форме довольно туманной, ибо и этот экономист не был свободен от золотого предрассудка. Развить это положение и доказать его особенных трудностей не представляет.

Попробуем проследить за таким рассуждением.

Денежная единица *должна* иметь столь же отвлеченный и постоянный характер, как и другие единица меры, то есть ее *нужно* приурочить к постоянной величине. Такой величины нет, но *предположим*, что мы ее отыскали, к ней нашу единицу приурочили и взяли некоторую отвлеченную ценность, ну, хоть тот же бумажный рубль. Его ценность, основанная на доверии к верховной власти и на соответствии количества знаков с нуждами народного обращения, изменяется беспрерывно по отношению ко всем другим ценностям. На золото он сегодня 65, завтра 68 копеек, на хлеб, сахар, землю, рабочую плату и т.д. он также сегодня одно, завтра — другое. Является вопрос: чья, собственно, ценность меняется? Самого ли рубля или товаров, изделий, заработных плат вокруг него? Как этот вопрос разрешить? Изучая вздорожание и удешевление разных предметов, мы находим, что каждая из цен устанавливается независимо от денежной единицы, *если она постоянна* (а это, не будем забывать, у нас *предположено*) и независимо друг от друга (сахар может вздорожать, миткаль подешеветь, золото вздорожать, хлеб подешеветь и т.д.). Ясно, что в области реальных ценностей искать постоянного основания для денежной единицы бесполезно, и на поставленный вопрос: рубль ли меняется в своей цене или предметы вокруг него — ответа мы здесь не найдем. Но нам необходима постоянная единица меры ценностей. Нам нужно *знать, убедиться*, что предположенное постоянство рубля не предположение, а факт. Значит, нужно искать посторонних *признаков* постоянства. Является такой силлогизм.

1) Денежная система в стране может быть совершенной лишь тогда, *когда ее денежная единица* (отвлеченная или реальная) *постоянна*.

Золото этой постоянной единицей быть не может, ибо его собственная ценность беспрерывно колеблется: ***а)*** вследствие изменяющегося его количества в мире не пропорционально изменениям в промышленности, в торговых оборотах; ***б)*** вследствие различных международно-торговых комбинаций. В одной стране, выгодно торгующей (Франция, Америка), золото может скапливаться и обесцениваться, в другой (Россия, Австрия) — дорожать. Во Франции может быть лаж на банковые билеты, в России — на золото.

2) Денежная система может быть тогда названа совершенной, когда совершаемые ею сделки учитываются и ликвидируются вполне правильно, то есть когда главный народный труд находится при данных законодательствах и иных условиях в самой лучшей обстановке, то есть: ***а)*** когда за денежными средствами (знаками) нет и не может быть остановки; ***б)*** когда цены на труд и на продукты устанавливаются естественно, то есть внутренним условиям народного быта и труда, а не под давлением денежного рынка (например, я продал лен дешево *только* потому, что его большой урожай, а не потому, что был вынужден продать за недостатком кредита. Обратно: рабочий взял с меня 15 рублей в месяц потому, что ему выгодно служить у меня, а не потому, что я закабалил его предыдущей зимой). Говорим *главный труд* потому, что главный труд является и главным потребителем, то есть прямо обусловливает *все* остальные виды труда.

Следовательно, предположенное нами постоянство ценности рубля как денежной единицы станет фактом и, вместе с тем, теоретически докажется тогда, когда основанная на этом денежная система создаст наилучшую качественную обстановку для главного вида народного труда (в России — земледелие).

Просим непредубежденного читателя вникнуть поглубже в наш *прием* доказательства. А вот и проверка в обратном направлении.

Количество рублей будет изменяться, все цены — тоже. Но человек, имеющий 1000 рублей, будет знать, что он имеет нечто тождественное и сегодня, и завтра, и через год. Подешевеет квартира, вздорожает прислуга, подешевеют хлеб, газеты, фрукты, вздорожает мясо, подешевеют платье, поездки, вздорожают уроки и т.д. Но *средняя, равнодействующая*, будет одна и та же; другими словами, труд, освобожденный от искусственного давления денежного рынка, будет учитываться свободнее, а следовательно, справедливее. Не будем забывать основной идеи денег: облегчить расчеты, отнять у денег их собственное, *самостоятельное значение*, устранить те замешательства, которые вносит в жизнь несовершенство денежной системы, помочь свободной установке цен, свободному взаимодействию труда, знания и капитала. Идеал денег — вполне облегченный учет работы этих трех элементов, свободный от всякого влияния самих знаков. Знаки должны быть нейтральны, безразличны и, следовательно, постоянны. Где же может быть проверка этого постоянства? В свободе и доброй обстановке главного труда. Практически это постоянство заключается именно в том, что государство путем вкладов и ссуд может держать в обращении как раз потребное число знаков. Практика и теория здесь вполне сходятся. Центральное государственное кредитное учреждение является сердцем, вклады и ссуды — кровообращением. Постоянство денежной единицы — равностью пульса.

Итак, вот где, по нашему мнению, ключ к чрезвычайно важному закону денежного обращения, определяющему постоянство абсолютной денежной единицы. Формулировать этот закон можно так.

Постоянство денежной единицы, то есть неизменность ее внутренней ценности, или покупной силы, зависит не от ко-

личества обращающихся знаков, а от соответствия этого количества с потребностями в каждую данную минуту народной производительности. Соответствие это определяется качеством обстановки, в коей находится при данных внешних условиях главный основной вид труда в стране.

Надеемся, что после сказанного не может быть никаких недоразумений для практического приложения этого закона.

Система вкладов и ссуд при добавке по мере надобности свежих количеств знаков — вот настоящий, почти автоматический *регулятор* денежного обращения. *Внимательная, добросовестная оценка условий сельской жизни и земледелия* — вот его превосходный нравственный *контроль*. За все остальное бояться нечего. Давным-давно сказано: сыт мужик, сыт барин, сыт фабрикант, сыт чиновник, сыт ученый — богато и сильно государство, богат и славен монарх. И наоборот, pauvre paysan — pauvre roi, а если бедность на обоих этих концах, то не может быть благоденствия и посредине.

XV

Обратимся теперь к рассмотрению роли и значения в нашей денежной системе *процентных бумаг* и к проверке этой роли с научной стороны.

Господа «молодые финансисты», приступив к разрушению старой нашей системы финансовых учреждений, прежде всего постарались ввести вместо вкладов, *не допускавших биржевой игры*, процентные бумаги или *бумагу-товар.* Сделано ли это было по крайнему легкомыслию, в угоду европейской доктрине, или лежало в основании нечто совсем другое, называющееся совсем иначе, но в результате получилось вот что.

Государство добровольно само себе связало руки и фактически отреклось от управления денежным обращением.

Свободные капиталы были изъяты из народного обращения и скрыты в бумагу-товар.

Положено было прочное начало тунеядству на государственный счет и широкой биржевой игре.

Земледелие и промышленность были лишены орудия обращения — денег.

Все это находилось в тесной зависимости от введения системы внутренних и внешних займов, то есть выпуска государственных процентных бумаг.

Попытаемся же научным образом осветить значение в народном и государственном хозяйстве процентной бумаги и постараемся ответить на вопрос: *должно ли государство вообще делать займы и не дает ли система абсолютных денег возможности обходиться без них вовсе?*

Из предыдущего изложения мы уже видели, что государственное хозяйство идет или должно идти совершенно независимо от денежного обращения, входящего в область хозяйства народного, коего государственное хозяйство составляет лишь некоторую часть. Среди общей суммы оборотов фабрики есть специально «расходы по управлению». То же и в крупном земледельческом хозяйстве. В государстве бюджет, обнимающий собой множество отраслей, при всей его сложности, сводится опять же к управлению, внешней защите, просвещению, суду и т.д., то есть имеет дело с теми внешними формами, внутри которых идет самостоятельная народная жизнь с ее трудом, капиталами, землевладением, торговыми оборотами и прочим.

Государственный бюджет представляет всенародную складчину на содержание государственного аппарата, расходуемую государственными органами. Каждый из трудящихся членов, равно как и каждый капиталист, привлекается к этой складчине в доле своего имущества или дохода. Государственная рамка для страны необходима, а потому неизбежны и налоги на ее содержание. Чем более усилива-

ет государственная организация народную производительность (или чем больше способствует нравственному подъему народа), тем выгоднее и приятнее участвовать в этой статье расхода гражданам. Бывают исторические минуты, когда находящаяся в опасности государственность так любезна и дорога, что граждане отдают на ее спасение свое имущество или поголовно вооружаются и идут ее выручать (нижегородское движение 1612 года). Но бывают, наоборот, такие условия, при которых государство, разошедшееся в лице правящего класса с действительной народной жизнью, эгоистически развивающееся вне народной жизни, независимо от нее и *над нею*, становится крайне тяжелым для граждан и требует от них совершенно непосильных жертв. Жизнь в этих искусственно утяжеленных рамках становится невыносимой, а государственность ненавистной. Современному немцу или члену австрийского государства приходится огромную долю своего труда расходовать ради целей своей государственности, в поддержку таких стремлений правительств, которые не только на дают народной жизни и труду ничего в настоящем, но несут за собой ряд великих опасностей в будущем.

Но если государства австрийское и германское могут, по крайней мере, с одной стороны, похвалиться величайшими заботами об этой обремененной налогами и военными расходами народной жизни, а с другой стороны, могут хоть софизмами оправдать ту идею, которая вызывает столь огромные тягости (для Германии опасность от России и Франции, для Австрии чувство самосохранения от панславизма), то мы ничего не можем привести в объяснение нашего невыносимо тяжелого положения, кроме великого недоразумения, завещанного группой «молодых финансистов» и продолжающегося до сего дня.

В самом деле: наши военные расходы, падающие на каждого жителя, попросту ничтожны сравнительно с расходами

других великих держав. Стоимость содержания нашего государственного аппарата, или наш расходный бюджет, также относительно невелика. А между тем ни австрийцу, ни германцу так не тяжело жить и платить государству, как нам. Зло, угнетающее нашу народную жизнь и парализующее наш народный труд, состоит в том, что введенная у нас тридцать лет назад финансовая политика систематически заменяла деньги — орудие обращения, деньги — прежний капитал производства государственными процентными бумагами, являющимися ничем иным, как *свидетельствами на получение от государства некоторого постоянного содержания без всякого труда*.

Вот простейшая схема того, что было придумано господином Ламанским «со товарищи». При прежней системе дело обстояло так.

Я капиталист. Сейчас у меня нет своего предприятия, я сложил деньги на вклад и получаю процент. С кого я получаю? С того, кто при посредстве государства работает на мои деньги, кто взял их взаймы на промышленное дело, земледелие или торговлю. Я желаю начать дело сам. Я иду с моим вкладным билетом в кассу и в любую минуту освобождаю мой капитал. При этом, если тот, у кого мои деньги, продолжает работать, государство дает мне новые деньги. Выпуск их в обращение совершенно понятен. Работал *А*, обращалось количество денег *а*. Пришел и начал работать, *кроме того, Б*, явилось новое количество знаков *б*. Работа увеличилась, стала *А + Б*, денежное обращение тоже увеличилось и стало *а + б*.

По системе господ Ламанских.

Я капиталист. Деньги у меня свободны. Я отдаю их государству и получаю некоторую бумагу, у которой обеспечена не *стоимость ее* (эта стоимость устанавливается на бирже), а *известный* довольно большой *доход* (чтобы приохотить меня к держанию бумаги, которая колеблется от первого

ветра и трепещет от мановения бровей господина Ротшильда). Куда девались мои деньги? Они сожжены государством в печи во дворе Государственного Банка. Зачем сожжены? Потому что господин Ламанский нашел, что знаков избыток. Но кто же мне будет платить проценты? *Государство из своего бюджета*. Но откуда же они возьмутся в бюджете? *А правительство взыщет необходимую сумму в виде налогов.*

Эта схема математически точна с действительностью. Продолжим ее благополучно до нынешних дней, и мы увидим, что чуть не половина нашего бюджета состоит вот их этих платежей по бесчисленным купонам и внутренним, и внешним. Огромное количество людей, у которых были прежние сбережения, ничего другого не делают, как в известные сроки стригут купоны и несут их менялам или в казначейство, а исправники и становые рыщут, выколачивая подати, чтобы казначейству дать средства платить по этим купонам.

Нам возразят: но ведь не для того же государство делало займы и выпускало процентные бумаги, чтобы *только* жечь кредитные билеты. На эти бумаги оно совершило огромную крестьянскую выкупную операцию, на них же выстроило сеть дорог и пр., и пр.

На это ответ один: нет, именно и только для того выпускали господа доктринеры займы, чтобы *жечь бумажки* или не выпускать их в необходимом для страны количестве, то есть *жечь их мысленно.* Доказать это нетрудно. Просмотрим все три главные операции.

1) Выкупные свидетельства. До реформы, при обязательном труде, между владельцем и крепостными на барщине денежных знаков почти не нужно было. Читается манифест 19 февраля. Все стало делаться на деньги. Владелец на все *нанимает* и за все *расплачивается*. Крестьяне за все *платят*. Знаков против прежнего нужно, по крайней мере, втрое, ибо сразу все сделки переходят из натуральных на денежные. Ес-

ли бы выкуп был совершен на вновь выпущенные для этой цели кредитные билеты, их бы едва-едва хватило для новых условий денежного обращения, ибо всем — и барину, и мужику, пришлось заводить совсем новое хозяйство. Вместо этого были выпущены процентные бумаги, а, с другой стороны, «консолидировали излишние»!! знаки и жгли кредитки, обменивая их на особо выпускаемые банковые билеты. И вдобавок у помещика удержали весь капитальный долг, сделанный им в опекунском совете, и выдали только разницу в виде выкупных свидетельств.

Бросился барин искать денег на свое новое хозяйство, бросился и мужик. Барин продал свое выкупное свидетельство за 65 копеек, за рубль, кулак, чтобы дешево купить мужицкий труд и продукт, продал полученную им банковую бумагу (вместо прежнего вклада) тоже за 65 — 70 копеек и начал эксплуатировать и барина, и мужика.

Спокойные капиталисты в это время купили 5-процентную ренту за 65 копеек, то есть начали на свой капитал получать почти 8 процентов *от государства* в виде пожизненной пенсии за то только, что направили свой капитал не непосредственно в дело, а в печь во дворе Государственного Банка.

Надеемся, можно смело сказать, что выкупные свидетельства *заменили собой те бумажки*, которые было необходимо выпустить ради удержания на надлежащей норме денежного обращения после 1861 года, вместо этого — осталась земля и на ней барин и мужик с голыми руками, с обесцененным трудом, без оборотных средств, а кругом них, словно вампиры, денежные спекулянты, для которых 8 процентов в виде купонов было мало, ибо около изнемогавших в агонии землевладельцев и земледельцев можно было погреть руки, можно было заработать не 8, а сто на сто. И зарабатывали!

Этот мартиролог изложен в самых ярких чертах не газетными репортерами, а правительственной комиссией

по исследованию упадка сельского хозяйства, работавшей еще в 1873 году!

2) Железные дороги. Мы уже видели, как действуют железные дороги на денежное обращение в стране. При постройке увеличивается народный труд и возрастает нужда в знаках. По окончании постройки и открытии эксплуатации эта нужда еще более возрастает. Железная дорога — новый кровеносный сосуд в организме. Прибавилось сосудов, и стало быстрее кровообращение; ясно, что крови должно быть больше. Вместо этого кровь постепенно выпускали. Для постройки железных дорог употребляли не новые знаки, которые, оправданные жизнью, так бы и остались впоследствии в народном обращении; наоборот, привлекали готовые капиталы, а так как таковые не приливали изнутри, ибо и без того попрятались в процентные бумаги, так как этих процентных бумаг и без того было наводнение, то стали привлекать свободные капиталы иностранные. Этими же капиталами уплачивалось не за русский, а за иностранный труд.

Получилось: создание за границей огромного класса русских кредиторов; возрождение за границей народного труда. Внутри России: расширенная система кровеносных сосудов при выпущенной крови: пустая, а потому бездоходная сеть дорог среди нищего населения сел, сеть, обремененная неоплатным долгом, проценты за который приходится изыскивать все с того же обнищавшего населения. Ясно, что и здесь мысленно сожжены те же бумажки, которые нужно было выпустить для постройки *и эксплуатации* (то есть увеличенных оборотов промышленности) русской сети дорог.

3) Займы, сделанные явно с целью прямо жечь деньги, например Восточный заем и другие, нечего и разбирать.

Мы обстоятельно рассмотрели значение процентных бумаг в истории наших финансов, и нам хотелось бы показать теперь, что *система денежного обращения в экономически самостоятельной стране, основанная на абсолютных зна-*

ках, вовсе не нуждается в процентных государственных бумагах и не требует ни одной копейки из государственного бюджета для оплаты процентов.

К доказательству этого положения мы и переходим.

XVI

Главное зло современных государств, процентные займы, внутренние или внешние, неизбежные при золоте как деньгах, могут быть совершенно устранены при абсолютно-денежном обращении и при правильной организации государственного и народного кредита.

Из цивилизованных стран нет в эту минуту ни одной, которая удовлетворялась бы одной формой денег — благородными металлами или одним золотом. Повсюду рядом со звонкой монетой циркулирует большее или меньшее количество ее суррогатов, разменных банковых билетов, настоящих *кредитных* денег. Основная черта этого денежного обращения — разменность банковых билетов каждую минуту на металл. Приостановка этого размена равносильна государственному банкротству. Это обман и насилие над подданными. Во избежание этого обмана и всяких искушений для парламентарного государства орган денежного обращения в стране *отнимается у правительства* и ставится особняком, ограждаясь от всяких на него воздействий серьезными и положительными статутами.

Совершенно тот же вопрос поднимался и у нас при основании Государственного Банка в 1860 году; до сих пор еще существуют серьезные люди, которые проповедуют необходимость выделить наш центральный орган денежного обращения из системы государственных учреждений и сдать его особому акционерному обществу. Что эта идея имеет почву — доказательство статьи в «*Новом Времени*» господи-

на Гурьева, «ученого секретаря Ученого Комитета» Министерства финансов (да-да, есть такой титул двойной учености), помещавшиеся там в начале 1893 года.

Читателю этого исследования названные статьи, наверно, показались необыкновенно смешными и наивными. Господин Гурьев доказывает без малейшей улыбки, что передавать Государственный Банк акционерной компании невозможно. Да кто же может в здравом уме и твердой памяти предложить противоположную комбинацию? Другими словами, кликнут клич по всему европейскому Израилю: «Милостивые государи! Не будет ли вам угодно получить в ваше заведование экономическое сердце России? Приходите к нам, составляйте акционерную компанию, получайте золотой фонд, печатайте бумажки и заведуйте нашим денежным обращением; то есть *берите в полное владение с правом жизни и смерти: наше сельское хозяйство, фабричную и заводскую промышленности и нашу торговлю, словом, весь наш народный быт и труд во всех его видах*. Государство от всего этого отрекается, ибо оно верит, что вы с этим лучше справитесь, чем оно само. Вы, конечно, на всем этом будете наживать, но ведь это дело торговое».

В этих словах нет ни тени преувеличения. Читатель недоумевает и спрашивает, какой смысл в этом приглашении акционеров, в этом устранении правительства от самого центра государственного дела? Что дадут акционеры, управляющие Банком? Верно, есть же какая-нибудь идея в этом желании?

Идея, несомненно, есть. Вот она: *акционерный банк поставит народное денежное обращение в полную независимость от правительства*. Но зачем же это нужно? А затем, чтобы министру финансов в трудную для государства минуту не пришло искушение смешать источники собственно денежного обращения с источниками бюджетными, другими словами, чтобы государственная власть не могла *ограбить подданных*.

По-видимому, даже предположить что-либо подобное уже есть своего рода безумие? Ничуть не бывало! Находятся на Руси органы и публицисты, которые хоть и не столь грубо открыто, но высказывают совершенно то же самое.

Дело вот в чем. Существует Государственный Банк и ведает *народным* денежным обращением. Существует Государственное Казначейство и ведает *государственными* приходами и расходами. И там, и здесь суммы разные, и смешивать их невозможно, ибо все экономические отправления тотчас же придут в расстройство. Поэтому и ведется, например, такой счет: наличность Государственного Банка (собственная) такая-то. Кроме нее, имеются в Банке суммы, принадлежащие Государственному Казначейству, такие-то. Представим себе, что вследствие неурожая или других условий подати задерживаются или государству предстоит экстренный расход. Собственных сумм Государственного Казначейства может не хватить. В это время собственная наличность Банка может быть очень велика и лежать непроизводительно. Граф Канкрин, да и все почти русские министры финансов, кроме упорных доктринеров, делали следующее: они заимствовали из банковой наличности и по мере поступления государственных доходов пополняли эту наличность. У графа Канкрина был в особенности неисправим один предрассудок: он как огня боялся займов и налогов, а потому предпочитал довольно грубо нарушать теорию и в бухгалтерском смысле допускал произвол, лишь бы не отягощать народ по купонам. Велось подобное хозяйство не год и не два, и Россия, только что разоренная Наполеоном и истощившая все силы на «спасение Европы», быстро поправилась и разбогатела.

Нам говорят: этого нельзя! Если государственных доходов не хватило или понадобился экстренный расход, *делайте заем*, то есть выпускайте процентные бумаги и платите по купонам податями. Не смейте *заимствовать* в свободной банковой наличности, не усложняйте счетов, не отступайте от устава.

А главное, не проявляйте ни государственной власти, ни государственного творчества! А так как здравомыслящий министр финансов и хороший хозяин не может этих позаимствований не делать, то призвать евреев и сдать им Банк, другими словами, поставить их на страже против возможных злоупотреблений органа, которому Верховная Власть поручила распоряжение государственным и народным хозяйством.

Даже ученый секретарь Ученого Комитета догадался, что подобный порядок, безусловно необходимый при парламентском режиме, совсем не подходит к самодержавной монархии. Предполагая, что подобное заимствование может сделаться не иначе как по специальному Высочайшему повелению, оказывается, что *необходимо звать евреев собственно затем, чтобы ограничить верховную власть в возможности дать подобное повеление.*

Вот, по самому добросовестному толкованию, идея акционерного Государственного Банка. Можно думать, что, несмотря на все подходы и сладкие словеса представителей у нас европейского мировоззрения и аппетитов, мечтать об осуществлении чего-либо подобного просто-напросто глупо. Уж на что было бесшабашное по этой части время — конец пятидесятых годов. Но и тогда господа молодые финансисты не могли провести свою идею насчет обращения Государственного Банка в акционерный, и это учреждение так и осталось на ведомстве Министерства финансов, хотя и разграниченное (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного Казначейства.

XVII

Ясно, что при независимом от государства положении центрального органа денежного обращения государственной власти, вынуждаемой к каким-либо экстренным расхо-

дам, приходится либо возвышать налоги, либо закладывать эти налоги, выпуская внутренний или иностранный заем. И в том, и в другом случае принцип остается тем же самым. Новый налог дает небольшие сравнительно суммы ежегодно; заем, сделанный сразу, погашается теми же налогами в будущем в течение известного числа лет.

Никакого другого выхода нет, ибо парламентское государство ничему другому не верит, кроме золота, и потому решительно не хочет и не может предоставить дело *экономического творчества* государству. Говорим про существующие государства буржуазно-либерального склада, против которых так яростно протестует социализм разных видов и оттенков. Что за государство создаст сам социализм, как удастся *ему* оформить государственное творчество, этого мы еще не видали, да, вероятно, и не увидим, ибо социализм, еще не успев положить первого камня в смысле положительном, уже выродился, и совершенно логически, в анархизм, то есть в разрушение *всего существующего* с голой надеждой, что на развалинах вырастет *само что-нибудь*.

Современное парламентарно-буржуазное государство все экономическое творчество отдает бирже, то есть представительнице капитала. Самовластная биржа, обладая деньгами (не забудем, что деньги — концентрированный прежний труд и орудие труда будущего), естественным образом приобретает и полное господство над трудом во всех его видах.

Правительство обращается в простого городового, наблюдающего за порядком, а страна при биржевом режиме резко разделяется на два класса: *правящие* — представители капитала, или труда прежнего, в их руках сосредоточенного; *правимые* — представители труда настоящего или будущего, работающие только потому, что правящие, то есть капиталисты, дают свой капитал в производство.

И власть, и творчество, и действительное управление страной, и законодательство, и внешняя политика, и миро-

воззрение, и национальные идеалы — все это монополизуется одним правящим классом. Как Людовик XIV когда-то, так биржа теперь может сказать: «I'etat — c'est moi» и будет совершенно права, ибо, властвуя над трудом и заработком человека, нельзя вместе не властвовать и над его душой, и над его bulletin de vote вплоть до тех пор, пока озлобленный пролетарий, утративший Бога истинного и не могущий уверовать в бога Меркурия, не начнет швырять своих директоров фабрик в бассейны с расплавленным стеклом…

Но дело сейчас еще не в этом, а потому в эту область отвлекаться не будем. Нам хотелось показать, что коль скоро *творчество отдано бирже*, то и *заработок* от всего капитала *идет целиком ей же*, как исключительно представительнице творческого начала и как властительнице и капитала, и труда.

Поясним это на примере. Государство строит железную дорогу, как указано выше в статье «*Русского Дела*», на вновь выпущенные знаки. Создается огромный заработок, ибо вызывается огромный труд. Капитал, оплодотворивший этот труд, *не действительный, а мнимый*, ибо бумажки представляют из себя пока простые *квитки*, расчетные знаки. Что изображает этот заработок? Как он распределился? Он распределился на началах политической экономии, по законам свободного спроса и предложения. Но при этом, кроме заработка всех и каждого из участвовавших в работе, явилось еще некоторое реальное имущество, приносящее доход, и это имущество (если дорогу строила казна) принадлежит ей, то есть составляет предпринимательную долю этого мнимого капитала, *ставшего, однако, после постройки капиталом действительным*.

Чей это капитал? Кто его собственник? Очевидно, государство, то есть весь народ.

На Западе, при власти биржи и золоте-деньгах, дело идет совсем иначе. Для постройки дороги биржа авансировала из-

вестный свой *готовый капитал*, выговорив себе определенный процент. Труд произведен, дорога создалась, все заработали, но заработок распределился совсем иначе. Капиталист разменял трехпроцентную ренту, чтобы купить акцию новой железной дороги, и получает теперь, скажем, шесть процентов дивиденда, то есть стал вдвое богаче. Инженеры, строители, подрядчики, получив свой заработок, купили на него (ту же проданную капиталистом) ренту, чернорабочие прожили и прокормились (может быть, даже лучше, чем жили и кормились раньше, может быть, даже сберегли что-нибудь и снесли в «caisse d'epargne», но вообще остались в том же положении, а государство *осталось совершенно в стороне*. Оно выиграло, может быть, лишь в смысле налогов, имея возможность несколько обложить новую линию как новое *чужое* для него имущество.

Понятна или нет основная, глубочайшая разница в обстановке предприятия, двигавших им силах и в его результатах?

В первом случае заработки распределились совершенно равномерно между всеми трудящимися, а фактически обогатилось только государство, *создав*, то есть получив *даром*, недвижимый капитал, новую линию железной дороги, пусть приносящую на первое время и малый доход. Капиталисты остались здесь в стороне или участвовали косвенно и косвенно же получили свою долю дохода[1]. Работал здесь в широком смысле труд, оплодотворенный *мнимым капиталом*, как бы уступившим свою долю вознаграждения государству, то есть предоставивший ему новый *капитал реальный*.

Во втором случае заработки тоже распределились, но между трудом и готовым *старым капиталом*. Государство осталось в стороне. Продукт творчества пошел не ему, а капиталу, то есть бирже, удвоив богатства биржевых царей, как увидим позднее.

---

[1] Основав, например, новые предприятия, обусловленные новой линией.

Политическая экономия прекрасно разъясняет, как при возрастании капиталов сама собою уменьшается доля дохода капитала, как вследствие этого капитал становится живее, подвижнее и стремится все дальше и дальше продолжать творчество. Вообразим же себе, что эта работа капитала во имя саморазвития и дальнейшей власти и преуспеяния совершается долго и продукты ее все усиливают самый капитал. Прибавим сюда, что при международном господстве золота известное племя, или страна, счастливее других работают в лице своих капиталистов. Страна может страшно разбогатеть, найти себе данников по всему лицу земли и поставить свой собственный труд в положение и обстановку весьма сносные[1]. Взглянем на Францию, какое колоссальное обилие накопленных капиталов! Пять миллиардов уплачены как пять рублей. Налицо четыре миллиона людей, живущих рентою, то есть пользующихся чужим трудом, кормящихся за счет итальянцев, и за счет египетских феллахов, и за счет своих собственных трудящихся и нищенствующих сограждан.

Государство тоже, по-видимому, богато, ибо бюджет его огромен. Но все-таки у государства ничего *своего*, оно только собирает и расходует налоги, оно непричастно никакому творчеству и, в случае потребности в экстренном государственном расходе или опасности, может *только увеличивать налоги и делать займы*, предварительно заручившись благоволением биржи.

Самодержавная государственная власть в экономически самодовлеющей стране, действуя при помощи бумажных денег, *имеет источники своего собственного богатства*, и это богатство сосредоточено не в руках одного из государственно-экономических классов (капиталисты, рантьеры), а является в полном смысле *мирским*, народным, или, вернее,

1 К несчастью, и этого нет. Биржа так жадна, капитал так бессердечен, что наряду с непомерными богатствами Ротшильдов и других, пролетариат во Франции, Англии, Германии и повсюду страшно беден и фактически голодает.

всенародным, ибо государство есть внешнее выражение народа. Богатство это, выражающееся не в золоте, а в *мирских*, государственных имуществах, дающих определенный доход, или в известном количестве *запаса труда* (см. ниже), может *безгранично приумножаться*, совершенно так же, как приумножаются частные капиталы у правящих классов государства парламентарного. И это государство не будет носить ни малейшего западно-социалистического оттенка, вернее, ходячие социальные воззрения окажутся к нему вовсе не приложимыми. Социализм, ратующий против исключительных прав капитала, ради таких же исключительных прав труда, то есть *желающий заменить деспотизм капитала деспотизмом труда*, логически не может кончить ничем иным, кроме разрушения всего государственно-общественного строя, или невинными, но совершенно вздорными фантазиями, вроде Беллами, обратившего свободную Америку в колоссальные арестантские роты посредством неизбежной государственной регламентации труда в его мельчайших подробностях («всеобщая трудовая повинность» Беллами есть нечто столь принципиально чудовищное, что перед нею побледнеют и каторжные работы). Самодержавное государство, основанное на начале доверия к верховной власти, разумно пользуясь указанными выше *мнимыми капиталами*, возможными только при бумажных деньгах, способно явить *идеал личной и экономической свободы*. Услуги мнимого капитала представляют отнюдь *не нарушение прав* капиталов реальных, но *устранение их несправедливой монополии, низложение их с того престола, который они себе создают на бирже*, развенчание золотого тельца, в парламентарном государстве захватившего державу и скипетр совершенно открыто, у нас тайно посягающего на прерогативы самодержавной власти.

От капитала не отнимется ни возможность промышленного творчества, ни возможность нормального роста. Но ему отводится для этого область *частной предприимчивости*,

все же государственное творчество и всю общественную *власть*, ныне захваченную капиталом, а в социальных теориях — *трудом*, государство оставляет за собой.

Вместе с государственным творчеством государство оставляет себе и создание государственных *самостоятельных доходов*, основанных не на одной лишь раскладке податей. Такое государство никогда не встретится с необходимостью делать займы и выпускать процентные бумаги, ибо несколько мирных лет позволят скопиться *колоссальным запасным капиталам*, с избытком, достаточным для любого черного дня.

Нам кажется, что этим совершенно доказан и шестой из поставленных в начале этого исследования тезисов, именно: при системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального государственного учреждения, ведающего денежным обращением, господство биржи в стране становится невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.

Просим прощения у читателя, которому кое-что может показаться неясным или недоговоренным. Все высказанное здесь выяснится ярче и рельефнее при рассмотрении следующего тезиса — о замене хищных биржевых инстинктов здравой государственной экономической политикой, к которому и переходим.

XVIII

Тезис этот таков.

Место хищных биржевых инстинктов заступает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.

Этот закон является последовательным логическим выводом из всего предыдущего. При золоте в качестве денег и его

суррогатах — банковых билетах правительство совершенно устраняется от государственно-экономического творчества и становится простым органом правящего класса, то есть капиталистов, рантьеров, властвующих в стране. Центр, святилище этого класса — биржа, в руках которой само собою сосредоточивается творчество. Основой, фундаментом этого творчества являются капиталы, народные сбережения, сосредоточенные в руках правящего класса и отчасти классов трудящихся, стоящих посредине между настоящими рантьерами, вовсе не трудящимися, и настоящими пролетариями, вовсе не скопившими сбережений. Такими типами будут, например, какой-нибудь парижский извозчик, выезжающий ежедневно на работу, но уже имеющий капитал в 5 — 10 тысяч франков, или привратница, заведующая домом и ежедневно откладывающая известный доход на приобретение ренты или других ценных бумаг.

Как действует биржа с этими капиталами?

При изобилии сбережений в руках рантьеров и полурантьеров естественный нормальный доход капитала сам собой понижается. Вернейшее помещение денег — государственная рента, но маленькому капиталисту она приносит слишком мало. Самостоятельного дела он начать не может (при большом риске и труде оно обещает иногда меньше, чем текущий заработок в *чужом* предприятии), но увеличить свой капитал или доход всегда рад. При малейшей возможности или доверии маленький рантье всегда готов часть своих сбережений вынуть из государственной ренты (она перейдет к новому *образующемуся* рантье, менее капитальному), и поместить в различные «russes», «egiptiens», «hongrois» и другие иноземные государственные бумаги, дающие больший доход. Более подвижный и смелый или более сведущий и капитальный буржуа способен некоторую часть своего капитала доверить и какой-нибудь панамской компании, сулящей громадные дивиденды, особенно если во главе дела стоит та-

кая известная личность, как Фердинанд Лессепс. Рантьеров и свободных, ищущих применения капиталов, — изобилие. Центр, куда все это стремится, где основывают все дела и устанавливается расценка всевозможных предприятий, — биржа. На бирже сейчас же сама собою возникает *биржевая игра*, имеющая две основные стадии: во-первых, действительные перемещения капитала, действительные покупки и продажи. У меня была рента, я ее продал и купил акции Credit Mobilier или emprunt egiptien, во-вторых, *игра в собственном смысле*, когда я, ничего не продавая и не покупая, а лишь делая фиктивные сделки, держу, так сказать, пари, что такая-то бумага повысится или понизится, и в известные сроки получаю выигрыш или плачу проигрыш — разницу в курсе.

Эта биржевая игра, идущая, очевидно, внутри только правящего экономического класса рантьеров (и в малой степени полурантьеров), но непосредственно отражающаяся на сбережениях *всей страны*, имеет в основании одну идею: быстрое обогащение более сильных и ловких капиталистов на счет менее сильных и более наивных их собратий, а, главным образом, на счет трудящихся полурантьеров. Выигрывает в этой игре тот, кому удастся *наверно предугадать или предузнать политическое обстоятельство, имеющее поднять или уронить данную бумагу.* Если я случайно узнаю раньше других, что через две недели Россия объявит войну Турции и что, следовательно, курс на русские бумаги сильно падет, я смело могу идти на биржу и все свое состояние поставить в продажу русских фондов, которых у меня вовсе и нет налицо. Я *продаю*, то есть обязуюсь доставить через месяц такое-то количество русских бумаг по 98 за 100. Через месяц эти бумаги упадут до 68 и при ликвидации я получу чистого дохода 30 копеек на рубль; мне всегда возможно их *доставить*, ибо я тогда куплю их по этой цене и сдам. Но этого вовсе не требуется; сделка, как известно заранее, была чисто фиктивная и шла только на *разницу.*

Итак, я выиграл. Кто же проиграл? Проиграл тот, кто *по незнанию того, что я знаю, купил мои «russes»*. Это мог быть и крупный биржевой игрок, но прежде всего это те мелкие рантьеры и полурантьеры, которые *часть своих сбережений* стараются поместить *выгоднее*, чем в сухую и малодоходную ренту. Они, хотя и не играли, но упавшие бумаги лишили их части их капитала. Совершенно то же и Панама, только посложнее. Биржевые спекулянты, опять же более сильные и знающие (что компания должна лопнуть) сначала употребили все меры, чтобы поднять, раздуть курс акций, наградили в розницу этими акциями («разместили») множество рантьеров и полурантьеров (на каждого понемногу, ибо это тоже народ осторожный и поместит сюда только *часть* своего капитала), затем сделали крах, сыграли на понижение и 600 миллионов франков положили себе в карман. Вся Франция закричала: «Nous sommes voles», но тот же извозчик, у которого была одна акция, вчера стоившая 600 франков, а сегодня упавшая до 150, тот же консьерж, потерявший 450 франков, не согласятся на радикальный переворот и на уничтожение биржи. Они будут через своего представителя в палате кричать: «A bus le ministre» и требовать суда над виновными, но в глубине души они уже помирились со своей потерей, потому что та же биржа, нагревшая их сегодня на 450 франков, раньше давала им хорошее увеличение их капиталов, будет давать и в будущем, ибо бумаг солидных и солидных дел все-таки больше, чем жульнических.

Вот почему буржуазный строй не повалит *и не захочет никогда повалить биржу* и отлично помирится и с подкупными газетами, и с подкупным парламентом, и с подкупными министрами, что Франция и доказала на осенних выборах 1893 года. Как христианин, плохой или хороший, все же органически, по душе своей, сын и член церкви, так буржуа, рантьер (в государстве с золотой валютой) по душе своей сын и член биржи. И тот, и другой могут возмущаться, бунтовать

против своей матери, но *порвать с ней совсем не могут.* Христианин без церкви начинает протестантизмом, впадает в атеизм и логически кончает отчаянием нигилизма. Рантьер, порвавший с биржей, или пролетарий, не сделавшийся рантьером, то есть биржей извергнутый, начинает умеренным социалистическим протестом, попытками организовать труд, стачками, рабочими союзами, а так как это не ведет ни к чему, ибо биржа и сильнее, и хитрее, то пролетарий логически кончает анархизмом и начинает в лице своих наиболее передовых и нетерпеливых действовать динамитом.

XIX

Итак, взглянем поглубже на биржевые процессы.

В классе рантьеров идет упорная междоусобная борьба.

В этой борьбе сильные и ловкие *играют наверняка*, обстригая постепенно среднюю публику, но редко ее разоряя, ибо эта публика привыкла к осторожности.

Среди этих сильных и ловких являются единицы, скопляющие чрезмерно большие капиталы. Они становятся настоящими царями биржи, а с ней и всей страны. Их капиталы вяжут такое огромное количество дел, предприятий, им так задолжены трудящиеся классы, и притом не в одной, а в разных странах, от них в такой тесной зависимости миллионы рантьеров и полурантьеров, что эти люди являются великой политической силой, настоящими, некоронованными лишь, самодержцами, и притом экстерриториальными, ибо власть их простирается всюду, *где работает их капитал.* Они так связали свои личные интересы с интересами миллионов трудящихся и полурантьеров, что ни одна государственная власть не смеет выступить с ними на борьбу во избежание страшных внутренних потрясений, но должна служить им и поддерживать их. *Уничтожив Ротшильда, ни одно пра-*

вительство в мире не может (кроме русского, *пока оно его не пустило вырасти*[1] в России), ибо это было бы теперь разорение для ¾ граждан. Уничтожить Ротшильда может лишь анархия, когда от всего современного строя Запада не останется камня на камне.

Прибавим сюда: в Панамском деле, во всем этом грабеже, Ротшильда, например, совсем не видно. Для него это дело и слишком мелко, и слишком несерьезно. Ему незачем прибегать ни к подкупу, ни к мелкому, сравнительно, грабежу. Его идеал *миродержавство*, вполне серьезное и путем серьезных же средств. К его услугам все *честные* элементы Французской республики. Его контора — национальный французский банк, его уполномоченный, его личный секретарь — глава французского государства, его приказчики — министры, его серьезные операции на бирже приносят ему неизмеримо больше, спокойнее и вернее, чем панамская, чисто карманная, кража. Ротшильд и… Панама! Фи!

В этом-то и трагедия последнего слова биржевого царства. Крадет краюшку хлеба глупый чертенок, Вельзевул *властвует*. Вельзевул велик.

Итак, вот стадии финансового развития золотого Запада: 1) золото как деньги (первая власть евреев, как ростовщиков); 2) система банков и банковых билетов как заместителей золота (вторая власть евреев, как банкиров и финансистов, начало их обогащения); 3) процентные займы государств, царство биржи в стране (третья ступень власти евреев — ростовщичество государственное и затем полное миродержавство).

Общий дух всего движения: устранение *мирского соборного начала*, выражающегося в государстве, от экономического творчества, устранение *нравственного начала доверия*,

---

1 Начало этого роста уже есть. Любопытный факт: в 1890 — 92 годах выселяли из Москвы множество мелких, в большинстве безвредных, евреев-ремесленников, а о Лазаре Полякове никто и не заикнулся. А еще недавно Самуил Поляков домогался баронства Российской империи.

торжество хищного человеческого *я*, возведенного в догмат, полная потеря всякого нравственного критерия, борьба заведомо безнадежная, во имя *нравственности условной*. В конце неизбежная анархия, разрушение и одичание, ибо и с другой стороны, в том отвергнутом наполовину мире, откуда могло бы явиться западному (латино-германскому) человечеству спасение, царит тот же Ротшильд в тиаре, исповедующий все то же *я* и все то же *миродержавство*, ненавистное сердцу еще больше, ибо деспотизм духовный неизмеримо тяжелее даже деспотизма экономического.

Вот куда увлекло нас рассуждение об абсолютных деньгах и о процентных бумагах. Не жалеем об этом. Читатель не осудит нас, что, войдя в подробный анализ биржевой игры, основанной, главным образом, на существовании процентных бумаг, то есть *собственной нищете государства*, мы поневоле должны были сделать некоторые выводы в нравственной области, без которых невозможен и обстоятельный разбор экономической творческой политики государства как *полной противоположности власти и задачам биржи*.

На основании сказанного прошу досужего и любознательного читателя, знакомого несколько с историей наших финансов, самостоятельно припомнить и оценить те явления в русской жизни, которые характеризуют пришествие к нам биржевика-еврея, и те голоса в печати, которые славословят западную финансовую систему с ее золотом, процентными займами и самодержавием биржи. Подобное размышление будет небесполезно, и мы будем очень счастливы, если читатель уяснит себе, откуда все это веет, во что верует и чему служит. Да, к несчастью, и русская православная почва в сильной степени заражена миродержавными еврейскими идеалами. Очистить, скорее очистить надо эту почву (в нашем сознании, а затем и в жизни), и тогда только пышным цветом зацветут на ней русские идеалы.

XX

Переходим к восьмому и девятому положениям, изложенным так.

8) *При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных государственных запасных капиталов.*

9) *При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в биржево-золотых государствах власти.*

Основная разница между биржево-парламентским режимом и самодержавным государством с абсолютными деньгами, как уже мы видели, заключается в том, что в первой стране вся экономическая политика состоит *в эгоистическом самоуправлении капитала посредством биржи*, сполна подчинившего себе государство и, в свою очередь, подчинившегося нескольким биржевым царям, капиталы коих, безгранично приумножаясь, сковывают *золотыми* цепями труд не только данного народа, но и всех имеющих нужду в готовых капиталах, заимствующих их у этих биржевых царей.

Во второй стадии экономическая государственная политика состоит (или *должна состоять*) в том, что весь народный *мир*, в лице своей государственной власти, вступает благожелательным посредником между трудом, знанием и капиталом, обеспечивает полную свободу каждому из них, *но оставляет за собой власть удерживать эти экономические элементы в надлежащей гармонии, не давать несправедливого преобладания какому-либо их них.* Одновременно с этим государственная экономическая политика имеет целью, помогая наилучшей постановке и производительности труда, сбережению и накоплению частных капиталов, *увеличивать всеми мерами достояние собственно государственное, то есть* ***всенародное, мирское****, имеющее значение за-*

пасного капитала на случай чрезвычайных государственных расходов или народных бедствий.

Первая часть вопроса лежит, собственно, вне области денежного обращения, предмета нашего исследования. Поэтому о ней скажем вкратце: исключив из общественной жизни, посредством изъятия из обращения процентных бумаг, биржу с ее игрой, государство тем самым раз навсегда лишает капитал экономического, политического и всякого иного преобладания, распускает армию рантьеров, развенчивает биржевых князей и царей и ставит свободный капитал лицом к лицу со свободным трудом, предоставляя им при посредстве государственных финансовых учреждений (или помимо их) вступать в полюбовные сделки и *равноправно обмениваться услугами*, добросовестно вознаграждая третий экономический элемент, — знание, служащее им оплодотворяющей силой. *Капитализму*, то есть *господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе — социализму.*

Другая сторона вопроса лежит непосредственно в области государственного творчества и тесно связана с денежным обращением. На ней поэтому придется остановиться с большим вниманием.

У западного парламентарно-биржевого государства, кроме случайно уцелевших, как наследство старины, государственных земель и лесов, собственно говоря, нет никакого мирского, всенародного имущества (морская и сухопутная оборона едва ли может считаться имуществом), а потому нет и никаких иных ресурсов, кроме некоторых регалий (например, монетная), монополий (например, почтовая, телеграфная, табачная) и налогов разнообразного вида и характера. При всяком поэтому чрезвычайном расходе приходится пользоваться или специальным, если есть таковой, военным фондом (в случае войны), или устанавливать новые налоги, или делать займы, то есть закладывать налоги будущие, внося в будущие бюджеты проценты и погашения по займам.

Других ресурсов у этого государства нет никаких, потому что нет никакого творчества, потому не может быть и другого исхода, в случае крайности, как займы или новые налоги.

У государства самодержавного, уничтожившего биржу, усвоившего абсолютные деньги и работающего при помощи *системы ссуд и вкладов*, как посредник, и системы государственных предприятий при помощи *мнимых капиталов*, как инициатор, — останется в качестве *своей* государственной или, что то же самое, всенародной, мирской собственности *вся та доля прироста и образования капиталов, которую у парламентарного государства отнимает биржа для образования ротшильдовских богатств.*

Поясним это примером.

Представим себе, что страховое дело монополизировано государством. Это и практически давно пора было сделать, тем более, что у нас есть блестящий пример государственного страхования в Царстве Польском. Получается огромное облегчение для страхователей вследствие удешевления администрации, устранения необходимости заграничных перестрахований, и у государства остается весь тот доход, который в настоящее время идет акционерам русским и заграничным (по перестрахованию). По самой малой оценке этот доход не ниже 10 — 15 миллионов (цифр под руками у нас, к сожалению, нет).

Далее. Вернемся к примеру железной дороги, выстроенной на мнимый капитал, то есть на выпущенные знаки. Знаки эти усилили в необходимой степени народное обращение, и жечь их не приходится. Дорога — собственность государства, и весь остаток дохода, за расходами эксплуатации — чистый доход государства. Кому шел раньше этот доход? Акционерам, давшим свои готовые капиталы. Кто стоял над акционерами, ощипывая избытки их доходов путем биржевой игры? Господа X, Y, Z, маленькие доморощенные Ротшильды, знавшие ходы в «сферы» *и умевшие узнавать то, чего не знала*

в данный момент биржа. Подводя итог всей операции, мы увидим, что государство 1) устранило акционерное, *всегда своекорыстное предприятие*, побудив акционеров искать помещения своих денег, тихого и нерискованного, во вкладах; 2) лишило наживы спекулятивный элемент на бирже; 3) парализовало образование миллионов у какого-нибудь Полякова, переведя эти миллионы во всенародное, мирское достояние, в государственный запасный капитал.

Третий пример: где-нибудь на Мурманском берегу открыты серебряно-свинцовые месторождения. Трое солидных горных инженеров, составив товарищество, просят у правительства ссуду на эксплуатацию этих рудников. Дело совсем новое, оплодотворяется спавший доселе труд, следовательно, мнимый капитал вполне у места. Дается ссуда из вновь выпущенных кредитных билетов (или из вкладов, ибо вклады при оживлении дел и требовании на них пополнятся всегда вновь выпущенными знаками). Устанавливается процент и погашение или предприниматели признаются государственными арендаторами. И в том, и в другом случае то, что в политической экономии называется «долею барышей капитала», осталось государственным всенародным достоянием.

Никто не помешает тем же инженерам воспользоваться услугами не мнимого, а настоящего, реального частного капитала и войти с ним в добровольную сделку. Разница будет лишь в том, что частный капитал более склонен бояться риска, ибо у его владельца нет охоты лично ехать на Мурман и нет тех средств контроля, какими располагает государство. Кроме того, мнимый капитал удовольствуется гораздо меньшим, ибо ему важен не столько размер дохода, сколько пробуждение спавшего народного труда и дальнейшая всенародная польза от дела.

Таким образом, мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные, то есть частные, капиталы будут работать параллельно, не мешая друг другу, и в этом имен-

но и будет заключаться здравая и справедливая экономическая политика. Они не будут мешать друг другу, ибо их цели совершенно различны. Государству важно оживить и улучшить народный труд и создать новое имущество, которое может давать доход хотя бы лишь в отдаленном будущем: государству есть время ждать. Частному капиталу важно заработать *немедленно*, то есть получить больше, чем ему платят на вкладе. Ясно, что первые капиталы экономическая политика направит хотя и на малодоходные, но государственно-полезные дела, вторые пойдут на дела, государству безразличные, но более доходные. Элеваторы, порты, железные дороги, первые (в каком-либо деле) фабрики будут строиться на мнимые капиталы, то есть или прямо государством, или при поощрении со стороны государства; подгородные конки, подъездные пути, сельское хозяйство, фабрики, заводы, мастерские будут оборачивать капиталы реальные.

Если мы только представим себе мысленно, какое огромное количество народного труда в России может быть быстро вызвано вот этими мнимыми капиталами, мы легко поймем, как быстро, даже при крайнем бескорыстии государства, скопятся в его руках огромные запасные средства. Вспомним, что наш стомиллионный народ полгода сидит без дела, а остальные полгода, *кое-как* ковыряя землю, едва-едва вырабатывает себе годовое пропитание. Вспомним, как выколачивают из него ничтожные, сравнительно, налоги! Вспомним, как ничтожно его потребление и обмен по его совершенной нищете, и мы поймем, что, примись этот народ работать как следует (а он, как мы видели, не может, ибо нет инструмента — денег, ибо деньги спрятаны в процентные бумаги и акции), та доля, которая будет падать на *мнимые капиталы*, ссужаемые государством, быстро станет выражаться в сотнях миллионов рублей.

Чтобы выразить в одной формуле роль здесь экономической политики государства, скажем так.

Государство не отнимет у частного капиталиста, ищущего производительного помещения своих капиталов, ничего кроме *власти*, которую на Западе создает капитал и передает бирже. Оно ограничит затем у капитала всякую возможность хищной, спекулятивной наживы, не даст возможности возникнуть Ротшильду и на место его хищных капиталов, ищущих мародержавства, выставив в балансе свои собственные *запасные средства*, переведет в *христианскую мирскую* собственность всей православной Руси величины, соответственные тому или части того, что *грабят у западного человечества евреи* и на чем они же основывают свою над ним так непомерно растущую безнравственную и погибельную власть.

Вот тут-то, размотав этот несчастный клубок до конца, мы и увидим, что эти колоссальные собственные запасные средства государства не только позволят *совсем обойтись без всяких займов и процентных бумаг*, но по мере своего роста дадут возможность государству, несмотря на постоянное возрастание своего бюджета, приняться за *постепенное облегчение существующей податной тягости*.

Да, вот одна из великих задач, совершенно не разрешимых при золоте и господстве биржи, и наоборот, очень легко разрешимая при творческой государственности, усвоившей абсолютно-денежное обращение! Налоги, составляющие государственный бюджет, представляют *всенародную складку* для произведения необходимых государственных расходов. Образованием собственных, то есть *безличных*, всенародных источников дохода можно заменить известную часть этих прямых сборов, падающих *лично* на граждан или на их *личные имущества*. В научном отношении неважно, какая именно доля налогов будет замещена собственными доходными источниками государства, важно *установление принципа*, указание пути к этому возможному замещению. А принцип этот, думается нам, установлен довольно твердо и выражается в нашем десятом тезисе.

При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Относительно последней, о которой мы еще не упоминали в нашем исследовании, пока можно сказать, что она изменится в смысле ее *подвижности*, как органическая часть центрального денежного учреждения. Коль скоро государство возьмет в свои руки истинное управление денежным абсолютным обращением и создаст для этого соответствующие органы, в его руках очутится сама собой монопольная торговля драгоценными металлами, являющимися орудием расчета международного. Другими словами, этот центральный государственный орган будет *устанавливать курс на золото*.

Коль скоро это достигнуто, всякий таможенный тариф теряет значение. Объявлением курса можно *ежедневно* регулировать привоз и вывоз товаров, и это установление курса в руках твердой национальной политики будет оружием неизмеримо более острым и гибким, чем тяжеловесный и малоподвижный таможенный тариф.

Подробно исследовать этот *частный вопрос* денежной системы здесь не место, и мы надеемся вернуться к нему со временем, когда придется подвергнуть анализу дальнейшие выводы и последствия, проистекающие из нашей истории.

XXI

Нам остается рассмотреть теперь последние вопросы, составляющие органическую часть исследуемой нами денежной системы.

Необходимо, во-первых, указать, в каком виде должны находиться те запасные средства государства, которые представляют *мирское* всенародное имущество, которые служат фондом на разные экстренные расходы, являющиеся в госу-

дарственной жизни, и не только позволяют вовсе не прибегать к займам, но, наоборот, постепенно возрастая, дают возможность постепенно убавлять прямую податную тягость народа.

При золотой валюте такого рода запасные средства государства могут составлять, главным образом, вернее, единственно, в запасах золота в кладовых национального банка. Земли, леса и всякое другое имущество *нетворческому* государству совсем не нужны или бесполезны, ибо биржевой режим совершенно последовательно противится всякой государственной собственности. Государству, изображающему только внешний порядок, нечего делать с недвижимыми имуществами, которыми биржа распорядится гораздо лучше, которые она сумеет двадцать раз перебросить из рук в руки, сделав их предметом разнообразнейших спекуляций. Такое государство, даже получив недвижимость, должно стремиться поскорее от нее избавиться как от чего-то, его роли явно не соответствующего.

Да и самый золотой фонд может быть нужен только для двух целей: для обеспечения денежного обращения, и в этом смысле он опять же принадлежит не государству, а выделенному из него национальному банку, и для военных целей. Только последний фонд, совершенно особый, и может в строгом смысле считаться запасным государственным капиталом.

Государство, работающее при системе абсолютных денег, очевидно, никакого запасного капитала в денежных знаках иметь не может. Оно выше денег, оно *творит* их само и, следовательно, *оно* не может ни считать бумажки капиталом, ни помещать в них что бы то ни было. Бумажки для такого государства в лице его государственного ли казначейства или центрального государственного банка суть *мнимые величины*, инструмент расчета, но *никак не деньги*. Бумажный рубль рождается в момент перехода из рук государства в ру-

ки подданного и умирает, войдя обратно в государственную кассу. *Там*, в этой кассе, это костяшки на счетах, это квитки, обернувшиеся в хозяйстве, марки в булочной Филиппова. Там важно иметь этим рублям строжайший учет, но полагать в них какую-то внутреннюю силу — нелепо.

Но если запасы государства не могут быть в деньгах, то *считаться* они все же не могут иначе как на деньги.

Золото в качестве запасного фонда тоже может иметь лишь значение крайне ограниченное, и притом условное. Золото есть товар, без которого во внутренних сделках и торговле страна может почти вовсе обойтись (предметы роскоши в трудную минуту для народа теряют значение, остается только потребность в хлористом золоте для фотографии и, кажется, для медицины). Необходимость в золоте является только при необходимости покупать что-либо у иностранцев, и то только тогда, когда *обмен с ними* товаров дает баланс не в нашу пользу. Для страны, экономически самодовлеющей, то есть имеющей все продукты, ей нужные, внутри своих границ, такой надобности вовсе не представится при некоторой предусмотрительности. Для России, в частности, потребуется очень немногое. Подробный разбор этого любопытного вопроса читатель найдет в нашей книге «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» в главе «Война и кредитный рубль», где в свое время мы обстоятельно разобрали, какие пустяки нужны нам из-за границы, и прямо отрицали необходимость золота для войны. Если, говорили мы, война победоносна и идет на неприятельской территории, мы посылаем свой хлеб, а все остальное берем путем реквизиций у побежденных. Если война менее счастлива и идет в наших границах, мы опять же кормим армию своим хлебом, а за остальное, ей нужное, платим кредитными знаками, учитываемыми впоследствии. Только современное наше неустройство ставит нас в зависимость от иностранцев, например, отчасти в оружии, в селитре, в свинце. Чтобы заготовить все это

и иметь возможность дальше покупать во время войны, мы должны иметь некоторый запас золота, то есть международных денег. Золото же это может быть добыто как из собственных рудников, так и из-за границы, накопляясь постепенно в руках казны как избыток платежей иностранцев нам против наших платежей им; или, наконец, если война застанет малый военный фонд, как заем у них, который, во всяком случае, из первых же свободных количеств золота или иных продуктов должен быть впоследствии погашен.

Чтобы определить характер запасных средств государства, необходимо рассмотреть, для чего эти запасные средства могут быть нужны. Про войну мы уже говорили. Остаются: внутренние народные бедствия, как неурожай, разного рода стихийные несчастья, эпидемии, эпизоотии и т.п.; государственные предприятия, имеющие не столько творческий (производительный), сколько *оборонительный* характер (например, лесонасаждение, борьба с обмелением рек и т.п.). Наконец, весьма важное значение запасных средств: расширение государственных расходов, то есть рост расходной росписи и постепенное уменьшение податной тяготы населения.

Из внутренних бедствий самое страшное — неурожай. Разумеется, дело идет здесь только о хлебе на продовольствие и на семена. Ясно, что единственный фонд здесь *государственные хлебные запасы*. Неурожай и громадный подъем цен в 1891 году выяснили вполне этот вопрос. Мысль П. П. Зубова, васильского предводителя дворянства — вот прекрасная организация дела. Добавим сюда, что внутренняя торговля хлебом должна быть свободна, а весь вывоз должен составлять монополию правительства, которое может *en grand* торговать, совершенно не поддаваясь давлению любой европейской биржи, а наоборот, производя само могущественное давление на хлебных потребителей. В случае войны правительственные хлебные запасы окажутся поистине благодетельными и чрезвычайно упростят и удешевят продовольс-

твие армии. В мирное время только при посредстве массовых покупок правительством хлеба в свои элеваторы и можно поддержать, где нужно, цены, ставящие сельского хозяина иногда в критическое положение. Более подробные объяснения в нашу программу пока не входят.

Борьба с эпидемиями и эпизоотиями по их преимущественно местному характеру является вопросом до некоторой степени спорным: государственное ли это в экономическом смысле дело? Не достаточно ли для государства иметь лишь распоряжение и руководство в этой борьбе, возлагая все расходы на органы местного самоуправления и их *запасные средства*? Но, если бы государству и пришлось уделить на это собственные свои средства, то самое рациональное заимствование их из кассовой наличности вкладов, не включая вовсе в роспись, а возвращая вновь на вклад из образующихся свободных средств, то есть их будущих сверхсметных доходов.

Совершенно то же и при всяком ином государственном чрезвычайном расходе, хотя и вызывающем некоторый народный труд, но не рождающем его, а только претворяющим труд готовый. Спасение реки от обмеления ничего не создаст вновь, а только поддержит существующее, и те же рабочие руки, может быть, с еще большей пользой были бы заняты на другом деле. Здесь народный труд не только не оплодотворяется, но, пожалуй, даже тратится непроизводительно, по нужде, расходуется из запаса, а потому мнимые капиталы никакого приложения иметь не могут. Ясно, что *этот запас только и может быть в том же виде, что и запас всякого иного рода частного труда* (капитал — концентрированный труд), то есть во вкладах в центральном учреждении народного хозяйства. Труд, потребный в этом случае правительству, угнетает до известной степени частный труд на рынке, и это математически точно выражается в угнетении коммерческой операцией казны коммерческих операций частных лиц в учреждении, ведающем вкладами и ссудами.

Поэтому и эта часть государственного запасного капитала не может быть помещена ни в чем ином, как во вкладах. Соответственное учреждение окажется здесь истинным регулятором, с точностью указывающим взаимное соотношение капитала и труда государственного, мирского с капиталами и трудом частных лиц. *В этом соотношении и будет лежать истинный государственный запас специального назначения.*

Поясним это примером.

Десять лет подряд правительство, допустим, вносило на вклады, ставя в свою смету, скажем, по 3 миллиона рублей на улучшение рек. Образовался фонд в 30 миллионов рублей. В данном году эта сумма вынута и истрачена на реки. Никаких замешательств в денежном обращении не произошло, ибо *выем этих денег отразился на денежном обращении как раз настолько, на сколько отвлечение на реки массы рук отразилось на промышленности и земледелии.* Иначе и быть не может, ибо при системе ссуд и вкладов все денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни, то есть относительного положения в данную минуту труда и капитала.

Таким образом, и самая идея государственного запаса, или запасного капитала в остальной его части, то есть кроме золотого фонда и хлеба, сводится на *запас труда*, выражаемого в тех же денежных, то есть ценовых единицах, в которых выражается труд и запасы труда, то есть капиталы у всех граждан государства. Другими словами, пока государство оплодотворяет труд, оно выдает под него авансы, то есть печатает знаки, но *имея дело с запасом труда готового, оно становится в ряд со всеми отдельными гражданами и хозяйничает, как и они, меряя на ту же единицу и проходя сквозь тот же регулятор.*

Как и они, государство, вооруженное лишь колоссальным творчеством, непрерывно богатеет, то есть располагает все большим количеством продукта и запасного труда.

Как и частный капиталист, оно быстро переходит за ту черту, где даже роскошная жизнь не поглощает всех доходов. Капиталист продолжает богатеть, или начинает дарить свои излишки согражданам[1], или, наконец, начинает давить своим капиталом, создавать свою власть и миродержавство, если есть для этого орудие — биржа (например, Ротшильды). Государство, изображающее всенародный мир, начинает равномерно облегчать податную тяжесть своих граждан, убавляя или вовсе отменяя некоторые налоги (Соединенные Штаты). По существу, это один и тот же процесс, регулируемый *нравственным началом*, коего применение чрезвычайно облегчается *основанными на чисто нравственном же начале* абсолютными деньгами.

XXII

Чтобы закончить настоящее исследование, нам остается выразить в кратких чертах ту экономическую политику, которая, будучи основана на абсолютно-деженом обращении, может создать наилучшие материальные условия для стра-

---

[1] Любопытный вывод этот осуществляется иногда раньше, чем для него вполне настало время. Возьмем, например, наших Третьяковых, давших России прекрасную национальную галерею. Возьмем американцев: Лика, давшего средства на постройку великолепной обсерватории, или Станфорда-старшего, основавшего богатейший в мире университет на Пало Альто в Калифорнии. Не много нужно просвещения и патриотизма, чтобы делать даже огромные пожертвования на пользу своей родины, если богачу некуда иначе девать свои деньги и если не строить обсерваторий и картинных галерей, то кроме битья дорогих зеркал и посуды ровно ничего не придумаешь.
Когда посредством системы абсолютных денег у капитала будет отнята всякая политическая власть, миллионеру в самом деле ничего иного не останется, как то или другое меценатство, и здесь он будет вне конкуренции с государством; тогда быстрое обогащение единиц станет для страны поистине благодеянием, а для самих богачей высшей нравственной наградой за их предыдущий труд в виде возможности делать высшее добро, не всегда доступное монархам.

ны, установив истинно свободные и справедливые отношения между тремя основными экономическими элементами: трудом, капиталом и знанием и представив государству как всю подобающую ему (на Западе узурпированную капиталом) *власть*, так и подобающее ему *творчество* вместе с его результатом — собственными, то есть мирскими, всенародными средствами.

Прежде всего эта экономическая политика должна на основании изложенных начал установить сеть учреждений, соответствующих абсолютным деньгам. В основу этих учреждений должен быть положен принцип строгого разделения *хозяйства собственно государственного* (расходы управления, просвещения, обороны, суда и пр., словом, расходы по росписи) от *хозяйства народного*, оживляют и денежное обращение, народный кредит или в широком смысле *управление народными капиталами и трудом*.

Сеть учреждений поэтому расположится так.

Наверху отдельно стоящее учреждение, ведающее государственной росписью, то есть расходами и приходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долей государства как *результатом* оплодотворенного народного труда. Это будет в строгом смысле *Державная Казна*, соответствующая в принятой у нас терминологии части Министерства финансов, Государственному Казначейству.

Рядом в совершенной независимости от первого учреждение, ведающее денежным обращением, народным кредитом и денежной частью всенародных государственных предприятий. Это будет *Большая Казна*, или по современной терминологии — Государственный Банк.

Внизу, в областях (губерниях) и уездах, должны быть *Приказы Большой Казны* (отделения Государственного Банка первого и второго разрядов, слитые вместе с уездными и губернскими казначействами). Сеть этих учреждений должна

быть одна, несмотря на одновременные их операции с частными и государственными суммами. Так как счет ведется на одинаковую единицу и движение денег одинаковое, то никакого затруднения в счетоводстве быть не может, а между тем при подобном единстве *Большая Казна* может в любую минуту с величайшей точностью иметь все данные как об общем денежном обращении, так и о специальном состоянии счетов Державной Казны.

Главная задача Большой Казны — управление денежным обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду же ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков.

При таких условиях всевозможные частные и общественные или акционерные банки становятся совершенной аномалией и не потому, между прочим, чтобы государство стало их преследовать или закрывать, а по невозможности конкурировать с совершенно *бескорыстным* государственным кредитом, довольствующимся самым небольшим чистым доходом в запасные средства государства. Для частного кредита останется лишь одна форма при известных условиях, может быть, еще более выгодная — это общества взаимного кредита.

Кредит государственный уже потому исключит кредит частный, понудит, так сказать, частный капитал пройти сквозь вклады, что в местных приказах примут живое и деятельное участие (оформленное весьма широко уставом) всевозможные самоуправляющиеся местные земские, городские, сословные, торговые и промышленные учреждения и частные союзы и общества. Даже самое установление ссудного и вкладного процентов будет принадлежать местным приказам с ведома и согласия, разумеется, центрального учреждения.

Такова схема организации денежного обращения, в тесной связи с которой будет и экономическая политика государства, уже обрисованная в общих чертах в предыдущих главах и здесь лишь кратко формулируемая.

Эта экономическая политика, во-первых, *должна пробуждать народный труд и улучшать формы существующего.* Достижимо это посредством как мнимых, так и реальных капиталов, создавая на тех и других льготный, простой и доступный всякому трудящемуся кредит. При всем разнообразии его форм, преобладающими типами будут: *кредит земледельческий, ипотечный и мелиоративный* — долгосрочный, с неизменным на долгое время ссудным процентом. Соответственно этому кредиту имеются и капиталы, ищущие особенно долгого, иногда вечного и прочного помещения. Таковы капиталы различных учреждений, по своему нравственно верному и неподвижному характеру как раз отвечающие прочному и взаимному ипотечному кредиту. *Кредит земледельческий и промышленный оборотный*, с более короткими сроками, чем ипотечный, но все еще с долгими сроками, дающий возможность выдерживать на складе запасы произведений и товаров. Ему соответствуют и менее долгосрочные вклады, представляющие капиталы частных лиц или запасные капиталы общественных учреждений, союзов, промышленных предприятий. Наконец, *кредит торговый, учетный*, с краткими сроками. Ему соответствуют и краткосрочные вклады, или текущие счета.

Включение *уездов* в сеть учреждений Большой Казны даст полную возможность развивать и *сельский кредит*, оживить множество небольших крестьянских и владельческих предприятий и создать столь необходимую *зимнюю работу* русскому народу. Пусть всякое крестьянское товарищество, всякий отдельный крестьянин или сельский мир имеют право кредитоваться и долгосрочно, и краткосрочно, при гарантии в смысле солидности начинания, хотя бы на самые ма-

лые суммы, и пусть не возражают, что этот вид кредита потребует чрезвычайно сложной бухгалтерии в уездном приказе и большого персонала.

Если бы нынешние уездные казначейства с одним казначеем-бухгалтером и двумя-тремя писарями, ничего иного не знающими, как выдавать жалованье, оплачивать купоны и принимать налоги от старост и старшин, обратились в огромные палаты с многочисленными отделениями и множеством служащих, это означало бы только, что уезд делает огромные обороты, что *он живет*.

Очень возможно, что практика вызовет вскоре и новые, еще более мелкие учреждения, подведомственные Большой Казне, — кредитные учреждения приходские (когда же станет, наконец, *приход*, а не бумажная волость низшей административно-земской единицей?!). Но это уже частности.

Возвращаемся к экономической политике. В области денежного обращения ее вторая формула: *увеличивать собственные средства государства, то есть капиталы и запасы всенародные*. Центральным органом здесь является также Большая Казна, эти капиталы создающая и управляющая их обращением, и займет Державная Казна, их расходующая, вместе с теми средствами, которые собираются с народа на расходы государственные.

Мы уже достаточно выяснили, кажется, способ и условия образования и помещения государственных запасных капиталов. Здесь может идти речь только о счетоводстве и об операциях с ними Большой Казны. Капиталы эти будут, очевидно, на вкладах наравне со всякими другими общественными и частными капиталами, но в банковой деятельности учреждения их значение ввиду несколько особого их характера будет иное. Запасы народного труда, в них выраженные, в общих оборотах казны будут тем же, чем балласт на корабле; при усиленной нагрузке излишний балласт снимается, но он же необходимо увеличивается при нагрузке малой,

дабы придать судну надлежащую осадку и, следовательно, надлежащую устойчивость.

Переводя этот пример на формы государственного хозяйства, его можно выразить так: государственные запасные капиталы, выражающие концентрированный народный труд в распоряжении Державной Казны, представляют в операциях Большой Казны подвижный, сжимаемый и расширяемый по требованию минуты элемент. *В тяжелую для государства минуту это прямо расходуемые запасные средства* (от чего, разумеется, пострадают косвенно текущий труд и капиталы, но ведь тем же и отличается трудная минута); *в спокойное время при оживлении народного труда капитал этот должен возрастать, то есть налоги быть больше, в обратном случае, то есть при застое, налоги должны уменьшаться*. Вот формула, совершенно не известная западной финансовой теории, но представляющая прямой вывод из нашей теории абсолютных денег. Согласимся, что подобный регулятор представляет для государства огромную важность, ибо три рубля, взысканные с гражданина, выгодно работающего, легче для него иногда, чем рубль, взысканный с него же в минуту кризиса. А западная финансовая система дает как раз обратное. Именно в минуту, тяжелую для граждан, и должны увеличиваться их жертвы на свою государственность.

XXIII

Мы были бы несправедливы к представителям западной науки, если бы вздумали приписывать исключительно русской мысли возникновение и развитие вышесказанных здесь положений. Среди западных экономистов совершенно особняком стоит великий немецкий мыслитель (хотя и славянского происхождения) Родбертус-Ягецов, который в одном из своих превосходных трудов с величайшей ясностью

охарактеризовал денежную историю человечества и прямо высказал мысль о бумажных деньгах как о завершении его трудного и болезненного финансового развития. Это не глубокое и подробное научное исследование, это лишь беглая заметка в форме объяснительного примечания к другому труду, но это примечание стоит томов. Вот оно.

«Деньги, как ликвидационное средство разделения труда, развиваются по трем главным историческим моментам. Сначала они еще вполне *товар*, затем они служат уже *только показателем цены* и удерживают свое качество товара *только для того, чтобы правильно показывать*.

В-третьих, они не нуждаются уже более *в товарном качестве*, но не суть еще исключительно только *квитанция и перевод*. Эти три фазы денег вполне соответствуют трем хозяйственным фазам (то есть *ойкос*, или семейно-родовое хозяйство, *полис*, или хозяйство земледельческо-городское, и *современное государство*). Пока оборот имуществ покоится еще на тяжело обращающемся механизме денег, которые словом *pecunia* напоминают о своем происхождении и, следовательно, существуют ли они еще *в быках или уже в золоте, сами еще обращаются вместе, как товар*, до тех пор все еще существует натурально-хозяйственное положение, хотя бы обращающиеся суммы составляли тысячи фунтов золота (или 683 вагона Французского национального банка), как они обыкновенно также и циркулируют в действительных весовых фунтах… Если же затем деньги приобретают в большей мере значение показателя и *удерживают свое товарное качество только еще как* ***предполагаемое*** *ручательство за правильность показания*, то есть это качество товара исполняет еще только судсидиарную задачу быть регулятором потребления, равномерного с производством, тогда натурально-хозяйственное положение вытесняется *денежно-хозяйственным*, но оно пока еще только именно денежно-хозяйственное, а не *кредитно-хозяйственное*. Таковое по-

ложение денег в нашем нынешнем состоянии: товарные обороты гораздо менее совершаются посредством денег, чем *вычисляются на деньги, сравниваются с последними*. Деньги же в качестве товара выступают только еще как *конечный регулятор ценности* (*точнее, как единица измерения. — Авт.*). Между тем кредитно-финансовый характер обнаружится только тогда, когда деньги сделаются *исключительно только квитанцией, переводом, когда они* ***окончательно выбросят за борт свое товарное качество*** и в состоянии будут сделать это по той причине, что тогда будут уже существовать *такие социальные учреждения*, которые дозволят оказывать *полное доверие* даже такому нефундированному (необеспеченному) показателю цены. *Насколько еще лежит в будущем осуществление этих условий, настолько еще мы удалены от наступления кредитно-хозяйственного периода*».

Вот блестящее изложение научно-экономическое и философское подтверждение изложенной нами в этих статьях денежной теории. Мы начали именно с того, на чем остановился великий экономист. Дело в том, что наши бумажки историческим путем уже стали абсолютными деньгами, разошлись с золотом и совершенно утратили свое значение *денег-товара*. На Западе еще во всей силе продолжается период *товарно-денежного хозяйства*, у нас уже совершился переход к *абсолютно-денежному хозяйству*. Те условия, о которых мечтал Родбертус, то есть необходимый элемент доверия и соответствующие учреждения, у нас наполовину имеются. Непоколебимое доверие к верховной власти налицо, на нем построен весь наш государственный быт.

Недостает надлежащих финансовых учреждений, но их не так трудно создать. Зачем же возвращать Россию к пережитому ею и, по меткому выражению Родбертуса, выброшенному за борт денежному хозяйству? Зачем добиваться и искать того, чтобы золото, переставшее быть у нас деньгами и ставшее ценным товаром и *деньгами только международными*, вновь

овладело нашей финансовой системой? Не мешайте естественному прогрессу (в хорошем смысле), не мешайте России идти по тому пути, по которому Бог, видимо, ведет ее впереди других племен и народов, заставив, хотя и со страшной болью, выработать (или подойти к выработке) идеальную политическую форму государственности и теперь, принуждая вырабатывать новую и совершеннейшую, чем где-либо, денежную систему. Повторяем: будем глядеть вперед, а не назад.

К золоту мы не вернемся и вернуться не можем. Утешимся. Золото — отжившая *рабская и языческая* форма денег. Рабская потому, что приводит естественно к господству капитала над трудом, еврея над христианином, биржи над церковью. Языческая потому, что золото-деньги исключают *нравственную роль государства*. России предстоит с болью, с жертвами, недоразумениями и ошибками, конечно, выработать систему *христианских денег*, то есть таких, при которых денежный знак является безусловно послушным орудием в руках *христианского государства* и не искажает форм труда и нравственных основ *христианского общества*, а мы, словно евреи вокруг золотого тельца, плачем и рыдаем, что история разрушает этого божка…

Вот почему мы повторяем с особенной настойчивостью: будем же, наконец, смотреть на деньги как *на орудие учета народного труда, знаний и капитала*. Только этот ясный и простой взгляд выведет нас из тех финансовых дебрей, в которых беспомощно бродят господа Гурьевы и К°, предлагая проекты, один другого страннее и нелепее. Поймем же, наконец, что нам нужно одно-единственное условие.

Найти денежную единицу, которая была бы *постоянной сама по себе, а не по отношению к золоту.*

Эта единица у нас есть. Ее дала нам история. Это бумажный рубль, выпускаемый верховной властью. Условия его постоянства определены нами подробно раньше. Постоянство это — его *нейтральность*, его *безразличие*, его *невмеша-*

тельство в те сделки, которые при помощи его совершаются. Чтобы это условие было достигнуто, рублей в каждой точке русской территории нужно налицо столько, *сколько потребует жизнь*. Если этих рублей меньше, недостаток их давит труд, знание и капитал в одну сторону. Если их больше — в другую. Спасение от зла — устройство правильных органов денежного хозяйства, где рубли рождаются, действуют и исчезают совершенно автоматически, то есть как *перевод*, как *квитанция*, а не как самостоятельный товар…

XXIV

Теперь, надеемся, оправдан и наш последний, одиннадцатый тезис.

Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных деньгах, изменит самый характер современного русского государственного строя, освободив его от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

В самом деле: бумажные деньги при стройности и полноте учреждений и надлежащей экономической политике являются удивительным организатором и счетчиком народного труда. При бумажных деньгах только и возможна *идеальная свобода как государства*, так и его отдельных *граждан* от всякого поползновения с чьей-либо стороны узурпировать власть. Эта власть остается за тем, кому она исторически принадлежит, и остается в ее чистом, свободном виде.

Такая власть, отданная добровольно, являющаяся *тяжким бременем, великим подвигом, а не торжеством, не целью*, и будет *истинно христианской*, а освобождение трудящихся и сберегающих от биржевого насилия, хищной еврейской власти золота и неминуемых социальных катастроф

будет тем торжеством *христианской цивилизации*, которую утратил Запад, *и духовно, и научно, и экономически* сбившись с дороги.

Да, читатель! Позвольте в заключение этих бесед высказать нашу главную, основную руководящую мысль. Христианская истина, неся человечеству свет *истинной свободы*, одна, только одна способна дать критерий и для христианской политики, и для христианской экономики. Отживающая и подошедшая к абсурду и самоубийству цивилизация Запада характеризуется тем, что во всех областях, мало-помалу, поставила основой грубый, бессмысленный и злой физический закон *необходимости*.

Этот закон материализма, двинув вперед науки точные и создав великие успехи техники, овладел затем и душой человека, убил ее свободу, отрекся и от самой души, низложил в гордыне своей Творца и Спасителя душ. Дальше идти некуда… Побежденные стихийные силы в природе воскресли в буйствующей душе человека и погубили ее. Для западной цивилизации уже начинается тьма, небытие. У динамита нет ни мысли, ни оправдания, ни философии. Его девиз один — *гибель всему*. И Запад гибнет в страшных конвульсиях. Припомните Сантандер и Барселону, прочтите письма маленького, ничтожного и бесцветного анархиста Лотье, вонзившего ни с того ни с сего нож в сербского посланника Георгиевича, и вы увидите, что это наивное признание дикаря — *последнее* строго логическое слово западной цивилизации, эпитафия над ее могилой.

Да, эта цивилизация погибла. Ее когда-то гордые носители, ее изжившие и пережившие, с надеждой и детской радостью встречают в самом всемирном центре этой цивилизации грядущую другую, жадно ловят новый свет с Востока. И эта цивилизация идет совсем новая, совсем другая, с другим основным законом, *законом свободы во Христе*. Задача этой цивилизации — вернуть вновь в подчинение стихийные силы,

сложить вновь к подножию веры слепой закон необходимости, вознести и очистить душу человеческую.

Экономия и финансы — суть великие *орудия* общежития человеческого. В руках у закона необходимости они приспешили лишь смерть цивилизации Запада. Освещенные и согретые законом христианской свободы, они возродят наше общежитие и создадут и истинную государственность, и истинную христианскую цивилизацию. Падет биржа, ставшая Церковью, и воссияет истинная Христова Церковь.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ТИХОМИРОВ Лев Александрович 1852 — 1923

В молодости принадлежал к революционному движению, от которого отошел, осознав его преступный антирусский характер. Получив прощение лично от Царя, посвятил свою жизнь научной разработке проблем национальных основ бытия.

В области экономики отстаивал необходимость развития самобытных хозяйственных начал. Его идеал — не зависимая от иностранного капитала экономика — автаркия, создающая могучее самоудовлетворяющееся производство, регулируемое государственными органами. Россия должна перерабатывать свое собственное сырье и рассчитывать только на свой собственный рынок. Земледелие и промышленность в этой экономике гармонично связаны, а не противостоят друг другу.

Русское государство, по мнению Л. Тихомирова, должно создать «особый орган, специально экономический, охватывающий мыслью и действием все стороны производства». «Экономическая политика, — считал он, — может стать целесообразной только когда имеет в виду целое производство страны, а не исключительно какие-либо отдельные его части».

Исследуя причины экономических ошибок России, Л. Тихомиров отмечал, что чисто экономические условия страны совершенно не допускают у нас организации производства по типу капиталистических стран. Он протестует против «переустройства всей России по английскому типу»,

против «подражательности» русской интеллигенции, которая готова «перенимать у Европы и политическое устройство, и веру, и нравы, и безнравственность, и вообще все, что ни увидим».

Решение крестьянского вопроса видится Тихомировым путем ликвидации чересполосицы и создания крупных крестьянских имений с долгим сроком владения, не дробимых и не отчуждаемых из сословия.

Тихомиров выдвигает и свой вариант решения рабочего вопроса. В отличие от предлагаемых либералами и леворадикалами планов объединения рабочих в тред-юнионы по западноевропейскому образцу, он предлагает идею сплочения и развития рабочих путем создания рабочих общин. «Рабочие союзы, — писал он, — должны были бы явиться у нас не узкопрофессиональным экономическим учреждением, но некоторой общиной, объединяющей фабрично-заводских рабочих во всех главных отраслях их нужд. Крестьянин, являясь в город из своей деревни, попадал как бы в ту же привычную ему общину, но только более развитую...

Эта цель не заключает в себе ничего революционного, она не требует какого-либо переворота в России, только наоборот, требует достройки... Будущее рабочее сословие, естественно, должно состоять из рабочих общин. Цель рабочих союзов состоит в том, чтобы послужить постепенным переходом в рабочие общины».

По мнению Тихомирова, рабочие общины должны находиться в постоянной связи с сельскими общинами для совместного устройства в деревне хороших приютов для «нуждающихся в воздухе, отдыхе и поправке». В сельские общины можно устраивать вдов и сирот городских рабочих и, наконец, направлять их самих на заслуженный отдых. «Такая связь городских рабочих с деревенскими собратьями усилит независимость городских рабочих...»

Социально-экономические идеи современности

(…) Государственная власть не есть власть произвольная, а имеет совершенно определенные обязанности — охранять, укреплять, развивать именно ту страну, тот строй, те основы, существование коих только и дало государству его власть и права.

Это основная истина государственной науки определяет и *экономическую политику* государства. И здесь обязанности правительства определяются вовсе не отвлеченными идеями о каких бы то ни было фазисах эволюции и стадиях развития, а *потребностями, запросами и выгодами именно того производства, которое создает себе нация*. Государство дает свою силу, которая есть не что иное, как сила национальная, на упорядочение и поддержание не какого-либо отвлеченного «труда», а труда реального, национального, на защиту национального экономического строя.

Вот путь, на котором может быть создана экономическая политика, действительно нужная стране; никакой другой нельзя ни практически пожелать, ни теоретически оправдать.

Можно, конечно, заметить, что сама власть должна позаботиться о том, чтоб ее экономическая политика не принимала субъективной окраски личных вкусов и пожеланий теоретиков.

К сожалению, нельзя не признать, что далеко не легко уберечься от этих влияний, ибо власть не может не искать осведомления у людей, признаваемых специалистами по экономическим вопросам. Отсюда особая опасность тенденциозности этих специалистов. Тенденциозность эта искажает самую науку, тот свод данных, в которых каждый, а в том числе и власть, предполагает видеть только точную регистрацию беспристрастно наблюдаемых фактов. Вместо же этой объективной регистрации мы на деле встречаем в «научных»

исследованиях односторонний подбор фактов и искусственную их группировку, совершенно затемняющую их истинный смысл.

Для установки экономической политики требуется точное и ясное изучение национальной продукции в ее целом, дабы мы могли видеть, какие стороны производства и в какой мере правильно сочетаются, какие более сильно держатся, какие требуют искусственного поддержания или даже создания. Национальные потребности, удовлетворенные и ждущие удовлетворения, легкость или трудность их удовлетворения собственными средствами страны, — должны явиться перед нами в цельной и точной картине.

Вот, собственно, *первая* забота экономической статистики и национальной политической экономии, и лишь на этом фоне может разумно и плодотворно развиваться изыскание самых *мероприятий.* К сожалению, наша наука, превращаясь в сбор разнородных партийных программ, утрачивает понимание главной своей задачи.

По неразработанности ее ныне является уже какое-то суеверное преклонение перед фабрикой, с готовностью жертвовать ее развитию не только интересами земли, но даже экономической независимостью страны — что было бы равносильно пожертвованию и ее национальной независимостью.

Национальная экономика

Как бы то ни было, каковы бы ни были суммы производства различных отраслей промышленности и производительность труда каждой из них, — их совокупное соотношение не может быть оцениваемо иначе как с точки зрения выгоды целого, а не отдельных частей. Производство представляет собой некоторое цельное, органическое явление, в отношении которого невозможна иная точка зрения, как таковая же

цельная, органическая, национальная. Страннее всего были бы какие бы то ни было сомнения в первенствующей важности земледелия. Добывающая промышленность есть *основа,* без нее невозможно жить, и особенно важно сельское хозяйство.

В мировом хозяйстве различные отрасли земледелия суть *единственный* неистощимый источник постоянного *накопления* на земле той солнечной энергии, которая есть источник нашей жизни. Все остальные отрасли добывающей промышленности составляют эксплуатацию *запасов* этой энергии, растрату капитала. Только земледелие, лесоводство, скотоводство и рыбное хозяйство могут быть поставлены так, что ничего не растрачивают, но вечно умножают общечеловеческий капитал и общечеловеческие средства к жизни. В мировой экономии, поэтому, забота о сельском хозяйстве, об его развитии, усилении, процветании — есть забота первая, забота, которую люди не могут забывать без немедленного жестокого наказания.

Но чем крупнее отдельная страна, чем богаче ее условия добывающей промышленности, тем более относится к ней, в частности, эта общая обязанность мировой экономики. Какие-нибудь небольшие городские общины, небольшие территории, могут с выгодой специализироваться на обрабатывающей промышленности. Великая страна, как Россия, совершила бы истинное безумие, позабыв в своей экономике источник накопления энергии — сельское хозяйство. Захудание сельского хозяйства должно вести *такую* страну прямо к гибели от истощения, как оно привело к нему, по мнению Либиха, доклассический мир.

Само собою, обрабатывающая промышленность безусловно необходима. Оба вида производства неразрывно связаны. Нет почти никакого сырья, которое годилось бы в употребление совсем без обработки. Но мы должны твердо помнить *границы* развития обрабатывающей промышленности. В ми-

ровой экономике задача обрабатывающей промышленности — *обработать весь добываемый сырой материал,* и никак не более того. Всякое «развитие» средств обрабатывающей промышленности далее этого — было бы уже бесполезною растратой силы, созданием ни на что не нужного орудия. Это общее правило опять-таки тем полнее прилагается к отдельной стране, чем она более велика. В сильнейшей степени оно прилагается, понятно, к таким государствам, как Россия, которые составляют сами в себе целый мир разнообразных условий самой разнообразной продукции.

Мы должны заботиться о развитии промышленности обрабатывающей, но должны также знать ее идеал: она имеет задачей *обработать все наше* сырье. Она теснейше связана с добывающею промышленностью, и обе вместе связаны с *внутренним* рынком.

Есть много данных, указывающих, что чем ближе обрабатывающая промышленность к сельскому хозяйству, тем она производительнее. Так, *среднее* производство рабочего 470 руб. Но, например, в *винокуренном* производстве оно доходит до 1000 руб., в *сахарном* до 1130 руб., в *мукомольном* даже до 1500 руб.

Вообще *наиболее выгодные отрасли производства суть те, которые перерабатывают наше собственное сырье и рассчитаны на наш собственный рынок.* Такие отрасли труда действуют вдвойне благодетельно, одновременно оживляя и добывающую, и обрабатывающую промышленность, доставляя первой сбыт, а второй — наиболее дешевое сырье, вследствие чего продукт обработки и является более дешевым и в то же время заключает в себе труд более производительный.

Признавая в общем справедливость выставленных мною положений, г. Федоров возражает: «Почему г. Тихомирову кажется, что нужно перерабатывать *исключительно* свое сырье? Нам кажется, что надо перерабатывать самое выгодное

сырье, причем, конечно, в большинстве случаев таким окажется собственное сырье. Но могут быть и исключения»[1].

На это повторю прежде всего, что я не говорил *«исключительно* свое сырье», а говорил *«все* свое сырье». Это большая разница.

В отношении же выгодности г. Федоров рассуждает не как *экономист,* а как *коммерсант.* Он под «выгодным» сырьем понимает «дешевое». Это очень хорошо для частного спекулятора: «оправдал» капитал — и достаточно. Но для национальной экономии *чужое* сырье, хотя бы и дешевое, есть дело, к которому надо относиться очень осторожно. Дешевизна чужого сырья и его доступность — *не зависят от нас* и могут меняться самым невыгодным для нас образом. Мы же из-за временной дешевизны разовьем тем временем целую отрасль промышленности, которая в случае невыгодных изменений стоимости чужого сырья может подвергнуться даже полному краху или, по малой мере, необходимости трудного и болезненного перехода к чему-нибудь другому. Тут дешевое сойдет за очень дорогое. Да притом в погоне за дешевым чужим сырьем мы можем подрывать или совсем убивать соприкасающиеся отрасли *собственного* добывающего производства.

Итак, хотя я вполне признаю «исключения», о которых говорит г. Федоров, но никак не в виду одной *дешевизны* чужого сырья. Пусть этим соображением руководствуются отдельные купцы и фабриканты. А национальная политическая экономия и правительство в своих мерах, конечно, должны руководствоваться соображениями пошире и подальновиднее. Г. Федоров отлично понимает это, когда дело идет о *фабрике,* и хотя иностранный фабрикат *дешевле* русского (то есть выгоднее), не хочет, однако, пропускать его свободно, а стоит

---

1 Здесь и далее речь идет о положениях, высказанных в статье «Русская промышленность и иностранные капиталы», опубликованной в «Торгово-промышленной газете» 256 за 1898 г., содержавшей стандартный набор аргументов в защиту так называемого мирового рынка — О.П.

за протекционную систему. Когда же дело касается сельского хозяйства, г. Федоров рассуждает совершенно иначе, и *дешевизна* чужого сырья для него совершенно достаточная причина для введения его в отечественную промышленность.

Для меня мерка в обоих случаях одна. Она определятся (для *великой* страны) обеспеченностью *самоудовлетворения,* которое, будучи нужно в отношении национальной независимости, в то же время *наиболее выгодно* экономически, если подсчитать выгоду не за один день или месяц (как считает по своей мерке частный спекулятор), а за вековую жизнь нации.

Для стран мелких, с однообразными условиями климата и почвы, возможна экономическая политика, основанная на каком-нибудь одностороннем развитии производства. Для них это может быть даже обязательно, ибо недостаток собственных продуктов может сделать безусловно необходимую связь с иностранными рынками. Для таких стран возможна поэтому политика, основанная на завоевании иностранных рынков.

Для великих стран с разнообразною продукцией разумна лишь политика иного рода: *национальная,* основанная на возможно полном внутреннем самоудовлетворении, на возможно тесной связи *своей* собственной фабрики со *своей* же собственной землей. Иностранный рынок является здесь исключением, не *основой,* а небольшим *придатком.* Забота об иностранном рынке в таких странах не может ни на минуту отвращать всего нашего внимания от рынка внутреннего.

Равновесие производства и иностранные рынки

В теоретической формуле задачи национальной экономии сводятся к следующим пунктам: 1) возможно сильное производство, 2) возможно полное *равновесие производства,*

3) возможно правильное распределение продукта. Из этих трех задач нас в настоящее время должна занять наиболее *вторая,* потому что о ней наименее думают.

Равновесие производства состоит в том, что различные его отрасли в области добывающей и обрабатывающей промышленности вполне гармонизованы, вполне удовлетворяют одна другую, дают одна другой то, *что нужно,* и столько, *сколько нужно.* Тогда они этим самым и взаимно поощряют одна другую к дальнейшему развитию, а в значительной степени помогают даже правильности распределения.

Это равновесие производств недостижимо для стран *одностороннего* промышленного развития, вследствие этого *естественно* подчиненных иностранному рынку. Но именно в стране великой, как Россия, такое внутреннее равновесие и отсюда независимость от «мирового рынка» представляются возможными.

Между тем фактически этого не замечается, и влияние мирового рынка у нас не только очень велико, но и крайне тяжело.

«Едва ли нужно доказывать, говорит сам г. Федоров, что причины временно переживаемого нами упадка нашего сельского хозяйства коренятся прежде всего в том *мировом* движении цен на продукты этого хозяйства, которое требует понижения стоимости производства их до уровня, немыслимого для первобытных приемов хозяйства».

Г. Федорову, однако, не приходит в голову совершенно ясный вопрос: если земледелие находится в таком критическом положении, то не о *нем* ли самом следует подумать, а не о фабрике?

Вместо этого он ставит дело так, будто бы наше земледелие страдает главным образом из-за неразвитости обрабатывающей промышленности. Вся статья построена на доказательствах, что наше сырье не успевает перерабатываться нашими фабриками, откуда вывод, что последние требуют

еще большего расширения и новых на то затрат, для чего нужно привлечь поток иностранных капиталов.

Я, собственно, не спорю против необходимости расширения обработки, но *в общем* факт *развития* обрабатывающей промышленности рядом с *упадком* сельского хозяйства совершенно ясно показывает, что обе главные отрасли промышленности у нас не гармонизированы, а разъединены. А это разъединение, конечно, является результатом *искусственной* связи с иностранными рынками, откуда и болезненное влияние на нас «мировых цен». Г. же Федоров продолжает хлопотать только о том, чтобы еще более нас связать с «мировым рынком».

Далеко не всегда, однако, можно излечить свои экономические недуги усилением связи своей с мировым рынком. В положении России, быть может, важнее было бы не разгонять во что бы то ни стало и за какие угодно проценты, платимые иностранцам, свой «капитализм», а обратить внимание на *повышение производительности сельского хозяйства* и на освобождение его от убивающего влияния цен «мирового рынка».

В этом отношении привлечение иностранных капиталов мне кажется совершенно антицелесообразным. Привлекать к себе иностранные капиталы — это значит вести обработку в долг, да еще на самых невыгодных условиях, т.е. с предоставлением заимодавцу выжимать из нас столько процентов, сколько у него хватит силы выжать. Но ясно, что производя обработку на занятые деньги, мы непременно *удорожаем* продукт на всю ту сумму, какую составляют проценты с них и погашение долга.

Ясно, следовательно, что оперировать на занятые деньги нужно очень обдуманно и строго *в меру национальной потребности* и по *разумному плану,* а вовсе не из таких произвольных фантазий, как развитие обрабатывающей промышленности an und fur sich. Не потому ли так и слаба наша круп-

ная промышленность, что — вся в долгах, и не потому ли так высоки цены ее продуктов?

Г. Федоров возражает: «Как может быть наша крупная промышленность, погашающая нередко основные издержки в несколько лет, быть вся в долгу — это секрет г. Тихомирова».

К сожалению, зло уже настолько велико, что ни для кого не составляет секрета. Всем известно, что количество иностранных капиталов у нас в промышленности *увеличивается,* а стало быть, мы за них постоянно все больше платим. Безо всякого секрета мне, как каждому, небезызвестно, что и помимо официально регистрируемых иностранных компаний, даже русские по имени и наружности промышленные предприятия иногда находятся, по капиталам, в полной зависимости от иностранцев.

Вот это обстоятельство тысячью прямых и косвенных путей усиливает нашу зависимость от иностранною рынка — и затем от мировых цен, — которая по нашим природным условиям могла бы быть сведена к нулю.

Это же обстоятельство, как сказано, *удорожает* и производство. Г. Федоров возражает мне: «Неужели же можно вообразить себе такое положение, что иностранцы понесут в нашу страну свои деньги для удовольствия создавать у нас промышленность an und fur sich, как говорит г. Тихомиров, то есть не имеющую почвы? Думаем, что самый приток к нам иностранных капиталов есть один из показателей необходимости и выгодности разработки наших богатств, для чего у нас не хватает собственных средств».

Само собою разумеется. Ну, конечно, никто нам не будет дарить капиталов, а если ссужают их, то за очень хорошую *выгоду — себе.* Но какое же это возражение? Я потому и опасаюсь иностранного капитала, что его помещение у нас слишком выгодно для иностранцев. Потому-то и нужны тут «глаз» и руководство со стороны *экономической политики.*

К сожалению, все эти мечты о выгодах «капитализма», о внешних рынках, об иностранных капиталах, только затягивают петлю на шее русского национального труда, все более нарушая необходимое его равновесие. Как бы ни были выгодны и прибыльны отдельные производства фабрик, они не вознаградят нас за убытки, производимые разорением миллионов, выбиваемых из колеи производства, хотя, может быть, в отдельности менее выгодного, но в сложности дающего больше. А такая разорительная пертурбация производства неизбежна, когда мы беремся искусственно организовать промышленность, не имея для того ни должных сведений, ни безошибочного плана.

Кто сколько-нибудь понимает, как мало знает наша экономическая наука, как шатки ее общие идеи, тот, конечно, пожелает как можно больше *осторожности* в ломке народного труда и как можно больше внимания к *охране экономической независимости России,* ибо, поработив ее производство иностранным капиталам и «мировому рынку», мы уже и будущим поколениям, более нас способным, не дадим возможности разумной организации русского производства. При состоянии современных способностей к организации труда нашим девизом должно быть: «Поменьше пертурбаций, побольше равновесия».

На этом же пути прежде всего, несомненно, нужно позаботиться о сельском хозяйстве. Хотя вообще развитие фабрики в этом отношении имеет свое значение, но никак не искусственно развиваемой, которая может разорять столько же, сколько создавать. Для самой фабрики теперь нужно не столько количественное развитие, сколько качественное, как технически, так и в экономическом смысле, т.е. в смысле связи ее с добывающей промышленностью. Только искусственностью развития фабрики объясняются такие экономические абсурды, что мы на *свои* фабрики везем *чужое сырье,* а *свое сырье* везем на заграничные фабрики. Чрезвычайным

воспособлением фабрике (в *основе* вполне разумном) мы не могли не создать некоторой искусственности в своей обрабатывающей промышленности. По всей вероятности, мы этим отчасти даже и повредили ей, как, например, в сфере отношений между фабрикой и кустарным промыслом.

Действительно, как ни велико значение *крупного* производства, но его выгоды вообще имеют свои пределы. Нет ни одного промышленного предприятия, производительность которого не страдала бы, когда размеры производства переходят за некоторые естественные границы. Это факт, известный даже практическому наблюдателю. Несомненно, что как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности есть отрасли, где *мелкое производство выгоднее крупного,* то есть создает большое количество продукта или лучший продукт. Наоборот, есть производства, где мелкий труд менее выгоден или даже невозможен. Уже нельзя не думать, что форсированное развитие фабрики в этом отношении не могло не отразиться и нарушением экономической гармонии, ненужным и вредным подрывом многих отраслей мелкого промысла. Во всех отношениях, мне кажется, для фабрики у нас нужнее всего теперь период *спокойного* развития, нужно дать ей улечься в естественные рамки русского производства.

Что же касается *сельского хозяйства,* то, впутывая его в зависимость от мировых цен, ставя нашего пахаря в необходимость конкурировать с феллахом, индусом и негром в *дешевизне* продукта, мы пришли бы к положению безвыходному. Нам очевидно нужно думать о совершенно ином пути. Земледельческое население, к счастью, занимается таким трудом, который способен по малой мере прокормить человека с наибольшей независимостью от каких бы то ни было рынков. На усиление этой способности и должны пойти усилия нашей сельскохозяйственной политики, находя опору: 1) в системе мер (не на словах, а на деле) по возрождению

нашей почвы, 2) в улучшении сельского хозяйства крестьян и системе мер к превышению качества их продукта, 3) в развитии ближайшей обработки продуктов сельского хозяйства *на месте,* 4) в широкой системе переселения, которая дает части населения возможность еще продержаться привычным экстенсивным хозяйством.

Нет ни малейшего сомнения, что эти меры, поддержав сельскохозяйственное население, окажутся благодетельными и для фабрики, для которой расширяют внутренний рынок. Это для самой фабрики важнее «иностранных капиталов»… Таков, мне кажется, ближайший вывод из настоящего положения.

А что касается мер, более глубоко скомбинированных, то для установки их нам еще сначала нужно создать свою экономическую науку… (…) Нам нужен недостающий теперь план, именно в смысле национальной экономической политики.

Но для того, чтобы государство было способно к такой роли, оно должно иметь в стране науку настоящую, не «марксистскую», не «народническую», а национальную политическую экономию, которая бы знала производство своей страны, знала точную связь различных элементов ее производства и умела показать наилучшие способы связи земли и фабрики, наилучшие способы усиления той и другой, выгоднейшие способы утилизации обработкой всего добываемого в стране и снабжения страны продуктами этой обработки.

Цели производства

В чем состоят наши экономические задачи, исполнение которых должно озабочивать государственную экономическую политику? Само собой разумеется, что, говоря о наших задачах, мы должны разуметь не какую-то отвлеченную

страну, а именно данную страну, Россию, в тех условиях, какие она представляет. К этим условиям мы сейчас и перейдем, но предварительно не мешает вспомнить те нужды, которым удовлетворяет народное производство всякой нации при всяких условиях.

Народное производство должно, во-первых, доставить возможность существованию нации. Сто тридцать миллионов нашего населения должны получать необходимые материальные средства, чтобы прокормиться, одеться, быть обеспеченными в жилище и т.д. На языке политической экономии это составляет *оборотный национальный капитал.* Добыть средства для жизни населения — это значит добыть их для дальнейшего его труда. Это минимум средств, который необходим и без получения которых нация начинает умирать, то есть принуждена постепенно потреблять самый капитал свой, пока таким путем не погибнет окончательно.

Но добыть средства для существования народа еще недостаточно. Нация растет, и ее капитал поэтому должен увеличиваться. Нация должна прогрессировать в своей культуре. Для этого капитал ее также должен увеличиваться. Посему народный труд всегда должен давать *избыток* сбережения, посредством которого национальный капитал постоянно *увеличивается.*

Эти две цели национального производства, то есть 1) поддержание оборотного капитала и 2) его увеличение с экономической точки зрения суть главнейшие, основные. Но достигая их, народное производство должно, сверх того, создать еще избыток средств на нужды различных национальных учреждений, не имеющих сами по себе экономического характера, однако совершенно необходимых для жизни нации, которая не есть организм только экономический (как думает социализм), но прежде всего организм социальный и политический. В среде неэкономических национальных учреждений, на содержание которых нацио-

нальное производство должно создать средства, на первом плане стоит *государство.*

Уделение необходимых средств для содержания государства и составляет область политики собственно *финансовой,* которая таким образом приходит в связь с политикой *экономическою.*

В виду таких задач национального производства оно, конечно, должно иметь достаточную для их достижения *напряженность,* то есть способность произведения большого количества работы. Но достижение достаточной *напряженности производства* еще не исчерпывает задач экономической политики.

Производство страны, представляющей нацию, способную к *самостоятельному существованию,* по необходимости должно быть сложно и разносторонне. Очевидно, что для общей энергии производства различные его отрасли должны быть при этом поставлены так, чтоб они взаимно помогали одна другой, дополняли одна другую, другими словами — они должны быть правильно согласованы. Достижение этого и составляет вторую цель экономической политики.

Несостоятельность идеи мирового рынка

Усиление энергии нашего производства и согласование его отраслей, конечно, требует некоторого общего плана.

В этом отношении должно прежде всего решительно отвергнуть тот план, который полагает решить наши экономические задачи посредством *перестройства России по типу так называемых передовых промышленных стран Европы.* Эта идея столь же ошибочна по существу, как и в своих частных проявлениях: 1) *в стремлении устраивать наше производство применительно к требованиям мирового рынка* и 2) в *чрезмерном преклонении перед фабрично-заводскою*

промышленностью как сильно повышающею производительность труда.

На самом деле экономическая организация передовых европейских стран для нас отчасти совершенно невозможна, отчасти нимало не желательна. Определителем целей нашей экономической организации должен бы на самом деле служить наш собственный внутренний рынок, и, в силу этого, мы должны ныне же, наряду с обрабатывающей промышленностью, обратить самое серьезное внимание на промышленность добывающую, и особенно на земледелие, которое в этом чрезвычайно нуждается.

Остановимся прежде всего на вопросе о внешнем (мировом) и внутреннем рынках. Сторонники мирового рынка забывают основное экономическое соображение, что самое выгодное производство есть то, которое работает для *ближайшего рынка.* При этом, во-первых, доводятся до минимума накладные расходы на посредников (перевозку и всякое комиссионерство), во-вторых, производитель легче и быстрее всего может применяться к потребностям рынка, избегая таким образом бесполезного перепроизводства и не теряя случаев, когда требуется усиленное производство и т.д. Выгода усиливается еще больше, когда материалы производства доставляются местною же добычей. Вообще, *ближайший рынок* есть наилучший и потому, как общее правило, внутренний рынок при равных прочих условиях выгоднее иностранного, мирового.

Понятно, что из этого правила есть исключения. Не все страны способны к произведению нужных им продуктов или не одинаково способны. Поэтому могут быть многочисленные случаи, что каждой стране выгодно производить какие-либо наиболее доступные ей продукты *в избытке, с* тем, чтобы потом обмениваться ими с другими странами.

Но это явление международного обмена, вследствие которого данная страна начинает работать на чужой рынок, нормально лишь в пределах указанной естественной необходи-

мости, и в странах великих вследствие этого работа на внешний рынок занимает второстепенное место.

Обыкновенно торгово-промышленными нациями, работающими на чужой рынок, являются страны очень *малые,* естественные условия которых не допускают разностороннего производства, удовлетворяющего всем их нуждам. От Финикии до Венеции, Нидерландов и Англии — основания одностороннего производства одни и те же. Население способное и предприимчивое, не имея возможности жить продуктами своей территории, специализируется на торговом комиссионерстве и обрабатывающей промышленности, добывает себе за границей дешевое сырье, перерабатывает его и сбывает обратно в страны дешевого сырья. Непременным условием возможности такой экономической политики является, конечно, огромная разница в культурности между страной, посвящающей себя торгово-промышленной деятельности, и остальными странами мирового рынка.

Все эти условия и существовали для передовых стран Европы, но уже постепенно исчезают и для них, а для нас могут существовать только в фантазии. Да и завидны ли эти фантазии? Англия почти превратилась в фабрику для остального мира и построила свою экономическую организацию применительно к чужому мировому рынку. Полученные ею от этого материальные выгоды были, конечно, значительны. Но *прочность* такого положения была возможна лишь до тех пор, пока остальные народы были не способны вступить на путь подражания Англии. Между тем это давно уже произошло. Первые последователи Англии, начиная приспособлять свое производство к тем же целям, тоже еще могли получать от этого некоторую выгоду. Но число стран, остающихся в положении производителей сырья, все уменьшается. Северная Америка уже стала выше Англии в области обрабатывающей промышленности. Франция, и особенно Германия, успешно с нею соперничают. Россия принимает энерги-

ческие усилия для того, чтобы развить собственную обрабатывающую промышленность и выйти из роли данницы фабрично-заводских стран. Та же тенденция замечается всюду: в остальной Европе, Южной Америке, Японии. Чем большее количество наций начинают развивать свои промышленные силы, тем ожесточеннее и менее выгодна становится борьба фабрично-заводских стран за иностранные рынки. Конкуренция понижает цены на обработанные продукты, а число стран, вступающих в борьбу за чужие рынки, все увеличивается. По мере этого уравновешения промышленной культуры борьба за иностранные рынки отживает свой век.

Широкая постановка экономической политики на основе внешних рынков возможна лишь до тех пор, пока существовала очень резкая разница в промышленном развитии Европы и остального мира. С тех же пор, как сама Европа повсюду, по всем частям света, зародила очаги *такого же* могучего производства, — былое разделение мира на страны промышленные и земледельческие с каждым десятилетием все стирается.

Представим себе недалекое будущее, когда все нации земного шара станут промышленными. Где же они будут искать «внешних» рынков? Не на Луне или Марсе? На земле, во всяком случае, для нынешней хищнической политики внешних рынков места не останется, и «передовым промышленным странам» придется со страшными внутренними потрясениями перестраивать свою экономическую организацию на новый для них *нормальный* порядок, то есть по идее *внутреннего* рынка.

Значение внешнего рынка — соединенная промышленность

Предыдущими соображениями вовсе не отрицается потребность внешнего рынка, но этот рынок имеет для России и для всякой нормально живущей страны весьма небольшую

степень важности. Само собою, есть продукты, которые мы всегда будем находить более выгодным покупать, нежели производить. Таковы все продукты, не свойственные или мало свойственные нашей природе; таковы многие изделия, которые почему-нибудь особенно хороши в данное время в той или иной стране.

Есть всегда кое-что ввозимое, необходимое для хода самой же нашей промышленности. Так, до сих пор мы должны выписывать семена турецкого табака для посева на наших плантациях, и даже самый табак для сдабривания нашего; выписываем кое-какие химические продукты для своих фабрик и т.д. Такие предметы всегда найдутся, и на покупку их всегда найдется что-нибудь у нас для выгодного вывоза.

Посему *некоторая часть* национального производства всегда, при самом идеально нормальном устройстве нашего труда, будет иметь в виду иностранный рынок. Но все это касается лишь ничтожной доли народного труда. Остальное огромнейшее его количество должно иметь в виду рынок внутренний. Разумная организация производства, усиление и согласование его различных отраслей, словом, вся наша экономическая политика должна исходить из помышления о потребностях *внутреннего рынка.*

Цель экономической политики России — страны великой, имеющей внутри себя все необходимые и разнообразнейшие средства для существования, — сводится в целом к созданию *могучего, самоудовлетворяющегося производства,* добывающего все нужное для населения и обрабатывающего эти продукты во всем разнообразии и совершенстве, какие только допускаются культурой и техникой данной эпохи. Это и есть *соединенная промышленность,* которая возможна только для стран *всесторонне* развитых в экономическом отношении. *Соединенная* промышленность только и возможна при работе на свой широкий, разносторонний внутренний рынок. При том же типе промышленной специализации,

который уже отходит в вечность и при котором Англия, например, могла сосредоточить все свои силы на обработке продуктов, стараясь держать ряд других стран в роли производителей сырья, — при этом типе нельзя создать никакой *соединенной промышленности.*

Соединенная промышленность состоит в обработке собственными силами всего нами же добываемого сырья. Это усиливает, с одной стороны, энергию производства, ибо, как справедливо говорит Лист, «взаимодействие фабрично-заводской и земледельческой промышленности тем значительнее, чем ближе друг к другу живут земледелец и фабрикант и чем меньше обмен их разнообразных продуктов подвергается остановке от случайностей всякого рода». А случайности эти особенно велики при сношениях со внешними рынками. Точно те же выгоды представляет соединенная промышленность и для *согласования* производств.

Разумная, предусмотрительная и экономная организация производства возможна только при работе на внутренний рынок, потому что только здесь каждая нация является хозяйкой у себя дома, может по произволу усиливать, ослаблять и видоизменять производство, может к действию слепых экономических сил прибавлять разумное действие мер государственных.

Только на внутреннем рынке мы, если хотим этого, можем все со своевременною точностью знать, предвидеть, согласовать ни от кого, кроме себя, не завися. Наоборот, всякая связь с внешним рынком непременно в той или иной степени лишает нас свободы распоряжения всеми своими силами. В странах, всецело построенных на работе для внешнего рынка, как, например, в Англии, нет даже возможности самостоятельной экономической политики, и в настоящее уже время материальное существование Англии всецело зависит от поддержания экономической неразвитости других стран. Правильное развитие производительных сил

Индии, Китая, Персии, Африки, России, Южной Америки и т.д. есть прямо угроза *смерти* для Англии при ее нынешней организации.

Очевидно, не такие перспективы должны вдохновлять нашу экономическую политику. Она имеет перед собою более благородные и более надежные цели: высокое внутреннее развитие страны, самоудовлетворяющейся, не нуждающейся в эксплуатации других, а достигающей лишь собственной экономической самостоятельности, которую при таких условиях мы можем искренне, без всякого ущерба для себя, пожелать каждому другому народу.

Соединенное производство

В общей сложности мысль о переносе к нам иностранных капиталов не выдерживает никакой критики. В отношении капитала можно сказать: «На чужой каравай рот не разевай». Капитал создается только своим трудом, своим производством, своим сбережением. На их развитие и должно быть направлено внимание.

Какие стороны производства должно развивать? Разумеется, все, какие нужны для *полного* самоудовлетворяющегося существования великой самостоятельной нации.

Основание производства составляет, конечно, промышленность добывающая, особливо земледелие. Необходимое дополнение ее — промышленность обрабатывающая, крупная и мелкая.

В этом комплексе производства нет ничего лишнего, как и ничего такого, что могло бы захватить исключительно все наши симпатии. Совершенно ошибочной была бы мысль о России как стране исключительно земледельческой, и еще ошибочнее мысль о ней как будто бы о преимущественно промышленной стране.

Мы обладаем идеальными, лучшими в мире климатическими условиями для многих сельскохозяйственных культур, как пшеницы, льна, конопли, многих пород леса, винограда, и не уступаем другим странам по множеству других культур (рожь, овес, картофель и т.д.), имея сверх того наибольшее разнообразие условий для них (от исландского мха до чая, хлопчатника и риса). Наше земледельческое производство, конечно, на веки веков останется одним из выгоднейших в мире.

Но точно так же было бы нелепо и самоубийственно не развить своей обрабатывающей промышленности до самой высокой степени, ибо и в этом отношении мы имеем все необходимые данные.

Обе великие отрасли производства *одинаково* необходимы. Они одна другой дают взаимный рынок, и только при *высоком* развитии *обеих* Россия может жить цельною, самостоятельною экономическою жизнью.

Та же система разносторонности применима к промышленности *крупной и мелкой,* в которых выражается разная степень концентрации капитала. Каждая из них имеет свое место в производстве, и каждая в своем роде и на своем месте нужнее. Богатый крестьянский двор, хорошая кустарная изба или мастерская ремесленника столь же нужны, как помещичья экономия или завод и фабрика.

Значение распределения и потребления

Всякий капитал представляет результат *сбережения,* гласит общее правило политической экономии, с пояснением, что капитал поддерживается беспрерывным *воспроизведением.* Но сбережения достигают наибольшей степени, когда они *добровольны* и возбуждаются *личным интересом.* Отсюда труд свободный дает большие сбережения, нежели

труд раба. Точно так же сбережения лица, ведущего *производство* и имеющего возможность употреблять сбережения на увеличение собственного производства, значительнее, нежели у того, кто не имеет этого интереса. Поэтому *мелкое производство,* поскольку оно допускается чисто техническими условиями без помехи производительности труда, имеет огромное значение в смысле накопления и воспроизведения капитала, столь нам необходимого. Технически же труд высокой производительности возможен во множестве мелких промыслов.

Сверх того должно заметить, что производства *абсолютно выгодного* нет. Все производства выгодны или невыгодны смотря по тому, насколько они *нужны.* Мы даже и вычисляем «производительность» труда по меновой рыночной стоимости продукта. Это совершенно основательно, ибо рыночная цена в своем *спросе* принимает в соображение не одну собственно производительность труда, но и *потребительную необходимость* его. Труд может быть высоко производителен, но если он создает вещи, никому не нужные, он составляет даром потерянное время. Итак, думая о повышении производительности труда, мы всегда должны при этом иметь в виду *надобности рынка.*

А какие надобности нашего рынка? Это надобности 130 миллионов Русского народа для того, чтоб он жил в непрерывно возрастающем довольстве. Вопрос о распределении при *нормальной* постановке труда тесно связан с вопросом о производстве не только в социальном смысле, но и в *экономическом.*

Ибо с распределением связан вопрос о *потреблении,* без которого нет рынка, а стало быть, и «производительность» труда теряет всякий смысл. Значительное же количество собственников, хозяев, участников в прибавочной стоимости, не только увеличивает *сбережение,* но дает еще и возможность большего *потребления.*

Какое значение имеет для производства способность народа к потреблению, можно видеть из такого, примерного, рассуждения.

Мы высчитали выше, что каждый из 130 миллионов жителей России может, в среднем, покупать продуктов всего на 30 рублей в год.

Покупательная способность огромной массы народа еще ниже этой *средней* цифры. Но есть уголки, где старинная экстенсивная культура позволяет массе народа быть зажиточною. И вот, например, по высчетам комиссии статс-секретаря Куломзина, *богатый* двор восточно-забайкальских казаков имеет средний доход в 4819 руб. Эти дворы, по-тамошнему, очень многосемейны, в среднем 15 человек мужчин, женщин и детей. Итак, это выходит более 300 руб. на душу.

Дозволим себе маленькую фантазию и предположим, что соединенные силы культуры, интенсивного труда и разумной экономической политики успели сделать для России то, что непочатые силы природы делают для богатых семей дикого Забайкалья. Если бы мы достигли уже такого успеха в настоящее время, то покупательная сила нашего внутреннего рынка выражалась бы в 300 руб., помноженных на 130 миллионов жителей, то есть составляла бы *39 миллиардов рублей.*

Что это было бы за поприще для нашей промышленности! Какие иностранные рынки, загроможденные собственною конкуренцией, способны дать нам подобный спрос?

Но для этого нужно, чтобы масса народа могла покупать, удовлетворять своим потребностям. А это существенно зависит от *распределения,* от того, насколько масса народа участвует в обладании капиталом, а не представляет одну только рабочую силу. Участие же народа в обладании самими средствами труда и потому в получении своей доли *прибавочной стоимости* достигается хотя и разными путями, но в том числе *особенно* легко существованием мелкого промысла — как земледельческого, так и кустарно-ремесленного.

Поднятие покупательных сил

Итак, национальная экономическая политика прежде всего не должна впадать в *односторонние увлечения* в своем попечении о различных отраслях и формах производства.

Нельзя не признать в высшей степени правильною нашу традиционную заботу об обрабатывающей промышленности. Мы несомненно были и остаемся очень отставшими в этом отношении, и протекционная система доселе представляется необходимою.

К сожалению, мы при этом, очевидно, не имели достаточно ясной идеи своей экономической политики, так как наряду с протекционною системой не вводили совершенно необходимых для нее дополнений. Сверх того у нас, быть может неизбежно, возникло явление, которое подрывало ее целесообразность.

Протекционная система получает весь свой смысл лишь при системе *внутреннего рынка.* Мы же за это самое время довели наш *иностранный долг* до миллиарда рублей золотом, не говоря уже о помещении наших бумаг на заграничных рынках. Но иностранные займы необходимо выводят страну на *мировой* рынок, куда мы могли явиться только с продуктами добывающей промышленности, ибо самая необходимость протекционной системы показывает бессилие обрабатывающей промышленности выйти за границу. А продуктами земледелия (при протекционной системе) мы на мировом рынке могли торговать только с большою невыгодой, ибо эти продукты должны были сбываться по *мировой* цене, с которою и должно соображаться сельское хозяйство. Между тем продукты обработки доставались сельскохозяйственному населению не по цене мирового рынка, а по гораздо более дорогой, внутренней. Конечно, такое невыгодное сочетание цен обессиливает покупательную способность внутреннего рынка и уменьшает потребление продуктов заводско-фаб-

ричных, тем самым ставя преграды развитию покровительствуемой промышленности.

Далее мы обратили все внимание на развитие *крупной* фабрично-заводской промышленности, которая дает занятому ею населению только заработную плату. Все мелкие кустарные промыслы, в которых участвует у нас, как предполагается, не менее 4 миллионов населения, не пользовались за это время никаким серьезным попечением.

А между тем население, им занятое, представляет, как выше сказано, одну из лучших частей внутреннего потребительного рынка.

Таким образом, принося большие жертвы для развития промышленности, мы допускали на всех пунктах ослабление необходимого для нее внутреннего рынка, мечтая о заграничном до того, что премировали вывозимые фабрикаты. На самом же деле на всемирный рынок могло выступить только наше земледелие, которое с крестьянской реформы чрезвычайно дезорганизовалось и приняло характер чисто хищнический, — и это на земле уже не девственной, отнюдь не допускающей такого хозяйства.

В результате получилось повсюду истощение производительных сил земли, которое еще более отразилось упадком благосостояния народа.

Собственно протекционная система наша, даже и подрываемая всеми этими обстоятельствами, хотя не дала нам, конечно, таких выгод, какие дала Америке, не имеющей иностранного долга и обладающей превосходным внутренним рынком, но все же сделала свое дело и у нас. Мы развили более или менее сильную промышленность. Но едва ли мы в состоянии будем даже поддерживать ее, если не перейдем, наконец, к попечению о подъеме покупательной силы внутреннего рынка, то есть, другими словами, к энергической заботе о столь заброшенных за это время добывающей промышленности и мелком промысле.

Землевладение и земледелие

Наше сельское хозяйство — старинная испытанная и прочная область национального производства. Только этой прочностью и объясняется его способность так долго выдерживать соединение социальной и экономической ломки, которую мы переживаем с 1856 года. Но, во всяком случае, в нашем сельском хозяйстве за это время, несомненно, расшатаны все устои правильного существования и развития. (…)

Крестьянское землевладение, слава Богу, не уничтожено и даже охраняемо законом, но именно как владение и притом всего сословия. Что же касается хозяйственного пользования землей отдельными крестьянами, то оно находится в самом абсурдном состоянии, благодаря нелепости переделов, жертвующих всем идее уравнительности. Доведенная этим до совершенной невозможности чересполосица и недолговременность пользования каждым участком делают немыслимым сколько-нибудь порядочное хозяйство.

Владения казны у нас огромны, но расположены *случайно;* их много там, где они не расхватаны исторически или никому не нужны. Таким образом, государственные земли не имеют с экономикой страны никакой связи. У нас был даже долгий период, когда *увеличение доходов* ставилось главной целью государственных имуществ. Таким образом, эта огромная категория национального достояния в лучшем случае не вредит народной экономии, а иногда (как было при мне в Черноморской губернии) случается, что *даже вредит.*

Хозяйства крупновладельческие у нас были в полном смысле разрушены с истреблением инвентаря и т.д., в первые годы крестьянского освобождения и после того доселе не могли подняться, частию вследствие самой нашей промышленной политики. Но главная причина их крушения состоит в том, что у нас нет даже тени охранения *целости* и *неприкосновенности* крупных хозяйственных единиц. Мы относимся

к ним, как к какому-нибудь стогу сена или куче зерна, которые, как ни дели, представляют вместе и порознь одну и ту же цену. А между тем хозяйственная единица «экономия», имение — это есть своего рода цельный организм. Разделить его — это значит убить его, сделать из огромной ценности простую кучу обломков. Такое разрушение всех возникающих очагов сельского хозяйства совершается по всей России систематически и без перерыва, как самими владельцами, так и действием законов о недвижимой собственности.

Но у нас нет заботы не только об отдельных имениях, а, в противность крестьянству, и само *сословие* крупного земледелия совершенно не охранено в своем землевладении. Между тем земледелие требует собственника привычного, традиционного, любящего свою землю. Без такого сословия нет цветущего сельского хозяйства, которое заменяется спекулятивным и хищническим.

Отсюда вопрос о подъеме нашего сельского хозяйства требует широкой, обдуманной и строго выдержанной системы *землевладения* и *землепользования.*

Перед экономическою политикой лежит задача урегулирования нашего землевладения и землепользования для достижения такой общей задачи:

1) *на всем пространстве* Империи иметь наделенное землей крестьянство, пользующееся землей участками в одной меже и с долгим сроком владения;

2) *на всем же пространстве* Империи иметь среди крестьянских земель установленное количество крупных имений, недробимых и неотчуждаемых из *сословия;*

3) *на всем же пространстве* Империи иметь в государственном владении все полосы земли, необходимые для охраны почвенно-климатических условий[1].

---

[1] По достижении регуляции землевладения мне это кажется *главною целью государственных земель.* Но понятно, что и тогда они будут служить также целям лесопромышленности и,. вероятно, аренде пустошей. В переходный же, устроительный период, государственные земли играют очень важную роль фонда для надела крестьян.

Этот ряд задач осуществим постепенным систематическим обменом земель частных и казенных, приобретением в казну новых земель (что ныне так легко) и более разумным расселением крестьян (внутренняя *колонизация).*

Сделав возможным ведение сельского хозяйства, мы затем имеем перед собой в отношении его второй ряд задач, который состоит в сближении его с обрабатывающей промышленностью. Сюда относится развитие обработки сельскохозяйственных продуктов *на месте,* в крупных имениях, и децентрализация фабрик и заводов по России, чего нередко возможно достигнуть при помощи правительственных мероприятий.

Третий ряд задач составляет, наконец, поднятие улучшенной сельскохозяйственной культуры.

В общей сложности, таким образом, наши главные цели в настоящее время, мне кажется, должны сводиться к подъему *добывающей* промышленности. Что касается обрабатывающей, то она при этом требует поддержания охранительной системы, а в остальном дальнейшее развитие ее зависит от развития сил промышленности добывающей и от взаимного, более тесного сближения обеих отраслей производства. Это дело времени и постепенного развития. Должно еще добавить к этому развитие мелкого промысла везде, где он способен выдерживать конкуренцию.

Наконец, разумеется, в задачи экономической политики входит усиленное развитие технических и земледельческих знаний, о чем, впрочем, ныне стали уже более серьезно заботиться.

ДЕНЬГИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ СТРАНЫ

ФРОЛОВ Александр

Входил в круг единомышленников издателя газеты «Русский Труд» С. Ф. Шарапова. Стоял на позиции финансово-хозяйственной независимости России от Запада. Валютный курс рассматривал как отражение устойчивости экономического строя страны. Считая, что для России валютный курс определяется преимущественно ценами на хлеб, предлагал организацию государственных хлебных запасов, за счет которых могли бы поддерживаться устойчивые цены на хлеб в неурожайные годы. Предлагал создание внутренней кредитной валюты, независимой от зарубежных рынков

I

Представим себе Англичанина, являющегося обладателем двоякого рода монеты: американской золотой и русской бумажной, и пожелавшего реализовать ту и другую. Простейшим способом реализации был бы обмен монет в меняльной лавке, но допустим, что такого способа не имеется вовсе или он почему-либо перестал существовать. В этом случае Англичанин может поступить следующим образом: американские монеты он может продать ювелиру в лом или отдать перечеканить на золотые английские; в обоих случаях получается потеря, равная стоимости чеканки, практически настолько ничтожная, что ее можно игнорировать, и Англичанин вправе смотреть на американскую монету как на совершенно равноправную с его национальными деньгами.

Совсем иначе дело обстоит при попытке реализации русской кредитной монеты. Внутренней ценности она не имеет и ни на что ценное переработана быть не может. Единственно, что с ней можно сделать, — отправить в Россию с целью покупки какого-либо товара.

Положим, что в России взамен каждого кредитного рубля Англичанину предлагают с доставкой в Англию по аршину сукна. Но такое точно сукно стоит в Англии 12 пенсов. Следовательно, в этом случае в глазах Англичанина покупная стоимость русского рубля была бы не свыше 12 пенсов или около 31 металлической копейки. Англичанин, в поисках наиболее выгодной реализации своих кредитных рублей приходит к убеждению, что самое выгодное — купить хлеб. За каждый кредитный рубль дают ему с доставкой в Англию по пуду хлеба. В Англии же цена хлеба 25 пенсов, или около 66 металлических копеек, следовательно, для Англичанина вообще безубыточно принимать в платежи русский кредитный рубль за 25 пенсов, то есть, другими словами, в Англии устанавливается курс русского кредитного рубля, равный 25 пенсам, или около 66 копеек золотом. Таким образом, если за американским золотом скрывается полноправное и равноценное ему английское золото, то позади русского кредитного рубля мы найдем зерновой хлеб, который в глазах Англичанина, так как Англия и Россия непрерывно нуждаются, первая в покупке, вторая в продаже хлеба, является для кредитного рубля безостановочным разменным фондом. Но в то время, как между американскими и английскими монетами существует незыблемое отношение, равное отношению количеств содержащегося в них чистого золота, ценность русского кредитного рубля, измеряемая его покупной силой по отношению хлеба, постоянно меняется. Сегодня в России одна цена хлеба, завтра — другая. Сегодня Англичанин может получить на рубль столько хлеба, сколько в Англии дают на 25 пенсов, но может случиться, что завтра в России хлеб

вздорожает и его дадут на рубль лишь столько, сколько можно получить в Англии на 23 пенса, а в зависимости от этого и курс рубля должен упасть с 25 на 23 пенса.

Попытаемся сделать некоторый анализ законов колебания курса. Пусть Англичанин имеет английское золото и желает покупать хлеб в Америке и в России. Если допустить отсутствие меняльных лавок и торговых векселей, по существу дела не изменяющих, а лишь упрощающих процедуру международного обмена, приходится сказать, что для покупки хлеба в Америке нужно перечеканить (без прибыли и без убыли) английские золотые монеты на американские, а для покупки хлеба в России нужно предварительно купить кредитные рубли. Как известно, на одном рынке на один и тот же товар не может быть двух цен, то есть, другими словами, для англичанина будет безразлично, покупать хлеб в Америке или в России, лишь в том случае, если одинаковое количество хлеба и при всех равных прочих условиях обойдется с доставкой в Англию по одинаковой цене, как при вывозе из России, так и при вывозе из Америки; потому что, если бы вывоз из одной страны оказался дешевле, то прямой убыток был бы покупать в той стране, откуда вывоз обходится дороже. Пусть в Англии установилась цена за пуд хлеба 80 коп. золотом. Допустим, что в один из годов всемирный урожай распределился таким образом, что в России урожай не выше обыкновенного, а в Америке уродилось очень много хлеба и, вследствие последнего обстоятельства, американские земледельцы находят возможным спустить установившуюся цену на хлеб и продавать его с доставкой в Англию вместо прежних 80 коп. только по 60 коп. золотом за пуд. Так как Россия ни на один год не может воздержаться от продажи своего хлеба, то она должна пойти на те условия, при которых русский хлеб должен обходиться Англичанину также в 60 коп. золотом. Но это понижение цены русского хлеба с 80 коп. золотом на 60 коп. может произойти двояким образом: мо-

жет понизиться цена на хлеб внутри России или может понизиться стоимость кредитного рубля, например, стать вместо 28 пенсов только 21 пенс, или же понижение цены, как рубля, так и хлеба, может иметь место одновременно, но в разных степенях. Как же будет происходить явление в действительности? Понижение цены, очевидно, пойдет в сторону наименьшего сопротивления. Если меньшее сопротивление представит хлеб, то понижение цены пойдет предпочтительно на хлеб; если меньшим сопротивлением понижению цены будет обладать кредитный рубль, то понижение отразиться преимущественно на рубле. Посмотрим, какие резоны имеются у кредитного рубля — удержать или изменить свою стоимость. Если, как мы выше предположили, в России урожай не выше среднего, то общая стоимость русского вывоза, по причине уменьшения металлической стоимости пуда хлеба, должна уменьшиться, вследствие чего, если до этого времени торговый баланс России был активен, то есть вывоз превышал ввоз, активность эта должна уменьшиться, если же превышение было на стороне ввоза, то пассивность баланса должна возрасти. Так как разность торгового баланса оплачивается, вообще говоря, золотом, то в первом случае уменьшится в России потребление золота, а во втором увеличится спрос на него. Как в том, так и в другом случаях увеличится цена на золото, а следовательно, уменьшится стоимость кредитного рубля, то есть упадет курс. Таким образом, мы видим, что кредитный рубль в данном случае не только не оказывает сопротивления понижению своей цены, но даже сам идет навстречу этому понижению. Совсем иначе дело обстоит с хлебом. Так как мы исследуем влияние изменения международной цены хлеба на курс рубля и на внутреннюю кредитную цену хлеба, то для простоты рассуждения мы предположим, что внутри страны в то же время не произошло ничего такого, что могло бы отразиться на ценах рубля и хлеба. Проще всего допустить, что рядом лет со средним

урожаем установилась некоторая средняя цена на хлеб, которая давала привычную для земледельца прибыль. Так как и в год падения международной цены на хлеб мы выше предположили в стране средний урожай, то, очевидно, оставляя равными все прочие внутренние условия производства и потребления, мы не найдем никаких причин для понижения внутренних цен на хлеб, и всякую попытку к такому понижению земледельцы должны встретить с естественным сопротивлением как несущую бюджету явный дефицит. При таких обстоятельствах не будет ничего удивительного, если влияние падения международной цены на хлеб отразится исключительно на цене кредитного рубля и не коснется внутренней кредитной цены хлеба. Однако эта способность кредитной валюты к существенному ограждению внутренних хлебных цен от понижательного влияния международных цен может быть принята без ограничения только в теории; на практике же, чтобы не терять почвы действительности, мы удовольствуемся, формулируя это положение следующим образом.

Кредитный рубль является буфером, который принимает на себя и поглощает часть экономического удара, происходящего от падения международной цены хлеба, и только остальную, может быть, меньшую часть этого экономического удара он передает на тот предмет, на который этот удар направлен, то есть на хлеб. Совершенно одинаковое явление будет и в том случае, когда международная металлическая цена останется неизменной, но в России плохой урожай хлебов. Опять здесь общая стоимость вывоза в золотых рублях уменьшается; вследствие происшедшего таким образом ухудшения торгового баланса нарушается отношение между спросом в России на золото и предложением его в таком направлении, что золото дорожает, а кредитный рубль дешевеет, то есть курс его падает. Благодаря последнему обстоятельству, а также вследствие естественного стремления

земледельца уменьшить убытки неурожайного года, внутренняя кредитная цена хлеба увеличивается и вознаграждает отчасти земледельца за недород хлебов. И в этом случае кредитный рубль играет роль буфера, поглощающего часть того удара, который направлен к понижению доходности земледельца в неурожайный год.

Рассмотрим теперь, как распределяются выгоды и потери, происходящие от уменьшения внутренней кредитной цены хлеба в первом примере и от увеличения ее во втором. По статистическим данным на 1892 год, в Европейской России 88% жителей занимаются земледелием и только 12% прочими промыслами. От вышеописанного явления падения курса выигрывают производители хлеба и проигрывают потребители ввозных товаров, и следовательно, убытки страны от понижения международной цены хлеба или от собственного неурожая разверстываются между всеми жителями страны. Падение курса рубля влечет за собою также некоторое уменьшение ввоза, что отчасти вознаграждает жителей, занимающихся промышленностью, за переплату на хлебе, так как уменьшение ввоза ослабляет заграничную конкуренцию продуктам их производств. Это вознаграждение идет за счет заграничной промышленности. Итак, падение курса рубля не только разверстывает убытки, происходящие от понижения международных цен хлеба или от неурожая внутри страны между всем населением государства, но относит некоторую часть этих убытков также и на те соседние народы, с которыми имеются торговые сношения. При повышении международных цен на хлеб все явления идут в обратном порядке. Ценность вывоза увеличивается, улучшение торгового баланса влечет за собой увеличение предложения золота или уменьшение спроса на него, золотой рубль дешевеет, кредитный дорожает, курс повышается. При повышенном курсе русский хлеб может явиться заграницей по повышенной международной цене без полного соответс-

твенного повышения внутренней кредитной цены, то есть с повышением, меньшим того, какое должно бы иметь место, если бы курс рубля был неизменен. Повышение курса в данном случае уменьшает как выгоды производителей хлеба, так и убытки русских потребителей его. То же самое произойдет и в случае обильного урожая в России при не изменившейся международной цене на хлеб. Подъем курса даст возможность понизить внутреннюю цену хлеба, что уменьшит выгоды продавцов и создаст выгоды для покупателей хлеба. В обоих случаях барыши, получаемые страной от возвышения заграничных цен на хлеб и от обильного собственного урожая, разверстываются между всеми классами населения, а частью, вследствие увеличившегося по причине улучшения курса ввоза, некоторая доля выгоды падает и на иностранную промышленность.

Из всего изложенного мы видим, что та упругость, которую проявляет кредитная валюта, способствует более равномерному распределению прибылей и убытков сельскохозяйственного производства, освобождая до некоторой степени это распределение от чрезмерного влияния стихийных сил природы (размеров урожая) и от влияния международного рынка.

До сих пор мы рассматривали колебания курса рубля в зависимости от размеров производства и урожая как в России, так и в остальных земледельческих странах, то есть от изменения как внутренних, так и заграничных цен на хлеб. Исследуем теперь другие причины, влияющие на изменение курса. К таковым нужно отнести: неумеренный выпуск кредитных рублей государством, политические осложнения и биржевую спекуляцию.

При неумеренном выпуске кредитных бумаг для покрытия дефицита государственного бюджета или для других целей происходит обесценивание внутренней стоимости кредитного рубля и соответственное вздорожание продуктов. Для того,

чтобы русский хлеб явился заграницей по прежней международной цене, нужно или чтобы при обесценивании внутренней стоимости рубля внутренняя цена хлеба, не в пример прочим продуктам, не поднималась, или чтобы упал курс рубля. Так как в странах с кредитной валютой золото является обыкновенным товаром, то при вздорожании всех предметов, вызванном удешевлением кредитного рубля, вздорожает также и золото, то есть упадет курс рубля и поддержит этим возвышение кредитной цены хлеба. Следовательно, в этом случае падение курса позволяет производству хлеба не быть убыточным исключением при всеобщем подъеме цен, вызванном неумеренным выпуском кредитных рублей.

Влияние политических осложнений обыкновенно опирается на вероятность вовлечения России в войну, могущую в глазах иностранцев привести государство к финансовому банкротству и прекращению платежей по долговым обязательствам. Зависимость между опасением войны и курсом рубля следующая. За границей имеется громадное количество русских процентных бумаг. Владельцы этих фондов, опасаясь, что в случае неудачной для России войны они не получат не только процентов, но даже и самых капиталов, спешат, лишь только политический горизонт начинает омрачаться, сбыть эти бумаги, хотя бы и по самой низкой цене. Естественно, что покупщика на них могут найти легче всего там, где имеется к государству доверие, то есть в самой России. Низкая продажная цена делает покупку заманчивой. Фонды неудержимо возвращаются на свою родину. Ближайшим последствием такого массового вторжения процентных бумаг являются: оплата большей части нашего вывоза не золотом, а процентными бумагами, переход вследствие этого баланса из активного в пассивный, увеличение спроса на золото, вздорожание золотого рубля и удешевление кредитного. Происходит падение курса. Последствия этого падения будут те же, что описаны выше. Внутреннее вздорожание хле-

ба, барыши производителей его, убытки покупателей хлеба, уменьшение ввоза, барыши населения, занимающегося промышленностью, и убытки иностранных импортеров. Затем опасения войны минуют, после паники наступит успокоение и описанные явления пойдут обратным, но уже более тихим ходом. Процентные бумаги как приносящие хороший доход вернутся снова за границу, но уже в высокой цене. Разница между стоимостью их в настоящее время и в минуту паники представляет собой то вознаграждение, которое иностранцы заплатили нам за недостаток к нам доверия. Что же касается увеличения внутренних цен на хлеб, вызванных падением курса, то следует признать, что в данном случае оно, как вызванное искусственно, является несправедливым по отношению к промышленной части населения, хотя эта несправедливость до некоторой степени смягчается уменьшением конкуренции иностранной промышленности.

Остается еще одна причина колебания курса — спекуляция. Когда-то этому фактору приписывали слишком много влияния не только на цену кредитного рубля, но даже и на общее экономическое состояние России. Однако ближайшее ознакомление с этим явлением заставило изменить взгляд на его важность. Так как спекуляция, поскольку она стремится к искусственному изменению цены кредитного рубля, зиждется на распространении ложных тревожных слухов относительно возможности войны и финансового благополучия России, то значение спекуляции для курса рубля во многом сходно с вышеописанным явлением падения курса вследствие политических осложнений с тою лишь разницей, что явления, вызываемые спекуляцией, крайне неустойчивы и носят в самих себе зародыш смерти. В самом деле, пусть искусственно понизится курс рубля. Следствием является увеличение вывоза из России и уменьшение ввоза, улучшение торгового баланса и, следовательно, обратный подъем курса. Повторяю, никто теперь не смотрит серьезно

на значение спекуляции в деле колебания курса, и прибавлю, что уничтожение кредитной валюты перенесло бы спекуляцию с рубля на самый хлеб, представляющий, вследствие стихийных условий своего производства, не поддающегося никакому расчету, идеальный объект для спекуляции, если она не сдерживается правильной организацией торговли в стране.

Резюмируя все, изложенное выше, приходится сказать, что колебания курса бывают двоякого рода: полезные, направленные к сохранению более равномерного распределения благ в стране, и вредные, нарушающие равномерность этого распределения. Первые колебания, зависящие от производства и урожая хлебов или от выпуска кредитных бумажек, должны поддерживаться, вторые же, являющиеся следствием политики или спекуляции, суть колебания вредные, и их должно подавлять. Вредные колебания перестают иметь место, как только фонды страны оказываются размещенными в крепких руках, то есть частью внутри самой страны, частью же у дружественных наций, имеющих доверие к военному и финансовому могуществу России.

Здесь уместно будет задать вопрос, как же отражается колебание курса собственно на государственном бюджете, на котором лежит уплата по металлическим долгам? На этот вопрос приходится ответить, что было время, когда падение курса являлось убыточным для государственного бюджета, но со времени установления золотых пошлин расход государства в металлической валюте вполне балансируется с приходами, и потому государство, насколько дело касается непосредственно его бюджета, может относиться совершенно безучастно к колебанию курса.

Мы рассмотрели законы колебания курса в их простейшем виде, предполагая, каждый раз, что действует только одна какая-нибудь причина, а остальные остаются неизменными. В действительности же явление происходит гораздо сложнее,

так как приведенные выше факторы часто действуют в совокупности, причем действие одного из них может являться противоречащим действию другого; но кроме этого явление в действительности часто осложняется еще многими новыми факторами, нами не рассмотренными, в отдельности, может быть, и не существенными, но при совокупном действии могущими также влиять на конечные результаты. Самая точная из наук — астрономия, вычисляя на основании незыблемых законов механики движение небесных тел, должна на протяжении всего расчета вводить поправки вследствие постоянно встречающихся обстоятельств, возмущающих закономерность движения. Но если ход явлений в действительности с таким трудом укладывается в рамки теории даже в такой точной науке, как астрономия, то не гораздо ли более аномалий должно ожидать в столь сложном явлении, как колебание кредитной валюты? Сделав такую оговорку, попробуем уловить установленные выше законы колебания курса в тех данных, которые приносит нам действительность. Прежде всего укажем на следующий факт. В 1856 году по всем границам России был вывезен хлеб в средней цене по 79 кредитных копеек за пуд. Через сорок почти лет в 1893 году средняя цена вывоза отличалась очень мало, была 73 кредитных копейки. Международная же цена пшеницы в золотых рублях за тот же период времени упала почти на 40%. Курс рубля тоже упал на 40%. Итак, отведя в этих данных, что следует, на долю неточностей статистики, мы все-таки должны в приведенных фактах видеть красноречивое подтверждение нашего первого основного положения, что кредитный рубль принимает на себя если не все, то большую часть падения международной золотой цены на хлеб. Для обнаружения правильности второго основного положения о влиянии на доходы землевладельцев колебаний кредитного рубля в зависимости от урожаев проследим изменения стоимости кредитного рубля за два десятилетия и сопоставим курс

рубля с размерами вывоза пшеницы, представляющей значительный процент от общего количества вывозимого хлеба.

Из 18 сельскохозяйственных годов 12 подтверждают выведенную выше зависимость курса от урожая или ему пропорционального из России вывоза, а 6 — противоречат. Самым резким отступлением от основной зависимости курса от урожая являются годы: 1876 — 1878 и 1887 — 1888, когда вместо повышения курса произошло значительное понижение. Эти отступления вполне понятны для первых двух годов, так как в течение их была русско-турецкая война, сопровождавшаяся значительным выпуском кредитных рублей, — две причины сразу для понижения курса. Что касается понижения курса при очень хорошем урожае 1887 — 1888 гг., то следует припомнить, что в этот именно год раздавались воинственные речи Бисмарка о войне на двух фронтах, о тевтонской ярости и о том, что немцы никого, кроме Бога, не боятся. Терроризированные этими вызывающими выходками, немцы, являющиеся главными собственниками русских фондов, поспешили их сбывать по низкой цене, тем более, что германское правительство незадолго перед тем отказалось выдавать ссуды под русские бумаги, окончательно тем подорвав доверие к ним в своих подданных. Бумаги устремились туда, где в них верили, то есть частью в Россию, произведя своим вступлением в ее пределы понижение курса, частью во Францию. Затем остальные три отступления (годы 1879 — 1880, 1881 — 1882, 1889 — 1890) не настолько резки, и мы не станем выяснять их причины, а заметим только, что зависимость курса от урожая настолько очевидна априори и на основании фактов, что ее не отрицают ни сторонники кредитной валюты, ни ее противники. Различие во взглядах между теми и другими заключается лишь в том, что последние в этой зависимости усматривают вред для финансов России, а первые — пользу для ее экономического состояния.

Чтобы покончить с вопросом о связи курса и урожая, скажу несколько слов о факторах, противодействующих тем колебаниям курса, которые вытекают из установленных выше оснований. Международная цена хлеба должна определяться отношением спроса и предложения. Если мы сосчитаем, сколько излишка хлеба уродилось в данном году в странах, вывозящих хлеб, то эта сумма и будет собой представлять моровое предложение хлеба, если же затем мы определим, какой недостаток хлеба оказывается в том же году в странах, покупающих хлеб, то мы получим величину мирового спроса на хлеб.

Из статистических данных усматривается, что международные цены на хлеб не всегда зависят от отношения спроса и предложения, определенного по вышеприведенным соображениям (см. «Цены на пшеницу» Касперова). Так, например, в 1884 году предложение было больше спроса (630 млн. пуд. против 338 млн. пуд.), цена в Англии была 73 коп., в следующем году предложение было меньше спроса (211 млн. пуд. против 372 млн. пуд.), а между тем цена, вместо повышения, упала до 70 коп. Это несоответствие цены с отношением предложения к спросу проистекает из того, что действительное предложение, как увидим ниже, не равно вычисленному на основании вышеизложенных соображений. Если же сопоставить международную цену с урожаем одной России, то оказывается, что между ними есть прямая зависимость. Чем больше урожай в России, тем ниже мировая цена на хлеб и наоборот. На первый взгляд это обстоятельство может показаться лестным свидетельством, что Россия диктует хлебные цены на международных рынках, но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, как это доказывается в «Ценах на пшеницу» Касперова, что роль России тут чисто отрицательная. Когда в России урожаи, то вследствие отсутствия правильной организации хлебной торговли все спешат распродать и вывезти весь избыток хлеба и тем сбивают ему цену

до минимума. Когда же в России неурожаи и русская хлебная торговля фактически не в состоянии уронить цены, тогда наступает очередь Америки, которая, благодаря организованной торговле, играет роль повышателя, стремясь всегда поддерживать высокие цены. Даже при самом хорошем урожае Америка не угнетает хлебных цен, предпочитая отложить излишек хлеба в запас, чтобы двинуть его в продажу по высокой цене, когда в России случится неурожай. Здесь необходимо сделать ту оговорку, что роль Америки как повышателя и регулятора цен ограничивается только воздействием на колебания цен, зависящие от годовых изменений производства, обусловленных размерами урожая. Америка не властна бороться с хроническим понижением цен, зависящих от возникновения новых сельскохозяйственных производств при условиях более благоприятных, чем прежние. Другими словами, организация торговли в Америке может оказывать влияние на цены отдельных государств, но не может влиять на среднюю цену многих лет. Из изложенного еще видно, что мировое предложение хлеба зависит не только от урожая данного года, но и от наличия и употребления запасов.

Другое обстоятельство, ослабляющее полезное колебание курсов, заключается в том, что, вследствие упомянутой несовершенной организации русской хлебной торговли, большая часть годового вывоза падает на первых три осенних месяца, между тем как ввоз совершается равномерно в продолжение года. Вследствие этого даже при слабом урожае в осенние месяцы может явиться временно большое предложение золота и вследствие этого задержится полезное понижение курса или даже произойдет повышение его. Вот два обстоятельства: неумение выждать цен в урожайные годы и форсированный вывоз в осенние месяцы вообще — которые зависят от отсутствия правильной организации хлебной отпускной торговли, парализуют часть тех выгод, которые дает стране упругость кредитной валюты.

В чем же, однако, заключается та хозяйственная неустойчивость России, для излечения которой считается необходимым введение золотой валюты? Из официальных данных 1897 года усматривается, что фабрично-заводская промышленность России производит в год на два миллиарда, а сельскохозяйственная на полтора миллиарда рублей. Последняя цифра, нужно думать, есть средняя, а так как урожай колеблется не менее чем на одну треть в обе стороны от среднего, то стоимость сельскохозяйственного производства при плохом урожае следует принять в один миллиард, при хорошем — в два. Итак, в один год размеры производства страны могут потерпеть такое сильное колебание, как переход от четырех миллиардов к трем, в один год жители страны должны сократить свои потребности на одну четвертую часть. Если же принять во внимание, что большинство населения живет земледелием, бюджет которого меняется вдвое, а следовательно, в такой же пропорции должно меняться удовлетворение потребностей, то мы поймем, что не в колебании валюты заключается экономическая неустойчивость России, а в более серьезных стихийных причинах, влиять на которые нужно особыми сильно действующими средствами. Необходимость изыскания таких средств станет особенно очевидной, если вместо рассмотрения сельскохозяйственного производства всей России в совокупности будем рассматривать его по отдельным районам. Если в урожайный год мы признаем население некоторого района вполне зажиточным, то может случиться, что на следующий год, при плохом урожае, мы вынуждены будем признать жителей того же района почти бедняками.

Сравним с экономическим положением России экономическое положение Англии. Англия, как известно, является страной с промышленностью, развитой, как нигде. Земледелие в ней играет самую ничтожную роль. Немудрено тогда, что полная сумма производства Англии меняется из года

в год очень мало, так как ее главнейшая составная часть — производство фабрично-заводское — может меняться лишь постепенно и понемногу, а зависящее от стихийных сил природы сельскохозяйственное производство, по ничтожности его размеров, своими колебаниями не может оказывать большого влияния на общую сумму производства. В Англии, как известно, существует золотая валюта, примененная в такой чистоте, как ни в одной стране. Подчеркнем этот факт: в той стране, где производство зависит от стихийных сил природы меньше, чем где-либо, существует золотая валюта без всяких суррогатов, в виде ли серебряных денег или бумажных облигаций, то есть золотая валюта в более чистом виде, чем в какой-либо другой стране с золотым обращением. Не любопытно ли сопоставить это обстоятельство с примером С.- Американских Соединенных Штатов, где у народа, столь родственного Английскому по происхождению, столь же развитого, предприимчивого и богатого, при таком же, как и в Англии, высоком развитии обрабатывающей промышленности, но при существовании наряду с этой промышленностью, также в громадном размере, сельскохозяйственного производства, хотя и существует золотая валюта, но валюта так называемая «хромающая», и притом более «хромающая», чем в какой-либо другой стране с золотым обращением? Хромота валюты выражается в факте обращения в Соединенных Штатах одновременно с золотом громадного количества серебра, внутренняя стоимость которого меньше его официальной платежной стоимости. По известному финансовому закону Грешама плохие деньги вытесняют хорошие, поэтому при первом серьезном торговом или политическом кризисе золото может уйти из Америки, оставив себе заместителем серебро с принудительным курсом, то есть валюту, только по внешности отличающуюся от бумажной, что едва и не случилось в 1893 году. Пример Северной Америки показывает, как трудно для земледельческой страны ус-

тановить себе незыблемую валюту. Не характерно ли также то, что Индия, составная часть той страны, метрополия коей (Англия) имеет идеальную золотую валюту, пользуется серебряно-денежным обращением с принудительным курсом, то есть простой разновидностью кредитного обращения? Нельзя не обратить внимания также на тот факт, что Франция и Германия, сельскохозяйственные производства коих имеют для них гораздо большее значение, чем таковое же в Англии, имеют золотую валюту также «хромающую», то есть отягощенную обесцененным серебром. И, наконец, заслуживает самого большого внимания тот факт, что государство, занимающее после России первое в Европе место по сельскохозяйственному производству, именно Австрия, имеет не золотую, а кредитную валюту, несмотря на неоднократные дорогостоящие неудачные попытки перейти к золотому обращению, не охладившие, впрочем, этого желания, так как по закону 1892 года, Австрия снова на пути к закреплению золотой валюты. Из вышеприведенных фактов мы можем сделать заключение, что валюта представляет собой как бы отражение экономического строя страны. Чем устойчивее экономическое положение страны, то есть чем постояннее количество производимых в год продуктов, тем более страна способна к установлению у себя системы устойчивой и неизменной валюты. Изменчивая кредитная валюта, благодаря своей упругости, подобна экипажу с рессорами, который незаменим в езде по тряской дороге. Ошибку сделал бы тот путник, который, заметив, что рессоры находятся в вечном колебательном движении, решил бы их снять, приписав им, а не дороге, ощущаемые при езде толчки.

Как же сделать, чтобы в земледельческой стране экономическая жизнь шла спокойно, без потрясений? Влиять на стихийные силы природы, на урожаи мы еще не умеем и вряд ли скоро научимся это делать. Перейти от сельскохозяйственного строя к строю государства с развитой обрабатывающей

промышленностью — это путь долгий, и правильность такого решения вопроса весьма гадательна. Но есть другой способ, всеми давно рекомендуемый, но, к сожалению, до сих пор не дождавшийся энергичного осуществления. Способ этот — образование запасов хлеба, могущих регулировать годовые колебания в его производстве. Сущность организации государственных хлебных запасов заключается в том, что в первые со времени организации урожайные годы государство скупает весь излишек хлеба сверх того количества, которое соответствует средним размерам урожая. Затем, в случае неурожайного года, государство ссужает населению столько хлеба, чтобы вместе с народившимся хлебом население имело в своем распоряжении количество, соответствующее среднему урожаю. Выданную ссуду население погашает в ближайший урожайный год, полностью или частью, строго согласно с основным принципом, чтобы население распоряжалось количеством хлеба не больше и не меньше того, которое дает средний урожай.

Тот экономический строй, при котором население неизменно располагает одним и тем же количеством хлеба, будет содействовать возможному экономическому равновесию. Годовые цены на хлеб будут постоянны, а это вместе с тем отразится на ценах и прочих продуктов, содействуя также и их постоянству. Размеры вывоза хлеба сделаются также постоянными, что даст нам возможность отрешиться от нашей роли понижателей хлебных цен и идти рука об руку с Северной Америкой, которая, благодаря своей системе запасов, как было уже объяснено выше, стойко борется против колебаний цен, обусловленных случайностями урожаев. Попутно следует обратить внимание также на равномерность вывоза по месяцам года, усиливая в период навигации отпуск из замерзающих портов и задерживая в то же время отпуск из незамерзающих и, кроме того, давая земледелию и торговле ссуды под хлеб в том случае, если они без этого не в состоянии воздержаться

от массовых осенних запродаж. Курс рубля в этом случае, само собой разумеется, также освободится от колебаний. Когда экономическая жизнь страны освободится от порывов и пойдет по гладкой и ровной дороге, то будет меньше препятствий к введению неподвижной золотой валюты, не способной тогда внести с собой резкие изменения в экономическую жизнь страны. Прибавим к сказанному, что государственные хлебные запасы могут представлять собой также часть военного фонда, так как хлеб нужен и сам по себе при ведении войны и, кроме того, во время войны он может быть продан для удовлетворения других военных потребностей.

В этой главе мы разобрали роль кредитного рубля для внешней торговли. Мы видели, что кредитный рубль в глазах иностранцев вовсе не является векселем несостоятельного должника, а представляет некоторую вполне реальную ценность, но не постоянную, а изменяющуюся от разных обстоятельств. Мы проследили затем законы изменения этой ценности и нашли, что колебания курса кредитного рубля бывают двоякие; одни — зависящие или от случайностей урожая, или от увеличения всемирного сельскохозяйственного производства, или от выпуска кредитных билетов, другие — от политических осложнений или от спекуляций. Первые колебания имеют своим последствием более равномерное среди населения распределение прибылей и убытков от изменившихся обстоятельств урожая или государственного бюджета, и потому полезны и заслуживают поощрения и защиты против тех явлений, которые, кроясь в организации или, правильнее сказать, в дезорганизации нашей хлебной торговли, в некоторой степени умаляют амплитуду полезных колебаний курса. Вторые колебания курса от причин политических и спекулятивных должно отнести к разряду вредных, так как последствием их является незаслуженное и несправедливое перемещение внутри страны благ. Политические и спекулятивные влияния на курс постепенно ослабляются тем, что фонды, по мере про-

явления этого влияния, все более и более переходят в крепкие руки, то есть частью вовнутрь страны, частью в страны наиболее дружественные. Далее мы выяснили, что экономические потрясения, переживаемые Россией, коренятся в самом существе ее народного хозяйства как преимущественно землевладельческого, и что тем плавнее и спокойнее экономическая жизнь государства, чем меньше производство в нем зависит от стихийных сил природы, и что принятая в государстве система валюты обыкновенно представляет как бы зеркало ее экономического строя. Из беглого очерка мы увидели, что лишь одному государству удалось осуществить золотую валюту во всей ее чистоте, государству наименее сельскохозяйственному, прочие же страны тем дальше от чистой золотой валюты, чем больше значения имеет сельскохозяйственное производство в общем экономическом строе государства. Мы напомнили, наконец, о средстве, которое должно и может поставить экономический ход страны на ровную дорогу, освободив его от постоянных потрясений и вознаградив его за зависимость от стихийных сил природы. Это средство — образование государственных запасов хлеба — служа государству во время мира и войны, во время мирного урожая и голодного года, позволит сделать валюту неизменной, будет ли она кредитная или золотая.

Теперь перейдем к исследованию природы бумажно-денежного обращения внутри государства.

II

Представим себе государство, в котором не существует никакого денежного обращения, но у населения тем не менее имеется ясное и точное представление об относительной стоимости предметов. Так, например, крестьянин знает, что лошадь стоит тридцать монетных единиц, пуд хлеба — полмо-

нетной единицы, десятина земли сто монетных единиц и т.д., но реального воплощения этих монетных единиц в форме определенных денежных знаков, как сказано выше, не существует. Условимся для простоты изложения называть эту монетную единицу рублем, считая ее равной четырем золотым франкам.

Отсутствие в стране денежных знаков, как известно, крайне затрудняет обмен продуктов. Иван желает продать хлеб и купить сапоги. Он находит Петра, желающего купить хлеб, но имеющего для продажи вместо сапог овцу; находит затем Семена, желающего продать сапоги и, если окажется, что Семен, кроме того, нуждается в овце, то обмен хлеба на сапоги может состояться при участии только трех лиц, но если Семену нужна не овца, а, например, соль, то нужно искать желающего купить овцу и продать соль и т.д. Если так запутаны торговые отношения между гражданами, то еще сложнее они будут между государством и населением. Государство по отношению к своим гражданам является в одно время и покупщиком, и продавцом. Оно покупает хлеб, разный другой провиант, одежду и проч. для войска, покупает труд рабочего для исправления государственных дорог, зданий и прочих имуществ, покупает, наконец, труд чиновников и т.д. и т.д. Оно продает затем свой государственный труд по правосудию и по полицейской охране (гербовый сбор) и продает под видом продуктов государственного производства патенты на право торговли и промыслов, акцизные бандероли и т.д. Осуществление всей этой купли-продажи без денежных знаков было бы делом весьма сложным и даже почти невозможным. Чтобы выйти из этого положения, государство поступает следующим образом. Положим, государству требуется перечисленных выше предметов на сто миллионов рублей (бюджет расхода) и оно рассчитывает оказать населению услуг также на сто миллионов (бюджет прихода). Оно печатает на эту сумму кредитные рубли и производит

на них покупку нужных ему предметов. Покупая, например, хлеб у Ивана и выдавая за него 50 рублей, государство объясняет ему, что эти 50 рублей оно примет от него в уплату, когда Иван обратится к государству за наймом и покупкой государственного труда и продуктов. Так как Ивану требуется от государства услуг всего на 20 рублей, то 30 рублей он расходует на покупку лошади у Карпа, который с охотой принимает эти кредитные бумажки, так как ему нужно на такую точно сумму купить у государства акцизных бандеролей. Таким образом, кредитные билеты, отпечатанные только для учета обмена между государством и населением, немедленно начинают функционировать в качестве орудия обмена также между гражданами. Население, зная, что выпушено в обращение как раз столько рублей, на сколько оно собирается купить у государства услуг, относится с полным доверием к выпущенным рублям, так как каждый рубль может быть немедленно реализован. При таких обстоятельствах в глазах населения кредитный рубль представляет не простой денежный знак или счетную марку, не вексель несостоятельного должника, а удостоверение государства в принятии от подданного известного количества продуктов или труда с обещанием по первому требованию оказать равноценную долю государственных услуг, то есть вполне реальную ценность, причем никому в голову не придет просить государство обменять кредитную бумажку на золото, так как продажа золота, будучи совершаема частными лицами — ювелирами — не входит в круг функций государства.

Пусть на изложенных началах наше гипотетическое государство установило свое денежное обращение и пользовалось им безо всяких помех и осложнений в продолжение нескольких лет. Но вот государство вовлекается в войну. В продолжение года оно должно содержать втрое большую армию, покупать для нее провиант, одежду, оружие и проч. Для этого нужно истратить не сто миллионов, как прежде,

а двести. Государство печатает лишнюю сотню миллионов рублей, а приходный бюджет оставляет прежний. Население, продав казне различные предметы на первую сотню миллионов, замечает, что его потребность в кредитных рублях вполне удовлетворена. Всякий имеет их столько, сколько ему нужно для покупки государственных услуг. При дальнейшей купле, совершаемой казной, население будет крайне неохотно обменивать свои продукты на рубли. Но население все-таки может согласиться взять лишние рубли, так как они могут пригодиться для покупки государственных услуг через год. Но так как эти рубли должны пролежать целый год непроизводительно, то население, принимая их в обмен за свои продукты, продисконтирует их по существующему в стране проценту и, следовательно, повысит цену на все продукты примерно на 5 процентов. Это явление крайне вредно отзовется на всем хозяйстве страны. Те, которые в момент повышения цен являются обладателями продуктов, выигрывают, так как продукты дорожают; обладатели же рублей вследствие падения их стоимости проигрывают. Проигрывают также кредиторы, давшие взаймы полноценные рубли и получающие обратно малоценные, но зато в той же степени выигрывают должники. Проигрывают также все живущие от постоянного дохода — чиновники, пенсионеры и т.п. Словом, получается незаслуженная выгода для одних и столь же несправедливый убыток для других. Если бы государство вместо двойного расходного бюджета пережило во время войны тройной, то третья сотня миллионов дисконтировалась бы населением примерно по 10 процентов, так как она должна была бы лежать у населения мертвым капиталом два года. Как бы то ни было, государство свои двести миллионов истратило, из них сто миллионов вернулось в казну обратно по приходному бюджету. Война кончена и, как ее последствие, среди населения осталась сотня миллионов рублей без возможности немедленной реализации. В пер-

вый же год после войны государство возвращается к своему прежнему бюджету в сто миллионов, но население, имея уже сто миллионов, необходимых и достаточных для обмена на государственные услуги, опять с учетом процентов будет продавать государству свои продукты и труды. Произойдет закрепление повышения цен продуктов и закрепление соответственного понижения покупной способности рубля. То обстоятельство, что все предметы вздорожают на 5 процентов, заставит государство для приобретения прежнего количества предметов истратить не 100, а 105 миллионов. Однако, если государство это сделает, не изменяя своего приходного бюджета, то оно только ухудшит положение. Вместо ста миллионов рублей, преждевременно увидевших свет, будет их сто пять, и ценность рубля еще понизится. Увеличивая по необходимости свой расходный бюджет, государство, чтобы не изменять вторично ценности рубля, должно в такой же мере увеличить и бюджет прихода. Но как это сделать? Государство не властно заставить население брать от него больше услуг и продуктов, чем последнему требуется. Оно не может увеличить спрос ни на правосудие (гербовый сбор), ни на разрешение занятиями промыслами и торговлею, ни на акцизные бандероли и т.п. Но, не будучи в состоянии существенно влиять на количество этих услуг, оно может возвысить их цену. Для бюджетного баланса оно должно возвысить цену на 5 процентов. Итак, на увеличение населением стоимости продуктов государство отвечает возвышением стоимости своих услуг. Понижение покупной силы рубля закрепляется официально. Но представим себе, что, вследствие ли искусства правителей, или предприимчивости народа, или просто вследствие благоприятных обстоятельств экономическая жизнь страны настолько развилась, что у населения явился больший запрос на государственные услуги, осложнились людские отношения и явилось больше надобности в правосудии, открылись рынки для сбыта това-

ров, возрос спрос на торговые и промысловые свидетельства и т.п. В этом случае приходный бюджет государства сам собой возрастает. Не воспользоваться ли этим случаем, чтобы естественным путем, то есть превышением прихода над расходом, извлечь из обращения излишние бумажки? Само собою ясно, что извлечение из обращения кредитных рублей произведет такие же явления, но только в обратном порядке, какими сопровождался некогда их выпуск, то есть изменение отношения ценности денег к ценности продуктов со всеми незаслуженными и несправедливыми прибылями и убытками отдельных лиц. Но если извлечение излишних бумажек будет совершаться медленно и осторожно, не производя потрясений, то против него нельзя сделать серьезных возражений, а за него говорит то, что возвращение к прежней нормальной и привычной мерке цен вообще желательно и справедливо по отношению к лицам, живущим от постоянного дохода, если только изменение ценности рубля не успело пустить корни настолько, чтобы переоценить большинство постоянных доходов (оклады, жалованья и т.п.).

Из вышеизложенного можем сделать следующий вывод: выпуск кредитных бумажек для покрытия дефицита государственного бюджета ни в каком случае допущен быть не может, так как он ведет к обесцениванию рубля, которое сопровождается перераспределением среди населения ценностей, основанных на случайностях, не имеющих ничего общего с началами справедливости. По тем же самым соображениям не должно быть допущено также превышения приходного бюджета над расходным. В самом деле, если бы государство взяло у населения продуктов на меньшую сумму, чем какая требуется населению для покрытия его издержек по удовлетворению потребности в государственных услугах, то населению нечем было бы уплатить за часть этих услуг, и так как государство принимает плату за свои услуги только

кредитными билетами, а не товарами, то население поневоле должно было бы отказаться от некоторых из этих услуг, что, разумеется, не могло бы не отразиться на промышленности и торговле, так как фабриканты, заводчики и торговцы принуждены были бы выбрать у государства меньше разных разрешений, акцизных бандеролей и проч., или же, наконец, население оказалось бы в долгу у государства, если бы последнее на это согласилось. Поэтому если возрастает приходный бюджет государства, то соответственно должно увеличивать расходный, отдавая предпочтение наиболее производительным для населения статьям расхода.

Вместо выпуска кредитных билетов в год войны государство могло бы выпустить процентные бумаги и на них купить все необходимое. Такой обмен мог бы быть только на почве добровольного соглашения, так как государство не могло бы обещать приема этих процентных бумаг в счет уплаты за государственные услуги. При патриотизме населения и выгодности процента сделка могла бы состояться. Государственный бюджет, увеличенный платежом процентов по займу, ничего не выиграл бы и не проиграл бы по сравнению с выпуском кредиток. Но население, безусловно, выиграло бы, так как было бы избавлено от несправедливого перераспределения ценностей вследствие обесценивания кредитного рубля.

Все предыдущие рассуждения велись как бы в том предположении, что обмен товаров с помощью кредитных денег происходит между двумя конкретными и сознательными личностями и что кредитные деньги служат для обмена только между двумя этими личностями. В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Если государство еще может или, по крайней мере, должно отдавать полный отчет в последствиях, зависящих от годового баланса и размеров выпуска кредитных денег, то нельзя то же сказать про население, в большинстве своем состоящее из темной и невежественной

массы. Однако эта масса имеет чуткие органы в лице торговых бирж, синдикатов, банков и проч., быстро реагирующих на всякие изменения в финансовом положении страны и естественно руководящих всей страной в деле приспособления к изменившемуся порядку вещей. Отступления действительности против выше предложенного хода событий могут заключаться не в существе дела, а лишь в том, что следствия часто идут за своими причинами, если можно так выразиться, с некоторым опозданием: не так быстро понижается покупная способность рубля после неумеренного выпуска кредитных денег и не так быстро повышается в противоположном случае.

Второе различие наших предположений от действительности заслуживает более подробного рассмотрения. Здесь прежде всего является вопрос, почему государство должно отпечатать именно ту порцию кредиток, которая соответствует годовому расходу, почему не больше и не меньше? Нет никакого сомнения, что государство могло бы отпечатать, например, только месячную порцию кредиток и с помощью ее производить обмен своих продуктов на продукты населения; но при таком малом количестве денежных знаков каждый рубль, вырвавшись из казначейства, стрелой летел бы туда обратно, чтобы успеть в продолжение года двенадцать раз уйти из казначейства и двенадцать раз туда вернуться. Весьма сомнительно, чтобы при такой быстроте обращения рубль мог успеть оказать какую-нибудь услугу для учета обмена среди населения. Увеличивая порцию выпуска кредиток, государство все более и более дает им возможность быть полезными населению в качестве орудия обмена. Однако максимальным выпуском нужно считать количество, соответствующее годовому бюджету, так как финансовые планы и соображения государства принято составлять на срок не более года ввиду того, что более отдаленные предначертания, потеряв под собой твердую почву, ускользнули бы

от контроля населения. Кроме того, самый выпуск в население порции кредиток более годового бюджета был бы практически затруднителен. Не может же, например, государство закупить у населения все для себя необходимое на два года. Конечно, государство может раздать эти деньги авансом под будущие поставки, но это уже вопрос ссудной операции, о которой речь ниже.

Итак, кредитный рубль, вырвавшись из кассы казначейства, хотя и спешит вернуться туда обратно, но не всегда делает это кратчайшей дорогой. Он всюду желанный гость, и население не прочь его подзадержать для торговых и промышленных целей. Тут мы, собственно, подходим к вопросу о том, какое может иметь влияние на экономическую жизнь страны недостаток в ней денег. Этот вопрос мы разделяем на два самостоятельных: недостаток денег и недостаток денежных знаков. Промышленность, как добывающая, так и обрабатывающая, создает новые ценности, и потому она нуждается в деньгах как представителях некоторых определенных реальных ценностей. Торговля ничего не создает, а только обменивает не ею созданные ценности, а потому для нее, если исключить из рассмотрения перевозку товаров, нужны не деньги, а лишь денежные знаки как самое простое средство учета и обмена. Однако повсюду торговля привыкла пользоваться для своих целей настоящими деньгами. Но, положим, в стране недостаток денег. Как это отразится на торговле? Если в стране, собственно для надобностей торговли, обращается миллион рублей, то этот миллион, будучи непричастен созданию ценностей, является как бы мертвым капиталом. При надлежащем помещении этот капитал приносил бы, примерно, 50 000 дохода. Очевидно, эти 50 000 руб. торговля записывает себе в пассив и возмещает их на продажной цене товара. Но вместо того, чтобы для учета обмена непроизводительно держать миллион рублей, торговцы могли бы устроить расчетную контору, где каждому велся бы

особый счет, и все платежи производились бы перепиской со счета одного на счет другого. Окончательные расчеты бы производились через определенные сроки, и каждый получал бы или платил только окончательную разницу. Если бы содержание такой расчетной конторы стоило менее 50 000, то очевидно, торговцы не были бы в убытке. Если бы при отсутствии специальных расчетных контор торговцы ощутили бы недостаток в деньгах, то они всегда могли бы выйти из этого затруднения, прибегая в большей мере, чем обыкновенно, к банкам как расчетным конторам, а деньги оставляли бы для надобностей мелкой торговли. Но если страна не предприимчива и всякие учреждения, подобные банкам и расчетным конторам, вводятся в ней туго, то у торговли есть еще средство обойти затруднение от недостатка денежных знаков. Торговля не имеет права выпускать кредитную монету, но кто ей помешает выпускать золотую? Государство не только ничего не будет иметь против этого, но даже окажет всякое тому содействие, предоставив для этой цели свой монетный двор. Торговец посылает на монетный двор золото и обратно получает золотую монету с государственным гербом, свидетельствующим, что монета полновесная и не фальшивая. На лицевой стороне монеты прописывается не число рублей, а число золотников или граммов чистого золота. Таким образом была бы монета в три, пять, десять золотников и т.д. Прием таких монет был бы делом добровольного соглашения или принятых обязательств по сделкам. Государство подобных монет не принимало бы, так как оно меняет свои услуги лишь на собственные обязательства — кредитные рубли, а не на товар, к какому принадлежит золото. Если экономическая жизнь страны уравновешена учреждением государственных хлебных запасов и курс рубля, следовательно, застрахован от порывистых колебаний, то подобное параллельное существование кредитного и золотого денежного обращения не могло бы особенно осложнять расчеты торговли

и потому могло бы при известных условиях пустить корни.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что недостаток денег как денежных знаков для учета торгового обмена не представляет такого зла, которым государство должно особенно считаться. Совсем иначе дело обстоит с вопросом о недостатке денег как таковых, как представителей некоторых реальных ценностей, о недостатке денег для надобностей промышленности. Представим себе, что суконный фабрикант вследствие каких-либо неблагоприятных обстоятельств не продал выработанного им в продолжение года сукна. Фабрикант не имеет денег, чтобы закупить материалы для дальнейшей работы, чтобы нанять рабочих и содержать фабрику. Фабрика должна стоять без дела до тех пор, пока фабрикант не продаст своего сукна. Рабочие должны быть распущены, и часть их может остаться без дела, другая найдет его, но, может быть, путем понижения заработной платы. Все — и фабрикант, и рабочие — оказываются в убытке. Их может и должно выручить государство. Оно отпечатает кредитные рубли и выдаст их фабриканту в виде ссуды под имеющееся у него сукно. Фабрикант пустит свою фабрику в ход, выделает новую годовую партию сукна, продаст все имеющееся сукно и вернет ссуду государству, которую последнее предаст уничтожению. Является вопрос: не произведет ли выпуск лишних бумажек падения ценности кредитного рубля со всеми последствиями, о которых мы выше говорили. На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Все выпущенные государством бумажки имеют полноценное обеспечение, одни — государственными услугами, необходимыми населению, другие — сукном, имеющим определенную рыночную стоимость. Следовательно, нет в наличности тех причин, которые могли бы понизить покупную стоимость рубля. Биржи, рынки и все торговые корпорации, зная, что дополнительные бумажки выпущены под верное обеспечение, не забьют тревоги и не поведут за собой население в сторону общего повы-

шения цен. Однако с большой осмотрительностью и при полной осторожности государство может печатать кредитные бумажки для выдачи ссуд и не под залог товаров. Если бы в нашем примере фабрикант очутился бы без денег вследствие того, что его сукно сгорело незастрахованным, отчего в этом случае государству, убежденному в добросовестности и трудоспособности фабриканта, не выдать ему ссуду не под настоящее обеспечение, а под будущее, имеющее появиться в срок не более года? Положение дела в этом втором случае очень мало меняется по сравнению с первым.

Итак, государство может и должно выпускать кредитные бумажки для краткосрочных ссуд промышленности, для создания таких ценностей, которые являются предметами купли-продажи, имея определенную рыночную цену. Но может ли государство выпускать кредитные билеты для создания больших предприятий, например, может ли оно таким путем построить большую железную дорогу или ссудить кого-нибудь для постройки таковой? Железная дорога не представляет собой предмета купли-продажи, она не имеет рыночной цены. Нельзя найти желающего купить железную дорогу за наличные. Это никому не под силу. Поэтому реализация бумажек, выпущенных для предприятий, подобных постройке железной дороги, явится необеспеченной, и эти бумажки произведут понижение цены кредитного рубля со всеми вытекающими отсюда последствиями. Железные дороги, бесспорно, представляют полезное предприятие, но польза от них извлекается не только современниками, но и длинным рядом последующих поколений. Поэтому было бы крайне несправедливо взвалить на современников все пертурбации в экономической жизни страны с незаслуженными убытками для одних и с такими же прибылями для других. Подобные предприятия могут осуществляться только путем займов — путем выпуска процентных бумаг, не вносящих смуты в экономическую жизнь народа и про-

центы по коим будут уплачиваться тем же потомством, которое будет извлекать выгоды из железной дороги.

Оставим на время наше гипотетическое государство и сделаем маленькую экскурсию в историю финансов существующей в действительности страны. В настоящее время в России обращается около 1000 миллионов кредитных рублей, выпущенных в период пятидесяти с лишним лет, начиная с 1840 года. Из них 800 миллионов выпущены во время войн Крымской и Русско-турецкой, остальное постепенно, в среднем, следовательно, не более 750 тысяч рублей в год. Непосредственно перед Крымской войной количество обращающихся кредитных рублей точно равнялось приходному бюджету. Перед Русско-турецкой войной такого полного соответствия не было. Кредиток было 790 миллионов, а приходный бюджет был 559 миллионов. Теперь отношение обратное: кредиток 1000 миллионов, а приходный бюджет около 1400 миллионов. Следовательно, денег мало, и население стеснено как в своих взаимных расчетах, так и в расчетах по своим обязательствам к казне. Здесь уместно обратить внимание, как мало имеет под собою почвы возражение против кредитной валюты, основанное на мнении о соблазне, связанном с легкостью получения денег путем выпуска кредиток. Правда, было время (для истории нашего вопроса — время легендарное), когда к печатной машинке прибегали как к простому домашнему средству для излечения всяких экономических недугов, но из вышеизложенного можно усмотреть, что после реформы Канкрина выпуски кредиток шли даже медленнее, чем рост государственных доходов. Исключением в этом отношении являются годы войн Крымской и Русско-турецкой. Но тут следует заметить, что самые горячие сторонники золотой валюты не скрывают того факта, что во время войны, когда является надобность в чрезвычайных ресурсах, существование золотого обращения нисколько не устраняет неизбежности выпуска бумажных денег. К этому прибавим,

что количество выпускаемых во время войны кредиток, завися исключительно от размеров военных потребностей, нисколько не находится в зависимости от того, какая существует в стране система денежного обращения — кредитная или золотая.

Вернемся снова к нашему гипотетическому государству. Допустим, что со времени установления в нем кредитно-денежного обращения прошло пятьдесят лет. Финансовые раны, полученные во время войны, успели зажить бесследно. Ценность рубля осталась без изменения, но нельзя того же сказать про ценность разных предметов. Технические усовершенствования, общий прогресс народной жизни в связи с развитием торговой промышленности успели понизить стоимость продуктов многих производств. Общее количество вырабатываемых и потребляемых продуктов возросло не только абсолютно, но и относительно, считая на одного жителя. Хотя стоимость многих продуктов и понизилась, но ввиду того, что потребление со стороны каждого человека возросло, стоимость потребляемого одним человеком могла как возрасти, так и упасть. Весьма трудно сказать, что идет быстрее при экономическом прогрессе страны: возрастание ли количества потребляемого каждым жителем или уменьшение средней стоимости каждого из потребляемых предметов, то есть, другими словами, должно ли происходить понижение заработной платы или ее повышение. Однако во всяком случае мы можем сказать, что понижение стоимости предметов ощутительнее на тех производствах, где большее участие принимают машины, а не люди. Продукты же тех производств, которые зиждутся более на человеческом труде, если и упадут в цене, то упадут, во всяком случае, менее ощутительно. Так как земледелие покоится главным образом на человеческом труде, то, поскольку цена хлеба зависит от техники производства и от высоты рабочей платы, нет причин, чтобы эта цена могла существенно измениться. Для простоты рассуж-

дения, нисколько не влияя на результаты выводов, мы можем принять, что хлеб у нас остался в той же цене, как в первый год установления кредитно-денежного обращения. Допустим затем, что в течение рассматриваемого пятидесятилетия в хлебном хозяйстве остального мира произошли большие перемены: были пущены в обработку притропические земли, дающие громадный урожай при малом труде и при дешевых нетребовательных рабочих из туземцев. Результатом этих перемен явилось понижение на международном рынке хлебных цен вдвое. Если, например, пятьдесят лет тому назад международная цена пуда хлеба была 4 франка, то теперь она равна только 2 франкам. Так как внутренняя цена за пуд хлеба (с доставкой на международный рынок) осталась прежняя, равная одному кредитному рублю, то отсюда прямой вывод, что за кредитный рубль вместо 4 франков теперь дадут только 2, то есть курс рубля упал вдвое. Таким образом, при полном экономическом прогрессе страны курс кредитной валюты может претерпеть значительные падения по сравнению с золотой валютой. Это доказывает только то, что ценность товаров по отношению к золоту изменяется по одним законам, а ценность тех же товаров по отношению к кредитному рублю — по совершенно другим. Законы этих изменений совершенно несоизмеримы и совсем не служат показателями экономического благосостояния страны. В своем месте мы уже видели, как в продолжение сорока лет при постоянном падении золотой цены хлеба на 40% кредитная цена хлеба почти не изменилась, а вместо того упал курс кредитного рубля тоже почти на 40%.

Чтобы покончить с вопросом о кредитном обращении в нашем гипотетическом государстве, посмотрим, возможен ли и на каких условиях доступ в него иностранных капиталов. Иностранный капитал воплощается в золотых монетах; для функционирования его в нашем государстве он должен перевоплотиться в кредитную монету. Золото у нас

всегда имеет спрос, даже слишком большой спрос, если верить жалобам на низкий курс кредитного рубля. Иностранный капиталист без труда продаст свое золото за кредитные рубли, продаст его по частям, по мере надобности, чтобы не повышать курса, так как это для него невыгодно, а затем осуществить свое предприятие. Несколько неприятный для него факт — получение прибылей в изменчивой кредитной валюте — вполне вознаграждается высотою процентной прибыли. В стране с кредитным обращением прибыль с капитала обыкновенно больше, чем в странах с золотой валютой. В самом деле, допустим, что в стране с золотой валютой все предприятия, и в том числе сельскохозяйственное производство, некогда давали 5% прибыли. Положим затем, что международная цена хлеба настолько понизилась, что сельскохозяйственная прибыль упала до трех процентов. Очевидно, капитал и труд отхлынут от ставшего невыгодным земледельческого занятия и примкнут к промышленности. Отлив от земледелия труда и капитала, уменьшив конкуренцию, повысит процент прибыли, увеличение же конкуренции в промышленности вследствие вступления в ее ряды новых производителей уменьшит прибыли промышленности. Перемещение капитала и труда будет продолжаться до тех пор, пока размеры прибылей не сравняются, пока, например, прибыль земледелия не поднимется с трех процентов на четыре, а прибыль промышленности не упадет с пяти процентов до четырех. Итак, понижение цены на хлеб произвело общее понижение прибыли с капиталов. Так как понижение международной цены на хлеб не может проникнуть внутрь государства с кредитной валютой, то оно не произведет и уменьшения процентов прибыли с капитала. Высокий процент этой прибыли в земледельческой стране объясняется еще и тем, что подобные страны, имея непочатые богатства, представляют для капиталов много точек приложения, и потому спрос на капитал должен быть велик и столь же велика

должна быть плата за него, то есть процент прибыли.

В заключение спросим себя, могут ли и каким путем правители нашего гипотетического государства курс кредитного рубля, понизившийся, как мы сказали, вдвое, поднять на прежнюю высоту, сохраняя при этом систему кредитно-денежного обращения? На этот вопрос, как это ясно из всего предшествующего изложения, можно дать вполне определенный ответ. Для поднятия курса правители должны или поднять вдвое международную золотую цену хлеба, или понизить вдвое внутреннюю кредитную его цену. Так как ни то, ни другое не во власти правителей, то вопрос о поднятии курса кредитного рубля, падение которого обусловлено естественными экономическими причинами, есть вопрос праздный, и самое поднятие курса решительно никому не нужно.

Посмотрим, что произошло бы в нашем гипотетическом государстве, если бы там вместо кредитного денежного обращения было введено с самого начала золотое. Сделать это было бы нетрудно. Государство могло бы занять за границей, положим, сто миллионов золота. За это оно должно было бы прибавлять на вечное время к своему годовому бюджету пять миллионов для уплаты процентов. Конечно, это само по себе уже плохо, но если бы золотое обращение могло доставить населению значительные выгоды, то отчего же не пойти на эту жертву? Существование золотых международных денег должно было бы приводить внутренние цены продуктов к международным. Однако для продуктов, которые для нашей страны служат предметами заграничного ввоза, мы, путем покровительственных пошлин, легко могли бы держать внутренние цены на такой высоте, на какой пожелали бы. Совсем иначе дело обстоит с предметами нашего вывоза. Их внутренние цены должны были бы всецело подчиниться международным. Таким образом, по истечении пятидесяти лет внутренняя цена хлеба должна была упасть вдвое — с рубля на 50 копеек. Так как, несмотря ни на ка-

кие технические изобретения и усовершенствования, прочие предметы, в особенности при охранительных пошлинах, не могли бы подешеветь на столько же, а в особенности не могло бы это случиться с заработной платой, которая в экономически прогрессирующем государстве очень мало меняется, то результатом понижения вдвое хлебных цен было бы резкое уменьшение ренты на плодородных и близко к границам расположенных землях и полное обесценивание, с прекращением запашек, земель менее плодородных или лежащих далеко от пограничных пунктов вывоза. Освободившиеся и подешевевшие рабочие руки нашли бы применение своему труду на фабриках и заводах, которые, вследствие притока рабочих и уменьшения заработной платы, стали бы расширять свои производства, так сказать, за счет уменьшения сельскохозяйственных промыслов. Подобный пример мы видим в Англии, где за последние сорок лет, вследствие уменьшения хлебных цен вдвое, площадь посевов сократилась также вдвое. Правда, освобожденная из-под посевов хлеба земля возделывается для разведения картофеля, репы, капусты и т.п. Благодаря чрезвычайной густоте населения в Англии, несмотря на громадные количества этих продуктов, они находят там сбыт.

В стране же сравнительно малолюдной разведение в большом размере овощей не послужило бы ни к чему, так как едва ли можно рассчитывать на серьезный экспорт подобных продуктов. Но если бы овощи и стали котироваться на международном рынке, победителями на нем явились бы те страны, на стороне которых — плодородная почва и дешевый труд, то есть те же притропические страны, диктующие ныне цены на хлебном рынке.

До настоящего времени только одна Англия безусловно отказалась от борьбы в защиту своего земледелия. Из всех главнейших европейских государств, ввозящих к себе хлеб, одна только Англия не имеет хлебных пошлин. Прочие же,

как, например, Франция и Германия, несмотря на свой явно промышленный характер, находят нужным покровительствовать своему земледелию установлением хлебных пошлин.

Для земледельческой же страны единственный способ покровительствовать своему земледелию — кредитная валюта как самый надежный оплот от влияния международных хлебных цен на внутренние цены хлеба.

Золотую валюту как общепринятую в главнейших государствах сравнивают с жидкостью, которая, будучи помещена в сообщающихся сосудах, всегда стремится стать в них на одном уровне, но при этом забывают, что золоту-деньгам, действительно, дают полную свободу перемещения, но тем товарам, ради которых единственно имеется смысл в существовании денег, ставят на каждом шагу препоны в образе покровительственных и запретительных пошлин. Какой смысл в свободном перемещении покупающих денег при связанном по рукам и ногам движении покупаемых товаров? Но если должно считать почтенными те соображения, в силу которых воздвигаются препятствия для ввозимых товаров, то не менее почтенными должны быть признаны те средства, которые расчищают препятствия на пути вывозимых товаров; другими словами, если необходимы таможенные заставы, то для земледельческой страны не менее необходима упругая валюта.

Переходя к России и возможности установления в ней золотого обращения, мы должны задать себе такой вопрос: какая может быть уверенность в том, что происходившее за последние сорок лет понижение хлебных цен не будет продолжаться и далее? Сельское хозяйство последовательно выставляет все новых и новых поставщиков. Вслед за Россией первыми выступили Северо-Американские Соединенные Штаты, затем Ост-Индия, Австралия и, наконец, Аргентина. Кроме усиления производства в этих странах, возможно

ожидать появления еще и новых конкурентов. Последнее время сильно колонизируется Африка. Эта мало исследованная страна по своему климату, близости к Европе, многочисленному и непритязательному населению в случае развития в ней земледелия может оказать громадное влияние на международный хлебный рынок. Если мы сумеем своевременно переделать Европейскую Россию на промышленный лад и нам за нее, следовательно, не придется бояться, то что мы будем делать с громадными угодьями Сибири, собирающейся благодаря железной дороге войти в связь с остальным миром? Не будем ли мы вынуждены, по примеру Англии, отделившей себя от Индии, отделить Сибирь от Европейской России, установить в Сибири кредитную валюту при золотом обращении в Европейской России?

Если хлебные цены будут продолжать падать, то, при отсутствии буфера в виде кредитной валюты, разорение значительной части нашего земледелия будет неизбежно. Разумеется, для общей пользы государства иногда могут быть принесены в жертву интересы отдельных, хотя бы и многочисленных, лиц. Но будет ли в рассматриваемом случае действительно польза для государства? Перед этим вопросом разум становится на распутье.

III

Из недавно вышедшего коллективного труда под редакцией профессоров Чупрова и Постникова «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» мы узнаем (т. 1, стр. 35), что из 64 миллионов крестьян-земледельцев Европейской России 34 миллиона хлеб покупают, 20 миллионов потребляют все, что производят, и только 10 миллионов имеют избыток для продажи. Отсюда прямой вывод, что население России в главной своей массе

или совсем не заинтересовано в ценах на хлеб, или же интересы населения требуют низких цен, а не высоких, как это допущено во всех наших предыдущих рассуждениях. Этот вывод, хотя он сделан, по-видимому, из точных статистических данных и, кроме того, подкупает своей простотой, может быть признан непреложным только весьма условно. В самом ли деле земледелец, не покупающий и не продающий хлеба, не заинтересован в цене его? Если крестьянин, прилагая свой труд к земледелию, получает в виде вознаграждения сбор в сто пудов зерна, только что достаточный для прокормления его семьи, то он не бросит своего занятия лишь в том случае, если тот же труд, будучи приложен где-либо на фабрике, даст ему денежный заработок, вообще говоря, по стоимости мало отличающийся от стоимости продуктов земледельческого занятия. Но допустим, что цена хлеба — не случайная годовая, а средняя за несколько лет — вследствие условий мирового рынка упала вдвое. Земледельческий труд крестьянина принесет ему столько пудов зерна и на фабрике он получит тот же денежный заработок. Однако, этот заработок, ввиду удешевления цены на хлеб, может быть обменян теперь на 200 пудов зерна. Что же может при таких обстоятельствах удержать крестьянина у земледелия? Воспитанной веками привычки к земледельческому труду окажется для этого недостаточно, и начнется переход капитала и труда от земледелия к промышленности до тех пор, пока выгоды занятия тем и другим не сравняются. Это одна сторона дела. Из нее мы вправе заключить, что из 64 миллионов крестьян-земледельцев Европейской России интересы 54 миллионов в конце концов как будто бы требуют понижения хлебных цен, так как это лучшее средство поскорее оторвать население от невыгодного занятия земледелием. Но сейчас же как противовес этому заключению перед нами встает другой вопрос. Если из 64 миллионов земледельцев 34 миллиона принуждены покупать хлеб и 20 миллионов только что обес-

печены своим хлебом, то вытекает ли отсюда тот вывод, что русское земледелие в покровительстве не нуждается, и не означает ли скорее поразительный факт необеспеченности земледельца хлебом, что в постановке земледельческого вопроса имеет место крупная аномалия? Становясь вдали от крайних теорий, постараемся взглянуть на пахаря как на простую машину. Эта машина способна в рабочий сезон создать хлеба гораздо более, чем сколько требуется для прокормления семьи, а между тем в действительности эта машина поставлена в такие условия, что создает его гораздо менее, то есть является мертвым капиталом. Не следует ли отсюда, что государство путем правильной организации сельского кредита и переселенческого дела должно идти на помощь пахарю, чтобы дать ему возможность использовать всю свою трудоспособность, а полученную таким путем экономию народного труда обратить на нужды обрабатывающей промышленности? Но если бы земледельческое дело получило такую единственно, по нашему мнению, правильную постановку, то едва ли не две трети всего крестьянского сословия оказались бы продавцами хлеба и, следовательно, заинтересованными в непонижении хлебных цен.

Выше мы упомянули о необходимости придти на помощь земледелию, но факты последнего времени как бы свидетельствуют, что все покровительство народному труду, по-видимому, желает изливаться только в сферу одной заводско-фабричной промышленности. С помощью боевых пошлин ее стойко защищают от внешних врагов — иностранных конкурентов. Но оказывается, что этого одного недостаточно, так как у фабрик и заводов есть сильный внутренний враг — земледелие. Средства борьбы с этим внутренним врагом промышленности могут заключаться в том, чтобы поставить русского пахаря лицом к лицу с его заморскими конкурентами, и русский пахарь, ввиду неравной борьбы, принужден будет оставить веками воспитанную привычку

к земледельческим занятиям и перейти к заводско-фабричной деятельности. Повторяю, в вопросах народной экономии не место сентиментализму. Если требует польза страны, старые формы народного хозяйства должны быть принесены в жертву, уступая место более совершенным. Но нужно называть вещи своими именами и знать определенно, какие перед нами откроются горизонты.

Если бы род людской представлял одну семью, не разделенную различиями религии, расы, языка, обычаев и национальности, то хозяйственная жизнь народов вылилась бы в совершенно отличные от настоящих формы. Люди располагали бы свои занятия согласно принципу наименьшего действия, то есть достигали бы наибольших результатов с наименьшими усилиями. Если бы, например, у одного явилось желание заняться земледелием, то он не стал бы обрабатывать какие-нибудь смоленские суглинки, а отправился бы в Аргентину, где при том же количестве труда мог бы получить в пять раз большую жатву. Если бы другой пожелал выделывать чугун, то он устроил бы завод, например, на Урале, где имеются руда и уголь, но не стал бы открывать чугунный завод, как это часто делается, в таком месте, где не имеется ни руды, ни угля и т.д.

Однако факт многообразного различия народов со всеми сложными проистекающими отсюда последствиями в наличности, и с ним нельзя не считаться. Тощий смоленский суглинок русскому пахарю дороже тучных заморских нив, он никогда одно на другое не променяет и будет цепляться за свое веками насиженное место, как за лучшую драгоценность в мире. Рельсы в Англии, зонтик в Вене лучше и дешевле, чем те же предметы в России, но нам говорят, что покровительство отечественной промышленности требует, чтобы мы пользовались плохими зонтиками и ездили по менее совершенным рельсам, платя за то и другое втридорога. Мы согласны, мы приносим эту жертву на алтарь отечественной

промышленности, веруя, что, когда промышленность станет взрослой, она вознаградит нас за расходы по ее воспитанию.

Но если так, то почему не быть последовательными и, защищаясь от заграничных фабричных цен, зачем давать врываться к нам заморским хлебным ценам, явно убыточным для условий нашего земледелия? Если промышленность молода, а земледелие старо и формы его отживают свой век, то тем более оно требует особого покровительства, чтобы без потрясения, незаметно переменить форму существования. Утешительнее было бы видеть рост промышленности только вследствие того, что промышленность крепнет, а не вследствие того, что земледелие слабеет. Вопрос о тепличном культивировании, как промышленности, так и земледелия, безусловно, аномальный для человечества, взятого в его совокупности, но в применении к каждой народности в отдельности он имеет полное raison d´etre во всем складе международных отношений.

Пока среди народа существует воззрение, что стремление к обогащению одного народа за счет другого есть добродетель, называемая патриотизмом, или пока шансы на такое обогащение не станут у всех равными, напрасны будут надежды на скорое снятие таможенных застав, а пока существуют последние, вполне имеет право на существование и их антитеза — кредитная валюта.

Не нужно быть непримиримым противником золотой валюты, чтобы предварительно введения ее считать необходимым выполнение следующих условий.

1) Освобождение производства страны от постоянных потрясений, вызываемых влиянием стихийных сил природы.
2) Получение осязательных доказательств, что дальнейшее понижение международной цены на хлеб не будет иметь места, причем нужно помнить, что этот вопрос имеет особое значение для Сибири, готовящейся вступить в общую экономическую жизнь народов.

В заключение считаю не лишним заметить, что если бы имелись надежные признаки, что международные хлебные цены против ожидания должны начать резко подниматься, то и тогда, может быть, следовало бы сохранить кредитную валюту, чтобы с помощью ее помешать возвышению внутренних цен на хлеб — возвышению, могущему вызвать перебежчиков от промышленности к земледелию.

КАПИТАЛЫ И ДОЛГИ

БУТМИ Георгий Васильевич
1856 — после 1917

Совместно с Шараповым Бутми развивал экономическое учение славянофилов. Во второй половине 1890-х годов он выпускает получившие широкую известность книги «К вопросу о денежной реформе» (1896) и «Золотой монометаллизм и его значение для России» (1897). В этих книгах Бутми доказывал несостоятельность финансовой политики С. Ю. Витте по вопросу о введении золотой валюты. В результате введения золотого обращения русская экономика была вовлечена в невыгодную для России систему денежных отношений, которые определяли еврейские банкиры. Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающими сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны—поставщики сырья были обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введния золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу и прежде всего «бегство» самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже с многократной сторицей. Эту позицию Бутми поддерживали такие известные русские экономисты, как П. Оль и М. Туган-Барановский. «Россия — писал последний, — справедливо поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года».

Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении в России и за границей.

Бутми и Оль были сторонниками финансовой независимости Росии от стран Запада. Они справедливо отмечали, что финансово-экономическая структура связей между Росией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России. «Золотая валюта, — писал Оль, — была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить, грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой».

Отстаивая экономические интересы русского народа, Бутми выступает с докладами в Вольном экономическом обществе, Петербургской Академии наук, на Международном земледельческом конгрессе в Будапеште (1896).

В 1898 году Бутми выпустил книгу «Капиталы и долги», которой раскрывал сущность паразитического еврейского капитала, создавшего такой мировой хозяйственный порядок, который позволяет кучке еврейских банкиров управлять абсолютным большинством человечества. Бутми доказывал, что финансовые манипуляции с золотом обогащают еврейских банкиров за счет остального человечества. Природные ресурсы стран переходят под власть международных дельцов, промышленность несет большие убытки. Экономические ресурсы России и других стран автоматически перекачиваются в пользу иудейских владык, остановить которых может только твердая власть самодержавного государства.

Господь поучал Моисея в пустыне:

«… ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над мно-

гими народами, а они над тобою не будут господствовать». (Второзаконие, XV. 6).

Ныне человечество разделено на две группы: с одной стороны — горсть банкиров, помнящих и исполняющих закон Писания, с другой стороны — все остальное человечество, не исполняющее древней заповеди.

Интересы первых господствуют над интересами последних, хотя первые составляют меньшинство, а последние — все человечество.

Вопрос о валюте есть важнейший экономический вопрос конца нашего столетия.

В этом вопросе встречаются как противоположные две группы интересов.

1) Интересы всех кредиторов, то есть банкиров, рантье — лиц, получающих определенные и обеспеченные денежные доходы и приобретающих за деньги необходимые товары.

2) Интересы всех дебиторов, то есть промышленников, земледельцев, задельных рабочих, своим трудом производящих необходимые товары, и за товары приобретающих необходимые деньги для уплаты податей, налогов, процентов по личным долгам и долгам государственным (в этом смысле дебитором является решительно все человечество).

Первая группа заинтересована в дорогих деньгах, чтобы необходимые товары приобрести за наименьшее количество денег, чтобы наибольший остаток денежного дохода употребить на увеличение своего богатства — своего денежного господства.

Вторая группа заинтересована в дешевых деньгах, чтобы необходимые для уплаты податей и процентов деньги приобрести за наименьшее количество произведений своего труда, чтобы наибольший остаток употребить на улучшение своего быта, своего производства, на уплату долгов — на освобождение от денежной зависимости.

Первая группа сознательно относится к денежному вопросу и руководит им в своих интересах.

Вторая группа не интересуется денежным вопросом и не защищает своих интересов, бесконтрольно принимая превратные толкования, которыми представители банкирских интересов в свою пользу заполняют столбцы газет.

Я настоятельно прошу промышленника и земледельца самостоятельно ознакомиться с животрепещущим денежным вопросом, дабы и они могли сознательно высказываться в защиту своих интересов.

Без этого немыслимо целесообразное разрешение вопроса. Выяснению вопроса о валюте в интересах промышленника и земледельца посвящена настоящая статья.

I
Денежная реформа в России

В неусыпном попечении об экономическом благосостоянии России наше министерство финансов с весны 1895 года заботится о замене нашей старой серебряной валюты новою золотою валютою.

Манифест 20 июня 1810 года гласит (24264, ч. 1 § 1): Главною, не применяемою и законною мерою (монетною единицею) всех монет, обращающихся в государстве, установляется серебряный рубль настоящего достоинства, и именно: весом во ста рублях пять фунтов и шесть золотников лигатурного серебра 831/3 пробы.

Манифест 1 июля 1843 года. Выс. Указ 17 декабря 1885 года, Монетный Устав изд. 1893 года подтверждают неизменно, что «Государственная Российская монетная единица есть серебряный рубль, содержащий в себе четыре золотника и двадцать одну долю чистого серебра».

Высочайшие Указы 3 января и 29 августа 1897 года утверждают временную фиксацию курса кредитного рубля в золоте; Высочайший Указ 14 ноября 1897 года касается надписи на кредитных билетах. Но ни один из них не отменяет установленной в 1810 году монетной единицы.

Напротив, Высочайший Указ 3 января 1897 года, на имя министра финансов данный, упоминает, что мера эта принимается «впредь до принятия окончательного решения по рассмотрении Государственным Советом дела сего», а также, что «дело это может потребовать еще продолжительного его обсуждения».

Таким образом, вопрос остается открытым и его обсуждение еще своевременно.

С деньгами имеют дело все. Поэтому всех касается и всех должна интересовать предположенная денежная реформа.

II
Справки о пользе золотой валюты

Проект перехода от серебряной к золотой валюте вызван у нас примером стран, опередивших нас в культурном развитии. Чтобы знать, какой пользы мы можем ожидать от предположенной денежной реформы, нам следует справиться, какую пользу эта реформа принесла странам, раньше нас принявшим золотую валюту.

Справляемся по официальным документам:

Золотая валюта впервые вытеснила серебряную валюту в Англии в 1816 году. Потрясающий кризис не замедлил разразиться над торговлею, промышленностью, разорительнее всего над земледелием.

(…) В 1873 году золотая валюта по предательскому совету еврея Бамбергера заменяет серебряную в Германии, а затем в Соединенных Штатах Северной Америки. С тех пор земле-

дельческий кризис стал хроническою, постоянно ухудшающеюся болезнью этих стран.

В 1879 году Франция прекращает свободную чеканку серебра и предоставляет привилегию золоту. Кризис всюду обостряется, распространяется на промышленность. О разорении земледелия и промышленности золотою валютою свидетельствуют: отчеты парламентских комиссий, монетных конференций, ходатайства торговых палат; донесения консулов указывают на процветание стран, сохранивших серебряную валюту.

В 1893 году английское правительство прекращением свободной чеканки серебра в Индии возвышает искусственно курс серебряной рупии выше цены серебра.

Эта переходная мера к введению золотой валюты вызывает в Индии, процветавшей до 1893 года, острый земледельческий и промышленный кризис.

В 1893 году с отменою Schermanbill´я золотая валюта получает безраздельное господство в Соединенных Штатах. Кризис становится опустошительным: промышленность терпит тяжкие убытки, земледелие приходит на край погибели.

По мере распространения золотой валюты спрос на золото растет, золото дорожает, цены на все товары падают. Каждый успех золотой валюты приносил новые бедствия земледелию и промышленности.

III
Для кого нужна золотая валюта?

Но если золотая валюта не приносит ничего, кроме разорения земледелия и промышленности в тех странах, где она поселилась, то почему же ее не изгоняют? Почему, напротив, страна за страною взапуски спешат открыть ей свое гостеп-

риимство? Ключ к этой загадке мы находим в замечательном докладе «Серебро и цены», читанном известным английским экономистом Мортоном Фрюэном (…) в лондонском Societi of Arts 26 мая 1897 года.

«С 1873 года, — говорит Мортон Фрюэн, — цена золотого соверена почти что удвоилась; человек, который в 1873 году имел 100 000 фунтов стерлингов, и сегодня имеет те же 100 000, теперь в два раза богаче, чем в 1873 г.».

Значит, распространение золотой валюты, вызывая вздорожание золота, приносит выгоду капиталисту-миллионеру.

Но человек, имеющий 100 000 фунтов стерлингов, не имеет их налицо в чеканной золотой монете. По данным Монетного Двора Соединенных Штатов поныне добыто золота из недр земли всего на сумму около 1800 миллионов ф. ст. (до 1895 г. 8581431000 долларов), из которых монеты в обращении и в кладовых банков имеется только на сумму 840 миллионов ф. ст. (4086800000 долларов). Остальное золото употреблено на различные поделки.

Этот золотой капитал человечества, равный 840 миллионам ф. ст., составляет лишь незначительную дробь суммы денежных капиталов всего человечества.

Примером недостаточности металлического капитала для покрытия денежного капитала может служить богатейший Английский банк.

По отчетам, банк имел к 1 декабря 1896 года вкладов во всех своих отделениях на сумму 800000000 ф. ст.; наличного золота — 58150000 ф. ст. То есть вклады были покрыты золотою наличностью в размере 7 1/4%.

Остальные 92 3/4% вкладов обеспечены долгами отдельных лиц (векселя), учреждений (акции), государств (процентные бумаги). Долги эти могут быть вполне обеспеченными, но не золотом — иначе они не существовали бы. Золотое обеспечение везде по крайней мере так же недостаточно, как и в Английском банке. Итак:

— вся сумма денежного богатства банкиров, лишь в незначительной части представляя самостоятельное металлическое богатство, почти полностью составлена из долгов остального человечества.

Для того, чтоб был человек, который имеет 100 000 ф. ст., необходимо, чтобы был другой человек или группа людей, которые должны эти 100 000 ф. ст.

Если вздорожание соверена, вызванное распространением золотой валюты, увеличивает вдвое богатство человека, который имеет 100 000 ф. ст., то это вздорожание соверена увеличивает вдвое бремя долгов человека, который должен эти 100 000 ф. ст.

Вздорожание золотого соверена обогащает небольшую группу банкиров насчет всего остального человечества.

IV
Изменение денег — обвешивание народов

Еще в 1888 году сэр Роберт Гиффен высказал, что «наблюдаемая ныне замена высоких цен низкими происходит от изменения денег… Что масса долгов должна быть погашаема и проценты по ним уплачиваемы вздорожавшими деньгами— дело крайне серьезное и величайшей важности».

Дебитор, то есть все трудящееся человечество, должно отдать вдвое больше товаров — произведений своего труда, чтобы уплатить тот же самый долг своему кредитору-банкиру. Это — благодаря изменению денег, о котором говорит Гиффен.

Но произошло ли это изменение денег случайно?

Нет.

До 1873 года золото и серебро в равных долях составляли денежное богатство человечества. В 1873 году банкиры сказали: серебряные деньги — не деньги. Денег стало вдвое

меньше. Товаров осталось столько же. Деньги по отношению к товарам стали вдвое дороже. За тот же денежный долг приходится расплачиваться двойным количеством товаров — двойным количеством произведений труда.

Но ведь это — обвешивание.

Когда скупщик на весах обвешивает отдельного клиента увеличенными в весе гирями, общественное мнение возмущается, общество, суд вступаются за обманутого клиента.

Почему же, когда группа банкиров при помощи вздорожавшего соверена обвешивает на деньгах все человечество, никто не вступается за человечество?

V
Защитники измененных денег

Человек, который имеет 100 000 ф. ст., имеет средства пользоваться услугами лучших адвокатов.

Интеллигенция больших городов состоит главным образом из лиц, получающих определенное денежное содержание. Вздорожание денег доставляет им больше товаров за те же деньги — это выгодно для них.

Представители кафедральной науки стоят ближе к интересам городской интеллигенции, среди которой они живут, чем к интересам промышленности и земледелия, с которыми они знакомы лишь теоретически.

И представители кафедральной науки за немногими выдающимися исключениями защищают золотую валюту, дающую и им самим большие удобства за те же деньги.

Возрастающие требования вооружения, народного образования, путей сообщения требуют изыскания новых источников государственного дохода, новых налогов.

Но всякий новый налог непопулярен, как бы он ни был необходим для самого полезного дела. В странах с золотою ва-

лютою покупательная сила налогов растет автоматическим действием дорожающего золота, без изменения суммы налогов, не обращая на себя ничьего внимания и не возбуждая неудовольствия. Это удобно: промышленность и земледелие разоряются, но государственную роспись можно заключить без дефицита, не прибегая к непопулярному повышению налогов. И финансовые ведомства защищают золотую валюту.

Наконец, периодическая печать, руководящая общественным мнением, под влиянием компетентных лиц — банкиров, профессоров и финансовых чиновников, восхваляет благодеяния золотой валюты.

Вот каким образом складывается общественное мнение больших городов за золотую валюту.

Когда, доведенные до крайности, земледелие и промышленность отдают спор о валюте на разрешение народного голосования, народ подает голоса против собственных интересов за интересы банкиров: в 1895 году Брайен (…) поднял половину Америки за немедленное освобождение американского народа от золотого ига английских банкиров и был разбит (хотя незначительным большинством голосов) народным голосованием. Объяснение налицо: избирательный фонд республиканской партии (Мак-Кинлей) составил 2000000 ф. ст., а избирательный фонд демократической партии ограничивался 100000 ф. ст.

Таким образом, группа людей, исполнивших заповедь Моисея, господствует над общественным мнением, господствует над народами.

О чем же думают промышленники и земледельцы, разоряемые золотой валютою на пользу банкиров?

Они утешаются теорией перепроизводства.

«Народы терпят нужду, потому что предметы первой необходимости производятся в чрезмерном количестве».

Это нелепо. Но это говорит человек, имеющий 100 000 ф. ст., человек деловой, компетентный. Ему нельзя не верить.

VI
Значение вопроса о валюте

Предложенная министерством финансов денежная реформа заключается в замене нашей нынешней монетной единицы, серебряного рубля в 4 золот. 21 долю чистого серебра, новою монетной единицей, золотым рублем в 17,424 доли чистого золота.

Большинство публики истолковало себе дело так, будто введение золотой валюты введет в России исключительно золотое обращение, которое должно выместить кредитное обращение.

Это смешение вопроса о валюте с вопросом об обращении чрезмерно затрудняет понимание вопроса.

Вопрос о валюте есть не столько вопрос об обращении, сколько главным образом вопрос о монетной единице, имеющей законную расплатную силу по всем обязательствам, служащей к измерению цены всех имуществ.

Между тем большинство споров велось до сих пор о том, возможно или невозможно удержать у нас золотое обращение, и таким образом внимание отвлекалось от главного вопроса: выгодно или невыгодно для нас отнять расплатную силу у серебряного рубля и передать эту расплатную силу дорожающему золоту.

Между тем спор о золотом обращении — совершенно праздный спор.

Чистого золотого обращения нет нигде и быть нигде не может: для этого на всем земном шаре нет достаточно золота.

В самых богатых странах с золотою валютою обращаются кредитные билеты.

В Англии обращается кредитных билетов на 26660000 ф. ст.; во Франции — на 3838000000 франков; в Германской Империи — на 1257000000 марок.

Кроме того, в названных странах обращается громадное количество векселей, чеков, акций, государственных бумаг — орудий кредитного обращения.

Громадный международный обмен товаров на сумму около 3 миллиардов фунтов стерлингов не мог бы совершиться на наличную золотую монету, которой во всем мире есть на сумму 840 миллионов фунтов стерлингов, из которых большая часть нужна для внутреннего обращения.

И действительно, только сальдо не более 5% всемирной торговли уплачивается наличным золотом, весь же остальной обмен ведется при помощи трат и переводов, то есть тех же орудий кредитного обращения.

Но широкое применение орудий кредитного обращения во всемирной торговле не устраняет существенной важности достаточного количества металлических денег. В определенные сроки сальдо по взаимным счетам все-таки приходится уплачивать металлическими деньгами, и, если их нет налицо в достаточном количестве, то их приходится приобретать во что бы то ни стало, продавая товары по пониженной цене; тогда именно деньги дорожают по отношению к товарам вследствие своего недостаточного количества, а вместе с металлическими деньгами дорожают по отношению к товарам и все кредитные представители денег. Дорожает монетная единица, а вместе с ней и все выданные на нее обязательства, как то: кредитные билеты, векселя, чеки и т.д.

Дорожает мерка, которою измеряется цена всех товаров; цена всех товаров выражается уменьшенным количеством увеличенных мерок — цена всех товаров падает.

Вот каким образом недостаток на рынке металлических денег, имеющих всемирную расплатную силу, вызывает понижение цен на все товары.

Понятно, что до 1973 года, пока серебро наравне с золотом имело международную расплатную силу, международных металлических денег на рынке было больше, недостаток

в них мог ощущаться реже, чем после 1873 года, когда серебро было лишено международной расплатной силы, и эта привилегия оставлена за одним золотом.

Постоянный недостаток золота на международном рынке вызывает постоянное автоматическое вздорожание денег и постоянное понижение цены товаров, наблюдаемое с 1873 года.

Это явление постоянно разоряет промышленника и земледельца, производящих товары, и постоянно обогащает человека, имеющего 100000 фунтов стерлингов, то есть банкира.

Вот почему промышленники и земледельцы Западной Европы и Северной Америки, поняв причину своего постоянного и автоматического разорения, так энергично требуют серебру возвращения его международной расплатной силы, восстановления серебряной монетной единицы наравне с золотой.

По этой же причине человек, имеющий 100000 фунтов стерлингов, понимая причину своего постоянного автоматического обогащения, защищает монополию золотой монетной единицы.

VII
Монетная единица и монетные системы

Монетная единица есть законом определенный вес драгоценного металла, имеющий законную расплатную силу по всем обязательствам, ценою которого измеряется цена всех остальных имуществ.

В Англии с 1816 года установлен монетною единицею золотой соверен в 123,27477 гран золота. Рядом с золотым совереном обращаются банковые билеты, но они имеют одинаковый курс и одинаковую покупательную силу с золотым совереном.

Только кусок золота в 123.27477 гран, или равноценный с ним банковый билет имеет расплатную силу и служит мерилом цены всех имуществ. В Англии — золотая валюта, золотой монометаллизм. Во Франции монетною единицей в 1803 году установлен франк, содержащий в себе 4,5 грамма чистого серебра или 0,290325… грамма чистого золота. Рядом с этими франками обращались кредитные билеты, но они имели расплатную силу и служили мерилом цены всех товаров лишь постольку, поскольку они были равноценны куску серебра в 4,5 грамма или куску золота в 0,29… грамма. Но кусок серебра в 4,5 грамма и кусок золота в 0,29… грамма имели одинаковую расплатную силу.

Во Франции была двойная валюта — биметаллизм.

В России в 1810 году установлен монетною единицей серебряный рубль в 4 золотника 21 долю чистого серебра. Рядом с ним обращался кредитный рубль. Пока последний имел одинаковую силу, в России была серебряная валюта — серебряный монометаллизм. Когда после Крымской войны кредитный рубль стал дешевле 4 золот. 21 доли чистого серебра, но тем не менее сохранил полную расплатную силу по всем обязательствам, независимо от своего курса на серебро, когда этот обесцененный кредитный рубль продолжал служить мерилом всех имуществ, тогда в России обесцененный кредитный рубль заменил собою монетную единицу. Это была кредитная валюта.

Кредитное мерило ценностей колебаниями своего курса производило неустойчивость цен и гадательность коммерческих расчетов. Давно сознавалась потребность в восстановлении металлического мерила ценностей путем восстановления паритета между кредитным билетом и металлическою монетною единицей — серебряным рублем. Но вышеуказанные интересы банкиров изменили задачу: серебряную монетную единицу предполагается заменить золотою, потому что она устойчивее по мнению, распространяемому банкирами.

Устойчивость есть первое условие, которому должна удовлетворять монетная единица как мерило ценностей, подобно всякому мерилу тяжести, длины, емкости.

VIII
Изменение денег так же вредно, как изменение мер и весов

Важность неизменяемости мер и весов сознавалась еще в глубокой древности.

Моисей, выводя свой народ из Египта, уже учил: «Не делайте неправды в суде, в мере, в весе, в измерении; да будут у вас весы верные, гири верные, ефа верная и гин верный» (Левит, XIX, 35, 36).

Что для правильных, безобидных торговых сношений одинаково необходима верность гирь, которыми взвешиваются, верность меры, которою измеряются, и верность мерила ценностей, которым оцениваются все товары, — в этом никто не сомневается.

Но читатель уже из предыдущего изложения имел возможность усомниться в верности и безобидности золотого мерила ценностей. В отдельной книжке «К вопросу о денежной реформе» я уже указывал, почему и насколько золотое мерило ценностей увеличивается, дорожая само и обесценивая товары, к великому ущербу земледелия и промышленности и к не менее великой выгоде международных банкиров.

Какие изменения экономических отношений могут быть вызваны изменением мер, весов и цены денег, может быть пояснено примерами.

Пример 1. Фабрикант производит ежегодно на своем заводе 100 000 пудов сахара, клея, масла или иного товара. Он имеет половинщика, участника в предприятии, которому должен отдавать ежегодно же половину, а именно

50 000 пудов произведенного товара. Если пуд изменится, станет вместо 40 равным 80 фунтам, то компаньон станет, согласно условию, получать весь товар, а фабрикант разорится.

Пример 2. Арендатор из имения, дающего 1000 четвертей пшеницы, продал купцу 800 четвертей, а 200 четвертей оставил на семена. Купец принимает четвертью в 10 четвериков вместо 8 — купец получает всю 1000 четвертей, а арендатор, ставшись без семян, лишается возможности продолжать хозяйство.

Пример 3. Землевладелец получил в наследство от завещателя 1000 десятин земли, из которых в определенный срок должен отдать третьему лицу 500 десятин. К этому сроку сажень стала в полтора раза больше. Десятина стала в два с четвертью раза больше. Несчастный наследник не только половиною имения не может удовлетворить указанного третьего лица, но даже всего имения не хватает на исполнение условий завещания — наследник растратил завещанную ему землю, не изменив ее границ.

Во всех приведенных примерах часть поглощает целое вследствие увеличения единицы измерения.

Пример 4. Землевладелец или фабрикант для покупки имения или для основания завода, дающего 100 000 пудов товара по цене 1 руб. за пуд, на сумму 100 000 руб. занял у банкира сумму, равную половинной стоимости имения или завода; в виде процентов он обязан платить банкиру половину всего произведенного товара, но не в натуре, а половину рыночной цены всего производимого товара, по цене момента, когда был заключен заем. Если затем рубль вздорожает вдвое (как это произошло с золотою валютою), то измеренная рублем цена товара понизится вдвое. Тогда земледелец или фабрикант должен будет отдавать продажную цену всех своих произведений на уплату процентов банкиру, ничего себе не оставляя. Такое положение дела, обесценив произведения

предприятия, необходимо обесценит в конце концов фабрику или имение: доля участия владельца исчезнет и станется только доля участия банкира.

IX
Удав

В первых трех примерах легко заметна единовременная подмена мерила веса и длины. В последнем примере происходит автоматическое, почти неуловимое, но постоянное вздорожание мерила ценности. Но результат тот же: вследствие изменения мерила часть, принадлежащая кредитору, автоматически поглощает целое, принадлежащее должнику.

Так земельные банки, даже дворянский, разоряют автоматически своих заемщиков, даже против воли, без выгоды для себя, обогащая лишь банкиров, приобретших их акции под закладные листы. Банк выдает ссуду только в размере части действительной цены имущества. Но благодаря вздорожанию денег и соответственному обесцениванию имущества часть цены, составляющая долг, поглощает всю цену имущества.

Таким образом, даже помимо процентов в странах с золотою валютою вздорожание золота — мерила ценностей, автоматически обесценивая имущества, делает возможным, чтобы долг поглотил имущество, служащее ему обеспечением, хотя цена имущества значительно больше суммы долга.

Так удав проглатывает быка, который больше его, предварительно смяв его своими кольцами до размеров своей пасти.

Заимствую это сравнение у A. Chabry. Говоря об опустошениях, производимых золотою валютою, он сравнивает последнюю с громадным золотым удавом, пасть которого находится в Лондоне в ожидании своего перемещения в Палестину, кольца которого опутывают весь мир, сжимая в золотых петлях всех плательщиков податей и всех дебиторов,

от мелкого крестьянина и крупного предпринимателя до великих держав включительно.

Пока бык, не сознавая приближения опасности, спокойно допускает приближение чудовища, его гибель неизбежна.

Пока промышленник и земледелец, не сознавая важности вопроса о валюте, безучастно допускают его разрешение одними представителями банкирских интересов, их разорение неминуемо.

На западе Европы промышленники и земледельцы стали изучать вопрос о валюте и энергично высказывать свои интересы, попираемые золотой валютой. И нет правительства, которое не стало бы прислушиваться к голосу земледелия и промышленности; ибо всякое правительство понимает, что богатство и могущество государства зависят от процветания отечественных земледелия и промышленности, а не от обогащения международных банкиров государственными долгами.

Но для этого необходимо, чтобы промышленник и земледелец сознательно выступили в защиту своих интересов в великом споре о валюте, а не продолжали бы слепо поклоняться воздвигаемой руками банкиров среди опустошенных полей на фундаменте из миллиардов государственных долгов грандиозной статуе золотого Змия, под тяжестью которой изнемогают народы.

X
Вздорожание денег — увеличение господства банкиров над народами

Из предшествующего изложения читатель мог убедиться в том, что лишь незначительная часть всемирных орудий обмена — денежных знаков — состоит из металлических денег; вся же остальная громадная сумма денежных капиталов, со-

ставляющих собственность отдельных лиц и обращающихся на международном и внутренних рынках, состоит из кредитных суррогатов денег — векселей, кредитных билетов, акций, государственных процентных бумаг, обеспеченных имуществом отдельных лиц и достоянием народов.

Вся эта подавляющая масса денежных знаков представляет долги отдельных лиц, обществ, целых народов и государств — предъявителям денег, главным образом, международным банкирам.

Эти долги не могут быть уплачены металлическими деньгами, которых для этого слишком мало. И долги, и проценты по ним уплачиваются товарами — произведениями труда отдельного лица, экспортом страны.

Монетная единица есть мерило ценности товаров — мера, которою кредитор отмеривает себе в уплату долга произведения труда дебитора; мера, которою международный банкир отмеривает себе произведения народного труда.

Когда монетная единица дорожает, мера увеличивается, в уплату той же суммы долга приходится платить больше товаров. Когда, вследствие увеличения меры, произведений отдельного предприятия недостает на уплату процентов, проценты приобщаются к долгу, пока долг не поглотит предприятия. Когда произведений страны не достанет на уплату процентов, это ведет к необходимости заключения новых займов.

Вследствие вздорожания монетной единицы возрастает задолженность народов, увеличивая своею суммою зависимость целых государств от их кредиторов — международных банкиров.

Денежные капиталы представляют поэтому в народном благосостоянии отрицательную величину, как чужое право в народном достоянии. Положительною величиною денежные капиталы являются только для банкиров, как право в чужом имуществе — в имуществе отдельных лиц и достоянии государств.

Золотая валюта, заменяя серебряную и биметаллическую валюту, ведет по мере своего распространения к вздорожанию денег, то есть к увеличению меры, которою отмеривается доля кредитора в плодах труда и достоянии отдельного дебитора или целого народа, составляющего государство.

Такое изменение денег (как мягко выражается sir Robert Giffen) — увеличение меры, которою приходится расплачиваться товарам по денежным обстоятельствам — ведет к такому же простому обмериванию дебитора кредитором, народов и государств международными банкирами, как например, подмена гирь и весов.

Ни одно государство не заинтересовано в том, чтобы это преступное обмеривание его народа увеличивалось или только продолжалось, неправильно увеличивая долю международного кредитора в народном достоянии.

Поэтому ни один народ, ни одно государство не заинтересованы во вздорожании денег — в распространении золотой валюты, вызывающем это вздорожание.

Тем не менее интересы банкиров, совпадая с интересами городской интеллигенции, живущей на определенные денежные содержания, оказывают такого рода влияние на периодическую печать, что изложенные простые понятия оказываются в литературе совершенно перепутанными.

Обман поддерживается подтасованными цифрами, искаженною статистикой, неправильными выводами, ложными сведениями.

Печать, призванная просвещать публику, сбивает ее с пути, дабы жертвы обмана не имели верных данных для проверки мерила ценностей, которым их обмеривают жрецы золотого удава.

Обмеривание продолжается за плечами согбенного над своим трудом человечества, и золотая валюта покоряет международным банкирам страну за страною под победные гимны печати.

Цены всех товаров падают. Никакие количества вывозимых товаров не могут покрыть процентов по государственным и частным долгам. Приходится прибегать к новым займам. Задолженность всех великих держав в последние 25 лет достигает баснословных размеров. Наилучшие природные богатства народов переходят в руки международных банкиров. Народы бедствуют, разоряются. Промышленность несет тяжкие убытки вследствие понижения цен или сокращения спроса со стороны сельского населения. Земледелие приведено на край погибели.

Земледельца утешают нелепою легендой перепроизводства. Привыкший доверять периодической печати, он начинает верить в то, что он сам и его производство более не нужны, что земледелие — источник существования народов — отживает свой век, должно уступить высшим формам культуры. Где ему решать сложный вопрос о валюте, когда не хватает ума, чтобы в своем хозяйстве свести концы с концами? Сбитый с толку, земледелец не видит связи между ценами и валютою. Он видит, что сельское население, бросая землю, бежит в большие города. Он сам, быть может, уйдет туда от разоренной земли. Большие города защищают золотую валюту, а интересы земли отступают на второй план..

ЗАМКНУТОЕ БОГАТСТВО

МЕНЬШИКОВ Михаил Осипович
1859 — 1918

Выдающийся русский публицист и мыслитель; стоял твердо на позициях экономической автаркии, которая, по его мнению, для России жизненно необходима, чтобы перекрыть «течь» российских ресурсов за границу. Меньшиков справедливо отмечал, что русский народ беднеет не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, но значительная часть его усилий идет в пользу стран Западной Европы. Внешняя торговля сырьем выгодна для Европы, но разорительна для России. Необходимо свести до минимума вывоз ресурсов заграницу, сосредоточив все усилия на внутренних экономических проблемах. Только таким образом сила и мощь России будет незыблема.

Все — свое

Имперциальная идея, приписываемая г. Чемберлену, очень проста, изящна и умна. Она может быть подсказана политическим и моральным отчуждением, которое особенно резко обнаружилось во время войны с бурами. «Если Англия одинока, так пусть же она будет одинокой, и пусть мир посмотрит, кто будет в проигрыше». В своих неизмеримых пределах Англии не тесно; сама она с ее колониями представляет еще не сложившийся, но замкнутый мир, который мог бы прекрасно существовать без участия остального человечества. Англо-колониальная федерация включает в себя все широты и дол-

готы, все климаты, почвы, все царство флоры и фауны. Тут есть и неистощимые житницы хлеба, и поставщики мяса, и рынки шерсти, хлопка, дерева, меха и пр. и пр. Все металлы и минералы в черте этой империи свои. Сама же Англия в состоянии завалить фабрикатами полмира. Все элементы системы налицо, остается их уравновесить, сорганизовать, и вот вам идеальное «замкнутое» государство, о котором мечтали философы. Это было бы политическое perpetum mobile, которое решило бы задачу абсолютной народной независимости. Пока англичане в хлебе зависят от американцев и русских, в лесе — от норвежцев, в шелке — от французов и т.д., они не могут назваться вполне свободными. Вполне свободный народ зависит только от своей природы и самого себя. Только при этом условии он имеет право воскликнуть: «Мы никого не боимся, кроме Бога!»

Английские империалисты мечтают отделиться от человеческого рода, ничего не покупать у соседей и продавать им лишь свои избытки. Идея эта, хотя она принадлежит нашим политическим врагам, блестящая. Как все, что изобретает современный английский ум, она отличается эгоизмом; в корне своем она, если хотите, безнравственна, но для англичан она выгодна. Моральный смысл ее — отказ от всечеловеческого братства, от мирового единения, которое поддерживалось и развивалось всего лучше международной торговлей. Государственный смысл ее в том, чтобы соединить в одно грозное, невероятно огромное государство рассыпанные, почти независимые земли, и таким образом, если не теперь, то в будущем, представить силу, господствующую на земле. Коммерческий смысл тот, что все барыши всей всемирной торговли оставить дома, чтобы ни один английский шиллинг не ушел из отечества, чтобы весь безмерный капитал Великобритании был приложен к обработке исключительно своей природы. Теперь, покупая в России хлеб, масло, яйца, пеньку и пр., Англия поддерживает этим русское земледелие, ското-

водство, куроводство и т.п. Лучше же поддерживать все это в своих колониях, как и последним — покупкою фабрикатов — лучше же поддерживать свою метрополию, чем враждебную Германию или Францию.

Мысль холодная, недобрая, но умная. Человечеству, имеющему несчастье торговать с Англией, придется-таки подумать и подумать, если замысел Чемберлена удастся. Это уже не война с бурами, это скрытый удар, направленный против многих экономически слабых стран, в том числе против России. Устройся всебританская федерация — а почему бы ей не устроится? — это тихое события, вроде наступления ледниковой эпохи на соседнем материке, может чрезвычайно пошатнуть и нашу экономическую природу и дать ей совсем иной характер. Вспомним, что о таком же замкнутом союзе мечтают Соединенные Штаты, и их мечта накануне осуществления. Вспомним среднеевропейский таможенный союз. России, может быть, волей-неволей придется или вступить в экономическую федерацию с еще незамкнутыми державами, или и самой попробовать уединиться в своих огромных границах, поискать дома всего, что ей нужно. Подумаем, возможно ли это и насколько вообще это разграничение в интересах цивилизации.

Der Mensch kann Alles, was er will. Почему же невозможно устроить и замкнутое государство? Слово «нельзя» до такой степени не делает честь человеку, что его непозволительно произносить без строгого исследования. В эпоху Петра Великого нам было бы безумно думать о замкнутом государстве: или пришлось бы отказать своему народу навсегда в тех способах счастья, какие на Западе сделались уже доступными, или ждать с опасностью военного разгрома — еще тысячи лет для самобытного развития науки и промыслов. Поколение Петра I решило, что выгоднее открыть границы, выгоднее заимствовать все, созревшее на Западе, и перенести его на нашу почву. Может быть, многое при этом было заимс-

твовано напрасно, но действительность показала, что нужно было не менее двухсот лет, чтобы только завязать у нас культурные промыслы, довести их до нынешнего — все же невысокого уровня. В ожидании, пока наша собственная промышленность сравняется с европейской, пришлось обработанные товары брать с Запада, отпуская взамен их необработанные. Если бы европейская промышленность осталась на том уровне, на каком она была во времена Петра, мы давно бы догнали Европу и уже давно освободились бы от торговой дани ей; говорю дани, так как обмен сырья на фабрикаты почти равносилен промену капитала на проценты. Страны, отпускающие сырье, торгуют, в сущности, собственной кровью, они не только истощают весьма исчерпаемые запасы своей природы — почву, леса, недра гор — но как бы ставят крест над собственной народной энергией. Последняя обрекается на самые тяжкие, наименее производительные, рабские формы труда. Задержанный в качестве труд вынужден растрачиваться в количестве: чтобы получить из-за границы фунт обработанного металла или шерсти, нужно отпустить туда 3 пуда хлеба или масла.

Нет сомнения, что мы выбились бы из этой барщины, которую служим Западу, если бы он не менял своих промыслов и не шел гигантскими шагами вперед. Но если Россия в век Петра как бы проснулась и бодро вышла в путь, то Запад одновременно прямо ринулся вперед, ринулся с быстротою, и для него еще небывалой. Мы отстали и, может быть, во многом еще отстаем, но не стоя на месте, а на ходу. И догнать Запад совершенно невозможно, пока границы открыты. Вы скажете, что закрытие границ вернуло бы нас к допетровским временам. Но это едва ли так. В век Петра у нас ничего не было, кроме почвы, и даже семена культуры можно было достать только на Западе. Теперь мы уже имеем обеспеченные всходы, местами совсем созревшие. Тогда Петру приходилось собственноручно строить

корабли, переводить уставы и учебники, теперь мы имеем не только свои верфи, но и академии, и университеты. Если европейская культура у нас еще не мобилизована с тою роскошью, как на Западе, то необходимые кадры ее уже налицо. Решительно нет ни одного промысла, который бы не мог у нас быть поставлен собственными средствами. Исчезни вся цивилизация — одного Петербурга было бы достаточно, чтобы снова восстановить ее.

Если при Петре приходилось посылать молодых дворян в Европу учиться арифметике и географии, то теперь даже такие ученые, как Вирхов, иногда находят, чему поучиться в России. В некоторых, хоть и немногих областях, Россия уже впереди Запада. Если бы Густав-Адольф встал из гроба и повторил свою знаменитую фразу о «ручейке, который русским не удастся перепрыгнуть», если бы, вспомнив завет этого умного короля, вся Европа отгородилась бы от нас Китайской стеной, то теперь это для нас не представлялось бы слишком страшным. У себя дома мы имеем уж Европу: мы уже не Азия и ею больше никогда не будем. Пусть Европа и весь свет прекратят с нами торговлю, но их умственное движение разве может быть от нас скрыто? Если не самые вещи, то идеи их разве не будут нам известны на другой уже день по их появлении на Западе? Это в средние века изобретение оставалось неизвестным за триста верст, и это тогда были возможны секреты, погибавшие со смертью тех, кто знал их. Теперь, кроме центробежных политических сил, есть такие центростремительные могущества, как наука — по самой природе своей международная, как печать — главное орудие науки. Возможен таможенный, промышленный, биржевой, политический бойкот, но лишить нас и умственного общения с собою Европа не может, а при этом условии мы уже в состоянии создавать сами все вещевые ценности.

Одиночество как сила

Говорят, как заученную фразу, что union fait la forse. Человечество погибло бы, если бы снова, как некогда, утратило теперешнее общении духа. Обмен мысли позволяет каждой точке земли жить творческой силой всей ее поверхности, отдельному человеку — всеми средствами человечества. Только единение мысли позволяет формуле прогресса приобретать то могущество, которое в механике дает массе ускорение. Потерять этого рода единство было бы крушением человеческого господства на земле. Говорят много хороших вещей о единстве, припоминают басню Эзопа о пуке палок и пр.

Все это так. Единение — благо, однако и тут должна быть соблюдена мера, которая обеспечивала бы разум явления. Сказать, что единство мысли всегда полезно, было бы большой ошибкой. При широком обмене мыслей нередко берут верх не лучшие из них. Часто наслоение предвзятых идей создает очень вредное и в то же время неодолимое внушение, которое не только не способствует прогрессу, но прямо-таки останавливает его. Вся так называемая ложная ученость, суеверия философских и фанатизм религиозных школ создавались именно чрезмерным единством мнений: невежество, как справедливо заметил Руссо, ближе к истине, чем предрассудок, а предрассудок всегда создается умственным объединением толпы. «Силен бываешь только тогда, когда один», — говорил благородный д-р Штокман у Ибсена. Великие вероучители и вожди человечества обыкновенно были одиноки — и никогда мысль их не была блистательнее, чем в это время. Но даже святые истины теряли в глубине и ясности, когда делались достоянием многих. Ничто великое — ни картина, ни статуя, ни архитектурное здание, ни трагедия, ни ученый трактат — ничто совершенное не выходило иначе как из одиноких рук. Даже мир можно понимать созданным не иначе как одной Волей. Умственное общение наше с Западом

имеет не только выгодные стороны. Принимая чужие идеи, достающиеся дешево, часто весьма относительные, мы растериваем свои, основанные на прочном опыте. Подчиняясь всемирному хору мнений, слагающемуся в значительной степени стихийно, мы утрачиваем ту честность мысли, которая отличает всякую индивидуальность. В самом внутреннем и важном отношении мы теряем свою народную душу, заменяя ее безразличной международной. Но вдаваясь глубже в этот вопрос, ограничиваясь намеком, прошу припомнить то, что говорит психология о роли слишком большой толпы и массовых внушениях. Единение мысли, столь благодетельное для широты ее, очень вредно отражается на глубине. Нет сомнения, если бы Россия могла несколько эмансипироваться от гнета ей чуждых умственных влияний, ее собственное духовное творчество только выиграло бы. Если вы мне укажете на Китай, я скажу, что и он погублен чуждыми влияниями: роль последних сыграла его собственная древность, давно отжившая, опереженная жизнью. Чрезмерное единение опасно даже с предками: слишком далекие от нас, жители иного века, в качестве наших учителей они являются иностранцами. Такими иностранцами были для иудейства их древние авторы или для средневековых ученых Аристотель. Так что формулу «единение дает силу» следует пополнить поправкой «а иногда дает и слабость».

Но сторона материальная?

Мне кажется, если бы Россию принудили поискать в самой себе все необходимое, то она, потрудившись несколько, и нашла бы все это. Без принуждения мы никогда не соберемся исследовать свою природу, приложить свою собственную энергию, свой гений к ее дарам. Как бы роскошно ни поднялась наша собственная промышленность, известная доступность иностранной будет угнетать ее. Чужое, хотя бы посредственное, помимо внутренней ценности, имеет очарование «не нашего», и «наше», даже при высоких покрови-

тельственных тарифах, развивается плохо. Но если Англия, Тройственный Союз, американский союз составят замкнутые группы, если нам волей-неволей придется замкнуться, то мне кажется, получится в конце концов не проигрыш, а лишь временное расстройство, после которого начнется, может быть, небывалый еще действительный расцвет русской жизни.

В самом деле, что, собственно, дало России тесное коммерческое сближение с Европой? Оно европеизировало нас, но обрекло в то же время на экономическое рабство Западу. Образованное общество привыкло к иностранным фабрикатам, которые вытеснили немало наших собственных промыслов, например, завязавшиеся производства тканей, утвари, мебели, украшений, драгоценностей. Наши полотна, сукна, ковры, узоры, сундуки, ларцы, кресла, изделия гончарные, лаковые, серебряные и др. или совсем были вытеснены, или оттеснены с большого рынка. Наше виноделие до сих пор не может подняться из-за конкуренции заграничных вин. Когда-то славилось железное, кожевенное, деревянное, шелковое производства — теперь они упали. Нет сомнения, что заграничный товар отличается и дешевизною, и доброкачественностью, но тем менее надежды русскому производителю одержать победу над ним. На первый взгляд, не все ли равно, где купить сукно русскому покупателю, за границей или дома, лишь бы оно было хорошее. Но миллионы таких покупок создают судьбу народную. Если вы купите аршин сукна в Англии, вы дадите дневную работу Англичанину, накормите его семью. Тот же аршин, купленный дома, накормил бы русского работника. Если русское образованное общество, состоящее из землевладельцев и чиновников, все доходы с имений и жалованья передает за границу, то этим оно содержит как бы неприятельскую армию, целое сословие рабочих и промышленников чужой страны. Свои же собственные рабочие, сплошною, многомиллионной массой, сидят праздно. Вы скажете — они не могут сидеть праздно, так как, чтобы уплатить помещикам

и государству требуемые деньги, они должны производить то, за что дают за границей деньги, то есть хлеб. Но я уже говорил выше, до какой степени невыгодно народу специализироваться на производстве сырых продуктов и вообще на черном труде. Далеко нечего ходить: сравните доходы чернорабочего со своими. Государства, не сумевшие развить в себе высшие промыслы или добровольно отказавшись от них, начинают играть в семье народов роль темных бедняков, которые всего только и умеют, что почистить трубы или натереть полы. Мы, в течение двухсот лет вывозящие только сырье, рискуем навеки остаться в положении простонародья на всемирном рынке: от нас всегда буду требовать много работы и всегда будут бросать за это гроши. Народу-пахарю, чтобы как-нибудь свести заграничный баланс, приходится напрягать последние силы — и свои, своей природы, приходится распахивать гораздо большую площадь, чем это необходимо для собственного прокормления, и отпускать за границу гораздо больше, чем страна может вывезти без опасности для самой себя. Известно, что средняя пищевая норма народного потребления у нас на 13% ниже, чем за границей; стало быть, от необходимого куска хлеба народу приходится отламывать восьмую уже часть; даже в урожайные годы народу в целом его составе приходится недоедать. Но на народном питании покоится вся сила государственная и вся судьба племени.

Как видите, замкнутость западных стран, угрожающая лишить нас вывоза, бьет в самый центр теперешней экономической жизни, в кусок хлеба.

Замкнутое богатство

Вы скажете, что закрытие границ отразиться крайне неблагоприятно на тех, кто ведет внешнюю торговлю. Коммерческий интерес, взимаемый с производителя и с потребите-

ля, исчезнет из их рук. Я замечу, что все это очень возможно. Трудно предположить, чтобы столь крутой поворот, если мы будем принуждены к нему, прошел совершенно незаметным. Вероятнее всего, что он вызовет известное и, может быть, существенное перераспределение коммерческих барышей. Но так как взамен потерянного хлебного рынка Россия получит свой внутренний рынок мануфактурный, то капитал, которому ведь все равно, чем ни торговать, довольно скоро приспособится к новым условиям, примет другие, внутренние пути. Некоторые отдельные лица, как всегда бывает, разорятся, многие — разбогатеют. В общем, государственное богатство должно не проиграть, а выиграть, и совершенно в тех же отношениях, в каких рассчитывают выиграть англичане, устраивая замкнутую федерацию. Их доводы, весьма серьезные, как раз применимы к нашей стране; у нас ведь тоже есть все климаты, все почвы, все царства природы, все естественные области и угодья. У нас земледелие могло бы прокормить не только себя, но и горные промыслы, как последние могли бы удовлетворить все нужды земледелия. Лесной район мог бы снабжать лесом всю Россию и т.п.

Если страна, подобно России и Англии, достаточно обширна, то закрытие границ не только не понижает народного богатства, но повышает его. Замкнутость дает богатству регулирующий принцип, обыкновенно расстраиваемый внешней торговлей. Все организмы замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил. Раз в самой стране тратится все, что в ней приобретается, получается круговорот сил, жизненное равновесие, как в девственном лесу, как в Китае, когда он был замкнут. Можно сказать даже, что если богатство тратится в своей стране, то оно не тратится вовсе, а в общей сумме только накапливается. Поедаемый хлеб превращается в народную энергию, которая переходит в тысячи вещей, назначение которых оберегать эту энергию, усиливать ее. Это как в налаженном хозяйстве: скормленный

овес не исчезает совсем, а превращается частью в мускулы скота и в новую работу, частью в навоз и новое плодородие. Замкнутые страны, если они культурно организованы, способны только богатеть. Беднеют лишь те государства, у которых есть коммерческая течь, у которых часть народного достояния непроизводительно уходит за границу. Раз мы не будем терпеть убытка на международном обмене, для нас столь невыгодном, пока мы торгуем сырьем, у нас будет закрыта та изнурительная фонтанель, которая старой экономической медициной почему-то считается целебной. Наш народ обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная, вложенная в сырье, как пар из дырявого котла, теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает. Но если прекратится вывоз, спросите вы, то откуда мы возьмем средства платить проценты по внешним займам и самые займы? На какие деньги будем содержать посольства и военный флот в заграничных водах? На что будут существовать наши многочисленные путешественники и больные за границей? Раз необходимо выбрасывать из страны ежегодно сотни миллионов, нужно, чтобы они как-нибудь возвращались к нам. Вывоз решительно необходим, иначе все наше золото мгновенно и навсегда утечет за границу.

Ну да, отвечу я: вывоз решительно необходим при теперешних наших отношениях к Западу. Но ведь мы же и не собираемся сами прекращать хлебного вывоза. Речь идет лишь о том возможном случае, если нас принудят к такому закрытию. Сколько ни твердите, что вывоз необходим, но если его закроют для нас, то ведь придется волей-неволей искать какие-нибудь выходы из этого затруднения. Замкнутость, если нам ее устроят соседи, потребует, конечно, национализации нашего государственного долга. Может быть, и с внешним долгом пришлось бы поступить так, как дважды в послед-

нее столетие было поступлено с внутренним долгом, то есть прибегли бы к девальвации, к понижению и капитальной суммы, и процентов по ней. Я отнюдь этой меры не рекомендую, но она практикуется. Замкнутость границ для туристов повела бы к развитию внутренних курортов и внутренних путешествий, к сокращению всех внешних трат до нормы золотого притока к нам из-за границы. Ведь и к нам тоже приезжают иностранцы, у нас проживают чужие посольства, к нам заходят иностранные суда. Некоторое возмещение заграничных расходов было бы возможно помимо вывоза и ввоза. Золото ушло бы за границу лишь в случае непрекращающегося ввоза, но он немыслим, если прекращен вывоз. Надо заметить, что в замкнутых государствах денежная система не требует обилия золота, и естественный прирост этого металла добычей из земли, может быть, был бы достаточен для оплаты неторговых сношений между народами.

Я не хочу пускаться в догадки, я не уверен в возможности полного закрытия границ, как бы ни мечтали об этом англичане и немцы. Полная замкнутость — теоретическая идея, но известные приближения к ней допустимы и даже вероятны. Пусть нам удастся отстоять какие-нибудь мелкие рынки для сырья, но сокращение вывоза даже наполовину может в корне изменить внутреннюю жизнь России. А подобное сокращение почти неизбежно. Я хочу сказать только, что пугаться этой беды нет причин. Столь мощный стихийный организм, как народ, не только приспособится к новым условиям, но, как мне кажется, найдет их более легкими, более естественными для себя. На наших коммерческих сношениях с Европой лежит печать глубокого суеверия — будто они источник нашего богатства. Пора бы тщательно проверить это и подробно обсудить. Может быть, как я убежден, открылось бы, что эти торговые сношения скорее источник нашей бедности, что подобно тому, как у всех отсталых и «патриархальных» народов, наша торговля с культурными соседями

выгодна для соседей и разорительна для нас. Европа для России, мне кажется, то же, что деревенский кулак для своей деревни. Кулак обыкновенно энергичнее, смышленее, грамотнее крестьян, он тоже променивает им за их сырье — цивилизованные продукты: водку, ситцы, крендели, керосин, сахар и т.п. В миниатюре тут идет та же международная торговля, но рассмотрите ее результаты. Деревня, несомненно, нищает, входит — как и отсталые страны — в неоплатные долги, тогда как кулак строит себе каменный дом с железной крышей и заводит рысаков. Нельзя сказать, что деревня вовсе не нуждается в цивилизованных продуктах, но они обходятся ей втрое дороже их действительной цены.

И как бы ни нужны были деревне ситцы, крендели, сахар и т.п., все же нельзя сказать, что они безусловно необходимы. Исчезни кулак, деревня временно поскучала бы — привычки менять трудно, — а затем стала бы понемногу заменять недостающие товары самодельными: ситец — холстом, чай-сахар — квасом, водку — брагой и т.п. Ведь жила же когда-то, каких-нибудь пятьдесят — сто лет назад, не только деревня, но и дворянская усадьба средней руки «своим добром», сама себя одевала, кормила, поила и развлекала, и жили тогда, в общем, не хуже теперешнего.

Сближение с Европой разорило Россию, разучило ее обслуживать свои нужды, лишило, как кулак деревню, экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но страшно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи — сделались народу уже почти едва доступными. Они обираются начисто скупщиками и увозятся в «центры», «за границу». Мне кажется, лучше бы опять вернуться, хоть в некоторой степени, к старому порядку, то есть чтобы яблоки были снова дешевле апельсинов.

Я думаю, счастье народное не в том, чтобы потреблять хоть плохие, но чужие товары, а в том, чтобы было достаточно доброкачественных своих. Вся Россия переоделась в кумач и ситцы, но холст был крепче и мог бы быть красивее этих тканей. За холст мужик платил природе своей работой, он получал этот товар не из пятых рук, как ситец, и не приплачивал за него ни деревенскому, ни городскому кулаку, ни фабриканту, ни плантатору хлопка, ни железным дорогам, ни складам и т.п. Беря непосредственно из земли, обрабатывая сам сырые материалы, мужик все накладные барыши, все «добавочные стоимости» оставляет в кармане.

Природа не купец: она лихвы не требует, и она всегда остается самым дешевым поставщиком вещей. Прежде баба ткала холсты в зимние вечера и ночи, прежде каждому свободному получасу простой девчонке находилось дело: она садилась за прялку, за ткацкий стан. И вся семья была одета, и у каждой бабы были запасы полотна, кружев, полотенец, белья. Теперь у баб зимой уйма времени, они дуреют от скуки, но семья ходит оборванная. Купить ситцу, конечно, в тысячу раз легче, чем соткать холст, но на что купить? «Купишь уехал в Париж, а в кармане остался шиш», — говорит наша пословица. Именно в Париж уехал наш русский «купишь».

Чтобы добыть двадцать копеек на покупку двух аршин коленкора, бабе приходится идти за двадцать верст с десятком яиц, терять целый рабочий день, чтобы продать их, тратить на ходьбу столько сил, сколько достаточно было бы для того, чтобы соткать, может быть, десять аршин той же ткани.

«Китайская стена»

Немножко замкнутости нам не мешало бы — вот моя мысль, которую прошу не преувеличивать, не придавать ей крайности. Я далек от того, чтобы проповедовать «Китай-

скую стену» между народами, хотя, сказать в скобках, эту знаменитую стену вовсе не считаю такой глупостью, как это принято. Отгородиться от дурных соседей, от хищников, вовсе не худо. Одно из двух — или существуют отдельные человеческие хозяйства, именуемые государствами, или их нет. Если они есть, то, как и маленькие хозяйства, они должны быть в известной степени замкнутыми, уравновешенными сами в себе, и нельзя допустить, чтобы одно большое имение жило за счет другого. Иметь «все свое» — это философский идеал, и он мне кажется пригоден и для отдельного человека, и для народа. Как бы ни казался выгодным торговый взаимообмен, требуется крайняя осторожность, чтобы не остаться в проигрыше, не променять дорогое на дешевое. Это вовсе не национальный эгоизм. Не признавайте, если хотите, наций, не признавайте государств, считайте весь род людской за одну семью, считайте необходимой полную свободу обмена, как между братьями. Но тогда откажитесь вовсе от торговли — между «братьями» какая же возможна торговля? По-евангельски, имущие должны делиться с неимущими, вот и все. Если же обмен невозможен иной, кроме торгового, то я не хотел бы быть коммерческой жертвой даже родного брата. Если под предлогом «братства народов» Европа пушками заставляет Китай покупать опиум, если под предлогом просвещения России к нам ввозят тысячи сомнительных вещей, обходящихся втридорога, то такое «братство», такое «просвещение» должны быть строго проверены и, если это нужно, — отклонены. Ломоносов говорил, что не хотел бы быть дураком у самого Бога. И великому народу непристойно играть глупую роль — роль простака, на шее которого усаживаются более ловкие собратья. После обмана ближних всего позорнее быть самому обманутым. А в это глупое положение поставлен целый ряд народов. Кроме Индии, Китая, Египта, просвещенные мореплаватели высасывают Испанию, Португалию, Грецию, отчасти Италию. Они же вместе с француза-

ми и австрийцами разорили Турцию, некогда столь богатую, убив своими фабрикатами ее народную промышленность. В значительной степени то же происходит и с Россией. Мы разоряемся от множества причин, но невыгодная наша связь с Западом — одна из главных.

«Да, но как быть с братством человеческим? — спросите вы. — Как быть с всемирным единением, с прекрасной мечтой о том времени, … когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся?»

Я позволю себе заметить, что некоторое материальное разъединение, может быть, лучше всего способствовало нравственному единству народов. Может быть, именно кипучий обмен товаров, причем каждая нация старается сорвать побольше со своей соседки, доводит международные отношения до теперешней раздраженности. Вспомните знаменитые «интересы Англии» на всех точках земного шара. Будь Англия замкнутым государством, она не имела бы повода опозорить себя бесстыдными захватами. Целые реки человеческой крови в Америке, Африке, Азии и Австралии остались бы не пролитыми. Если бы далекие народы не видали английских пароходов и броненосцев, они судили бы об Англии по ее литературе, философии, науке. Они уважали бы ее более, чем теперь, и, может быть, любили бы. Вслед за британскими интересами тянутся германские, подкрепляемые тоже «бронированным кулаком». Тысячи вещей, получаемых нами из Германии, ни на йоту не вызывают у нас братских к ней чувств, хотя прежде один Шиллер или Гете, Гегель или Моцарт совершали настоящие завоевания, роднили нас с Германией, как со вторым отечеством. Пока речь идет об идеалах, о красоте, истине, добре, пока идет обмен духовного богатства — мы друзья и братья, но стоит аграриям закричать о тарифе на хлеб, о запрещении ввоза гусей, как отношения наши портятся. Народы, мне кажется, чрезмерно и безо всякой нужды погрязли в рынках друг друга,

они торгуют слишком много и часто совершенной дрянью. Это вовсе не взаимопомощь, а взаимное развращение. Распаленная корысть расстраивает достойные отношения. Сильно расторговавшись, народы утрачивают благородный склад души, они обмещаниваются, жидовеют, начинают смотреть друг на друга не как на друзей или честных врагов, а как на коммерческую добычу. «Не обманешь — не продашь» — это девиз не только грубой торговли, но и самой тонкой. Обмен невозможен без обмана, вольного или невольного, невозможен без известного гипноза, соблазна, моды, подражания, без некоторого легкого помешательства покупателей. Если вспомнить, что три четверти вещей удовлетворяют тщеславию, а половина остальных — жадности, то психологическая близость обмана и обмена стала ясной. А на чем, как не на заблуждении публики, основана борьба рынков, биржевые ажиотажи, все эти банковские крахи и банкротства? Если все это — «единение», то не худо, если бы его было поменьше. Торговля в каком-то своем фазисе сближает народы, но теперь и без помощи караванов и ярмарок мы знаем друг о друге все нужное, и даже знаем много лишнего. Торговля знакомит очень часто с тем, чему лучше бы остаться неизвестным. Если бы путем торговли не распространялись по земле: спирт, табак, опий, порох, соблазнительные книги, картины и предметы, целые породы людей были бы сохранены, уцелели бы многие прекрасные миросозерцания и культуры, художественно слагавшиеся в некоторых замкнутых странах. Соединяя народы в области чувственной, торговля ослабляет идеальные отношения. Ели мы любим до сих пор Италию, Испанию, Грецию, Голландию и т.п., то может быть, потому лишь, что не торгуем с ними. Мы любим их платонически, за их красоту и гений. Когда-то наши деды так же увлекались Францией, Англией, Германией. Теперь наши чувства к последним странам остыли. Мы слишком связаны с ними материально. Мы безотчетно сознаем в лице этих народов,

кроме умственной, еще какую-то иную силу, для нас опасную — силу богатства, пускающего корни в нашу бедность и высасывающую из нее соки.

Когда к нам вторгаются иностранные капиталы, мы знаем, что не для нашей, а для своей выгоды они пришли в Россию и что вернутся они, нагруженные нашим же добром. Но товар иностранный есть скрытая форма капитала — он всегда возвращается за границу, обросший прибылью. Сознавая это, не следует слишком жалеть, если Россия окажется замкнутой. Немножко отдохнуть от иноземной корысти, немножко эмансипировать от Европы нам не мешает.

УРОКИ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Предвидения русских экономистов

Уроки экономической мысли имеют огромную ценность для настоящего времени, позволяя понять главные причины нашей сегодняшней экономической катастрофы, а также дают возможность определить пути выхода из нее.

Прежде всего, что поражает в русской экономической мысли, это гениальность предвидения тех трагических событий, которые произошли в русской и мировой экономике в XX в.

Конечно, речь идет в первую очередь о предсказанном русскими экономистами мировом хозяйственном порядке, установленном западными странами в XIX в., позволявшем через биржи и банки, манипулируя курсами золота и валют, управлять абсолютным большинством человечества. Природные и экономические ресурсы стран, не принадлежащих к западной цивилизации, переходят под власть международных банкиров и автоматически перекачиваются в пользу западных владык и мировой закулисы, а сами эти страны беднеют и впадают в нищету.

Русские экономисты И. Кокорев, С. Шарапов, А. Фролов, Г. Бутми, М. Меньшиков и др. открыли феномен богатения западного мира за счет чужих ресурсов. Современная западная экономическая система — это сложная финансовая пирамида, постоянно балансирующая на грани гигантской экономической катастрофы. Как неоднократно отмечалось,

из всех потоков денежных знаков и ценных бумаг только 10 — 15% носят производительный характер, т.е. обеспечивает реальное производство товаров и услуг, все остальные 85 — 90% являются виртуальным, фиктивным капиталом, не обеспеченным реальными ценностями. С христианской точки зрения, это ростовщический капитал, поработивший реальное производство и превративший в экономических рабов большую часть населения «третьего мира», России, Китая. Самым ярким выразителем экономического паразитизма являются США. Эта страна, составляющая сейчас только 5% населения, использует 40% мировых ресурсов, а контролирует еще больше.

Каждый американец сегодня потребляет за восьмерых жителей земли, а по сравнению со странами, не относящимися к «западной цивилизации», — даже за 12 человек.

Неужели кто-то может поверить, что такой сверхизобильный уровень потребления обеспечивается только за счет особого трудолюбия или высокой производительности труда?

Существует абсолютно неверное представление о том, что американцы — самый трудолюбивый народ, а его богатства — результат продуктивного труда. Это справедливо только по отношению к небольшой части населения, которая действительно работает очень напряженно и эффективно. Однако она составляет меньше трети работоспособного населения страны.

По данным официальной статистики, ок. 40% населения в возрасте от 16 лет и выше не работают. Не ходят на работу 30% американцев и 50% американок. Более 10% населения в трудоспособном возрасте работают неполный рабочий день. Таким образом, в целом половина населения США либо не работает вообще, либо работает мало. В США существует многомиллионный слой людей (ок. 5% трудоспособного населения), которых можно назвать воинствующими тунеядцами. Эти люди нигде не работают, презирают всякий труд

и живут на разные пособия и талоны на питание, полученные от государства.

Среди значительной части белого населения Америки живет неистребимое предубеждение против физического труда. Выполнять его, по мнению многих американцев, считается унизительным. Проведенные социологические обследования показали, что преобладающая часть американцев предпочитает вообще не работать, чем выполнять труд, не соответствующий их социальному статусу. 90% всех тяжелых, грязных и непривлекательных работ выполняют черные, индейцы, а также различные эмигранты, прежде всего пуэрториканцы и мексиканцы. Средняя продолжительность трудовой жизни (трудовой стаж) работающих американцев составляет не более 33 лет.

Реальные доходы американцев в 80-е гг. XX в. росли в два раза быстрее производительности труда. Это означает, что рост жизненного уровня населения Америки осуществляется не только за счет роста производительности труда, а имеет еще другие нетрудовые источники.

Нужно ясно понимать, что никакая самая современная техника и технология не может увеличить количество природных ресурсов, а только ускоряет их обработку и движение в пространстве. А это означает, что Америка, потребляя 40% общечеловеческих ресурсов, использует особый финансово-экономический механизм, создав систему перекачки ресурсов, принадлежащих всему человечеству, в свою пользу. Суть этого механизма в создании фиктивных ценностей и неравноправного по отношению к другим странам обмена товарами и услугами.

Первым инструментом перераспределения ресурсов других стран в пользу США является огромное количество необеспеченных долларов, которые американская система пустила на мировой рынок. Ценность их поддерживается только мифом «Великой Америки». Американская финансовая сис-

тема — это невиданная прежде мировая афера, которая рано или поздно взорвет финансово-экономическую стабильность всего западного общества.

Реально доллар как ценность, обеспеченная экономическим и финансовым потенциалом страны, стоит значительно меньше, чем его объявленная покупательная способность. Это дает Америке возможность за необеспеченные реальными ценностями бумажки перекачивать себе огромные ресурсы, принадлежащие другим странам. Главный товар Америки, на котором она больше всего «зарабатывает» на мировом рынке, это не техника и машины, а бумажные доллары с искусственно повышенным курсом покупательной способности. Американская финансовая система построена так, что постоянно балансирует на краю долговой ямы. Все, начиная от подавляющей части частных американцев и кончая американским государством, живут в долг.

80% американцев покупают дома, машины, другие товары длительного пользования в кредит. Сегодня размер потребительского кредита, т.е. частной задолженности американцев, составляет ок. 1 трлн. долл. Еще более велика, просто колоссальна внутренняя задолженность американского государства. В н. 90-х гг. XX в. она превышала 3 трлн. долл. Большая часть социальных программ и военных расходов финансировались за счет внутренних займов. Общая же задолженность и государства, и частных лиц в Америке составляет 4 трлн. долл., или 80% валового национального продукта страны. Был еще и внешний заем в 559 млрд. долл. Так за счет кого же предоставляется столь колоссальный заем? Не за счет внутренних возможностей Америки, а за счет умелого манипулирования и искусственного поддержания высокого курса доллара. Ведь на свои бумажные доллары американцы получали вполне реальные сырьевые и товарные ресурсы. Такое положение терпимо только до первой биржевой паники, когда большое количество держателей долларов осознает их реаль-

ную низкую обеспеченность и постарается быстро избавиться от них, что вызовет цепную реакцию во всем мире. Многие западноевропейские финансисты осознают эту проблему, хотя боятся в ней признаться открыто, чтобы не вызвать той самой паники, которая разрушит западную финансовую систему, основанную на долларе.

Другим инструментом в механизме перераспределения ресурсов стран, не относящихся к западному миру, в пользу США являются намеренно заниженные цены на сырье и топливо, которые США получают из развивающихся стран. Эксперты ООН неоднократно отмечали, что реальные затраты развивающихся стран на добычу сырья и топлива, включая существующие экологические аспекты, значительно выше установленных на них мировых цен.

Занижение цен происходит как за счет значительной недоплаты работникам, осуществляющим добычу (зачастую в несколько раз), так и за счет игнорирования того ущерба, который наносится природе стран — поставщиков сырья. По данным международных организаций, промышленным предприятиям развивающихся стран, экспортирующим свою продукцию в западные страны, пришлось израсходовать только на меры по борьбе с загрязнением окружающей среды на многие десятки миллиардов долл. больше, чем если бы от них потребовалось соблюдать экологические нормы, действовавшие в США.

США проводят целенаправленную политику снижения цен, прежде всего за счет тарифных барьеров на обработанные продукты, не позволяющих развивающимся странам экспортировать уже обработанные сырьевые товары. США вынуждают их продавать только сырье, поскольку львиная доля цены формируется на последних стадиях обработки на предприятиях, которые размещаются уже в США.

Еще одним из инструментов по снижению цен являются внутренние субсидии сельскому хозяйству США, особенно

на производство, дорогостоящее как с экологической, так и с экономической точек зрения. Сегодня США — крупнейший в мире производитель излишков продовольственного зерна, а это оказывает депрессивное влияние на мировой рынок продовольственных товаров вообще.

Занижение цен на сырье и топливо осуществляется пропорционально усилению экономических позиций западного мира, по мере опережающего роста темпов экономического развития. Занижение цен не только остается на одном уровне, но постоянно углубляется. Цены на сырье, за исключением нефти, снизились в н. 80-х в абсолютном выражении. В 1985 индекс сырьевых цен ЮНКТАД был на 30% ниже среднего уровня 1980. Эта тенденция сохраняется до сих пор, усиливая нищету и бедность в развивающихся странах, более миллиарда граждан которых сегодня голодают. Т. о., как отмечается в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию, «бедные развивающиеся страны вынуждены субсидировать более богатых импортеров своей продукцией». И прежде всего США.

Возмутительный парадокс паразитизма США и всего западного мира состоит еще и в том, что, недоплачивая развивающимся странам за сырье и топливо, они опутывают их сетью кабальных долгов, которые сегодня составляют 1, 3 трлн. долл. Во многих странах ежегодная выплата процентов и самого долга превышает сумму новой помощи и новых займов, полученных за это время. Долговые выплаты составляют почти 25% экспорта этих стран. Подобная участь готовится и нашей стране.

США и западные страны через свои финансово-кредитные организации осуществляют тотальный контроль над ценами, закулисно стимулируют конкуренцию и раздор между странами-должниками, вынуждая их в целях уменьшения затрат снижать плату за труд. По данным, приводимым лауреатом Нобелевской премии мира Б. Лауном, введение новой

международной экономической структуры, касающееся более чем 70 стран, снизило реальную зарплату по сравнению с прежней на 30 — 90%. Ограбление развивающихся стран США и его западными соратниками ведет к тому, что в развивающихся странах по этой причине ежегодно только от голода и болезней, связанных с ними, умирают десятки миллионов человек. Только по официальному заявлению ЮНИСЕФ, полмиллиона детей умирают каждый год вследствие долгового кризиса.

Одним из главных средств перекачки ресурсов в Америку из других стран являются транснациональные корпорации (ТНК), по финансовой мощи и масштабам деятельности являющиеся настоящими империями. ТНК почти идентичны понятию крупнейших корпораций США, имеющих филиалы во многих десятках стран мира. Экономический потенциал ТНК огромен. Они производят более половины валового национального продукта страны, их собственные финансовые ресурсы в 3 — 5 раз больше, чем у центральных банков и международных финансовых организаций западного мира.

Перекачка ресурсов других стран в пользу Америки осуществляется ТНК как в форме контроля над жизненно важными ресурсами стран путем размещения дочерних филиалов, так и в форме перелива капитала и товаров в Америку через системы т.н. трансфертных, а на самом деле просто жульнических цен.

Уровень трансфертных цен, по которым производятся расчеты между руководством корпорации, располагающейся в США, и ее филиалами в зарубежных странах, устанавливают совершенно произвольно, исходя только из интересов Америки. С помощью завышения трансфертных цен происходит скрытый перевод прибылей в американские банки из дочерних компаний зарубежных стран, в которых участвует местный национальный капитал. Эта очень распространенная махинация позволяет значительно сокращать распре-

деляемую по дивидендам часть прибыли, которая по справедливости принадлежит стране, где оперирует ТНК. Заведомо завышенные цены, выплачиваемые за поставки товаров и услуг дочерней компанией другим подразделениям ТНК, позволяют обходить валютные ограничения, препятствия по репатриации прибылей, применяемых в странах с целью регулирования платежных балансов. Всего, пользуясь трансфертными (жульническими) ценами, т.е. завышая цену товаров и стоимость услуг при расчете с дочерними филиалами, американские ТНК получают дополнительную прибыль в сотни миллиардов долларов.

Еще одним источником перераспределения дохода в пользу США является экономия на издержках на рабочую силу американского капитала в зарубежных странах. Издержки на рабочую силу в таких странах, как Мексика, Бразилия, Тайвань, Ю. Корея, в 9 — 10 раз ниже, чем в США. Это позволяет США перекачивать в свою пользу значительную часть продукта, принадлежащего работникам других стран.

До т.н. советской перестройки западный мир, и прежде всего США, эксплуатировали Россию за счет занижения мировых цен на сырье и прежде всего на нефть. Солидарная позиция западных стран, их контроль над мировыми рынками делали нашу страну беззащитной перед экономическим диктатом Запада. Позиция России резко ухудшилась в к. 80-х. Кроме заниженных цен на сырье, орудием эксплуатации нашей страны стал неравноправный курс рубля к западным валютам, являющийся результатом манипуляций закулисных дельцов, выражающих интересы паразитических мондиалистских структур Запада. В 80-е и отчасти в 90-е за счет занижения покупательной способности рубля по отношению к западным валютам происходил отток экономических ресурсов из страны фактически за бесценок. Но даже те крохи, которые платили за русские ресурсы, оседали в западных банках и пропадали для России. Получается то, о чем гово-

рил в свое время Меньшиков. Русский народ беднеет не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, но бóльшая часть его усилий идет в пользу Запада. Такой экономический порядок губителен для России и должен быть разрушен. Для разрушения порочного мирового порядка логика русской экономической мысли подсказывает следующее решение.

Во-первых, в силу катастрофической ситуации сегодня требуется установление жесткого контроля над внешней торговлей России, и прежде всего введение государственной монополии на нее.

Во-вторых, реальное соотношение рубля к западным валютам, исходя из расчетов покупательной способности. Запрет на операции с валютой внутри России. Установление монополии рубля как единственного платежного средства. Осуществление государственной политики третирования доллара и др. западных валют, которая позволит подорвать экономические позиции западного мира вплоть до создания биржевой паники с характерной цепной реакцией.

В-третьих, Россия вместе с другими странами, не принадлежащими к западному миру, должна стремиться к реформе мировых цен на сырье и топливо путем включения в них налогов на предполагаемую прибыль в конечном продукте, а также налогов на восстановление окружающей среды в пользу стран-экспортеров.

В-четвертых, Россия должна стремиться к созданию международной организации для установления всеобъемлющего финансового контроля над операциями транснациональных корпораций путем международных договоров, законодательно обязав их во внутренних расчетах использовать мировые цены, в т.ч. и по стоимости рабочей силы с учетом ее качества.

Важнейшим уроком русской экономической мысли, исходя из всего изложенного выше, является вывод о том, что за-

падные экономические стандарты не могут служить ориентирами для развития России, ибо заведомо недостижимы. Но не потому, то мы не можем хорошо работать и создавать высокую технику, а потому, что высокие западные стандарты в значительной степени обеспечиваются неоплаченным трудом населения других стран. Такой путь несовместим с русской цивилизацией и противоречит экономической модели России.

Чему учит история русской экономики

Трагедия русской экономики в XX в. состояла в том, что она была насильственно оторвана от народных корней и стала ареной всевозможных хозяйственных экспериментов, производящихся, как правило, вопреки вековому народному опыту, народной культуре хозяйствования и труда. Были брошены величайшие ценности русской экономики — стремление к самодостаточности и автаркии, общинные навыки хозяйственного самоуправления, трудовой демократии и взаимопомощи, самостоятельности и предприимчивости, крестьянского нестяжательства и отсутствия материальной жадности. Особо горькой была утрата крестьянской общины, в течение многих веков создававшей благоприятные условия для удовлетворительной экономической эффективности и социальной стабильности.

Русская экономическая мысль учит нас, что следует внимательно изучать и использовать вековой хозяйственный опыт и национальные экономические стереотипы. Речь идет, конечно, не о механическом перенесении старых хозяйственных форм в современную жизнь, а об учете культурных и психологических установок, выработанных многовековой историей русского народа и ставших ориентирами его жизни. Прежде всего ставится вопрос о наследовании самого духа

экономики, ее духовно-нравственных начал. Это означает рассмотрение труда с позиций русской экономической мысли как духовно-нравственной, а потом уже экономической и организационно-технической категории.

О том, что такой подход экономически плодотворен и эффективен, свидетельствует развитие на Западе концепции качества трудовой жизни, ставшей своего рода новой идеологией труда, обеспечивающей его высокую производительность. Важно отметить, что русская экономическая мысль на много веков предвосхитила главные положения западной концепции качества трудовой жизни.

Как я уже отмечал, и в народной практике, и в работах русских мыслителей проводилась мысль, что в труде выражается целостность бытия человека. Человек — субъект бытия — соединяется с природой — объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Традиционная западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности.

В прямом соответствии со сложившейся в России традицией труд в концепции качества трудовой жизни рассматривается не как чисто технико-организационная категория (набор определенных трудовых функций), а как неразрывная совокупность трех его сторон — технико-организационной, социально-экономической и духовно-нравственной. Последняя состоит в реализации человека как нравственной и творческой личности, обладающей целенаправленным сознанием и волей и противостоящей процессам, ведущим к ее разрушению.

Вся система понятий, критериев и методов регулирования качества трудовой жизни основывается на необходимости

учета духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, которые являются важнейшей предпосылкой повышения его производительности. Аналогично решается и проблема отчуждения труда, которую, исходя из понятия русской экономической мысли, следует определить как нарушение целостности трудового процесса и жизненных устремлений работника, обеднения духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, сведения его к механическому набору трудовых функций и в конечном счете к падению его эффективности.

Преодоление процессов отчуждения труда и повышение его производительности осуществляется на основе восстановления целостности труда и культуры, возвышения человека как самостоятельной творческой личности. Концепция качества трудовой жизни формирует главные условия, в которых человек может оптимально реализовываться как личность. Прежде всего, это два положения, которые как бы воспроизводят главные черты русского труда в эпоху его расцвета. Во-первых, главным мотиватором труда должна являться не зарплата, не карьера, а удовлетворенность от достижений в процессе труда в результате самореализации и самовыражения, т.е. моральные формы понуждения к труду берут перевес над материальными. Во-вторых, предполагается, что полная самореализация и самовыражение работника может осуществляться только в условиях трудовой демократии. Т. о., русская экономическая мысль указывает дорогу развития эффективных форм организации труда и производства. Как показывала практика, трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. России принадлежит приоритет в развитии различных форм трудовой демократии, классическим образцом которых была артель. Артельные формы труда, существовавшие в России не мень-

ше тысячи лет, по своей организационной структуре близки автономным бригадам, широко распространенным (с 70-х XX в.) в современных странах с рыночной экономикой.

Упор на нравственно-трудовые аспекты хозяйственной деятельности обеспечил русской экономической мысли приоритет во многих областях развития труда, и прежде всего в его научной организации[1]. Еще задолго до исследований Ф. Тейлора, в 60 — 70-е гг. XIX в. в Московском высшем техническом училище разрабатываются и внедряются рациональные методы обучения кузнечному, токарному, слесарному и др. «искусствам». В 1870 училище на мануфактурной выставке в Петербурге было удостоено золотой медали за «отличное выполнение всех выставленных предметов… и преимущественно за почин в весьма высоком деле систематического обучения ремеслам, входящим в круг деятельности механиков…».

Через два года училище было удостоено четырех больших золотых медалей «за выставленные учебные коллекции и машины…». В 1873 на Всемирной выставке в Вене училище за свои учебные пособия получает Медаль преуспевания. Однако русские западники в экономической науке не позволили этой системе распространиться в России. Первыми применять русскую методику в широкой практике начали США. В Массачусетском технологическом институте было построено специальное здание для учебных мастерских, в которых преподавание трудоведения должно было вестись по русской системе. Здесь вышла об этой системе специальная книга. Москвичи по Высочайшему разрешению изготовили и послали в дар Массачусетскому институту набор учебных пособий по программе МВТУ. Вслед за Массачусетским технологическим институтом русскую систему освоили Пенсильванский и Вашингтонский университеты. В 1884 три американских города — Чикаго, Толедо и Балтимор органи-

[1] Научная организация труда двадцатых годов. Казань. 1965. с. 657.

зовали трудовые учебные заведения по типу Массачусетского, а в 1885 их примеру последовали Филадельфия и Омаха. Американцы так оценивали русскую систему: «…сберегает время и деньги». Многие положения русской системы были использованы Ф. Тейлором в его трудах.

В России раньше, чем в Европе и Америке, началось теоретическое изучение достижений человека (И. М. Сеченов). Проф. Савин издает книгу «Резание металла», оцененную в западноевропейской литературе наравне с трудами Тейлора. Создается русская школа научной организации труда — М. Арапов, М. Беспрозванный, П. Богодаров, А. Гастев, В. Железнов, образуется даже специальное издательство, развернувшее «невиданную даже для европейских стран агитацию за принципы научной организации труда». В «Русском богатстве», в «Мире Божьем», в «Журнале для всех» появляются статьи о научной организации труда. Известны успешные попытки внедрения научной организации труда на уральских заводах, и в частности в Лысьве, на заводе П. Семенова в Петербурге. Перед Первой мировой войной в России было восемь заводов, применявших в той или иной форме научную организацию труда, тогда как во Франции был зарегистрирован лишь один. Еще более широко научная организация труда стала применяться на русских оружейных заводах в годы Первой мировой войны.

Уроки русской экономической мысли, подтвержденные современным западным опытом, ориентируют сегодняшнюю отечественную экономику на развитие трудовой демократии и моральной мотивации к труду.

Сегодня трудовая демократия выражается в переходе от жестких авторитарных форм управления трудом к гибким коллективным, артельным формам, расширении реальных прав участия рядового работника в управлении (бригадой, участком, цехом, предприятием), предоставлении ему возможностей широко высказывать свое мнение, участвовать

в обсуждении производственных проблем и принятии управленческих решений. В условиях развития трудовой демократии администрация делегирует участку или бригаде (своего рода артели) ряд функций планирования, контроля, оплаты труда, приема на работу, право самостоятельного выбора бригады. Все члены такой бригады самостоятельно планируют методы работы, устанавливают ритмичность, осуществляют разделение труда на основе взаимозаменяемости исполнителей, контролируют качество продукции. Каждый член такой бригады заинтересован в более полной отдаче и развитии своего трудового потенциала.

Развитие форм трудовой демократии и самоуправления должно сопровождаться процессами обогащения труда — уничтожением монотонности и бессодержательности, объединением разрозненных элементов работы в работу, более соответствующую требованиям самостоятельной личности, расширением функций труда, увеличением меры ответственности, использованием творческих способностей рабочего. Важно, чтобы работник видел перед собой значительную задачу, к решению которой он самостоятельно может приложить свои способности, знания и получить признание.

Русская экономическая мысль подводит нас к необходимости уничтожения порочных бюрократических форм мотивации труда путем применения примитивных систем материального стимулирования. Насаждению рабской психологии, которая присуща большинству современных менеджеров, русская мысль противопоставляет выстраданную многими поколениями наших предков систему моральных стимулов, в основе которой лежит отношение к труду как духовно-нравственной ценности, потребность в творческом, интересном, самостоятельном труде, желание проявить себя наилучшим образом.

Крайне важной при разработке систем стимулирования труда является необходимость учета еще одной важной мо-

рально-психологической черты русского народа — духа нестяжательства, выражаемого в отсутствии у значительной части тружеников стремления к материальному богатству, накопительству, энергичному стяжанию материальных ценностей. Дух нестяжательства не означает, конечно, отказ от материальных благ и желания работать бесплатно, а отражает иной приоритет жизненных ценностей, сложившихся в народной культуре, при котором материальные блага не занимают первого места в жизни. До сих пор для преобладающей части русских тружеников деньги не являются главным мотиватором труда, многие готовы потерять в заработке, чтобы иметь возможность выражать себя, работать самостоятельно, заниматься интересным делом. Вместе с тем, в сознании труженика дух нестяжательства связан с представлением справедливого вознаграждения за хороший труд. Однако стремление к справедливому вознаграждению выступает не как прямой материальный интерес, а как своеобразная форма реализации идеала справедливости. Западническая бюрократическая система и в прошлом, и сейчас доводит до абсурда эту черту русского народа. Нередко делаются попытки использовать дух нестяжательства, отсутствия материальной жадности у работника без создания условий для его самовыражения, самостоятельности, без справедливого вознаграждения, просто эксплуатируя его, неизбежно вызывая деградацию всей системы трудовой мотивации. С советского времени вплоть до сегодняшнего дня одной из главных проблем трудовой мотивации являлось отсутствие справедливого вознаграждения за труд, которое парализует и многие возможности материального стимулирования. Западно-талмудическая система трудовой мотивации формирует фонд оплаты труда по остаточному принципу, оставляя в пользу тружеников в 1-й пол. 80-х менее 40% произведенного продукта, а в 90-х — н. 2000 менее 25%, используя большую часть продукта на содержание паразитических государствен-

ных и криминально-предпринимательских структур (перекачивающих «свою долю» в значительной части за границу).

***

Русская экономическая мысль подсказывает нам, что в исторической перспективе Россия должна стремиться к автаркии. К этому страна предрасположена, во-первых, своими самыми большими в мире природными богатствами, а во-вторых, особенностями национальной модели хозяйствования, имеющей тенденцию к замкнутости и способную к самоограничению. Конечно, создание замкнутого самодовлеющего хозяйства с его самодостаточностью и самоудовлетворенностью никогда не осуществится полностью, да и не является самоцелью. К автаркии нас будет подталкивать система неравноправного обмена между странами Запада и всеми прочими странами путем занижения цен на сырье и рабочую силу. Грабительский экономический порядок, установленный Западом, — это постоянная перекачка экономических ресурсов в его пользу и обнищание других стран. От этого грабительского порядка страну спасет только автаркия.

Конечно, стремление к автаркии не означает полной изоляции от мира, но создание такой мощной хозяйственной системы, которая позволит диктовать западным странам свои условия экономического партнерства, сознательно влияя на уровень мировых цен, исходя из излюбленной на Западе теории предельной полезности. Заградительная таможенная политика, сдерживание и строгое квотирование экспортно-импортных операций позволят стимулировать развитие внутреннего хозяйства и направлять отечественные ресурсы не на паразитическое процветание Запада, а на повышение благосостояния народов России.

Особенно следует подчеркнуть, что основой будущего экономического могущества России станут её самые богатые

в мире природные ресурсы, которым следует распорядиться разумно. А не отдавать, как сейчас, на разграбление международным хищникам и аферистам живущим по законам талмуда. Огромный экономический потенциал будущей России раскрывается в таблицах приведенных ниже.

В н. 2000 опубликованы экспериментальные оценки народного (национального) богатства России, включающие природный капитал. В них были учтены все элементы народного богатства страны, как опубликованные официальной статистикой, так и подготовленные разными российскими ведомствами и учреждениями. Результаты их приводятся в таблице.

Экспериментальные оценки элементов народного богатства России на начало 2000 г.

Элементы национального богатства	Денежная оценка, (трлн руб.)	% к итогу
Основной капитал	15,5	3,6
Материальные оборотные средства	0,9	0,2
Домашнее имущество семей	0,9	0,2
Природные ресурсы	412,8	96,7
Нематериальные активы	1,0	0,3
Итого	**431,4**	**100,0**

В современной экономической науке существуют оценки народного (национального) богатства, включающие не только воспроизводимый и природный капитал, но также и стоимость человеческого капитала с учетом уровня оплаты труда, уровня образования и квалификации рабочей силы.

В к. 1990-х ученые Института экономии РАН рассчитали отдельные элементы народного богатства по расширитель-

ной концепции и сопоставили их с результатами подсчетов по другим странам мира.

Народное богатство России и зарубежных стран (в расчете на душу населения на сер. 90-х)

Страны	Всего	В т. ч. капитал в тыс. долл. США		
		человеческий	воспроизводимый	природный
Россия	400	200	40	160
США и Канада	326	249	62	16
Зап. Европа	237	177	55	6
Япония, Австралия, Новая Зеландия	302	205	90	8
Ближний Восток	150	65	27	58
В % к итогу				
Россия	100	50	10	40
США и Канада	100	76	19	5
Зап. Европа	100	75	23	2
Япония, Австралия, Новая Зеландия	100	68	30	2
Ближний Восток	100	43	18	39

В приведенных расчетах содержится известная условность, как и во всех международных сопоставлениях, но они отражают масштабы имеющегося потенциала накопленных элементов народного богатства России и его огромные возможности для развития страны.

Из последней таблицы следует, что в России природных ресурсов и источников топлива на душу населения в 10 раз больше, чем в США и Канаде, и в 27 раз больше, чем в Западной Европе. Умело распоряжаясь ими русская национальная власть сумеет «обменять» их и на развитие отраслей созда-

ющих человеческий капитал (здравоохранение, образование, наука и культура), и на формирование воспроизводимого капитала, технику и технологию для отечественных фабрик и заводов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть два основных вывода, вытекающих из уроков русской экономической мысли.

Главные параметры русской модели экономики, определяющие хозяйственный и трудовой менталитет русских людей, должны быть положены в основу при разработке любых экономических мероприятий. Особенно это касается учета трудовой демократии и трудовой мотивации.

Западные критерии и стандарты экономического развития не могут быть ориентирами для русской экономики. В гонке потребления, которую осуществляет западный мир, опираясь на неоплаченный труд и неравноправный обмен со странами — поставщиками сырья и топлива, наше место может быть только в лагере эксплуатируемых Западом. Более того, расточительство западной гонки потребления в условиях сокращающихся ресурсов человечества ведет его к гибели. Русская модель экономики, ориентированная на автаркию, разумный достаток и способная к самоограничению, предоставляет человечеству один из вариантов выживания.

О. Платонов

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. 1—7. М., 1886—1887.

Аксаков И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1—2 (в 4 т.). М., 1888—1896.

Аксаков К. С. О крестьянстве в древней России//*Аксаков К. С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1861.

Аксаков Н. П. И. Д. Беляев//Русская беседа. 1895. № 1.

Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.

Антонов М. Ф. Нравственность экономики. М., 1984.

Антонов М. Ф. Нравственные устои экономики. М., 1989.

Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! Выход есть. М., 2005.

Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики//Вопросы экономики. 1993. № 8.

Афанасьев Э., Калхоун Н., Трофимова И. Христианская этика и православное христианство в деловой жизни России//Вопросы экономики. 1993. № 8.

Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова//Исторические записки. 1945. № 16.

Бак И. С. Экономические воззрения М. В. Ломоносова. (К 175-летию со дня смерти)//Проблемы экономики. 1940. № 4.

Бак И. С. Экономические воззрения М. В. Ломоносова. М., 1946.

Бак И. С. Ломоносов о сельском хозяйстве//Советская агрономия. 1947. № 1.

Безобразов В.П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.

Безобразов В.П. Народное хозяйство России: Москов. (центр.) пром. обл.: В 3 ч. СПб., 1882—1889. Ч. 1—3.

Беляев И.Д. О сельской общине//Русская беседа. Кн. I. 1856.

Беляев И.Д. Договор найма в древнерусском праве//Русский исторический журнал. V. 1918.

Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903.

Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1901.

Беляев И.Д. О земледелии в древней России//Труды Вольного Экономического Общества. I. 1866.

Беляев И.Д. О поземельном владении в Московском государстве. М., 1851.

Беляев И.Д. О сторожевой, засечной и полевой службе на польской Украине Московского государства//Временник ОИДР. Кн. 4. 1846.

Беляев И.Д. Разбор сочинения Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины»//Русская беседа. Кн. I и II. 1856.

Беляев И.Д. Еще о сельской общине (на ответ г. Чичерина, помещенный в «Русском Вестнике», № 12)//Русская беседа. Кн. II. 1856.

Бердяев Н.А. О хозяйстве//*Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990.

Болотов А.Т. Избранные труды. М., 1988.

Болотов А.Т. Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять. Ч. I–III. СПб., 1798—1799.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии. М., 1906.

Булгаков С. Н. История экономической мысли. Т. 1. М., 1916.

Булгаков С. Н. История экономических учений. Лекции, читанные автором в Московском коммерческом институте. Ч. 2. Изд. 7-е. М., 1918.

Булгаков С. Н. Христианская социология//Вестник РХД. 1991. № 161.

Бутми Г. В. К вопросу о денежной реформе. Одесса, 1896.

Бутми Г. В. Золотой монометаллизм и его значение для России. СПб., 1897.

Бутми Г. В. Капиталы и долги. М., 1898.

Бутми Г. В. Золотая валюта. СПб., 1904.

Бутми Г. В. Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1909. СПб., 1904.

Бутми Г. В. Блестящие финансы и разорение России//Прямой путь. 1910. № 3.

Бутми Г. В. О финансовой и денежной системе//Прямой путь. 1910. № 4.

Васильчиков А. И. О самоуправлении. Т. 1—3. СПб., 1869—71.

Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1—2. СПб., 1876.

Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство России. СПб., 1881.

Иосиф Волоцкий. Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ. Приложение к книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев, 1901.

*[Волынский А. П.] «*Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень (1724 г.)//Москвитянин». 1854. № 1, отд. IV, № 2.

Волынский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях…//Памятники древней письменности. СПб., 1881.

Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.

Воронцов В. П. Крестьянская община. М., 1897.

Воронцов В. П. Наши направления. СПб., 1893.

Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.

Воронцов В. П. Очерки теоретической экономии. СПб., 1899.

Воронцов В. П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

Воронцов В. П. К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902.

Воронцов В. П. К истории крестьянской общины в России//Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. 1902.

Воронцов В. П. Судьба капиталистической России. СПб., 1907.

Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. СПб., 1870.

Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. Т. 1—2. М., 1899.

Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святого Синода (988—1738). СПб., 1871.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.

Даниельсон Н. Ф. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития//Русское богатство. 1894. №4—6.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.

«Домострой» по списку Императорского общества истории и древностей российских», с предисловием И. С. Забелина//Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. II. М., 1881.

«Домострой» Сильвестровского извода.//Русская классная библиотека/Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902.

Домострой/Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

Ермолай-Еразм. Благохотящим царем правительница и землемерие//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.. Вып. 33. Л., 1926.

Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота. СПб., 1879.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1—4. СПб., 1901—05.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. СПб., 1884.

Ефименко А. Я. Обычное право. М., 1884.

Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Изд. 2-е. М., 1937.

Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.

Иванцов Д. Черты своеобразия русской экономической мысли//Евразийский сборник. Прага, 1929.

Ильин И. А. О частной собственности//Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.

Исаев А. Артель в России. Вып. 1—2. СПб., 1872—1873.

Исаев А. Община и артель//Юридический вестник. 1884. № 1.

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический опыт древней России. СПб., 1847.

Калачов Н. В. Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864.

Карнович Е. Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в.//Современник. 1858. № 10, отд. IV.

Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в.//Вестник Академии наук СССР. № 3. 1950.

Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890.

Качоровский К. Р. Бюрократический закон и крестьянская община//Русское богатство. 1910. № 7—8.

Качоровский К. Р. Быть или не быть общине в России//Заветы № 2. 1912.

Клочков М. В. Посошков о крестьянах//Великая реформа. Т. 1. М., 1911.

Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин, московский государственный человек XVII в.//Научное слово. Кн. 3. М., 1904.

Кокорев В. А. Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.

Коринфский А. Народная Русь. М., 1995.

Кошелев А. И. О сословиях и состояниях в России. М. 1881.

Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.

Лешков В. Н. Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии//В воспоминание 12 января 1855 г. М., 1855.

Лешков В. Н. Общинный быть древней России. Б. м. Б. г.

Лешков В. Н. Русская промышленность по указам Петра Великого//Юридический Вестник. 1876. Январь — февраль.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг.». М., Л., 1952.

В т. 6 включены труды по общественно-экономическим вопросам 1761—1763 гг.: «[Темы статей]», «[О сохранении и размножении российского народа]», «Примечания [об обязанностях духовенства]», «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостройства» (С. 377-—13). Из вошедших в том трудов по географии 1763—1765 гг. наибольшее значение имеют «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков…»

Ломоносов М. В. (о нем). *Тихомиров И. А.* О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии//Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1914.

Менделеев Д. И. Сочинения (экономические работы). Т. XVIII–XXI. М., 1950—1952.

Менделеев Д. И. К познанию России. Изд. 1—7-е. СПб., 1906—1912; советское изд.: М., 1938.

Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.

Меньшиков М. О. Из писем ближним. М., 1991.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

Национальные традиции и экономическая система общества//Вопросы экономики. 1993. № 8.

«*Нила Сорского* предание и устав»//Памятники древней письменности и искусства. Вып. 179. СПб., 1912.

Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. СПб., 1911.

Оль П., Шарапов С. Ф. Мнимое перепроизводство серебра. СПб., 1889.

Ордин-Нащокин А. Л. (о нем) *Чистякова Е. В.* Социально-экономические взгляды А. Л. Ордин-Нащокина (XVII в.). Воронежский государственный университет//Труды. Т. XX. Сборники работ по истории. Воронеж, 1950.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

Писемский В., Калашнов Ю., Малофеева Е., Платонова Е. Православие и экономика//Журнал Московской патриархии. 1992. №9.

Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях//Вопросы экономики. 1993. №8.

Платонов О. А. Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990.

Платонов О. А. Русский труд. М., 1991.

Платонов О. А. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001.

Платонов О. А. (сост.). Тысяча лет русского предпринимательства. М., 1995.

Платонов О. А. (сост.). Экономика русской цивилизации. М., 1995.

Погодин М. Биографические сведения о Посошкове//Сочинения Посошкова И. Т. М., 1863.

Погодин М. Крестьянин Иван Посошков — государственный муж времен Петра Великого//Москвитянин. 1842. №3, ч. II.

Погодин М. Посошков по вновь открытым документам//Русский вестник. 1863. Т. 45.

Посников А. Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Закончена в 1724. Издана впервые М. Погодиным. М., 1842. Изд. 2-е по пого-

динскому изд., 1911, серия «Памятники русской истории», под ред. преподавателей русской истории в Московском университете, с предисловием А. Кизеветтера. В 1937 г. вышла под ред., со вступительной статьей и примечаниями Б. Б. Кафенгауза. В 1951 г. вышла в издательстве Академии наук СССР, серия «Литературные памятники», под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза.

Посошков И. Т. (о нем). «Крестьянин-государственник Иван Тихонович Посошков». Краткая биография и его государственные мысли. Изд. редакции еженедельника «Дым Отечества». СПб., 1914 (без автора).

Посошков И. Т. (о нем). *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. Исторический очерк. *М., 1902.*

Посошков И. Т. (о нем). *Брикнер А.* Иван Посошков. Соч., ч. 1. «Посошков как экономист». СПб., 1876.

Посошков И. Т. (о нем), *Пашков А.* Экономические взгляды И. Т. Посошкова. «Известия Академии наук СССР» № 4. Отделение экономики и права. М., 1945.

Посошков И. Т. (о нем). *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989.

Православная экономика и нравственная политика. М., 1996.

«Приговор царский о кормлениях и о службе»//Полное собрание русских летописей. Т. XIII, первая половина. СПб., 1904.

«Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого». Казань, 1855.

[Рычков П. И.]. Записки Петра Ивановича Рычкова, сообщено Н. Д. Рычковым//Русский архив. 1905. № 10. Т. III.

Рычков П. И. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина//Труды Вольного экономического общества. Ч. XVI. СПб., 1770.

Рычков П. И. О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти//Труды Вольного экономического общества. Ч. II. СПб., 1766.

Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.

Рычков П. И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.

Рычков П. И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.

[Рычков П. И.]. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Подпись: NN.//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль, апрель, декабрь.

Рычков П. И. Письмо о управлении в деревенском житии//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757, ноябрь.

[Рычков П. И.]. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. Подпись: Р.//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.

[Рычков П. И.]. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губ.//Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май — июнь.

Рычков П. И. (о нем). *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.

Самарин Ю. Ф. Общинное владение//Русский вестник. 1858. № 13.

Самарин Ю. Ф. Поземельная собственность и общинное владение//Русский вестник. 1858. № 1—6.

Сборник материалов, касающихся артели в России. СПб., 1873.

Соловьев В. С. Оправдание добра//Соловьев В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1990.

Сумароков А. П. Мнение о Наказе, сочиненном Екатериною II… с собственноручными замечаниями государыни//Сборник Русского исторического общества. Т. X. СПб., 1872.

Сумароков А. П. О всегдашней равности в продаже товаров//Журнал «И то и сьо», февраль. 1769, шестая неделя.

Сумароков А. П. О домостроительстве. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. X. М., 1787.

Сумароков А. П. Письмо Вольному экономическому обществу. 1766//*Ходнев А.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865.

Сумароков А. П. О домостроительстве//Русская проза XVIII в. М., Л., 1950.

Татищев В. Н. Краткие экономические до деревни следующие записки//Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. XII, отд. «Смесь». М., 1852.

Татищев В. Н. Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной// *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. Приложение XVI. М., 1861.

Татищев В. Н. Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег//*Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. Приложение XVII. М., 1861.

Татищев В. Н. Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств//В сборнике работ В. Н. Татищева «Избранные труды по географии России». М., 1950.

Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793.

Татищев В. Н. Например представление о купечестве и ремеслах//Исторический архив VII. М., 1951.

Татищев В. Н. На память о делах астраханских//Исторический архив VII. М., 1951.

Татищев В. Н. Заводской устав//Горный журнал. 1831. Кн. 1—3, 5—10.

Татищев В. Н. Наказ шихтмейстеру//Исторический архив VI. М., Л., 1951.

Татищев В. Н. Инструкция В. Н. Татищева по управлению имениями. 1742//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.)/Сост. Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. М., 1987.

Татищев В. Н. О географии вообще и о русской//Избранные труды по географии России. М., 1950.

Татищев В. Н. Краткие экономические по деревне следующие записки//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.). М., 1987.

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Тихомиров Л. А. Земля и фабрика. М., 1899.

Тихомиров Л. А. Вопросы экономической политики. М., 1900.

«Труды Вольного экономического общества». Ч. 1—52. СПб., 1765—1798.

Фролов А. Деньги земледельческой страны. М., 1898.

Холодков В. Православные традиции в российском землевладении//Вопросы экономики. 1993. № 8.

Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1982.

[Чулков М.]. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I–VII. СПб.; М., 1781—1788.

Чулков М.Д. История краткая российской торговли. М., 1788.

[Чулков М.Д.]. Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии. М., 1788.

Чулков М.Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. М., 1788.

Чулков М.Д. Економическия записки для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу. М., 1788. Изд. 2-е. М., 1790.

Чулков М.Д. (о нем). Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905.

Шарапов С.Ф. Сочинения. Т. 1—9. М., 1900—1906.

Шарапов С.Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., 1898.

Шарапов С.Ф. Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб., 1895.

Шарапов С.Ф. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886.

Шарапов С.Ф. По русским хозяйствам. М., 1893.

Шарапов С.Ф. Министерство земледелия и его местные агентства. М., 1892.

Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003.

Щапов А. Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Казань, 1859.

Щепкин М. Экономические понятия в России в конце XVIII в.//Московские ведомости. 1859. № 142, 143, 154, 172, 177.

Щербатов А. Г. Письма об экономическом положении России. М., 1899.

Щербатов А. Г. Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. М., 1905.

Щербатов А. Г. Статьи кн. А. Г. Щербатова во время войны о народном русском денежном обращении. М., 1905.

Щербатов А. Г. Обновленная Россия. М., 1908.

Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 1909.

Щербатов А. Г. Государственно-народное хозяйство в ближайшем будущем. М., 1910.

Щербатов А. Г. Государственная оборона России. М., 1912.

«Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов… В пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой». Ч. 1—40. Издатель Н. И. Новиков. М., 1780—1789.

Эрн В. Ф. Христианское отношение к собственности. М., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика русской цивилизации

Общинная модель хозяйства ……5
Экономика «Домостроя» ……..10
Труд как добродетель ……15
Отношение к деньгам и богатству ……19
Трудовая мотивация. Оплата труда ……21
Роль ярмарок ……..24
Община и артель ……25
Идеология русского хозяйства ……32
Экономическое учение Талмуда и капитализм ……..43
Автаркия ……63
Отрицание самобытных основ русской экономики ……..67
Главные итоги ……72

Домостроительство, или Основы хозяйствования

Русская правда ……74
Поучение Владимира Мономаха ……78
Устав Князя Ярослава о мостех ……80
Рукописание князя Всеволода ……81
Наставление отца к сыну ……83
Домострой ……84

Век перемен

И. Т. Посошков. О скудости и богатстве …….....……..92

В. Н. Татищев. Нравоучения жизни доброго крестьянина и рукодельника …….....…….126

А. П. Сумароков. Домостроительство …….....…133

А. Т. Болотов. Каким образом править деревнями ……136

Вечные ценности

К. Д. Кавелин. Взгляд на русскую сельскую общину ……...……..172

А. И. Васильчиков. Община против коммунизма ……..……..181

Н. А. Карышев. Общинное землепользование ……...……185

А. Н. Энгельгардт. Община и артельное хозяйство ……...…….268

Н. В. Калачов. Артели в древней и нынешней России ……...…….272

Сохранить хозяйственные традиции

Т. В. Прохоров. О богатении …….....….325

В. А. Кокорев. Экономические провалы …….....……327

И. К. Бабст. Умножение народного капитала ……....…345

Н. П. Гиляров-Платонов. Работа и труд …….....…..348

В. П. Воронцов. Народное производство против капитализма …..….353

И. И. Каблиц. За общинные и артельные порядки ……395

Д. И. Менделеев. Промышленность: богатство и капитал, община и артель …….....……..430

Философия русского хозяйства

С. Н. Булгаков. Христианское хозяйство ……..…..444

В. Ф. Эрн. Христианский идеал экономики ……..…..460

Н. А. Бердяев. О хозяйстве …….....…471

И. А. Ильин. Частная собственность ……...……485

На защиту национального хозяйственного строя

М. Антонов. Экономическое учение славянофилов ……....491

С. Ф. Шарапов. Экономика в русском самодержавном государстве ….....514

Л. А. Тихомиров. Национальная экономика ……..…649

А. Фролов. Деньги земледельческой страны ……679

Г. В. Бутми. Капиталы и долги ……....……..723

М. О. Меньшиков. Замкнутое богатство ……..…744

Уроки русской экономической мысли

Предвидения русских экономистов …….....762

Чему учит история русской экономики …….....…….771

Основная литература …….....……782